ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

新編五代史平話

ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА

LXV

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(СИНЬ БЯНЬ У-ДАЙ ШИ ПИНХУА)

Перевод с китайского,
исследование и комментарий
Л.К. Павловской

МОСКВА · 1984

ББК 84.3(0)4(5Кит)
З-28

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
«ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

О. Ф. Акимушкин, А. Н. Болдырев, Г. М. Бонгард-Левин (зам. председателя), *И. С. Брагинский, Г. Ф. Гирс* (зам. председателя), *В. Н. Горегляд, П. А. Грязневич, Д. В. Деопик, И. М. Дьяконов, Г. А. Зограф, Дж. В. Каграманов, У. И. Каримов, А. Н. Кононов* (председатель), *Е. И. Кычанов, Л. Н. Меньшиков, Е. П. Метревели, Э. Н. Темкин* (отв. секретарь), *С. С. Цельникер, К. Н. Юзбашян*

Ответственный редактор
Л. Н. Меньшиков

Заново составленное пинхуа по истории Пяти дин-
З-28 настий. Пер. с кит., исслед. и коммент. Л. К. Павловской. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

447 с.

Впервые издаваемый в русском переводе народный исторический роман XIII в.— образец одного из жанров китайской простонародной повествовательной литературы. Перевод сопровождается исследованием и комментариями.

З $\frac{4703000000\ 210}{013(02)-84}$ 117-84 ББК 84 3(0)4(5Кит)

© Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984.

Полный список книг, изданных в сериях «Памятники литературы народов Востока» и «Памятники письменности Востока» в 1959—1976 гг., опубликован в брошюре «Памятники литературы народов Востока. Памятники письменности Востока. Каталог серийных изданий 1959—1976» (М., 1977).

ОЧЕРЕДНЫЕ ИЗДАНИЯ СЕРИЙ, ВЫШЕДШИЕ В СВЕТ С 1977 г.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА. ПЕРЕВОДЫ»

IV. Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в канун экспедиции Бонапарта (1776—1798). Перевод, предисловие и примечания Х. И. Кильберг. М., 1978.

VI, 2. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарии. Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М., 1978.

VI, 3. Эвлия Челеби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Перевод и комментарий. Вып. 3. Земли Закавказья. М., 1983.

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

II, 3. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Часть 3. Надписи X—XX вв. Новые находки. Издание текстов, переводы, комментарии, статья и приложения Л. И. Лаврова. М., 1980.

VII. Сутра о мудрости и глупости (Дзанлундо). Перевод с тибетского, предисловие и примечания Ю. М. Парфионовича. М., 1978.

XXXII, 3. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том III. Перевод с китайского, вступительная статья и комментарий Р. В. Вяткина. М., 1984.

XXXV. Е Лун-ли. История государства киданей (Цидань го чжи). Перевод с китайского, введение, комментарий и приложения В. С. Таскина. М., 1979.

XXXVIII. Лес категорий. Неизвестная китайская лэйшу в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, предисловие и комментарий К. Б. Кепинг. М., 1983.

XLI. Кацурагава Хосю. Краткие вести о скитаниях в северных водах (Хокуса монряку). Перевод с японского, комментарий и приложения В. М. Константинова. М., 1978.

XLVII. Абу Хамид ал-Газали. Воскрешение наук о вере (Ихйа улум ад-дин). Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина. М., 1980.

XLIX. Сунь цзы в тангутском переводе. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с тангутского, введение, комментарий, грамматический очерк и словарь К. Б. Кепинг. М., 1979.

LII. Бухарский вакф XIII века. Факсимиле. Издание текста, перевод с арабского и персидского, введение и комментарий А. К. Арендса, А. Б. Халидова и О. Д. Чехович. М., 1979.

LIV. Мирза Бади-диван. Маджма ал-аркам («Предписания фиска») (Приемы документации в Бухаре XVIII в.). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания А. Б. Вильдановой. М., 1981.

LV. Юань Мэй. Новые [записи] Ци Се (Синь Ци Се), или О чем не говорил Конфуций (Цзы бу юй). Перевод с китайского, предисловие, комментарий и приложения О. Л. Фишман. М., 1977.

LVI. Баоцзюань о Пу-мине. Факсимиле ксилографа. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Э. С. Стуловой. М., 1979.

LVII, 1. Китайские документы из Дуньхуана. Вып. 1. Факсимиле. Издание текстов, перевод с китайского, исследование и приложения Л. И. Чугуевского. М., 1983.

LVIII. Хунмин чоным («Наставление народу о правильном произношении»). Исследование, перевод с ханмуна, примечания и приложения Л. Р. Концевича. М., 1979.

LIX. Краткая история Вьета (Вьет шы лыок). Перевод с вэньяня, вступительная статья и комментарий А. Б. Полякова. М., 1980.

LX. Мукундорам Чокроборти Кобиконкон. Песнь о благодарении Чанди («Чондимонгол»). Перевод с бенгальского, вступительная статья, комментарий и указатели И. А. Товстых. М., 1980.

LXI. Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан («Древняя история Курдистана»). Том 1. Факсимиле рукописи. Издание текста, предисловие и указатели К. К. Курдоева и Ж. С. Мусаэлян. М., 1984.

LXII. Альфонсо. Мейашшер акоб («Выпрямляющий кривое»). Факсимиле рукописи Британского музея. Издание текста, перевод с древнееврейского, введение и глоссарий Г. М. Глускиной. Комментарий Г. М. Глускиной, Б. А. Розенфельда и С. Я. Лурье. М., 1983.

LXIII. Абу-л-Касим Халаф ибн Аббас аз-Захрави. Трактат о хирургии и инструментах. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с арабского, предисловие, примечания и указатели З. М. Буниятова. М., 1983.

LXIV. Бяньвэнь по Лотосовой сутре. Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с китайского, исследование и комментарий Л. Н. Меньшикова. М., 1984.

LXVI. Мухаммад Риза Барнабади. Тазкире («Памятные записки»). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Н. Н. Туманович. М., 1984.

LXVII. Хилал ас-Саби. Установления и обычаи двора халифов (Русум дар ал-хилафа). Перевод с арабского, предисловие и примечания И. Б. Михайловой. М., 1983.

LXVIII. Хишам ал-Калби. Книга об идолах (Китаб ал-аснам). Перевод с арабского, предисловие и примечания В. В. Полосина. М., 1984.

LXIX. Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника (История курдского княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рукописи. Издание текста, перевод с персидского, введение и примечания Е. И. Васильевой. М., 1983.

LXX. Ямато моногатари (Повесть о Ямато). Перевод с японского, исследование и примечания Л. М. Ермаковой. М., 1982.

LXXI. Цаньян Джамцо. Песни, приятные для слуха. Издание текста, перевод с тибетского, исследование, комментарий и приложения Л. С. Савицкого. М., 1983.

ГОТОВЯТСЯ К ИЗДАНИЮ

СЕРИЯ «ПАМЯТНИКИ ПИСЬМЕННОСТИ ВОСТОКА»

XXXII, 4. Сыма Цянь. Исторические записки («Ши цзи»). Том IV. Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина.

LXXII. Курдские народные песни из рукописного собрания ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Издание текстов, перевод, предисловие и примечания Ж. С. Мусаэлян.

LXXIII. Памятники индийской письменности из Центральной Азии. Вып. 1. Издание текстов, перевод, комментарии и введение Г. М. Бонгард-Левина и М. И. Воробьевой-Десятовской.

LXXIV. Рашид ад-Дин Ватват. Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хадаик ас-сихр фи дакаик аш-шир). Перевод с персидского, исследование и комментарий Н. Ю. Чалисовой.

LXXV. Мухаммад ибн Абд ал-Карим аш-Шахрастани. Книга о религиях и сектах (Китаб ал-милал ва-н-нихал). Часть 1. Ислам. Перевод с арабского, введение и комментарий С. М. Прозорова.

СОДЕРЖАНИЕ

Л. К. Павловская. *Пинхуа* — народный исторический роман 9

Введение 9

Глава первая 24

Проблема исторических источников и приемы использования их в *пинхуа* 24

О датировке памятника 35

Официальные документы в тексте *пинхуа* 45

Глава вторая 60

Особенности композиции и приемы изложения истории . . . 60

Время и элементы устного сказительского искусства 77

Об истолковании исторических фактов 86

Заключение 93

О переводе 94

Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий 95

Пинхуа по истории династии Лян 96

Пинхуа по истории династии Тан 129

Пинхуа по истории династии Цзинь 199

Пинхуа по истории династии Хань 254

Пинхуа по истории династии Чжоу 275

Комментарий 355

Приложения 381

Библиография 383

Список иероглифов, встречающихся в тексте 389

Таблица разночтений текстов «Всеобщего зерцала» 390

Указатель имен 395

Указатель географических названий 420

Перечень названий чинов, должностей, титулов и государственных учреждений, упоминаемых в тексте 432

Summary 444

ПИНХУА — НАРОДНЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ РОМАН

ВВЕДЕНИЕ

В 1901 г. китайский коллекционер Цао Юаньчжун нашел в одной из книжных лавок г. Ханчжоу ксилограф утерянного и забытого произведения. Это было *Синь бянь у-дай ши пинхуа* — «Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий» (далее — УДПХ). В 1911 г. ксилограф впервые был опубликован. Его издал факсимиле друг Цао Юаньчжуна Дун Кан (господин Дун из Уцзиня — *Уцзинь Дун ши Сунфэнь ши инкань, Цин Сюань-тун синь-хай*) с небольшим послесловием Цао Юаньчжуна.

В 1925 г. издательство «Шанъу иньшугуань» выпустило в Шанхае новое издание этого произведения, в котором текст был размечен современной пунктуацией[1]. Наконец, в 1954 г. появилось еще одно воспроизведение УДПХ — книгу выпустило шанхайское издательство «Гудянь вэньсюе». В основу последнего легло издание Дуна, выверенное и значительно исправленное. Вышедшие из употребления сокращения заменены в нем полными вариантами иероглифов, унифицированы имена и географические названия, простонародные написания иероглифов заменены их литературными вариантами, текст разделен на абзацы и размечен современной пунктуацией. Кроме того, в текст были введены обозначения дефектных иероглифов (пустой квадрат), восстановить которые не представлялось возможным. Как правило, количество квадратов соответствовало числу поврежденных иероглифов. В том случае, когда дефектные написания подсчитать точно оказывалось невозможно, указывалось, что в тексте пропуск (*юань цюе*).

Последнее издание воспроизводилось дважды — в 1954 и 1955 гг. При второй перепечатке, как выясняется из сравнения текстов, была внесена небольшая дополнительная правка; так, например, был восстановлен иероглиф 魏 *вэй* вместо

[1] Оба эти издания в библиотеках Советского Союза отыскать не удалось.

[1]* *куй*, употреблявшегося в имéнах и географических названиях издания 1954 г.[2].

УДПХ представляет собой сравнительно большое по объему произведение, состоящее из пяти частей, излагающих соответственно историю пяти династий: Лян, Тан, Цзинь, Хань и Чжоу. Все части состоят из двух глав (*цзюаней*). Произведение сохранилось не полностью: отсутствуют вторые главы (*цзюани*) в первой (Лян) и четвертой (Хань) частях, нет начала третьей (Цзинь) части, отсутствует конец пятой (Чжоу). Каждой части предшествовало оглавление; в первой части оно не сохранилось, а от оглавления к *цзюани* 1 третьей части остались лишь названия трех последних эпизодов повествования.

Эпоха Сун (960—1279) известна как время расцвета различных видов народного искусства. Одним из популярнейших видов его было искусство народных рассказчиков — *шошудов*. По тематике повествований рассказчики делились на несколько категорий. Источники того периода по-разному называют эти категории, указывают их разное количество[3], однако все неизменно выделяют *цзян ши* — «рассказывание истории» как один из самых популярных и распространенных видов устного повествования. В сунских источниках называются имена наиболее известных исполнителей и интерпретаторов исторической тематики, говорится об их специализации на отдельных сюжетах. Так, Мэн Юаньлао в составленном им в начале XII в. описании Кайфэна сообщает, что рассказчик Инь Чанмай рассказывал только историю Пяти династий, другие рассказывали о периоде Трех царств[4] и т. д. У Цзыму в описании Ханчжоу конца XIII в. не только перечисляет тематику рассказчиков истории, но и называет конкретное сочинение, пересказываемое рассказчиками,— *Тун цзянь*[5], т. е. «Всеобщее зерцало, в управлении помогающее», составленное Сыма Гуаном (далее — «Всеобщее зерцало»).

Из этих же и других источников мы узнаем, что рассказчиками были как мужчины, так и женщины, люди здоровые и калеки (слепцы), одни неграмотные, другие, наоборот, выделялись начитанностью, великолепным знанием истории, отличной памятью, хорошим стилем изложения[6]. Все они за доступную плату

* По техническим причинам часть иероглифов, встречающихся в издании, вынесена в список, помещенный в приложении. На них даются цифровые отсылки.

[2] Следует отметить, что, несмотря на проделанную издательством, несомненно, большую работу, в тексте сохранились ошибки и описки; они встречаются в написании отдельных иероглифов, имен и географических названий. Все эти случаи мы старались оговорить в комментарии.

[3] Подробнее об этом см.: А. Н. Желоховцев. Школы сунского сказа; он же. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая, с. 51—55.

[4] Мэн Юаньлао. Записи воспоминаний о Восточной столице, с. 30.

[5] У Цзыму. Записи снов о просе, с. 313.

[6] У Цзыму. Записи; W. L. Idema. Storytelling and the Short Story in China, с. 4—12; он же. Some Remarks, с. 128—132.

рассказывали своим слушателям известные им сюжеты. Искусство рассказчиков было искусством народным, процветавшим на рынках и площадях больших городов средневекового Китая [7].

УДПХ — единственное сохранившееся до наших дней повествовательное произведение на сюжет Пяти династий, в котором письменно зафиксирована попытка изложить историю последних десятилетий IX (конец правления Тан) и первой половины X в. (период Пяти династий) в традициях произведений простонародной литературы. Это, по-видимому, запись одного из вариантов исторических повествований сунской эпохи. Автор его неизвестен.

Вопрос об авторах произведений народной литературы (*хуабэнь*, *пинхуа*) весьма сложен и пока еще не изучен, хотя некоторые попытки этого рода исследователями предпринимаются [8]. Кто были авторы *пинхуа* — сами рассказчики или тексты для них писались кем-то, являются ли *пинхуа* результатом индивидуального творчества или дошедшие до нас тексты представляют собой компиляцию и редакцию разных вариантов повествований,— неизвестно. Что касается УДПХ, то, не ставя своей целью исследовать данный вопрос, можно высказать предположение, что оно принадлежит одному автору, ибо все произведение имеет единую, весьма четкую композицию, единые принципы изложения исторического материала, обращает на себя внимание единообразие языка и стиля [9]. Написано оно, видимо, человеком образованным, хорошо знавшим и историю Пяти династий, и историю Китая вообще.

Во всех частях УДПХ четко выделяется два пласта повествования — собственно историческое (пересказ истории) и авторское (с использованием фольклорных материалов); соответственно и в языке наблюдается два слоя: литературный язык — *вэньянь* там, где излагается собственно история, и разговорный — *байхуа* в авторских частях, повествующих о детстве и юности героев. В основе своей это произведение прозаическое, однако повествование постоянно перемежается стихотворными вставками, которых насчитывается свыше пятидесяти (стихотворения разных поэтических жанров целиком или в отрывках). Авторы трех из них в тексте названы (Не Ичжун, Шао Юн, Ду Фу), остальные не указаны. Не пытаясь специально исследовать вопрос о том, кому принадлежат стихи, включенные в *пинхуа*, нам удалось установить, что здесь цитируются такие знаменитые поэты, как Ван

---

[7] Подробнее об устных повествованиях сунской эпохи см., например: Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае, с. 50—56.

[8] См., например: А. Н. Желоховцев. Хуабэнь, с. 90—92; W. L. Idema. Some Remarks, с. 146—149.

[9] Аналогичную точку зрения высказывал, например, Тань Чжэнби (История развития китайской художественной прозы, с. 277); М. В. Софронов (Об источнике и времени составления *Синь бянь удай шч пинхуа*, с. 146), наоборот, говорит о «составителях» УДПХ.

Вэй, Пи Жисю, Бо Цзюйи, Ли Бо, Ли Хэ, лянский У-ди и также Ду Фу.

Начало изучению УДПХ положило упомянутое выше послесловие Цао Юаньчжуна. В этой очень скромной по объему заметке автор сумел поставить два важных вопроса: о характере памятника и времени его создания. По мнению автора, УДПХ следует отнести к популярной в эпоху Сун категории рассказывания истории — *цзянши*, о которой говорилось в сочинении У Цзыму «Записи снов о просе». Рассказчики истории[10] рассказывают «Всеобщее зерцало», события эпох Хань и Тан, а также биографии замечательных людей; рассказывают они о рождении и гибели государств, о сражениях и войнах». Как считал Цао Юаньчжун, произведение это появилось в период «перехода на юг», т. е. в то время, когда столица сунского Китая была перенесена из Кайфэна в Ханчжоу (1127 г.) и в стране установилось правление династии Южная Сун (1127—1279).

Изданное Дун Каном сочинение не сразу привлекло серьезное внимание ученых, однако о нем стали, как правило, упоминать в общих курсах истории литературы. Первым обратил на него внимание Лу Синь, который в 1923 г., несколько уточняя определение, данное Цао Юаньчжуном, отнес УДПХ к той категории произведений на историческую тематику, где рассказывалась «История Пяти династий», о которой упоминает Мэн Юаньлао. Он указал также на характерное для этого сочинения сочетание собственно исторического повествования с многочисленными стихотворными вставками и авторскими отступлениями (нередко, как мы увидим, дидактического характера) и на широкое использование фольклорных мотивов; отметил Лу Синь и идею предопределенности, пронизывающую повествование и заложенную уже во вступительном стихотворении[11].

Чжэн Чжэньдо (1932 г.) подчеркивал, что в изложении главных событий автор УДПХ следует официальной истории (*чжэнши* — имеется в виду «История Пяти династий»); он особо отметил достоинства языка и стиля произведения; сомневаясь в сунском происхождении сочинения, Чжэн Чжэньдо высказал предположение, что УДПХ могло быть напечатано при династии Юань (1280—1367)[12].

Чэнь Жухэн (1936 г.) выделял ценность фольклорных частей произведения, которые дают представление о легендах и преданиях, бытовавших в Китае в период создания УДПХ; при опре-

[10] В цитате, приведенной Цао Юаньчжуном, сказано: *цзян шичжэ* «рассказчики истории» (УДПХ, 1955, с. 249), в то время как в «Записях» сказано: *цзян ши шучжэ* «рассказчики исторических книг» (У Цзыму. Записи, с. 313).

[11] Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной прозы, с. 116—121.

[12] Чжэн Чжэньдо. Иллюстрированная история китайской литературы, с. 559; он же. Сборник статей о китайской литературе, с. 498—501.

делении последнего Чэнь Жухэн колебался между эпохами Сун и Юань [13].

Все последующие китайские исследователи, писавшие об УДПХ, как правило, в сводных историях китайской литературы или китайской прозы, существенно нового в изучение произведения не внесли. Они в той или иной степени повторяли уже сказанное и лишь подчеркивали отдельные детали, не отмеченные более ранними исследователями [14].

Первая работа, специально посвященная УДПХ, появилась лишь в 1950 г. Это была диссертация американского синолога Дж. Крампа об особенностях языка памятника [15].

Почти все авторы вслед за Чжэн Чжэньдо отмечали, что изложение событий в УДПХ следует в основном официальной истории, но никто не попытался проверить справедливость этого утверждения по источникам. Только в 1960 г. первую попытку такого рода предпринял советский китаевед М. В. Софронов. Он обратил внимание на упоминание У Цзыму «Всеобщего зерцала» как одного из источников повествований для рассказчиков истории и установил, что исторической основой УДПХ является текст «Всеобщего зерцала» [16].

Таковы главные результаты исследований, проведенных в течение шестидесяти лет, прошедших со времени первого издания памятника. Из изложенного видно, что УДПХ как литературное произведение, имеющее самостоятельное значение в истории китайской литературы, до сих пор изучено недостаточно. Усилия китаеведов сводились в основном к самому общему суждению о произведении и установлению времени его написания.

УДПХ — не единственное произведение, в название которого входит слово *пинхуа*, по-разному понимаемое (и переводимое) исследователями китайской литературы. Различия в понимании и толковании термина объясняются, на наш взгляд, прежде всего тем, что произведения этого жанра изучены до сих пор мало.

---

[13] Чэнь Жухэн. Об истории *шошу*, с. 35—36.

[14] Так, например, Тань Чжэнби (История развития, с. 277—278) приходит к выводу, что УДПХ появилось позже, чем «Пинхуа о Трех царствах»; Го Чжэньи (История китайской художественной прозы, с. 218—220) обращает внимание на сходство в изложении истории Трех царств в названных выше *пинхуа*; Чжао Цзиншэнь (Заново переработанная история китайской литературы, с. 186) выделяет в изложении историю династии Хань, поскольку она дает материал для сопоставления с произведениями других жанров, где этот сюжет разрабатывается,— «Чжугундяо о Лю Чжиюане» и пьесой «Белый заяц»; «История китайской литературы» (1960, с. 138) отмечает в УДПХ «патриотизм в сопротивлении иноземному господству»; Лю Дацзе указывает на некоторые искажения в изложении истории восстания Хуан Чао (Лю Дацзе. История развития китайской литературы, с. 734).

[15] J. Crump. Some Problems in the Language. К сожалению, данная работа оказалась нам недоступной.

[16] М. В. Софронов. Об источнике, с. 144—149; «Всеобщее зерцало». Т. 1—10.

Только сравнительно недавно, в 50—60-е годы нашего века, они привлекли внимание специалистов. Исследования таких жанров китайской литературы, как *бяньвэнь* и исторический роман, закономерно вызвали интерес и к *пинхуа* — одному из народных источников исторического романа и связующему звену, позволяющему проследить процесс развития народной литературы от *бяньвэнь* к историческому роману (на что в свое время указал еще Сунь Кайди) [17].

По поводу самого термина *пинхуа* были высказаны различные суждения. Так, Огава Тамаки [18] и Я. Прушек [19] считают, что *пинхуа* — это комментарии к картинам, по которым рассказчики вели повествования. Чжан Чжэнлян [20] и Дж. Крамп [21] (эту же точку зрения склонен разделить и В. Л. Идема [22]) рассматривают *пинхуа* как результат комментирования стихов на исторические темы. С понятием комментария пытаются связать и толкование перевода этого термина как «комментированного повествования». Так поступает, например, Б. Л. Рифтин [23], который опирается здесь, видимо, на мнение Чэн Ичжуна [24]. М. В. Софронов переводит *пинхуа* как «простое изложение» [25]. А. Н. Желоховцев предлагает понимать *пинхуа* как «толкование исторических тем», ссылаясь на жанр «толковников» в древнерусской литературе [26].

Мы считаем, что точки зрения Чэн Ичжуна, Б. Л. Рифтина и А. Н. Желоховцева отражают (в переводе) лишь отдельные стороны сути термина. Как представляется, *пинхуа* — это прежде всего сюжетный пересказ исторических сочинений или тем в авторской интерпретации с оценкой излагаемых событий; характерной особенностью *пинхуа* является и наличие в них комментария — объяснения автором некоторых имен, чинов и т. д. (как мы увидим ниже, эти черты связывают *пинхуа* как с собственно историческими сочинениями, так и с произведениями простонародной буддийской литературы). Именно так мы понимаем этот жанр и соответственно термин *пинхуа* переводим как «повествование с авторской оценкой» (знак *пин* в значении «взвешивать», «оценивать»).

Основу такому пониманию и толкованию иероглифа *пин* следует искать в китайской историографической традиции. Отчетливо

---

[17] Сунь Кайди. *Суцзян, шохуа* и рассказы на *байхуа*.
[18] Огава Тамаки. *Бяньвэнь* и исторические повествования, с. 77—80.
[19] J. Průšek. The Origins and Authors of the hua-pen, с. 111—112.
[20] Чжан Чжэнлян. Рассказывание истории и стихи, воспевающие историю.
[21] J. K. Crump. Ping-hua and the Early History of the San-kuo chih, с. 249—256.
[22] W. L. Idema. Some Remarks, с. 128.
[23] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 57.
[24] Чэн Ичжун. *Хуабэнь* времен Суп и Юань, с. 46.
[25] М. В. Софронов. Об источнике, с. 145.
[26] А. Н. Желоховцев. Хуабэнь, с. 48.

звучащее слово историка, высказывающего свое суждение по поводу излагаемых им событий, его мнение об исторических персонажах мы наблюдаем уже в I в. до н. э. Сыма Цянь вводит свою оценку формулой: «Господин Великий астролог говорит». Бань Гу в «Истории Ранней династии Хань» употребляет формулу: «Восхваление (*цзань*) гласит». Позднее авторы исторических сочинений стали выделять в конце глав свое мнение о событиях и лицах словами *лунь* («рассуждение о») и *пин* («оценка») [27]. Отметим, что слово *пин* здесь то же, что в термине *пинхуа*. Многовековая традиция китайских историков — оценивать излагаемое с определенных позиций — перешла и в литературу, когда исторические события стали одним из ее сюжетов, а исторические сочинения — одним из источников. Эта традиция сохранилась, естественно, наиболее полно в произведениях на историческую тематику. Критерии, методы и форма оценки трансформировались, но сам факт оценки остался и на определенном этапе становления исторических повествований был, видимо, зафиксирован в термине *пинхуа*. Из *пинхуа* традиция оценки перешла и в китайский исторический роман. Так, в романе «Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий» (*Цань Тан У дай ши яньичжуань*) [28] оценки — *пин* — по-прежнему даются отдельно, в конце глав (*цзюаней*) [29]. Сохраняется это и в романе Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (*Сань го чжи яньи*), где описанию смерти того или иного персонажа сопутствует и его оценка [30].

На оценку авторами — рассказчиками излагаемых событий указывал еще Ло Е в описании повествований XIII в.: «Для рассказов и рассуждений есть только язык длиною в три *цуня*, а взвешивают и оценивают (*пин*) им глубокое и мелкое в Поднебесной» [31].

Именно эту сторону повествования подчеркивает в *пинхуа* и Сунь Кайди, давая разбор терминов *суцзян, шохуа, пинхуа, цыхуа* и *шошу*: «Если исходить из того, кому предназначены повествования, то это *суцзян* (повествования для простолюдинов.— *Л. П.*); если исходить из того, что по манере изложения это

[27] См.: Ю. Л. Кроль. Сыма Цянь — историк, с. 72.

[28] Авторство романа приписывается Ло Гуаньчжуну (см.: Сунь Кайди. Каталог произведений китайской популярной повествовательной прозы, с. 48).

[29] Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий. Шанхай, 1929. На титульном листе издания в заглавии перепутан порядок написания иероглифов — *У дай цань Тан яньи-чжуань*.

[30] Ло Гуаньчжун. Троецарствие. Как указывает Б. Л. Рифтин (Метод в средневековой литературе Востока, с. 88), Ло Гуаньчжун переносил оценки в «Троецарствие» прямо из текста «Истории Поздней Хань» Фань Е, дополняя их подобранными им самим стихотворными строками, и первые варианты романа содержали очень много таких прозаических и стихотворных оценок. Впоследствии редактор эпопеи Мао Цзунган сильно сократил эту часть изложения, но окончательно оценки не убрал.

[31] Ло Е. Записи бесед охмелевшего старца, с. 3.

сюжетный рассказ, то это *шохуа* (рассказ сюжета.— *Л. П.*); если исходить из того, что здесь поются или скандируются *цы*, то это *цыхуа* (рассказ со стихами *цы.*— *Л. П.*); если исходить из оценки (*пинлунь*) излагаемых событий прошлого и настоящего, то это *пинхуа* (повествования с авторской оценкой.— *Л. П.*); если исходить из того, что основой авторского изложения являются книги и исторические сочинения, то это *шошу* (рассказы по книгам. — *Л. П.*) — названия разные, а суть одна» [32].

Разумеется, не только в произведениях, известных под названием *пинхуа*, содержится элемент авторской оценки. Авторское понимание излагаемого и соответственно отношение к нему присутствует и в произведениях жанров, обозначаемых другими терминами. Но, с другой стороны, и в *пинхуа* содержатся все те элементы, которые подчеркнуты в названных выше терминах. *Пинхуа* — это и *суцзян*, так как это произведения, предназначенные для простого народа; это и *шошу* — рассказ по историческому сочинению; это и *шохуа* — сюжетный рассказ; это и *цыхуа* — повествование со стихами.

Термин *пинхуа* стал известен по текстам исторических повествований, датируемых исследователями XII—XIV вв. Называемый в источниках XII—XIII вв. для определения одной из школ сунских повествований термин *цзян ши* (этим же термином называли и рассказчиков повествований на исторические сюжеты), на наш взгляд, выделял из категории *шошу* повествования, основанные на пересказывании исторических книг. Отсюда и второй, уточненный вариант термина — *цзян ши шу* (рассказы по историческим книгам), употреблявшийся в то же время. Видимо, так обозначались и сами повествования в устном изложении. Рассказчики составляли для себя более или менее подробные записи рассказов, которые позднее, в какой-то мере обработанные и отредактированные, и дошли до нас. Эти обработки были адресованы уже не слушателям, а читателям, поэтому и термины *цзян ши* и *цзян ши шу*, в которых слово *цзян* акцентировало устное исполнение, потеряли свое значение. Их в письменных текстах исторических повествований, ставших фактом литературы письменной, сменил термин *пинхуа*.

Хотя чисто внешне термин *пинхуа* представляется простой модификацией *шохуа*, в нем, по нашему мнению, отражены две тенденции, синтезировавшиеся в произведениях *пинхуа*. Слово *хуа*, свидетельствуя еще об устных истоках повествования, говорит уже о том, что история (*ши*) и историческая книга (*ши шу*) превратились здесь в *хуа*, равное *гуши* — сюжету повествования. Первое же слово *пин*, определяющее *хуа*, указывает на письменное бытование произведения; генетически оно восходит к исторической традиции и переносит акцент с устного пересказа (*шо*

[32] Сунь Кайди. *Суцзян*, с. 34.

и *цзян*) на критически осмысленное изложение источника повествования, творчески воспринятого автором [33].

Появление термина *пинхуа* совпадает со временем нашествия на Китай северных племен чжурчжэней (а позднее и монголов). Мы считаем возможным предположить, что в такой трудный период истории стремление к оценке прошлого — «глубокого и мелкого в Поднебесной» — занимало значительное место в идеологии общества, и поэтому именно термин *пинхуа* закрепился за произведениями, где это прошлое соответственным образом изображалось и оценивалось. Позднее, в минское время (1368—1644), значение термина *пинхуа* стало более широким, им начали обозначать произведения бытового и авантюрного содержания. Поскольку исторические повествования были в основе своей прозаическими, то термином *пинхуа* впоследствии стали называть вообще произведения прозаические в отличие от песенно-повествовательных. Это второе значение термина сохранилось за *пинхуа* поныне, и «народные рассказчики-профессионалы до сих пор употребляют его в значении прозаического сказа» [34].

Исследователи по-разному оценивают природу *пинхуа*, исходя главным образом из их функциональной значимости — рукописи сказителей, либретто сказителей. Ближе других авторов, по нашему мнению, к пониманию сущности *пинхуа* подошел Б. Л. Рифтин, соотнеся их с «народными книгами» [35], ибо он выделил сферу бытования произведения и его функцию — материала для чтения. Однако определения *пинхуа* как литературного жанра в китаеведении до сих пор нет. Поэтому, сознавая условность любого сопоставления, мы все-таки считаем возможным предложить для

[33] А. Н. Желоховцев (Хуабэнь, с. 49) считает, что противопоставление устного и письменного бытования исторических повествований отражено в паронимии терминов *шошу* и *пинхуа*. Мы согласны с тем, что устное и письменное бытование произведений нашло отражение в разной терминологии, но не можем согласиться с чисто хронологической классификацией, которую предлагает А. Н. Желоховцев (для сунского времени — пара *шохуа* и *хуабэнь*, для юаньского — *шошу* и *пинхуа*).

[34] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 58.

[35] Соотнося *пинхуа* с «народной книгой», Б. Л. Рифтин (Историческая эпопея, с. 59) называет четыре основных признака народной книги: назначение (народный читатель), организация сюжета (преобладание нанизывания эпизодов), роль в развитии литературного процесса (прообраз романа) и оформление (большое количество иллюстраций). Нам представляется, что один из этих признаков — организация сюжета с преобладанием нанизывания эпизодов — присущ не только *пинхуа*, но и китайскому роману («Неофициальная история конфуцианства», «Цветы в зеркале», например) и европейскому — рыцарскому и плутовскому; что же касается большого количества иллюстраций, то в УДПХ их нет совсем, в то время как романы (например, *Цзинь-Пин-Мэй*) и другие произведения (например, *Гу ле нюй чжуань*) издавались с большим количеством иллюстраций, причем последнее было иллюстрировано точно так же, как «Пять полностью иллюстрированных *пинхуа*», называемые Б. Л. Рифтиным (см.: W. L. Idema. Some Remarks, с. 144), поэтому утверждение о том что *пинхуа* — «народная книга», кажется пока недостаточно убедительным.

жанра *пинхуа* другое название — народный исторический роман, следуя отчасти в данном случае установившейся в советском китаеведении традиции определения жанра *хуабэнь* как народной (городской) повести или народного рассказа, жанров *яньи, чжуань, цзи* — как романа (исторический, фантастический романы).

Во-первых, как правильно заметил Лу Синь, *пинхуа* — это произведения, рассчитанные на чтение про себя, а не вслух для слушателей [36].

Во-вторых, обращает на себя внимание объем и композиция *пинхуа*: это произведения крупной формы со сложным многоплановым сюжетом, развивающимся вокруг главных героев повествования и организованным по принципу нанизывания эпизодов. Это не роман в современном понимании, однако *пинхуа* близки к тому, что в европейском литературоведении принято называть рыцарским романом и плутовским.

По тематике это исторический роман, по сфере бытования — народный. Предназначенный для простонародья, главным образом, видимо, для грамотных горожан, народный роман, как и народная повесть, несет в себе элемент народного отношения к историческим событиям и лицам и их оценки, достаточно часто отличные от официальных, т. е. элемент народного мировоззрения, поэтому идейный аспект из понятия «народный» полностью не может быть исключен.

До наших дней дошли следующие девять *пинхуа* [37], хронологически охватывающие историю Китая от древнейших времен (XII в. до н. э.) до правления династии Северная Сун (XII в. н. э.).

1. «*Пинхуа* о том, как У-ван пошел походом на Чжоу[-синя]» (*У-ван фа Чжоу пинхуа*). Здесь рассказывается история падения династии Инь—Шан (XII в. до н. э.) (далее — УВПХ).

2. «*Пинхуа* о веснах и осенях семи царств» (*Ци го чунь-цю пинхуа*) повествует о периоде раздробленности Китая в VII—III вв. до н. э. и междоусобных войнах, в результате которых возвысилось царство Цинь. После названия произведения идет подзаголовок: *хоу цзи* (последний сборник) — «Юе И замышляет против [царства] Ци» (*Юе И ту Ци*). Такая расшифровка общего названия говорит о том, что до нас дошла только заключительная часть *пинхуа* — о походе Юе И на Ци. Более ранние события были, по-видимому, изложены в первом сборнике, до нас не дошедшем (далее — ЦГПХ).

3. Об объединении царством Цинь страны (III в. до н. э.) рассказывается в «*Пинхуа* о том, как [царство] Цинь присоединило шесть царств» (*Цинь бин лю го пинхуа*»), которое имеет под-

---

[36] Лу Синь. Краткая история, с. 134.

[37] Как указывает каталог *Сы ку цюаньшу цзунму* (*цз.* 54, л. 1), в энциклопедии *Юн-лэ дадянь* (до наших дней эта часть энциклопедии не дошла) имелся специальный раздел *пинхуа*, куда входили произведения на историческую тематику, исполнявшиеся рассказчиками.

заголовок: «Жизнеописание первого циньского императора» (*Цинь-ши-хуан чжуань*; далее — ЦБПХ).

4. История борьбы за власть в первые годы правления династии Хань (III—II вв. до н. э.) рассказывается в «*Пинхуа* по истории Ранней Хань» (*Цянь Хань шу пинхуа*). Здесь тоже имеется подзаголовок: *сюй цзи* — сборник второй — «Люй-хоу казнит Хань Синя» (*Люй-хоу чжань Хань Синь*). Вероятно, период гибели династии Цинь и прихода к власти первого ханьского императора Гао-цзу (Лю Бана) излагался в несохранившемся первом сборнике (далее — ЦХПХ).

5. Гибели династии Хань и периоду разделения Китая на три царства (II—III вв.) посвящено «Пинхуа по истории трех царств» (*Саньго чжи пинхуа*; далее — СГПХ).

6. О походе танского полководца Сюе Жэньгуя против Когурё (VII в.) рассказано в «Описании деяний Сюе Жэньгуя, ходившего походом на Ляо» (*Сюе Жэньгуй чжэн Ляо шилюе*).

7. В «Девяти увещеваниях Лян-гуна» (*Лян-гун цзю цзянь*) рассказывается о том, как именитый сановник девять раз обращался к императрице У-хоу (684—705), убеждая ее вернуть трон законному наследнику.

8. Восстанию Хуан Чао и истории становления и гибели Пяти династий (IX—X вв.) посвящено «Заново составленное *пинхуа* по истории Пяти династий» — объект настоящего исследования.

9. Во «Вновь напечатанных забытых событиях годов Сюань-хэ Великой Сун» (*Синь кань Да Сун сюань-хэ и ши*) изложены такие события последних лет правления северосунского императора Хуэй-цзуна (20-е годы XII в.), не отмеченные в династийных историях, как восстание Сун Цзяна и история Ли Шиши (далее — «Забытые события»).

Как видно из большинства названий, в которых обозначена сама тема повествований, в *пинхуа* пересказывается не просто история «от и до», а ее этапные, наиболее острые периоды — периоды гибели одних династий и борьбы за установление власти других. Очевидно, сунские авторы отбирали такой материал не только ради возможности эффектно и динамично изложить сюжет. Авторское изложение событий прошлого вызывало ассоциации с событиями драматического настоящего, и, таким образом, их можно было подспудно сопоставлять и оценивать. Недаром исторические повествования были столь популярны после чжурчжэньского завоевания Северного Китая и перенесения столицы сунского Китая на юг, что их слушали горожане и крестьяне на рынках и площадях городов, им внимали в домах сановной знати и даже во дворце самого императора [38].

Примечательно, что начиная с конца XIV в., когда в Китае установилось правление династии Мин, большинство перечислен-

[38] У Цзымэу. Записи, с. 313.

ных *пинхуа* послужили основой для исторических романов. В этих романах, написанных литераторами, был сделан следующий, весьма решительный шаг в отходе от исторического источника повествования. Если в *пинхуа* изложение исторических событий сохраняет еще достаточно тесную связь с источником (в разных *пинхуа*, однако, степень этой связи различна), но уже весьма четко выявляется тенденция превращения факта исторического в факт литературный, то в историческом романе реальные исторические события стали уже только костяком, на котором вырастало и развивалось сложное сюжетное повествование исторической эпопеи.

Соответствия между *пинхуа* и историческими романами следующие (номера *пинхуа* соотносятся с перечисленными выше):

1. УВПХ	Роман Сюй Чжунлиня «Возведение в ранг духов» (*Фэн шэнь яньи*, XVI в.)
2. ЦГПХ	Роман Юй Шаоюя «Уделы Восточного Чжоу» (*Дун Чжоу лего чжи*, XVI в.)
3. ЦБПХ; 5. СГПХ	Роман Ло Гуаньчжуна «Троецарствие» (XIV в.)
6. О походе Сюе Жэньгуя	Роман «Сюе Жэньгуй идет походом на восток» (*Сюе Жэньгуй чжэн дун*, XVI в.)
7. «*Пинхуа* о Пяти династиях»	Роман «Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий» и роман Сюн Даму «Повествование по истории Южной Сун» (*Нань сун чжи чжуань*, ок. 1561 г.)
9. «Забытые события годов Сюань-хэ»	Роман Ши Найаня «Речные заводи» (*Шуйху чжуань*, XIV в.)

Хотя произведения, отмеченные нами в перечне сохранившихся *пинхуа* под № 6, 7 и 9, не имеют в своих заглавиях слова *пинхуа*, исследователи относят их к этому жанру, исходя из их исторической тематики [39], формы и манеры повествования [40].

[39] «Описание деяний Сюе Жэньгуя» и «Девять увещеваний Лян-гуна» представляют, на наш взгляд, ту подгруппу исторических повествований, в которых рассказывалось о жизни замечательных государственных деятелей и полководцев, о сражениях и войнах.

[40] Необходимо отметить, что библиографы по-разному рассматривали «Забытые события» и, выделяя в произведении, видимо, то историчность, то повествовательность, относили его в разные разделы каталогов (см.: Б. Л. Рифтин. Организация повествования в народных книгах (пинхуа), с. 112—120). В современных книжных собраниях, таких, как *Сы бу бэй яо*, т. 122, и *Цуншу цзичэн*, т. 3889, «Забытые события» включены в число неофициальных исторических сочинений. Почему именно это произведение нашло место в разделе истории? Б. Л. Рифтин (Историческая эпопея, с. 60) считает, что «„Забытые деяния“ представляют собою переходное явление от неофициального исторического сочинения к народной книге». Нам представляется, что «Забытые события» — это *пинхуа*, но из-за включенных в него интересных и важных материалов, обойденных официальной историей, оно может рассматриваться и как неофициальный исторический источник, дополняющий историю, а не только черпающий (как другие *пинхуа*) из нее.

«*Шихуа* о том, как [наставник по] Трипитаке при Великой Тан добыл сутры» посвящено поездке прославленного деятеля китайского буддизма и путешественника Сюань-цзана (602—664), получившего титул «наставник по Трипитаке», часто заменявший его имя, в Индию за книгами буддийского канона (Трипитаки). Содержание этого произведения историко-фантастическое. Историчность тематики (герой — реальное историческое лицо, его поездка в Индию, возвращение оттуда с сутрами и т. д.— общеизвестные исторические факты) дает возможность упоминать это произведение если не в числе *пинхуа*, то рядом с ними. Однако обозначение произведения как *шихуа*, где акцентирована более активная функция стихов в повествовании, и большой вес фантастического элемента в изложении событий заставляют называть его отдельно. На наш взгляд, здесь мы имеем дело с явлением, возникшим на стыке истории и фантастики, а поэтому особенно интересным, требующим специального исследования каждого из этих аспектов и их взаимодействия в повествовании. По-видимому, в этом случае происходит отпочкование от исторических повествований произведений, в которых реальные исторические факты и события излагаются в легендарном освещении и приобретают фантастический характер. Превалировавший прежде исторический элемент здесь начинает играть второстепенную роль, и произведение, историческое в своей основе, становится фантастическим [41].

Близкую этому явлению картину можно наблюдать и на примере китайской классической драмы (до периода Юань включительно). Историческая в своей основе, она подразделилась на историческую, фантастическую и бытовую. В исторической драме, преобладающей как по числу произведений (более двух третей), так и по значимости [42], нашли, как и в *пинхуа*, отражение все узловые этапы китайской истории — от падения династии Инь—Шан до правления династии Сун включительно. От исторической драмы, в основе сюжетов которой лежали подлинно исторические факты и события и где прототипами действующих лиц были реальные исторические деятели, отделилась фантастическая и бытовая драма. В этих последних история из сюжета превратилась всего лишь в фон. Сохранилась внешняя, формальная «историчность» произведений — события датированы, указывается место действия, сюжет привязывается к конкретному историческому событию, но на этом фоне действуют вымышленные персонажи, изображаются частная жизнь и быт различных слоев китайского

[41] Как *пинхуа* явились народным источником будущих китайских исторических романов, так и «*Шихуа* о том, как [Наставник по] Трипитаке при Великой Тан добыл сутры» — народный источник фантастического романа У Чэнъэня «Путешествие на запад» (*Си ю цзи*, XVI в.).

[42] Исторический роман тоже занимает главенствующее положение в ряду китайских романов.

общества, развиваются темы, заимствованные из легенд и преданий [43]. Но если идеологическая основа исторических романов стала по сравнению с *пинхуа* более ортодоксальной, сближающейся с позицией официальной истории, то историческая драма осталась по своей идейной сущности близкой к народному пониманию истории, зафиксированному в *пинхуа* [44].

Из перечисленных выше *пинхуа* первые пять объединяются в одну серию (*цуншу*) и известны под названием «Пять *пинхуа* с полным набором иллюстраций» (*Цюань сян пинхуа у чжун*). Они были найдены японским синологом Сионоя Он в 20-х годах нашего века в библиотеке японского кабинета министров. Вся эта серия дошла до нас в издании, выполненном семьей печатников Юй в годы Чжи-чжи (1321—1323) в городе Цзяньань (пров. Фуцзянь). Издание иллюстрировано гравюрами, которые занимают в верхней части каждого листа одну треть и соответствуют содержанию излагаемого текста.

Примечательно, что в семи (из девяти) *пинхуа* названию предшествует слово *синь* «новый», говорящее о том, что мы имеем дело не с первыми изданиями или даже литературными обработками первоначального текста этих произведений. О том, что «Пять *пинхуа*» печатались не впервые, убедительно говорят слова *Цзяньань Юй ши синь кань* — «Заново отпечатанные семьей Юй из Цзяньани», стоящие перед названием каждого *пинхуа* этой серии. Существовали, несомненно, более ранние издания этих произведений, выполненные, возможно, другими издателями и в других местах. Та же помета «заново отпечатанные» стоит перед названием «Забытых событий». Названию УДПХ предшествуют слова *синь бянь* «заново составленное». Несомненно, до нас дошли не самые ранние воспроизведения *пинхуа*, поэтому точка зрения некоторых авторов, считающих их юаньскими произведениями па основании времени издания, представляется недостаточно убедительной [45].

Сочетание письменной и народной (устной) традиций — одна из особенностей *пинхуа*. На протяжении многовековой истории Китая эволюция исторических сюжетов имела две тенденции развития — через письменную литературу и через народную, преимущественно изустную. Оба эти направления непрерывно взаимодействовали и наконец в творчестве народных авторов — рассказчиков истории слились в *пинхуа*. Прежде всего это сказалось в композиции произведений — внешне они выдержаны в стиле произведений простонародной литературы: обязательные

[43] Л. Н. Меньшиков. Реформа китайской классической драмы, с. 39—44, 89, 137.

[44] *Пинхуа* и роман являются источником сюжетов для подавляющего большинства произведений китайской исторической драмы (см.: Л. Н. Меньшиков. Реформа, с. 40—43).

[45] См., например: А. Н. Желоховцев. Хуабэнь, с. 47, 49.

стихи — эпиграф, введение, изложение темы и заключительные стихи[46]. Внутренняя структура *пинхуа* — дань письменной, исторической традиции. Изложение ведется в хронологии излагаемых событий. Прозаическое повествование перемежается стихами. Количество их различно, но задача одна — украсить изложение, поэтически акцентировать или развить сказанное прозой, а иногда и дать поэтическую, эмоциональную оценку излагаемых событий.

Степень взаимодействия письменной и народной традиций в произведениях жанра *пинхуа* неодинакова. В некоторых преобладает народное начало. По-видимому, здесь играют роль и характер излагаемого материала — легендарный, псевдоисторический для *пинхуа* о ранних периодах истории Китая,— и удаленность событий от времени, когда создавались *пинхуа*, а следовательно, более широкий круг фольклорных источников повествования, и профессиональный уровень авторов, и их творческие принципы.

Изданные вместе «Пять *пинхуа*» отличаются большим единством. По манере изложения, языку, общему стилю повествования они просты и безыскусны, недаром Чжэн Чжэньдо отмечал: «Автор у них не один, но по безыскусности стиля все пять книг — как одна»[47]. Некоторые из них насыщены легендами и преданиями, описаниями сражений, перебранок и схваток военачальников. Сюжет строится в основном по принципу простого нанизывания фактов[48]. Некоторое движение сюжету на разных этапах повествования дают знамения, предсказания, вещие сны, обильно включенные в авторское изложение. Отдельные стихотворения по нескольку раз повторяются в одном и том же произведении; одни и те же стихи или их модификации встречаются в разных *пинхуа*[49]. Бросается в глаза подчеркнутая (для письменного произведения) сказительская манера повествования — изложение непрерывно (иногда по нескольку раз на странице) перебивается вопросами автора-рассказчика, например: «А что это был за человек?», «А что там было написано?», «О чем были эти стихи?», «Как думаете, он победил или потерпел поражение?» и т. д. Во всех пяти *пинхуа* сохраняется внешняя историчность — повествование ведется в хронологической форме и иногда

[46] В «*Пинхуа* по истории Ранней Хань» заключительные стихи отсутствуют. Это, впрочем, не значит, что в первоначальной редакции, предназначенной для устного исполнения, а не для печати, этих стихов не было.

[47] Чжэн Чжэньдо. Иллюстрированная история, с. 701.

[48] Исключение представляет «*Пинхуа* о Трех царствах», в котором изложение является развитием темы небесного предопределения, заложенной во вступлении к повествованию. Из-за того, что ханьский Гао-цзу несправедливо обвинил и казнил трех преданных слуг и сподвижников, небесный владыка выносит решение о разделе в будущем ханьской империи между тремя обиженными сановниками, которые должны будут возродиться в обликах правителей трех царств: Цао Цао, Лю Бэя и Сунь Цюаня. Однако в построении самого повествования этот принцип выдерживается.

[49] В ШБПХ одни и те же стихотворные строки повторяются на с. 31, 48, 62 и 71, эти же строки встречаются, например, в ЦГПХ, с. 7 и в УДПХ, с. 192.

даются ссылки на исторические сочинения, хотя зависимость от исторических источников не всегда прямая. Ближе других к своим историческим источникам ЦБПХ, ЦХПХ и СГПХ. В них, как и в УДПХ, преобладает летописная традиция. Однако независимо от того, какая традиция — народная или историческая — превалирует в том или ином *пинхуа* (а каждое *пинхуа* имеет и другие специфические особенности), всех их объединяет то, что в них подчас дается отличное от официального истолкование фактов и событий истории, на основании чего исследователи ставят вопрос об элементах в них народного мировоззрения.

Пинхуа, в которых синтезировалась классическая историография и народная литература,— благодарный материал для изучения взаимодействия и взаимовлияния этих двух компонентов произведений народных рассказчиков исторической тематики. Наиболее интересным в этом плане как памятник художественной литературы является, на наш взгляд, УДПХ, в котором связь с историческим источником настолько тесна, что позволяет достаточно четко проследить начальные этапы процесса трансформации материала исторического сочинения в произведении повествовательном. Исследование того, как этот процесс в разных аспектах проявляется в УДПХ, является темой настоящей работы.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ И ПРИЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИХ В *ПИНХУА*

УДПХ — одно из немногих известных нам в народной литературе сводных повествований, близких к историческому роману, в значительной части построенное на материале официальной истории.

Выяснение исторических источников произведений жанра *пинхуа* — проблема сложная. Попытки решить ее предпринимались, однако без тщательного и полного сравнения текстов реальных результатов они не дали. Выводы делались умозрительные, основанные главным образом на внешнем впечатлении схожести материала.

Первую попытку решить проблему исторических источников сверкой текстов применительно к УДПХ предпринял, как указывалось выше, М. В. Софронов. И результат себя полностью оправдал[1]. Выяснилось, что в УДПХ пересказывается история Пяти династий, зафиксированная в тексте «Всеобщего зерцала».

Таким образом, столь очевидное впечатление внешней похо-

[1] Подобного же рода работа позднее была проделана Б. Л. Рифтиным (Историческая эпопея) с «Пинхуа по истории Трех царств».

жести форм изложения исторического материала в УДПХ и династийных историях и выводы о том, что повествование в *пинхуа* ведется на основе последних, оказались опровергнутыми. Изучение текста УДПХ и первые же его сравнения с династийными историями позволили М. В. Софронову заметить, что «по своему характеру и последовательности событий „История Пяти династий“ (т. е. УДПХ.— *Л. П.*) очень мало напоминает последние»[2]. Это наблюдение, сопоставленное с названным У Цзыму «Всеобщим зерцалом» как одним из исторических сочинений, пересказываемых рассказчиками истории, заставило М. В. Софронова сверить тексты УДПХ и «Всеобщего зерцала». Текстологический метод решения вопроса явился единственно правильным.

Установив исторический источник *пинхуа* и дав общую сводку совпадения страниц текстов, автор, однако, не обратил внимания на то, что небольшая часть текста УДПХ не отождествляется с текстом «Всеобщего зерцала». Это выяснилось при сплошной сверке, проведенной нами. Мы привлекли для сверки и другие исторические источники по истории Пяти династий. В результате выяснилось, что сводная история Сыма Гуана является только основным, но не единственным источником УДПХ. Автор включает в свое повествование фрагменты и из династийных историй: *Цзю У дай ши* (Старая история Пяти династий), составленной Сюе Цзюйчжэном в 974 г.; *Синь У дай ши* (Новая история Пяти династий), составленной Оуян Сю в 1060 г. Привлечены также материалы из *Цзю Тан шу* (Старая история Тан), составленной Лю Сюем в 945 г., и *Синь Тан шу* (Новая история Тан), составленной Оуян Сю, Сун Ци и др. в 1060 г.

Таким образом, текст УДПХ оказывается сопряжением (в своей исторической части) текстов нескольких исторических сочинений: «Всеобщего зерцала» (около 80—90%), «Старой» и «Новой» историй Пяти династий (около 10%). Не исключено, что автор (особенно во вставных эпизодах) дополнительно использовал и другие исторические сочинения, в том числе и неофициальные, однако выявить их пока не удалось.

Поскольку на данном этапе изучения УДПХ оказалось возможным установить, что «Всеобщее зерцало» является его основным историческим источником, допустимо высказать предположение, что УДПХ является как раз одним из вариантов пересказа «Всеобщего зерцала», составленного в XIII в. в Ханчжоу, ибо именно там шесть веков спустя и был найден утерянный текст исследуемого сочинения.

Для своего повествования автор по-разному использует текст исторических сочинений, но следует отметить, что в УДПХ, так же как и в некоторых других *пинхуа*, например в ЦБПХ, мы

[2] М. В. Софронов. Об источнике, с. 145.

сталкиваемся с неоговоренным переносом текста истории в текст *пинхуа*.

В процессе развития сказительского искусства обработка исходного текста повествования прошла несколько этапов. В ранних образцах простонародной литературы, например в танских *суцзян* (*цзянцзинвэнь*), в начале обязательно цитируется название сутры и ее полный текст, а потом следует более популярное изложение его и истолкование в прозе и стихах; в собственно *бяньвэнь* уже происходит отход от канонической формы — цитирование названия сутры еще обязательно, но цитаты из ее текста становятся необязательными, к тому же из сутры для пересказа отбираются определенные сюжеты, а в светских *бяньвэнь* и позже в *шохуа* (*хуабэнь*) мы наблюдаем просто заимствование материала из исторических легенд, преданий, литературных и исторических сочинений и их произвольную разработку. Однако, несмотря на то что в буддийских *бяньвэнь* цитирование текста сутры перед ее истолкованием стало со временем необязательным, цитаты из сутры, как показывает исследование Л. Н. Меньшикова, стали понемногу входить в текст повествования как его неотъемлемая часть, потеряв свою старую функцию — быть исходным пунктом повествования («опорные цитаты», по терминологии автора). И, как, видимо, справедливо заключает Л. Н. Меньшиков, здесь «появляется (но только в зачаточной форме) новый метод построения „рассказа по книгам“» (в данном случае по сутре)[3].

Этот метод включения текста исходного сочинения в текст собственно повествования свидетельствует, на наш взгляд, о том, что в творчестве народных рассказчиков был сделан важный шаг. Видимо, здесь мы имеем дело с изменением творческой психологии и творческого метода рассказчика — исходный текст перестал быть незыблемым каноном, рассказчик видит теперь свою задачу не столько в популярном истолковании смысла заданного текста, сколько в его (или отдельных тем из него) сюжетном пересказе. Поэтому цитата из объекта истолкования в прозе и стихах превращается в одно из средств изложения сюжета, заимствованного из конкретного произведения (книги), и поэтому она в такой функции перестает оговариваться. Возможно, что эта новая тенденция и получила свое выражение в появлении в эпоху Сун термина *шошу*. В этом плане УДПХ представляется типичным образцом подлинного рассказывания исторического сочинения — *цзян ши шу* — как одной из разновидностей *шошу*[4].

[3] *Бяньвэнь* о воздаянии за милости. Ч. 1, с. 106.

[4] Представляется, что процесс включения текста пересказываемого источника в текст повествования прошел несколько этапов. Как указывает Л. Н. Меньшиков, в «*Бяньвэнь* о воздаянии за милости» автор включает цитату из сутры, еще оговаривая ее: «поэтому далее сутра гласит», но после цитаты нет ее прозаического истолкования, сама цитата лишь дополняет сказанное (см. *Бяньвэнь* о воздаянии, с. 105—106). По-видимому, отголоски этой тенденции можно наблюдать, например, в ЦХПХ, где в повествовании

Как же автор УДПХ использовал текст пересказываемых им исторических сочинений? Приемы переноса и использования текста различные, остановимся на наиболее типичных.

1. Дословное цитирование текста или его очень незначительное сокращение при перечислении географических названий, имен, должностей, чинов, титулов, отказ от датировки по дням и других мелких и незначительных деталей. Например, во «Всеобщем зерцале» (разрядкой дан текст, опущенный в УДПХ):

а) Д е н ь *ц з я - ш э н ь*. [Государь] пожаловал х у а ч ж о у с к о м у *л ю х о у* Дуань Нину фамилию и имя, он стал прозываться Ли Шаоцинем, я о ч ж о у с к и й *ц ы ш и* Ду Яньцю стал прозываться Ли Шаоцянем (*Цзя-шэнь, сы Хуачжоу люхоу Дуань Нин син мин юе Ли Шаоцинь, Яочжоу цыши Ду Яньцю юе Ли Шаоцянь*, с. 8902);

б) Чу-ван Инь послал своего сына *я н э й м а - б у д у ч ж и х у э й ш и* Сифаня ко двору вручить печать *синъинь дутуна* [района] Хун и Оу и просил принять область в свое владение (*Чу-ван Инь цянь ци цзы янэй ма-бу дучжихуэйши Сифань жу цзянь, на Хун, Оу синъинь дутун инь, шан бэнь дао цзян ли цзи.*— Там же).

В УДПХ: а) «Дуань Нину были пожалованы фамилия и имя, он стал прозываться Ли Шаоцинем, Ду Яньцю был пожалован именем Ли Шаоцяня» (*Сы Дуань Нин син мин юе Ли Шаоцинь, сы Ду Яньцю син мин юе Ли Шаоцянь*, с. 86);

б) Чу-ван Инь послал своего сына Сифаня ко двору вручить [императору] печать *синъин дутуна* и просить его принять область во владение (*Чу-ван Инь цянь ци цзы Си-фань жу цзянь, цзян синъин дутун инь цзяона, шан бэнь дао цзян лицзи.*— Там же).

Такое воспроизведение текста типично для отдельных фраз и при изложении мелких эпизодов.

2. Сокращенный, почти конспективный перенос текста истории в *пинхуа*.

Этот прием наиболее часто применяется автором. Ведь из огромного материала истории автор сам выбирает, что ему рассказывать, сам строит повествование и организует материал. Он волен изложить что-то более подробно, что-то акцентировать, что-то несколько сократить или совсем опустить. Поэтому, как правило, выбираются не только те или иные факты, но и степень подробности их изложения.

иногда появляются ссылки на исторический источник или известных авторов (см. ЦХПХ, с. 1, 19). Очевидно, в процессе развития искусства устного рассказа момент обязательного оговаривания цитируемого источника или просто цитаты отпал, и в УДПХ мы можем видеть, как, когда включаемый в повествование текст исходного сочинения не оговаривается и не выделяется — формальные детали отброшены, внимание автора сосредоточено на сюжете.

Сравним два отрывка. Во «Всеобщем зерцале» (разрядкой дан текст, использованный в УДПХ): «*Цзо-ю сян ду пайчжэньши* конницы Чжан Яньцзэ пригласил военачальников, чтобы спросить, что предпринять, они сказали: „Врагам на руку сильный ветер, надо дождаться перемены ветра, чтобы начать бой". Яньцзэ тоже счел это правильным. Когда военачальники ушли, *ю сян фу пайчжэньши* конницы Яо Юаньфу из Тайюани остался один и сказал Яньцзэ...» (с. 9289).

В УДПХ: «*Пайчжэньши* конницы Чжан Яньцзэ тоже собирался ждать перемены ветра, чтобы начать бой, но Яо Юаньфу сказал...» (с. 144).

Примером почти конспективного изложения может служить эпизод вынужденного бегства императора Си-цзуна из своего дворца сначала в Баоцзи, а затем в горы Дагапьлин. В истории Сыма Гуана об этом рассказывается в двадцати четырех строках (с. 8329—8331), а в УДПХ этот эпизод кратко изложен в пяти строках (с. 52—53). В других случаях текст УДПХ монтируется из отдельных выдержек исторического сочинения, например: «Четвертый год Тянь-фу. Лян-ван Чжу Цюаньчжун изменил имя на Хуан, провозгласил себя императором, а танскому императору дал титул Циинь-вана» (с. 61). Эта фраза составлена из отрывков трех предложений «Всеобщего зерцала», помещенных на разных страницах (с. 8672—8674).

3. Сочетание текстов нескольких историй — включение в повествование дополнительных сведений из других исторических источников. Например, в УДПХ: «Шестой месяц первого года [правления] Лун-цзи [императора] Чжао-цзуна. Ли Кэюн собрал большое войско и послал Ли Ханьчжи и Ли Цуньсяо в поход против Мэн Фанли. Они захватили Цычжоу и Лочжоу, двинулись дальше и овладели Синчжоу. Мэн Фанли покончил с собой — принял яд. Ли Ханьчжи с войском вернулся в Шандан, и в Саньчуйгане был задан пир. Актеры исполняли „Песнь человеческого века". Когда они дошли до того места, где говорилось о старости и дряхлости, песня стала так печальна, что кое у кого из присутствующих потекли слезы. Ли Цуньсюй, которому исполнилось только пять лет, стоял рядом с Ли Кэюном. „Настоящий муж смолоду должен добиваться славы,— сказал он в утешение.— Зачем же так скорбеть о закате дней?" — „Это удивительный мальчик,— воскликнул довольный Ли Кэюн,— через двадцать лет он непременно сменит меня и будет сражаться в этих местах"» (с. 53).

Эпизод создан автором на текстах, заимствованных из «Всеобщего зерцала» (с. 8384, текст дан вразрядку) и «Новой истории Пяти династий» [5], т. е. весь остальной цитированный текст.

[5] *Синь у дай*, с. 25а.

Вот пример включения в УДПХ дополнительного факта, отмеченного только в «Старой истории Пяти династий»: «Седьмой месяц. Император прибыл в Лэйшань и совершил благодарственное жертвоприношение духам Неба»[6]. Этот факт, перенесенный в УДПХ с небольшим сокращением (опущен конец фразы), никак не связан ни с предыдущим, ни с последующим изложением. Возможно, автор счел необходимым отметить его только потому, что он касался такого важного вопроса конфуцианского церемониала, как совершение императором жертвоприношений.

Иногда бывает трудно назвать источник, откуда заимствован какой-либо факт; например, рассказ о визите госпожи Чжан, жены Чжу Цюаньчжуна, к его новой наложнице госпоже Цзинь (УДПХ, с. 31—32) изложен и в «Старой» (с. 67а) и в «Новой» (с. 51б) историях Пяти династий. Текстуально все три записи практически совпадают, поэтому в данном случае можно говорить только о перенесении в УДПХ из династийных историй сведений, дополняющих и несколько оживляющих данные «Всеобщего зерцала».

4. Исторический текст, перенесенный в УДПХ с авторскими дополнениями, например, во «Всеобщем зерцале»: «Ши Цзинтан подошел к Цзяньмэнь и стал лагерем у Бэйшань округа Цзяньчжоу; Чжао Тинъинь расположился на холмах позади крепости; Ли Чжао и Ван Хуэй расположились у моста через реку. Цзинтан повел пеших воинов вперед и ударил по [войскам] Тинъиня, Тинъинь отобрал пятьсот лучших стрелков и спрятал их на пути возвращения Цзинтана...» (*Ши Цзинтан чжи Цзяньмэнь, цзинь тунь Цзяньчжоу Бэйшань; Чжао Тинъинь чэнь юй ячэн хоу шань, Ли Чжао, Ван Хуэй чэнь юй хэ цяо. Цзинтан инь бу бин цзинь цзи Тинъинь, Тинъинь цзэ шань шэчжэ у бай жэнь фу Цзинтан гуй лу...*, с. 9053).

В УДПХ (слова, введенные автором, даны вразрядку, звездочкой помечены слова, замененные автором): «Подойдя к Цзяньмэнь, Ши Цзинтан разбил лагерь в местности Бэйшань округа Цзяньчжоу и занял круговую позицию. Командующий силами противника Чжао Тинъинь выстроил войска в прямоугольник на холмах позади крепости, Ли Чжао построил в прямоугольник войска у моста через реку. Ши Цзинтан с пятитысячным отрядом пехоты пошел в бой. Чжао Тинъинь отобрал и спрятал в засаде на половине пути пятьсот лучших стрелков» (*Ши Цзинтан цзюнь чжи Цзяньмэнь, цзоу* Цзяньчжоу сяо ди мин Бэйшань ся туньчжу, пай и гэ юань чжэнь. Цзэй цзян Чжао Тинъинь цзай* ячэн хоу шань тянь ди пайчжо фан чжэнь; Ли Чжао цзай* хэ цяо пай гэ фан чжэнь. Цзинтан тун* буцзюнь* у цянь жэнь тяо* чжэнь*. Чжао Тинъинь сюань**

[6] УДПХ, с. 90; *Цзю у дай*, с. 155б.

на шань шэ ди у бай жэнь цзай чжунлу* цзан фу...*, с. 111—112).

Из сравнения этих двух отрывков видно, что автор перенес в УДПХ текст Сыма Гуана с минимальными изменениями (несколько слов и служебных частиц *вэньяня* заменены *байхуа*, опущено имя Ван Хуэя и в последнем предложении слова «на пути возвращения Ши Цзинтана» заменены словами «на половине пути»). Однако в текст, заимствованный из истории, автор внес дополнения, которые при пересказе сделали его более понятным и оживили изложение. Эти дополнения рассчитаны на то, чтобы вызвать у читателя (или слушателя) определенные зрительные ассоциации (автор указывает, как были выстроены войска, называет численность отряда Ши Цзинтана). Факт, заимствованный из истории, сохранен, но он творчески развит и окрашен автором в новые тона, а исторический текст в новой редакции получил иное стилистическое звучание [7].

Часто авторские дополнения вводятся в речь действующих лиц, которая является одним из способов их характеристики. Показательным в этом плане представляется сопоставление двух следующих отрывков. Во «Всеобщем зерцале»: «Яньчжан в ответ сказал: „Раз не стало благоволения Неба, так что тут говорить?“... Он продолжал: „Я — простой мужик, облагодетельствованный милостями династии Лян, достиг поста *шанцзяна* и сражался с императором пятнадцать лет; ныне войско разбито, силы иссякли, и смерть за это — естественный удел; если император сжалится и оставит мне жизнь, какими глазами буду я смотреть на людей в Поднебесной? Смолоду — лянский военачальник, а на закате жизни — танский слуга! На это я не пойду“. Император еще раз направил Ли Сыюаня лично посетить и уговорить его. Яньчжан, лежа, сказал Сыюаню: „Разве ты не Мяоцзиле?“» (*Яньчжан дуй юе: «Тянь мин и цюй, у цзу яньчжэ?»... Яньчжан юе: «Юй бэнь пи фу, мэн Лян энь, вэй чжи шанцзян, юй хуанди цзяочжань ши у нянь; цзинь бин бай ли цюн, сы цзы ци фэнь, цзун хуанди лянь эр шэн во, во хэ мянь му цзянь тяньсячжи жэнь ху! Ци ю чао вэй Лян цзян, му вэй Тан чэн! Цы во со бу вэй е». Ди фу цянь*

[7] М. В. Софронов называет три способа использования текста «Всеобщего зерцала»: 1. Сокращение заимствованного текста за счет освобождения его от малозначительных деталей совпадает с названным нами выше приемом № 1. Два других он выделяет, исходя из языковой обработки текста; 2. Замена при переносе текста служебных слов *вэньяня* соответствующими служебными словами *байхуа*, а также добавление служебных элементов *байхуа* или *вэньяня* для того, чтобы текст стал более понятным; 3. Перевод отрывков «Всеобщего зерцала» на *байхуа*. В качестве примера перевода М. В. Софронов приводит эти же, специально разобранные нами еще раз, отрывки «Всеобщего зерцала» и УДПХ. По нашему мнению, из примеров видно, что здесь мы имеем дело только с некоторой языковой обработкой исторического текста (т. е. с тем, что автор называет способом № 2) при пересказе его в УДПХ, но не больше, поэтому в данном случае точка зрения автора нам не представляется убедительной.

Ли Сыюань цзы ван юй чжи. Яньчжан во вэй Сыюань юе: «Жу фэй Мяоцзиле ху?», с. 8895).

В УДПХ этот отрывок изложен так (текст, перенесенный из «Всеобщего зерцала», дан вразрядку, слова, замененные автором, помечены звездочкой): «Яньчжан в ответ сказал: „И в силе у меня недостатка нет, и планы мои отсутствием глубины не страдают, но раз не стало благоволения Неба, человек уже ничего не может поделать“... Яньчжан сказал: „Я, простой мужик из Юньчжоу, облагодетельствованный милостями великой [династии] Лян, достиг поста *шанцзяна* и вместе с его императорским величеством носился между Вэйбо и Янлю; за пятнадцать лет кровавой борьбы силы иссякли, меня доставили в вашу ставку, и я с радостью приму смерть. Если его величество сжалится надо мной за доблесть и сохранит мне жизнь, какими глазами я буду смотреть на людей в Поднебесной? Раз положено рубить голову, значит, ее нужно рубить, неужели настоящий муж боится смерти? Если меня, смолоду служившего лянским военачальником, хотят на закате жизни сделать слугою Тан, то я на это не пойду“. Полагая, что Яньчжан проявит непреклонность, танский государь еще раз направил к нему с уговорами Ли Сыюаня. Сыюань сказал: „Разве вы не знаете историю Вэй Чжэн-гуна? Вэй Чжэн служил царевичу Цзяньчэну, однажды Цинь-ван убил Цзяньчэна и провозгласил себя императором, Вэй Чжэн стал служить Цинь-вану и продолжал это делать в течение всего великого и мирного правления Чжэн-гуань; храмовое имя Цинь-вана — Тай-цзун, и в храме Тай-цзуна до сих пор совершаются жертвоприношения. Если вы обратите свое сердце на служение Тан, согласие между государем и вами, его слугой, будет таким же, как между членами одной семьи. Кроме того, проявить покорность вместо бунта для вас вовсе не значит просчитаться. Хорошенько подумайте над этим“.— „Разве ты не Мяоцзиле? — сказал Яньчжан.— Как можно брать на службу полководца, потерпевшего поражение? Прошу тебя, замолви слово и поскорее реши мою судьбу. Если мне удастся встретиться в подземном царстве с Янь Гаоцином и Чжан Сюнем, будет вполне достаточно, о чем еще говорить?“ Ли Сыюань убедился, что Яньчжана не удастся использовать на службе, и объявил государю Тан: „Яньчжан — настоящий герой, смерть ему не страшна“» (*Яньчжан дуй юе: «Яньчжан ли фэй бу цзу, моу фэй бу шэнь, най тянь мин и цюй, жэнь и у жу чжи хэ е»... Яньчжан юе: «Цза* бэнь Юньчжоу и пифу, мэн да Лян энь юй, вэй чжи шанцзян, юй хуанди бися цюйчи юй Вэйбо Янлю чжи цзянь, сюе* чжань ши у нянь, ши цюн ли цюй*, на фу цзюнь цянь, фэнь гань и сы, цзун бися* кэ лянь цзянь сяо жэнь у юн, юй цюань эр шэн во, цза* ю хэ мяньму кэи цзянь тяньсячжи жэнь? Дэ чжанфу чжо тоу бянь чжо тоу, цзэн гань вэй сы. Жо ши цза чао вэй Лян цзян, му вэй Тан чэнь, сяо* жэнь* чжи* со бу*

вэй е!» Тан чжу* ляо Яньчжан бу цюй, фу ши* Ли Сыюань цзы ван юй чжи. Сыюань юе: «Нинь бу цзянь Вэй Чжэн-гун ши ху? Вэй Чжэн ши тайцзы Цзяньчэн, и жи, Цинь-ван ша Цзяньчэн, ли вэй тяньцзы, Вэй Чжэн ши Цинь-ван, чжи Чжэн-гуань тай-пин чжи чжи. Цинь-ван мяохао Тай-цзун, чжи цзинь пэйши Тай-цзун мяотин. Нинь жо хуэй синь ши Тан, цзюнь чэнь и тун и цзя. Куан шэ ни цун шунь, цзянцзюнь фэй ши цзи е. Цзянцзюнь шу сы чжи». Яньчжан юе: «Жу фэй Мяоцзиле ху? Бай цзюнь чжи цзян, цзэн кэ шоуюн? Юань жу и янь, цзао сы чуфэнь. Ши цза дэ юй Янь Гаоцин, Чжан Сюнь бэй ю юй дися цзу и, ю фу хэ янь?» Сыюань ду Яньчжан чжун бу вэй юн, гао Тан чжу юе: «Яньчжан ле ши, сы фэй со кун е»*, с. 83—84).

Здесь, как и в предыдущем примере, исторический текст при пересказе отрывка сохранен, он полностью вошел в УДПХ и лишь подвергся незначительной языковой обработке. Хотя эпизод, построенный на этом тексте (у Сыма Гуана 99 иероглифов), разросся более чем втрое (в УДПХ свыше 350 иероглифов), все внесенные автором дополнения[8] не выходят за рамки основной темы цитируемого исторического текста — темы верности военачальника своей стране, и недаром народный автор завершает эпизод словами Ли Сыюаня: «Яньчжан — настоящий герой»[9]. В этой фразе — позиция автора и смысловой итог стилистически совершенно нового художественного эпизода, разработанного в УДПХ; ради него автор ввел в повествование слова о том, что государь ожидал непреклонности Ван Яньчжана, и речь Ли Сыюаня, который примером танского сановника Вэй Чжэна пытался поколебать эту непреклонность; именно поэтому и ответ Ван Яньчжана дополнен ссылкой на его возможную встречу в подземном царстве с другими танскими сановниками — Янь Гаоцином и Чжан Сюнем, которые, оказавшись в плену, предпочли смерть измене государю и не пошли на службу к мятежнику Ань Лушаню.

Различные приемы переноса и использования текста историй применяются автором УДПХ в зависимости от той общей художественной задачи, которую, на наш взгляд, он решает в трех планах.

Первый, наиболее общий план — воспроизведение исторических судеб главных деятелей эпохи Пяти династий, основных персонажей УДПХ. Здесь автор достаточно точно следует истории и переносит в свое повествование как факты, так и текст исторических сочинений. Приведенные выше примеры могут служить

[8] Наш вывод о том, что дополнения в УДПХ принадлежат автору, подтверждается сопоставлением отрывка с текстами «Старой» и «Новой» историй Пяти династий (см. *Цзю у дай*, с. 107—108; *Синь у дай*, с. 125).

[9] В «Новой истории Пяти династий» (см. *Синь у дай*, с. 125а) биография Ван Яньчжана помещена в специально выделенной рубрике «Биографии людей, пожертвовавших жизнью ради долга».

иллюстрацией этого. Но в то же время они демонстрируют некоторые моменты творческого отношения автора к истории и заимствованию ее текста. Так, первый план соприкасается со вторым и переходит в него.

Во втором плане повествования наряду с выбором тех или иных исторических фактов и сюжетов можно говорить об их определенно направленной компоновке и интерпретации, стремлении автора вмешаться в ход излагаемых событий и переосмыслить их, подчас даже за счет отступления от данных истории. Эти отступления, однако, по нашим предварительным наблюдениям, автор позволяет себе только в отношении второстепенных персонажей повествования.

В истории Сыма Гуана рассказывается, что вскоре после восшествия на престол императора Си-цзуна в стране случилась засуха и начался голод. Народ бедствовал и бежал из родных мест. Тогда Лу Си, член академии Ханьлинь, подал императору доклад, в котором сообщил о бедственном положении народа. Он убеждал императора избавить простой люд от податей и налогов и открыть для голодающих государственные хранилища зерна. Послушавшись совета Лу Си, император издал указ, но он не был претворен в жизнь чиновниками и остался лишь на бумаге. Дальше Сыма Гуан переходит к изложению следующего события. Он сообщает о том, что Лу Янь, прозванный Лу Десятым, не так давно всесильный министр, указом императора был лишен всех званий и должностей, был арестован и погиб. При этом он знал, что после смерти у него будет вырезано три *цуня* дыхательного горла (представляемые в доказательство смерти),— в свое время он сам представил императору тайный доклад, где предлагал производить эту акцию в отношении всех чиновников третьей категории и выше, пожалованных императором смертью (с. 8168—8169).

В УДПХ автор тоже рассказывает о голоде, засухе и о том, что Лу Си подал доклад. Приводится и сокращенный текст доклада. А дальше автор излагает события так: «...Си-цзун был молод, неопытен, мог ли он вникнуть в честные советы верного чиновника? Он правил, полагаясь на министра Лу Яня, прозванного по старшинству братьев Лу Десятым, который решал все государственные дела. Желая утаить правду от высочайшего ума, Лу Десятый предстал перед Си-цзуном и доложил: „На границах спокойно, копья воинов бездействуют, погода стоит благоприятная, хлеба зреют обильные“. И полный ненависти к *ханьлиню* Лу за поданный трону доклад продолжал: „Лу Си доложил неправду о засухе, он ввел в заблуждение высочайший слух, его следует пожаловать смертью“. И своим лживым наветом добился указа о пожаловании смертью Лу Си. Затем он тайно приказал посыльному вырезать и привести три *цуня* дыхательного горла Лу Си, чтобы убедиться в том, что тот действительно умер. После

такого распоряжения императора никто уже больше не осмеливался докладывать трону о событиях в стране» (с. 6—7).

Здесь мы видим, как автор создает совершенно новый, художественно переработанный эпизод, по-своему пересказывая события, заимствованные им из истории. Кроме того, такая интерпретация текста совершенно недвусмысленно, на наш взгляд, говорит о взглядах автора и его стремлении дать свое толкование и оценку происходящему.

Текст этого эпизода частично заимствован из истории Сыма Гуана, частично дописан самим автором.

В исторических сочинениях содержатся лаконичные, подчас и нелестные сведения о знаниях вождя крестьянского восстания Хуан Чао (?—884).

Во «Всеобщем зерцале»: «Едва пробирался через [дебри] исторических книг. Несколько раз держал экзамен на степень *цзиньши*, но степени не получил и поэтому стал грабителем» (с. 8180).

В «Новой истории Тан»: «Кое-что разумел в исторических сочинениях, был красноречив и любил обращаться к примерам прошлого» (с. 1761а) [10].

В УДПХ (цитируется сокращенно): «С малых лет Хуан Чао изучал изящную словесность и был широко начитан в классиках и истории... Второй год Цянь-фу. Императорский двор издал указ о возвышении достойных... Хуан Чао возликовал — наступало время, когда юноша может добиться славы. Выбрав день и попрощавшись с родителями, Хуан Чао прямиком направился в великую столицу Чанъань на государственные экзамены... Дождавшись назначенного дня, Хуан Чао вместе с другими вступил в экзаменационный зал и показал здесь все, чему научился за десять лет упорного труда при свете дня и у светильника». Но Хуан Чао увидел, «что в золотом списке его имени нет» (с. 8—9). И дальше автор так объясняет устами самого Хуан Чао этот провал: «Как видно, век наш — не время для совершенствования в изящной словесности. Отправился я на экзамены в Чанъань, и кто же занял там три первых места? Если не дети власть предержащих, так сынки богачей. Я же, прозябающий в нужде бедный ученый, будь в поступках подобен хоть Яню и Жаню, а по стилю равен Баню и Ма, все равно не прошел бы» (с. 10).

Этот пример показывает, как автор, взяв из истории только сам факт — Хуан Чао не выдержал экзамена на степень *цзиньши* и поднял мятеж,— развертывает перед слушателями большой художественный эпизод на заданную тему. Он игнорирует объяснение историей причин неудачи Хуан Чао на экзаменах и совсем иначе, в чисто народном духе — более благоприятно для вождя восстания — истолковывает этот факт.

[10] *Синь Тан шу.*

Приведенные примеры дают некоторое представление об очень подвижной грани между вторым планом повествования и третьим — планом художественного творчества автора. Второй план непосредственно соприкасается с третьим и переходит в него, являясь одновременно и связующим звеном с первым планом.

Творчество автора — организующая основа повествования. Из огромного материала и текста нескольких историй автор создает большую историческую композицию. В общем подчиненный основной линии развития сюжета, автор строит его и развивает самостоятельно. Когда же материала истории не хватает, автор импровизирует, используя подчас очень ограниченные сведения, заимствованные из перечисленных выше исторических источников, а также фольклорный материал. Это, как правило, касается детских и юношеских лет героев повествования. Если же материал противоречит определенным воззрениям автора, он отходит от данных истории, создает новые сюжетные ходы и эпизоды.

О ДАТИРОВКЕ ПАМЯТНИКА

Над составлением «Всеобщего зерцала» — основного исторического источника УДПХ — группа ученых во главе с Сыма Гуаном работала с 1066 по 1085 г. Первое издание «Всеобщего зерцала» вышло в свет в г. Ханчжоу вскоре после того, как Сыма Гуан представил сочинение императорскому двору,— 22 ноября 1086 г., был подписан указ о напечатании книги [11]. Второе издание появилось в 1133 г., книгу напечатало Чайно-соляное управление провинции Чжэцзян в г. Юйяо (*Сун Шао-син эр нянь Чжэдун ча-янь гунши каньбэнь*) [12]. Впоследствии труд Сыма Гуана переиздавался много раз. Распространенным ныне является текст «Всеобщего зерцала», изданный в эпоху Юань с комментарием Ху Саньсина, предисловие которого помечено 1285 г., а послесловие 1287 г. (*Юань кань Ху чжу бэнь*). В 1816 г. текст юаньского издания был переиздан с досок, заново вырезанных Ху Кэцзя (*Цин Цзя-цин эрши и нянь Ху Кэцзя фу кэ Юань кань Ху чжу бэнь*). Последнее издание «Всеобщего зерцала» вышло в свет в 1956 г. Оно было подготовлено к печати на основе издания 1816 г., при этом текст сочинения был размечен современной пунктуацией и дополнен новым комментарием Чжан Юя. Была включена в последнее издание и статья Чжан Юя «Основные принципы сопоставления текста „Всеобщего зерцала“, вырезанного Ху, с сунскими изданиями» (*Ху кэ Тунцзянь чжэн вэнь цзяо Сун цзи шулюе*), датированная 1929 г.

Многократные издания и переиздания труда Сыма Гуана при-

[11] К. К. Флуг. История китайской печатной книги сунской эпохи, с. 232.
[12] См. там же, с. 233.

вели к тому, что уже довольно скоро в текст сочинения вкралось много различного рода ошибок. Их выявлению посвящен ряд работ. Чжан Юй, собрав все сохранившиеся в Китае к началу XX в. сунские издания «Всеобщего зерцала» и дополнив их работами предшественников, исследовавших текст сочинения, сверил их с изданием 1816 г. и составил критический текст «Всеобщего зерцала».

Чжан Юй использовал для своей работы девять изданий эпохи Сун, минское издание Кун Тяньиня (XVI в., далее — издание Куна) и критические работы: 1) «Выяснение ошибок в изданиях „Всеобщего зерцала“» Чжан Дуньжэня (XVIII в. *Цзы чжи тун цзянь кань бэнь ши у*; далее — сверка Чжана); 2) «Сопоставление текстов „Всеобщего зерцала“» Чжан Ина (1823—1901. *Цзы чжи тун цзянь цзяо кань цзи*, далее — по терминологии Чжан Юя — сверка Туйчжая); 3) «Сверка знаков в тексте „Всеобщего зерцала“, вырезанного Ху [Кэцзя]», Сюн Лосу (конец XIX — начало XX в. *Ху кэ Цзы чжи тун цзянь цзяо цзы цзи*; далее — сверка Сюна). Ниже дается краткая характеристика сунских изданий, привлеченных Чжан Юем.

1. Двенадцатистрочное (по терминологии Чжан Юя, *шиэр хан бэнь*) издание[13]; сохранилось 176 *цзюаней*: 1—8 (в *цз.* 1—2 не хватает по одному листу); 37—45 (в *цз.* 45 нет одного листа); 95—111 (в *цз.* 106 нет одного листа); 124—127; 136—150; 159—176; 180—220, 222—230, 236—237, 241—293. Это неполный экземпляр второго издания «Всеобщего зерцала», напечатанного в 1133 г. (далее — издание XII).

2. Пятнадцатистрочное первое (*цзя шиу хан бэнь*), сохранилось 11 *цзюаней*: 11—16 (в *цз.* 15—16 не хватает по одному листу); 23—27. Чжан Юй датирует это издание годами правления императора Гуан-цзуна (далее — издание XV, 1).

3. Четырнадцатистрочное (*шисы хан бэнь*), сохранилось 8 *цзюаней*: 19—22 (в *цз.* 20 и 22 не хватает по одному листу); 30—33. Датируется временем, предшествующим правлению Гуан-цзуна (далее — издание XIV).

4. Шестнадцатистрочное первое (*цзя шилю хан бэнь*), сохранилось 20 *цзюаней*: 35—36, 46—52, 67—75, 119—121, 221. Не датировано (далее — издание XVI, 1).

5. Шестнадцатистрочное второе (*и шилю хан бэнь*), сохранилось 8 цзюаней: 53—56 (в *цз.* 54—56 не хватает по 1 л.); 232—235. Датируется временем, предшествующим правлению Гуан-цзуна (далее — издание XVI, 2).

6. Одиннадцатистрочное первое (*цзя шии хан бэнь*), сохранилось 62 *цзюаня*: 57—68 (в *цз.* 58 не хватает двух листов, в *цз.* 59 нет одного листа); 76—94 (в *цз.* 83 нет 6,5 л., в *цз.* 91

[13] Чжан Юй именует издания по количеству строк на половине китайского листа (*е*), т. е. на одной странице. Порядковый номер утраченных листов не называется, указывается только их общее количество.

нет одного листа, в *цз.* 94 нет 2,5 л.); 112—118, 122, 123, 128—135 (в *цз.* 128 нет 2,5 л); 151—158, 177—179, 238—240. По мнению Чжан Юя, это «образцовое цзяньаньское издание» (*Цзянь бэньчжи цзячжу*) [14]. Датируется временем после правления Нин-цзуна, т. е. после 1225 г. (далее — издание XI, 1).

7. Пятнадцатистрочное второе (*и шиу хан бэнь*), сохранилась одна цзюань: 234. Датируется временем после правления Гуанцзуна (далее — издание XV, 2) [15].

8. Одиннадцатистрочное второе (*и шии хан бэнь*), сохранились полностью все 294 *цзюани.* Чжан Юй считает, что это вторая редакция первого одиннадцатистрочного издания (*чун цзяо Цзянь бэнь*). Воспроизведено в библиотеке-серии *Сы бу цун кань* (далее — издание XI, 2).

9. Северосунское издание из Пекинской библиотеки (*Цзин ши тушугуань цзан бэй Сун цань бэнь*) с фонетическим комментарием; сохранилось 5 цзюаней: 9—10; 17; 28—29. Не датировано (далее — издание Северной Сун) [16].

В результате сопоставления, проведенного Чжан Юем, с этими изданиями в распространенном ныне тексте «Всеобщего зерцала» было выявлено свыше десяти тысяч ошибок — пропущенные и неправильно написанные иероглифы, лишние иероглифы, а также нарушения последовательности иероглифов. Одних только пропущенных иероглифов оказалось свыше 5200 [17].

Благодаря выявленным разночтениям в изданиях «Всеобщего зерцала» можно поставить вопрос, текст какого издания лежит в основе УДПХ. И если бы определить это издание удалось, можно было бы достаточно точно указать время появления УДПХ.

Сверка всего текста УДПХ с текстом «Всеобщего зерцала», проделанная нами, показала, что в ряде случаев в УДПХ имеются иероглифы, отсутствующие в тексте «Всеобщего зерцала», причем эти случаи отмечены Чжан Юем как ошибки, допущенные в издании 1816 г. Составив таблицу изданий, просмотренных Чжан Юем, мы отметили в ней все разночтения, встретившиеся в процессе сверки текстов УДПХ и «Всеобщего зерцала». Таких разночтений оказалось 29 (см. таблицу). В 27 случаях текст УДПХ совпадает с изданием XII, в 28 — с изданием XI, 2. С другими сунскими изданиями совпадений нет [18], с изданием Кун Тяньиня —

[14] Издание знаменитой семьи Юй, книгоиздателей из г. Цзяньани (пров. Фуцзянь), деятельность которых была особенно активной с конца XII в.

[15] Эти семь изданий Чжан Юй относит к типу *бо на бэнь*, т. е. сборных изданий.

[16] Всеобщее зерцало. Т. 1, с. 12—18.

[17] Там же, с. 5.

[18] В УДПХ излагаются заключительные *цзюани* «Всеобщего зерцала» (№ 252—294), поэтому с теми изданиями, в которых сохранились начальные *цзюани* (до № 252), совпадений текста, естественно, быть не может.

23 совпадения и соответственно 10 и 9 совпадений с работами Чжана и Туйчжая.

Данные таблицы позволяют на первый взгляд предположить, что текст УДПХ восходит к изданию XI, 2, ибо здесь максимум совпадений (28 из 29). Однако, анализируя несовпадения текстов в изданиях XII и XI, 2, удалось выяснить, что расхождение в случае № 28 вполне закономерно: текст, цитируемый в УДПХ, взят из *цз.* 294 «Всеобщего зерцала», а эта *цзюань* в издании XII не сохранилась. В результате оказывается, что текст исследуемого *пинхуа* только в одном случае имеет расхождение с каждым из двух рассматриваемых изданий (примеры № 20 и 25).

Кроме примеров, приведенных в таблице, еще есть свидетельства косвенной связи текста УДПХ с указанными выше изданиями XII и XI, 2:

1. УДПХ, 147_{13}: *Цзинь чжу цзян бэй чжэн, и и Ду Вэй вэй ду чжаотаоши.*— «Собираясь в поход на север, государь Цзинь обсуждал вопрос о назначении Ду Вэя на пост *ду чжаотаоши*». Во «Всеобщем зерцале», 9311_{13}, текст выглядит так: *Цзи цзян бэй чжэн, ди юй Фэн Юй, Ли Сун и и Вэй вэй юаньшуай.*— «Собираясь в поход на север, император обсуждал с Фэн Юем и Ли Суном вопрос о назначении [Ду] Вэя на пост *юаньшуая*». На первый взгляд кажется, что автор *пинхуа* ошибся — назвал не ту должность. Но на с. 9312_1 «Всеобщего зерцала» говорится: *ши юе... и Вэй вэй бэймянь синъин ду чжихуэйши.*— «Десятый месяц... [Ду] Вэй был назначен *ду чжихуэйши* северного направления», а дальше следует комментарий Чжан Юя, согласно которому в изданиях XII, XI, 2 и у Куна должность Ду Вэя названа *ду чжаотаоши.* Следовательно, автор назвал должность Ду Вэя верно, соответственно тексту «Всеобщего зерцала», но при этом он «сжал» текст, объединив два разорванных во времени факта (обсуждение и назначение) в один новый, и опустил детали (имена сановников и название района военных действий, куда назначался Ду Вэй).

2. УДПХ, 149_6: *Сун Яньюнь бай цзоу.*— «Сун Яньюнь потерпел поражение и отступил». Во «Всеобщем зерцале», 9318_3: *Яньюнь вэй цидань со бай, фу шуй ди ань дэ мянь.*— «Потерпев от киданей поражение, [Сун] Яньюнь спасся, вплавь добравшись до берега». Но после иероглифа *мянь*, согласно комментарию Чжан Юя, должны быть, как в изданиях XII, XI, 2 и у Куна, еще три иероглифа: *инь туй цзоу* — «и отступил». Именно текст, содержащий эти три иероглифа, использован автором *пинхуа*, но, как и в предыдущем случае, он изложил факт более сжато, опуская подробности.

3. В УДПХ, 218_3, упоминается имя Бай Чжуншан. Во «Всеобщем зерцале», 9504_8, это имя пишется как Бай Чжунцзинь, а Чжан Юй отмечает, что в изданиях XII, XI, 2, а также у Куна, Чжана и Туйчжая это имя пишется: Бай Чжунцзань. Во всех

трех случаях есть расхождения в последнем иероглифе имени, и нам кажется, что вариант УДПХ — иероглиф 賞 *шан*, скорее всего, восходит к отмеченному Чжан Юем иероглифу 贊 *цзань*. Эти иероглифы близки по написанию, и, вероятно, вариант *шан* появился в *пинхуа* в результате описки автора или переписчика [19].

4. В УДПХ, 244_9, названо число *и бай вань минь* «миллион связок монет». Во «Всеобщем зерцале», 9581_{7-8}, называется *ши вань* «сто тысяч», а Чжан Юй отмечает, что в изданиях XI, 2 и Куна [20] должно быть *шу ши вань* «несколько сот тысяч». Хотя автор УДПХ переносит в свое сочинение числа, приведенные во «Всеобщем зерцале», достаточно произвольно (преувеличивая или, напротив, явно занижая их), однако в данном случае можно полагать, что был использован именно вариант издания XI, 2, но цифра увеличена до миллиона. Это подтверждает и логика текста УДПХ: число названо в докладе правителя княжества Тан, капитулирующего перед государством Чжоу на условиях, поставленных императором Ши-цзуном, поэтому сумма дани, которую обещает платить поверженный враг, завышена.

В процессе сверки текстов мы обнаружили всего лишь два случая, когда в УДПХ не были учтены варианты изданий XII и XI, 2:

1. УДПХ, 92_5: *Тан чжу цзи мин сюань ши* — «Государь Тан приказал тотчас же повернуть войска»; во «Всеобщем зерцале», 8972_{12}: *Цзи мин сюань ши.*— «[Государь Тан] приказал тотчас же повернуть войска», а дальше, согласно комментарию Чжан Юя, должно быть еще шесть иероглифов: *Ши е фу чжи Сышуй.*— «И в ту же ночь [войска] снова подошли к реке Сышуй».

2. УДПХ, 221_6: *Шицзу пи бин.*— «Воины от усталости начали болеть»; во «Всеобщем зерцале», 9515_{11-12}, то же, а Чжан Юй указывает, что далее должно быть еще пять иероглифов: *Цзи Ши Яньчао сы.*— «К тому же Ши Яньчао скончался».

По нашему мнению, в обоих этих случаях мы имеем дело с обычным для УДПХ приемом выборочного, сокращенного переноса текста из «Всеобщего зерцала». Автор сам отбирает материал и опускает то, что, с его точки зрения, излишне для изложения (см. также выше, примеры № 1—2).

Таким образом, результаты сверки текстов УДПХ и «Всеобщего зерцала», как зафиксированные в таблице, так и приведенные дополнительно в тексте статьи, подтверждая вывод о том,

---

[19] В УДПХ встречаются и другие описки в именах, например: вместо имени Чжан Цунъэнь написано Чжан Цунсы (с. 138). Здесь тоже перепутаны близкие по написанию иероглифы 恩 *энь* и 思 *сы*.

[20] Число взято из *цз.* 294, поэтому оно опять не совпадает с изданием XII.

что «Всеобщее зерцало» является исторической основой УДПХ, дают основание считать, что УДПХ появилось в эпоху Южной Сун, до напечатания юаньского издания «Всеобщего зерцала» с комментарием Ху Саньсина. Текст этого произведения мог восходить к одному из сунских изданий «Всеобщего зерцала»: или к изданию XII (1133 г.), или к изданию XI, 2. Поскольку издание XI, 2 является, по мнению Чжан Юя, второй редакцией издания XI, 1, напечатанного после 1225 г., мы датируем его серединой XIII в. (до 1287 г.— даты послесловия Ху Саньсина).

Следует остановиться еще на одном наблюдении. В тексте УДПХ встретилась фраза, в которой после первого иероглифа по смыслу явно должен был бы стоять глагол с одним из следующих значений — «хотеть», «собираться», «намереваться» и т. п., отсутствующий в тексте: *Во юй гун хэ Хэшо цзюнь и синфу Тан ши.*— «Я [хотел] объединить с вами силы Хэшо, чтобы восстановить на престоле династию Тан» (с. 63). Комментируя текст «Всеобщего зерцала», Ху Саньсин заметил пропуск знака и предположил, что в этой фразе должен быть еще иероглиф 欲 *юй* «хотеть» (с. 8777). Чжан Юй подтвердил это: по его данным, в изданиях XII и Куна этот иероглиф действительно в тексте был. Мы полагаем, что в данном случае пропуск иероглифа — активного грамматического компонента предложения — не обычное сокращение текста «Всеобщего зерцала» [21], а, по-видимому, воспроизведение ошибки, вкравшейся в текст издания XI, 2, где этот знак оказался пропущенным.

Именно эта деталь текста позволяет высказать предположение, что в основе УДПХ лежит издание XI, 2; так что оно могло быть создано в 60—70-х годах XIII в., после выхода в свет издания XI, 2, ибо автор, скорее всего, пользовался наиболее близким ему по времени изданием «Всеобщего зерцала» как наиболее доступным и распространенным.

Попытки определить время создания дошедшего до нас варианта УДПХ, как уже было отмечено, предпринимались и ранее. Так, Цао Юаньчжун приводил в подтверждение своей точки зрения два примера табуированных иероглифов. Другие авторы конкретных доводов в подтверждение своих датировок не приводили, ограничиваясь общими соображениями. Наиболее последовательно и обоснованно пытался решить этот вопрос М. В. Софронов: он датировал УДПХ, анализируя некоторые грамматические явления и структурные особенности памятника. Выводы М. В. Софронова сводятся к следующему: либо (а) текст УДПХ был написан в «период перехода на юг», а затем в XIII—XIV вв. заново отре-

[21] Во «Всеобщем зерцале» эта фраза звучит так: *юй бэнь юй гун хэ Хэшо у чжэнь чжи бин синфу тан цзо* — «Я вначале [хотел] объединить с вами войска пяти военных округов Хэшо, чтобы восстановить танский престол» (с. 8777).

дактирован, либо (б) к тексту УДПХ, написанному в XII—XIV вв., была присоединена глава об истории династии Хань, написанная раньше. Базируются эти выводы прежде всего на анализе трех грамматических явлений [22].

1. Местоимения 咱 *цза* и 您 *нинь* рассматриваются М. В. Софроновым в их обычном (а не гонорифическом) значении как явление, свойственное языку юаньских памятников. Однако, как указывает Люй Шусян, местоимение *цза* в значении «я», обычное для сунских, цзиньских и юаньских памятников, и местоимение *нинь* «ты», появляющееся в цзиньских *чжугундяо* и распространенное в юаньских пьесах и *Юань чао би ши* («Сокровенное сказание»), не имели в это время еще оттенка вежливости, свойственного данным местоимениям в современном языке [23].

2. Частица 底 *ди*, дважды встретившаяся в главе по истории династии Хань, рассматривается как явление, свойственное языку до XIII в., и посему в УДПХ случайное.

Но употребление частицы *ди* в данном графическом варианте свойственно не только танским *юйлу* и *бяньвэнь*. Эта частица распространена в *чжугундяо* (например, в *Лю Чжиюань чжугундяо*) и регулярно встречается в юаньских пьесах *сивэнь* [24], поэтому рассматривать ее в языке УДПХ как случайный реликт нельзя, и доводы М. В. Софронова о том, что значение этой частицы (в данном графическом варианте) было «непонятно редактору и он не рискнул перевести ее на современный ему язык» или что она случайно избегла правки [25], кажутся нам недоказательными [26].

3. Суффикс 每 *мэй* как показатель множественного числа для местоимений и существительных, обозначающих лицо (*цзамэй* «мы», *ниньмэй* «вы», *хайэрмэй* «дети»), рассматривается как явление, встречающееся только в юаньских памятниках.

Но, как отметил Люй Шусян, употребление суффикса *мэй* в этой функции свойственно и *чжугундяо* (особенно «Западному

[22] Тезис М. В. Софронова о повторении цитат «Всеобщего зерцала» в части «Хань» как о явлении, «присущем исключительно главе „Хань“» (что не соответствует действительности), будет рассмотрен ниже.

[23] Люй Шусян. Сборник статей по грамматике китайского языка, с. 163—165, 167.

[24] Сведения о наличии частицы *ди* в пьесах *сивэнь* нам любезно предоставила И. Т. Зограф.

[25] М. В. Софронов. Об источнике, с. 148.

[26] Фразы, в которых употреблена названная частица, следующие:

а) *Ли Цзинжу мэн цзянь шэньди*? Что же увидел во сне Ли Цзинжу? (с. 164);

б) *Мужун Саньлан вэнь та ю шэньди бин*? Мужун Саньлан спросил, какие у него пороки? (с. 162). Т. е. в обоих случаях фразы чисто разговорного, а не архаичного стиля.

флигелю» Дун Цзеюаня) [27], написанным на северном *гуаньхуа*.

Кроме того, следует заметить, что суффикс *мэй* встречается в УДПХ не только в качестве показателя множественности при местоимениях, но и при местоимениях со значением единственного числа [28].

То же можно сказать и о суффиксе *мэй* в качестве показателя множественного числа при существительном. Ни в одном из трех встретившихся нам случаев употребления слова *хайэрмэй* оно не значит «дети»: в первом и втором случае оно обозначает «я» (в обращении к старшему (с. 127) и сына к отцу) [29], в третьем — имеет значение «малыш», «мальчуган» (с. 183). Встречаются в тексте и другие примеры оформления существительного суффиксом *мэй*; в одних, как, например, *цзяньэрмэй* «храбрец», выступает значение единственного числа — «не пропадать же стараниям храбреца», т. е. моим стараниям,— так говорит о себе в обращении к старшему военачальнику один из персонажей повествования (с. 32), в других — множественного, *сюндимэй* «братья» (с. 12), *гуаньжэньмэй* «чиновники» (с. 35).

Таким образом, можно заключить, что:

а) употребление местоимений *цза* и *нинь* в их обычном значении свойственно языку доюаньских памятников, в частности *чжугундяо*;

б) употребление частицы *ди* в указанном варианте (одновременно с графическим вариантом 的) [30] не завершается XII в. и тоже свойственно цзиньским *чжугундяо*;

в) суффикс *мэй* в качестве показателя множественности свойствен языку не только юаньских, но и более ранних памятников — цзиньским *чжугундяо*.

Таким образом, грамматические особенности УДПХ (которые М. В. Софронов квалифицирует как характерные для юаньского периода) оказываются более ранними, так что они не противоречат предлагаемой нами дате составления УДПХ — 60—70-е годы

---

[27] Люй Шусян. Сборник статей, с. 148.

[28] *Цзамэй* приблизительно в двух случаях из трех переводится не «мы», а «я» (см., например, УДПХ, с. 10—12, 18, 21, 22, 24, 28, 32, 129, 183, 190).

[29] УДПХ, с. 169; второй раз в этом же значении (также при обращении к отцу) оно употреблено без суффикса *мэй* — *хайэр* (см. там же). Люй Шусян считает, что слово *хайэрмэй* употребляется как местоимение 1-го лица (с уничижительным оттенком), и отмечает его распространенность в эпоху Юань (см. Сборник статей, с. 159), что, по нашему мнению, не исключает возможности его существования в языке и до 1280 г.

[30] Частица *ди* во втором графическом варианте появляется в сунских *хуабэнь*. Ван Ли (Опыт истории китайского языка, с. 322) считает ее явлением юаньским, поскольку, по его мнению, сунские *хуабэни* прошли редактуру в период Юань. Однако Хун Чэн (Рецензия на раздел грамматики книги Ван Ли «Опыт истории китайского языка», с. 187) указывает, что частица *ди* часто встречается в *чжугундяо* «Западный флигель», а эта книга, по его мнению, не проходила позднейшей редакции.

XIII в. (или середина XII в., если считать, что в основе УДПХ лежит издание XII «Всеобщего зерцала»).

Установив возможные хронологические рамки составления дошедшего до нас варианта текста УДПХ, попытаемся объяснить, что, на наш взгляд, может означать выражение «Заново составленное», предшествующее заглавию памятника.

В тексте УДПХ имеется авторский комментарий. В нем кратко объясняются некоторые выражения, имена, прозвища, географические названия, названия должностей и т. п. Принципиального значения для изложения или понимания смысла повествования этот комментарий не имеет, так как он невелик и отбор комментируемых слов проводится автором не всегда последовательно. Несомненно, здесь мы сталкиваемся с элементами устной сказительской традиции, восходящей к буддийской проповеди [31], хотя отрицать влияние авторского комментария исторического источника повествования тоже нельзя (например, комментарий к имени Ли Яцзы, с. 61, полностью повторяет разъяснение, данное Сыма Гуаном, с. 8689). Поэтому вслед за Б. Л. Рифтиным мы рассматриваем комментарий в УДПХ как соединение «традиционного комментаторства и сказительского объяснения слов, непонятных слушателям» [32].

В УДПХ автор сам решает, что может быть непонятно по ходу изложения, и от случая к случаю дает объяснения. Так, например, назвав впервые посмертное имя императора, автор объясняет, кому оно принадлежит (с. 213), или, наоборот, назвав какое-то лицо, в будущем императора или его ближайшего предка, обычным именем, автор растолковывает, под каким именем он известен, например: «В это время... Чжао Сюаньлан, *т. е. сунский Сюань-цзу, отец Тай-цзу*, подошел со своим отрядом к городу» (с. 232); или: «Наследник мой Чэнъю мал и слаб, *а Чэнъю — это Инь-ди*, поручаю его вам» (с. 190).

Аналогично дается комментарий и к географическим названиям. Здесь может быть объяснено одно название через другое, более известное, например: «Чжоуские войска овладели областью Цзинхайцзюнь, *т. е. Тунчжоу*, и с княжеством У-юе установилось прямое сообщение» (с. 243). С географическим названием для большей ясности изложения могут быть соотнесены какие-то конкретные события: «Тут случилось так, что три военных округа: Хэчжун — *мятеж Ли Шоучжэня*, Юнсин — *мятеж Ван Цзинчуна*, и Фэнсян — *мятеж Чжао Сызаня* — взбунтовались» (с. 191).

Получили объяснение выражение «наматывать шелк на голову» и должность *тецзинь*, которые ко времени появления УДПХ были уже непонятны: «„Все те шелка, государь, которые вы на-

[31] См., например, комментарий в тексте «*Бяньвэнь* о воздаянии», с. 359, 361.

[32] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 161; см. также комментарий в тексте УВПХ, с. 36.

матываете на голову, я оплачиваю из своего жалованья",— ответил Чжан Чэнъе. А „наматывать шелк на голову" значит то же, что теперь называют делать подарки» (с. 69); «„Сын непослушанием обидел *тецзиня* и за это наказан уже плетьми". «*Тецзинь*» — название должности при [дворе] Цзинь-[вана]» (с. 70).

В комментарии УДПХ обращают на себя внимание два обстоятельства: он распределен количественно неравномерно и графически неоднороден. На первые четыре части повествования приходится всего два (см. приведенные выше) примера комментария (оба они к тому же даны во второй части), который графически не выделяется из повествовательного текста и дается по окончании предложения, в котором употреблено комментируемое слово или выражение (в переводе тоже не выделен). Все остальные случаи авторского комментария приходятся на последнюю часть. Здесь комментарий выделен в тексте графически — набран более мелкими иероглифами и помещен внутри предложения, сразу за словом, которое объясняется (в переводе дается курсивом). Такие формальные и графические различия комментария в разных частях повествования позволяют нам высказать предположение, что дошедший до нас текст УДПХ был составлен на основе разных списков рукописи. По-видимому, именно это обстоятельство и отражено в определении «Заново составленное», предшествующем названию произведения.

Как дополнительный довод в пользу этого предположения мы рассматриваем и встретившееся в двух частях УДПХ разночтение в имени одного из персонажей. На с. 139 назван Цяо Жун (喬 [2]), в другой части, при повторном пересказе эпизода (с. 173), он назван Цяо Ин (喬瑩). Как отмечает в комментарии Ху Саньсин (с. 9253), второй вариант имени тоже существовал; он был зафиксирован в сочинении *Сянь фань цзи* — «Записки о землях, попавших под власть чужеземцев» [33], следовательно, это разночтение было известно, и описку в данном случае предполагать нельзя. Скорее всего, разные списки рукописи зафиксировали разные, но реальные варианты написания имени.

---

[33] В имеющихся библиографиях найти сочинение, названное Ху Саньсином, не удалось. В «Сводном индексе к 20 библиографиям» (V — 82280) названо сочинение Ху Цзяо (X в.) *Сянь ляо цзи* (или другое название *Сянь лу цзи*). Поскольку все три названия отличаются лишь вторыми иероглифами, близкими по значению, можно предположить, что в обоих случаях имеется в виду одно и то же сочинение. Однако проверить наше предположение трудно ввиду отсутствия названных произведений. В отрывках (по-видимому, из *Сянь ляо цзи*) из заметок Ху Цзяо, приведенных в «Новой истории Пяти династий» (*Синь у дай*, с. 312—313), эпизода с Цяо Жуном (Ином) нет.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ В ТЕКСТЕ *ПИНХУА*

Значительное место в тексте УДПХ занимают официальные документы. Около семидесяти императорских манифестов, повелений, указов, докладов трону, писем, прошений, воззваний и т. д. включено в повествование. Основу такой документальной насыщенности, несомненно, следует искать в историческом источнике повествования, где различного рода документы приводятся достаточно часто.

Исследуя приемы переноса в *пинхуа* текста исторических источников, мы выяснили, что автор не просто цитирует первоисточники, он по-разному использует и переносит их в свое сочинение, поэтому мы решили выяснить, как же передаются в *пинхуа* тексты документов. Для этого мы попытались сопоставить документы, приведенные в УДПХ, с текстами документов «Всеобщего зерцала». Оказалось, что документы в *пинхуа* не всегда идентичны документам, помещенным или цитированным у Сыма Гуана. Основываясь на степени совпадения документов УДПХ и «Всеобщего зерцала», можно разделить их на следующие две основные группы и в каждой из них выделить по три подгруппы.

I. Идентичные документы:

а) полный текст,

б) текст в выдержках или в сокращении,

в) документ в частичной авторской обработке.

II. Неидентичные и неаутентичные документы:

а) создание нового текста на основе соединения текстов документа и истории,

б) приведение текста, который в истории не процитирован и не пересказан, а только назван,

в) документы неизвестного происхождения, в истории не упомянутые.

Iа. Примеров полного цитирования очень немного. Следует сразу же оговориться, что совершенно точного и дословного цитирования в тексте нет. Документ, как правило, несколько расширен — обрамлен полагающимися формулами, которые во «Всеобщем зерцале» опущены как стандартные. В доклады трону, письма, прошения введены вступительные и заключительные формулы, объясняющие, какой документ, кто и кому направляет, в конце указывается и дата его составления[34]. Слова местоимен-

[34] Форма документов периода Пяти династий неизвестна. Во «Всеобщем зерцале», в «Старой» и «Новой» историях Пяти династий, в «Собрании важнейшего о Пяти династиях» (*У дай хуэй яо*) все документы приводятся в сокращении. Сопоставление же документов УДПХ (прежде всего писем и докладов) с аналогичными документами эпох Тан и Сун показало, что автор выдерживает оформление в более близких ему традициях сунской деловой письменности. Возможно, автор не имел перед собой подлинных текстов документов и именно поэтому дополнял их оформление по знакомым ему сунским образцам. Для сличения использованы следующие собрания: *Тан да*

ного характера чаще всего заменены собственными именами, кроме того, автор может заменить одни иероглифы другими. Пример такого документа-послания — доклад Гао Си, направленный сановником императору («Чжоу», *цз.* 2).

В этом примере, кроме первых четырех вступительных слов и заключительной формулы, весь текст полностью заимствован из «Всеобщего зерцала» (с. 9517). В перенесенном в *пинхуа* тексте имеются только два разночтения: вместо знака 穀 *гу* написан знак 谷 *гу* (случай употребления по ошибке знака вместо другого, омонимичного) и конечная частица 也 *е* заменена другой конечной частицей 耳 *эр.*

Второй пример того же рода:

«Чжоуский Ши-цзун пожаловал государя Тан указом, гласившим: „Перейдут к нам все области [Цзянбэя], и военные действия прекратятся. Однако императорский титул пусть остается, чем он помешает на склоне лет? Если бы укреплял помыслы в делах великих, до беды людей никогда бы не довел. Уговоры на этом кончаются, больше словами докучать не буду. Коли выскажешь несогласие, прошу считать отныне отношения прерванными“» (с. 235).

Во «Всеобщем зерцале» сказано так: «Император пожаловал правителю Тан письмо, в котором кратко говорилось следующее: „Однако императорский титул пусть остается, чем он помешает на склоне лет? Если бы укреплял помыслы в делах великих, до беды людей никогда бы не довел“. И еще говорилось: „После того как перейдут к нам все области [Цзянбэя], военные действия прекратятся. Уговоры на этом кончаются, больше словами докучать не буду. Коли выскажешь несогласие, прошу считать отныне отношения прерванными“» (с. 9548).

Как видно из приведенного текста, обе эти цитаты взяты из одного документа — письма государя Чжоу правителю Тан, которое во «Всеобщем зерцале» приведено лишь в двух небольших отрывках. Автор УДПХ соединяет их[35], как бы возвращая к исходному состоянию, он только перекомпоновывает материал, несколько изменяя порядок его расположения[36]. Кроме того, в тексте

чжао лин цзи — Собрание императорских указов периода Тан; *Сун да чжао лин цзи* — Собрание императорских указов периода Сун; Лю Цзунъюань. Лю Хэдун цюань цзи (Полное собрание сочинений Лю Хэдуна); Оуян Сю. Оуян Вэнь-чжун цзи (Собрание сочинений Оуян Вэнь-чжуна); Сыма Гуан. Сыма Вэньчжэн цзи (Собрание сочинений Сыма Вэньчжэна).

[35] Это не единственный пример соединения в один документ отрывков, процитированных в труде Сыма Гуана; см., например, также УДПХ, 148,— Всеобщее зерцало, с. 9312.

[36] Согласно «Старой истории Пяти династий», отрывки письма императора расположены именно в той последовательности, как это дано во «Всеобщем зерцале».

УДПХ оказался пропущенным иероглиф 俟 *си* «после того как»; вместо знака 軍 *цзюнь* «солдаты», «войско» написан его синоним 兵 *бин*; знак 迫 *по* «теснить» заменен синонимом 逼 *би*, а иероглиф 儻 · *тан* «если бы» написан в упрощенной (*су цзы*) и потому недопустимой в подлинном документе форме 倘 *тан*.

В этом примере обращает на себя внимание одна деталь — письмо (*шу*) чжоуского государя правителю княжества Тан автор *пинхуа* именует указом — *чжао*, и это, видимо, не случайно. «Первый из государей эпохи Пяти династий» (с. 217) — Ши-цзун успешно вел борьбу с танским правителем. Правитель Тан, потерявший в этой борьбе значительную часть своей территории, чтобы как-то спасти положение, неоднократно пытался в письмах и через послов договориться с Чжоу об условиях мира. Ради этого он готов был даже передать свой титул и престол сыну. В письме, цитируемом во «Всеобщем зерцале», Ши-цзун ставит главное условие прекращения войны с Тан — переход под эгиду Чжоу всех областей района Цзянбэй. Эта категоричность, а также весь тон письма, на наш взгляд, дали возможность автору по-своему оценить и истолковать его. Назвав письмо «указом», автор переставляет акценты: он зачеркивает еще существующее формальное равенство государей и подчеркивает превосходство положения Ши-цзуна, который как высший, как повелитель, направляет указ правителю Тан уже как низшему, как своему подданному.

Еще одним примером полного цитирования документа является проект освоения пограничных областей, представленный Ван Пу на высочайшее имя («Чжоу», *цз.* 2), ибо текст этот весьма показателен: он достаточно обширен и на нем четко видны все особенности заимствования документов.

В данном случае кроме замены нескольких знаков другими и введения вступительных и заключительных формул мы сталкиваемся еще и с незначительным расширением текста доклада за счет включения в него четырех дополнительных фраз и нескольких отдельных слов. Кроме того, одно предложение доклада дано в пересказе и местоимение *ци* «его» заменено именем Лю Чуна — правителя Северной Хань, чтобы было понятнее, о ком идет речь.

Слова и фразы, введенные в текст, не меняют его содержания, они лишь подчеркивают сказанное и оживляют его. Деятельность Ши-цзуна по реорганизации китайского войска и поднятию его боеспособности — одна из важных тем повествования второй главы «Истории Чжоу». Именно с недисциплинированностью и своеволием военачальников и воинов (особенно в гвар-

дии) боролся Ши-цзун. Он добился успеха и сумел создать войско, не знающее преград и поражений. И дополнения в тексте доклада, лишний раз констатируя этот факт, являются своего рода финальной реминисценцией темы. Автор, введя расширенные эпитеты, сильнее оттенил мощь и несокрушимость, доблесть и дисциплинированность войск Ши-цзуна — императора, прославлению личности и деяний которого посвящена вся вторая половина последней части повествования.

Iб. Сокращенное цитирование документов в значительной степени аналогично сокращенному переносу текста истории в текст УДПХ. Автор не только отбирает из «Всеобщего зерцала» документы, но и в самом документе производит отбор материала. Он выбирает то, что наиболее важно для его собственного изложения темы повествования. Примеров сокращенного цитирования встречается тоже немного, приведем два из них: «Ань Чжунжун... подал доклад, в котором говорил: „В настоящее время тугухуни, оба племени туцюе, хунь, циби, шато — каждое племя со своим войском возвращается под вашу власть, дансяны тоже намерены явиться с жалобой па киданей. Все сетуют на обиды и притеснения киданей и готовы выставить по сто тысяч воинов, чтобы, объединившись с Цзинь, ударить по ним“» (с. 135).

Полный текст доклада Ань Чжунжуна содержал «более тысячи знаков» [37]. Сыма Гуан процитировал его сокращенно: во «Всеобщем зерцале» 23 фразы — 163 знака. В тексте, приведенном в УДПХ, пять фраз — 52 знака (из них шесть добавлены и несколько знаков заменены синонимичными). Автор оставил только факт попытки Ань Чжунжуна склонить цзиньского государя совместно с северными племенами на борьбу с киданями, опустив приведенные во «Всеобщем зерцале» факты неповиновения киданям отдельных военачальников (с. 9222—9223).

Второй пример — текст указа чжоуского Тай-цзу: «Мы, проведя жизнь в походах, к учению так и не приступили, поэтому путей управления Поднебесной не постигли. Всем военным и гражданским чиновникам, знающим толк в том, что такое польза страны и благо народа, представить опечатанные доклады для нашего сведения» (с. 203).

Во «Всеобщем зерцале» этот текст звучит так:

«Мы, проведя жизнь в походах, к учению так и не приступили, путей управления Поднебесной не знаем. Военным и гражданским чиновникам, знающим толк в том, что такое польза страны и благо народа, представить опечатанные доклады для нашего сведения; надлежит непосредственно писать о деле, цветистое изложение недопустимо» (с. 9455).

Мы видим, что в УДПХ опущены две заключительные фразы указа. Автору было важно заострить внимание на факте обра-

[37] См.: Всеобщее зерцало, с. 9223.

щения Тай-цзу к сановникам за помощью, дабы наладить управление страной. Недаром в отличие от «Всеобщего зерцала», где текст указа вводится словами «еще был указ, гласивший» (с. 9455), и «Старой истории Пяти династий», где указ введен словами «еще был указ» (с. 495б), в УДПХ говорится: «Еще был издан указ, в котором [государь] просил советов: всем, кто имел, что изложить на благо народу, следовало представить в опечатанном виде доклады на высочайшее имя». Это расширенное введение к указу сразу же акцентирует внимание на самом, с точки зрения автора, главном в указе Тай-цзу — император просил советов, которые могли бы облегчить жизнь народу,— и поэтому, естественно, последние две фразы, регламентирующие лишь стиль будущих докладов государю, автор опустил [38].

Iв. Часть документов первой группы являются как бы пограничными — они еще построены в основном на цитации документа из «Всеобщего зерцала», но авторская рука вносит в них уже существенные коррективы. В УДПХ приведено повеление — *чжао*, направленное последним позднетанским императором Лу-ваном Ши Цзинтану:

«Вы ведь находились недалеко от Ао-вана и в событиях в Вэйчжоу по-настоящему предали (разрядка наша.— *Л. П.*) его. *Передать престол Сюй-вану*,— да кто же поверит этому!? Вы направляетесь в военный округ Юньчжоу. Не вздумайте тянуть и не выехать к месту назначения. Настоящий указ дан в ответ, вам надлежит с ним ознакомиться» (с. 119).

Во «Всеобщем зерцале» повеление процитировано так: «Вы от Ао-вана ведь находились недалеко, события в Вэйчжоу известны всем в Поднебесной. А словам о Сюй-ване кто же согласится поверить?» (с. 9143).

В этом примере прежде всего обращает на себя внимание недвусмысленная редакция исторического текста [39]. Автор расшифровывает намек, содержащийся в повелении, и тем самым дает свою оценку поступку Ши Цзинтана. «События в Вэйчжоу, известные всем в Поднебесной», он квалифицирует как предательство и прямо говорит об этом в повелении. Такая несколько «лобовая» переработка текста сразу же изменила дух и стиль повеления, в нем появилась и весьма категоричная концовка, логически и стилистически вытекающая из материала [40] и композиции эпизода. Второе разночтение в тексте повеления — «передать

[38] Следует отметить, что доклад, процитированный во «Всеобщем зерцале» и перенесенный в УДПХ, текстуально не совпадает с этим же докладом, процитированным в «Старой истории Пяти династий», что оговорено в комментарии (*Цзю у дай*, с. 495б).

[39] Повеление Лу-вана Ши Цзинтану (с. 228а) более полно приведено в «Старой истории Пяти династий». Отрывок, процитированный во «Всеобщем зерцале», практически не имеет разночтений с соответствующей частью текста «Старой» истории.

[40] О назначении Ши Цзинтана в Юньчжоу см. УДПХ, с. 117.

престол Сюй-вану» вместо «а словам о Сюй-ване» — внес автор. Поскольку повеление Лу-вана было ответом на доклад Ши Цзинтана, в котором употреблены именно слова «передать престол Сюй-вану», автор нарочито повторяет их в повелении, чтобы лишний раз заострить внимание на сути происходящего и заставить главную тему доклада прозвучать в финале эпизода еще раз[41].

Бóльшая часть документов, приведенных в УДПХ, неидентична и неаутентична. Здесь автор уже не ограничивает себя рамками текста исторического источника: мы видим и документы, полностью сочиненные автором, и документы, сымпровизированные на темы истории с включением в новый документ текста исторического источника.

IIа. Документы еще достаточно непосредственно связаны с текстом исторического источника, они, как и документы Iв, являются пограничными. В УДПХ, например, приведено письмо Ши Цзинтану командующего в Фэнсяне Чжу Хунчжао («Цзинь», *цз.* 1).

Во «Всеобщем зерцале» письмо Чжу Хунчжао процитировано так (здесь и ниже текст, перенесенный в УДПХ, дан вразрядку): «Чжунхуэй действует грубо, если он прибудет в войско, опасаюсь, что это может вызвать волнения среди [ваших] подчиненных, и они разбегутся без боя, что надлежит пресечь».

Откуда же появился вариант письма, помещенного в УДПХ? Придуман он, или, может быть, автор приводит более полный текст письма, известного ему по другим источникам? Дополнительное исследование текста «Всеобщего зерцала» показало, что в этом случае автор не выходит за пределы данных своего главного исторического источника. Сыма Гуан сообщает, что командующий в Фэнсяне Чжу Хунчжао раболепным служением Ань Чжунхуэю добился управления крупным военным округом. Когда Ань Чжунхуэй проезжал через Фэнсян (он ехал из столицы инспектировать войско Ши Цзинтана, которое безуспешно вело борьбу с Шу), Чжу Хунчжао, оказывая всячески почести и знаки внимания, принял его и поместил в своем доме. Ань Чжунхуэй пожаловался на интриги клеветников, которые едва не погубили его. Как только Ань Чжунхуэй уехал, Чжу Хунчжао подал императору доклад, в котором сообщил, что Чжунхуэй недоволен, что его нельзя посылать в ставку, ибо следует опасаться, что он лишит Ши Цзинтана военной власти (здесь и ниже, в докладе Ши Цзинтана императору, мы максимально близко передаем содержание текста процитированных Сыма Гуаном документов).

[41] Такой прием заострения внимания на каком-то факте или событии через повторение главного в ответном документе встречается и в других документах; см., например, разбираемый в разделе IIб доклад Лю Чжиюаня и ответ на него киданьского государя.

Затем Чжу Хунчжао послал письмо и Ши Цзинтану. Напуганный Ши Цзинтан доложил императору, что в случае прибытия Чжунхуэя может произойти бунт, посему следует поскорее отвести из похода войска (с. 9055).

Таким образом оказывается, что письмо в УДПХ смонтировано автором на основании дополнительно привлеченного исторического материала. В письмо включен и повествовательный текст истории, и текст из других исторических документов (докладов императору), т. е., оставаясь в рамках исторического факта и максимально сохранив относящуюся к описываемому событию — в том направлении, как событие изложено в УДПХ,— информацию и соответственно исторический текст, автор разработал на этой основе совершенно новый — литературный — вариант известного исторического документа.

Приведем еще пример использования данных «Всеобщего зерцала» для создания документов в УДПХ.

В разделе истории династии Поздняя Цзинь под третьим годом Тянь-фу правления императора Гао-цзу Сыма Гуан сообщает о том, что Ши Цзинтан пожаловал почетные титулы киданьскому государю Дэ-гуану и императрице-матери Шулюй. Для проведения церемонии вручения грамот к киданям в качестве императорских послов были направлены двое известных сановников цзиньского двора — Фэн Дао и Лю Сюй. Государь киданей остался очень доволен вниманием и проведенной церемонией. Далее историк переходит к рассказу о том, что цзиньский император (Ши Цзинтан) весьма преданно служил киданям, подавая доклады, назывался подданным, к киданьскому государю обращался как к «императору-отцу», с поклоном принимал привозимые киданьскими послами указы Дэ-гуана, платил ему ежегодно дань золотом и шелками по триста тысяч и сверх того делал дорогие подношения императору и его окружению. Кидани вели себя с цзиньцами неуважительно, но Ши Цзинтан неизменно оставался почтительным и преданным подданным. В результате Дэ-гуан стал запрещать Ши Цзинтану подавать доклады и называться подданным и приказал писать ему письма, называясь «императором-сыном», как это положено этикетом между членами семьи (с. 9188—9189).

В пересказанном отрывке выделяются три темы, развивавшиеся во времени, хотя у Сыма Гуана все они объединены под одной датой — восьмым месяцем:

пожалование почетных титулов и отправка в связи с этим к киданям специальных послов — событие произошло именно в указанном восьмом месяце и носило разовый характер;

описание поведения Ши Цзинтана в отношении киданей — события имели протяженность во времени, они происходили до восьмого месяца и носили многократный характер;

описание реакции Дэ-гуана на поведение Ши Цзинтана — здесь

действия тоже имели неоднократный характер и протяженность во времени.

Весь материал «Всеобщего зерцала» в УДПХ сохранен, но и форма его изложения, и стиль, и композиция разработаны уже самим автором. Появились тексты доклада Ши Цзинтана и указа Дэ-гуана («Цзинь», *цз.* 2), все события приобрели одноразовый характер и происходят в восьмом месяце [42]. Эпизод стал живым и динамичным.

Ни в «Старой» (с. 349б), ни в «Новой» (с. 36а) историях Пяти династий в разделе анналов Гао-цзу нет не только текста доклада (или докладов), но даже упоминания об этом факте. Нет также сведений и об ответном указе Дэ-гуана. Зафиксирован только факт отправки послов для вручения грамот на почетный титул. И лишь в разделе «Описание государств внешнего мира» (*Вай го ле чжуань*), в части, посвященной киданям [43], сообщается о почтительном служении Ши Цзинтана киданям и о заработанном таким путем разрешении киданьского государя не подавать доклады и называться в письмах «императором-сыном».

Таким образом, установить, каков был подлинный текст [44] обоих документов, на основании имеющихся у нас исторических источников не представляется возможным. Ясно одно, что эти документы реально существовали и изложение «Всеобщего зерцала» и «Описаний государств внешнего мира» основывается на них.

Доклад и указ в УДПХ — документизированные варианты отрывка из «Всеобщего зерцала», в котором конспективно передана суть имевших место фактов и событий, т. е. здесь автор как бы вернул части материала его первоначальную форму. Другая форма позволила автору творчески решить задачу изложения заданного материала. В период, когда создавалось УДПХ, тема политики китайских властей в отношении завоевателей не могла не волновать автора. В части, излагающей историю династии Цзинь, все повествование несет явную печать авторского осуждения Ши Цзинтана, ценою предательства и раболепного служения иноземцам-киданям захватившего китайский престол и державшегося на нем. И если Сыма Гуан в отличие от Сюе Цзюйчжэна и Оуян Сю уже называет горькие для китайца факты, то автор УДПХ, не называя их, старается заставить читателя увидеть эти факты и прочувствовать их. Отсюда воссоздание документальной формы материала — достоверность; отсюда авторско-стилистическое решение этих документов — выражение верноподданства и подчерк-

[42] Как отголосок многократности посылавшихся докладов мы рассматриваем имеющийся в тексте УДПХ анахронизм — доклад датирован седьмым месяцем, хотя помечен среди событий, описываемых в восьмом месяце.

[43] *Цзю у дай*, с. 609а.

[44] Называя текст подлинным, мы имеем в виду текст, зафиксированный в официальном историческом источнике.

нуто униженный тон доклада, продолжающие и развивающие тему трогательной благодарности и слез Ши Цзинтана, введенную автором в эпизод прощания с киданьским государем (УДПХ, с. 130—131); отсюда и лицемерно-снисходительный тон указа Дэгуана. Нет больше ровного голоса историка; доступными средствами — композиционными, языковыми и стилистическими — народный автор старается вызвать у читателя сопереживание своему истолкованию и пониманию исторических событий.

Другим примером документов этой подгруппы является доклад Ши Цзинтана, задумавшего прибрать в стране власть к своим рукам, императору Лу-вану («Цзинь», *цз.* 1). Исторические источники приводят разные варианты текста доклада Ши Цзинтана.

Во «Всеобщем зерцале» сказано: «Цзинтан доложил: „Приемный сын императора не должен наследовать трон, прошу передать престол Сюй-вану“» (с. 9143).

В «Новой истории Пяти династий»:

«[Ши Цзинтан] подал доклад с рассуждением о том, что Фэй-ди не должен занимать трон, и просил возвести на престол Сюй-вана Цунъи как преемника Мин-цзуна» (с. 35б).

В «Старой истории Пяти династий»:

«[Ши] Цзинтан подал доклад, который гласил: „Трон Мин-цзуна вы, ваше величество, узурпировали, не получив всеобщего одобрения. Сейчас следует избрать государя. Сюй-ван, кровный наследник покойного государя, воспитан добродетельно в женских императорских покоях. Если бы [вы] подчинились тому, кто должен носить регалии власти, вам не пришлось бы быть ответственным за раздоры между братьями“» (с. 228а).

Как мы видим, суть этих цитат одинакова: Лу-ван (Фэй-ди), приемный сын Мин-цзуна,— незаконный наследник и посему должен уступить престол законному наследнику — сыну Мин-цзуна Сюй-вану. Совершенно очевидно, что во «Всеобщем зерцале» и «Новой истории» в разных авторских редакциях зафиксирован только общий смысл факта[45]. Текст доклада, приведенный в «Старой истории», безусловно, тоже неполный, но и по тому, как он введен (*чжан юнь* «доклад гласил»), и по объему цитаты, и по стилю документа полагаем, что он ближе всех к тексту подлинного доклада. Возможно, и этот отрывок прошел авторскую редакцию, но она, видимо, не столь значительна. Доклад, приведенный в УДПХ, по содержанию повторяет исторические источники, текстологически же он не совпадает ни с одним из них. Одну лишь фразу (тему доклада) — «передать престол Сюй-вану» — заимствовал автор УДПХ из «Всеобщего зерцала». Вся система образов в докладе, строй его, стиль изложения, обороты речи,

[45] На то, что приведенный текст не цитата, а пересказ, в «Новой истории» прямо указывает иероглиф *лунь*, имеющий значение «рассуждение о том, что...» и т. д.

введение исторических аналогий, нарочито патетический тон доклада, особенно в финале,— все это, на наш взгляд, говорит о его авторском, художественном происхождении.

Вариант доклада УДПХ является парафразой доклада, приведенного в «Старой истории». Автор *пинхуа* тщательно, по-своему разработал каждую тему-фразу текста и, не выходя за пределы его содержания, создал совершенно иной по стилю, эффектный и эмоционально-напряженный документ.

Доклад Ши Цзинтана — кульминация довольно большого эпизода повествования (с. 117—119). Рассматривая эпизод в целом, можно понять, что обработка исторических материалов вызвана прежде всего художественными задачами. Ши Цзинтан вынашивает мысль о захвате китайского престола. В его ставке по-деловому обсуждают вопрос захвата власти в стране с помощью киданей. И когда решение принято, Ши Цзинтан пишет Лу-вану доклад. Ложный пафос возмущения, которым пронизан доклад, умело нагнетен автором и хорошо оттеняет спокойный тон предшествующего изложения. На этом стилистическо-эмоциональном контрасте как бы показывается сущность героя, его лицемерие, скрытое за громкими фразами о верных и преданных мужах Поднебесной. Напряженность ситуации снимается, когда автор называет открытым текстом то, что стоит за красивыми словами доклада. Кульминация разрешается описанием реакции Лу-вана на доклад: он разорвал его, бросил на землю (факты истории) и сказал (реплика, введенная автором): «Жалкий чиновничишка хочет поднять войска на императорский дворец!» (с. 119). И далее, в тексте ответного императорского повеления, автор называет Ши Цзинтана предателем, завершая изложение прямой оценкой совершенного.

IIб. Документы подгруппы не имеют никакой связи с текстами исторических источников. Факт существования такого документа в этих последних, как правило, только назван. Правда, иногда еще может быть кратко сообщена и тема документа. Не имея возможности сопоставить в этом случае тексты, трудно установить в них степень авторского вмешательства. Возможно, автор пересказывает в своей интерпретации содержание документов, которые ему были известны по каким-либо ныне нам недоступным источникам, но, возможно также, что эти тексты были сочинены автором. Второе предположение кажется более вероятным.

В УДПХ приведен текст доклада, посланного Лю Чжиюанем киданьскому государю: «Лю Чжиюань... послал с *кэцзяном* Ван Цзюнем доклад киданьскому государю, в котором признал себя его подданным. Доклад гласил: „Командующий военным округом Хэдун, *синъцин дутун* северного направления, пожалованный титулом бэйпинского вана, подданный Лю Чжиюань, низко кланяясь, подает доклад его величеству императору великого госу-

дарства Ляо: ваш покорный слуга помог утвердиться династии Цзинь и, когда она утвердилась, служил ей в качестве министра; но вот оступился в добродетели государь — не сумел направить его нужным советом; случилась в стране военная беда — не решился послать войска в защиту государева дела. Поистине вашему императорскому величеству Небом ниспослана добродетель и нет земли, которая не изъявила бы вам покорности. Сейчас пленный подданный погибшего государства желает хранить храм предков прежней династии Цзинь.

Говорю, презрев смерть, и, плетя циновки, жду наказания. Почтительно ожидаю мудрейшего указа"» (с. 174).

Во «Всеобщем зерцале» сообщается, что Лю Чжиюань послал киданьскому государю с Ван Цзюнем три доклада, и перечислены их темы: поздравление по цоводу вступления в Бяньлян; причина (инородцы), по которой он не может покинуть свой военный округ; объяснение причины задержки отправления подарков (с. 9336).

В «Старой» (с. 447б) и в «Новой» (с. 43а) историях Пяти династий упомянут только факт посылки доклада киданям. О количестве докладов и их содержании не упоминается.

В тексте доклада УДПХ не развита ни одна из тем, упомянутых во «Всеобщем зерцале». Наоборот, фразой, вводящей доклад в повествование, внимание заостряется на факте признания Лю Чжиюанем себя подданным киданей. Однако текст доклада построен так, что впечатления «подданства» не создается, ибо весьма недвусмысленно в конце документа добавлена фраза о том, что Лю Чжиюань «желает хранить храм предков прежней династии Цзинь». А эта «тонкая» фраза означала, что Лю Чжиюань не намерен куда-либо трогаться из Тайюани, где у него было сосредоточено огромное богатство и где могущественное войско надежно защищало границы военного округа Хэдун. Недаром упомянутая фраза обыгрывается автором в ответном указе киданьского государя, ибо именно здесь смысловой акцент происходящего. «Охраняй со рвением Тайюань» (с. 174),— читаем мы в указе, текст которого, кроме этих и вступительных слов, является пересказом «Всеобщего зерцала» (с. 9336) [46]. Фраза звучит весьма иронично, особенно после реплики киданьского государя: «Лю Чжиюань выжидал, не принимая ничьей стороны: он не подчинился Южному двору и не пошел на службу к Северному, кому же думает он подчиниться теперь?» (с. 174) [47]. Киданину были ясны устремления Лю Чжиюаня, но в указе он дипломатично поддержал версию, выдвинутую Лю Чжиюанем.

Двойственная, выжидательная позиция Лю Чжиюаня — лейт-

[46] Содержание ответного указа приведено также в «Старой» (с. 447б) и «Новой» историях Пяти династий (с. 43а).

[47] Согласно «Всеобщему зерцалу», с. 9336, эти слова были произнесены много позднее, а не по прочтении доклада, привезенного Ван Цзюнем.

мотив изложения в УДПХ истории династии Хань. Тема иносказательно, аналогией задана во вступительном стихотворении («сцепились устрица и баклан, а выгода — рыбаку»), истолкована на конкретных именах в прозаическом введении (с. 159) и раскрывается дальше в процессе повествования на материале истории. И, по нашему мнению, текст доклада Лю Чжиюаня на эту же тему специально сочинен автором УДПХ, чтобы еще раз максимально достоверно — документально — показать читателю позицию Лю Чжиюаня.

IIв. Небольшая группа документов УДПХ не имеет никаких аналогий в исторических источниках.

1. Письмо Чжу Вэня Шан Жану с предложением изменить Хуан Чао (с. 29).

2. Прошение матери Лю Чжиюаня с просьбой о разрешении вторичного замужества (с. 160—161).

3. Указ об амнистии, объявленный по случаю победы Го Вэя над тремя восставшими военными округами (с. 193).

4. Воззвание Ли Цзитао о вербовке добровольцев в войско (с. 185—186).

5. Доклад Ли Юня (Ли Жуна) императору Ши-цзуну после поражения под Шанданом (с. 214).

О первых двух документах в исторических источниках нет абсолютно никаких сведений, реальный факт существования воззвания и доклада подтверждается лишь косвенными данными «Всеобщего зерцала». Нам представляется, что все эти документы авторского происхождения.

Мать Лю Чжиюаня была вторично замужем за человеком по фамилии Мужун, и Лю Чжиюань имел сводного брата Мужун Яньчао — это факт истории[48]. По обычаю, вдова с ребенком от первого брака могла по специальному разрешению властей вторично выйти замуж, если у нее не было средств к существованию. Очень трудно предположить, что прошение о разрешении вторичного замужества, поданное властям простой женщиной А-Су, могло сохраниться и быть известным автору УДПХ. Несомненно, что здесь мы имеем дело с текстом, сочиненным автором, но который исторически мог и даже должен был иметь место. В тексте прошения есть один анахронизм — оно помечено вторым годом Чан-син (931 г.). Лю Чжиюань родился во втором году Цянь-нин[49] (895 г.). В прошении же говорится, что мать осталась с семилетним сыном на руках, а семь лет Лю Чжиюаню было в 902 г., т. е. во втором году Тянь-фу. В прошении в название девиза правления определенно вкралась ошибка (или описка!), так как годы — второй — совпадают.

Что касается письма Чжу Вэня, то на его авторское происхож-

[48] *Цзю у дай*, с. 574а.
[49] Там же, с. 447*г*.

дение достаточно убедительно указывает содержание. В письме вспоминаются знакомство Чжу Вэня с Шан Жаном у хребта Сюаньдаолин, клятва о побратимстве, заключенная Хуан Чао с братьями Чжу, и обещание в будущем не забывать друг друга, а все эти подробности были привнесены в повествование автором раньше и почти в тех же словах повторяются в тексте письма (ср. с. 12—14).

Ни в одном из привлеченных нами к исследованию исторических источников под вторым годом Цянь-ю не зафиксирован факт амнистии, объявленной в Китае по поводу усмирения трех восставших военных округов. Сообщается только о большом и широком пожаловании чинов и должностей в связи с победой над мятежниками, что нашло свое отражение и в *пинхуа* (с. 192).

Такое несоответствие истории как будто дает право считать указ сочиненным автором. Кроме того, указ приведен в *цз.* 1 истории династии Чжоу, и автор приводит его в связи с победой, одержанной Го Вэем — главным героем, основателем династии. Победа эта, отмеченная историей, преподносится автором эмоционально, в плане возвеличения своего героя, и, по-видимому, желание подчеркнуть значимость события, центральной фигурой которого был Го Вэй, привело к тому, что автор ввел в текст УДПХ указ об амнистии — документ, появление которого всегда имело в своей основе государственное событие чрезвычайной важности.

Однако в указе перечислены конкретные мероприятия, объявленные в стране: повышение на три ранга в чине всех командующих военными округами и на два ранга всех подведомственных им военачальников и чиновников; отмена в текущем году налога и сокращение его вполовину в последующие три года; освобождение преступников, кроме совершивших особо тяжкие преступления. Включение в текст УДПХ такого рода фактов, не зафиксированных в истории, пока единственный пример, и это дает основание к некоторым сомнениям в авторском происхождении указа об амнистии. Возможно, что здесь мы имеем дело с первыми попытками автора перейти от творческой разработки в области «духа» факта к разработке по линии «буквы» факта, но, с другой стороны, может быть, автором введено только название документа «указ об амнистии» и поэтому о нем нет сведений в истории; перечисленные же в указе факты действительно имели место и были зафиксированы в каких-либо других императорских повелениях, известных автору, но не включенных в разбираемые нами исторические источники. Пока, не имея свода текстов императорских повелений периода Пяти династий, дать ответ на этот вопрос затруднительно.

Воззвание Ли Цзитао появляется в финале первой части художественной экспозиции, начинающей повествование по истории династии Чжоу. Во «Всеобщем зерцале» сказано: «Цзитао от-

пустил средства на вербовку солдат» (с. 8881). Когда автор УДПХ в первый раз приводит этот факт во второй части повествования, он добавляет к тексту «Всеобщего зерцала» одну деталь — эпитет «бесстрашные»: «Цзитао начал вербовку бесстрашных солдат» (с. 79); в последней части *пинхуа* этот факт подробнейшим образом разработан автором, и одной из деталей композиции является воззвание («Чжоу», *цз.* 1). В нем автор конкретизировал то, что потенциально содержалось в лаконичной исторической записи. Раз военачальник вербует солдат, значит, должно быть объявлено о вербовке — появляется воззвание и сочиняется его текст. Привнесенный ранее эпитет «бесстрашные» (дело касается Го Вэя) тщательно и многократно обыгрывается (бесстрашные и смелые воины, бесстрашные борцы за справедливость, мужи смелые и бесстрашные). Воззвание, как и письмо Шан Жана и другие приведенные выше примеры, говорит о том, что авторские дополнения и отдельные детали, включенные в повествование, целенаправленны и несут определенную идейную или художественную нагрузку [50].

Доклад Ли Юня вмонтирован в текст УДПХ, на наш взгляд, для того, чтобы лишний раз оттенить авторское отношение к действиям своих героев. На фоне этого умело составленного документа, в котором разрабатываются темы вторжения врага в страну «во время траура» и нанесенного поражения, принимается принципиально важное и смелое решение Ши-цзуна. Он объявляет о личном выступлении в поход против Северной Хань, чтобы дать отпор попытке Лю Чуна свести счеты с Чжоу во время траура в стране по случаю кончины императора Тай-цзу. Нарушение основ конфуцианской этики Лю Чуном, осуждаемое автором, заставляет его снова и снова напоминать читателю о «нападении во время траура» и высоко оценить поступок Ши-цзуна, стремящегося достойно ответить на оскорбление, нанесенное ему, новому молодому государю, и стране, а также сумевшего сразу показать свой благородный характер, замыслы и устремления (с. 214—217).

Разобранные примеры отражают главные линии работы автора с текстами документов.

Обработка исходного материала — древняя традиция китайской историографии. Каждый автор, черпая из одного источника, отбирал и редактировал текст соответственно своим задачам; историк мог перерабатывать материал формально, превратив, например, письменный документ в устную речь, и наоборот; иногда заимствованный материал мог перерабатываться и по существу [51]. Мы видим в исторических сочинениях замену одних знаков дру-

[50] Ср., например, также УДПХ, с. 8 и с. 16 — *Цзю Тан шу*, с. 1684б, случай, когда употребленное автором выражение вносится затем и в цитируемый из истории текст.

[51] См.: Ю. Л. Кроль. Сыма Цянь — историк, с. 262.

гими (в том числе омонимичными и синонимичными), замену слов и выражений, встречаем совершенно различные редакции фраз и предложений, сокращения, дополнения, разные даты составления документов [52].

Утвердившиеся в китайской историографии методы работы с источниками в значительной степени перешли в народную литературу и сохранились в *пинхуа*. Автор УДПХ пользуется этим арсеналом приемов обработки исходного текста. Подверглась «дедокументализации» в УДПХ и часть официальных документов «Всеобщего зерцала»: одни из них даны в авторском пересказе [53], содержание (и текст) других вложено в уста действующих лиц [54] — они не содержали нужного для целей автора потенциального заряда.

Документы, включенные в УДПХ, различны по своему происхождению и степени зависимости от исторического источника, но даже те из них, что цитируют текст «Всеобщего зерцала», прошли авторскую редакцию, которая всегда целенаправленна.

Принцип разработки одного и того же материала в разных частях повествования, связанный с особенностями композиции произведения, повторяется в какой-то степени и при работе с документами: авторские дополнения, редакционные поправки, целиком сочиненные документы оказываются или реминисценцией тем, часто уже звучавших раньше, или их развитием, или их расшифровкой. Степень авторского вторжения в текст исторического документа, его обработка или включение заново сочиненных документов всегда оправданы как изложением сюжета в целом, так и художественной задачей, решаемой в данной главе или эпизоде.

Следует заметить, что сочинение необходимых для изложения псевдодокументов китайскими историками не практиковалось. Обычной была редактура документа в определенном направлении, необходимом историку (сокращение, особенно опущение излишних, с точки зрения историка, мест, изменение фразы без изменения ее смысла и т. п.). Сочинять документ или компилировать его из разновременных документов китайские историки себе не позволяли. Автор же УДПХ идет на это, и здесь одно из принципиальных различий между собственно историей и *пинхуа* — повествовательными произведениями, пересказывающими историю, приближающее эти последние к будущему китайскому историческому роману. Правдоподобный вымысел даже и в документах (документы в УДПХ составлены достаточно искусно, так, по

---

[52] См., например: *Цзю у дай*, с. 522б,— Всеобщее зерцало, с. 9548 (иероглифы-омонимы *фань* в тексте письма Ши-цзуна), а также: Сыма Гуан. Собрание сочинений; Оуян Сю. Собрание сочинений. Разночтения отмечены составителями сборников в самом тексте докладов, писем и т. д.

[53] См., например: Всеобщее зерцало, с. 8968, 9307, и, соответственно УДПХ, с. 91, 173.

[54] См., например: Всеобщее зерцало, с. 9452, 9486; УДПХ, с. 202, 209.

замыслу автора, должно было быть) — один из важных элементов содержания произведения, дающий основание рассматривать УДПХ как художественное повествование.

В других *пинхуа* также встречаются доклады, указы и письма. Б. Л. Рифтин, исследовавший СГПХ, пришел к выводу, что официальные документы в СГПХ, «по-видимому, сочинены самим автором» [55]. Что касается документов в остальных *пинхуа*, то вопрос этот пока специально не рассматривался и окончательные выводы сделать трудно. Однако есть основания предположить, что в них, как и в УДПХ, часть документов сочинена автором, но некоторые заимствованы из исторических источников (например, приведенное в ЦБПХ (с. 82—84) письмо Ли Сы, поданное циньскому Ши-хуану в ответ на приказ об изгнании из страны чужеземцев, заимствовано из «Жизнеописания Ли Сы», помещенного в «Исторических записках» Сыма Цяня, *цз.* 87).

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОСОБЕННОСТИ КОМПОЗИЦИИ И ПРИЕМЫ ИЗЛОЖЕНИЯ ИСТОРИИ

На протяжении многих столетий история Китая фиксировалась на двух уровнях: на уровне народном (это была изустная история — предания, легенды) и на уровне государственном — письменная история. С разной степенью активности в разное время оба эти направления оказывали друг на друга воздействие: легенды и предания вошли составной частью в официальную историю, а исторические сочинения нашли новую жизнь в сфере народной. Так мы знаем, что «Всеобщее зерцало» пересказывалось рассказчиками исторической тематики, а УДПХ — первое известное нам в народной литературе сводное повествование, где письменно зафиксирован опыт изложения этого исторического сочинения народным автором в традициях простонародной китайской литературы.

Хотя автор называет свое произведение «*Пинхуа* по истории Пяти династий», он излагает часть труда Сыма Гуана, которая хронологически выходит за рамки эпохи Пяти династий.

Автор ведет свой рассказ с последних десятилетий правления династии Тан, а именно с восстания Хуан Чао (875 г.), которое, по его мнению, привело к гибели династию и вывело на историческую арену будущих первых государей эпохи Пяти династий — узурпатора танского трона Чжу Вэня и родоначальника династии Поздняя Тан Ли Кэюна. Такое четкое логико-тематическое и хронологическое выделение материала для изложения выбранной

[55] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 172.

темы было первым творческим шагом автора в освоении исторического источника; только позднее (в конце XIV в.) этот прием был закреплен в названии романа «Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий».

Отобрав конкретный материал и выделив основные направления движения исторических событий (от момента, когда главные герои эпохи Пяти династий отмечены Сыма Гуаном), автор должен был переосмыслить приемы и форму изложения исторического материала соответственно своей задаче — сюжетного пересказа избранной темы.

Структурная канва «Всеобщего зерцала» — хронологическая сетка — не давала цельной динамичной картины развития событий; причинно-следственные связи здесь нарушены, материал истории скреплен прежде всего временными отношениями — ответ дается на вопрос, когда произошло то-то и то-то. Поэтому рассказчик строит свое изложение на ином принципе — тематическом, который становится ведущим; хронологическая канва исторического источника сохраняется, но ее роль ныне второстепенна. Все произведение излагает историю Пяти династий, каждая часть повествует о становлении и гибели одной из династий (в хронологическом порядке); внутри частей материал объединен вокруг основателя династии (в первых главах) и его преемников (во вторых) и излагается в хронологической последовательности от рождения или раннего детства основателя династии до гибели его преемников и самой династии.

С изложением материала по тематическо-хронологическому принципу автор *пинхуа* был знаком по династийным историям, в том числе и по истории Пяти династий [1], из которых он частично привлекал материал для своего повествования. Но все-таки не принцип династийных историй, дробящий материал на множество тем в плане государь — подданные, является конструктивной основой УДПХ. По нашему мнению, структурный принцип УДПХ можно охарактеризовать как изложение темы (эпоха — династия — лицо) от начала до конца, своего рода *цзи ши бэнь мо* («запись событий от начала до конца»).

Исторические сочинения в этом жанре появились в эпоху Сун, и первым из них было *Тун цзянь цзи ши бэнь мо* («Запись событий „Всеобщего зерцала, в управлении помогающего", от начала до конца»), написанное Юань Чу (издано впервые в 1174 г.). Главным композиционным принципом здесь было изложение

[1] Чэн Ичжун (Коротко об исторических повествованиях эпох Сун и Юань, с. 180—196) считает, что принцип изложения материала в УДПХ, где последовательно излагается история каждой династии, повторяет форму «Старой истории Пяти династий». Сходство действительно есть, но оно чисто внешнее, основанное только на том, что в УДПХ, как и в «Старой истории» (в отличие от «Всеобщего зерцала»), изложение ведется с рождения (или детства) императоров — основателей династий.

определенных тем в хронологическом порядке с целью дать им возможно более полное и широкое освещение во взаимосвязи фактов и событий. Если наш вывод о том, что УДПХ появилось в 60—70-х годах XIII в. верен, то вполне возможно предположить, что новый жанр оказал влияние на некоторое переосмысление автором УДПХ приемов организации материала «Всеобщего зерцала» и «Старой истории».

Тематическая в своей основе композиция УДПХ выдержана в канонической форме устных повествований, выработанных в произведениях буддийской тематики. Главными конструктивными элементами этой формы были: *кайцзян* — общее вступление, состоящее из двух частей: песенно-стихотворного вступления *яцзовэнь*, задачей которого был эмоциональный ввод и настрой слушателей, и *кайти* — прозаического вступления, где толковались заглавие и основной смысл изложения. За этой своего рода аннотацией всему повествованию следовало собственно изложение темы — *чжэнцзян*. Завершалось повествование стихотворным резюме *цзецзовэнь*, в котором подводился итог рассказанному [2].

Со временем эта форма стала более гибкой и начала варьироваться. На примере сунских *сяошо* [3] мы видим, что оба вступления уже не всегда обязательны, может быть либо только стихотворное, либо прозаическое. Задача их в основном остается прежней — подчеркнуть с помощью аналогии или противопоставления главную мысль произведения. В *сяошо*, правда, этот формальный прием несет прежде всего художественную нагрузку. Вступление, как правило, в этом случае не связано с материалом изложения и развитием сюжета, здесь связь идейно-художественная.

В отличие от *сяошо* в УДПХ сохранился почти классический вариант традиционной структуры: как все произведение, так и каждая его часть имеют и обязательное стихотворное вступление, и введение в тему, и изложение темы, и стихотворное заключение. (Отсутствие заключительных стихов и стихотворного вступления к третьей части повествования — результат утраты текста.) Однако некоторые из этих формальных компонентов претерпели качественные изменения. Прежде всего это касается прозаических введений, функции которых расширились. Толкуя по-прежнему главное в содержании, автор использует введения и для провозглашения своих суждений о героях повествования и о происходящем.

Введения, таким образом, стали не только объяснять смысл изложения, в них оказалась выражена и авторская концепция излагаемого. Так же как в *сяошо*, их функция в основном идейно-художественная, но в отличие от *сяошо* введения в УДПХ сохранили непосредственную связь с изложением и так или иначе

---

[2] Сунь Кайди. Суцзян, с. 85—94.

[3] См., например, «Пятнадцать тысяч монет».

строятся на его материале. Примером может служить вступление к *цз.* 2 второй части.

Преобладание в композиции произведения авторского начала расширило пределы и роль введений в повествовании. Это сказалось и в том, что некоторые введения, потеряв свою формальную независимость, слились со вступительными частями *чжэнцзян.* Поскольку автор ставит своей целью рассказать о герое все «от начала», с рождения или детских лет, он сам конструирует ранний период его жизни, не только широко используя фольклорные мотивы, но и, видимо, давая простор своей фантазии, ведь исторические источники сведений об этом периоде или не содержат, как, например, «Всеобщее зерцало», или сообщаемые в них данные чрезвычайно скудны, а подчас и противоречивы (династийные истории) [4]. Эти начальные части собственно изложения темы мы называем авторскими вступлениями. Они предшествуют изложению материала истории и построены в основном так, что постепенно вводят действие в русло исторических фактов. Достигается это тем, что во вступлениях, за рамками главных событий, фиксированных историей, где автор был более всего свободен от пут исторических источников, он дает движение сюжету, объясняя, почему же произошло то, о чем повествует история.

Общая историческая экспозиция, начинающая УДПХ вслед за стихотворным эпиграфом, излагает кратко историю Китая от времен, когда «разделился надвое первобытный хаос» (с. 3), до воцарения династии Тан и восстания Хуан Чао, т. е. подводит к тому историческому периоду, когда начинаются главные события повествования и появляются главные герои. В этом общем вступлении открыто звучит и основная идея повествования (в стихотворном вступлении она дана намеком) — идея предопределенности. Здесь же мы видим и сюжетную завязку, которая определяется идеей произведения. Динамично рассказав о бурных перипетиях китайской истории на протяжении многих веков, автор заканчивает свой экскурс воцарением на престоле Тайцзуна, когда в стране наконец-то наступили довольство и покой. «В годы Чжэнь-гуань,— рассказывает автор,— *доу* риса стоил три *цяня*, ворота домов не закрывались, домашний скот плодился и заполнял пастбища. Путешественникам, отправлявшимся за тысячи *ли*, не надо было брать с собою запасов провианта. Вожди варварских племен покорились танскому двору и, вооруженные мечами, несли караулы во внутренних покоях дворца. И только двадцать девять преступников набиралось за год для смертной казни в Поднебесной. Вот как хорошо и спокойно было в то время!» (УДПХ, с. 5,— «Всеобщее зерцало», с. 6085). Но судьба танской империи предрешена — автор тут же вводит эпизод, в ко-

[4] Возможно, что автор использует и какие-либо неофициальные биографические источники, однако установить это нам не удалось.

тором Юань Тяньган по приказу императора Тай-цзуна составляет гороскоп династии и предсказывает восстание Хуан Чао. Пророчески звучат слова Юань Тяньгана, обращенные к Тай-цзуну: «Ничто на свете не может избежать своей судьбы. Бывает, что небо и земля сокрушаются, бывает, что солнце и луна затмеваются. И продолжительность благоденствия государств, и время появления разбойников — все предопределено. Рок властвует над всем, и уклониться от его велений невозможно». В гороскопе Юань Тяньгана — две строки:

И синего нет, и белого нет,
и ярко-красного нет.
Река и поле — десять на восемь,—
но тут не пашет никто! *

Автор здесь же разъясняет, что эти две строки — иероглифически зашифрованное имя Хуан Чао: первая расшифровывается как «желтый» *хуан*, во второй раздельно, по частям, изображен иероглиф *чао* «гнездо». Теперь, когда тема задана и завязка есть, автор переходит к изложению событий: «Как написал Юань Тяньган в двух строках предсказания, так все и случилось при восемнадцатом императоре великой династии Тан — императоре Си-цзуне... пятом сыне императора И-цзуна...» (с. 5—6).

Первая часть несколько отличается по композиции от остальных, так как ее вступление является вводным не только к истории династии Лян, но и ко всему повествованию. Сразу же после общего вступления начинается вступление к истории династии Лян. Это большая художественная композиция, включающая и рассказ о детских и юношеских годах Хуан Чао — развитие названной выше темы, и непосредственно связанный с темой Хуан Чао рассказ о семье Чжу, давшей истории Чжу Вэня, узурпатора танского престола. Рассказчик строит здесь изложение в основном на фольклорном материале, используя легенды и предания, жившие в народе.

Во вступлении, начинающем изложение истории династии Поздней Тан, в отличие от первого примера равноценно представлен и исторический [5], и фольклорный материал.

Эти примеры, на наш взгляд, дают некоторое представление о тех вступлениях, которые, сохранив свое изначальное назначение — аннотации к собственно изложению темы, — стали и исходным пунктом развития сюжета повествования: они содержат его завязку. Завязка же показывает необычность героя, появление и поступки которого — результат предопределения.

Тема предопределенности играет в организации завязки основную роль — герои рождаются и живут «по программе» своей

---

* Все стихи в настоящем издании переведены Л. Н. Меньшиковым.

[5] *Синь у дай*, с. 23.

судьбы, заложенной свыше. Если в «Старой истории» подчас называются знамения, сопровождавшие, например, рождение героя, и это является неким знаком его необычной судьбы (см., например, с. 21а, 491а), то автор УДПХ развертывает большие сюжетные вступления, в которых знамения не только называются, но и подробно разрабатываются; они оказываются непосредственно причинно связанными с историческими событиями, пересказываемыми автором. Однако сильная еще зависимость от собственно исторического материала приводит к тому, что завязка предстает в виде краткого шифра главных направлений темы, которая будет раскрыта в ходе изложения.

Степень творческого начала в конструкции завязки в разных частях различна. Завязка ко второй части (сон отца Ли Кэюна) построена пассивно — здесь в зашифрованном виде сразу названы все основные направления темы повествования, и, чтобы как-то сделать этот шифр более понятным, автор кратко истолковывает то, что стоит за вещими формулами сна. Аналогично построено и предсказание геоманта Чжу Вэню (завязка к изложению истории собственно династии Лян, с. 19). Завязки к остальным частям несколько отличаются композиционно от двух первых, так как строятся постепенно — чудесные явления нанизываются в несколько приемов. Каждое новое явление раскрывает и уточняет прежние, пока шифр темы не оказывается составлен целиком. Так, предсказание Юань Тяньгана дополняется необычным рождением Хуан Чао, а затем и темой меча с надписью, дающей ключ к главному событию начала повествования. В четвертой части необычные приключения юного Лю Чжиюаня дополняются сном хозяина Ли и его видением, недвусмысленно указывающим на императорское будущее героя. Все эти чудесные события происходят в жизни героев до тех пор, пока автор не переходит к изложению фактов истории. Но в третьей и пятой частях завязка развернута во времени так, что сфера ее действия накладывается на сферу собственно историческую. Так, к видению У Дайэр, жены хозяина, у которого работает молодой Ши Цзинтан, не вызывающему сомнения в императорском будущем слуги (с. 110), добавляется предсказание. Лиса, пойманная на охоте подчиненными Ши Цзинтана, ставшего уже зятем позднетанского императора Мин-цзуна (факт истории), предсказывает, что Ши Цзинтан сделается в будущем ее внуком по линии дочери, которую зовут Шулюй и искать которую надо на севере (с. 110—111).

Это предсказание — вторая линия завязки. Она является шифром главной для автора в этой части темы повествования — будущей связи Ши Цзинтана с киданями.

Довольно обширное введение, начинающее третью часть, построено в виде размышления автора, проводящего историческую параллель между историей Цзинь — династией, вознесенной к

власти и свергнутой киданями, и ханьским полководцем Хань Синем, которого вначале возвысил, а потом погубил министр Сяо Хэ. В соответствии с этой формулой построена и разрешена главная тема завязки: лиса появляется в ходе изложения дважды; причем если ее первое появление знаменует развитие формулы введения — «достичь успеха с помощью Сяо Хэ» (Ши Цзинтан получает китайский престол благодаря помощи киданей), то ее второе появление на ложе императора Чу-ди (с. 145) в *цз.* 2 истории Цзинь завершает тему и знаменует разрешение формулы «потерпеть крах с помощью Сяо Хэ» (киданьский император вступает в столицу цзиньского Китая, Чу-ди теряет престол и гибнет, сосланный на север).

Наиболее интересным представляется композиционное решение завязки в последней части УДПХ. Го Вэй — будущий чжоуский Тай-цзу, от рождения (а зачат он был тоже необычно — вокруг матери обвился огромный змей) имеет знак своей чудесной судьбы — желвак на шее, на котором изображен колос — символ изобилия. Смерть отца приводит Го Вэя в дом дяди, где он случайно совершает убийство. В наказание за проступок ему синей тушью выкалывают на щеке изображение воробья. Далее вводится прорицание, из которого становится ясно, почему так подробно разработаны у автора эпизоды с колосом и воробьем: когда воробей начнет клевать зерно, Го Вэй станет императором (с. 184). Теперь завязка есть, но дана она так, что еще необходима реализация заложенного в ней условия. Автор вводит новые линии развития действия завязки, подключая постепенно в повествование записи о Го Вэе, появляющиеся в истории. Так как известно, что Го Вэй выдвинулся на службе у Лю Чжиюаня, автор включает в повествование гадание в Даляне, которое уточняет первое прорицание — знаки гадания не только подтверждают императорское будущее Го Вэя, но дополнительно говорят о том, что реализуется это будущее, когда Го Вэй встретится с человеком высокого положения. Вскоре мы узнаем, что напившийся на радости Го Вэй действительно оказывается замечен всесильным военачальником и министром цзиньского императора Лю Чжиюанем, который берет Го Вэя к себе на службу и делает его старшим в отряде охраны. Далее автор переходит к систематическому изложению фактов истории, ибо с момента зачисления в отряд Лю Чжиюаня Го Вэй становится весьма активным историческим персонажем. Он делает блестящую карьеру, достигает высокого положения, в его руках оказывается большое войско — сила, которая в результате и приводит его на китайский престол.

Излагая теперь точно и последовательно ход исторических событий, автор помнит о последнем и главном условии завязки и нарушает ровный ритм повествования, когда Го Вэй, двигаясь с войском к столице, останавливается в Фэнцю. Тема «колос —

воробей» получает свое завершение и становится предвестием близкого свершения прорицания: «Как раз в это время на шее у Го Вэя появились чирьи, и он расквартировал войско в Фэнцю, чтобы полечиться. Прошло три дня, Го Вэй поправился, но в результате болезни выколотый у шеи воробей приблизился к колосу на желваке. Госпожа Чай велела мужу посмотреться в зеркало. „Помнишь,— спросила она,— как прорицатель сказал моему отцу, что, когда воробей начнет клевать зерно, ты непременно станешь императором? Сейчас они сблизились — слава и богатство перед тобою, береги же себя, не обмани надежд моего отца“» (с. 196).

Здесь обыграны все обстоятельства, связанные с предсказанием. О прорицании Го Вэю напоминает госпожа Чай, его супруга, ибо именно в доме ее отца были произнесены слова о великом будущем Го Вэя, и именно в надежде на это удивительное будущее Го Вэй был приглашен в дом зятем-примаком. Дальше автор возвращается к изложению собственно исторических событий, и мы вскоре узнаем, что Го Вэй действительно стал императором.

Ни в одном из исторических источников, из которых автор черпал материал для изложения, не отмечено, что Го Вэй остановился в Фэнцю из-за болезни. Этот эпизод, видимо, придумал сам автор, чтобы «подтянуть» воробья к колосу и тем реализовать главное условие завязки. Напоминание о пророчестве вносит напряженность в повествование, тем более что сделано оно в момент, когда нет еще как будто оснований предполагать о замысле Го Вэя — ведь он двигается с войском в столицу по совету своих военачальников, чтобы лично оправдаться перед государем в возведенной на него клевете.

Таким образом, композиционно и сюжетно завязка разрабатывается автором самостоятельно. Она дает изначальный толчок движению сюжета, материал для которого заимствован из исторических сочинений. Изложение истории становится в повествовании результатом той первопричины, о которой автор рассказал во вступлении.

Как представляется, происшедшие здесь качественные изменения традиционных структурных компонентов привели к тому стилистическому сдвигу, который явился одним из решающих в создании нового жанра — *пинхуа*.

УДПХ оказывается не простым пересказом нескольких исторических сочинений, а сюжетным повествованием, построенным по тематическому принципу изложения материала, с единой идейно-композиционной конструкцией. Оно имеет свою отправную точку и свое завершение, судьба героев показывается в развитии. Правда, развитие это пока чисто внешнее, однолинейное, решенное лишь во времени.

Прием изложения истории «от начала до конца» в сочета-

нии с хронологическим принципом и тесная зависимость от исторических источников приводят в УДПХ к ряду особенностей в передаче исторического материала. Прежде всего это относится к повторению одних и тех же исторических фактов в разных частях повествования. М. В. Софронов обратил внимание на повторы в тексте УДПХ, но, ограничившись наблюдением над одной главой, сделал несколько поспешный вывод о том, что это явление случайное, свойственное лишь четвертой части[6]. Однако эти повторения, кажущиеся на первый взгляд механическими или случайными, не только имеют под собой вполне объяснимые причины, но и демонстрируют, на наш взгляд, некоторые приемы художественного осмысления и изложения в УДПХ исторических событий.

Период Пяти династий столь же драматичен, сколь краток во времени — за пять с небольшим десятков лет в стране у власти сменилось пять династий и более десяти государей, события развивались с невероятной быстротой. «Всеобщее зерцало», фиксируя какое-либо событие во времени, называет каждый факт единожды под соответствующей датой, независимо от того, кто был его участником, как и когда в дальнейшем это отразилось на его судьбе. Недаром в комментариях Ху Саньсина мы постоянно встречаем такого рода отсылки к предыдущим главам: «Данное событие см. *цз.* ...девиз правления... год...» (см., например, с. 9369, 9373), «названное событие см. ...» (см., например, с. 9366, 9369, 9375). Автор УДПХ излагает материал по теме «династия» и нанизывает этот материал на другую тему — «лицо» (главный исторический персонаж династии), поэтому независимо от времени свершения события, в котором герой принимал участие, сведения о нем и все факты его жизни наиболее полно и подробно излагаются в истории данной династии. Но так как герой проявлял себя и до провозглашения им своей династии, принимал активное участие в борьбе за становление другой или других династий, то автор *пинхуа* рассказывает о нем и в предыдущих частях. Правда, сообщаемые факты касаются, как правило, только узловых моментов жизни героя. Покажем это на примерах.

Первое упоминание о Го Вэе, основателе династии Поздняя Чжоу, зафиксировано Сыма Гуаном в истории династии Поздняя Тан под первым годом Тун-гуан (923 г.) правления императора Чжуан-цзуна: «[Ли] Цзитао отпустил средства для вербовки солдат, Го Вэй, уроженец Яошани, завербовался к нему. Вэй в гневе убил человека и был посажен в тюрьму, Цзитао помиловал его за смелость и освободил» (с. 8881). Повествуя под этим годом во второй части о событиях, происходивших в правление династии Поздняя Тан, автор УДПХ тоже упоминает о Го Вэе,

[6] М. В. Софронов. Об источнике.

и тоже впервые: «... Цзитао начал вербовку бесстрашных солдат, Го Вэй, уроженец Яошани, завербовался к нему» (с. 79). Как видно, автор берет только первую часть записи истории. Он ведь рассказывает историю династии Поздняя Тан, а именно событие, связанное с отказом правителя города Цзэчжоу Пэй Юе сдать город Ли Цзитао, назначенному сюда на пост командующего за измену династии Тан. Ли Цзитао пришлось объявить о вербовке солдат и штурмом брать город. Именно здесь, под Цзэчжоу, Го Вэй вступил в войско Ли Цзитао, отсюда началась его карьера, поэтому автор не преминул сообщить этот примечательный факт его биографии. Вторая часть исторической записи опущена — она касается Го Вэя лично и отношения к истории династии Поздняя Тан не имеет. Упоминания о Го Вэе мы затем встречаем в историях династии Цзинь и Хань: Го Вэй был приближенным Лю Чжиюаня, а тот, в свою очередь, был ближайшим сподвижником Ши Цзинтана, поэтому в тех частях, где рассказывается история каждого из них, мы знакомимся и с другими примечательными фактами жизни Го Вэя.

Вся история Го Вэя «от начала до конца» рассказывается в последней части. Здесь автор еще раз возвращается и к событиям под Цзэчжоу, и к исторической записи. Теперь, когда Го Вэй — главное действующее лицо, основатель династии, автор собирает о нем уже весь материал, его интересует все, что с ним произошло, все события, где он проявил себя. Теперь уже обе части записи Сыма Гуана введены в рассказ, причем каждая из них явилась темой отдельного, авторски разработанного сюжетного эпизода, а сами эпизоды оказались в прямой причинно-следственной связи («Чжоу», *цз.* 1).

Если изобразить схематически запись истории и эпизод, рассказанный в УДПХ, то получится следующее:

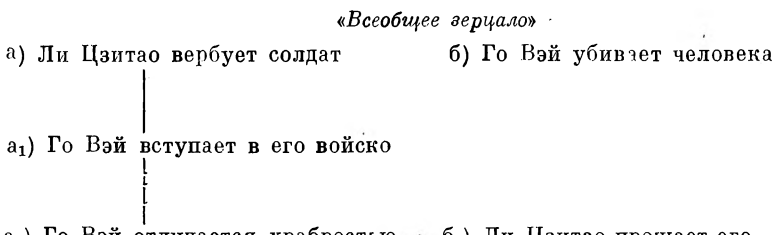

Схема не дает прямой связи событий, она разорвана. Два исходных факта исторической записи (а и б) взаимодействуют не непосредственно, а только на уровне следствий ($а_2 - б_1$), причем одно из звеньев цепи следствий ($а_2$) восстанавливается лишь логически (пунктирная черта).

УДПХ

Ли Цзитао вербует солдат

Го Вэй вступает в его войско

Го Вэй отличается в битве под Цзэчжоу — спасает своего командира

Награды за проявленную храбрость не получает

С горя напивается

Убивает кабатчика, отказавшего в залоге за выпитое вино

Ли Цзитао, выяснив все обстоятельства, прощает его

Здесь схема отражает прямую причинно-следственную связь всех названных событий.

Такой стройной связи в изложении автор УДПХ достигает введением дополнительных сюжетных ходов, прибавляя подробности, которых нет в истории, объясняя, почему и как произошли и развивались события; при всем этом он остается в рамках основных фактов, упомянутых в истории. Сыма Гуан отмечает, что Ли Цзитао помиловал Го Вэя за храбрость — наш автор на конкретном примере показывает эту храбрость; Сыма Гуан говорит, что Го Вэй в гневе убил человека — автор объясняет, почему, кого и при каких обстоятельствах убил, связав это с той самой храбростью, которая отмечается историей [7].

Но и в тех случаях, когда автор повторяет факты, хорошо известные в истории, он в разных местах, как правило, по-разному излагает и интерпретирует их. Оставаясь в рамках данных истории, он меняет оттенки, переставляет акценты, изменяет соотношение цитируемого исторического текста и т. д., т. е. автор творчески перерабатывает материал в соответствии с задачей, которую он решает: чья история в каждом случае рассказывается «от начала до конца».

Например, в третьей части рассказывается: «...Ши Цзинтан

[7] В «Старой» (с. 491а) и «Новой» (с. 45а) историях Пяти династий приводится другая версия убийства — Го Вэй из удали на рынке убивает мясника, но, как и во «Всеобщем зерцале», этот факт не связан с событиями, происшедшими под Цзэчжоу.

держал совет со своими военачальниками... Дуань Сияо, Чжао Ин и другие усиленно отговаривали Ши Цзинтана от этого плана. И только Лю Чжиюань смело выступил вперед и, почтительно опустившись на колени, сказал: „Те, кто советует вам, ваша милость, ехать в Юньчжоу, толкают вас в западню. Вы долго находитесь в войске и давно приобрели расположение воинов и командиров. Сейчас в ваших руках весь Хэдун — район стратегически важный, воинами вы не бедны, провианта достаточно, войско — пешее и конное — полно сил. Если, в случае опасности, вы возьметесь за оружие, повсюду — и близко и далеко — вас поддержат. Распространите тогда воззвание ко всем военным округам и станете императором. С какой стати повиноваться приказу — какой-то бумаге — и самому лезть тигру в пасть?" — „Вы говорите правильно,— сказал Ши Цзинтан.— С чего начнем осуществление нашего плана?"» (с. 117—118). В четвертой части автор снова возвращается к этому факту, но излагает его уже иначе: «...терзаемый страхом и сомнениями, Ши Цзинтан обсуждал с Лю Чжиюанем, как ему быть: уходить или оставаться „Почтенный мой брат,— сказал ему Лю Чжиюань,— ты давно находишься в войсках и пользуешься доверием воинов и командиров. Сейчас ты занимаешь стратегически выгодную позицию, войска твои — и пешие, и конные — в отличном состоянии; если ты возьмешься за оружие и восстанешь, то сможешь стать государем. С какой стати подчиняться приказу — какому-то клочку бумаги — и самому бросаться тигру в пасть?" Выслушав слова Лю Чжиюаня, Ши Цзинтан обрадовался. „От слов моего мудрого брата на душе стало легче",— ответил он и, призвав своего секретаря Сан Вэйханя, велел ему писать доклад» (с. 168). Во «Всеобщем зерцале» этот эпизод записан так: «...терзаемый страхом и сомнениями, Цзинтан советовался со своими военачальниками и помощниками. (Далее приводится речь Ши Цзинтана и возражения его военачальников Дуань Сияо, Чжао Ина и Сюе Жуна.) *Дуляя* Лю Чжиюань сказал: „Ваша милость, вы давно командуете войсками и приобрели расположение воинов и командиров. Сейчас вы занимаете стратегически важную позицию, войска ваши — и пешие, и конные — как на подбор; если вы возьметесь за оружие и распространите воззвание, то сможете стать государем. С какой стати из-за какого-то приказа самому бросаться тигру в пасть?"» (с. 9142) [8].

В первом случае, где главный герой Ши Цзинтан, автор сохраняет в своем изложении речь Ши Цзинтана, ибо здесь она имеет принципиальное значение — Ши Цзинтан ставит вопрос об измене Тан. Лю Чжиюань в числе прочих последним высказывает свое мнение. В речи его сохранено почтительное обращение «ваша

[8] В «Старой» (с. 340б, 447б) и «Новой» (с. 35б, 43а) историях Пяти династий, в разделах *бэнь цзи* Ши Цзинтана и Лю Чжиюаня, этот факт только упомянут в двух-трех фразах.

милость» (*мин гун*); автор несколько расцвечивает речь дополнительными деталями, подчеркивающими силу и влияние Ши Цзинтана, ссылаясь на которые дает свой совет Лю Чжиюань. Но в отличие от Дуань Сияо, Чжао Ина и Сюе Жуна (причем последний по имени не назван) Лю Чжиюань — будущий государь, один из главных героев УДПХ, поэтому автор особо выделяет его, вводя в повествование такие детали, как смело выступил вперед, опустился (перед старшим военачальником) почтительно на колени, решительно обвинил других советников в намерении погубить Ши Цзинтана и только тогда дал свой совет. Соответственно этому автор вводит и ответ Ши Цзинтана Лю Чжиюаню, вежливый и бесстрастно-лаконичный: Ши, обращаясь к Лю Чжиюаню, говорит ему просто «вы» (*гун*).

Во втором случае главный герой Лю Чжиюань, поэтому автор расставляет уже другие акценты: речь Ши Цзинтана опущена — ведь для истории Лю Чжиюаня и династии Хань размышления Ши Цзинтана несущественны, важен только факт, что именно Лю Чжиюань дал Ши Цзинтану нужный совет, поэтому и советуется он теперь не со своими приближенными, одним из которых был Лю Чжиюань, а только с одним Лю Чжиюанем. Этим автор сразу выделяет Лю Чжиюаня, подчеркивает его особо близкое положение при Ши Цзинтане, отсюда же вместо прежнего «ваша милость» другое обращение к Ши Цзинтану — «почтенный мой брат» (*гэ-гэ*) и другое обращение в ответе Ши Цзинтана — «мой мудрый брат» (*сянь ди*). Да и сам ответ как бы углубляет, усиливает оценку совета Лю Чжиюаня: Ши Цзинтан принимает его с радостью. Кроме того, опущенные в первом случае слова «терзаемый страхом и сомнениями», характеризующие состояние Ши Цзинтана, здесь приведены, и они опять «играют» на Лю Чжиюаня: именно к нему в тяжелый момент обращается Ши Цзинтан, и именно он своим советом снимает тяжесть сомнений с души Ши Цзинтана («на душе стало легче»), и тот велит писать доклад киданьскому государю, в котором признает себя его подданным.

Здесь, как и в предыдущем примере, автор дважды (а некоторые факты повторены в тексте три раза, например факт перемещения Ши Цзинтана и Лу-вана, с. 100, 113, 167) пересказывает событие, важное для двух его главных героев (Ши Цзинтана и Лю Чжиюаня), и снова, оставаясь в рамках исторического факта, меняет приемы его изложения и интерпретацию.

Из изложенного выше следует, что повторы свойственны не только четвертой части повествования (история Хань), но и другим частям (кроме, естественно, первой). Повторы закономерны, ибо они — результат структуры произведения, которую можно уподобить цепи из пяти звеньев, где каждое звено (часть) взаимосвязано во времени, пространстве и действующими лицами с предыдущим и последующим.

Хотя основная — историческая — часть текста УДПХ (около трех четвертей) является более или менее подробным изложением нескольких источников и совпадает с ними текстуально, изложение исторического материала претерпевает определенные изменения. Объем материала, отобранного автором из истории, огромен, он рассредоточен во времени и пространстве, круг участников пересказываемых событий чрезвычайно широк. Чтобы максимально сохранить информацию и дать ее более динамично и целенаправленно, как этого требуют сюжетный пересказ и тематическая композиция, в *пинхуа* используется прием, который мы назовем приемом концентрации. Этот прием проводится в нескольких аспектах.

Концентрация времени. Структура истории Сыма Гуана такова, что отдельные эпизоды или группы фактов, объединенных тематически, в силу своей временной протяженности излагаются в разных частях сочинения.

Автор УДПХ воссоздает из этих разрозненных временем сведений более цельные эпизоды, поэтому, сохранив от истории для внутренней связи материала общую хронологическую канву изложения, он широко применяет прием объединения событий во времени. Под одной датой, начальной или конечной, объединяются события, непрерывно развивающиеся во времени и касающиеся какого-либо одного действующего лица. Факт отправки Го Вэя к *цючжану* тугухуней Бай Чэнфу, например, помечен десятым месяцем, т. е. временем, когда устрашенный приехавшим Го Вэем Бай Чэнфу во главе своего войска перешел уже на сторону Лю Чжиюаня. Здесь дата соответствует финалу события, связанного с отправкой Го Вэя, хотя события развивались на протяжении двух месяцев — между восьмым и десятым (УДПХ, с. 172,— «Всеобщее зерцало», с. 9228). У Сыма Гуана смерть чжоуского Тай-цзу и его наставления наследнику помечены разными днями; кроме того, в истории подчеркивается, что государь давал свои наставления Цзинь-вану не за один раз (с. 9500—9501). Автор *пинхуа* рассказал эпизод так, что все случилось в один день и сразу же: тяжелобольной Тай-цзу призвал к себе Цзинь-вана Жуна, дал ему подробные наставления о том, как его похоронить, и тут же скончался (с. 212—213).

Под одной датой могут объединяться события, развивавшиеся на протяжении и более крупных интервалов. Например: «Второй месяц четвертого года Цянь-фу. Хуан Чао овладел Юньчжоу, Ничжоу, Пучжоу, захватил еще округа Цянь, Цзи, Жао, Синь, затем вторгся в Чжэдун и стал тревожить набегами округа Фуцзяни» (с. 18). Здесь объединены события, происходившие на протяжении полутора лет. Захват Юньчжоу действительно произошел в названное время, остальные города были взяты позже, а вторжение в Чжэдун и Фуцзянь помечены у Сыма Гуана восьмым месяцем пятого года Цянь-фу (с. 8189—8208). Изложенные разом,

концентрированно, факты истории производят теперь иное воздействие — создается впечатление размаха, динамичности наступления, и новый эпизод воспринимается, несомненно, более эмоционально, чем разрозненные сведения «Всеобщего зерцала». Таким образом, независимо от объема концентрируемого времени (дни, месяцы, годы) факты истории обрабатываются в УДПХ так, что они приобретают одновременный характер. Превалирующая в истории детализированная временная характеристика каждого события отходит на второй план. Временные единицы становятся более обобщенными и характеризуют уже изложение небольшого, тематически объединенного автором эпизода, воссозданного из ряда разорванных во времени фактов.

Концентрация пространства. Часто события одновременно концентрируются и в пространстве. Так, например, эпизод деяний киданьского военачальника Сяо Ханя создан как единый по времени и месту действий (с. 148) на основании записей «Всеобщего зерцала», имеющих временной разрыв и разное место действия (с. 9316).

Автору важно изложить прежде всего тему эпизода, поэтому точная локальная характеристика каждого отдельного факта пропадает, эпизод «привязывается» к одному из мест, где развивались события.

Концентрация действующих лиц. Широко применяется в УДПХ концентрация действий, совершенных разными лицами (или по отношению к разным лицам), на каком-либо одном лице [9]. Согласно «Всеобщему зерцалу», Ли Кэюн, чувствуя приближение смерти, объявил Ли Кэнину, Чжан Чэнъе и еще трем ближайшим сановникам, что наследником он назначает Ли Цуньсюя. Ли Кэнину, своему младшему брату, он особо поручил заботиться о Ли Цуньсюе. Когда Ли Кэюн скончался, обстановка создалась напряженная, так как Ли Кэнин, обладавший большой силой и авторитетом в войсках, оказался реальным претендентом на титул и пост покойного брата. Понимая это, напуганный Ли Цуньсюй хотел уступить дорогу дяде, но тот отказался, сославшись на распоряжение умершего. Когда к Ли Цуньсюю как наследнику Ли Кэюна с визитом явились чины ставки, он от горя и слез не смог выйти к ним. Тогда Чжан Чэнъе отправился к Ли Цуньсюю, внушением сумел заставить его выйти к пришедшим и в их присутствии объявил Ли Цуньсюя командующим Хэдуном с титулом Цзинь-вана. Ли Кэнин во главе военачальников поклонился новому Цзинь-вану и поздравил его (с. 8688—8689).

Пересказывая этот эпизод, автор УДПХ сосредоточил все действия вокруг одного лица — Ли Кэнина. Ему одному отдает Ли Кэюн распоряжение о наследнике, именно Ли Кэнин угова-

[9] По-видимому, именно об этом как одной из проблем, требующей специального исследования, говорит Б. Л. Рифтин (Метод, с. 93), называя прием «нахождением оптимального варианта».

ривает Ли Цуньсюя выйти к военачальникам и, когда акт наследования совершается, поздравляет вместе с военачальниками нового командующего (с. 61). Информация, содержавшаяся в истории, здесь сжата, но все-таки косвенно автор учел ее, превратив именно Ли Кэнина в центральную фигуру эпизода. Подробности реальной ситуации, зафиксированные историей, отброшены, появился новый эпизод, переработанный и домысленный автором.

Следует отметить, что выделение центральной фигуры эпизода имеет в своей основе определенно центростремительную тенденцию: как правило, в иерархии чинов выделяется старший или ближайший к особе императора.

Кроме того, в зависимости от значимости лица и отношения к нему автора концентрация действий на таком лице может быть одноразовой или систематической. В одном из эпизодов, например, события сконцентрированы на старшем в походе и заслуженном военачальнике Яо Юаньфу. Ему автор УДПХ приписал и взятие в плен вражеского полководца Янь Цзинцюаня (с. 206), которого, согласно данным Сыма Гуана, ранее взял в плен другой военачальник — Чжан Линбинь (с. 9473). Хотя заслуги Яо Юаньфу упоминаются в истории, а следом и в УДПХ, роль его в общем ходе изложения истории династии Чжоу незначительна; с его именем в УДПХ связаны всего лишь один-два проходных военных эпизода — и только.

Другое дело Ли Гу — один из главных и наиболее уважаемых советников чжоуского двора. Автор УДПХ не только уделяет ему (вслед за историей) значительное внимание и место в повествовании, но и, отходя от первоисточников, превращает Ли Гу в активно действующее лицо в тех событиях, в которых он (согласно данным «Всеобщего зерцала») или вовсе не участвовал, или роль его в них была второстепенной. В УДПХ, например, рассказывается, что Ли Гу предложил чжоускому Тай-цзу отменить введенный во времена правления династии Лян налог на скот и ликвидировать ведомство гарнизонных земель, что пошло бы на пользу стране и народу (с. 210). Сыма Гуан сообщает, что ведомство гарнизонных земель предложил упразднить Чжан Нин, а Ли Гу «тоже говорил об этом» (с. 9488). О предложении отменить налог на скот «Всеобщее зерцало» вообще ничего не сообщает, говорится только о факте его существования и отмены в указе государя (там же). В другом случае автор сообщает, например, что Ши-цзун советовался с Ли Гу, как разрешить конфликт, возникший между двумя военными округами (с. 224). В истории же говорится, что Ши-цзун решал этот вопрос с *цзайсяном*, имя которого не называется (с. 9523), а Ли Гу, насколько нам удалось установить, в этой должности не состоял.

Аналогично поступает автор и в отношении Чжао Куанъиня (Чжао Тай-цзу), выдающегося чжоуского военачальника и будущего основателя династии Сун. В дополнение к фактам истории

автор УДПХ подчеркивает его личную доблесть — североханьский военачальник Чжан Юаньхуэй оказывается убит стрелой именно Чжао Тай-цзу (с. 219), хотя история сообщает, что Чжана убили чжоуские солдаты (с. 9505). Чжао Куанъиню приписано также пленение танского полководца Лу Мэнцзюня (с. 236), взятого в плен, согласно данным Сыма Гуана, Хань Линкунем (с. 9553). Желая подчеркнуть, как император Ши-цзун ценил Чжао Тай-цзу, автор рассказывает, что именно ему было поручено провести генеральный смотр гвардии, когда император принял решение реорганизовать ее (с. 222). В истории же сообщается только о том, что император вообще приказал провести такой смотр (с. 9519). Тенденция к концентрации наиболее четко проявляется в главных героях повествования — государях. Однако на них действие, как правило, концентрируется тогда, когда они — центральные персонажи соответствующей части.

В третьей части автор сообщает, что именно Ши Цзинтан убил Ша Шоужуна (с. 114), хотя, по данным «Всеобщего зерцала», тот был убит Чэнь Хуэем, военачальником из личной стражи Ши Цзинтана (с. 9114). Автор заставил своего нелюбимого героя лично расправиться с подчиненным ему военачальником, справедливо упрекавшим Ши Цзинтана в измене государю. В четвертой части, где главный герой Лю Чжиюань, этот же факт рассказан так, как он дан в истории, без дополнительного акцента на личности Ши Цзинтана (с. 168).

Го Вэй в последней части повествования спасает старшего военачальника и убивает Пэй Юе, хотя история Сыма Гуана об этом ничего не сообщает (см. также *Синь у дай*, где приведена биография Пэй Юе, с. 126а). Чжу Цюаньчжуну приписывается убийство императора Чжао-цзуна (с. 60) [10], хотя тот был убит, как сообщает Сыма Гуан, Ши Таем и Цзян Сюаньхуэем (с. 8636).

Как видно из приведенных примеров, концентрация действий на одном лице систематически и целенаправленно проводится автором. Конструкция УДПХ с четким выделением темы героя распространяется автором на все уровни повествования, начиная со структуры отдельного эпизода. Приемы концентрации однообразны: перенесение действий одних, младших по положению или менее значимых для изложения лиц на старших или более значимых, личное обращение государя (или старшего по службе) к лицу, которое автор выделяет.

В результате применения этого способа в УДПХ не только механически сокращается (по сравнению со «Всеобщим зерцалом») круг действующих лиц, что является для автора объектив-

[10] Здесь этот факт сообщен во второй части повествования, т. е. там, где Чжу Цюаньчжун не главный герой. Поскольку вторая *цзюань* истории Лян не сохранилась (а именно там должно быть описано это событие), мы не можем судить о том, как первый раз был изложен этот факт.

ной необходимостью, но и наиболее полное и динамичное выражение получает раскрытие темы и главных линий повествования, намеченных автором. Кроме того, концентрация во всех трех аспектах приводит к тому, что реальные исторические факты и события становятся в определенной степени обобщенными, так как теряют часть исторической (временно́й, локальной и личностной) конкретности, а отсюда возникает новая логика развития событий и взаимодействия персонажей, новые мотивировки и характеристики. Таким образом становится очевидным, как в процессе творческой переработки в *пинхуа* исторических источников (даже при такой тесной связи с ними, как это наблюдается в УДПХ, где воспроизводится текст исторических сочинений) автор отходит от них. Создаются новые, домысленные, вымышленные, переосмысленные факты и эпизоды, и материал, исторический в своей основе, трансформируется в литературно-художественный.

ВРЕМЯ И ЭЛЕМЕНТЫ УСТНОГО СКАЗИТЕЛЬСКОГО ИСКУССТВА

Выше говорилось о том, что в структуре УДПХ роль времени менее активна, чем в истории, однако в организации самого процесса повествования фактор времени сохраняет свое значение. Здесь, правда, время становится не единственным, как в истории, а только одним из элементов, организующих и движущих повествование.

Летопись Сыма Гуана фиксирует события в поступательном потоке времени по годам царствования императоров. Внутри годов историк отмечает времена года и месяцы. В пределах месяца наиболее значительные события часто фиксируются по дням (в циклическом обозначении), а в тех случаях, когда событие развивалось столь стремительно, что указания дня для его характеристики было недостаточно, историк указывал и ход событий в течение суток. Однако главными временны́ми единицами в истории Сыма Гуана являются годы, месяцы и дни, в неукоснительно строгом порядке следующие друг за другом и движущие время и события исторического сочинения. Хронологическая канва УДПХ не столь строга и систематична. Общий хронологический стиль летописи сохранен, но строгость хронологии и ее однонаправленность начинают нарушаться, расширяются интервалы между называемыми датами. В отличие от «Всеобщего зерцала», где год точно следует за годом, в УДПХ разрыв между датами может равняться нескольким годам. Дни в УДПХ, как правило, не называются, всего в нескольких случаях автор совершенно произвольно указывает их (примеров наберется десятка два-три) и обозначает порядковым номером в месяце, например: «Второй

день третьего месяца» (с. 214) [11], т. е., сохранив форму летописи и, в общем, следуя ей, автор начинает и отходить от нее, имитируя лишь элементы ее формы.

Обозначение времени в УДПХ дается согласно летописи Сыма Гуана, и только в датировке второй части (до провозглашения Ли Цуньсюя императором) автор отступает от своего источника. Непризнание Ли Кэюном династии Лян, основанной узурпатором танского престола Чжу Цюаньчжуном, нашло свое выражение в том, что описываемые во второй части события по-прежнему датируются последним танским девизом правления. Все, что происходило с 907 по 923 г. и что описано во «Всеобщем зерцале» под девизами правления лянских государей Тай-цзу и Мо-ди, автор излагает под девизом Тянь-ю (904—906), продлив его, таким образом, на семнадцать лет (в УДПХ последний год Тянь-ю — двадцатый).

Для китайского историка летосчисление было не только средством организации исторического материала, но и способом выражения своего отношения к той или иной династии. Непризнание династии историк выражал, например, тем, что описывал в своем сочинении события под девизами правления не реально существовавшей, а признаваемой им династии. Так поступали Сыма Гуан и Чжу Си в описании истории трех царств [12], так поступили и авторы «Старой» и «Новой» историй Пяти династий Сюе Цзюйчжэн и Оуян Сю, которые в основных анналах Поздней Тан вели летосчисление под девизом Тянь-ю. Видимо, автор УДПХ сознательно отошел в данном случае от хронологии «Всеобщего зерцала» и принял хронологию, зафиксированную в историях Сюе и Оуяна [13].

Недостатки метода фиксации событий в поступательном потоке исторического времени реально ощущал уже Сыма Гуан, составляя «Всеобщее зерцало», поэтому хронологическая сетка его летописи постоянно нарушается: словами *чу* «прежде», *сянь*, *сянь ши* «в начале», «когда-то», «раньше», в текст истории вводятся данные, дополняющие излагаемые факты или раскрывающие историю того или иного события. Эти своего рода исторические «справки о прошлом», не имеющие датировки, оказались перенесенными и в УДПХ, где они сохранились с той же формой введения. Возвраты к недатированному прошлому вместе с повторением в УДПХ одних и тех же дат в разных частях повествования (конструкция цепи) постоянно прерывают картину общего поступательного движения повествования во времени.

---

[11] Только в одном случае день обозначен циклическими знаками, причем не указан ни год, ни месяц, к которым этот день относится, поэтому вычислить его невозможно (с. 14).

[12] См.: Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 149.

[13] Эта датировка неукоснительно проводится и во всех остальных частях, когда автор пересказывает события 907—923 гг.

Кроме нарушения на отдельных этапах временной последовательности повествования мы сталкиваемся в УДПХ и с отступлением от хронологии. Эти отступления могут быть: 1) случайными (ошибки автора или переписчика) [14] и 2) принципиальными, как, например, а) датировка событий в истории Поздней Тан [15] или б) датировка отдельных событий, проистекающая из структуры сочинения и определенной позиции автора. Остановимся на нашем последнем тезисе.

Концентрация событий во времени приводит к тому, что хронологическая сетка УДПХ претерпевает изменения и сдвигается то вперед, то назад. Эти сдвиги подчас являются для автора одним из способов решения определенных идейно-художественных задач. Выше мы приводили пример с Лу Си, который за справедливый доклад государю был казнен. Для создания этого совершенно нового художественного эпизода были использованы три записи «Всеобщего зерцала». Первые две связаны во времени: они изложены одна за другой под одной датой — 874 г. Первая и третья (рассказывающая о гибели Лу Си и датированная уже 880 г.) во времени разорваны, но касаются одного лица. «Тема Лу Си» в УДПХ исчерпывается приведенным эпизодом. Создавая его (при этом косвенно учтена и информация третьей записи — Лу Си покончил с собой, отстраненный от службы императором по навету другого сановника, с. 8239), автор нарочито сконцентрировал события во времени и, изложив тему разом, в новой интерпретации, завершил ее преждевременной гибелью «героя», сдвинув ее на целых шесть лет.

В другом случае автор сдвигает смерть одного из персонажей на год. Эпизод смерти Чжао Дэцзюня в УДПХ не датирован (с. 130), однако из предшествующего изложения можно установить, что события происходят в первом году Тянь-фу (936 г.). Как сообщает Сыма Гуан, после разговора с киданьской императрицей Шулюй Чжао Дэцзюнь «затосковал, стал мало есть и через год скончался» (с. 9161). Хотя Сыма Гуан формально сообщил о смерти Чжао Дэцзюня под первым годом Тянь-фу, он, однако, указал, что Чжао умер год спустя (т. е. в 937 г.) [16]. Автор УДПХ снял данные о времени смерти и покончил с Чжао Дэцзюнем сразу же, в том же, 936 г. Мало того, он сам, вопреки истории, придумал и расправу над изменником: с Чжао Дэцзюня было велено содрать кожу и натянуть ее на войсковой барабан (с. 130). Концентрация времени в данном и предыдущем приме-

[14] Эти случаи оговорены в примечаниях к переводу.

[15] Сообщив во второй части о том, что лянский ван Чжу Цюаньчжун изменил имя на Хуан и провозгласил себя императором, автор ни словом не обмолвился об изменении девиза правления (с. 61), что всегда имело место при провозглашении новой династии и о чем во всех других случаях автор сообщает непременно.

[16] Это произошло «летом второго года Тянь-фу»; см. *Цзю у дай*, с. 443б.

рах, а также в ряде других случаев[17] не только механически ужимает и сдвигает эпизод во времени, но и является одним из приемов и способов выражения авторского отношения к событиям и лицам[18].

Кроме летописных дат, монотонно и несколько однообразно вводящих события в повествование, в *пинхуа* существуют и другие временны́е вводы. Их набор не очень разнообразен, они достаточно трафаретны и с небольшими вариациями типичны для всех *пинхуа*. Эти вводы неконкретны, они обозначают какое-то неопределенное время. Оно может быть статичным: «однажды» (*и жи*), «в этот (тот) день» (*дан жи, ши жи, цзи жи*); но это статичное время приобретает в повествовании и движение — «на следующий (другой) день» (*мин жи, цы жи, та жи*). Движение времени может обозначаться через название общей меры движущегося (неконкретного) времени: «через пару дней» (*лян жи*); «через десяток дней пути» (*син ла шу ши жи*); «прошло только дней пять-семь» (*цай дэ у ци жи*). Очень типичны здесь и обороты с отрицанием при числительном, обозначающие меру неполного времени: «и не прошло двух месяцев» (*бу лян юе цзянь*).

Все эти трафареты в каком-то отношении конкретны, так как содержат некоторую общую меру времени, другие, как, например, «впоследствии», «позднее», «потом» (*цзай хоу*), «вскоре», «немного спустя» (*вэй цзи*), «прежде», «раньше» (*чу, сянь (ши)*), «в прежние времена (дни)» (*цзю жи*), дают лишь общее направление движения времени.

Хотя конкретные летописные дни в УДПХ не называются, там чаще, чем в истории Сыма Гуана, отмечаются более мелкие единицы времени. События привязываются к какой-то определенной части суток: «Слуга вернулся, но еще и не рассвело, как за воротами раздался плач ребенка» (с. 8). Может быть названо и конкретное время суток — стража, чего истории, как правило, не отмечают: «Вечером, во вторую стражу, луна светила, словно то был день» (с. 21).

Б. Л. Рифтин считает, что локализация событий в более мелких, чем день, единицах времени является особенностью *пинхуа*: «Если историографы отмечали обычно месяц, в который случалось то или иное событие, то в народной книге местами уже недостаточно даже обозначения дня — в таких случаях действие локализуется во времени через привязывание его к какой-либо части суток, обычно говорится, что то-то и то-то произошло на рас-

[17] См. также эпизоды смерти Цзин Яньгуана (УДПХ, с. 152,— Всеобщее зерцало, с. 9325—9326, 9329) и Ван Цзюня (с. 211 — с. 9493).

[18] Тот факт, что Сыма Гуан сообщил о смерти Чжао Дэцзюня на год раньше, по нашему мнению, не случаен — так историк выразил свое отношение к изменнику, хотя он и остался в пределах реальных фактов — указал его состояние и приблизительное время смерти.

свете или к вечеру»[19]. Кроме того, он выделяет в *пинхуа* и обозначение неопределенного времени[20]. Здесь, на наш взгляд, сделан довольно общий вывод о принципах временно́й фиксации событий историографами и несколько подчеркнута исключительность этого приема в *пинхуа*.

Историографы тоже использовали прием дробления времени в пределах суток, например во «Всеобщем зерцале»: «вечерело» или «день клонился к вечеру» (*жи це му*, с. 9281); «на рассвете дня *цзи-мао* (*цзи-мао дань*, с. 8899). Знали они и неопределенное время, как, например, «однажды» (*и жи — Цзю у дай*, с. 218), «однажды на рассвете» (*и дань* — «Всеобщее зерцало», с. 8835, 8837), знали и движение этих неопределенных дней. Другое дело, что в исторических сочинениях эти приемы используются значительно реже, чем в произведениях повествовательных, кроме того, и авторский стиль изложения истории регулирует частоту их употребления. В «Старой» и «Новой» историях Пяти династий они применяются сравнительно редко, в то время как во «Всеобщем зерцале» достаточно широко. Сам стиль летописи Сыма Гуана, более повествовательный, чем довольно сухой и лаконичный стиль династийных историй, потребовал от автора введения большей временно́й детализации и некоторого расширения приемов изложения событий во времени, ограниченном рамками хронологии. Покажем это на примерах (в тексте Сыма Гуана выделен временно́й костяк записи):

I. Восьмой месяц...

День не обозначен, сообщение... В день *гэн-инь*, сообщение... День не обозначен, миньский государь Си назначил такого-то *цыши*... На следующий день (*мин жи*)... С этого времени (*цзы ши*)... Вскоре (*вэй цзи*)... Зима, десятый месяц, день *бин-цзы*... (с. 9240).

II. Двенадцатый месяц...

День не обозначен, Си... приказал казнить такого-то... На следующий день (*мин жи*)... В этот же вечер (*ши си*)... На другой день (*та жи*)... Весна, первый месяц [восьмого года Тянь-фу]... (с. 9242—9243).

На этих примерах мы видим, что в пределах небольшого законченного эпизода историк строит свое изложение с помощью тех же, что и в *пинхуа*, трафаретов движущегося неконкретного времени. Это время, правда, ограничено рамками летописного времени и всегда может быть приблизительно датировано; в первом примере описываемые события произошли между днем *гэн-инь* восьмого месяца и днем *бин-цзы* десятого, во втором — в пределах двенадцатого месяца.

Приемы дробления времени и введение неконкретного времени

---

[19] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 151.
[20] Там же, с. 150.

в *пинхуа* не новы, но здесь они применяются более широко и приобретают новые качества. Увеличился набор временны́х трафаретов, с их помощью повествование стало развиваться не только в пределах небольших эпизодов, ограниченных неширокими рамками летописных дат, но и в пределах больших авторских композиций, охватывающих целые периоды жизни героев повествования. Функция их стала более активной: они начали непременно и постоянно использоваться авторами, заняли во временно́й организации повествования положение, одинаковое с летописными вводами [21], и их широкое использование позволило решать в повествовании и художественную задачу — создавать впечатление скрупулезного воспроизведения подлинности происходящего (как, например: «однажды, в восьмой день второго месяца, во время празднования дня рождения Будды», с. 161).

Следует остановиться и на временны́х вводах в повествование вступительных частей. Общеисторическое вступление начинается с далеких времен, и автор привычно для китайского восприятия времени соотносит события с именами мифических и легендарных императоров, с эпохами царствования отдельных династий и, наконец, доведя изложение до времени правления династии Тан, начинает постепенно вводить датировку по девизам и годам правления императоров. Авторские вступления к частям, как правило, не имеют летописной датировки (в первой части названа дата, когда забеременела мать Хуан Чао, в четвертой датировано прошение матери Лю Чжиюаня, сочиненное самим автором). Движение во времени здесь почти полностью организовано с помощью временны́х вводов неконкретного типа, к которым прибавляется периодическое указание возраста героя, символизирующее движение времени и отмеряющее отдельные этапы его жизни, например: «годам к четырнадцати-пятнадцати» (с. 8); «к этому времени ему исполнилось пятнадцать лет» (с. 162); «едва исполнилось ему семь лет» (с. 160). Но как только автор доводит свой рассказ до времени, когда о герое появляются записи в истории, он сразу же начинает вводить в повествование летописную датировку. Поскольку первая запись о Го Вэе помечена у Сыма Гуана третьим месяцем 923 г., автор завершает первую часть своего вступления именно этой первой летописной датой. «...Го Вэй получил деньги, покинул дом и отправился в Лучжоу. Произошло это в правление династии Поздняя Тан в первом месяце двадцатого года Тянь-ю». Далее авторские вводы перемежаются летописными.«...Проведя больше месяца в пути, Го Вэй прибыл в Лучжоу... Тут наступил третий месяц» (с. 185). После этого один за другим следуют как чисто авторские эпизоды, так и обработанные автором записи истории, которые движутся во времени по-

[21] По нашему мнению, это верно для УДПХ, «Забытых событий», СГПХ и ЦБПХ, так как в других *пинхуа* временны́м вводам неконкретного типа в организации повествования принадлежит ведущая роль.

вествования с помощью вводов неконкретного типа и охватывают промежуток времени в двадцать с лишним лет. Наконец, сделав Го Вэя военачальником Лю Чжиюаня, автор переходит к систематической летописной хронологии, датируя следующее событие уже «первым годом Кай-юнь» (944 г., с. 188).

Приведенный пример, на наш взгляд, не только дает представление о способах соединения во времени отдельных частей изложения, но и демонстрирует постоянное и непременное в УДПХ сочетание времени исторического и времени повествовательного. Здесь же следует отметить и повествовательную манеру введения многих дат, перенесенных автором из летописи Сыма Гуана, например: «Наступил первый месяц первого года Ин-шунь правления императора Минь-ди» (с. 167); «когда наступил десятый месяц» (с. 17). С помощью глаголов *чжи, дао* (*дэ*) «подходить», «доходить до», «наступать» автор, перекидывая мостики к очередной дате, не только подчеркивает ход времени в повествовании, но и создает некий переходный (третий) вариант между двумя основными временными формами.

Развитие событий в летописном времени сочетается в УДПХ с авторским, т. е. временем создания произведения. Это время обусловлено присутствием в повествовании автора-рассказчика, это время его творчества. Оно в повествовании не обозначено, только в одном случае мы имеем конкретное указание на него: комментируя одно выражение, автор говорит: «Это то, что теперь (*цзинь*) называют...» Это «теперь» не датировано, но совершенно очевидно, что здесь имеется в виду время, когда автор ведет повествование.

Цзинь, указывающее на время автора, следует отличать от *цзинь*, обозначающего настоящее время событий повествования. Например: «Первый месяц пятого года Сянь-дэ... чжоуские войска захватили Цзинхайцзюнь... и с княжеством Уюе установилось прямое сообщение. Раньше (*сянь*), отправляя послов в Уюе, Шицзун сказал: „Хотя уезжаете вы морем, возвращаться будете сушей“. И теперь (*цзинь*), когда Тунчжоу вошел во владение Чжоу, послы смогли из Уюе сушей вернуться в Бянь» (с. 243). Как указывает Ю. Л. Кроль, еще со времен составления *Цзочжуань* китайским историкам было свойственно «говорить с читателем двумя несливающимися голосами. Одним — безличным „голосом предания“, призванным передавать события прошлого, другим — глубоко личным голосом историка» [22]. Эти два голоса, функционировавшие в одном сочинении в разном времени — во времени излагаемых событий (настоящее время повествования) и во времени написания сочинения (настоящее время автора),— и привели к появлению двух временных пластов в исторической литературе. Эта традиция истории была воспринята и рас-

[22] Ю. Л. Кроль. Сыма Цянь, с. 48.

сказчиками, так как ее объективная основа сохранилась. И там и здесь автор — историк или рассказчик,— если он не скрывал своего присутствия, должен был излагать уже зафиксированный материал, более или менее отдаленный от него во времени. Но историческая традиция, перенесенная на другую почву, несколько трансформировалась и получила новое решение и развитие. Тут, несомненно, сказались и постепенное развитие уровня самого сказительства, и степень связи с источниками, на основе которых строились повествования. Мы видим два настоящих времени — время автора-рассказчика и время излагаемых событий — в *бяньвэнь* [23], эти же два времени мы наблюдаем во всех *пинхуа*. Однако в *пинхуа*, где повествовательный уровень изложения более высок и развит, временны́е напластования усложняются. В ЦХПХ (с. 59) и в «Забытых событиях» (с. 25, 100) к двум настоящим временам прибавляется еще будущее (по отношению к настоящему времени излагаемых событий) время («впоследствии», «потом»), лежащее ближе настоящего времени автора; в ЦБПХ (с. 3, 14, 18) и СГПХ [24] выделяется прошедшее время по отношению к настоящему времени автора, в УДПХ — прошедшее время по отношению к настоящему времени повествования. Настоящее время излагаемых событий обозначено везде, настоящее время автора, как правило, не обозначается [25].

Наиболее сложные временны́е напластования наблюдаются в УДПХ. Здесь каждому настоящему времени соответствует свое прошедшее, выделяется и будущее время по отношению к настоящему времени событий (с. 73, 201). Прошедшее и будущее время оговаривается специальными словами-вводами (*цзинь лай*, *цэн*, *хоу*) [26], обратный переход к настоящему времени оговаривается не всегда, часто он логически следует из контекста. Прошедшее время, сопоставляемое с настоящим временем излагаемых событий, перешло в УДПХ главным образом из исторических источников. Будущее и второе прошедшее вводится в повествование автором — это новые, дополнительные сферы звучания его голоса. В *пинхуа* повествование по-прежнему ведется двумя голосами — глубоко личным голосом автора, только теперь не историка, а рассказчика, и «безличным голосом предания» (исторический источник). Однако соотношение функционального и эмоционального взаимодействия этих двух голосов здесь изменилось. Именно здесь, на наш взгляд, произошел качественный сдвиг, именно здесь принципиальная разница в функциях двуголосия истории

[23] См., например, «Бяньвэнь о воздаянии», с. 359, 388, 389. В переводе (с. 156, стк. 163а) настоящее время автора опущено (ср. кит. текст, с. 359); настоящее время излагаемых событий называется.

[24] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 152.

[25] Кроме УДПХ оно выделено еще в УВПХ (с. 36) и тоже в авторском комментарии.

[26] Это время не оговаривается, если автор ссылается на конкретное имя (например, с. 4).

и *пинхуа*. Голос автора-рассказчика в *пинхуа* заметно активизируется и постепенно становится силой, трансформирующей голос предания. Он вторгается в «сферу» голоса предания и не только интерпретирует и оценивает данные истории, но и начинает по-своему разрабатывать и перерабатывать их, создавая новые, художественно осмысленные факты, эпизоды, документы. Голос автора-рассказчика становится той ведущей творческой силой, которая начинает преобразовывать факт исторический в факт литературный. «Голос предания» соответственно теряет свою независимость в изложении и в китайском историческом романе практически уже не звучит активно. УДПХ, на наш взгляд, является как раз одним из тех произведений жанра *пинхуа*, где еще при определенном равновесии обоих голосов в повествовании достаточно отчетливо видна тенденция развития творческой, преобразующей функции голоса автора. В тех *пинхуа*, где связь с историческими источниками повествования не столь тесна, как в УДПХ, голос автора звучит более свободно. По-видимому, это и дало основание Б. Л. Рифтину сделать вывод о том, что в «Пинхуа по истории Трех царств» «голос предания заменяется голосом рассказчика» [27].

Вторым элементом, организующим повествование в УДПХ, являются традиционные формулы, перешедшие, по-видимому, в письменную литературу от народных рассказчиков. Количество этих формул сравнительно невелико, с небольшими модификациями они свойственны и всем другим *пинхуа*, хотя авторы каждого из них отдают предпочтение определенному набору формул [28]. С помощью этих стандартных вводных формул автор переходит в процессе повествования от изложения одной темы к изложению другой, раскрывает исторические параллели и аналогии. Переходы к новым темам прерывают развитие повествования в поступательном движении времени. Поскольку с помощью вводных сказительских формул автор часто переходит к изложению темы, развивавшейся одновременно с предыдущей, которая датировалась (а это бывает ясно из контекста), то он не вводит летописной датировки в новый повествовательный эпизод; возвратившись же к старой теме, которая тоже может быть теперь введена обратно одной из формул, продолжает датировать события, не нарушая хронологии. Набор сказительских формул в УДПХ невелик, это *це шо* «расскажем», *цюе шо* «еще расскажем», *хуа шо* «рассказ будет о том», *хуа шо ли* «речь здесь пойдет о том», *хуа шо ли шо* «речь в нашем рассказе пойдет вот о чем» и формула, не отмеченная в других *пинхуа*, 曾記得 (*цзэн цзи дэ* — некогда было записано, с. 44) и 又(*ю*) *цзи дэ* — еще было записано,

[27] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 153.
[28] Там же, с. 157—158.

с. 172. По-видимому, последнюю формулу следует рассматривать как результат тесной связи УДПХ с историческими источниками.

Другой разновидностью стандартных приемов, используемых в повествовании и тоже сохранившихся от устного исполнительского искусства, являются риторические вопросы и ответы на них. В УДПХ в отличие от ряда других *пинхуа* они встречаются не очень часто, больше всего ими насыщена первая часть повествования, в основном авторские эпизоды, не связанные непосредственно с изложением истории [29].

ОБ ИСТОЛКОВАНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ФАКТОВ

Народный исторический роман — *пинхуа* несет в себе элементы народного мировоззрения. Речь идет прежде всего об отношении к историческим событиям — их осмыслению и оценке. Проблема народного мировоззрения в ранних произведениях простонародной китайской литературы практически не изучена. Только в работах последних лет, в связи с исследованиями конкретных произведений жанров *бяньвэнь* и *пинхуа*, а также *хуабэнь*, мы наблюдаем стремление авторов поставить эту проблему и разработать ее более или менее подробно на исследуемом материале [30].

Исследуя «*Пинхуа* о походе У-вана», Б. Л. Рифтин отметил, что «это пинхуа менее связано с подлинными историческими фактами... а следовательно, оно ближе к фольклору... в нем более

[29] Вопрос об элементах устного исполнительского искусства в *пинхуа* достаточно подробно рассмотрен Б. Л. Рифтиным (Историческая эпопея, с. 157—161; «Пинхуа о походе У-вана против Чжоу Синя» как образец китайской народной книги, с. 104—117). Поскольку материал УДПХ по данной теме совпадает в основном с материалом СГПХ и мы согласны с выводами и положениями Б. Л. Рифтина, мы сочли нецелесообразным рассматривать этот вопрос более подробно.

[30] Чэн Ичжун. Коротко, с. 186—194; Б. Л. Рифтин. «Пинхуа о походе У-вана», с. 115—117; он же. Историческая эпопея, с. 70—74; «Бяньвэнь о воздаянии», с. 72—91; А. Н. Желоховцев. Хуабэнь, с. 8—9. Голландский ученый В. Л. Идема (Some Remarks, с. 148—149) отрицает элемент народного мировоззрения в *пинхуа* в том числе и на том основании, что многие пассажи *пинхуа*, которые могут быть поняты как выражение народных надежд, не перешли в драму и позднейший роман, которые он считает «более народными» по характеру. Он высказывает предположение, что *пинхуа* (или некоторые из них) были созданы при монгольском дворе китайскими чинами администрации как тексты образовательного и моралистического характера, предназначенные только для частично китаезированной части монгольской знати с императором во главе (и оттуда распространились вниз).

Доводы В. Л. Идема представляются несколько умозрительными и недостаточно убедительными, так как конкретных фактов из источников он практически не приводит; к тому же материал УДПХ и факты, сообщенные в работах названных выше авторов, не дают основания разделить его точку зрения.

четко проявляются народная интерпретация событий и отношение народных масс к историческим деятелям»[31].

А как же обстоит дело с УДПХ, где в отличие от «*Пинхуа* о походе У-вана» повествование строится на историческом материале, зафиксированном в конкретных источниках? Каковы позиции автора, излагающего историю Пяти династий? Объединяет ли что-нибудь его взгляды со взглядами авторов других *пинхуа*?

Когда создавался дошедший до нас вариант УДПХ, Китай переживал трудный период своей истории. К концу второго десятилетия XII в. север страны был захвачен чжурчжэнями. В течение второй половины XII и начале XIII в. династия Южная Сун продолжала вести войны с чжурчжэнями, сильно ослабившие страну. А тут на изнуренный Китай напали монголы, которые, захватив к 1234 г. у чжурчжэней Северный Китай и уничтожив государство Цзинь, начали наступление на юг и в 1280 г. установили свое господство над всей территорией страны. Трагедия страны «изменила направление духовной жизни»[32], она вызвала к жизни новые темы или дала новое звучание старым. Патриотизм, охвативший народные массы и умы лучших представителей китайского общества, утверждается ко времени Южной Сун в литературе (особенно в поэзии) как одна из ведущих ее тем[33]. В УДПХ, появившемся в 60—70-е годы XIII в., на закате правления Южной Сун, когда монголы, не встречая должного сопротивления, распространяли свою власть на юг Китая, темы защиты родины от иноземных захватчиков, верности стране и исполнения долга звучат особенно остро. Не исключено, что изложением и оценкой событий прошлого, нередко напоминающих настоящее, автор высказывал свое мнение о современном ему Китае[34].

Борьба за власть во имя личного престижа и стремление достичь этого любой ценой осуждаются автором. Одной из причин успеха врагов на территории Китая являются, по его мнению, корыстные и властолюбивые военачальники, в мелочных обидах и распрях забывшие о своем долге защищать страну: «Когда бы взбунтовавшиеся полководцы не дрались между собою, неужто возник бы у варваров дерзких несбыточный замысел тот?» (с. 154) — такова прямо заявленная позиция автора. В этом плане прежде всего выделяется изложение истории династии Цзинь. Ши Цзинтан, ценой сделки с врагами-киданями добившийся престола и власти, вызывает гнев и презрение автора. По его мнению, Ши Цзинтан — предатель, который по собственной воле — «какой

[31] Б. Л. Рифтин. «Пинхуа о походе У-вана», с. 106.

[32] Л. З. Эйдлин. К истории развития китайской литературы в III—XIII вв., с. 367.

[33] Подробнее об этом см., например: Е. А. Серебряков. Лу Ю. Жизнь и творчество.

[34] Аналогичную мысль о романе «Троецарствие» высказывает и Н. Т. Федоренко (Героическая эпопея «Троецарствие», с. 78).

позор! — отцом называет киданя» (с. 159). Этот мотив повторяется неоднократно не только в третьей части повествования (см. также, например, с. 128), в истории Чжоу автор тоже возвращается к нему. Рассказав о воцарении в княжестве Северная Хань Лю Цзюня, который, чтобы закрепиться на престоле, признал себя «сыном» киданьского государя, автор завершает эпизод маленьким резюме, звучащим достаточно горько и иронично: «Презрев позор, служил Лю Цзюнь врагам, подражая известной премудрости Ши Цзинтана. И как было потомкам не посмеяться над ним!» (с. 223).

Автор оценивает взаимоотношения Ши Цзинтана с киданями как рабские. Он вводит в повествование предсказание, которое лишний раз подчеркивает сущность нелюбимого им героя:

— Почтенный *хэшан*, позвольте спросить,
тут есть переправа пред нами
На юг от Реки? Там дядюшку ждут
со сложенными руками.—
Но из-за того что дядюшка сей
в Срединное царство явился,
Наложницы, жены, сановники, слуги —
все стали у жунов рабами (с. 114).

Но такое предупреждение о рабском будущем не останавливает Ши Цзинтана. И позднее мы действительно узнаем, как ценой унизительных уступок врагам, ценой раболепного служения и трусливой покорности, ценой выплаты богатой дани и передачи врагам части китайских земель держится у власти китайский император. Не вызывает ли это ассоциаций с унизительными договорами 1142, 1165 и 1208 гг., которые южносунские императоры заключали с чжурчжэнями? Не старается ли автор пафосом возмущения и осуждения предателей прошлого высказать свое отношение к тому, что происходило на его глазах, и вызвать подобные же чувства у современников? Поэтому в УДПХ мы и видим, как карается предательство. Если, следуя фактам истории, автор не может совершить суд над Ши Цзинтаном, одним из главных героев повествования, то с другим предателем, не главным героем, тоже пытавшимся утвердиться на китайском престоле с помощью киданей, автор расправляется сам, игнорируя данные истории. В УДПХ Чжао Дэцзюнь не умирает сам, а гибнет по повелению киданьской вдовствующей императрицы, которая приговаривает к смерти изменника. Со словами (введенными в исторический текст автором): «„Ты, подданный Тан, обманул своего государя, проявив неверность; ты воспользовался удобным моментом ради своей выгоды, значит, у тебя нет чувства долга. А без верности и долга где для тебя найдется место на свете?“ — Она приказала содрать с Чжао Дэцзюня кожу и натянуть ее на войсковой барабан»

(с. 130; ср. «Всеобщее зерцало», с. 9160–9161; *Цзю у дай*, с. 443б) [35].

Если предательство гневно осуждается автором, то верность и исполнение долга, которые столь часто в сунские времена бывали забыты, особенно выделяются и восхваляются автором. «Без верности и долга нет человеку места на свете» — вот кредо автора, и недаром он так ценит эти качества, а его «положительные» герои проявляют их. Уже во вступлении ко второй части автор подчеркивает эти качества у предка Ли Кэюна: «На страже страны он стоит — и вовек не сломится верность Чисиня» (с. 44). Именно на преданности Ли Кэюна заостряется внимание и в вещем сне, приснившемся его отцу: Ли Кэюн «возьмет оружие, не восстав против господина» (с. 44). Ли Кэюн — образец верного подданного, преданного своему государю, и в изложении автора это постоянно ощущается. Положительная оценка автором военачальника, сохранявшего верность династии Тан и пытавшегося преданно служить своему слабому и безвольному государю (находившемуся в полной зависимости от Чжу Цюаньчжуна), приводит к тому, что некоторые исторические события и оценки даются в УДПХ так, чтобы не «пострадал» положительный герой. Так, например, завершая изложение весьма сложного для Ли Кэюна этапа борьбы с Чжу Цюаньчжуном во втором году Цяньфу, Сыма Гуан говорит: «После этого [Ли] Кэюн несколько лет не смел (*бу ганьъ*) воевать с Чжу Цюаньчжуном» (с. 8570). Перенося в УДПХ это резюме Сыма Гуана, автор убрал слова «не смел», оценивающие более слабую в тот момент позицию Ли Кэюна: «После этого Ли Кэюн и Чжу Цюаньчжун не воевали несколько лет» (с. 60). Но чтобы это новое резюме выглядело логичным на фоне излагаемых исторических фактов, автор ввел в повествование вещий сон, приснившийся Чжу Цюаньчжуну, в результате которого тот отдает приказ отвести войска, угрожавшие Ли Кэюну. Таким образом, реальная расстановка сил, зафиксированная в истории, в УДПХ оказалась измененной в пользу верного танскому трону Ли Кэюна, и резюме зазвучало обоснованно нейтральным.

В ходе повествования автор неоднократно возвращается к теме долга и верности; он вводит в изложение дополнительные материалы и создает на их основе новые эпизоды, в которых подробно разрабатывает эту тему (например, эпизод неколебимой верности Ван Яньчжана).

Верность и долг предполагают, по мнению автора, забвение личных обид и устремлений во имя безопасности и престижа страны. Несколько раз встречаемся мы в произведении со ссылка-

[35] Трудно предположить, чтобы китайцы, состоявшие на службе при монгольском дворе, могли в целях «образовательных или моралистических», как это предполагает В. Идема (см. примеч. 30 к данной главе), интерпретировать таким образом смерть Чжао Дэцзюня.

ми на Ляня и Линя (Лянь По и Линь Сянжу) — сановников древности (III в. до н. э.), сумевших во имя интересов страны перед лицом внешней опасности забыть личные обиды и вражду, а также с упоминанием Коу и Цзя (Коу Сюня и Цзя Фу), помирившихся по призыву императора Гуан-у (25—58) и забывших свои распри ради единения Поднебесной. Все эти исторические аналогии автор вводит в повествование, чтобы, на наш взгляд, еще и еще раз подчеркнуть одну из своих основных мыслей, привлечь внимание к проблемам, волновавшим страну в тяжелейший период борьбы за ее существование, и показать достойные подражания образцы поведения.

Теме верности созвучна тема государя, пекущегося о чести страны и благе ее народа. Здесь обращает на себя внимание последняя глава повествования, посвященная императору Ши-цзуну. Все его действия вызывают горячее одобрение автора. Он восхищен решимостью молодого государя дать отпор врагу и с большой симпатией говорит о решении Ши-цзуна выступить в поход против правителя Северной Хань Лю Чуна, осмелившегося во время траура напасть на Чжоу. Ши-цзун идет в поход, даже не похоронив отца — императора Тай-цзу (Го Вэя). Он поручает это отговаривавшему его от похода Фэн Дао (одним из главных аргументов которого была как раз ссылка на то, что похороны государя не завершены), ибо в годину бедствий вопрос о чести страны и достоинстве ее государя для истинного правителя оказывается выше соблюдения одного из важнейших конфуцианских церемониальных обрядов — похорон родителей. И это не осуждается автором, наоборот, он относится с пониманием к решению молодого государя (см. с. 217). Более того, пересказывая в УДПХ диалог Ши-цзуна с Фэн Дао, который Сыма Гуан заканчивает словами: «император был недоволен» (с. 9503), автор позволил себе изменить заключительную ремарку и дать другую, более мягкую окраску всему эпизоду: «Поскольку Фэн Дао был почтеннейшим сановником прежнего двора, Ши-цзун весьма вежливо отвечал ему» (*Ши-цзун и Фэн Дао цянь чао юаньлао, ю ли да чжи*, с. 214). Автор восхваляет все поступки Ши-цзуна, его поведение, всю его государственную деятельность,— он одобряет все полностью, ибо деятельность Ши-цзуна направлена на укрепление армии, объединение страны и отдана заботе о благе народа.

В этом же плане излагается и история «второго» из государей эпохи Пяти династий — Мин-цзуна. В УДПХ Мин-цзун каждую ночь обращается с мольбой к Небу и просит, чтобы оно ниспослало стране мудрого государя не только потому, что он «инородец, восставшим войском вознесенный на престол» («Всеобщее зерцало», с. 9095), но и потому, что «латники не имеют передышки, все живое печалится и страдает» (УДПХ, с. 96). Автор подбирает и соответственно излагает материал, характеризующий и этого государя, а также дает много сведений о тех его государственных

решениях, которые должны были принести облегчение простому народу, «тяжело вздыхавшему» от прихотей его предшественника Чжуан-цзуна — императора, который, забыв со временем о долге государя, перестал заботиться о благе государства и народа и этим, по мнению автора, сам «накликал на себя беду». Все, что идет на пользу народу и стране, поддерживается автором и всячески подчеркивается; также выделяется, но уже в плане осуждения, то, что идет вразрез с интересами страны и простого народа.

Забота о благе народном — другая очень важная для автора тема. Он неоднократно упоминает о бедах, которые приносят простому народу войны, пустое расточительство императора, вражда и алчность военачальников и чиновников, их подчас неуемное тщеславие и жажда наслаждений и развлечений. Автор подчеркивает необходимость заботы о простом народе, ибо в этом основа благосостояния страны.

Известные исторические факты получают у автора такое истолкование, что не остается сомнений в его позиции. В УДПХ пересказываются некоторые экономические мероприятия Ши-цзуна, большинство из которых завершаются небольшими авторскими дополнениями резюмирующего характера. Так, например, рассказывая о переводе сборщиков податей и налогов под начало округов, с тем чтобы они там получали вознаграждение деньгами и зерном, автор завершает изложение такими словами: «...и не смели брать лишнее у народа» (ср. «Всеобщее зерцало», с. 9584,— УДПХ, с. 245); распоряжение Ши-цзуна о ежегодной отправке в княжество Тан соли автор дополняет словами: «для нужд танского народа» (ср. «Всеобщее зерцало», с. 9584,— УДПХ, с. 245). Повеление Ши-цзуна вырезать из дерева фигуры земледельца и крестьянки, разводящей шелковичных червей, и установить их во дворце (с. 245) автор оценивает так: «Из дерева вырезал он земледельца в честь главного из занятий» (с. 217). Интересна интерпретация автором антибуддийских актов Ши-цзуна. Во «Всеобщем зерцале» под пятым месяцем второго года Сянь-дэ сообщается, что Ши-цзун повелел закрыть в стране буддийские монастыри, не имеющие высочайше пожалованной надписи на воротах, ввел ряд запретов для деятельности монахов и ограничений для вступления в монастыри и приказал ежегодно производить строгий учет монахов (с. 9527). Пересказывая все это в УДПХ под пятым месяцем, автор, во-первых, не преминул добавить, что Ши-цзун приказал «расселить на земле уничтоженных монастырей простой народ» (с. 227), и, во-вторых, завершить изложение дополнительно введенной им репликой — реакцией Ши-цзуна на число оставшихся в стране монахов: «Узнав это число, Ши-цзун со вздохом сказал: „Какой урон эти шестьдесят тысяч бездельников монахов ежегодно приносят крестьянам, содержащим их! А какой прок от них, когда страна в беде?“» (с. 228). И дальше

продолжая следовать своей логике изложения материала, автор подключает сюда же и другое событие (во «Всеобщем зерцале» оно помечено девятым месяцем того же года): «И еще он издал указ с повелением передать медные статуи Будды литейному ведомству, чтобы переплавить их на монеты и пустить в обращение».

Факт этот оценен автором уже во вступительном стихотворении, предваряющем изложение истории правления императора Ши-цзуна, так:

На медь переплавил он статуи Будды,
народ облегчая простой (с. 217).

Однако, согласно «Всеобщему зерцалу», дело обстояло не столь просто. Ши-цзун, обеспокоенный тем, что уездные власти не отливают монету, а население переплавляет медные деньги на посуду и статуи Будды и потому денег в обращении не хватает, приказал сдать в пятидесятидневный срок для переплавки всю имеющуюся в народе медную утварь и статуи Будды, за исключением регалий уездных властей, войскового оружия и колоколов и гонгов из буддийских монастырей. Укрытие и несдача свыше пяти *цзиней* медной утвари карались смертью. И дальше Сыма Гуан приводит слова Ши-цзуна, обращенные к приближенным, которым он объясняет свою позицию в вопросе об изъятии статуй[36] (в УДПХ автор тоже завершает эпизод словами Ши-цзуна, но острее передает их смысл: текстуально обе речи не совпадают). Таким образом автор переосмысливает исторический факт, по-своему оценивает его, дает ему новое толкование в плане проводимой им идеи, в данном случае — заботы «первого из государей эпохи Пяти династий» о благе народном.

Из приведенных примеров видно, что в позиции автора УДПХ нашли свое отражение некоторые народные идеалы счастливой жизни; чиновники не обирают народ, налоги разумны, государь печется о нуждах подданных и заботится об облегчении им жизни. Идеалы лучшей жизни для народа отражены не только в УДПХ; Б. Л. Рифтин отмечает их и в исследованных им СГПХ и УВПХ: «Народная точка зрения, проявляющаяся в пинхуа, особо акцентирует внимание читателя на народных бедствиях и наивно выражает мечту о радостях и счастье для простого люда»[37]. Как в УВПХ и СГПХ, надежды на счастливую жизнь в УДПХ неразрывно связаны с конфуцианским идеалом гуманного государя, мудрое правление которого обеспечивает простому народу сытую и спокойную жизнь в радостном труде.

Можно утверждать, что этот синтезированный идеал является

[36] В «Старой истории Пяти династий» (с. 518б — 519а) этот факт излагается менее подробно, там говорится об изъятии «медных предметов» вообще.

[37] Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея, с. 70.

одним из основополагающих в тех идейных позициях, с которых авторы *пинхуа* излагают историю прошлого страны. Конфуцианскими в своей основе являются и понятия верности и долга — темы весьма активно разрабатываемые автором УДПХ, но даваемая здесь интерпретация нередко говорит об их народном осмыслении и оценке.

В УДПХ часто и целенаправленно дается отличное от официальных исторических версий толкование пересказываемых фактов и событий. Кроме того, здесь, как уже отмечалось выше, получает подробное истолкование и общая логика развития исторических событий — они происходят потому, что предопределены свыше, и тема предопределенности становится идейно-композиционным стержнем произведения. Но в УДПХ в отличие от СГПХ [38] эта идея по существу не связана с буддийской идеей возмездия. Автор УДПХ был сыном своего времени и безусловно оставался в целом в рамках конфуцианских представлений. Тем не менее он имеет свою точку зрения (народное понимание), отличную от ортодоксально конфуцианской в оттенках, в расстановке акцентов, ибо смотрит на явления несколько с другой стороны, с более низкой ступени социальной лестницы, выделяя в них самое актуальное и насущное. В результате в УДПХ происходит определенная смысловая и идейная обработка исходного исторического материала.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании изложенного можно сделать следующие выводы.

В УДПХ пересказываются события периода Пяти династий, изложенные в сводной истории Сыма Гуана «Всеобщее зерцало». Это главный исторический источник повествования. В качестве дополнительных источников привлекаются «Старая история Пяти династий» и «Новая история Пяти династий».

УДПХ могло быть создано в 60—70-е годы XIII в. после выхода в свет издания XI, 2 «Всеобщего зерцала». Дошедший до нас вариант составлен, вероятно, из разных списков рукописи, поэтому заглавию произведения предшествуют слова «Заново составленное».

Текст УДПХ в своей основной, исторической, части отождествляется с текстами названных исторических источников, однако не полностью им идентичен. Приемы использования и переноса текста истории различны — от дословного цитирования до художественной импровизации на темы истории с включением фольклорного материала, достаточно широко представленного в произведении.

[38] Там же, с. 63—67.

Несмотря на теснейшую связь с историческими источниками, УДПХ не просто пересказ истории, а повествовательное произведение с единой идейно-композиционной конструкцией, в котором события эпохи Пяти династий являются прежде всего сюжетом повествования. Автор излагает его по тематическому принципу «от начала до конца» и вводит во вступительные части повествования завязку — предопределенность свыше всего происходящего,— которая дает толчок движению и развитию сюжета (историческим событиям).

В ходе повествования исторические факты и события претерпевают определенную художественную — структурную, смысловую и идейную — обработку. Нередко автор отходит от данных истории и создает новые, вымышленные факты и эпизоды. Изложение несет на себе печать авторской оценки, в которой выражено народное понимание и осмысление исторических событий.

О ПЕРЕВОДЕ

Сочинения жанра *пинхуа* (кроме УВПХ, переведенного на английский язык) до сих пор ни на какие языки не переводились. Представляемое здесь на русском языке УДПХ — первая попытка полного перевода произведения с китайского языка. Перевод выполнен по изданию *Синь бянь у дай ши пинхуа* (Шанхай, 1954) с учетом правки, внесенной в китайский текст при переиздании 1955 г. При переводе на основании текста «Всеобщего зерцала» реконструирована часть лакун, имеющихся в УДПХ, другая их часть ввиду невозможности восстановления переведена по контексту. Восстановление и перевод утраченного текста взяты, как правило, в квадратные скобки и оговорены в комментарии. Исправлена в двух случаях (и также оговорена в комментарии) неверная разметка современного издания китайского текста.

В УДПХ довольно часто встречается ошибочное написание имен. Большая часть этих описок отражена в комментарии, однако в отдельных случаях (как правило, для персонажей в повествовании второстепенных) дано правильное написание имени, ошибочные же отражены указателем имен.

Работая над переводом, мы пользовались советами и консультациями своих учителей и коллег: В. С. Колоколова, Б. И. Панкратова, В. А. Вельгуса, Л. Н. Меньшикова; ценные рекомендации при составлении «Перечня названий чинов, должностей...» дал Е. И. Кычанов. Каждому из них, а также Т. А. Малиновской, В. В. Петрову, Б. Л. Рифтину, Е. А. Серебрякову, Л. З. Эйдлину, С. Е. Яхонтову и всем, кто читал работу и своими замечаниями способствовал ее улучшению, выражаю искреннюю благодарность.

Л. Павловская

ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(СИНЬ БЯНЬ У-ДАЙ ШИ ПИНХУА)

3

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЛЯН

Цзюань 1

В стихах говорится:

Вёсны и осени тигры боролись,
годы драконы сражались.
Пять династий: Лян, Тан и Цзинь,
Хань и Чжоу [1] промчались.
Взлеты, паденья — фонарь на ветру
так то померкнет, то вспыхнет;
Как почтовые, летели династии
и государи сменялись.

Когда разделился надвое первобытный хаос [2], появились ветер и воздух. Фуси [3] начертал восемь триграмм [4] — возникла письменность. Хуан-ди [5] дал людям одежду, и в Поднебесной утвердился порядок. Но еще до того, как были созданы тринадцать триграмм [6], люди стянули тетивой палку — получился лук, заострили дерево — получилась стрела, а когда появились лук и стрелы, влияние и власть стали завоевывать оружием.

И вот в то время, когда уже все удельные князья выразили покорность, только Чию [7] и Янь-ди [8] осмелились претендовать на чужие владения, не подчиняясь благотворному влиянию верховного правителя — вана. Тогда Хуан-ди возглавил удельных князей, собрал войско и выступил в поход. Впереди войска гнали желтых и черных медведей, барсов, леопардов, пантер, тигров. С Янь-ди в бой вступили у Баньцюани, с Чию сражались у Чжолу. Трижды сходились воины на поле брани, но ни одна из сторон не могла одержать верх. Тогда старец по имени Фэн-хоу [9], решив хитростью добиться победы, составил план расположения войск и вручил его Хуан-ди. Построив войска согласно этому плану, Хуан-ди убил Янь-ди и захватил Чию. Во всех владениях установился мир. Вот так Хуан-ди стал первым воином, убившим врага, и научил потомков хорошо владеть оружием.

Потом Юй Шунь [10] пошел походом против Саньмяо [11]. На площадке между двумя рядами ступеней был исполнен танец со щитами и опахалами, и через семь — десять дней мяо покорились.

Позднее, когда, например, Тан[12] пошел войной на Цзе[13], а У-ван[14] на Чжоу[15], то уже подданные подняли руку на государей своих и узурпировали владения Ся[16] и Инь[17]. Не следовало Тану и У подавать такой пример! Когда же дом Чжоу пришел в упадок, а могущество удельных князей возросло, во времена Чунь-цю[18], в течение двухсот сорока двух лет было так, что и подданные убивали своих государей, и сыновья убивали своих отцов. Увидев, что три || начала[19] гибнут и девять правил[20] нарушены, мудрец 4
Кун-цзы[21] взял в руки правдивую кисть и написал книгу под названием «Вёсны и осени», в которой хвалил и поощрял добрых, порицал и карал дурных. По этому поводу Мэн-цзы[22] сказал: «Когда Кун-цзы написал „Вёсны и осени", мятежные подданные и преступные сыновья в Поднебесной устрашились».

И вот появился ханьский Гао-цзу[23] по фамилии Лю, по прозванию Цзи. Он захватил у циньского Ши-хуана[24] Поднебесную, не прибегнув к узурпации власти.

Поистине:

Сжимая меч Драконов источник[25] —
всего-то три *чи* длиной,—
Он завоевал на Срединной равнине[26]
четыреста округов.

Лю Цзи покончил с Сян Юем[27] и основал государство Хань[28]. Но он стал подозревать в измене своих прославленных сановников, таких, как Хань Синь[29], Пэн Юе[30] и Чэнь Си[31], поэтому все они были казнены, а род их истреблен. Тогда [души] троих именитых сановников, несправедливо обвиненных и обиженных, пожаловались Небесному владыке[32]. Небесный владыка, увидев, что достойные подданные убиты безвинно, сжалился над ними и повелел, чтобы каждый из них в будущем при перерождении[33] стал знаменит. Хань Синь должен был возродиться в доме Цао, и он стал Цао Цао[34], Пэн Юе — в доме Сунь, и он стал Сунь Цюанем[35], а Чэнь Си должен был возродиться в императорской семье, и он стал Лю Бэем[36]. Втроем они и разделили Поднебесную. Цао Цао захватил то, что принадлежало Сянь-ди[37], и основал государство под названием Вэй; Лю Бэй, строивший планы возрождения дома Хань, основал государство Шу, а Сунь Цюань, подняв войска в Цзинчжоу, основал государство, которое было названо У. Каждое из трех царств имеет свою историю, и излагаются они в «Истории Трех царств»[38].

После того как Цао Цао первым узурпировал власть в Хань, Сыма И[39] в подражание ему захватил власть в Вэй, а суйский Ян Цзянь[40] завладел Чжоу. Ян-ди[41] убил отца, развратничал с его наложницами и провозгласил себя государем. Распутство и мотовство Ян-ди не имели предела. Все в Поднебесной пришло в беспорядок; на судах поднимали паруса из парчи, был построен дворец-лабиринт, а Ян-ди только и знал, что развлекался с налож-

ницами, забыв обо всех делах. Неурожаи и голод охватили страну, как пчелы роились повсюду разбойники и грабители, но ничто не заботило Ян-ди.

У Шао Канцзе[42] есть стихи:

Народа простого — что муравьев,
и всем земли подавай;
В шелках золотистых людей — что песка,
и каждый наложнице рад.

||Ян-ди был столь беспутен и развратен, что танский гун Ли Юань[43] поднял войско и вступил в Чанъань. Он убил в Цзянду Ян-ди и возвел вместо него на престол Ю-вана[44], но вскоре сам воспринял суйский трон, сменив название династии на Тан. Циньский ван Шиминь[45] убил своего старшего брата — наследного принца Цзяньчэна и вступил на престол под именем Тай-цзуна. После восшествия на престол он по совету Вэй Чжэна[46] назначил Фан Юаньлина[47] и Ду Жухуэя[48] первыми министрами, а Ли Цзина[49] и Юйчи Цзиндэ[50] сделал командующими войсками. В годы Чжэнь-гуань[51] *доу* риса стоил три *цяня*, ворота домов не закрывались, домашний скот плодился и заполнял пастбища. Путешественникам, отправлявшимся за тысячи *ли*, не надо было брать с собою запасов провианта. Вожди варварских племен покорились танскому двору и, вооруженные мечами, несли караулы во внутренних покоях дворца. И только двадцать девять преступников набиралось за год для смертной казни в Поднебесной! Вот как хорошо и спокойно было в то время!

Однажды император Тай-цзун повелел Юань Тяньгану[52] отправиться в обсерваторию и по движению светил определить судьбу династии. В обсерватории Юань Тяньган спокойно занялся расчетами и начал составлять гороскоп. И как раз в то время, когда он занимался вычислениями, неожиданно пожаловал Тай-цзун. Напуганный Юань Тяньган поспешно вскочил и почтительно приветствовал императора. Тай-цзун захотел посмотреть, что вычислил Юань Тяньган, но тот выступил вперед и спиной загородил написанное. «Ваше величество,— воскликнул он,— не смотрите!»

Есть стихи о предсказании судьбы, которые гласят:

Тайное тайных — движенье Небес
отыщешь в записи той:
Взлеты, падения разных эпох
приходят не сами собой.
Тысяча тысяч — тьма-тьмущая знаков,
все разъяснить невозможно;
Нужно ль от знаков отталкивать прочь,
их заслоняя спиной?

Юань Тяньган сказал: «Ничто на свете не может избежать своей судьбы. Бывает, что небо и земля сокрушаются, бывает, что солнце и луна затмеваются. И продолжительность благоден-

ствия государств, и время появления разбойников — все предопределено. Рок властвует над всем, и уклониться от его велений невозможно!» В гороскопе же четко были написаны две строки. Что в них говорилось?

И синего нет, и белого нет,
и ярко-красного нет.
Река и поле — десять на восемь,—
но тут не пашет никто.

||Следует сказать, что эти две строки, написанные Юань Тяньганом, были иероглифической загадкой: ведь «и синего нет, и белого нет, и ярко-красного нет» — это значит, что есть желтый цвет, и можно понять, что речь идет об иероглифе *хуан* «желтый», а иероглифы «река и поле — десять на восемь», написанные вместе, составляют иероглиф *чао* «гнездо». 6

Как написал Юань Тяньган в двух строках предсказания, так все и случилось при восемнадцатом императоре великой династии Тан — императоре Си-цзуне [53], детское имя [54] которого Сюань — Разумный впоследствии было изменено на Янь — Достойный, пятом сыне императора И-цзуна [55], пожалованном вначале титулом Пу-вана. Когда в седьмом месяце четырнадцатого года Сяньтун [56] (873 г.) скончался император И-цзун, Лю Синшэнь [57] и Хань Вэньюе [58], командующие левым и правым крылом «Войск охраны священных покоев» возвели на престол Пу-вана. В Поднебесной была объявлена всеобщая амнистия, название годов правления изменено на первый год Цянь-фу [59]. Си-цзуну в то время было всего двенадцать лет.

После восшествия Си-цзуна на престол в Гуаньдуне несколько лет подряд стояла засуха, хлеб на полях не родился, народ голодал и разбегался куда глаза глядят. Тогда *ханьлинь сюеши* Лу Си [60] представил императору доклад:

«Вашему покорному слуге известно, что народ для государства то же, что корни для растений. Если осенью и зимой ухаживать за корнями как должно, весной и летом они дадут обильные побеги и богатую листву. Следует заметить, что в Гуаньдуне уже несколько лет подряд стоит засуха, с полей нечего убирать, повсюду голод и запустение, люди потеряли опору и вот-вот начнут умирать на обочинах дорог.

Императорский двор увеличивает вспомоществование, освобождает от податей и повинностей, но и те налоги, что остаются, невозможно собрать. Окружные же и уездные власти отдают распоряжения о немедленной уплате налогов и чуть что — применяют наказания. И ведь все это только на пропитание солдатам и чиновникам, а люди вырубают деревья, бросают дома, продают женщин и детей! Если императорский двор не окажет народу нужной помощи и не возьмет его под свою защиту, доля людей станет еще тяжелее.

Почтительнейше прошу повелеть властям округов и уездов полностью прекратить сбор всех налогов и недоимок с народа, открыть общественные хранилища и предельно увеличить выдачу зерна простому люду. Оказать действенную поддержку — значит вынуть из петли повешенного вниз головой.

Покорный слуга, пренебрегая смертью, почтительно доводит обо всем до вашего сведения и покорнейше ожидает высочайшего решения. Подданный Лу Си доклад представил».

Си-цзун был молод, неопытен, мог ли он вникнуть в честные советы верного чиновника? Он правил, полагаясь на первого министра Лу Яня [61], прозванного по старшинству братьев Лу Десятым, который решал все государственные дела. Желая утаить правду от высочайшего ума, Лу Десятый предстал перед Си-цзуном и доложил: «На границах спокойно, копья воинов бездействуют, погода стоит благоприятная, хлеба зреют обильные».

7 ‖И, полный ненависти к *ханьлиню* Лу за поданный трону доклад, продолжал: «Лу Си доложил неправду о засухе, он ввел в заблуждение высочайший слух, его следует пожаловать смертью» [62]. И своим лживым наветом добился указа о пожаловании смертью Лу Си. Затем он тайно приказал посыльному вырезать и привезти три *цуня* дыхательного горла Лу Си, чтобы убедиться в том, что тот действительно умер. После такого распоряжения императора никто уже больше не осмеливался докладывать трону о положении в стране.

Наступил одиннадцатый месяц. *Сюцай* [63] из Юньчжоу Ван Сяньчжи, *сюцай* из Пучжоу Шан Цзюньчжан, Ван Фань из Цичжоу, Чу Яньвэй из Вэйчжоу и Цай Вэньюй из Цзычжоу — все люди несостоятельные — стали роптать на императорский двор за то, что на экзаменах [64] в Чанъани экзаменаторы отбирают лишь сынков да братьев людей влиятельных. А когда на страну напала саранча и в Поднебесной начался голод, они подбили народ и в округах Юньчжоу, Цаочжоу и Пучжоу подняли бунт. Стан мятежников находился возле уезда Чанъюань.

Поистине:

Они теперь не поедут в Чанъань,
где любовались цветами;
Они отправились в дикое поле
и станут героями скоро.

Как только Ван Сяньчжи поднял мятеж, издалека и из окрестных мест к нему начали стекаться мятежники, и они принялись грабить округа и уезды. Ведь в мире расцвет и угасание идут своим чередом, и в Поднебесной процветание и упадок предопределены судьбой! И если в годы великого покойствия Небо ниспосылает людей добрых, которые поддерживают мир на земле, то в смутные годы по воле Неба рождаются злодеи, сеющие беспорядок во вселенной.

Теперь расскажем, что в уезде Юаньсюй области Цаочжоу жил один богатый человек по имени Хуан Цзундань. Добра в его доме было не счесть, торговал он солью и любил собирать вокруг себя непутевую молодежь. И вот как раз в первый год Сянь-тун (860 г.) жена Хуан Цзунданя забеременела. Четырнадцать месяцев не могла она разродиться. Наконец родилось что-то, похожее на комок мяса — оказалось, что внутри ребенок, обернутый фиолетовым шелком. Комната внезапно озарилась ослепительным светом. «Это что-то недоброе»,— сказал жене Хуан Цзундань. Он послал слугу унести комок||и бросить его в тихом и безлюдном 8
месте. Слуга вернулся, но еще не рассвело, как за воротами раздался плач ребенка. «Недоброе это существо,— произнес Хуан Цзундань,— а убить его, так накличем, пожалуй, на себя беду!» Он приказал слугам отнести ребенка подальше, в глухую деревню Цинцаоцунь, и положить там в гнездо коршуна. Если он упадет, где уж ему выжить! Прошло семь дней, Хуан Цзунданю случилось проезжать через Цинцаоцунь, и вдруг он слышит: «Папа,— зовет его из гнезда ребенок,— спаси меня! В будущем я сполна воздам за милость твою!» Хуан Цзундань велел слуге влезть на дерево и забрать из гнезда ребенка. Вместе с мальчиком вернулся он домой и стал его растить. Поэтому и назвали ребенка Хуан Чао, т. е. Хуан Гнездо. Рассказал Хуан Цзундань жене, как кричал ему мальчик. «Да, этот младенец просто чудовище! — сказала она.— Если не возвеличит он имя наших предков, то род загубит непременно. Быть может, лучше, не откладывая, убить его? Вырвешь траву с корнем, всходы не появятся, оставишь корни, весной они снова дадут побеги».— «Если Небу угодно уничтожить наш род,— ответил Хуан Цзундань,— то, убив это дитя, мы пойдем против начертанного Небом. Будем его растить, посмотрим, что получится!»

Незаметно мальчику исполнилось четырнадцать-пятнадцать. Ростом он был в семь *чи*, глаза имел треугольные, волосы рыжие [65], зубы пригнаны один к другому без единой щелки. От рождения мышцы его левого плеча напоминали возносящуюся ввысь змею, правого — катящийся шар, на спине отчетливо выделялись знаки *ба гуа* [66], а на груди виднелись родинки в виде семи звезд Ковша. С малых лет изучал он изящную словесность и был хорошо начитан в классических книгах и истории. Ему по нраву были забавы с мечом: он мог забросить меч на небо и с одного маха убить человека; еще умел он на скаку стрелять из лука, и каждая стрела не миновала цели. Богатству Хуан Чао значения не придавал и ценил справедливость.

Однажды мимо ворот дома, где жил Хуан Чао, проходил монах. Он вручил Хуан Чао меч: «Всевышнее Небо жалует Хуан Чао»,— сказал монах и исчез. Хуан Чао назвал меч Мечом шрамана [67], а когда он внимательно рассмотрел его, то обнаружил надпись: «Возмутивший государство Тан».

Второй год Цянь-фу (875 г.). Императорский двор издал указ о возвышении достойных [68]. Узнав об этом, Хуан Чао возликовал — наступало время, когда юноша может добиться славы и успехов. Поистине:

Ниспослан был один всего
от Сына Неба указ;
Но вызвал он в четырех морях [69]
о первом месте мечты.

9 ||Выбрав день [70] и попрощавшись с родителями, Хуан Чао прямиком направился в великую столицу Чанъань на государственные экзамены. В пути испытал он и голод, и жажду. Отдыхая ночью, а с рассветом продолжая путь, дошел он до Чанъани и остановился на постоялом дворе. На следующее утро Хуан Чао пошел в экзаменационную палату узнать о дне экзамена. Он прошел в экзаменационном зале налево, быстро выяснил, когда состоится экзамен, и вернулся к себе на постоялый двор. Дождавшись назначенного дня, Хуан Чао вместе с другими вступил в экзаменационный зал и показал здесь все, чему научился за десять лет упорного труда при свете дня и у светильника. Когда экзамен закончился, Хуан Чао покинул экзаменационную палату и стал ждать объявления результатов. В ожидании прошло три дня, но никаких известий не было. Хуан Чао начал тревожиться и, разумеется, пошел узнавать сам. Но едва он сделал несколько шагов, как услыхал, что экзаменационная палата уже вывесила список — не он, другие заняли и первое, и второе, и третье места. Увидев, что в «золотом списке» [71] его имени нет, Хуан Чао не мог найти себе места. И вот, взяв кисть, он написал четверостишие:

Нацелив кисть, иероглиф
пишу за штрихом штрих:
Пишу привычно «ворота»
и «сердце» снизу в них [72].
Пусты и короб, и котомка,
дорога далека;
Тоскую — скоро ль вновь дойду
я до ворот родных.

Так как Хуан Чао не прошел на экзаменах, он проверил свою дорожную суму — и десяти дней не пройдет, как она опустеет, а заработать какие-нибудь деньги он не умел. Как говорится: иссякнут деньги в изголовье, и молодец лицо потеряет. В то время стояла осень, и опечаленный Хуан Чао, конечно, не преминул написать стихи:

Стебель за стеблем
высохнут лотосы скоро;
Лист за листом
опадает на землю с платана.
Дождь моросящий
сеется, смешан со снегом,

Гонит-торопит
холодного неба дыханье.
Плачет кузнечик
в поникшей траве у корней;
Гусь опустился
на отмели ровной песчаной.
Если бы путник
по этой дороге не шел,
Кто бы почувствовал
осени очарованье?

Дописав стихотворение, Хуан Чао увидел, что полил холодный осенний дождь и поднялся осенний ветер. Он подумал, что до дома несколько тысяч *ли* и добраться туда денег не хватит, а он ни известности не достиг, ни удачи не добился. И вот, собрав свои последние деньжонки, Хуан Чао покинул Чанъань, надеясь [в] пути разузнать||[о каком-нибудь достойном и состоятельном 10
человеке][73], посетить его и попросить некоторую сумму, чтобы добраться домой. Он шел много дней и пришел в местечко Угоули, что в уезде Даншань области Сунчжоу. Хуан Чао слышал, что здесь живет учитель Чжу, детское имя которого было Чжу Чэн, что он открыл в деревне школу и обучает в ней «Пятикнижию»[74] сто десять учеников, за что все в деревне называют его Чжу Пятикнижник, и он уважаемый наставник. «Сейчас я провалился на экзамене, потому что знания мои недостаточны,— размышлял Хуан Чао.— Пойду-ка завтра я к этому Чжу Пятикнижнику, пошлю ему свою карточку[75], напишу стихи и попрошу подучить меня немного». Стихи гласили:

Пронзил бы тополь за сто шагов[76],
да редко стрел оперенье.
Топчусь — не решусь вернуться и жить,
как прежде, в уединенье.
Малёк ничтожный, готов я стоять
в снегу у ворот учителя[77],
Его умоляя мне свиток вручить
хуангунова сочинения[78].

Прочитав стихотворение, Чжу Пятикнижник сказал: «Вы не получили степени, *сюцай*, и поэтому не можете вернуться к себе домой? Я разбираюсь немного в классических книгах и обучаю здесь в деревне учеников — наставляю их в принципах почитания и преданности, толкую им о трех началах и пяти принципах[79]. Судя по последней строке вашего высокого творения, вы желаете изучить трактаты по военному искусству Хуан Ши-гуна? Я вижу, что ваши устремления необычны, но это не то, чему я осмелился бы обучать».— «Что вы, я даже и подумать такого не могу,— ответил Хуан Чао.— Как видно, наш век — не время для совершенствования в изящной словесности! Отправился я на экзамены в Чанъань, и кто же занял там три первых места? Если не дети власть предержащих, так сынки богачей! Я же, прозябающий в

нужде бедный ученый, будь в поступках подобен хоть Яню и Жаню [80], а по стилю равен Баню и Ма [81], все равно не прошел бы на экзаменах. Выходит, что лучше всего уметь владеть копьем и мечом, да при удобном случае устроить бунт — это, пожалуй, будет дело! В наше неспокойное время я, бедный ученый, разве буду сыт грамотой в голод, а коли ударят морозы, так разве знания помогут мне их вытерпеть? Вот и вы, к примеру, учитель! Ведь нет книги, которую бы вы не прочли за свою жизнь, вы дожили до седых волос, а ни славы, ни чина какого получить не смогли. Учить ребят в деревне, да разве это занятие для вас?» — «Все, очевидно, так и есть, как вы изволили сказать,— произнес Чжу Пятикнижник.— Но я с детских лет сидел над книгами и не знаю, как жить иначе, вот и зарабатываю на жизнь, обучая детей, что ж поделаешь?»

11 ||У Чжу Пятикнижника было трое сыновей: старшего звали Цюаньюй, среднего — Цунь, а младшего — Вэнь. С детства не хотели они изучать классические книги, и единственным их занятием была праздность. Каждый день пили они крепкое вино и дрались на палицах; братья водились с разудалыми молодчиками и вели крамольные разговоры. Ложась однажды за ширмой спать, они вдруг услыхали, как Хуан Чао говорил их отцу, что надо пустить в дело копье и меч. Они обрадовались и подумали, что человек этот — парень стоящий и с ним нужно познакомиться. «Если у вас, *сюцай*, нет никаких дел, так передохните в моем доме,— сказал Чжу Пятикнижник Хуан Чао,— а там я помогу вам немного на дорогу».

Каждый день братья Чжу Вэнь и Чжу Цюаньюй отправлялись вместе с Хуан Чао гулять. Однажды Хуан Чао увидел гуся, летящего в небе. Он схватил свой лук, подобный полумесяцу, и спустил стрелу, быструю, что падающая звезда,— гусь упал с простреленным левым крылом. В клюве у птицы была какая-то исписанная бумага. Пока Хуан Чао не увидел бумагу, все было ему нипочем, но теперь самые страшные помыслы овладели им, и никакая сила не смогла бы остановить его. Что же было написано на бумаге? А вот что:

Затянулись туманом
в четырех сторонах рубежи.
Почему ж Хуан Чао
. . . . . [82].
Пусть достойный сей муж,
помня о четырех сторонах,
Побежит-поспешит
за грибом долголетья — *сяньчжи* [83].

«Смысл этих стихов в том, что я должен присоединиться к Ван Сяньчжи»,— сказал Хуан Чао, прочитав стихотворение. Как раз в то время в Цаочжоу, Пучжоу и Юньчжоу начался мятеж Ван Сяньчжи. «Мой дом, куда я собирался вернуться, в Цао-

чжоу,— [продолжал он],— но раз нет денег, как туда доберешься?» Тут заговорил Чжу Вэнь: «Поздравляю, уважаемый брат! Стихи, что ты нашел у подстреленного гуся, ясно указывают путь, которым ты должен пойти. А если денег нет, так это надо обсудить. Пойдем с нами, выпьем и потолкуем».

У кабачка висела вывеска, на ней было четверостишие, гласившее:

С шеста высокого — в сто *чи* — 12
полотнище зовет;
Вот надпись четкая на нем:
«Весна для тех, кто пьет».
При встрече кто не выпьет здесь
и так домой вернется,—
Цветущий у пещеры персик
такого осмеет.

Братья Чжу вместе с Хуан Чао зашли в кабачок. Они заняли места, позвали слугу, заказали вино, закуску, и все разом выпили. Тут с чаркой вина поднялся Хуан Чао. «Я — сирота одинокий, забредший на чужбину, хотел бы стать вашим названным братом,— обратился он к Чжу Цюаньюю и его братьям,— чтобы в будущем не забывать друг друга в знатности и богатстве».— «У меня та же мысль»,— ответил Чжу Цюаньюй. Сравнили возраст: Хуан Чао и Чжу Цюаньюй оказались одногодками, но Хуан Чао был старше на пять месяцев, поэтому его нарекли старшим братом; Чжу Цюаньюй, Чжу Цунь и Чжу Вэнь стали младшими братьями. Когда союз побратимов был заключен, Чжу Вэнь, смеясь, сказал: «А наш уважаемый брат не прочь кинуть громкое словцо! Ты хотел бы сейчас вернуться домой, но у тебя нет денег даже на дорогу. Когда же придет время, что ты станешь знатным да богатым и не забудешь нас?» Но тут в разговор вступил Чжу Цунь: «Есть у меня план, как раздобыть немного денег брату на дорогу. Надо только всем нам быть чуть смелее. Узнал я,— [продолжал он],— что не далее чем в двадцати *ли* отсюда есть хутор Хоуцзячжуан и у хозяина его — Ма Ходатая добра в доме полным-полно, а золота и серебра не счесть. Когда наступит время второй стражи[84], мы откроем ворота его дома и прихватим из кладовой немного золота и шелка — брату на дорожные расходы. Ну как, подходит?» — «Когда наступит время чистить кладовую,— сказал Хуан Чао,— вам, уважаемые братья, не придется прикладывать рук к этому делу. У меня есть Меч шрамана — Небо пожаловало его Хуан Чао! Стоит взмахнуть — и никто не устоит!»

Они отправились в путь. Дорога шла через хребет Сюаньдаофэн, и только через полдня они перевалили через него. Ну и красив же был этот хребет! Вот какой он был: подошвой раскинулся до края земли, вершиной касался свода небес, синеющая зелень старых кипарисов метет в великой пустоте; а одинокие прямые сосны вторгаются в пределы Бирюзовой Хань[85]; гребни

гор прорезаны лучами солнца, сливают воды горные ручьи с Небесною Рекою [86]; фонтаны ключей рассыпаются завесой брызг, столкнувшись с дождем, диковинные камни, соприкасаясь с облака-
13 ками, теснят друг друга. А как||высок он был?

Уж много лет назад упал
с вершины дровосек,
Но и поныне не успел
подножия достичь.

Спустившись с хребта, Хуан Чао и братья Чжу увидели Хоуцзячжуан. Что за прекрасная усадьба! Вы только посмотрите: цепляются скалы за блуждающие облака, смыкаются горы с водою ручьев, вдоль запруды поникли ивы, игривый ветерок чуть обметает мост через ручей; обочины дорог в оградах из цветов, в сиянии солнечных лучей скрывается заброшенная переправа.

Увидев, что до усадьбы осталось не более пяти *ли*, а время [еще] послеполуденное, вся четверка скрылась в лесу, чтобы, дождавшись вечера, двинуться к дому Ма. Дорога с перевала разветвлялась, они пошли вперед по тропке и в глубине леса увидели дом: он стоял в уединенном и пустынном месте, пред ним была дорожная развилка, а позади — пугающая пропасть; посмотришь издали — безлюдье, заросли и мрак, поближе взглянешь — сердце замирает в страхе.

Нетрудно понять, что совсем не здесь
тот дом, где Мэнчан [87] живет;
Здесь могут только людей убивать
и подпускать «петуха».

Когда Чжу Вэнь увидел, что ворота домика заперты наглухо, он не стал стучаться, а схватил ком земли и швырнул в ворота. Ворота отворились, и появился огромный детина. Хуан Чао выступил вперед, почтительно приветствовал вышедшего и осведомился о его имени. «Меня зовут Шан Жан,— ответил тот.— Родом я из уезда Линьпусянь в округе Пучжоу. Из-за голода в Гуаньдуне Ван Сяньчжи поднял мятеж, и народ повсюду разбойничает. Хотел было я вернуться домой, но не могу тронуться с места!» Услыхав это, Хуан Чао невольно прослезился: «Какая счастливая встреча, уважаемый дядюшка! — сказал он.— А я ведь из Цаочжоу. Из-за того только, что отправился я на экзамены в Чанъань, теперь скитаюсь на чужбине. На дорогу у меня ничего нет, поэтому не могу вернуться домой. Повстречался я с тремя братьями Чжу, они предложили мне заняться нынче ночью не совсем чистым промыслом. Позвольте уж передохнуть немного в вашем доме и перекусить, а вечером мы уйдем отсюда».— «Э, так не пойдет! — отвечал Шан Жан.— У меня тут собралось пять сотен отчаянных молодцов, каждый тверд, как алмаз, и храбр, что Цзылу [88], и, если
14 бы вы||стали нашим старшим, можно было бы выбрать день и уйти отсюда. В пути кого-нибудь убьем или ограбим, но зато не

пройдет и десяти дней, как мы будем дома и повидаемся с родителями».— «Есть у меня пожалованный Небом Меч шрамана — разит без промаха,— сказал Хуан Чао,— а если еще пять сотен человек в придачу к нему, сумеем справиться с любым делом». Шан Жан нацедил вина, заколол быка и устроил пир.

На следующее утро Хуан Чао распрощался со своими названными братьями Чжу Цюаньюем, Чжу Цунем и Чжу Вэнем. Перед дорогой с чашами в руках они поклялись, что в будущем, достигнув славы и богатства, никогда не забудут друг друга, и, дав клятву, разошлись.

Выбрав счастливый день, Хуан Чао с пятьюстами разбойниками покинул подножие хребта Сюаньдаофэн. Они спалили дом и двинулись в путь. Грабя встречавшиеся по дороге амбары с зерном, отряд шел в направлении Цаочжоу и Пучжоу. Не прошло и месяца, как они подошли к уезду Линьпусянь. Спрятав хорошенько в горах своих людей, Хуан Чао вдвоем с Шан Жаном, крадучись, вошли в город. Они увидели, что город был начисто разрушен: ни хижины, ни дома не осталось, безлюдье — ни дымка не видно, лишь одуванчики повсюду разрослись, да землю всю чертополох покрыл. Они прошли вперед и среди чертополоха заметили лачугу, в ней сидел старик. Глядя на старика, Шан Жан прочитал стихи:

Поведал сюда пришедший старик
свои на чужбине страданья;
В вечерних лучах рассказал со слезами
о Чу и о Цзин[89] преданье.
Когда не нужны алтари — это значит,
что старых друзей не стало;
Лишь волны осенние город безлюдный
обходят кругом, как и ране.
Где крепость в горах к небесам возносилась,
ныне деревья сомкнулись;
Где прежде был приют рыбака,
теперь разбойники в стане.
Царит запустенье в селенье родном,
давно превратившемся в пепел;
По стенам буйство желтых цветов
и бурые стебли лианы.

Когда Шан Жан прочел стихотворение, они с Хуан Чао попросились к старику на ночлег. «Ван Сяньчжи поднял бунт, и вчера были разгромлены отряды Шан Цзюньчжана,— сказал старик.— Сам он пойман и казнен у хребта Гоуцзилин вместе со всей семьей. Сейчас ищут его младшего брата Шан Жана, тот еще не схвачен». Шан Жан так испугался, что душа у него ушла‖в пятки и семь потов прошибли его. Не мешкая, он с Хуан 15
Чао бросились в Жэньили — местечко, расположенное в десяти *ли* севернее уездного города, чтобы заночевать в доме дяди Шан Жана. Когда наступило время первой стражи и взошла луна, они пришли в Жэньили. Там не было ни души, лишь свежие

могильные холмы заполняли двор дядиного дома. Уставший с дороги Шан Жан присел вместе с Хуан Чао отдохнуть и, плача от горя, снова прочитал стихи:

Всю жизнь я полон горестных чувств —
но кто узнает о том?
Судьба мне дело одно назначает,
но сам я мечтал о другом.
Быть может, посланья мне шлет государь,
но я их не получаю;
Прошли мятежи по родным садам,
в пустой не вернуться дом.
У стен сиротливых солнце садится,
людей и дымков немного;
Осенней порою в холод отыщешь
и похоропы с трудом.
В пределах мира все пусто и голо,
как в недосмотренном сне;
И не с кем больше слезы смешать,
прощаясь с родным очагом.

Вслед за Шан Жаном и Хуан Чао прочел четверостишие:

В свете осеннем не видно теперь
прежних террас и строений;
Грудами всюду лежат черепки,
царствует запустенье.
Все ж не хватило и силы огня
выжечь всю землю дотла:
Перед глазами буйно цветут
желтые хризантемы.

Оба разрыдались. Вдруг послышались людские голоса и ржание коней. Напуганные Шан Жан и Хуан Чао спрятались в кустарнике. Через мгновение солдаты начали обыскивать все кругом и схватили обоих. Это были солдаты отряда Ван Фаня из Цичжоу. «Да здесь господин Шан! — радостно воскликнул Ван Фань, увидев Шан Жана.— А кто этот почтенный человек?» — спросил он о Хуан Чао. Шан Жан рассказал ему все. «Наверное, Хуан Чао сын Хуан Цзунданя из уезда Юаньсюй области Цаочжоу? — произнес Ван Фань.— Недавно видел я Фэй Богу, и он сказал мне: „Скоро Шан Железное лицо[90] пожалует вместе с полководцем Хуаном, которого можно назначить командующим“.
16 ||К тому же этот человек точно подходит под предсказание: скоро появится шраман, и тогда во дворце взойдет золотая звезда[91]; перед палатами Цзядэ[92] битва желтых муравьев[93] будет греметь подобно грому; заплачут каменные люди на горах Чжуннань, пойдет кровавый дождь, и каменные люди скажут:

Трижды по семь —
это двадцать один;
Знак „исходить“
с непроткнутою головой.
Ноги идут
по света восьми сторонам,
А над плодом
разместился излом тройной.

И еще: перед дворцом земля разверзлась, показалась каменная стела с надписью: „Сбоку раковины воин в Срединном государстве смуту учинит; и синего нет, и белого нет, и красного нет, и черного нет". Последнее совершенно точно значит желтый — *хуан*, а „сбоку раковины воин" — так это иероглиф *цзэй* „разбойник".

„Трижды по семь — это двадцать один; знак „исходить" с непроткнутою головой, ноги идут по света восьми сторонам" — тоже иероглиф *хуан*, а „над плодом разместился излом тройной" — иероглиф *чао*.

В столице в детской песенке тоже поется:

Золотистого цвета лягушка большая [94]
(а глаза — тремя уголками)
Цаочжоу сумеет перевернуть,
все под небом — кверху ногами [95].

Сейчас я вижу, что у полководца Хуана глаза треугольные, все соответствует предсказаниям. У меня тут под началом отряд в пятьсот человек, и я хотел бы просить вас принять на себя командование им».

Хуан Чао очень обрадовался и приказал Шан Жану привести сюда же пятьсот человек, которые пришли с ними от хребта Сюаньдаофэн. Теперь его отряд насчитывал тысячу человек. В тот же день они покинули Жэньили и двинулись в направлении Пучжоу на соединение с Ван Сяньчжи.

Когда Ван Сяньчжи услыхал, что подошел Хуан Чао, он открыл ворота лагеря, верхом выехал навстречу прибывшим и вместе с ними вернулся обратно. Хозяева и гости заняли места, и за вином начались расспросы. «Когда-то я, как и полководец Хуан, не прошел на экзаменах на степень *цзиньши*,— заговорил Ван Сяньчжи,— и мы вместе с ним стали заниматься контрабандной торговлей солью — жили, зарабатывая копейку на гривенник. Кто думал, что случится голод и мы станем разбойниками! Теперь мы снова вместе, видно, само Небо пожаловало мне героя!»

Ван Сяньчжи не в силах был сдержать радости. В тот же день он дал Хуан Чао звание «великого полководца справедливости» и «наставника, прорывающего Небо». Очень довольный назначением, Хуан Чао взял в руки Меч шрамана и поклялся: «Теперь, сплотив свои сердца и силы, доведем наше дело до конца!» Закололи быка, и начался пир. После пира Хуан Чао прочитал стихи:

Шуршит и шуршит во дворе листва,
опавшая с красных веток;
Слетевшее золото с тополей
кружит над землею ветер.
Когда благородный муж на посту, 17
тогда страна процветает;

Коль низкие люди пути захватили,
Ланъе [96] не подходит свету.
О треножниках кто спросил в старину? —
Чу-цзы [97] назовут, конечно;
Дрались петухи в ночные часы —
Лю-гун [98] осмеян за это.
В иную пору и нас бы почтили
в высокой палате Цилинь [99];
Повесим же луки свои на Фусан [100],
покуда нам хода нету.

Седьмой месяц третьего года Цянь-фу (876 г.). Танский император Си-цзун послал в Ничжоу Сун Вэя, чтобы покончить с Ван Сяньчжи. Более пятидесяти раз сходились в бою войска, но Ван Сяньчжи не смог одолеть противника, потерпел поражение и отступил. Сун Вэй доложил двору, что Ван Сяньчжи убит. Сановники явились во дворец и принесли императору поздравления по случаю усмирения страшного разбойника. Но прошло всего два дня, и Ван Сяньчжи снова начал захватывать и грабить подвластные Ничжоу города. Между тем, получив от Сун Вэя ложное донесение о смерти Ван Сяньчжи, императорский двор отозвал из Ничжоу войска. Но как только стало известно, что Ван Сяньчжи опять появляется то здесь, то там, император еще раз выслал против него Сун Вэя и приказал схватить разбойника. Солдаты Сун Вэя взбунтовались и все до единого перешли к Ван Сяньчжи. Тогда императорский двор направил в поход против Ван Сяньчжи войско под командованием Цуй Аньцяня, командующего в Чжунъу. После присоединения Хуан Чао Ван Сяньчжи захватил один за другим округа: Жучжоу, Янъу, Чжэнчжоу, Тан, Дэн; все округа района Хуайнань тоже сдались ему. Слава войск Ван Сяньчжи гремела.

Когда наступил десятый месяц, император повелел гражданскому правителю Пэй Во склонить Ван Сяньчжи к покорности. В ответ Ван Сяньчжи направил Пэй Во письмо, в котором говорилось: «Ваш покорный слуга Ван Сяньчжи письменно докладывает Пэй-*шаншу*: как я, облагодетельствованный милостями великого государства Тан, посмел поднять мятеж? Дело в том, что, когда император И-цзун вступил на престол и занялся делами управления, он стал использовать на службе недостойных людей, мотовство его не имело пределов и налоги становились все обременительнее. В стране несколько лет подряд случались наводнения и засухи, власти же в округах и уездах не вникали в положение дел, а императорский двор правил недостаточно гуманно. Народ мрет от голода и разбегается, жаловаться некому, люди идут в разбойники, может ли и дальше так продолжаться? Ныне я удостоился указа, и, если императорский двор поставит у кормила власти мудрых сановников, сократит налоги и облегчит повинности, я приостановлю военные действия, чтобы избавить народ от бедствий и страданий. И все это результат одного вашего

слова — слова милосердного человека, господин Пэй-шаншу! Я остаюсь с войсками под стенами города и ожидаю вашего решения,‖которое с почтением приму к исполнению». Получив письмо, Пэй Во очень обрадовался, тут же открыл городские ворота и выехал навстречу Ван Сяньчжи и Хуан Чао. Вместе с ними он вернулся в город и устроил пир. Поистине: 18

Кубок хрустальный нальем
Влагой — густым янтарем.
Каплями — жемчугом алым украшен
ковш деревянный с вином.
Жареный феникс, печеный дракон
жиром нефритовым плачут;
Шелковый полог, расшитый шатер —
вихрь ароматов кругом.
Плачется флейта-дракон,
Бьет крокодил-барабан;
Рот белозубый поет,
В танце сгибается стан.
«Следом за солнцем к закату идет
наша весна молодая;
С персика льются цветов лепестки,
алым дождем опадая.
Мой вам совет: до последнего часа
пейте до дна, допьяна
И для земли на могиле Лю Лина [101]
не оставляйте вина».

Пир кончился. Пэй Во приказал своему секретарю Дуань Чжану составить для двора доклад. Император издал указ о назначении Ван Сяньчжи *ля* левого крыла дворцовой стражи.

Когда указ был получен, Ван Сяньчжи очень обрадовался и хотел с поклоном принять высочайшее повеление, но тут в сильном гневе заговорил Хуан Чао: «Недавно мы поклялись вместе пройти всю Поднебесную, а сейчас, почтенный, вы с легкостью доверились разглагольствованиям Пэй Во, получили себе одному хорошую должность и успокоились. А куда деваться более чем пяти тысячам ваших людей?» Он с кулаками бросился на Ван Сяньчжи и разбил ему голову. Мятежники возмущенно шумели. Ван Сяньчжи не осмелился принять указ и в тот же день убил Пэй Во. Он разделил войско на два отряда: первый, в три тысячи человек, предводительствуемый самим Ван Сяньчжи, занялся грабежом в Цичжоу; второй, двухтысячный отряд во главе с Шан Жаном и Хуан Чао, стал разбойничать на дорогах вокруг Цичжоу.

Второй месяц четвертого года Цянь-фу (877 г.). Хуан Чао овладел Юньчжоу, Ничжоу, Пучжоу, захватил еще округа Цянь, Цзи, Жао, Синь, затем вторгся в Чжэдун и стал тревожить округа Фуцзяни.

Первый месяц шестого года Цянь-фу (879 г.). Императорский двор поручил Гао Пяню с разных направлений ударить на Хуан Чао и захватить его живым.

Девятый месяц. Хуан Чао стремительно атаковал Гуанчжоу. Он видел, что слава императорских войск стала греметь вновь, и, подумывая о прекращении борьбы, подал доклад, в котором просил для себя пост командующего военным округом в Гуанчжоу. Си-цзун призвал министров на совет. Юй Цзун, левый *пушэ*, сказал: «Разве можно допустить, чтобы все товары и богатства палаты морской таможни Гуанчжоу достались разбойнику Хуану? Предлагаю назначить Хуан Чао на службу в *шуайфу*». Когда Хуан Чао сообщили об этом, он разгневался, захватил в
19 плен Ли Тяо, командующего Гуанчжоу, и велел ему‖писать доклад. Но Ли Тяо сказал: «Я получал милости от своей страны, все мои родные состоят при дворе. Можешь отрубить мне руки, но доклада я писать не буду». Хуан Чао разозлился, убил Ли Тяо и вторгся в Таньчжоу.

Не будем больше докучать вам этой историей. Расскажем теперь, что, после того как Чжу Вэнь расстался с Хуан Чао, умер его отец Чжу Чэн. Чжу Вэнь и его старшие братья Чжу Цюаньюй и Чжу Цунь взяли на себя заботу о своей матери, госпоже Ван. Однажды монах с горы Фаншань Пан Девятикнижник, подыскивая в саду место для погребения[102] старого Чжу Чэна, велел Чжу Вэню выкопать для могилы землю на глубину в три *чи* и не упустить золотых духов.

Чжу Вэнь выкопал могилу, как научил его монах,— там оказались две летающие рыбки цвета золота, обе нецелые. Он ударил по ним, рассек на несколько кусков, закопал в землю, а сверху похоронил отца. Спустя несколько дней вернулся Пан Девятикнижник. Увидев, что на могиле земля сухая и трава безжизненная, он сказал: «Семь раз по семь будет сорок девять золотых духов, ушли сорок семь, двое остались, и нецелые. Хотя род твой даст двух государей, добром они, к сожалению, не кончат!»

То, как Чжу Вэнь похоронил своего отца, подтверждается словами:

Святой бессмертный определил,
где поле вечного сна;
На поле счастья должны привезти
счастливого похоронить.

После похорон отца Чжу Вэнь вместе с оставшейся на его попечении матерью, госпожой Ван, и двумя старшими братьями отправился в дом Лю Чуна, секретаря окружной управы в Сюйчжоу. Нужда заставила их зарабатывать на пропитание. Старший из братьев, Чжу Цюаньюй, стал пасти у Лю Чуна скот, средний, Чжу Цунь,— пахать землю, третьего, Чжу Вэня, приставили к свиньям, а их уважаемая матушка, госпожа Ван, принялась ткать Лю Чуну.

Матери Лю Чуна привиделось ночью, что Чжу Вэня, прозванного по старшинству братьев Чжу Третьим, после того как он

засыпает, озаряет какой-то красный свет. Однажды, вернувшись домой с Восточных холмов, она увидела, что у Чжу Третьего, заснувшего среди бела дня, красная змея выползает из носа. Мать сказала Лю Чуну: «Не держи Чжу Третьего у свиней, этот юноша в будущем непременно достигнет богатства и знатности». И Лю Чун послал Чжу Третьего учиться в школу вместе со своим сыном Лю Вэньчжэном. Кто ж знал, что Чжу Третий и Лю Вэньчжэн научатся играть в кости и не будет такого места, где бы они не играли; еще умели они взбираться на высокие стены и ходить по крышам домов так, что ни одна черепица не стукнет; умели драться на кулачках, а владеть копьем и палицей им не надо было‖и учиться. Люди в деревне прозвали Чжу Вэня 20
«Чжу Сорвиголова». «Человек получает имя по своим заслугам, почему же тебя называют Чжу Третий Сорвиголова?» — спрашивал Лю Чун у Чжу Третьего.

Однажды Чжу Вэнь и Лю Вэньчжэн проиграли деньги и сбежали, не решаясь вернуться домой.

Прошло больше месяца, в Хэбэе появился разбойник Чжан Чжань по прозвищу Чжан Громила. Он повсюду совершал грабежи и вместе с Байхэебэем, Чжу Цили, Ян Сянем и Лю Вэнем ограбил дом Лю Чуна. Когда Чжу Вэнь узнал об этом, они с Лю Вэньчжэном задержались в пути, поймали Чжан Чжаня и отобрали у него добро Лю Чуна. Затем они отпустили разбойника, а сами отправились пьянствовать и играть в кости. Во время игры Лю Вэньчжэн затеял драку с *сюцаем* Ян Чуном, учителем из деревни Бэйшифоцунь, и игральным тазом с одного удара убил его. Лю Вэньчжэна схватили и под конвоем отправили в левую тюрьму города Сюйчжоу для расследования дела.

Ведь

Закон казенный — будто бы тигель;
Сердца людские — в тигле железо.

Лю Вэньчжэн сидел в тюрьме. Чжу Третий попросил у Лю Чуна две сотни монет, чтобы пойти в Сюйчжоу и выручить Лю Вэньчжэна. Ночь шел он к Сюйчжоу и в пути повстречался с каким-то крестьянином. Чжу Вэнь пригласил его в кабачок и заказал вина. Выпив, он спросил: «Что нужно сделать, чтобы попасть в левую тюрьму?» — «В левой тюрьме находятся важные преступники,— ответил крестьянин.— Вот если, например, сломать человеку ногу, подбить глаз или выбить парочку зубов, это будет считаться тяжелым преступлением, и тогда сразу же угодишь в тюрьму». Чжу Вэнь с кулаками набросился на говорившего и выбил ему два зуба. Чжу Вэня отправили в Сюйчжоу, а там препроводили для следствия в левую тюрьму, как раз в камеру к Лю Вэньчжэну. В эту же ночь в третью стражу разразилась гроза. Чжу Вэнь отпер камеру, снял колодки и через отдушину бежал вместе с Лю Вэньчжэном. Они натолкнулись на Хо Цуня и Бай Шоусиня — лучников, которые когда-то были работниками

у Лю Чуна. Узнав Лю Вэньчжэна и Чжу Третьего, те ушли вместе с ними. Когда они вчетвером подходили к усадьбе Лю Чуна, над ней вдруг поднялось пламя. Чжу Вэнь понял, что Чжан Чжань снова грабит дом. Они еще раз отняли у него на-
21 грабленное и отпустили. «Если мы останемся здесь и дальше,‖то обязательно втянем Лю Чуна в какое-нибудь судебное дело,— рассуждали Чжу Вэнь и Лю Вэньчжэн.— Лучше уж податься нам в разбойники». Скрываясь днем, вечером они выходили в путь и так, таясь, добрались до границ округа Цичжоу. Вечером, во вторую стражу, луна светила, словно то был день. И что же можно было видеть?

Вдаль простирается темное небо,
чистое непорочно;
В высях видна Бирюзовая Хань,
блещущая ясно.
На переправе Серебряных Вод [103]
струится чуть видный свет;
При повороте Ковша рукоять
вращает скопления звезд.
Сияет луна — как будто день;
Очистилось небо — ни тучки нет.
На башне дозорной приказ барабана
возвещает о третьей страже;
В медном сосуде сочатся капли,
наступило полночное время.

В такую светлую, лунную ночь Чжу Вэнь и его спутники повстречались с конным отрядом в триста с лишним человек. Их схватили: «Кто такие, откуда идете?» — «Я — Чжу Третий Сорвиголова,— ответил Чжу Вэнь.— Позвольте узнать ваше имя, командующий?» Старший в отряде весело сказал: «Недавно слышал я от Чжан Чжаня, что Чжу Третий своею отвагой превосходит всех. Мы с братьями захотели познакомиться с ним в Сяосяне, а вот нежданно-негаданно встретились среди ночи! Я — Ню Цуньцзе из рода, хорошо известного в Цинчжоу, да вот пришлось стать разбойником!» Он пригласил Чжу Вэня, Лю Вэньчжэна, Хо Цуня и Бай Шоусиня в лес выпить всем вместе. Ню Цуньцзе настойчиво просил Чжу Вэня взять на себя командование отрядом, сам он хотел быть его помощником. Когда обо всем было договорено, Чжу Вэнь обратился к Ню Цуньцзе. «Отсюда до Цичжоу около пятидесяти *ли*,— сказал он.— Как мне известно, вокруг сосредоточены императорские войска. Можем ли мы долго задерживаться? Ведь собравшиеся здесь несколько сотен людей — грабители, и, если мы не будем захватывать округа и уезды, как сумеем мы достигнуть богатства и знатности? Ограбить деревню не то, что ограбить уезд, а взять уезд не то, что взять округ. Я хочу послать кого-нибудь на разведку в Цичжоу». Он приказал Хо Цуню под видом крестьянина отправиться в Цичжоу. Лю Вэньчжэн очень хотел пойти вместе с Хо Цунем. «Ты слиш-

ком жаден до вина,— сказал Чжу Вэнь,— и можешь испортить все дело». Но Лю Вэньчжэн был настойчив и ушел с Хо Цунем. В Цичжоу, разузнав все, что было нужно, Лю Вэньчжэн сказал Хо Цуню: «Братец Чжу Третий боялся, что я напьюсь, но теперь с делами покончено, и что пострадает, если я немного выпью?» Он вошел в кабак и выпил подряд несколько чаш вина. Вдруг он увидел — какой-то парень продает меч. Лю Вэньчжэн захотел купить меч и спросил о цене. «Прошу три сотни связок монет»,— сказал парень.‖— «У меня как раз триста монет, продай мне»,— 22
попросил Лю Вэньчжэн. Но парень зло сказал: «На твои триста монет только пудру да румяна покупать! Я свой меч продам герою!» — «А ты откуда знаешь, что я не герой-убийца?» — воскликнул Лю Вэньчжэн и, отобрав у парня меч, зарубил его. Лю Вэньчжэна схватили и отправили в Цичжоу. Хо Цунь вернулся в лагерь один и рассказал о случившемся. «Конечно, своей жадностью к вину Лю Вэньчжэн испортил дело!» — произнес Чжу Вэнь. «Его нужно спасти!» — сказал Ню Цуньцзе. «После нашего побега из сюйчжоуской тюрьмы власти усилили охрану,— ответил Чжу Вэнь.— Придется ждать дня казни и попробовать спасти его на площади». Стало известно, что на площади Цичжоу должны казнить важного преступника. Чжу Вэнь и Ню Цуньцзе, спрятав в платье мечи, под видом торговцев хворостом въехали в город на огромных телегах, в которых было укрыто оружие. Людей своих они рассредоточили в толпе, собравшейся на площади у места казни. В полдень *сюньцзянь* Ян Цин, ответственный за приведение приговора в исполнение, под стражей доставил Лю Вэньчжэна к месту казни. Ню Цуньцзе ударом в гонг подал сигнал. Чжу Вэнь и остальные разбойники с мечами в руках набросились на прибывших, отбили Лю Вэньчжэна и скрылись через северные ворота по дороге к Баошани. *Сюньцзянь* Ян с отрядом немедля бросился в погоню за ними. Чжу Вэнь свалился в горный ручей. Выбравшись из него, он ушел в другом направлении, потеряв из виду Лю Вэньчжэна, Ню Цуньцзе, Хо Цуня и Бай Шоусиня.

Поистине:

Встретив друг друга,
даже с коней не сошли;
Каждый помчался
дальше дорогой своей.

А теперь расскажем, что, выбравшись из ручья, Чжу Вэнь пошел дорогой на Дэнчжоу. Но едва он вошел в город, его остановил шедший навстречу человек. «Ты как здесь оказался?» — воскликнул он. Чжу Вэнь так перепугался, что у него подкосились ноги, а человек продолжал: «Я — Янь Шоучжи, муж твоей старшей сестры, занимаю в Дэнчжоу должность *кунмугуаня*. Ты был совсем ребенком, [когда я женился], поэтому и не знаешь меня.

Пойдем, проведай сестру». И вместе с Чжу Вэнем он отправился домой. Было это в пятнадцатый день восьмого месяца.

23 ||В Дэнчжоу был морской базар, и Янь Шоучжи пригласил Чжу Вэня прогуляться туда. Вдруг появился слуга из усадьбы с письмом, в котором сообщалось: «Грабитель Чжан Чжань уходит в море и для угощения своих сотоварищей требует вина и еды». Янь Шоучжи встревожился, но Чжу Вэнь сказал ему: «Укройтесь со всеми домашними в ближайшей деревне, а я встречу здесь Чжан Чжаня и потолкую с ним». Когда Чжан Чжань прислал человека за ответом, Чжу Вэнь пустил в него стрелу. Чжан Чжань рассвирепел и явился сам, но, увидав Чжу Вэня, страшно испугался. «Братец Чжу Третий, каким образом вы здесь?» — спросил он.— «Янь-*кунму* — муж моей старшей сестры,— ответил Чжу Вэнь,— и он не будет ставить вам угощение. Заходи, выпей немного и отправляйся».— «Утром мы выйдем в море,— сказал Чжан Чжань,— а у тебя, кажется, туго с деньгами». Он оставил Чжу Вэню золота и серебра, распрощался и ушел.

Как говорится:

Как раз в то время жук-богомол
встретил желтого воробья,
Когда воробей должен был бы укрыться
от носящего арбалет [104].

На следующий день письмоводитель Янь вернулся домой. «Только благодаря вам, шурин Чжу, мы избавлены от зла, с которым к простым людям явился грабитель Чжан Чжань,— обратился он к Чжу Вэню.— Если бы вы остались жить у нас, грабитель не посмел бы больше являться и все в деревне были бы облагодетельствованы великой милостью. Позвольте вам сделать одно предложение,— [продолжал он],— у меня есть молодая незамужняя дочь, хотелось бы, чтобы она служила вам с гребнем и полотенцем» [105]. Чжу Вэнь принял предложение. Выбрали день, и он женился. В вечер свадьбы устроили пир, и можно сказать, что

Барабаны и флейты звучат у небес;
Мелодии *шэна* жмутся к земле.
Днем освещает свеча...
. . . . . .
. . . . . [106]
бессмертный святой один.

Прошло всего дней пять-семь после свадьбы, как у усадьбы Яня появились два человека, разыскивающие Чжу Третьего. Когда Чжу Вэнь вышел, они сказали: «Вчера явился Чжан Чжань и сказал, что ты находишься здесь. Командующий Ли послал нас за тобою. А ты, оказывается, тут зятем стал, неплохая же у тебя жизнь!» Чжу Вэнь вручил своему тестю, Яню-*кунму*, золото и серебро, подаренные Чжан Чжанем. «Это вам для присмотра за женой и сыном,— сказал он,— через три года я вернусь за ними.

Если через три года меня не будет, пусть жена выходит замуж». И, попрощавшись с Янем-*кунму*, он ушел.

Каждый день с наступлением утра Чжу Вэнь, Хо Цунь и Бай Шоусинь прятались, а вечером пускались в путь. И вот однажды они натолкнулись на тигра, боровшегося с быком. Хо Цунь и Бай Шоусинь‖со страху взобрались на дерево, а Чжу Вэнь, став за деревом и пропустив тигра, пустил стрелу ему прямо под лопатку, а потом вонзил копье быку между ребрами. Вдруг позади кто-то засмеялся: «Оказывается, братец Чжу Третий — настоящий герой!» — «Это командующий Ли!» — сказали Хо Цунь и Бай Шоусинь. Чжу Вэнь почтительно приветствовал его. Рука об руку с Чжу Вэнем командующий Ли вошел в свой лагерь. «Ныне в Поднебесной разбойников развелось великое множество, но повсюду детские песенки, как одна, говорят, что именно Хуан Чао соответствует предсказанию. Сейчас я думаю, что нам нужно вести войско к Хуан Чао, чтобы сообща бороться за великое дело»,— советовался Ли с Чжу Вэнем. «Хуан Чао был когда-то в нашем доме и заключил со мною союз побратимства — он мой названый старший брат,— сказал Чжу Вэнь.—Теперь когда известно, что он идет на Сунчжоу, я хотел бы вместе с вами, Ли Ханьчжи, с Хо Цунем и Бай Шоусинем присоединиться к нему».

Когда Хуан Чао увидел Чжу Вэня, он вспомнил теплые слова о братстве, сказанные когда-то, и радостно воскликнул: «Давно слышу я твое громкое имя, теперь мы сообща возьмемся за дело!» Он тотчас назначил Шан Жана на должность *тайвэя*, а Чжу Вэня сделал командующим личной стражей и дал ему такой приказ: «В Сунчжоу находится Чжан Жуй, командующий военным округом Гуйдэ. Чжан Жуй стар, войска у него мало, но сдаться он не захочет. Даю три дня — ты должен взять Сунчжоу». Но не успел еще Чжу Вэнь выступить, как поступило срочное донесение: сюйчжоуский *дацзян* Хуан Юе идет на помощь Сунчжоу. Хуан Чао посоветовался с Гэ Цунчжоу и приказал Чжу Вэню идти на перехват отряда Хуан Юе. «Но я ведь уже получил приказ за три дня взять Сунчжоу,— проговорил Чжу Вэнь,— прошу [на перехват] послать кого-нибудь другого».— «Покончить с махинацией Хуан Юе должен ты»,— сказал Хуан Чао. Чжу Вэнь подчинился и отдал распоряжение Ли Яньвэю: «Атакуй и захвати Сунчжоу, мне добудь жену командующего Чжана — Гуйняп. Как только она будет в твоих руках, отправь мне бумагу». В тот же день Сунчжоу был взят, Чжан Жуй покончил с собою — удавился. Ли Яньвэй прислал донесение: «Сегодня захвачена Чжан Гуйнян, о чем и докладываю командующему». Обрадованный сообщением, Чжу Вэнь забыл о предосторожности, и сюйчжоуские войска напали на его лагерь, убив и ранив много воинов.

Хуан Чао страшно рассердился, немедленно призвал Чжу Вэня к себе и с гневом обрушился на него: «Ты мой младший брат, поэтому я дал тебе отряд для захвата Сунчжоу, а ты так падок

до женщин, что покинул войско и сгубил три тысячи моих воинов. Если не будут исполняться военные приказы, как держать войско в повиновении?» — и приказал Ли Ханьчжи казнить Чжу Вэня на площади. Тот только хотел было приступить к казни, как услыхал чьи-то крики: «Нельзя из-за пустяка губить героя!» Ли Ханьчжи поднял голову||и взглянул — это были четверо: Лю Вэньчжэн, Ню Цуньцзе, Хо Цунь и Бай Шоусинь. «Мы вместе с командующим перешли на сторону Хуан-*давана*, а теперь командующего не награждают, а собираются казнить. Если Чжу Вэня отпустят, нам ничего не надо, но, если его не освободят, пусть и нас карают вместе с ним». Ли Ханьчжи пришлось вести всех к Хуан-*давану* и просить освободить Чжу Вэня. «На первый раз можно простить,— сказал Гэ Цунчжоу,— но уж потом пощады не будет».

Двенадцатый месяц первого года Гуан-мин[107] (880 г.). Хуан Чао с войском вошел в Тунгуань и вскоре двинулся на Чанъань. Сановники предложили императору Си-цзуну переехать в Синьюань. Хуан Чао взял Чанъань, уничтожил всех оставшихся в городе родственников танского императорского дома, вступил во дворец и провозгласил себя императором великой Ци. Девиз правления был изменен и получил название Цзинь-тун. Шан Жан получил должность *тайвэя*, Чжу Вэнь стал главнокомандующим императорской гвардией и по приказу императора расположил свои части в Дунвэйцяо.

После того как Хуан Чао назвался императором, он безмерно возгордился и приказал Чжу Вэню с двухсоттысячным войском ударить по Хэчжуну. Командующий Хэчжуна Ван Чунжун видел, что разбойник набирает силу, и, чтобы как-то задержать надвигающееся, решил на время поступиться своими убеждениями. Но ведь Хуан Чао переговоры не удовлетворяли! И тогда, перебив однажды посланцев Хуан Чао, Ван Чунжун повел свое войско на битву с Чжу Вэнем.

Войска заняли позиции, вперед выехал командующий верхом на коне, вот уж поистине: видом грозен, будто сам Мо-ван[108] с небес спустился: лицо сурово — то якшас[109]-полководец, небесную заставу пошатнувший.

Несколько раз сошлись они в бою, как вдруг Чжу Вэнь повернул коня и стал уходить. Тут со всех сторон ударили из засады солдаты Ван Чунжуна — более половины пеших и конных воинов было убито и ранено, нападавшие захватили свыше сорока судов с продовольствием и снаряжением. Чжу Вэнь отступил. Ван Чунжун направил к Ван Чуцуню посла с предложением заключить союз. Сам он повел войско к северу от реки Вэй и разбил там лагерь.

Первый год Чжун-хэ[110] (881 г.). Чжу Вэнь напал на Дэнчжоу и завладел городом. Во втором месяце Чжэн Тянь объединился с Тоба Сыгуном из рода дансянских цянов и соединил свои силы с

Фу и Янь, заключив союз с командующим военным округом Ли Сяочаном о совместном походе против разбойников. Он обратился к Поднебесной с воззванием, в котором говорилось: «В старину, когда во времена правления Хань произошел переворот Ван Мана[111], двадцать восемь полководцев[112] сумели объединить свои силы и начать дело возрождения династии Хань. Когда в период правления Цзинь случился мятеж пяти варварских племен[113], Цзу Ти[114], ударив веслом||[по воде] в середине реки, поклялся, 26
что восстановит прежнее положение. Тяжкие вздохи Ван Дао[115] в Новой беседке[116] тоже выражали его стремление объединить силы страны. Что же такое этот Хуан Чао, который осмелился учинить смуту? Он притесняет Сына Неба, уничтожает города, берет в плен наших людей, отнимает наши богатства — вся страна знает это, и все скрежещут в гневе зубами. Ныне я становлюсь во главе объединенного войска для борьбы с мятежником. Повсюду верные и преданные мужи полны решимости подняться на борьбу, истребить страшного разбойника и очистить от него страну, дабы снова царил покой на императорских могилах и колокола, как прежде, висели бы на своих местах. И разве не было бы это справедливо?

День объявления данного воззвания объединит славные имена, и те, кто хочет послужить делу государя, смогут теперь проявить себя. Посему объявить для всеобщего сведения сие воззвание повсеместно».

Воззвание было обнародовано в четвертом месяце, и слава императорских войск гремела вновь. Тан Хунфу со своим войском стал лагерем севернее реки Вэй, Ван Чунжун расположился в Шаюани, Ван Чуцунь — в Вэйцяо, Тоба Сыгун — в Угуне, а Чжэн Тянь раскинул лагерь в Чжоучжи. И вот на них двинулся с войском Хуан Чао. Тан Хунфу закрепился в Лунвэе, развернул строй спиной к реке и принял бой. Хуан Чао несколько раз подряд потерпел поражение и отвел свои войска на восток. И вот уже отряды Чэн Цзунчу первыми вступили в Чанъань. Тан Хунфу вместе с Ван Чуцупем во главе отборного пятнадцатитысячного войска вошли в город вечером. Приветствия жителей сотрясали землю, и каждый бросал кирпич или черепицу вслед бегущим частям Хуан Чао. Тан Хунфу и другие военачальники отпустили солдат на отдых. В награду за труды им было разрешено грабить склады с продовольствием.

Хуан Чао расположился на ночлег в Башане. Когда ему донесли, что авангард противника не принял никаких мер обороны, он снова атаковал Чанъань. Чэн Цзунчу и Тан Хунфу верхом на конях бросились в бой. Хуан Чао пустил стрелу и попал в висок Чэн Цзунчу — тот замертво упал с лошади. Тан Хунфу пытался скрыться, но Чжу Вэнь верхом настиг его и, пронзив копьем, скинул с коня. Убитых насчитывалось восемь-девять человек из десяти. Части Хуан Чао снова вошли в Чанъань. Солдатам было

позволено расправиться с жителями города. Людей убивали тут же, не щадя ни старого, ни малого,— кровь текла рекой. Силы, собранные для борьбы с мятежником, были полностью разгромлены.

Первый месяц второго года Цянь-нин[117] (882 г.). Ван До подал двору доклад. Он просил назначить его на пост *синъин дутуна*, а Цуй Аньцяня сделать его помощником; [назначить][118] Чжоу Цзи и Ван Чунжуна на должности *сыма*, Чжугэ Шуана и Кан Ши поставить во главе авангарда, а Ван Чуцуня, Ли Сяочана и Тоба Сыгуна назначить *синъин дуцзяньши* армий, защищающих столицу с трех направлений.

27 Чжу||Вэнь знал, что императорские войска снова поднимаются повсюду на борьбу, и, когда Хуан Чао спросил его: «Почему после того как я стал императором и вторично вступил в Чанъань, простой народ и воины озлобились против меня?», он ответил: «После того как ты стал императором, брат, ты сделался слишком безжалостным. Когда ты отдал приказ об истреблении жителей Чанъани, трупы завалили город, и люди потеряли веру в тебя. Ты захватил казну, мужчин и женщин, но не поделился ничем с войском — не наградил воинов за труды, поэтому солдаты недовольны. Слыхал я,— [продолжал он],— что кругом уже более половины округов и уездов восстали и перешли на сторону Тан. Тунчжоу — стратегически важный пункт, и, чтобы удержать его, туда надо послать верного человека».— «Ничего не поделаешь,— ответил Хуан Чао,— придется, видно, направить туда командующего Чжу. По лицу брата вижу, что он хочет поддержать Тунчжоу в беде».

Чжу Вэнь вернулся в лагерь, чтобы подготовиться к походу, распорядился в семье и выбрал счастливый для выступления день. Вдруг он увидел, что жена его, Чжан Гуйнян, заливается слезами: «Я выступаю с войском в поход, чего же ты плачешь?» — обратился к ней Чжу Вэнь. Чжан Гуйнян смущенно молчала, и слезы дождем лились по ее напудренным щекам.

Поистине:

Лицо словно яшма; в молчании полном
слезы текут на перила.
Одинокая ветка груши весною
так расцветает под ливнем[119].

Чжу Вэнь целыми днями только и делал, что носился на коне, гонял мяч, метал копье, стрелял из лука, откуда же было ему знать, что его жены домогался Хуан Чао, приезжавший в лагерь? А Хуан Чао, увидев, что Чжан Гуйнян стройна и прекрасна так, что другой не сыщешь, завел с нею дерзкий разговор, пытаясь соблазнить ее. Но Чжан Гуйнян была женщиной твердых правил и не уступила домогательствам Хуан Чао. Она коленопреклоненно поблагодарила его и сказала: «Мой муж Чжу Третий — ваш млад-

ший брат, государь великого Ци, и вы, государь, приходитесь мне деверем. Вы только что завладели Поднебесной, так можно ли, когда еще не окончена война, заниматься таким дурным и безнравственным делом?» В это время явился человек с известием, что возвращается Чжу Вэнь, и Хуан Чао тихонько скрылся. Чжан Гуйнян не осмелилась в свое время рассказать о случившемся Чжу Вэню, но сейчас, когда она узнала о выступлении мужа в поход на Тунчжоу, решилась поведать ему обо всем. Не знал ничего Чжу Вэнь — все радовало его, но, когда узнал, сердце преисполнилось гнева, и ненависть захлестнула разум: «Да потерплю ли я, чтобы какой-то Хуан Чао так оскорбил меня?» Тут же вместе с семьей и подчиненным ему войском, не простившись 28
с Хуан Чао, Чжу Вэнь окольным путем двинулся к Тунчжоу. Хуан Чао узнал об измене Чжу Вэня и послал за ним Юе Си. В местечке Личоуцунь Юе Си нагнал Чжу Вэня, но тот убил Юе Си, приказал его слуге отвезти голову убитого к Хуан Чао и велел передать: «Чжу Вэнь объявляет Хуан Чао: сейчас ты разбойнически владеешь Чанъанью, ты незаконно присвоил себе титул императора великого Ци и совершенно забыл договор о побратимстве, заключенный со мною и моими братьями, когда мы у хребта Сюаньдаофэн вместе оказались у Шан Жана. Тогда, указав на Небо, ты поклялся, что в знатности и богатстве не забудем друг друга, а сейчас, едва захватив Чанъань, ты пытался соблазнить мою жену! Хуан Чао, ты бесчестная скотина! Я сам сумею удержать Тунчжоу, если же мы когда-нибудь встретимся, биться будем насмерть!» Чжу Вэнь дал слуге Юе Си немного серебра, чтобы тот получше передал его слова. Слуга был страшно напуган: душа его металась, словно пух тополя в бурю, а сердце трепыхалось, что подстреленная птица.

Второй месяц. Чжу Вэнь подошел к Тунчжоу и закрепился там; еще он захватил Хуачжоу. Четвертый месяц. Ван До во главе объединенных сил приблизился к Чанъани и стал угрожать городу. Бóльшая часть войска Хуан Чао — семь-восемь частей из десяти — изменила ему. Тунчжоу и Хуачжоу были в руках Чжу Вэня.

Одиннадцатый день девятого месяца. Чжу Вэнь прибыл к Ван До и сдал ему Тунчжоу и Хуачжоу. Увидев Чжу Вэня, Ван До вышел к нему, взял за руку и привел к себе, чтобы договориться о захвате Хуан Чао. «Шан Жан и Гэ Цунчжоу — это два человека, на которых опирается Хуан Чао,— сказал Чжу Вэнь.— С Шан Жаном мы побратимы, и я тайком договорюсь с ним, пусть первым перейдет на нашу сторону, а там придумаем, как заполучить и Гэ Цунчжоу. Если мы не обезвредим этих двоих, усмирить разбойника будет невозможно».

Ван До очень обрадовался тому, что говорил Чжу Вэнь, назначил его командующим Хуачжоу и Тунчжоу и направил двору доклад с изложением происшедшего. Текст доклада гласил:

«Ваш покорный слуга Ван До недавно принял с почтением императорский указ и стал во главе объединенного войска, чтобы атаковать Чанъань и восстановить законную власть. В один-
29 надцатый день текущего месяца‖Чжу Вэнь, младший брат лжеимператора Ци Хуан Чао, с печатями округов Тунчжоу и Хуачжоу, во главе двадцатитысячного войска, пешего и конного, сдался перед строем моих войск, предложив при этом план истребления злодея. Я глубоко уверен, что, куда бы ни двинулись императорские войска, воины и народ поддержат их, верные и храбрые мужи вернутся на путь истины и покорности, но, если до сих пор их никак не поощряли, как будут они награждаться в будущем?

Помимо того что я счел возможным назначить Чжу Вэня командовать округами Тунчжоу и Хуачжоу, теперь почтительно довожу обо всем до вашего сведения и, пав ниц, ожидаю высочайшего указа».

Император Чжао-цзун получил в Синъюане доклад Ван До и объявил его сановникам. Тянь Линцзы поздравил государя: «Небо смилостивилось над вашей бедой! К нам возвращаются верные мужи, такие стратегически важные пункты, как Тунчжоу и Хуачжоу, сейчас снова в руках главнокомандующего Вана, и разбойник Хуан бессилен что-либо предпринять. Это Небо помогает нам восстановить власть императорского дома! Чжу Вэня, коль скоро он перешел на нашу сторону, следует наградить за верность». Тут же от двора был послан гонец с указом, по которому Чжу Вэнь назначался *синъин чжаотаофуши* в Хэчжупе и ему жаловалось имя Цюаньчжун — Совершенно преданный.

Получив должность, Чжу Вэнь приказал Хо Цуню тайно пробраться в Чанъань и переманить на свою сторону Шан Жана. Шан Жану он написал письмо, в котором говорилось:

«Младший брат Чжу Вэнь с почтением направляет письмо своему старшему брату Шану Второму, его превосходительству верховному главнокомандующему. Когда мы встретились с тобой, мой старший брат, у хребта Сюаньдаолин, я и мои братья были с Хуан Чао уже побратимы. Он дал клятву в знатности и богатстве не забывать нас. Потом Хуан Чао присоединился к Ван Сяньчжи, и они вместе боролись за великое дело. Теперь он стал узурпатором в Ци, захватил Чанъань и преисполнился оскорбительных намерений. Из-за истории с перехватом сюйчжоуского отряда я оказался в страшных лапах этого тигра и лишь благодаря заступничеству господина Гэ остался жив. Я отказался от измены и пошел по правильному пути. Теперь император великого государства Тан изволил пожаловать мне новое имя — Цюаньчжун — и назначил *синъин чжаотаофуши* в Хэчжуне. Это так же, как небо от земли, далеко от моего прежнего положения мелкого воришки при контрабандисте-солеторговце и разбойнике Хуан Чао. Сейчас мне хотелось бы, чтобы ты, мой старший брат, тоже

перешел на сторону Небесной династии и преданно служил бы ей — тогда богатство и знатность тебе обеспечены. Что скажешь на это? Пока мы не видимся, убедительно прошу беречь себя. Чжу Цюаньчжун письмо написал».

Хо Цунь прямиком направился с письмом в Чанъань и увиделся с Шан Жаном. «Рад получить известие от брата Чжу Третьего! — сказал Шан Жан и велел Хо Цуню||задержаться на 30
пару дней.— Подожди, я посоветуюсь с господином Гэ, и, если он согласится уйти, Хуан Чао останется только развлекать в постели самого себя, стоит ли печалиться об этом?»

Прошло два дня, Хо Цунь перед уходом явился к Шан Жану, и тот сказал: «Я не посылаю ответного письма, ты передай Чжу-*чжаотао* вот что: я советовался с господином Гэ. Если мы оба вернемся под власть великой династии Тан, мы изберем [правильный] [120] путь. Пока нам лучше остаться здесь, в войске, а когда станет известно время вашего выступления, мы поддержим вас своим мятежом изнутри. Уничтожить тогда [разбойника] [121] и гра[бителя] будет проще простого. Все следует держать в строжайшей тайне, дабы ничто не просочилось наружу. Ведь, как говорится, не сохранишь тайну, погубишь дело!» Хо Цунь получил на дорогу десять *лянов* золота и отправился в обратный путь.

Чжу Цюаньчжуну стали известны намерения Шан Жана. В одиннадцатом месяце Шан Жан склонил к измене командующего Гэ. Они убили приближенных Хуан Чао Сяна Железное лицо и Вэнь Е, взяли в свои руки их отряды и перешли на сторону Чжу Цюаньчжуна.

Одиннадцатый месяц. Чжу Цюаньчжун велел Гэ Цунчжоу вести войско на Яньчжоу. Сам он с главными силами двинулся вслед, чтобы как можно быстрее овладеть городом.

Гражданский правитель Яньчжоу Чжу Сюань [122] направил своих военачальников Хэ Гуя, Лю Цуня и Хэ Хуайбао с более чем десятитысячным войском атаковать Цаочжоу. Тогда Гэ Цунчжоу решил одновременно разделаться с Яньчжоу и с Цаочжоу.

Отряды Чжу Цюаньчжуна, преследуя Хэ Гуя и других, подошли к Цзюйе, чтобы начать бой с войсками трех полководцев. Обе стороны заняли круговую позицию. Из строя, впереди которого развевалось знамя с орлом, выехал полководец и громко закричал: «Эй, есть у вас там кто-нибудь старший, пусть выйдет ко мне». Чжу Цюаньчжун на коне выехал из строя. «Позвольте узнать, кто вы такой, командующий войсками разбойников?» — последовал вопрос. Задержав коня, Чжу Цюаньчжун произнес: «Я — *чжаотаофуши* великого государства Тан Чжу Цюаньчжун, по прозвищу Чжу Третий Сорвиголова. Позвольте узнать ваше имя, командующий войсками противника!» — «Я — *буцзян* Хэ Гуй из войска правителя округа Чжу,— ответил первый.— И если я побегу, тебе придется броситься за мною в погоню, не так ли?»

Вот уж, что называется:

Не пришло человеку
даже мысли расправиться с тигром;
Неизменно у тигра
есть готовность разить человека.

Когда Чжу Цюаньчжун услыхал слова Хэ Гуя, он хлестнул коня и бросился в бой. Только представьте: будто два тигра над обрывом дерутся за добычу, будто два дракона в бездне волн бьются за драгоценность. Кто на конях, те впереди, секиры взмах — ||и лишь куски летят; пешие сошлись строй к строю, удар 31
копья — и душа сразу покидает тело. Два полководца схватились уже более тридцати раз, но исхода боя не было видно. Вдруг вокруг поднялся черный вихрь, силы смерти заполонили все кругом, и вмиг отряд Хэ Гуя был разгромлен. Чжу Цюаньчжун приказал своим воинам продолжать бить противника. Троих полководцев захватили живыми: Хэ Гуя, Лю Цуня и Хэ Хуайбао, свыше трех тысяч человек взяли в плен. Чжу Цюаньчжун уничтожил всех пленных и с тремя связанными военачальниками прибыл к стенам Яньчжоу. «Трое твоих полководцев уже разбиты,— объявил он Чжу Сюаню [123],— не лучше ли заблаговременно и тебе сдаться?» Затем он убил Лю Цуня и Хэ Хуайбао, а Хэ Гуя отпустил в город, чтобы склонить Чжу Сюаня к капитуляции. Не прошло и половины дня, как Чжу Сюань в сопровождении Хэ Гуя явился к Чжу Цюаньчжуну и сдался. Яньчжоу был взят.

Добавочный месяц третьего года Чжун-хэ [124] (896 г.). Ли Кэюн послал войско под командованием Ли Цуньсиня на помощь Яньчжоу и Юньчжоу.

Второй месяц. Чжу Цюаньчжун направил отряд Пан Шигу взять Юньчжоу, но город несколько месяцев не сдавался.

Шестой месяц. Ли Кэюн повел войска на Вэйбо. Тогда Чжу Цюаньчжун послал отряд во главе с Гэ Цунчжоу на выручку Вэйбо. Гэ Цунчжоу получил приказ и расположился с войском у Хуаньшуя. Ли Кэюн выстроил своих солдат напротив на расстоянии, что ни стрела, ни камень, пущенный из катапульты, не достанут. Оба войска заняли круговую позицию, Ли Кэюн и Гэ Цунчжоу пустили коней и бросились в бой.

Гэ Цунчжоу тайно приказал своим людям вырыть перед боевыми позициями ямы. В самый разгар боя конь Ли Кэюна провалился в яму, и Ли Кэюн едва не был схвачен каким-то солдатом, но он заметил опасность, пустил стрелу и убил солдата.

Когда Гэ Цунчжоу увидел, что исход битвы не ясен, он соединился с отрядом Пан Шигу, вместе с ним атаковал Юньчжоу, а затем вернулся обратно. У Чжу Сюаня солдат не хватало, провиант кончался, идти на открытый бой он не мог; он только подвел в городской ров воду и приготовился обороняться. Пан Шигу, посоветовавшись с Гэ Цунчжоу, приказал мастерам на-

вести временный мост и глубокой ночью переправился с войском под стены города. Чжу Сюань, оказавшись в безвыходном положении, бежал из города. Когда он добрался до Шачжулини, его схватили и отправили в ставку Чжу Цюаньчжуна. Чжу Цюаньчжун с главными силами своего войска вступил в Юньчжоу. Пан Шигу получил назначение на пост наместника в Тяньпин. Жену [Чжу] Цзиня, [захваченную] [125] в Яньчжоу с детьми, привезли к Чжу Цюаньчжуну. Супруга Чжу Цюаньчжуна, госпожа Чжан, явилась к ней с визитом. Жена Чжу Цзиня поклонилась. Госпожа Чжан отвесила ответный поклон. «[Правители] Янь[чжоу] и Юнь[чжоу] побратимы с господином *сыкуном* [126],— сказала она.— Сейчас из-за какого-то случайного подозрения они воюют,‖и в ре- 32
зультате вы, моя старшая невестка, с позором оказались здесь. Случись однажды пасть Бяньчжоу, и я испытаю такой же позор, что вы сегодня». После этого Чжу Цюаньчжун отослал от себя жену Чжу Цзиня. Чжу Сюань был казнен перед строем войск. Теперь четырнадцать округов: Юнь, Ци, Цао, Ди, Янь, Ни, Ми, Сюй, Су, Чэнь, Сюй, Чжэн, Хуа и Пу — находились под властью Чжу Цюаньчжуна. Наградив войска, Чжу Цюаньчжун послал Гэ Цунчжоу охранять Яньчжоу, Чжу Юю — охранять Юньчжоу, а Пан Шигу — Сюйчжоу.

Десятый месяц. Чжу Цюаньчжун выступил в поход против Ян Синми и разбил лагерь в Цинкоу. Ян Синми и Чжу Цзинь с тринадцатитысячным войском приняли бой. Лагерь Пан Шигу был расположен ниже Цинкоу. Советник Пан Шигу Ван Хао сказал: «Лагерь в низине, как бы нас не затопили». Пан Шигу, опасаясь, что Ван Хао поднимет в войсках панику, казнил его. Передние шеренги Ян Синми вступили в бой с авангардом Пан Шигу. Уже много раз сходились на поле брани войска, и тут Чжу Цзинь, который со своим пятитысячным отрядом стоял в центре, перекрыл реку Хуайшуй — вода стала заливать лагерь Пан Шигу. В войсках Бяньчжоу [127] поднялась страшная паника. Ян Синми и Чжу Цзинь успешно продолжали бить противника, утонувших и убитых было не счесть. Пан Шигу был схвачен Ян Синми и казнен. Гэ Цунчжоу собрал остатки войска — неполную тысячу человек — и бежал к Чжу Цюаньчжуну. Сила войск Чжу Цюаньчжуна была подорвана.

Третий месяц первого года Гуан-хуа [128] (898 г.). Чжу Цюаньчжун направил ко двору *фуши* Вэй Чжэня просить под свое начало еще и военный округ Тяньпин. Император, напуганный усиливающимся могуществом Чжу Цюаньчжуна, назначил его командовать военными округами Сюаньу, Сюаньи и Тяньпин.

Четвертый месяц. Объединив пешее и конное войско Ючжоу и Вэйбо, Чжу Цюаньчжун напал на Ли Кэюна и захватил один за другим Минчжоу, Синчжоу и Цычжоу. Слава Ли Кэюна стала меркнуть.

Двенадцатый месяц. Ли Ханьчжи по прозвищу Полководец,

перемалывающий облака, состоя раньше под началом Ли Кэюна, захватил Ван Синъюя и одержал подряд несколько побед. Однажды он сказал Ли Кэюну: «Я воюю вместе с вами. Удостоенный вашего высокого покровительства, я одерживал победы в любом бою, не знал поражения ни в одном наступлении и думаю, что имя мое останется в анналах. Надеюсь, что вы подадите доклад и похлопочете о назначении меня на службу в *шуайфу*, не пропадать же попусту стараниям храбреца».— «Разве ты не знаешь, что императорский двор послал нас взять Ван Синъюя не потому, что он был мятежником, а потому, что, кичась своими заслугами, домогался чинов и титулов? — ответил Ли Кэюн.— Когда мы разделались с разбойником, я подробно обо всем доложил двору и
33 отправил Су Вэнь[цзяня] ‖с официальным извещением в наш военный округ. Если сейчас доложить об этом снова, не скажут ли, что мы идем по стопам Ван Синъюя? Подожди, пока я вернусь в округ, доложить о твоих заслугах и тогда не будет поздно». Ли Ханьчжи остался недоволен.

Как раз в это время скончался Сюе Чжицин, командующий военным округом Чжаои. Ли Ханьчжи тайно выступил с войском из Цзэчжоу и под покровом ночи занял Лучжоу. Он убил правителя города и перешел на сторону Чжу Цюаньчжуна. Ли Кэюн, чтобы помешать этому, послал вслед Ли Ханьчжи отряд во главе с Ли Сычжао. Ли Сычжао сначала направился в Цзэчжоу, захватил семью Ли Ханьчжи и отправил всех в Цзиньян, в ставку Ли Кэюна. Чжу Цюаньчжун доложил обо всем двору и попросил назначить Ли Ханьчжи командовать военным округом Чжаои.

Первый месяц второго года Гуан-хуа (899 г.). Лю Жэньгун с пешим и конным войском двенадцати округов — Ючжоу, Цанчжоу и других — напал на Бэйчжоу. Все находившиеся в городе жители — тысяча с лишним семейств — были вырезаны.

Третий месяц. Лю Жэньгун повел войска на Вэйчжоу и взял город. Командующий Ло Шаовэй явился с подарками в ставку Чжу Цюаньчжуна и попросил помощи. «Лю Жэньгун одержим только убийством,— сказал Чжу Цюаньчжун,— а вот Смельчак — Дань Кэцзи — сильный противник, с ним справиться будет непросто». Он немедленно пригласил к себе в палатку на совет Гэ Цунчжоу и затем направил Ли Сыаня с отрядом отборных войск на помощь Вэй. Когда Лю Жэньгун узнал, что *буцзян* Чжу Цюаньчжуна Ли Сыань идет на выручку, он тут же приказал Дань Кэцзи срочно выступить навстречу противнику с отборным пятидесятитысячным войском. Дань Кэцзи по прозвищу Смельчак был обманут малочисленностью отряда Ли Сыаня, а тот, спрятав кругом своих пеших и конных воинов, послал Дань Кэцзи вызов на бой. Дань Кэцзи, преисполненный отваги, взмахнул мечом и верхом выехал из строя. Ли Сыань, стегнув коня, кинулся в бой.

Больше двадцати раз сходились они, Ли Сыань бросил копье

и, притворившись побежденным, отступил. Дань Кэцзи, опьяненный успехом, кинулся за ним, но в местечке Цаньнань с четырех сторон на него ударили из засады, и Дань Кэцзи, разрубленный ударом меча Ли Сыаня, упал с коня. Убитых и пленных насчитывалось свыше тридцати тысяч.

Успешно наступая, Гэ Цунчжоу прорвался к Вэйчжоу. Лю Жэньгун, взирая на небо, громко оплакивал потерю Дань Кэцзи. Он поджег свой лагерь и ночью сбежал. Гэ Цунчжоу обратился к Чжу Цюаньчжуну: «Если, начав спускаться по склону, долго задерживаться на одном месте, это скоро может привести к неприятностям, так уж лучше сразу идти на Хэдун». И туда во главе авангарда направили Ши Шуцуна. Ли Кэюн выслал навстречу Чжоу Дэвэя. В отряде Ши Шуцуна||служил отважный военачаль- 34
ник Чэнь Чжан по прозвищу Дьявол Чэнь. И вот, перед строем войск он попросил Ши Шуцуна позволить ему один на один сразиться с Чжоу Дэвэем: «Слыхал я, что Чжоу Янъу [129] — единственная опора Хэдуна. Нынче я намерен во что бы то ни стало захватить его живым и преподнести вам перед строем войск. В награду прошу один округ». Он направился к Тунго и начал бой с Чжоу Дэвэем. Чжоу Дэвэй притворился побежденным и стал уходить. Дьявол Чэнь прямиком бросился за ним. Чжоу Дэвэй повернулся и изо всех сил ударил его железной плетью — Дьявол Чэнь упал с лошади. Чжоу Дэвэй взял его в плен и перед строем войск передал Ли Кэюну. Гэ Цунчжоу отвел свои войска назад, охранять Вэйчжоу. «Этой победы Чжоу Янъу достаточно, чтобы смыть позор за поражение у Цаньнани»,— произнес довольный Ли Кэюн. Он устроил пир и направил двору доклад с представлением Чжоу Дэвэя на должность *синъин сыма*.

Четвертый месяц третьего года Гуан-хуа (900 г.). Чжу Цюаньчжун пригласил Гэ Цунчжоу в свою походную резиденцию обсудить дела и приказал слугам приготовить угощение. «После поражения Дьявола Чэня,— сказал Чжу Цюаньчжун,— влияние Одноглазого дракона [130] растет с каждым днем. Я думаю, что надо бы разыскать моих старых названых братьев Лю Вэньчжэна и Ню Цуньцзе, людей решительных и сметливых, и с ними вместе бороться за наше великое дело».— «А я подумываю о том,— сказал Гэ Цунчжоу,— что Чжэньчжоу совсем недалеко от Тайюани. Если мы добьемся, что Ван Жун не очень станет держаться за мир с Одноглазым драконом, тогда можно будет как следует подумать о походе».— «А есть кто-нибудь, кто мог бы переманить Ван Жуна?» — спросил Чжу Цюаньчжун. «Это дело простое,— ответил Гэ Цунчжоу.— Выяснилось, что чиновник Ван Жуна — Чжоу У приходится мне свойственником, я и пошлю его уговорить Ван Жуна. Если Чжэньчжоу будет наш, о Хэдуне тревожиться нечего». Он направил Чжоу У послом в Чжэньчжоу. Как раз в это время *паньгуань* из Чэндэ Чжан Цзэ тоже говорил с Ван Жуном о том, что если он перейдет на сторону Чжу Цюаньчжуна, то при

такой поддержке ему совершенно нечего будет опасаться могущества Ли Кэюна. И Ван Жун решительно отдал Чжэньчжоу под власть Чжу Цюаньчжуна. После этого Инчжоу, Цзинчжоу, Мочжоу и Динчжоу добровольно сдались Чжу Цюаньчжуну. Ван Чучжи явился в ставку Чжу Цюаньчжуна и поднес в награду войску сто тысяч кусков шелка. Чжу Цюаньчжун доложил об этом двору и попросил для Ван Чучжи бирку и секиру [131]. Разом все военные округа Хэбэя были приведены в повиновение, и не было никого, кто не признал бы власть Чжу Цюаньчжуна.

35 ||Однажды Чжу Цюаньчжун собрал у себя одиннадцать сановников разных рангов: Гэ Цунчжоу, Ван Жуна, Ван Чучжи, Ши Шуцуна, Чжан Цзэ, Чжоу У, Ли Сыаня, Ли Ханьчжи, Ло Шаовэя, Чжу Ююя, Вэй Чжэня — и устроил пир в честь великого усмирения. Что это был за пир?

Драгоценные блюда, резные подставки;
Из нефрита бокалы, из рога бутыли.
На подносах полно нежнейших плодов
дивной свежести необычайной;
В изукрашенных мисках тончайшие яства
издалека благоухают.
На [жаровне] [132] манит
из дракона *цзиньдин* жаркое в подливе;
Чаши полны с краями
вином *люйи*, вспененным, как волны.

Пир был в самом разгаре, когда Ли Ханьчжи и Гэ Цунчжоу с золотыми кубками в руках подошли к месту, где восседал Чжу Цюаньчжун, с поздравлением: «Ваша милость, вы устрашили все военные округа Хэбэя, и, если поспешить вперед со всею нашей силой, Хэдун тоже окажется у нас в кошеле. Примите, ваша милость, эти кубки во здравие ваше!» Чжу Цюаньчжун осушил кубки и в ответ поднес вино сановникам. Поистине: шумят хозяева и гости, чаш выпитых — не счесть.

Вдруг перед пирующими появился белый заяц: без единого пятнышка — чистейше-белый, яшмовое тело изящно и легко; лапки сильные, быстрые, как ветер; глаза сияют блеском солнца. Заяц прыгал и скакал, будто кругом никого не было. Тогда Чжу Ююй натянул лук и спустил стрелу — стрела попала в цель, белый заяц упал на землю мертвым. Слуга подобрал его, и тут случилось чудо — белый заяц превратился в лист белой бумаги, на которой было четверостишие. Что же там было написано?

Хотя в Хэбэе
утвердился мир,
Но вновь беда
идет на Шаоян [133].
Цуй-гун [134] готов
к восстанию примкнуть,
И вот уж он
торопится в Далян [135].

СОДЕРЖАНИЕ

Цзюань 1

Все от начала до конца о шато
У Ли Чисиня родится Ли Кэюн
Ли Кэюн становится помощником *бинмаши* войск шато
Императорский указ повелевает двум военным округам объединенными силами ударить по шато
Ли Гочан и его сын идут на север в страну Дадань
Ли Юцзинь призывает Ли Кэюна вернуться под власть Тан
Ли Кэюн получает императорский указ, повелевающий ему идти в карательный поход против Хуан Чао
Ли Кэюн в один день одерживает три победы
Ли Кэюн со своим войском отбивает Чанъань
Чжу Цюаньчжун просит помощи у Ли Кэюна
Ли Кэюн идет в наступление и подходит к Бяньчжоу
Чжу Цюаньчжун приглашает Ли Кэюна войти в город
Ли Кэюн останавливается на ночлег в Шанъюаньи
Чжу Цюаньчжун замышляет убить Ли Кэюна
Сюе Чжицинь спасает Ли Кэюна
Ли Кэюн жалуется императору на Чжу Цюаньчжуна
Си-цзун направляет посла, чтобы помирить двух [врагов]
Жалует Ли Кэюна титулом лунсицзюньского вана
Ли Кэюн подает императору доклад с просьбой вернуться во дворец
Чжу Мэй возводит на престол Сян-вана Юня и объявляет себя регентом
Ли Кэюн выступает в карательный поход против Чжу Мэя
||Ли Кэюн располагается на отдых в Саньчуйгане 38
Ли Кэюна лишают чинов и званий
Ли Кэюн подает доклад с жалобой на несправедливость
Ли Кэюну возвращают чины и звания и позволяют вернуться в военный округ
Ли Кэюн посылает Ли Цуньсюя в походную резиденцию государя осведомиться о его здоровье

Ли Кэюн становится *чжаотаоши*
Ли Кэюн усмиряет трех мятежников
Ли Кэюн удостаивается титула Цзинь-вана
Чжао-цзун переезжает в Хуачжоу
Ли Кэюн нападает на Лю Жэньгуна
Чжу Цюаньчжун посылает Ши Шуцуна против Цзинь
Ли Кэюн и Лю Жэньгун заключают мир
Чжу Хуан узурпирует танский престол и объявляет себя императором
Ли Кэюн тяжело заболевает
Ли Кэюн передает военную власть Ли Цуньсюю
Ли Цуньсюй воспреемствует титул Цзинь-вана
Цзинь-ван лично выступает на помощь Лучжоу
Цзинь-ван захватывает в плен Лю Жэньгуна и Лю Шоугуана
Цзинь-ван овладевает Вэйчжоу
Цзинь-ван берет Шаньчжоу
Лю Синь нападает на Вэйчжоу
Ли Цуньшэн побеждает Лю Синя
Ань Цзиньцюань атакует и отгоняет лянское войско
Кидани идут в наступление и окружают Ючжоу
Ли Сыюань идет на помощь Ючжоу
Ли Сыюань побеждает киданей и освобождает Ючжоу
Цзинь-ван ведет войско к Вэйчжоу
Цзинь-ван атакует и захватывает Янлючэн
Буддийский монах из Вэйчжоу передает танскую государственную печать
39 ||Военачальники уговаривают Цзинь-вана принять императорский титул

Цзюань 2

Цзинь-ван наносит поражение войскам Лян у Дэшэна
Приказывает Ли Цуньшэню и Ли Сыюаню защищать Дэшэн
Цзинь-ван ведет войска на помощь Вэйчжоу
Ли Цуньшэнь захватывает в плен Чжан Вэньли
Цзинь-ван вступает на императорский престол и дает государству название Тан
Ли Сыюань во главе войска отбивает Юньчжоу
Ли Сыюань становится командующим военным округом Тяньпин
Лян направляет Ван Яньчжана атаковать город Дэшэн
Танский государь с войском становится лагерем в Шаньчжоу
Танский государь спрашивает совета у Го Чунтао
Ли Цункэ разбивает и изгоняет Ван Яньчжана
Танский государь посылает войска к Юньчжоу
Ли Шаоци захватывает в плен Ван Яньчжана
Танский государь развязывает на Вань Яньчжане веревки
Ли Сыюань[1] просит разрешения выступить первым и взять Далян

Танское войско подходит к Цаочжоу
Лянский государь Чжу Ючжэнь убивает себя
Войско Ли Сыюаня вступает в Далян
Ли Сыюань встречает войско танского государя
Дуань Нин является к Ли Цункэ и сдается ему
Следует разжалование Чжу Вэня и Чжу Ючжэня в простолюдины
Ли Сыюань дополнительно жалуется постом *чжуншулина*
Танский государь увлекается театральными представлениями
Танский государь восклицает: «Ли Поднебесный».
||Танский государь переносит столицу в Лоян 40
Го Чунтао просит возвести на престол императрицу
Евнухи получают повеление набрать простых женщин для задних покоев дворца
Строится павильон, в котором можно укрыться от жары
Заранее взимаются летний и осенний налоги
Ли Сыюань подает доклад с жалобой на несправедливое обвинение
Го Цунцянь поднимает войска на мятеж
Танского государя убивает Мэньгао [2]
Ли Сыюань входит в Лоян
Находит останки Чжуан-цзуна, помещает их в гроб и предает земле
Сановники просят Ли Сыюаня стать регентом
Ли Сыюань вступает на престол
Молит Небо скорее ниспослать стране истинного государя
Ань Чжунхуэй ложно обвиняет Цункэ в измене
[Государь] освобождает Ань Чжунхуэя от службы
Призывает Ли Цункэ ко двору и назначает его на пост *цзовэй цзянцзюня*
Чжай Гуанъе убивает Ань Чжунхуэя
Ши Цзинтан становится командующим военным округом Хэдун
Ли Цунжун поднимает войска на мятеж
Хуанчэнши убивает Ли Цунжуна
Мин-цзун умирает
Минь-ди Цунхоу занимает престол
Лу-ван поднимает войска и входит в Чанъань
Минь-ди выезжает в Вэйчжоу
Лу-ван вступает на престол
Посылает Ван Луаня с отравленным вином к Минь-ди
Ши Цзинтан выступает из Хэдуна
Лю Чжиюань уговаривает Ши Цзинтана восстать
||Ши Цзинтан просит передать престол Сюй-вану 41
Кидани помогают Ши Цзинтану в карательном походе против Тан
Кидани провозглашают Ши Цзинтана императором
Фэй-ди совершает самосожжение

43

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ТАН

Цзюань 1

В стихах говорится:

Фамилию вел он от рода Чжусе
из западных варваров И;
Позднее ему на Срединной Равнине
присвоено имя Чжии.
А кто основатель и первый властитель
династии Поздняя Тан?
Его Ли Яэром всегда называет
преданье и в наши дни.

Речь в нашем рассказе пойдет о том, что предки позднетанского Ли Кэюна происходили из западных тюрок и носили фамилию Чжусе, а чжусе — это название племени. Когда танский император Тай-цзун послал Ли Цзина против западных тюрок и Ли Цзин разгромил их, все покоренные племена были распределены на жительство по тринадцати округам. Из племени тунло образовали Гуйлиньское наместничество, из пугу — Цзиньвэйское, а из баегу — Юлиньское. В те времена крупнейшими племенами среди западных тюрок считались телэ, яньто, эшина; менее значительными были тунло, пугу, баегу и совсем мелкими — чуюе, чуми и чжусе.

Второй год Юн-хуэй[3] (651 г.) правления императора Гао-цзуна. Чуюе во главе с Чжусе Гучжу сражались вместе с Хэлу[4] у Лаошани и были разбиты силами Цибихэли[5]. Позднее, лет через сто пятьдесят — сто шестьдесят, во времена правления Сянь-цзуна[6], в Цзиньманьчжоу, что находится в области Бэйтин, жил некий Чжусе Цзиньчжун. Его сын по имени Чжии явился с изъявлением покорности к китайскому двору и сказал, что прозвание его Шато, а фамилия Чжусе. Шато — это название большой пустыни, и племена, проживающие южнее гор Цзиньшашань и восточнее озера Пулэйхай, называются тюрки шато. Сын Чжии — Чисинь отличился в усмирении Пан Сюня. За это ему была дана должность командующего в Чжэнъу и пожалованы фамилия и имя — его стали звать Ли Гочаном.

Были стихи, в которых говорилось:

Далёко, средь западных варваров И,
в Шато, каменистой пустыне,
Есть племя такое, в котором не счесть
героев отважных и сильных.
44 ‖С тех пор как фамилией он награжден
и имя дано государем,
На страже страны он стоит — и вовек
не сломится верность Чисиня.

Некогда было записано: пятый месяц третьего года Юань-хэ (808 г.), правление императора Сянь-цзуна; войско шато по силе

и храбрости не имело себе равных среди всех иноземных племен, и туфани, начиная военные действия, всякий раз высылали шато в качестве передового отряда. Но когда уйгуры разбили туфаней и захватили Лянчжоу, туфани заподозрили шато в сговоре с уйгурами и вознамерились переселить их за Реку. Племя заволновалось. Тогда вождь шато Цзиньчжун, посоветовавшись со своим сыном Чжии, решил восстать и перейти под власть танского двора. Во главе тридцати тысяч своих соплеменников Цзиньчжун явился к командующему Линьчжоу Фань Си и сдался ему перед строем императорских войск. Командующий Фань установил, что Яньчжоу будет рынком для шато, купил им коров и коней, дабы шире занялись скотоводством и жили мирно и спокойно. Обо всем этом Фань Си сообщил в докладе двору. Император Сянь-цзун остался очень доволен, учредил область Иньшаньфу и назначил туда Чжусе Чжии на должность *бинмаши*. И всякий раз, когда случались войны и сражения, непременно прибегали к силе войск шато, и повсюду они одерживали победы.

У Чисиня, сына Чжии, родился сын по имени Кэюн. А перед тем как родиться Кэюну, его отцу Чисиню ночью приснился сон: попал он куда-то и увидел дворец — величественные, крепкие ворота, светлые, высокие строения — такой же, как в мире людском дворец. Некто с короной на голове, сидевший в дворцовом зале, был одет в одежды вана. Более десяти сановников выстроились слева и справа от него, а перед залом стояли воины в золотых панцирях. Когда Чисинь вошел в зал, люди в золотых панцирях приказали ему поклониться. Чисинь согнулся в поклоне, потом опустился на колени и отвесил земной поклон. Человек, восседавший в зале, заговорил: «Война дракона и свиньи закончится, *чоу-коу* проявится, четырнадцать лет будет восседать в золотом дворце. Десять старших братьев возьмут оружие, не восстав против господина. Четыре господина, фамилий три». Сказав это, он умолк. Чисинь откланялся и вышел. Тут он проснулся, а жена его уже рожает. Родился мальчик богатырской внешности, со звонким голосом. Вспомнив слова сна «десять старших братьев возьмут оружие», Чисинь решил назвать ребенка Кэюном[7]. Если разобрать этот сон, станет совершенно ясно, что здесь излагается вся история династии Поздняя Тан от начала до конца: Ли Кэюн по прозвищу Одноглазый дракон боролся с Чжу Цюаньчжуном, а *чжу*, фамилия Чжу Цюаньчжуна, звучит так же, как слово *чжу* «свинья»; в дальнейшем Ли Цуньсюй уничтожил государство Лян и провозгласил себя императором Тан, а знаки *чоу* и *коу* [являются составными частями] иероглифа *тан*.‖Все это и означает, 45
что в результате борьбы Ли Кэюна с Чжу Цюаньчжуном было основано государство Поздняя Тан. С года *гуй-вэй* (923 г.) правления Тун-гуан до года *бин-шэнь* (936 г.) правления Лу-вана[8] как раз четырнадцать лет. Занимая при Тан пост командующего пограничным военным округом, Ли Кэюн в ответ на письмо госу-

даря Шу[9] сказал: «Клянусь всей жизнью, что до конца останусь верным своему государю». Это и значит, что Кэюн не восстанет против господина. Ли Сыюань происходил из варваров и фамилии не имел. Император Чжуан-цзун воспитал его как приемного сына, и он стал императором Мин-цзуном[10]. Лу-ван был из семьи Ван, Мин-цзун сделал его своим приемным сыном. От Чжуан-цзуна до Лу-вана было четыре государя, а происходили они из трех фамилий, это и значит «четыре господина, фамилий три».

Правление танского императора И-цзуна. Восьмой месяц десятого года правления Сянь-тун (869 г.). Наместник Сюйчжоу Пан Сюнь убил Цуй Яня и провозгласил себя «главнокомандующим с мандатом Неба». Кан Чэнсюнь стал во главе шато, а Чжусе Чисинь повел передовой отряд в тысячу с лишним конников на Пан Сюня и убил его. Кан Чэнсюнь доложил о его успехах двору. Чжусе Чисинь получил назначение на пост командующего военным округом Чжэнъу, и ему были пожалованы фамилия Ли[11] и имя Гочан.

Когда Ли Кэюн, сын Ли Гочана, вырос, он оказался весьма искусным в верховой езде и стрельбе и не раз сумел этим отличиться.

Правление императора Си-цзуна. Первый месяц пятого года Цянь-фу (878 г.). Ли Кэюн занимал пост помощника *бинмаши* в войске шато. *Яцзяны* Кан Цзюньли, Ли Цуньчжан и другие держали совет: «В Поднебесной ныне великая смута, но император велит никуда не выступать, а теперь самое время героям завоевывать славу и богатство. Сейчас Ли Гочан занимает высокое положение, заслуги его велики, и Поднебесная знает его имя; сын у него храбр и стоит во главе трех соединений. Если помочь ему подняться на большое дело, то завладеть землей Дайбэя будет проще простого». А в Дайбэе как раз был голод, и *фанъюйши* Дуань Вэньчу сократил войскам выдачу довольствия. Солдаты разозлились, убили Дуань Вэньчу и отправили Ли Кэюну бирку и печать с просьбой стать у них наместником. Ли Кэюн явился в присутствие, принял дела и направил двору доклад с просьбой о высочайшем указе. Императорский двор просьбы не удовлетворил.

Четвертый месяц. Ли Гочан был назначен командующим в Датуне. В то время Ли Гочан вместе с сыном задумал прибрать в свои руки два военных округа — Датун и Чжэнъу, но двор не согласился на это. Поэтому, когда Ли Гочан получил приказ, он сжег его, убил инспектора войска, объединил с Ли Кэюном войска — воинов оказалось более десяти тысяч — и напал на Нинъу и Кэлань.

Десятый месяц. Два военных округа — Хэдун и Чжаои — по императорскому указу объединили свои силы и выступили против шато. Ли Цзюнь, командующий в Чжаои, погиб в бою.

Первый месяц первого года Гуан-мин. Шато атаковали округа Синь, Дай и стали приближаться к Цзиньяну.

Пятый месяц. Командующий в Вэйсяне Ли Чжо с десятитысячным войском‖стал лагерем у Дайчжоу. Он объединился с Ли 46
Кэцзюем, командующим Ючжоу, и *дуду* тугухуней Хэ Ляньдо и послал к Гао Вэньцзи, одному из военачальников Ли Кэюна, человека с приказом вернуться на сторону Тан. Гао Вэньцзи подчинился приказу, арестовал Фу Вэньда и старейшину шато Ли Юцюаня, явился в ставку Ли Чжо и сдался ему перед строем войск.

Седьмой месяц. Ли Кэюн со своим войском, пытаясь захватить Шочжоу, напал на Гао Вэньцзи. Ли Кэцзюй с отрядом закрепился в Чаэрлине. «Я пойду на бой впереди»,— сказал Ли Цзиньчжун. Чэн Хуайсинь с конницей двинулся следом. Ли Кэцзюй занял квадратную позицию, Ли Цзиньчжун — круговую. Войска были выстроены, военачальники кончили перебранку перед строем войск и ринулись в бой. Ли Кэцзюй притворился побежденным, Ли Цзиньчжун бросился вслед за ним, Чэн Хуай[синь]...[12]

...простил ему вину. Получив указ, Ли Кэюн очень обрадовался и во главе более чем десятитысячного войска даданей поспешил на помощь. Он направил в Хэдун послание, в котором объявил, что по высочайшему повелению ведет свои войска на Хуан Чао, и приказал посему одарить его войско провиантом и фуражом. Чжэн Цундан закрыл ворота города и приготовился защищаться. Тогда Ли Кэюн разрешил отрядам шато заняться грабежом. Город обуял страх. Ли Кэюн увел войско обратно и остался в Дайчжоу.

Одиннадцатый месяц второго года Чжун-хэ (882 г.). Военное могущество Хуан Чао возрастало. Ван Чунжун обратился за советом к старшему инспектору Ян Фугуану: «Как захватить разбойника Чао?» — «Яньмэньский Ли-*пушэ* и его сын отважны и храбры, имеют сильное войско, и сердца их полны беззаветной преданности и верности,— сказал Ян Фугуан.— Только из-за раздора с хэдунским Чжэн Цунданом они не приходят. Если сделать так, чтобы императорский двор направил приказ, повелевающий Чжэн Цундану, как низшему, призвать [на помощь] Ли-*пушэ*, он явится. Иначе разбойника не усмирить». А в это время хэчжунский Ван До распоряжением, написанным черной тушью[13], призвал Ли Кэюна, и Ли Кэюн с семнадцатитысячным войском взял путь на Хэчжун.

В сопровождении какой-то сотни конников он проехал под стенами Цзиньяна, чтобы проститься с Чжэн Цунданом. Тот выслал ему на дорогу много продовольствия.

Двенадцатый месяц. Сорокатысячное войско Ли Кэюна прибыло в Хэчжун. Все были одеты в черную одежду, и каждый знал толк в своем деле. Императорский двор объявил о назначении Ли Кэюна командующим в Яньмэне.

В это время в Чанъани Хуан Чао увидел сон: без числа и края с северо-запада налетело черное воронье; один ворон попытался стянуть с головы Хуан Чао платок, но Хуан Чао удалось скрыться. Проснувшись и обдумав сон, Хуан Чао понял, что то был Ли Кэюн по прозвищу Ли Яэр — Черный ворон Ли — и его
47 объединенное войско, одетое в черную‖одежду. «Идет войско Черного ворона! — сказал он своим соратникам.— Избегайте его передовых отрядов, не завязывайте с ними боев».

Первый месяц третьего года Чжун-хэ. Ли Кэюн и Хуан Куй, младший брат Хуан Чао, встретились в бою у Шаюани. Хуан Куй потерпел поражение и отступил. Ван До подал двору доклад о назначении Ли Кэюна *синъин дутуном* в Дунбэе.

Третий месяц. Хуан Чао, потерпевший поражение и испытывавший нехватку продовольствия, обдумывал план отступления. Ли Кэюн в это время ударил по Хуачжоу. Хуан Чао с тридцатитысячным войском через ущелье двинулся в направлении Ланьтяня, а Шан Жана послал атаковать Хуачжоу. Войско, предводительствуемое Ли Кэюном и Ван Чунжуном, вышло навстречу и приняло бой — наголову разбитый Шан Жан отступил. Продолжая наступление, Ли Кэюн продвинулся к Вэйцяо. Каждую ночь он тайком посылал в Чанъань *буцзянов* Сюе Чжициня и Кан Цзюньли, которые поджигали в городе зерно и фураж, убивали врагов, а потом возвращались обратно. Разбойник Чао был напуган, он думал, что все это делают духи.

Пятый месяц. Ли Кэюн, объединившись с Пан Цуном из Чжунъу и Бай Чжицянем из Хэчжуна, повел войска в наступление. Он близко подошел к лагерю разбойника Чао, расположился у Вэйнаня и послал Хуан Чао вызов на бой. Затем, нарядившись, Ли Кэюн выехал из строя:

Венчают главу
золоченые знаки воды и металла;
Взирает с чела
царя всех зверей несгибаемый облик.
Шишак и оплечье —
узоры, сплетенные из серебра;
По латам вдоль тела
стремительный единорог ниспадает.
Воткнуты стрелы в колчан роговой —
Это не феникс ли высунул там
кончики перьев хвоста?
Лук поместился в колокол-тул —
Это дракон схоронился в волнах,
рог же наружу торчит.
Над его лицом
огоньки золотые горят-горят;
У него в руке
клинок снежно-белый блестит-блестит.
Посредине седла у него
распахнулися полы длинной кольчуги;
Повернется он в пол-оборота —
крепко ноги стоят у него в стременах.

А как же нарядился Хуан Чао?

Трезубец поверх
из светлого золота шапки;
Клыков перестук
на поясе алом широком.
Косого плетенья рубаха из шерсти;
Тесьмою расшиты штаны, как волнами.
Из ивы прибрежной длинные стрелы;
Рука охватила железную пику.
Сидит он верхом на коне боевом —
Спина раздвоенная, чуткие уши
и цоканье звонких копыт [14].

Оба войска заняли позиции — ни стрела из лука, ни ядро из катапульты не достанут. Один из полководцев выехал из строя и, осадив коня, начал перебранку. «Кто там у вас главный, как 48
его зовут?» — это Хуан Чао... [15] спросил. Ли Кэюн пустил вперед коня: «Я — Одноглазый дракон, сын шатоского [Ли-*пу*]*шэ* [16],— ответил он.— Мятежный разбойник Хуан Чао, если ты что-нибудь понимаешь в деле, кончай воевать и покорись, чтобы обе стороны [прекратили] [17] борьбу. Не образумишься, станешь упорствовать, я захвачу тебя и разрублю на тысячи кусочков перед строем войск на благо всем живущим в Поднебесной!» Услыхав такое, Хуан Чао пришел в ярость и, ничего не сказав в ответ, бросился в бой. Первую схватку он проиграл и отступил, но, передохнув немного, снова начал битву. Ли Кэюн погнал его и, объединившись с силами Ичэня и Иу, продолжал преследовать и бить. Войско Хуан Чао оказалось полностью разгромленным, почти все воины были перебиты или взяты в плен. Только Хуан Чао, спалив дворец, ушел с каким-то десятком всадников. Ли Кэюн, который за один день одержал три большие победы, во главе своего войска вступил в Чанъань. Драгоценности, золото, шелка валялись по дорогам. Солдаты Ли Кэюна в драку хватали все и несколько замешкались с преследованием. Благодаря этому Хуан Чао удалось бежать.

Ли Кэюну в то время было только двадцать восемь лет. Он был самым молодым и самым могущественным из всех военачальников. Разбив же Хуан Чао, он заслуженно возвысился надо всеми. Один глаз у Ли Кэюна был чуть меньше другого, и в войске все звали его Одноглазым драконом.

Императорский двор объявил указ о назначении Ли Кэюна *тунпинчжанши.* Захваченного в плен Цуй Цю, так называемого советника Хуан Чао, казнили на базарной площади — ему отрубили голову.

Указ гласил: «Мой великий предок, закладывая основы государства, прибег к помощи тюрок [18], чтоб возродить величие ванов, и я, недостойный его потомок, когда пришла великая беда, обратился за поддержкою к шато, чтобы покончить с разбойником. Безнравственность Хуан Чао не имела предела, своим козлиным запахом он опоганил храм наших предков и превратил всех

людей в жертвенный скот. Великое Небо сжалилось над нашим несчастьем — в один день одержаны три победы, и главная заслуга в этом Ли Кэюна. Назначаю Ли Кэюна *тунпинчжанши*.

Посему издается указ, который надлежит довести до всеобщего сведения».

Получив указ, Ли Кэюн не пожелал отстать в милостях от двора и щедро наградил войско за успешное завершение дела.

Чжу Вэнь, который видел, что силы Хуан Чао на исходе, в это время закрепился в Тунчжоу и Хуачжоу, явился в ставку Ван До и сдался ему перед строем войск. Императорский двор назначил Чжу Вэня *синъин чжаотаофуши* в Хэдуне[19] и пожаловал ему имя Цюаньчжун.

Четвертый месяц четвертого года Чжун-хэ (884 г.). Хуан Чао собрал остатки своего разбитого войска — еще более десяти тысяч человек — и напал на Чэньчжоу. Он окружил город и держал его в осаде почти триста дней. Чжао Чу с братьями совершал налеты на позиции Хуан Чао; произошло более ста больших и малых‖сражений, но положение осажденного города становилось 49
критическим. Чжоу Цзи вместе с Ши Фу и Чжу Цюаньчжуном направили в ставку Ли Кэюна гонцов с просьбой о помощи. Ли Кэюн объединил силы четырех округов: Сюйчжоу, Бяньчжоу, Сюйчжоу, Яньчжоу — и с войском, насчитывающим пятьдесят тысяч человек китайцев и инородцев, стал лагерем под Чэньчжоу. С Шан Жаном бой произошел у Тайюани[19a]. Шан Жан потерпел поражение и отступил. Когда Хуан Чао узнал, что Шан Жан разбит, он тут же снял осаду и ушел в направлении Бяньчжоу.

Пятый месяц. Пошли сильные дожди, вода на земле стояла на три *чи*, и лагерь Хуан Чао затопило; тут стало еще известно, что подходят главные силы Ли Кэюна, Хуан Чао снял войско и ушел в северо-восточном направлении. Шан Жан с пятью тысячами конников подошел к стенам Даляна. Чжу Цюаньчжун послал гонца за помощью к Ли Кэюну. Ли Кэюн с войском двинулся в путь. Прибыв к переправе Ванманьду севернее Чжунмоу, он узнал, что половина разбойников уже переправилась. Тогда он приказал ударить по противнику — убитых насчитали более десяти тысяч человек. Разбойничье войско было полностью рассеяно. Шан Жан со своим отрядом сдался. Хуан Чао насобирал около тысячи солдат и бежал в Яньчжоу. Ли Кэюн преследовал его до Юаньцзюя, но настичь не смог, зато он взял в плен малолетнего сына Хуан Чао, захватил его колесницу, одежду, утварь, печать и бирку и увел с собою более десяти тысяч пленных мужчин и женщин. Затем он двинулся к Бяньчжоу и стал лагерем под стенами города.

Чжу Цюаньчжун послал к Ли Кэюну слугу с убедительной просьбой пожаловать в город. Он проводил Ли Кэюна на ночлег

в Шанъюаньи и устроил большое пиршество. Поистине:

На пире кубков полно золотых,
волнуется в них *люйи*;
Над яствами песни взлетают в такт
пощелкиванью *хунъя* [20].

Итак, Чжу Цюаньчжун приготовил угощение и пригласил Ли Кэюна на пир. Захмелев, Ли Кэюн дал себе волю и сказал несколько хвастливых слов, чего Чжу Цюаньчжун перенести не смог. Пир кончился, все были совершенно пьяны. Ян Яньхун, военачальник из Сюаньу, договорившись тайно с Чжу Цюаньчжуном, перегородил повозками дорогу и послал воинов окружить Шанъюаньи. Мертвецки пьяный Ли Кэюн спал, сотрясая землю храпом. Его охранники Сюе Чжицинь и Ши Цзинсы врукопашную схватились с солдатами Чжу Цюаньчжуна. Го Цзинчжу стащил Ли Кэюна с постели, спрятал его под нею, плеснул ему в лицо воды и, когда тот пришел в себя, объяснил, что случилось. Ли Кэюн раскрыл глаза, схватил лук и вскочил. Он увидел только дым и языки пламени вокруг, но, к счастью, начался сильный дождь, разразилась гроза, и все погрузилось во тьму. Сюе Чжицинь помог Ли Кэюну и нескольким его приближенным||перебраться через стену, они прорвались через окружение и под сверкание молний скрылись. Ши Цзинсы, сдерживавший наседавших врагов, был убит мятежниками. 50

Чтобы избежать подозрений, Чжу Цюаньчжун пристрелил из лука Ян Яньхуна. Ли Кэюн, Сюе Чжицинь и остальные по веревкам спустились с городской стены и ушли.

Супруга Ли Кэюна, госпожа Лю, была женщиной весьма разумной, и, когда вернувшиеся приближенные рассказали ей о том, что произошло, она приказала казнить их; потом тайно призвала к себе *дацзяна* и велела попридержать солдат во избежание шума и волнений.

На следующий день утром Ли Кэюн решил поднять войско, чтобы расправиться с Чжу Цюаньчжуном. «Если самовольно поднять войско, откуда в Поднебесной будут знать, кто прав, кто виноват? — принялась увещевать Ли Кэюна госпожа Лю.— Не лучше ли обратиться с жалобой к императору, тогда Чжу Цюаньчжуну сказать будет нечего». Ли Кэюн послушался совета и отправил Чжу Цюаньчжуну полное укора письмо.

«О том, что произошло третьего дня,— написал в ответ Чжу Цюаньчжун,— я заранее ничего не знал. Это, видимо, посланец императора сговорился с Ян Яньхуном. Теперь, когда Ян Яньхун уже принял кару за свою вину, надеюсь, вы поймете и простите». В тот же день Ли Кэюн увел войско обратно в Цзиньян.

Ли Сыюань был родом из варваров ху, звали его Мяоцзиле, и фамилии он не имел. В то время никто в войске не мог сравниться с ним в храбрости, а ему было всего семнадцать лет.

Вместе с Ли Кэюном прорывался он в Шанъюаньи сквозь тучи стрел и ядер и не получил ни одной царапины. Ли Кэюн сделал его своим приемным сыном и дал имя Сыюань.

Седьмой месяц четвертого года Чжун-хэ. Ли Кэюн представил двору доклад, в котором рассказал о пережитом происшествии и обвинил Чжу Цюаньчжуна в намерении убить его в Шанъюаньи. В докладе говорилось:

«Подданный Ли Кэюн, старейшина шато. Моему отцу и мне выпало счастье быть облагодетельствованными милостями великой династии Тан — мы имеем от императора полномочия на управление пограничными землями. Только что с помощью Неба взята Чанъань; главный злодей сложил свою голову, храм предков императора снова в безопасности. Не будь ваше императорское величество столь мудры и могущественны, откуда бы взяться силам у вашего покорного слуги? Ваш слуга во главе войска возвращался в свой военный округ и по пути оказался у Бяньляна. Чжу Цюаньчжун пригласил меня в город, поместил в Шанъюаньи, а когда я захмелел, он вместе со своим сообщником
51 Ян Яньхуном приказал окружить меня||и хотел втихомолку убить, чтоб отомстить за обиду, нанесенную разбойнику Чао. Более трехсот моих людей, бирка и печать, находившиеся при мне, в один миг были уничтожены мятежниками Чжу Цюаньчжуна. Я совершенно уверен, что Чжу Цюаньчжун — приспешник Хуан Чао; он хитрит, играя в измену разбойникам, и в будущем непременно причинит горе императору. Ведь легче спастись от пожара, если заблаговременно и подальше убрать хворост; если же гасить пламя, когда оно разгорелось, то и на лбу, и на голове появятся ожоги. Нарыв лечится лучше, если он еще твердый; браться же за лечение, когда он прорвался,— значит ранить плоть и причинять боль. Ваш недостойный слуга уповает, что ваше величество мудро решите направить для расследования дела императорского уполномоченного и лишить Цюаньчжуна должностей и титулов. Ваш покорный слуга надеется получить указ, повелевающий с силами вверенного военного округа выступить карательным походом против Чжу Цюаньчжуна, чтобы искоренить в государстве зло, пока оно не дало всходов, и добросовестно довести это дело до конца.

Докладываю без страха и почтительно ожидаю высочайшего указа.

В двадцатый день седьмого месяца четвертого года Чжун-хэ подданный Ли Кэюн доклад представил».

Когда Си-цзун получил доклад Ли Кэюна, он не только не смог наказать Чжу Цюаньчжуна за вину, но Ли Кэюну пришлось подать еще целых восемь докладов, пока наконец император отправил в ставку к Ли Кэюну Ян Фугуна объявить высочайший указ. Указ гласил:

«Ознакомившись с представленным докладом, хорошо понял

вашу обиду. Дела в государстве только что приведены в порядок, и пока надо поддерживать то, чего мы добились. Дабы решить ваше дело миром, к Чжу Цюаньчжуну с указом направлен посол. В дружбе Ляня и Линя [21], в согласии Коу и Цзя [22] на первом месте стояли дела государства, а потом уже личная вражда. Направляя сейчас с Ян Фугуном указ, надеемся, что вы правильно поймете поступки Ляня и Линя, Коу и Цзя! Жалуем вас золотом и чаем по два *гэ*, а войску в награду за труды жалуем денег — пятьсот тысяч связок и пятьсот кусков шелка.

Наступили осенние холода, указов больше не последует».

Увидев, что в указе его просьба не удовлетворена, удрученный Ли Кэюн потерял покой и начал подумывать о карательном походе против Чжу Цюаньчжуна.

Восьмой месяц. Ли Кэюн получил титул лунсицзюньского вана.

Десятый месяц первого года правления Гуан-ци (885 г.) [23]. Тянь Линцзы направил Чжу Мэя [24] и Ли Чанфу с объединенным войском на Хэчжун. Ван Чунжун явился в ставку Ли Кэюна просить помощи. Ли Кэюн,‖справедливо недовольный тем, что 52
император не взыскал с Чжу Цюаньчжуна за нарушение по службе в Шанъюаньи, собрал войско, докупил коней и объединил все племена ху, договорившись с ними о нападении на Бяньчжоу. Ван Чунжуну он ответил: «Подожди, сначала я разделаюсь с Чжу Цюаньчжуном, вымету, словно опавшие листья, эту поганую нечисть». Ван Чунжун еще раз отправил гонца просить поддержки: «Если ждать, пока великий ван вернется из Гуаньдуна, я стану пленником. Не лучше ли сперва уничтожить прихвостней господина, потом взять Чжу Цюаньчжуна будет не так уж сложно?» Тогда Ли Кэюн представил двору доклад. Текст доклада гласил:

«Чжу Мэй и Ли Чанфу, которых объединяет нарушение принципов добродетели, столковались с Чжу Цюаньчжуном, желая сообща погубить вашего покорного слугу. Если ваш слуга не подумает о своей безопасности, он непременно погибнет. Уже собрано сто пятьдесят тысяч воинов — китайцев и инородцев, дабы в следующем году начать великий поход на Хэбэй и усмирить два военных округа. Обещаю, что к столице войска не приблизятся, тревожиться по этому поводу не следует. Когда оба округа будут усмирены, уничтожу Чжу Цюаньчжуна, чтобы хоть немного смыть позор за унижение в Шанъюаньи.

Покорный слуга докладывает без страха смерти и почтительно ожидает высочайшего указа.

В день десятого месяца первого года Гуан-ци подданный Ли Кэюн доклад представил».

Си-цзун ознакомился с докладом Ли Кэюна и направил к нему гонца с указом, повелевающим уладить дело миром. Ли Кэюн указа не принял.

Двенадцатый месяц. Соединившись с Ван Чунжуном, Ли Кэюн выступил в поход, разбил лагерь в Шаюани и дал бой Чжу Мэю и Ли Чанфу. Враг потерпел поражение и отступил. Ли Кэюн повел войско вперед и приблизился к столице. Тянь Линцзы предложил императору переехать в Фэнсян. Стоило императору покинуть Чанъань, как дворец со всем богатством был дочиста разграблен мятежниками и сожжен.

Первый месяц второго года Гуан-ци (886 г.). Ли Кэюн привел войско назад в Хэчжун. Вместе с Ван Чунжуном они написали императору Си-цзуну доклад, в котором просили императора вернуться в столицу, а с Тянь Линцзы за его бесчисленные преступления умоляли взыскать по всей строгости закона. Си-цзун не внял их просьбе. Тянь Линцзы с войском вошел в ворота походного дворца императора и заставил Си-цзуна переехать в Баоцзи. Сопровождали императора всего человек сто. Даже министры и сановники ничего не знали об этом. Чжу Цзы и Ли Чанфу с войсками из Бинь и Ци продвинулись вперед и приблизились к ставке императора — удары гонгов и барабанов сотрясали небо и землю. Тогда Тянь Линцзы вынудил Си-цзуна покинуть Баоцзи и послал Ван Цзяня с пятьюстами солдатами, вооруженными длинными мечами, прокладывать императору дорогу. Вручив Ван Цзяню государственную печать, Си-цзун последовал за ним.
53 Когда они поднялись на хребет Даганьлин, Ли Чанфу‖поджег настил на горной дороге. Ван Цзянь, поддерживая Си-цзуна под руки, помог ему проскочить через огонь.

Шестой месяц. Чжу Мэй возвел на престол Сян-вана Юня[25] и объявил себя регентом. Сян-ван направил в Цзиньян к Ли Кэюну посла с указом, который гласил: «Государь мирно почил. Я выдвинут командующими и сейчас уже получил небесный мандат». Ли Кэюн пришел в страшное негодование. Он сжег указ, бросил в тюрьму посла, направил императору доклад и распространил воззвание, призывая военачальников в карательный поход. Император указом повелел Ян Шоуляну с двадцатитысячным войском выступить из Цзиньчжоу и вместе с Ван Чунжуном и Ли Кэюном ударить по Чжу Мэю.

Второй месяц первого года Вэнь-дэ[26] (888 г.). Чжан Цюаньи во главе своего войска напал на Хэян. Ли Ханьчжи сбежал в Цзэчжоу. Он явился в ставку Ли Кэюна и попросил оказать ему помощь. Ли Кэюн выслал семитысячный отряд конницы под командованием полководца Кан Цзюньли, чтобы помочь Ли Ханьчжи разделаться с Чжан Цюаньи. Чжан Цюаньи прибыл за помощью к Чжу Цюаньчжуну. Чжу Цюаньчжун направил в помощь ему отряд во главе с Дин Куаем. Дин Куай дал бой Ли Цуньсяо и разбил его. Кан Цзюньли увел свой отряд обратно.

Шестой месяц первого года [правления] Лун-цзи[27] (889 г.) [императора] Чжао-цзуна. Ли Кэюн собрал большое войско и послал Ли Ханьчжи и Ли Цуньсяо в поход против Мэн Фанли.

Они захватили округа Цычжоу и Лочжоу, двинулись дальше и овладели Синчжоу. Мэн Фанли покончил с собою — принял яд. Ли Ханьчжи с войском вернулся в Шандан, и в Саньчуйгане был задан пир. Актеры исполняли «Песнь человеческого века»[28]. Когда они дошли до места, где говорилось о старости и дряхлости, песня стала так печальна, что кое у кого из присутствующих потекли слезы. Ли Цуньсюй, которому исполнилось только пять лет, стоял рядом с Ли Кэюном. «Настоящий муж смолоду должен добиваться славы,— сказал он в утешение.— Зачем же так скорбеть о закате дней?»— «Это удивительный мальчик! — воскликнул довольный Ли Кэюн.— Через двадцать лет он непременно сменит меня и будет сражаться в этих местах!»

Военачальники провозгласили наместником Мэн Цяня, младшего брата Мэн Фанли, и попросили помощи у Чжу Цюаньчжуна. Чжу Цюаньчжун приказал Ван Цяньюю с несколькими сотнями латников выступить на подмогу.

Второй месяц первого года Да-шунь (890 г.)[29]. Ли Кэюн атаковал Юньчжоу и, не добившись успеха, вернулся обратно.

Четвертый месяц. Чжан Цзюнь из-за не удовлетворившего его представления по службе, сделанного Ян Фугуном, сблизился с Тянь Линцзы и стал пренебрежительно относиться к Ян Фугуну. Император Чжао-цзун, зная о раздоре Чжан Цзюня с Ян Фугуном, специально назначил Чжан Цзюня первым министром, и Чжан Цзюнь постоянно сравнивал себя с Се Анем[30] и Ван Дао. Ли Кэюн глубоко презирал Чжан Цзюня и, узнав о его назначении на пост министра, сказал послу, привезшему указ: «Господин Чжан хорош, но губит любое дело, это опасный и низкий человек, а государь поверил в его дутую репутацию и назначил министром.||В будущем он непременно учинит беспорядки в Поднебесной!» Чжан Цзюнь узнал о словах Ли Кэюна и люто возненавидел его. В то время Хэ Ляньдо и Ли Куанвэй примкнули к Чжу Цюаньчжуну, и оба попросили наказать Ли Кэюна. Чжао-цзун приказал высшим сановникам собраться и обсудить положение. Сановники сочли невозможным направить войско в карательный поход против Ли Кэюна. Только двое — Чжан Цзюнь и Кун Вэй — упорно настаивали на походе. И тогда появился императорский указ, которым Ли Кэюн смещался со всех должностей и лишался всех титулов. Чжан Цзюнь представил *гэйшичжуна* Ню Хуэя на должность *синтай паньгуаня*. Ню Хуэй, узнав о повелении, вздохнул: «Помимо того что в стране во время траура вспыхнул мятеж, не нашли ничего другого, как устроить беспорядки на границе; вижу я, что они плохо кончат»[31]. Он сослался на болезнь и не выехал к месту службы. 54

Перед отъездом, в день высочайшего приема, Чжан Цзюнь хвастливо заявил государю: «Дайте вашему покорному слуге сначала справиться с заботами за пределами столицы, потом я избавлю вас от беды в столице». Он, конечно, имел в виду Ян

Фугуна. А Ян Фугун, услыхав об этом, устроил Чжан Цзюню в квартале Чанлэфань прощальный пир. Взяв кубок с вином, он предложил Чжан Цзюню осушить его.

Разве не сказано?

Друг мой, я вас приглашаю еще раз
чарку вина осушить:
Из Янгуаня на запад уйдете —
близких там нету людей.

Чжан Цзюнь от вина отказался. Тогда Ян Фугун с усмешкой спросил: «Вы взялись за оружие, чтоб воевать, зачем же пускать пыль в глаза?» — «Подождите,— ответил Чжан Цзюнь,— вот усмирю разбойника и вернусь, тогда покажу, как я пускаю пыль в глаза». Ян Фугун глубоко возненавидел его.

Восьмой месяц. Императорские войска подошли к Иньдигуаню. Чжу Цюаньчжун приказал доблестному полководцу Гэ Цунчжоу с тысячью конников из Хугуаня скрытно подойти к Лучжоу, прорвать кольцо окружения и войти в город.

Чжан Цзюнь приказал *чжаотаофуши* Сунь Кую отправиться в военный округ, и в восьмом месяце Сунь Куй выступил из Цзиньчжоу. Узнав, что должен подойти Сунь Куй, Ли Цуньсяо с тремястами конников устроил засаду в ущелье западнее Чанцзы. Он захватил Сунь Куя и императорского уполномоченного Хань Гуйфаня, посадил их в клетку, установленную на телеге, и отправил в ставку Ли Кэюна. Ли Кэюн предложил Сунь Кую пост помощника командующего в Хэдуне. «Я — сановник Сына Неба,— сказал Сунь Куй.— Я попал сюда, потерпев поражение в бою, потому с радостью приму смерть. Неужели я склоню голову и со смиренным сердцем пойду служить какому-то управителю военного округа?» Ли Кэюн очень рассердился и приказал отпилить голову Сунь Кую. Пила никак не шла. «Ах ты, ублюдок дохлой суки! — выругался Сунь Куй.— Не знаешь разве, что пилить людей надо, зажав между досками?» Тогда Сунь Куя приказали зажать в доски и распилили. Брань его не смолкала, пока не наступила смерть.

55 Девятый месяц. Чжу Цюаньчжун двинул‖к Цзэчжоу войско и осадил город. [Солдаты] громко кричали Ли Ханьчжи: «Господин министр Чжан держит в осаде Тайюань, Гэ-*пушэ* закрепился в Лучжоу, через десять дней и норы не останется, где бы шато могли укрыться. Неужели вы, господин министр, думаете удержаться?» Как раз в это время к Цзэчжоу привел свои отряды Ли Цуньсяо. Отобрав пятьсот конников, он объехал вокруг лагеря войск из Бянь, громко выкрикивая: «Я явился искать нору для шато! Хочу вашего мяса, чтоб насытить своих воинов. Кто там у вас пожирнее — выходите!» Доблестный полководец Дэн Цзиюнь вышел на бой и сразу же попал в плен к Ли Цуньсяо, отряд был наголову разбит. Ли Цуньсяо, продолжая наступление,

атаковал Лучжоу — Гэ Цунчжоу бросил город и под покровом ночи скрылся. Ли Кэюн назначил Кан Цзюньли наместником в Чжаои, а Ли Цуньсяо — гражданским правителем Фэньчжоу. Ли Цуньсяо, разгневанный тем, что не получил Чжаои, стал подумывать об измене.

Десятый месяц. Императорская армия ушла из Иньдигуаня. Ли Кэюн приказал Ли Цуньсяо с пятью тысячами пеших воинов укрепиться под Чжаочэном. Хань Цзянь с тремястами храбрецов ударил ночью по лагерю Ли Цуньсяо. Тут вступили в бой солдаты, которых Ли Цуньсяо держал в засаде, и отряд Хань Цзяня потерпел полное поражение. Продолжая наступление, Ли Цуньсяо подошел прямо к западным воротам Цзиньчжоу. Чжан Цзюнь на коне выехал на бой. Он потерпел поражение, вернулся в город и закрыл ворота, чтобы обороняться. Но тут Ли Цуньсяо во главе войска двинулся на Цзянчжоу и захватил город. Чжан Цзюнь и Хань Цзянь с легкой кавалерией обратились в бегство.

Ли Кэюн направил Хань Гуйфаня обратно ко двору с докладом, в котором жаловался на несправедливость. В докладе говорилось:

«Семья вашего покорного слуги Ли Кэюна на протяжении трех поколений пользовалась милостями четырех государей. Во время правления императора Сянь-цзуна мы разбили Пан Сюня; в царствование ныне покойного императора расправились с Хуан Чао; изгнали Сян-вана, сохранили И и Дин; и если ваше императорское величество носит сейчас на голове пожалованную Небом шапку, а на поясе печать из белой яшмы [32], то усилий вашего покорного слуги в это вложено много. Если вашему слуге ставится в вину поход на Юньчжоу, почему же не наказан Тоба Сыгун за захват Фу и Янь и Чжу Цюаньчжун за вторжение в Сюй и Юнь? Если там награждают, а здесь карают, может ли ваш покорный слуга не роптать? Сейчас, когда Чжан Цзюнь выступил в поход, ваш слуга никак не мог сидеть сложа руки в ожидании своего конца — уже собраны пятьдесят тысяч воинов, китайцев и инородцев, чтобы пойти прямо на Пу и Тун и биться с Чжан Цзюнем. Не одолею его — охотно смирюсь с лишением чинов и званий; в противном случае с легкой конницей буду взывать у ворот дворца [33], отвешивать земные поклоны красным ступеням [34], докладывая, что изменник приведен к трону и должен быть по закону наказан императором. После этого ваш слуга отдаст себя на суд и почтительно станет ждать топора палача.

В некоторый день десятого месяца первого года Да-шунь лишенный должностей и званий бывший старейшина шато Ли||Кэюн 56
доклад представил».

Ознакомившись с докладом Ли Кэюна, Чжао-цзун собрал двор на совет — не испугаться было нельзя. Как раз в это время войска Чжан Цзюня и Хань Цзяня потерпели поражение, Сунь Куй попал в плен, и сановники пребывали в сильной тревоге.

Первый месяц второго года Цянь-нин[35]. Ли Кэюн снова подал двору доклад. В докладе говорилось:

«Ваш покорный слуга видит, что под предлогом служения вашему, государь, делу, да живет оно вечно, Чжан Цзюнь постоянно добивается выгоды для себя. Зная, что между вашим покорным слугой и Чжу Вэнем глубокая вражда, он тайно объединился с ним. Сейчас ваш покорный слуга без службы и титулов, без всех своих званий — преступник и бездомный бродяга, который не смеет вернуться на границу и в безвыходном положении должен ютиться в Хэчжуне, почтительно ожидая вашего решения!»

Когда Чжао-цзун получил доклад Ли Кэюна, он понизил в должностях Чжан Цзюня и Кун Вэя и назначил их служить в отдаленные округа. Ли Кэюна восстановили в прежних чинах и званиях и разрешили вернуться к месту службы в Цзиньян.

Второй месяц. Чжан Цзюнь сбежал в Хуачжоу к Хань Цзяню, и вместе с Кун Вэем они тайно попросили Чжу Цюаньчжуна о помощи. Чжу Цюаньчжун представил двору доклад с жалобой на несправедливость. Императору ничего не оставалось: он боялся огня злобы Чжу Цюаньчжуна и поэтому поступил так, как тому было угодно. Ли Кэюну дополнительно была пожалована должность *чжуншулина*, а Чжан Цзюня понизили [в должности] — его назначили *сыху* в Сючжоу.

Когда-то Ли Цуньсяо, наместник округов Синчжоу, Минчжоу и Цычжоу, и Ли Цуньсинь стали приемными сыновьями Ли Кэюна. Ли Кэюн больше любил Ли Цуньсиня. Ли Цуньсяо решил как следует отличиться, чтобы завоевать расположение Ли Кэюна, но Ли Цуньсинь оговорил его. Испугавшись, что клевета навлечет беду, Ли Цуньсяо тайно заключил союз с Ван Жуном и Чжу Цюаньчжуном. Чжу Цюаньчжун доложил двору, что Ли Цуньсяо с подвластными ему округами Синчжоу, Минчжоу и Цычжоу добровольно перешел под власть императорского двора, и попросил пожаловать его бунчуком и биркой; еще он просил разрешения собрать объединенное войско округов и выступить в карательный поход против Ли Кэюна. Император издал указ о назначении Ли Цуньсяо командующим трех округов, но войско собирать не разрешил. Ли Кэюн осадил Синчжоу — он окружил город рвом и стеной, чтобы надежно держать его в своих руках. В Синчжоу кончилось продовольствие. Ли Цуньсяо вышел из города, явился к Ли Кэюну и, поклонившись до земли, признал свою вину. Ли
57 Кэюн приказал в клетке на телеге увезти его в Цзиньян и||там казнить перед присутствием — разорвать на куски, привязав к телегам.

Второй год Цянь-нин (895 г.). Ван Синъюе, Ли Цзипэн, Ван Синъюй и Ли Маочжэнь подняли мятеж. Император Чжао-цзун, спасаясь от бунтовщиков, переехал в Шимэньчжэнь.

Седьмой месяц. Ли Кэюн во главе стопятидесятитысячного

войска китайцев и инородцев выступил навстречу императору, чтобы помочь ему вернуться во дворец. Он стал лагерем у Хуачжоу и отправил своего сына Ли Цуньсюя в походную резиденцию государя, чтобы представить доклад и осведомиться о здоровье государя. Ли Цуньсюй, которому исполнилось всего одиннадцать лет, был послан просить императора торжественно вернуться в столицу. Чжао-цзуна поразил необычный облик мальчика. Он одарил Ли Цуньсюя кубком *цичи* [36], блюдом из драгоценного нефрита и, погладив ласково по спине, сказал: «Этот мальчик станет опорой государству и в будущем, конечно, сохранит верность моему дому. Он вызывает любовь и расположение». Сняв с себя яшмовый пояс, император пожаловал его Ли Цуньсюю. Ли Кэюн был назначен *чжаотаоши*, и государь повелел ему выступить в поход против Ван Синъюя.

Одиннадцатый месяц. Ван Синъюй с пятью тысячами латников закрепился в Лунцюаньсае. Ли Кэюн стремительно атаковал его, и Ван Синъюй отступил в Биньчжоу. Ли Кэюн пошел вперед и окружил Биньчжоу. Ван Синъюй поднялся на городскую стену и, рыдая, обратился к Ли Кэюну. «Я невиновен,— сказал он,— вынужденный переезд государя — дело рук Ли Маочжэня и Ли Цзипэна, я тут совершенно ни при чем. Прошу вас, переместите войска к Фэнсяну, за вину надо взыскивать там. Я хочу смиренно вернуться под власть императора, больше никогда я не заставлю великое войско обнажать клинки».— «Что это, господин Ван, вы стали так почтительны? — произнес в ответ Ли Кэюн.— Я получил императорский указ, повелевающий мне покарать трех мятежных подданных, и вы — один из них. Если вы сейчас и смиритесь перед государем, не мне решать вашу судьбу». Ван Синъюй понял, что наказания ему не миновать. Вместе с семьей он прорвался через окружение и скрылся. Ли Кэюн вошел в Биньчжоу, опечатал казначейство и успокоил население. Не прошло и двух дней, как Ван Синъюй был убит солдатами, и голову его доставили в ставку Ли Кэюна.

Двенадцатый месяц. Указом императора Ли Кэюну был пожалован титул Цзинь-вана; ему жаловались латы и доспехи для коня, лук и стрелы; боевой расшитый золотом халат и золотой пояс; меч, серебряная узда и боевой конь. Еще ему было пожаловано знамя, на котором император начертал слова: «До конца верный защитник страны Цзинь-ван Ли Кэюн» и которое приказано было всегда нести впереди при выступлении в поход.

Для изъявления благодарности Ли Кэюн направил ко двору своего секретаря Ли Сицзи с докладом. Текст доклада гласил:

‖«Ваш покорный слуга Ли Кэюн, опираясь на силу оружия 58
и могущество Неба, выступил в поход, дабы покарать трех мятежных подданных. Головы двух злодеев — Ли Цзипэна и Ван Синъюя — уже добыты, один только Ли Маочжэнь, [поднявший] [37] войско в Фэнсяне, еще скрывается от небесной кары. Ваш покор-

ный слуга несет ответственность за то, что окраинный округ не признает величия столицы, что императора принудили бежать и заставили тяжело страдать народ; смертью не искупить такое преступление, так смеет ли ваш слуга избежать наказания за нарушение службы? Ваше императорское величество, не посчитав своего слугу непригодным, издали указ о выступлении в карательный поход; государственный преступник еще не истреблен, а ничтожного удостоили милостивой награды. Покорный слуга желает приблизиться к светлому сиянию и доложить мудрейшему о том, что не воспользуется переброшенными войсками, он собственными силами выступит в карательный поход и полностью исправит ошибки своей плохой службы. Удовлетворится просьба вашего слуги, удостоюсь мудрейшего повеления, тогда в назначенный срок добуду победу, и не пройдет десяти дней, как голова Маочжэня будет положена к вашим стопам. Ожидаю решения.

В двенадцатом месяце второго года Цянь-нин покорный слуга Ли Кэюн доклад представил».

Чжао-цзун обратился за советом к своим приближенным и сановникам — он боялся, что после уничтожения Ли Маочжэня сила войск шато возрастет и императорская власть не сможет держать их в повиновении. Поэтому он пожаловал Ли Кэюна указом с похвалой за преданность. Указ гласил:

«Ознакомившись с представленным докладом, готов признать вашу преданность, весьма заслуживающую похвалы и восхищения. В выражении своей непокорности Ван Синъюй зашел слишком далеко, за что уже и понес наказание. Ли Маочжэнь и Хань Цзянь сами осознали свою вину и, понимая, что награждают по службе, умоляют о прощении. Кроме того, необходима передышка войску, нужен покой народу. Вы давно с войском, устали от тягот походной жизни, воины сильно утомлены — можете сейчас же возвращаться в военный округ, не представляясь при дворе. Если Ли Маочжэнь и остальные не раскаются в своем страшном злодействе, подумаем о новом походе. Посему [издан] настоящий указ, вам надлежит ознакомиться с ним».

Ли Кэюн получил указ и не посмел двинуться в новый поход. Он, конечно, устроил пир в честь императорского посла, привезшего указ, и, захмелев, сказал ему: «Насколько я понимаю направление мыслей двора, там подозревают меня в двуличии. Но пока Ли Маочжэнь не уничтожен, в Гуаньчжуне не будет спокойных дней. Я нахожусь так недалеко от дворца, как же мне не позволили увидеть лик государя?» Тут вперед выступил Гэ Юй, один из военачальников Ли Кэюна. «Государь так недавно вернулся во дворец, что и циновка под ним не успела нагреться. Сердца людей в тревоге, каждый неспокоен,— обратился он к Ли
59 Кэюну,— и, если вы с войском||переправитесь у Вэйцяо, в столице опять возникнет переполох. Ведь этот поход был предпринят только для того, чтобы помочь государю справиться с мятежни-

ками, а вовсе не ради приема у государя. А раз и указ повелевает не являться ко двору, так соберите лучше войско и возвращайтесь домой».— «И вы, командующий Гэ, тоже не хотите, чтобы я изъявил покорность двору? — смеясь, проговорил Ли Кэюн.— И это говорит житель Поднебесной!» Он приказал секретарю снова писать доклад государю:

«Ваш покорный слуга Ли Кэюн с почтением принял высочайший указ, повелевающий ему с войском возвратиться обратно во вверенный военный округ. Благоговею перед безгранично щедрым милосердием и сегодня же, как должно, выступаю в путь. Однако со всей недостойной преданностью позволю заметить, что, находясь от императора так близко — прямо рукой подать, я действительно желал узреть его ясное сияние и лично доложить о том, как истребить злодея и смыть позор.

В ответ на высокий указ, освобождающий меня от представления при дворе, имею честь направить доклад, дабы сердечно проститься. Почтительно прошу мудрого снисхождения.

В некоторый день двенадцатого месяца второго года Цянь-нин покорный слуга Ли Кэюн докладом выражает благодарность».

Во главе войска Ли Кэюн возвратился обратно в военный округ.

Раньше, когда Ли Кэюн стоял севернее реки Вэй, Ли Маочжэнь и Хань Цзянь в страхе перед его нападением начали выказывать императору почтение и непрерывно слали подарки, но стоило Ли Кэюну с войском уйти, как подношения постепенно сократились, и в докладах стали проскальзывать высокомерие и надменность.

Седьмой месяц третьего года [38]. Ли Маочжэнь пошел в наступление и приблизился к столице — император Чжао-цзун переехал в Хуачжоу.

Восьмой месяц. Хань Цзянь разослал по всем областям воззвание, призывая Поднебесную доставлять провиант во временную резиденцию императора. Услыхав о смуте, Ли Кэюн тяжело вздохнул: «Если бы в прошлом году послушались моего совета, разве сейчас случилась бы беда?» Он набрал по всем областям пешее и конное войско и выступил на помощь императору. Лю Жэньгун, командующий в Ючжоу, сославшись на набеги киданей, решил не посылать солдат. Ли Кэюн направил ему письмо, взывая к ответственности перед великим долгом. Лю Жэньгун швырнул письмо на землю, грубо выругался и посадил гонца Ли Кэюна в тюрьму. Ли Кэюн разгневался и выступил в поход против Лю Жэньгуна. Лю Жэньгун выслал против него Дань Кэцзи. В тот день стоял густой туман, вокруг ничего не было видно, люди перемешались, кони топтали друг друга. Дань Кэцзи потерпел поражение. Однако Ян Шикань спрятал у Мугуацзяни пеших и конных воинов, и, когда Ли Кэюн бросился вслед за Дань Кэцзи, на него со всех сторон ударили из засады. Конь Ли Кэюна осту-

пился, Ли Кэюн спешился, за узду потащил его в чащу леса и спрятался. Конь заржал. С тайной мольбой Ли Кэюн обратился
60 к нему: «Если мне на моем веку суждено владеть Тай‖юанью, перестань ржать». Ржание прекратилось. Мятежники не смогли найти Ли Кэюна, и он остался жив.

Когда наступил второй месяц второго года Тянь-фу[39] (902 г.), Чжу Цюаньчжун послал Ши Шуцуна и Чжу Юнина во главе трехсоттысячного войска атаковать лагерь Чжоу Дэвэя и Ли Сычжао. В то время лагерь войск Бяньляна растянулся *ли* на десять, а все силы Цзиньяна, пешие и конные, насчитывали всего около десяти тысяч человек. Снова и снова бросался в бой Чжоу Дэвэй, но одолеть противника не смог и побежденный отступил. Ши Шуцун и Чжу Юнин успешно продвигались вперед. Они прорвались в Хэдун, захватили Цычжоу, Фэньчжоу, Сичжоу, окружили Цзиньян и ударили по его западным воротам. Ли Кэюн созвал военачальников на совет — он думал уходить в Юньчжоу. Ли Цуньсинь предложил идти на север за помощью дада[40]. Ли Сычжао, Чжоу Дэвэй и Ли Сыюань сказали: «Мы и сами сумеем постоять здесь за себя. Великий ван, вы не должны осуществлять свой план. Не вызывайте колебаний в сердцах людей, это совсем ни к чему». Тут и госпожа Лю выступила вперед — остановить мужа. Ли Кэюн за несколько дней собрал остатки своего разбитого войска. Ли Сыюань и Ли Сычжао с добровольцами непрерывно совершали вылазки к лагерю Ши Шуцуна и Чжу Юнина и одержали несколько побед.

Чжу Цюаньчжун, находившийся в то время в Хэчжуне, увидел однажды ночью сон: как будто дрались они с Ли Кэюном, и Ли Кэюн свалил его на землю, а какая-то черная змея ужалила в голову. Боль от укуса пронзила все тело, и Чжу Цюаньчжун проснулся. Он понял, что сон этот не к добру, и, как только наступило утро, сразу же написал Ши Шуцуну и Чжу Юнину, чтобы они со всем войском выступали в обратный путь. В то время как раз произошло наводнение и начался мор. В войсках Бяньляна число убитых, раненых и умерших от болезней превысило половину. Когда отряды Чжу Юнина и других двинулись обратно, Ли Сычжао и Чжоу Дэвэй с конницей бросились вслед за ними и снова овладели тремя округами: Цычжоу, Сичжоу и Фэньчжоу. После этого Ли Кэюн и Чжу Цюаньчжун не воевали несколько лет.

Восьмой месяц второго года Тянь-фу[41]. Чжу Цюаньчжун убил Чжао-цзуна[42] и возвел на престол царевича Чжу[43].

Когда наступил десятый месяц третьего года Тянь-ю правления Чжао-сюань-ди (906 г.), Лю Жэньгун направил в Хэдун посла просить мира. Более ста раз ездил посол туда и обратно — Ли Кэюн, подозревая Лю Жэньгуна в притворстве и измене, сначала не пошел на мир. Тогда сын Ли Кэюна Ли Цуньсюй стал увещевать его: «Сейчас в Поднебесной в восьми-девяти слу-

чаях из десяти сила на стороне Чжу Вэня. Севернее Реки||только 61
Хэдун да Ю[чжоу] и Цан[чжоу] враждуют с ним. И если теперь мы не объединим с Лю Жэньгуном свои силы для общей борьбы, разве это пойдет на пользу Хэдуну? Герой, замысливший большое дело, не обращает внимания на мелкие обиды. Хотя Лю Жэньгун и ставил нас в трудное положение, но сейчас, дойдя до крайности, повернулся к нам. Кроме того, поддержать его в беде — это как раз и есть то, что Кун-цзы называл „добром воздать за обиду"». Ли Кэюн внял словам Ли Цуньсюя и дал согласие на мир с Лю Жэньгуном. Лю Жэньгун послал в Цзиньян тридцатитысячное войско.

Четвертый год Тянь-фу[44]. Лян-ван Чжу Цюаньчжун изменил имя на Хуан, провозгласил себя императором, а танскому императору дал титул Циинь-вана.

Первый месяц пятого года Тянь-ю (908 г.). Цзинь-ван Ли Кэюн тяжело заболел. Чжоу Дэвэй и другие военачальники со своими войсками стали лагерем в Луаньлю. Ли Кэюн давал последние наставления своему младшему брату Ли Кэнину: «У сына моего Ли Цуньсюя замыслы далекие, он непременно сумеет завершить мое дело и возвеличит наших предков. Ты и остальные хорошенько руководите им. Поручаю теперь Яцзы тебе, заботься и помогай ему». А Яцзы — это детское имя Ли Цуньсюя. И, глядя на Ли Цуньсюя, Ли Кэюн еще сказал: «Ли Сычжао давно страдает в осаде, мне не удастся и взглянуть на него. После похорон ты должен бросить все силы ему на помощь». Проговорив это, Ли Кэюн умер. Ли Цуньсюй не переставал горько оплакивать его. К нему вошел Ли Кэнин. «Военачальники желают представиться и принести поздравления,— сказал он.— Ведь сыновняя почтительность заключается в том, чтобы не дать погибнуть делу жизни отца, не следует так много плакать». Тогда Ли Цуньсюй вышел и воспреемствовал пост командующего. Ли Кэнин во главе военачальников принес поздравления, и Ли Цуньсюй передал в его ведение все военные дела.

Пятый месяц. Ли Сыань, давно осаждавший Лучжоу, все еще не мог взять город. Ли Сычжао упорно защищался, укрывшись за стенами; продовольствие у него было на исходе. Лян-ван направил к Ли Сычжао посла с предложением сдаться. Ли Сычжао сжег указ и казнил посла.

Государь Лян, подозревая, что смерть Ли Кэюна обман, отвел свои войска обратно в Далян. Цзинь-ван устроил генеральный смотр войск, назначил Дин Куая *дучжаотаоши* и приказал Чжоу Дэвэю, стоявшему в Цзиньяне, выступить к Лучжоу. Цзинь-ван из Шандана привел войско в Саньчуйган. «Это то место,— сказал он, вздохнув,— где пировал покойный ван». Здесь он и устроил засаду. На следующее утро все затянуло густым туманом, день на земле померк, войска, продвигавшиеся в тумане, подошли прямо к Цзясаю и разбили лагерь. Лянское войско спало спокойным

сном. Цзинь-ван приказал Ли Сычжао и Чжоу Дэвэю разделиться и действовать с двух направлений. Они засыпали ров, подожгли лагерь противника и с криками ворвались в него. Лянское войско потерпело сокрушительное поражение, погибло свыше сорока
62 военачальников,‖отряды отступали, бросив горы снаряжения, оружия и продовольствия. Чжоу Дэвэй, развивая наступление, атаковал Цзэчжоу. Лянский полководец Ню Цуньцзе повел отряд на помощь Цзэчжоу. Цзинь-ван с главными силами возвратился в Цзиньян, дал отдых войску и вручил награды.

Двенадцатый месяц седьмого года Тянь-ю (910 г.). Лянский Чжу Хуан выступил в поход, приблизился к Чжэньчжоу и стал лагерем в Босяне. Ван Жун из Чжао тотчас обратился за помощью к Цзинь. Цзинь-ван послал Ван Жуну пятитысячный отряд; сам он прибыл в Чжаочжоу и соединился с Чжоу Дэвэем. В руки к цзиньцам попали лянские сборщики хвороста. Когда их стали допрашивать, они сказали: «Лянский государь[45] предупредил старших военачальников: „Пусть в Чжэньчжоу стены будут хоть из железа, вы все равно должны взять его“». Цзинь-ван приказал [передать это] в Чжао, двинулся с войском вперед и разбил лагерь в тридцати *ли* от Босяна. Чжоу Дэвэя с конницей он направил к самому лянскому лагерю, и тот все время старался вызвать лянцев на бой. Лянское войско упорно отсиживалось за стенами лагеря и на бой не выходило. Чжоу Дэвэй обратился к Ли Цуньшоу. «Драться лянцы не хотят,— сказал он,— но посуетиться и побряцать оружием не прочь. Если с них не сбить спесь, как мы добьемся победы?» И крикнул своим солдатам: «Все войско Лян — это мясники и торгаши из Бяньчжоу. Хоть они и сверкают панцирями, но драться не хотят. Захватите каждый по одному из них живым — и этого хватит, чтобы разбогатеть».

Во главе тысячи с лишним отборных солдат Чжоу Дэвэй вступил в бой, преследуя противника, дошел до реки Ехэ и там остановился.

Цзинь-ван лежал в шатре. Чжоу Дэвэй отправился с визитом к Чжан Чэнъе и сказал ему: «Да-ван рвется к победе, но недооценивает противника. Сейчас до лагеря разбойников недалеко, только река разделяет нас, и, если они наведут мост и насядут на меня, моим воинам придется туго. Не лучше ли отойти к Гаои и выманить разбойников из лагеря? Они выйдут на бой, я вернусь в свой лагерь; они станут уходить в лагерь, я дам им бой да еще пошлю легкую конницу отбить обозы. Месяца не пройдет — разбойники непременно будут разбиты». Чжан Чэнъе вошел в спальное помещение шатра, раздвинул полог и осторожно коснулся Цзинь-вана: «Разве теперь время вану нежиться в постели? За валом сильный враг!» Как раз в это время сдавшиеся в плен лянские солдаты сообщили: «Лянцы собираются наводить плавучий мост». Вышло так, как предполагал Чжоу Дэвэй. В тот же

день лагерь был свернут и цзиньское войско отошло оборонять Гаои.

Когда наступил одиннадцатый месяц десятого года Тянь-ю (913 г.), округа Лулун, Ю и Цан снова перешли под власть Цзинь. Лю Шоугуан попросил Цзинь принять его капитуляцию, но получил отказ, так как Лю Шоугуана подозревали в неискренности.‖Он обратился за помощью к киданям. Кидани, зная его 63
неверность, помощи не послали. Перед самым приходом главных сил Цзинь-вана Лю Шоугуан поднялся на городскую стену и сказал Чжоу Дэвэю: «Дождусь прихода Цзинь-вана, тогда открою ворота, поклонюсь до земли и выслушаю его волю». И вот Цзинь-ван один подъехал верхом к городской стене: «Когда Чжу Вэнь предательски захватил трон, я [хотел] [46] объединить с вами силы Хэшо, чтобы восстановить на престоле династию Тан. Но вы вынашивали недобрые планы и по примеру Чжу Вэня, как бешеный, старались урвать что-нибудь себе. Командующие Чжэнь и Дин покорно служили вам как главе союза, но вы не пожелали поддержать их, потому теперь вы и попали в беду. Когда настоящий муж берется за дело, он должен предвидеть, каков будет исход, а к чему сегодня вы пришли?» — «Сегодня Лю Шоугуан — мясо на жертвенном столе великого вана,— ответил Лю Шоугуан,— и великому вану решать мою судьбу!» Ван сжалился над ним и, переломив в знак клятвы стрелу, сказал: «Выйдешь из города и явишься ко мне представиться, я тебе вреда не причиню». В ту же ночь любимый военачальник Лю Шоугуана Ли Сяоси спустился по веревкам с городской стены и сдался в плен. При этом он сообщил, что сил в городе нет и продовольствие кончилось. Цзинь-ван быстро поднял войско, ударил со всех сторон по городу и взял в плен Лю Жэньгуна. Когда Цзинь-ван вступил в Ючжоу, Лю Шоугуан сбежал из города с женой и детьми. Цзинь-ван назначил Чжоу Дэвэя командующим в Лулун, а Ли Сыюаня — в Чжэнъу.

А теперь расскажем о том, что, когда Лю Шоугуан, пытаясь скрыться, бросился бежать к Цанчжоу, он заблудился и сбился с пути. Его поймали и доставили в ставку Цзинь-вана. Цзинь-ван наградил войска и с главными силами выступил из города. Лю Жэньгуна и Лю Шоугуана — отца с сыном — он поместил в клетки, установленные на телегах, написал победную реляцию и укрепил ее на знамени. В реляции сообщалось:

«Лю Жэньгун и его сын, преисполненные злобы, сеяли раздоры. Примкнув к мятежникам, они ниспровергли алтарь предков великой Тан и замучили жестокостью всех живущих; то смиряясь, то снова восставая, своим вероломством они причинили столько зла, что простой народ отвратил от них сердца, а мужи долга в гневе сжали зубы. Когда сил у них не стало, они послушно сложили руки и тут же сдались. Но если они избежали кары небесной, пусть не минует их суд людской. Под стражей отправ-

ляются они в клетках к храму покойного императора[47], дабы выслушать там решение по своему делу». Лю Жэньгуна с сыном поместили под знаменем с реляцией, и объединенное войско, распевая победные песни, двинулось к Цзиньяну.

Вот уж можно сказать:

Кони ступают —
звенят стремена золотые;
Воины к дому
с песней идут боевою.

64 ||Цзинь-ван доставил Лю Жэньгуна с сыном к храму покойного Цзинь-вана. Лю Шоугуана связали и перед храмом обезглавили. Когда подошло время казни, Лю Шоугуан громко крикнул: «Это Ли Сяоси посоветовал мне не сдаваться!» Ли Сяоси вышел вперед, с ненавистью глядя на Лю Шоугуана: «А вести себя по-скотски — путаться дома с отцовскими наложницами и развратничать с женами младших братьев, этими делишками тоже я тебе посоветовал заниматься?» — стал он поносить Лю Шоугуана. Цзинь-ван возмутился — ведь Ли Сяоси в лицо обругал своего господина, что считалось непочтительным, и приказал сначала зарубить Ли Сяоси; потом казнили и Лю Шоугуана. На Лю Жэньгуна надели колодки и отправили в Дайчжоу. Там ему разрезали грудь, вынули сердце и выпустили кровь — принесли жертву могиле покойного вана. После жертвоприношения тело Лю Жэньгуна доставили в ставку и обезглавили.

Одиннадцатый год Тянь-ю (914 г.). Чжаоский Ван Жун и Ван Чу-чжи, каждый в отдельности, направили послов к Цзинь-вану с предложением занять пост *шаншулина*. Цзинь-ван трижды отказывался, но потом принял предложение, учредил *синтай*, открыл присутствие и установил ранги и должности для чиновников, как это было во времена, когда танский Тай-цзун стал *шаншулином*.

Двенадцатый год Тянь-ю (915 г.). Командующий лянским военным округом Тяньсюн Ян Шихоу, кичась своими заслугами, создал отряд под названием «Серебряные пики на службе командующего», насчитывавший около тысячи человек. Он мечтал возродить величие прежних свирепых стражей командующего. Теперь Ян Шихоу умер. Государь Лян назначил Хэ Дэлуня командующим в Тяньсюн и разделил входившие туда шесть округов на два военных округа. Опасаясь, однако, что вэйцы не подчинятся приказу, лянский государь сначала приказал Лю Синю с шестидесятитысячным войском переправиться через Реку, чтобы такой устрашающей силой заставить людей покориться. Воины родом из Вэйчжоу переселяться не захотели, в войске начались беспорядки, солдаты подожгли лагерь и бросились грабить население. На следующее утро они ворвались в присутствие командующего и заставили Хэ Дэлуня переместиться в башню. Чжан Янь —

командир отряда Серебряных пик — сам возглавил своих подчиненных, и они с обнаженными мечами в руках остановили вояк-грабителей. Лян-ван направил *гунфэнгуаня* Ху И в гарнизон Вэйчжоу с ласковым указом и назначил Чжан Яня гражданским правителем города. Чжан Янь захотел вернуть обратно три отторгнутых округа. Государь Лян просьбу не удовлетворил и еще раз направил в ставку Чжан Яня посла с повелением. Чжан Янь в клочья разорвал указ, швырнул его на землю и, гневно тыча пальцами на юг[48], принялся поносить перед Хэ Дэлунем императора. «Сын Неба — невежда и дурак, которому люди, как скотине, продели кольцо в нос. И это называется император!» Он так насел на Хэ Дэлуня, что сильно поколебал его — тот не сумел подчиниться приказу‖и обратился к Цзинь-вану с письмом о помощи. 65
Подозревая, что бунт в Вэй — ловушка, Цзинь-ван не согласился вести туда войска. Тогда Хэ Дэлунь послал Цзинь-вану с *паньгуанем* Сы Тином двести тысяч связок монет для награждения войск и тайно передал ему: «Чжан Янь жесток и хитер, справиться с ним трудно. Когда прибудут главные силы Цзинь-вана, прежде всего надо уничтожить этого злодея». Цзинь-ван выступил в поход и стал лагерем в Юнцисяни. Чжан Янь, отобрав для своей охраны пятьсот человек из отряда Серебряных пик, явился к нему на прием. Цзинь-ван поднялся на верхний ярус почтовой станции и обрушился с бранью на Чжан Яня: «Ты в своей гордыне стал бунтовщиком, ты осмелился угрожать старшему военачальнику, ты мучил простой народ. Я прибыл сюда с войском только для того, чтобы защитить и успокоить людей, а вовсе не ради захвата земель. Хоть у тебя и есть предо мной заслуги, я все-таки должен наказать тебя в отмщение за простых людей Вэйчжоу». Чжан Яня и семерых его приближенных схватили и казнили перед строем войск. Остальные дрожали от страха. Цзинь-ван призвал их к себе. «В злодейском преступлении повинны только восемь человек,— сказал он,— остальные могут быть спокойны, с вас не взыщу. Вы должны стать моими когтями и клыками и вместе со мною добиваться заслуг и славы». Солдаты прокричали здравицы в честь Цзинь-вана и поклонились ему. На следующее утро Цзинь-ван приказал отряду Серебряных пик облачиться в панцири и с оружием в руках выступить следом за конницей — все сомнения исчезли, и в отряде успокоились.

Лян-ван, узнав, что подходит цзиньское войско, отступил и расквартировался в Янлючэне.

Шестой месяц. Цзинь-ван с главными силами вступил в Вэйчжоу. Хэ Дэлунь явился к нему, чтобы вручить печать и бирку. «Я с войском проделал дальний поход для того, чтобы принести мир и покой простому народу,— сказал Цзинь-ван,— а не потому, что хотел расширить владения и получить полномочия на управление». Тогда Хэ Дэлунь поклонился еще раз и, опустившись на колени, произнес: «Лянский грабитель сейчас рядом, в сердцах

людей неуверенность. Смогу ли я один, слабый и бессильный, держать в повиновении войско? Случись что-нибудь, не оказаться бы мне неблагодарным за ваши милости». Цзинь-ван принял печать и бирку. Хэ Дэлунь во главе военачальников принес ему поздравления. Цзинь-ван издал приказ о назначении Хэ Дэлуня командующим в Датун.

В то время отряд Серебряных пик по-прежнему держался заносчиво и своевольно — все еще не могли образумиться. Цзинь-ван назначил тогда Ли Цуньцзиня *дусюньаньши* в Тяньсюне и приказал: «Всех, кто распространяет в войсках ложные слухи и тем сбивает с толку людей, а также грабителей, отнимающих у простых людей последнюю копейку, доставлять в ставку и головы их на шестах выставлять на базарной площади». Благодаря этой мере в городе стало тихо, и никто больше не осмеливался нарушать порядок.

Седьмой месяц. [Однажды], когда стемнело, цзиньское войско, свернув знамена и заглушив барабаны (каждому солдату было приказано держать палочку во рту [49]), двинулось в поход и ударило по Шаньчжоу. Как раз в это время гражданский правитель города Ван Яньчжан находился в лагере Лю Синя, и цзиньцы
66 взяли в плен его жену и детей.‖Цзинь-ван очень хорошо обошелся с ними и отправил к Ван Яньчжану посла, чтобы переманить его на сторону Цзинь. Ван Яньчжан рассердился: «После человека остается имя, после леопарда — шкура. Разве благородный муж позволит себе ответить неблагодарностью на милость? Для меня образец — ханьский полководец Ван Лин [50], так стану ли я думать о семье?» Он тут же приказал казнить посла, показав этим, что переходить к Цзинь не собирается. Тогда цзиньцы казнили всю его семью — более двадцати человек.

Рассказывают, что этот самый Ван Лин жил во времена ханьского Гао-цзу и был родом из Пэй. Он собрал в Наньяне вокруг себя единомышленников и перешел вместе с ними на сторону Хань. Чуский ван [51] захватил мать Ван Лина и принял ее как почетного гостя, усадив лицом на восток,— он добивался, чтобы Ван Лин обратил свои помыслы к Чу. Мать Ван Лина сказала послу, прибывшему от сына: «Я слыхала, что ханьский ван достойный человек и в конце концов Поднебесная будет его. Скажи Лину, что ради меня не надо быть двоедушным». После этого она бросилась на меч и умерла. Те же чувства владели и Ван Яньчжаном; так мог ли он пожалеть свою семью!

Теперь расскажем о том, что Цзинь-ван, наградив в Вэйсяне войско, с сотней конников двинулся вверх по берегу Реки, чтобы самому посмотреть на лагерь Лю Синя. В это время небо потемнело, полил дождь все исчезло в пыли и тумане. У Лю Синя в излучине Реки было укрыто пять тысяч воинов, с криками выскочили они из засады и в несколько рядов окружили Цзинь-вана. Цзинь-ван вздыбил коня и так рявкнул, что привел всех

в смятение — ни один вражеский солдат не посмел вступить с ним в бой. *Бицзян* Ся Луци пустил в ход короткое копье и дрался не на жизнь, а на смерть. С одиннадцати утра до пяти часов дня длился бой. Наконец, прорвав все ряды окружения, цзиньцы ушли, потеряв убитыми одного только всадника. Цзинь-ван, довольный отвагой Ся Луци, пожаловал ему фамилию и имя — тот стал прозываться Ли Шаоци — и повысил его в чине.

Когда у Лю Синя с засадой на Цзинь-вана ничего не вышло, он начал размышлять: лучшие силы Цзинь находятся в Вэйчжоу и, конечно, в Цзиньяне недостаточно войск, чтобы защитить город; нужно скрытно двинуться и ударить по Цзиньяну. И он повел войско из Хуанцзэ на запад.

Недоумевая, почему Лю Синь несколько дней не выходит на бой, Цзинь-ван выслал к его лагерю конную разведку, которая сообщила, что за стенами лагеря видны движущиеся знамена. «У Лю Синя за каждым шагом — сто расчетов»,— сказал Цзинь-ван и снова послал разведку. Оказалось, что Лю Синь понаделал из соломы чучела, вставил им в руки знамена, привязал чучела к спинам ослов, связанных в цепочку и пустил их вдоль стены. Узнав про эту хитрость, Цзинь-ван рассчитал, что Лю Синь с войском мог дойти только до подножия гор, и срочно направил вслед ему конницу. В то время шли сильные дожди, грязь стояла глубиной на два-три *чи*, и из каждых десяти солдат двое-трое гибли, срываясь в пропасть. Ли Сыэнь получил от Цзинь-вана приказ днем и ночью мчаться к Цзиньяну и по прибытии 67
взять на себя командование обороной города. Конница Лю Синя проделала далекий путь, продовольствие и фураж кончились; к тому же стало известно, что гарнизон Цзиньяна наготове, что сзади их настигает погоня. Когда Чжоу Дэвэю сообщили, что Лю Синь с войском на западе, он с тысячным отрядом конницы выступил из Ючжоу и подошел к Тумэню. Лю Синь со всем войском спустился с гор и разбил лагерь у Цзунчэна. В походе погибло более половины его солдат и коней. Теперь он собирался закрепиться в Линьцине и отрезать путь подвоза провианта цзиньскому войску. Тогда Чжоу Дэвэй немедля выступил в путь и подошел к Наньгуну. Он приказал перебить в локтях руки захваченным лазутчикам Лю Синя и отправил их обратно, велев передать Лю Синю: «Чжоу-*шичжун* закрепится в Линьцине раньше». На следующее утро, мимоходом атаковав лагерь Лю Синя, Чжоу Дэвэй укрепился в Линьцине. Лю Синь увел войско к Шэньсяню, разбил там лагерь и для надежности окружил его рвами. Цзинь-ван расположился в тридцати *ли* западнее Шэньсяня. Каждый день происходило по нескольку стычек. Продовольствие к Лю Синю поступало нерегулярно. Цзиньские отряды непрерывно навязывали ему бои. Государь Лян издал указ, выговаривая Лю Синю за то, что он слишком бережет свой покой и избегает сражения.

Восьмой месяц. Лю Синь с более чем десятитысячным пешим и конным войском двинулся вперед и стал угрожать лагерю войск Чжэнь и Дин. Тогда цзиньский Ли Цуньшэнь с двумя тысячами конницы напал на него. Лю Синь потерпел поражение и отступил. Цзиньское войско, захватив более тысячи пленных, вернулось обратно.

Тринадцатый год Тянь-ю (916 г.). Лю Синь во главе большого войска напал на цзиньский город Вэйчжоу. Он надежно укрылся за стенами лагеря и на бой не выходил. Цзинь-ван оставил Ли Цуньшэня охранять лагерь и отправился в Бэйчжоу, чтобы лично наградить войска за доблесть. Он объявил, что поведет свои силы обратно в Цзиньян. Когда Лю Синь услыхал об этом, он довел все до сведения государя Лян и попросил разрешения ударить по Вэйчжоу. Государь Лян указом повелел гражданскому правителю Шаньчжоу Ян Яньчжи с десятью тысячами воинов прибыть к Вэйчжоу на соединение с Лю Синем. На следующий день Лю Синь полностью вывел свое войско из лагеря и объединился с Ян Яньчжи. Ли Сыюань вступил в бой. Сам Цзинь-ван с главными силами прибыл из Бэйчжоу. Ли Цуньшэнь вывел из лагеря конницу и двинулся следом за Цзинь-ваном. Едва увидев их, Лю Синь перепугался, свернул войско и обратился в бегство. Цзинь-ван по пятам преследовал его. Когда дошли до древнего Юаньчэна, Цзинь-ван занял квадратную позицию на северо-западе; Ли Цуньшэнь расположил свои войска тоже в квадрат на юго-востоке. Лю Синь построил войско в круговую позицию в центре — со всех четырех сторон у него были враги. Бой не затянулся. Лянское войско потерпело сокрушительное поражение — из семидесяти с лишним тысяч пеших воинов почти все были перебиты. Лю Синь вырвался из окружения
68 и, переправившись через Реку, отошел защищать‖Хуачжоу.

Ван Тань, командующий лянским округом Куанго, представил Лян-вану доклад с просьбой разрешить ему поднять войска, стоящие западнее Реки, и ударить по Цзиньяну. Совсем неожиданно он появился у стен Цзиньяна и днем и ночью стал атаковать город. Один заслуженный дайбэйский военачальник по фамилии Ань, по имени Цзиньцюань, прибывший из Тайюани, явился с визитом к Чжан Чэнъе. «Цзиньян — это оплот страны,— сказал он.— Потерять Цзиньян — значит погубить великое дело. Хоть я годами и стар, но сразиться не прочь. Прошу выдать из арсенала доспехи, я прогоню лянских разбойников». Чжан Чэнъе тут же открыл арсенал и позволил полководцу выбрать подходящие доспехи. Ань Цзиньцюань с отрядом своих охранников, насчитывающих около сотни человек, ночью вышел из города и ударил по лянскому войску. Напуганные лянцы отступили и разбили лагерь в пятидесяти *ли* от городских стен. Ли Сыюань[52] направил на помощь Цзиньяну пятьсот конников под командованием *яцзяна* Ши Цзюньли. Утром они выступили из Шандана и вечером уже

были у стен Цзиньяна. «Пришло великое войско Чжаои-*шичжу-на*!» — громовым голосом прокричал Ши Цзюньли и вошел в город. Через некоторое время они с Ань Цзиньцюанем выступили из города и одновременно ударили по лянскому войску с разных направлений.

Четырнадцатый год Тянь-ю (917 г.). Киданьский Абаоцзи провозгласил себя императором, для подданных он стал Небесным владыкой. Его супруга, госпожа Шулюй, была объявлена императрицей. Когда Цзинь-ван управлял Хэбэем, то, желая заручиться поддержкой киданей, он обращался к Абаоцзи, как к дядюшке, а к императрице Шулюй, как к тетке. И вот случилось так, что младший брат Цзинь-вана Ли Цуньцзюй, занимавший пост *фанъюйши* в округе Вэйсайцзюнь, стал своевольничать в Синьчжоу, перестал заниматься делами, и слуги его начали вмешиваться в вопросы управления. *Бицзян* Лу Вэньцзинь и *сяоцзяо* Гун Яньчжан договорились со своими солдатами, убили Ли Цуньцзюя и бежали к киданям. Лу Вэньцзинь повел киданей в поход на Синьчжоу и стремительно атаковал город. Гражданский правитель Синьчжоу Ань Цзиньцюань бросил город и сбежал. Чжоу Дэвэй, объединив силы Хэдуна, Чжэнь и Дин, напал на Лу Вэньцзиня. Тогда во главе трехсоттысячного войска на помощь прибыл сам Абаоцзи. Наголову разбитый Чжоу Дэвэй бежал обратно. Кидани продолжали наступать и окружили Ючжоу. Лу Вэньцзинь подбивал киданей взять город приступом. Чжоу Дэвэй отправил гонца просить срочной помощи. Цзинь-ван созвал военачальников на совет. Ли Сыюань, Ли Цуньшэнь и Янь Бао убеждали Цзинь-вана помочь Ючжоу. Цзинь-ван обрадовался. «Когда-то Тай-цзун с одним только Ли Цзином захватил Сели [53],— сказал он.— У меня сейчас трое храбрейших военачальников, так чего мне бояться киданей?» В тот же день он приказал Ли Сыюаню выступить вперед, а Янь Бао и Ли Цуньшэню с силами Чжэнь и Дин двинуться вслед. К этому времени Ючжоу находился в осаде уже более трехсот дней, и положение в городе было крайне тяжелым. Ли Сыюань стал во главе семидесятитысячного пешего и конного войска, соединившегося под И‖чжоу. Ли Цуньшэнь сказал: «У противника войск много, у нас 69
мало; у киданей больше конницы, у нас — пехоты. Если мы встретимся на просторах равнины, кидани десятью тысячами конников сомнут наши ряды, пешее войско будет рассеяно и уничтожено».— «Кидани не имеют обоза, а у нас всегда с собою провиант,— сказал Ли Сыюань.— Если мы встретимся на просторах равнины, кидани разграбят наш запас, и мы пропадем без боя. Не лучше ли через горы скрытно двигаться вперед к Ючжоу? Случись в пути повстречать киданей, закрепимся в труднодоступном месте и дадим отпор». После того как план действий был согласован, три тысячи конников и отряд Ли Цункэ выступили в авангарде. Не доходя шестидесяти *ли* до Ючжоу, они разбили лагерь и

двинулись к горному проходу. Десятитысячная конница киданей загородила им путь вперед — военачальники и воины от страха изменились в лице. Ли Сыюань, прихватив с сотню конников, первым выехал из строя. Сняв шлем и взмахнув плетью, он начал перебранку с киданями на их языке: «Ты без какого-либо повода напал на наши пограничные укрепления, и Цзинь-ван послал меня со своим бесчисленным войском прямо на Силоу, чтобы истребить все твое племя». Пустив коня резким ударом плети, он трижды врезался в строй киданей и зарубил [одного] [54] *цючжана*. Отряды, стоявшие позади, бросились за ним. Кидани отступили, все цзиньское войско сумело пройти. Ли Цуньшэнь приказал солдатам нарубить деревьев и сделать каждому по рогатине, чтобы на ночлеге составлять из них заграждение. И когда перед этим заграждением появилась конница киданей, находившиеся внутри выстрелили из десяти тысяч арбалетов — раненые, трупы людей и коней завалили дорогу. Ли Сыюань и остальные вступили в Ючжоу, привели в порядок городские стены и приготовились к обороне.

Цзинь-ван провел в походах несколько лет, и дела управления военной казной он возложил на инспектора войск Чжан Чэнъе. Когда Цзинь-вану требовались деньги на игру или на подарки актерам, Чжан Чэнъе скупился и денег не давал. [Однажды] Цзинь-ван приказал своему сыну Цзицзи станцевать для Чжан Чэнъе. Чжан Чэнъе подарил Цзицзи пояс и коня. Цзинь-ван показал на груды монет [55] и произнес: «У меня нет денег на расходы, могли бы дать мне одну из них».— «Все те шелка, государь, которые вы наматываете на голову, я оплачиваю из своего жалованья,— ответил Чжан Чэнъе. (А „наматывать шелк на голову" — это то, что теперь называется делать подарки.) — Эти деньги,— продолжал Чжан Чэнъе,— великий ван оставил на содержание войска. Я не смею тратить их на что попало». Цзинь-ван рассердился и грубо обругал Чжан Чэнъе. Чжан Чэнъе изменился в лице. «Ваш слуга,— произнес он,— получил повеление беречь казну, чтобы помочь вам стать первым среди всех. Если вы не жалеете деньги, так берите их, что за необходимость спра-
70 шивать у меня, старого, об этом? Боюсь только,‖что кончится богатство — люди разбегутся, и тогда вы ничего не достигнете». Ван взглядом приказал Ли Шаожуну приготовить меч. Чжан Чэнъе поднялся и, ухватив вана за платье, сказал: «Я, старый раб, получивший от покойного вана наказ, поклялся накопить стране богатство и обучить войска, чтобы покарать разбойника из Бянь. Если за заботу о казенном добре вы, великий ван, убьете меня, то, встретив покойного вана на том свете, я без стыда посмотрю ему в глаза». Госпожа Цао, услыхав о том, что произошло, немедленно пригласила к себе Цзинь-вана. Когда он явился в ее дворец, она направила к Чжан Чэнъе человека с извинениями. «Сын непослушанием обидел *тецзиня*,— велела пере-

дать она,— и за это наказан уже плетьми». «*Тецзинь*» — название должности при [дворе] Цзинь-[вана]. На следующий день госпожа Цао вдвоем с Цзинь-ваном прибыли в дом Чжан Чэнъе с извинением за совершенный проступок, а затем последовал приказ о назначении Чжан Чэнъе *шанцзянцзюнем* левой гвардии, *кайфуитунсаньсы* и о пожаловании ему титула Яньго-гуна. Чжан Чэнъе решительно отказался от всего, приказа не принял и до конца своих дней называл себя только старыми танскими званиями.

Лу Чжи слыл большим любителем вина, пренебрежительно и заносчиво держался с людьми, и Цзинь-ван с большой неприязнью относился к нему. Воспользовавшись как-то моментом, Чжан Чэнъе между делом сказал Цзинь-вану: «Лу Чжи совершенно не соблюдает правил поведения, прошу разрешения убрать его».— «Я приглашаю только достойных людей, вместе с которыми смогу завершить наше дело,— ответил Цзинь-ван.— Как вы, Седьмой брат [56], могли произнести такое?» Чжан Чэнъе встал и поздравил Цзинь-вана. «Раз у вас такие мысли,— сказал он,— нечего волноваться, что около вас не будет достойных, талантливых людей, и нечего беспокоиться, что вы не получите Поднебесную!»

Одиннадцатый месяц. Цзинь-ван услыхал, что Река стала, и очень обрадовался. «Сколько лет вожу я войска,— сказал он,— и только вода была мне единственной преградой, которая не давала возможности переправиться через Реку. Сейчас Река стала точно так же, как замерзла когда-то Хутохэ во времена ханьского Гуан-у [57]. Уж не само ли Небо посылает мне случай возродить величие императорского дома?»

А речь здесь вот о чем: когда ханьский Гуан-у устремился на юг, то, как рассказывает предание, войско Ван Лана [58] оказалось у него в тылу. Страх объял воинов Гуан-у. На подходе к Хутохэ один дозорный, вернувшись с реки, сообщил: «Вода в реке бурлит, нечего и думать переправляться без лодок». Приближенные [Гуан-у] встревожились. Гуан-у велел Ван Ба скакать к реке на разведку. Ван Ба, опасаясь брожения в войске, доложил, что река замерзла и переправиться можно. «Вот видите, дозорный наболтал чепуху»,— смеясь, сказал Гуан-у. И когда они подошли к реке, она на самом деле оказалась скована льдом. Все войско Гуан-у переправилось через Хутохэ, и только несколько всадников не перешли реку — под ними треснул лед. Ван Ба повинился. «Ваша светлость, вы постигли добродетель и приобрели поддержку добрых духов. Даже знамение белой рыбы У-вану [59] не может сравниться с этим».— «Ван Ба учел обстоятельства, поэтому и справился с делом,— сказал Гуан-у своим приближенным.— Это тоже благоволение Неба». Когда Цзинь-ван услыхал, что река замерзла, он для сравнения и привел этот пример.

С главными силами Цзинь-ван тут же поспешил к Вэйчжоу. 71

Три тысячи лянских латников расположились в Янлючэне. Вдоль городской стены на десять с лишним *ли* тянулись лагерные заграждения. Цзинь-ван напал на Янлючэн и захватил город.

Государь Лян только дал согласие на проведение обряда южного предместья [60], как пришло известие, что Янлючэн пал. В войске распространились слухи, что цзиньские отряды уже вошли в Далян. Лян-ван испугался, отменил жертвоприношение и бросился обратно в Далян.

Первый месяц пятнадцатого года Тянь-ю (918 г.). Первый министр лянского двора Цзин Сян обратился к Лян-вану: «С тех пор как Ли Яцзы воспринял пост своего отца, он всегда лично участвует в сражениях и штурмах. Недавно, во время атаки Янлючэна, он на себе таскал связки хвороста и шел впереди своих воинов. Нигде нет ему достойного соперника. Если вы, ваше величество, и впредь будете предаваться праздности, владения ваши станут с каждым днем сокращаться, и я позволю себе заметить, что ваше величество не будет противником для Ли Яцзы». Лянский государь ответил Цзин Сяну гневным взглядом и не внял увещеванию. Из Лян направили Се Яньцзюня [61] отбить Янлючэн. Се Яньцзюнь, чтобы преградить путь цзиньскому войску, разобрал на Реке плотину. Цзинь-ван сказал Чжоу Дэвэю: «Лянцы с самого начала не проявляют желания драться и решили водной преградой измотать мне войско. Нужно перейти Реку вброд и атаковать их». Цзинь-ван на себе носил хворост, чтобы запрудить Реку. Воины объединенного войска, приподняв панцири, с копьями наперевес пошли в наступление. Сходились несколько раз, лянцы потерпели поражение и отступили. Убитые тонули, вода в Реке стала красной.

Восьмой месяц. Цзинь-ван задумал большой карательный поход на Лян. Чжоу Дэвэй во главе тридцатитысячного пешего и конного войска из Ючжоу, Ли Цунсюнь, Ли Сыюань, Ван Чучжи с двадцатью тысячами конницы у каждого, си, кидани, тугухуни и другие племена, силы Хэдуна и Вэйбо — все соединились под Вэйчжоу и разбили лагерь у Мацзяду. Цзинь-ван решил лично вести десятитысячную конницу прямо на Далян. «Лянское войско еще существует,— принялся увещевать его Чжоу Дэвэй,— вызывать их на сражение легкомысленно, удачи нам не добиться. Вам с войсками не надо трогаться с места. Я с конницей сам стану совершать набеги на врагов [62], чтобы не давать им передышки. Когда лянцы измотаются, мы одним махом сумеем уничтожить их».— «Уж не трусите ли вы?» — сказал ван и тут же со своим личным войском первым вышел на бой. Чжоу Дэвэю пришлось последовать за ним. Позиция лянского военачальника Хэ Гуя растянулась на десять с лишним *ли*. Цзинь-ван с отрядом Серебряных пик атаковал строй противника и прорвался вперед *ли* на десять. *Дучжихуэйши* конного войска Ван Яньчжан потерпел поражение и отошел к Пуяну. Чжоу Дэвэй

бросился за ним, но был убит лянскими солдатами. Цзинь-ван поднялся на поросший полынью холм и собрал остатки своего войска. За городской стеной находилась высота,||на которой хо- 72
тел закрепиться Хэ Гуй. Цзинь-ван объявил своим военачальникам: «Сегодня победит тот, кто овладеет этой высотой!» Во главе конного отряда он первым пошел на нее. Ли Цункэ и Ван Цзяньцзи с пешим войском последовали за ним — высота была взята. Все в войске хотели приостановить сражение и вернуться в лагерь, чтобы продолжать бой на следующий день. Только Янь Бао и Ли Сычжао [63] возразили: «Нужно воспользоваться тем, что к вечеру лянские войска отойдут, и перейти в наступление». Ван Цзяньцзи, облаченный в панцирь, с боевой секирой на боку, выступил вперед. «Вам следует только подняться на высоту и вы увидите, как я разобью разбойников»,— сказал он Цзинь-вану. Ли Сычжао и Ван Цзяньцзи повели конницу и с громкими криками опрокинули ряды врагов. Объединенное войско последовало за ними — лянцы потерпели сокрушительное поражение, убитых и пленных насчитывалось более тридцати тысяч. Остатки разгромленного лянского войска вернулись в Далян. «Подходят силы Цзинь!» — объявили они. Лянский государь выгнал на стены горожан, а сам решил бежать в Лоян.

Первый месяц восемнадцатого года Тянь-ю (921 г.). Один буддийский монах из Вэйчжоу передал в ставку Цзинь-вана танскую государственную печать. К этому вэйчжоускому монаху, которого звали Чжуаньчжэнь, печать попала в то время, когда Хуан Чао захватил Чанъань [64]. Монах думал, что это обыкновенная яшма, и решил продать ее на рынке. Какой-то сведущий в камнях человек признал печать и сказал: «Это государственная печать Тан».

В то время командующие военными округами и все военные чины убеждали Цзинь-вана принять императорский титул. Чиновникам был дан приказ закупить яшму и изготовить печать. А тут государственная печать сама пришла в руки Цзинь-вана. Военачальники поднесли ее Цзинь-вану, поздравили его и попросили вступить на престол. Государь Шу и У-ван [65] несколько раз писали Цзинь-вану, уговаривая его объявить себя императором. Ван показал письма военачальникам и сказал: «Прежде [66] Ван-*тайши* [67] тоже убеждал покойного вана провозгласить себя императором в подвластных ему владениях. Покойный ван сказал тогда мне: „Раньше, когда император переехал в Шимэнь, а я поднял войска и покарал Чжу Вэня, сила моя держала в трепете Поднебесную. Если бы я взял императора, закрепился бы в Гуаньчжуне, сам составил бы текст отречения и девяти подарков [68], кто помешал бы мне? Но наш род из поколения в поколение отличался преданностью государям и почтительностью к родителям, и я поклялся никогда в жизни не поступаться верностью. Если в будущем придется думать о восстановлении тан-

ского престола, не следуй примеру Чжу Вэня". Эти слова покойного вана звучат в моих ушах. Я не смею внять вашим уговорам и вступить на престол». Прослышав о том, что произошло, Чжан Чэнъе направил Цзинь-вану письмо с увещеванием, в котором говорилось:

«Предки моего вана из поколения в поколение преданно служили династии Тан[69], поэтому я, старый слуга, более тридцати лет собирал налоги и копил богатства, набирал солдат и коней, поклявшись уничтожить изменника и возродить дом Тан. Сейчас в Хэбэе покончено с раздорами, но языки огня злодейства Чжу Вэня еще остались. Если великий ван вдруг займет престол, это отнюдь не будет означать, что именно такова была истинная
73 цель давнего справедливого карательного похода.||Кто в Поднебесной не поймет этого? Я полагаю, что вану прежде всего следует уничтожить Чжу Вэня, затем освободиться от других тайных врагов императора, а потом воспреемствовать престол Тан и стать государем. На юге надо овладеть землями У, на западе — Шу, нужно навести порядок под небосводом и объединить всех в единую семью. Великий ван имеет несравнимые с предками заслуги, полагаю, что далее они станут еще значительнее. Я же, старый слуга, ничего другого не хочу, как за безграничные милости и доброту покойного вана помочь великому вану утвердиться на троне на многие и долгие годы».

«Это не то, к чему я стремлюсь,— ответил Цзинь-ван.— Зачем мои подданные принуждают меня?» Чжан Чэнъе обратил взор к небу и громко зарыдал: «Военачальники вели кровавые бои за танский престол, сейчас великий ван сам получил его, но считает, что я заблуждаюсь! А ведь Чжу Вэнь еще не уничтожен! Что же будет дальше с Поднебесной? Великий ван, прошу разрешить мне с этого момента покинуть службу и удалиться». В тот же день он выехал в Тайюань, заболел от тоски, перестал принимать пищу и умер.

Потомки сложили стихи на тему этой истории, в которых говорилось:

В верности душу Цзинь-ван воспитал,
чистых исполнен стремлений.
Жизнью поклялся, что срам для него —
честь потерявший изменник.
Места под небом не стало двоим —
лянский злодей уничтожен:
Ждал оправдания, чтоб продолжать
танскому трону служенье.
Из-за того что военачальники
звали, тряся кулаками,
Слушать не стал он слуги-старика
преданнейших наставлений.
Небо кому повелело принять
высшую драгоценность? [70] —
Вот уж большая печать государя
передана Чжуаньчжэнем.

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ТАН

Цзюань 2

В стихах говорится:

Став государем и власть обретя,
он приближенных надул;
В храме он замысел свой объявил —
предков в тот год обманул.
Сам же убит был проклятым актером,
ловко игравшим руками:
Из-за пощечины, данной однажды,
начался дикий разгул.

Речь в нашем рассказе пойдет вот о чем: после того как Ли Цуньсюй наследовал титул Цзинь-вана, прошло тринадцать лет. В то время, когда к нему перешел титул, он был совсем еще молодым человеком, а все подчиненные ему военачальники — уже людьми, поседевшими в походах и сражениях. Цзинь-ван на одних воздействовал милосердием и доверием, на других своей выдающейся доблестью, поэтому он сумел подчинить Чжэньдин, присоединить Шаньдун, прибрать к рукам Юйян и завладеть Вэйбо. Его конница перешла через Реку — и Чжу Вэнь был уничтожен, он повернул крыло войска в Шу — и Ван Янь оказался в плену. Все эти деяния не соответствовали его прежним намерениям, в которых трижды в течение года он клялся в храме покойного вана. Он позволил себе выслушать полные горечи увещевания Чжан Чэнъе, отверг льстивые речи буддийского монаха Чжуаньчжэня; незаметно шли месяцы и годы, и к тому времени, когда лянский разбойник был усмирен, он возродил танский престол, а после уничтожения Лян воспреемствовал и танские владения. Однако вскоре он отличился тем, что банда недостойных проныр обосновалась на высоких постах. К сожалению, он стал обнаруживать низость устремлений и чванливость духа, хвастал заслугами и занимался самовозвеличиванием. Он назначал евнухов инспекторами войск, актеров — гражданскими правителями; он увлекался актерами и выступал вместе с ними в представлениях, а это привело к фамильярности и бесцеремонности, непозволительной в отношении государя. Поэтому случилось и убийство, совершенное Мэньгао, и сожжение музыкальных инструментов — все эти беды он накликал на себя сам.

Теперь расскажем о том, что, после того как в первом месяце восемнадцатого года Тянь-ю Цзинь-ван получил в Вэйчжоу драгоценность трона танского государства, военачальники стали настойчиво уговаривать его вступить на престол. В то время Чжан Чэнъе еще не умер, и Цзинь-ван дал понять, что уклоняется от его советов.

Шестой месяц. Командующие пограничными военными ок-

ругами обратились с просьбой оставить в силе старую систему чинов танского двора, а Чжу Юцянь тогда же направил Су Сюня с визитом в походную резиденцию. Когда Су Сюнь прибыл в Вэйчжоу и увидел присутствие Цзинь-вана, он отвесил поклон. Люди удивились, а Су Сюнь сказал: «Я кланяюсь дворцу». Когда же он увидел Цзинь-вана, он возгласил «десять тысяч лет», трижды прошелся церемониальным шагом и, роняя слезы, назвался
76 ||подданным. Цзинь-ван сказал: «Мы оба плечом к плечу служили делу государя, зачем же называть себя подданным?» Су Сюнь сказал: «Заслуги ваши, великий ван, огромны, добродетель беспредельна; Небо благоволит вам, люди следуют за вами; Вы немедля должны занять высочайшее положение — пусть оправдаются надежды Поднебесной. Зачем незаслуженно унижать себя и считаться пастырем окраины?» Ван скромно поблагодарил его. На следующий день Су Сюнь преподнес ему еще тридцать больших кистей, сказав, что это «кисти для начертания дня»[1]. Ван получением кистей остался очень доволен и в тот же день объявил о назначении Су Сюня помощником командующего военным округом Хэдун. Чжан Чэнъе, видя подхалимство Су Сюня, очень огорчился и возненавидел его.

Восьмой месяц. Чжан Вэньли поднял мятеж и отправил посла за помощью к киданям; другой посол был направлен просить войско у государя Лян. Чжан Вэньли завидовал *цзюцзяну* из Чжао и часто без какого-либо повода грозился его уничтожить. Чжаоский военачальник Фу Си с десятитысячным войском находился при Цзинь-ване в Дэшэне. Чжан Вэньли обратился к Цзинь-вану: «У Фу Си недобрые намерения, верить ему нельзя, прошу великого вана заменить его другим военачальником». Фу Си явился на прием к Цзинь-вану и зарыдал: он желал остаться под началом Цзинь-вана и служить ему, не жалея сил, Цзинь-ван сказал Фу Си: «Цзинь и Ван из Чжао заключили союз, поклявшись покарать изменника Чжу Вэня и быть неразлучными, как плоть и кости. Никак не предполагал, что однажды возникнут осложнения. С болью думаю о недоразумении между нами, близкими друзьями. Если вы не забыли милостей прежнего государя, сможете ли отомстить за него? Если решитесь, я выставлю войска и дам продовольствие, помогу вам выступить». Фу Си сопровождали более тридцати военачальников его войска. И вот, услыхав, что говорит Цзинь-ван, он, преисполненный чувства долга, опустился на колени, отвесил земной поклон и со слезами ответил: «Если великий ван снизошел до того, чтобы помнить о стараниях помощника покойного государя и позволяет отплатить за обиду, могу ли я и могут ли мои подчиненные думать о своей жизни? Не смею беспокоить войска управы верховного правителя, полагаю силою подчиненного мне войска схватить неверного чиновничишку, чтобы отомстить за обиду и смыть позор с господина Вана. Умереть за это не жалко!» В тот же день Фу Си был на-

значен наместником Чэндэ, а Ши Цзяньтан[2] и Янь Бао получили приказ возглавить конницу и помочь Фу Си покарать Чжан Вэньли. Чжан Вэньли, в то время тяжело страдавший животом, испугался и умер. На бой вышел его сын Чжан Чуцзинь. Ши Цзяньтан потерпел поражение и погиб, пронзенный стрелой.

Десятый месяц. Узнав, что Ши Цзяньтан убит стрелой и Чжэньчжоу еще не взят, Цзинь-ван решил разделить войско и с нескольких направлений атаковать Чжэньчжоу. Дай Сыли[3], прознав о его намерении, собрался повести своих воинов вперед и, пользуясь отсутствием вана, ударить на Северный Дэшэн. Однажды в войске Цзинь-вана схватили лянского лазутчика и узнали о намерении Дай Сыли напасть на Дэшэн. Цзинь-ван немедленно повелел Ли Сыюаню устроить засаду в Цичэне.‖Ли Цуньшэнь с войском разбил лагерь у Дэшэна и первым повел нескольких конников вперед, чтобы выманить отряды Дай Сыли на бой. Не успели они схватиться и несколько раз, как Ли Цуньшэнь притворился побежденным и отступил. Лянские воины, не догадываясь о ловушке, все до одного покинули свои позиции и бросились преследовать отступающих. В это время Цзинь-ван сам вывел три тысячи конников, облаченных в железные панцири, и вместе с солдатами, укрытыми в засаде, ударил со всех сторон на врагов. Лянское войско было разгромлено, погибло более двадцати тысяч человек. 77

Одиннадцатый месяц. Цзинь-ван приказал Ли Цуньшэню и Ли Сыюаню закрепиться в Дэшэне и стойко оборонять его, а сам повел войско в атаку на Чжэньчжоу. Прошло более десяти дней, но взять город он не смог. Чжан Чуцзинь велел Хань Чжэнши прорваться через окружение и поспешить за помощью в Динчжоу. Цзиньские отряды бросились вслед за Хань Чжэнши, захватили и убили его.

Девятнадцатый год Тянь-ю (922 г.). Ли Цуньшэн сказал Ли Сыюаню: «В Лян полагают, что у нас на юге мало войска. Если они не захватили Дэшэн, то непременно ударят на Вэйчжоу и попытаются захватить его, так не лучше ли нам разделить силы и приготовиться к обороне в двух местах?» Ли Сыюань отвел свои отряды и расположился в Шаньчжоу. Дай Сыюань на совете с военачальниками сказал: «Цзиньское войско защищает только Дэшэн, в Вэйчжоу, конечно, о защите не думают. Я хочу идти на Вэйчжоу. Если выступить, когда там к обороне не готовы, дело завершится успешно». Только он двинулся в направлении Вэйчжоу, как стало известно, что Ли Сыюань, опередив его, привел войска на защиту города. Дай Сыюань несколько раз посылал легкую конницу, чтобы вызвать его на бой, но, убедившись, что Ли Сыюань наготове, он устремился на запад, в Чэнъань, учинил там большой грабеж и ушел. По пути он решил взять Северный Дэшэн: выкопал глубокий ров, возвел высокие стены, чтобы воспрепятствовать возможности прорыва извне и изнутри,

и принялся днем и ночью упорно штурмовать город. Ли Цуньшэнь защищался изо всех сил. Цзинь-ван, узнав, что Дай Сыюань атакует Дэшэн, помчался с конницей из Ючжоу к Вэйчжоу. Не прошло и пяти дней, как он уже был у стен города. Когда Дай Сыюань услыхал, что подошли главные силы Цзинь-вана, он поджег свой лагерь и сбежал. Цзиньский Янь Бао привел войско к стенам Чжэньчжоу; он окружил город валами, обвил его кольцом осады, отвел от стен воды Хутохэ и отрезал пути подвоза продовольствия.

В городе кончилась еда. Оттуда выслали около пятисот пеших воинов, чтобы прорваться через окружение и добыть продовольствие. Когда Янь Бао услыхал, что солдаты вышли из города, он решил устроить засаду и захватить их. Воины из Чжэньчжоу ударили по цзиньскому окружению. В одно мгновение более тысячи человек разом бросились в атаку — кольцо было разорвано, лагерь горел; цзиньское войско пришло в замешательство и, потерпев поражение, отступило оборонять Чжаочжоу. Цзинь-ван назначил Ли Сычжао *чжаотаоши* — ведать делами вместо Янь Бао. Тут случилось так, что Чжан Чуцзинь выслал к Цзюмэнь тысячу с лишним пеших воинов встречать транспорт с продовольствием.
78 Тогда Ли Сычжао устроил засаду, || отрезал пути отступления и ударил по ним — все были перебиты или взяты в плен. Один чжэньчжоуский воин пустил стрелу и попал в голову Ли Сычжао, тот выдернул стрелу и пустил ее обратно — противник был сражен наповал. Ли Сычжао, сильно страдавший от раны, наутро тоже скончался.

Восьмой месяц. Гражданский правитель цзиньского округа Вэйчжоу Ли Цуньжу, настоящая фамилия которого была Ян, а имя Поэр, в прошлом был актером представлений *пайю*[4]. Попав в милость к Цзинь-вану, он стал гражданским правителем. Единственным занятием этого человека были поборы, все деньги, которые ежемесячно поступали от налогов на оборону города и содержание гарнизона, он тратил только на себя. И вот, лянские полководцы Дуань Нин и Чжан Лан тайком вывели свои войска и под покровом ночи ударили по нему. Утром они поднялись на городскую стену, схватили Ли Цуньжу и овладели Вэйчжоу.

Девятый месяц. Чжан Чуцзинь сказал своему младшему брату Чуцю: «Ли Цуньцзинь со своим войском остался один и не готов к нападению, пожалуй, стоит ударить и захватить его». Чжан Чуцю с семитысячным отрядом, свернув знамена и заглушив барабаны, подошел к переправе Дунъюаньду, разбил лагерь и стал наседать на лагерь Ли Цуньцзиня. Тот заметался и повел с десяток добровольцев драться на мост — чжэньцы стали отступать. Тогда цзиньцы выслали конницу, чтобы отрезать уходящим путь назад, и с двух сторон ударили по ним — чжэньский отряд был полностью уничтожен. В Ли Цуньцзиня попала стрела, и он скончался. Цзинь-ван назначил Ли Цуньшэня *чжаотаощи*,

В Чжэньчжоу кончилось продовольствие, Чжан Чуцзинь отправил к Цзинь-вану посла с просьбой принять капитуляцию. Цзинь-ван не согласился. Когда Ли Цуньшэнь пошел на приступ города, *чжунцзян* Ли Цзайфэн спустился с городской стены и явился в цзиньское войско, [потом он вернулся обратно], открыл ворота и вышел навстречу. Ли Цзайфэн собственноручно захватил Чжан Чуцзиня и его младшего брата вместе с их единомышленником Гао Мэном, заключил их в клетки и на телегах препроводил как пленников в походную ставку Цзинь-вана. Жители Чжао просили казнить Чжан Чуцзиня и остальных и разрешить после казни съесть их трупы. Чжан Вэньли доставили на базарную площадь и разрубили на куски. Фу Си приказал солдатам искать останки Ван Жуна, и, когда они были найдены в доме слуги покойного, Цзинь-ван совершил жертвоприношение и приказал предать их земле. Фу Си он назначил командующим военным округом Чэндэ. Фу Си отказался принять назначение: «Покойный правитель не имеет наследников и не похоронен,— сказал он.— Мне как подданному надлежит облачиться в траурное платье, оплакать его и проводить в последний путь. Когда все завершу, склониться перед повелением будет не поздно». Похороны прошли, и он явился в походную ставку. Цзинь-ван послал его командовать военным округом Тяньпин.

Одиннадцатый месяц. Скончался танский *тецзинь* и инспектор войск в Хэдуне Чжан Чэнъе. Вдовствующая императрица госпожа Цао лично прибыла в дом Чжан Чэнъе, надев по этому случаю траурную одежду, положенную по церемониалу при смерти племянника. Цзинь-ван, услыхав горестное известие, несколько дней не принимал пищи.

||Второй месяц двадцатого года Тянь-ю. Цзинь-ван решил учредить при ведомстве *синтай* должность канцлера. Кандидатов 79
надо было выбрать из *паньгуаней* четырех военных округов, служивших при старой династии. Цзинь-ван хотел назначить *паньгуаня* из Хэдуна Лу Чжи, но тот твердо отказался и предложил Доу Лугэ, *паньгуаня* из Иу, и Лу Чэна, *паньгуаня* из Хэдуна.

В тот же день они поклонились назначению как левый и правый канцлеры. Лу Чжи был назначен начальником палаты обрядов.

Третий месяц. Наместник цзиньского военного округа Аньи Ли Цзитао направил посла в Далян с просьбой принять капитуляцию. Лян-ван назначил Ли Цзитао командующим военным округом. В это время *цзюцзян* из Аньи Пэй Юе нес службу в Цзэчжоу; заплакав над приказом, он сказал своим воинам: «Более десяти лет служил я покойному государю, в стремлении уничтожить врага делился с ним богатством и войсками. К несчастью, он погиб, и гроб еще не опустили в землю, как молодой господин вдруг предал отца и, позабыв стыд, пошел служить врагу. Пусть я умру, но за ним не последую». После этого он закре-

пился в Цзэчжоу и приготовился к обороне. Из Лян против него направили войско Дун Чжана. Цзитао начал вербовку бесстрашных солдат, Го Вэй, уроженец Яошани, завербовался к нему.

Четвертый месяц. Цзинь-ван Цуньсюй построил в южном предместье Вэйчжоу, где находилось его присутствие, высокую террасу, он выбрал день, поднялся в храм, совершил жертвоприношение, обратился к духам Неба и Земли и вступил на императорский престол. Государство получило название великой Тан, девиз правления изменили на первый год Тун-гуан. Почитаемая матерью госпожа Цао [5] была объявлена вдовствующей императрицей, а родная мать Цзинь-вана, госпожа Лю, получила титул *хуантайфэй* [6]. Вэйчжоу переименовали в Синтанфу и объявили Восточной столицей, Тайюаньфу назвали Западной столицей, Чжэньчжоу переименовали в Чжэньдинфу и сделали Северной столицей. В то время во владения Тан входили тринадцать военных округов [7] — *цзеду* и пятьдесят округов — *чжоу*.

Добавочный месяц. В Цзиньяне был основан храм танских предков: прадед Чжии посмертно получил титул И-цзу чжаолехуанди; дед Гочан — Сянь-цзу вэнь-хуанди; покойный Цзинь-ван — Тай-цзу у-хуанди; Гао-цзу, Тай-цзуна, И-цзуна, Чжао-цзуна и следующих за И-цзуном [8] императоров стали считать семью поколениями предков.

А теперь расскажем о том, что кидани неоднократно поднимали войска и вторгались на территорию Тан; округа Ю и Вэй были захвачены Лян, и в Лучжоу снова вспыхнул мятеж. Танский государь страдал оттого, что не может ударить по Лян. Но вот однажды к нему явился военачальник из Юньчжоу Лу Шуньми и сказал: «В гарнизоне Юньчжоу неполная тысяча человек, можно смело ударить и захватить город». Танский государь тайно призвал к себе Ли Сыюаня и стал советоваться с ним: «Мысли лянцев устремлены к Цзэ и Лу, в Дуншине они не готовятся и приказали ослабить Юньчжоу, поэтому городом можно овладеть одним ударом. Если мы получим Юньчжоу, мы подорвем их изнутри и тогда сумеем получить Дуншин». Ли Сыюань, все еще стыдившийся поражения при Хулюбо и желавший как-нибудь особенно отличиться, чтобы искупить прежнюю вину, ответил танскому государю: «Мы воюем уже много лет, народ терпит страдания, и если сейчас мы не сумеем удачно выступить и одер-
80 жать||решительную победу, как добьемся мы окончательного успеха? Ваш покорный слуга желает один взяться за это дело, вашему величеству ни в коем случае не следует беспокоить себя». Ли Сыюань с пятью тысячами отборных воинов двинулся на Юньчжоу. Когда главные силы подошли к стенам города, день клонился к вечеру. Внезапно небо нахмурилось, полил дождь, дороги в темноте не стало видно; военачальники и воины решили снять панцири, чтобы немного отдохнуть. Гао Сипчжоу обратился к Ли Сыюаню: «Это Небо дарует нам случай одержать решитель-

ную победу, враги, конечно, к нападению не готовы». Под покровом ночи они переправились через Реку — в Юньчжоу ничего и не подозревали. Ли Цункэ впереди отряда поднялся на городскую стену, перебил всех ее защитников, открыл ворота и впустил танское войско в город. Ли Сыюань отдал приказ, запрещающий солдатам поджигать дворцовые помещения, грабить вещи и драгоценности, и милостиво успокоил жителей.

Когда победная реляция прибыла к танскому государю, он несказанно обрадовался: «У *цзунгуаня*[9] действительно оказался необыкновенный план, мое дело удалось!» Ли Сыюань тут же был назначен командующим военным округом Тяньпин.

Лянский государь испугался. Он отправил посла, чтобы выговорить за нерадивость своим военачальникам Дуань Нину и Ван Яньчжану, и распорядился немедленно начать наступление.

Пятый месяц. Лянский государь послал *чжаотаоши* Ван Яньчжана атаковать южный Дэшэн. Узнав об этом, танский государь сам повел войско и расположился в Шаньчжоу. Чжу Шоуиню он повелел защищать город Дэшэн. На прощальном приеме перед выступлением в поход танский государь предостерег его: «Ван Железное копье[10] по смелости и хитрости не знает себе равных, к встрече с ним готовься тщательно, не будь беспечным».

Ван Яньчжан во главе своих военачальников внезапно атаковал южный город, Чжу Шоуинь, потерпев поражение, отступил. Ван Яньчжан, продолжая успешно продвигаться вперед, захватил одно за другим все укрепления. Слава о нем стала греметь вновь. Танский государь послал евнуха Цзяо Яньбиня в Янлю, чтобы вместе с *чжэньши* Ли Чжоу[11] крепче держать оборону.

За несколько дней пути тот раз сто имел стычки с Ван Яньчжаном, и, когда подошли к Янлю, число убитых перевалило за половину. Ван Яньчжан со стотысячным пешим войском атаковал Янлючэн. Ли Чжоу сопротивлялся изо всех сил; он всегда делил с солдатами горе и радость, поэтому сумел завоевать их сердца, солдаты умирали, но не отступали. Хотя войска у Ван Яньчжана было больше, город он все-таки взять не смог; он отошел и расположился в укреплениях южнее города. Танский государь с главными силами лично выступил на помощь Янлю. Ежедневно он проходил шестьдесят *ли* — несся, словно на охоте, хотя сам понимал, что Ли Чжоу в городе сумеет защититься и что волноваться не стоит.

Шестой месяц. Войска Тан подошли к Янлю, но лянское войско глубоко окопалось и надежно укрылось за валами — пройти было невозможно. Танский государь спросил совета у Го Чунтао: «Кольцо вокруг Янлю замкнуто, как быть?» Го Чунтао ответил: «По мнению вашего покорного слуги, Ван Яньчжан противник сильный, его надо брать тонким расчетом, в силе состязаться с ним нельзя. Желательно, чтобы ваше величество возвели оборонительные сооружения на левом берегу у Бочжоу и надежно

охраняли бы переправу через Реку; так мы добьемся взаимодействия с войском Дунпина и еще сумеем расколоть силы разбой-
81 ников. Однако следует сказать, что Ван Янь‖чжан тоже солдат, знающий толк в стратегии, боюсь, он станет на нас наседать, а тогда стен не возвести. Предлагаю объявить вербовку смельчаков-добровольцев, пусть каждый день навязывают ему бои, чтобы сковать его силы. Если мы сумеем заставить Ван Яньчжана в течение десяти дней не двинуться на восток, стены будут возведены».

Седьмой месяц. Ван Яньчжан внезапно атаковал Янлю. Ли Шаожун с помощью подожженных плотов спалил лянские заградительные суда, Ван Яньчжану пришлось отойти и закрепиться в деревне Янцунь. Танское войско преследовало и громило отступавших, убитых и утонувших насчитывалось более двадцати тысяч. Осада с Янлю была снята. Чжао Чжан и Дуань Нин, опасаясь успеха Ван Яньчжана, всячески старались помешать ему и усиленно приглашали вернуться обратно в Далян. Государь Лян назначил Дуань Нина *чжаотаоши* и послал Ван Яньчжана и Чжан Ханьцзе брать Юньчжоу.

Услыхав, что должны подойти лянские силы, государь Тан сам повел войско и расположился лагерем в Чаочэне. Как раз в это время перебежал лянский военачальник Кан Яньсяо. Танский государь устроил в его честь пир и кстати поинтересовался положением дел у лянского государя. Кан Яньсяо в ответ сказал: «В землях государство Лян не стеснено, в войсках недостатка не испытывает, однако государь пребывает в сомнениях и тревоге: он не может назначить ответственного военачальника, чтобы быть уверенным в полном успехе дела. Недавно я слыхал, что в десятом месяце он собирается поднять войска нескольких округов: Дун Чжану приказано двинуться на Тайюань, Хо Яньвэю вторгнуться в Чжэньдин, Ван Яньчжану атаковать Юньчжоу, Дуань Нину велено остаться при его императорском величестве. По мнению вашего покорного слуги, лянское войско собранное вместе — немалочисленно, разделенное — невелико. Желательно, чтобы ваше величество набрались мужества, собрались с силами и, дождавшись разделения войск противника, во главе конного отряда в пять тысяч человек из Юньчжоу ударили бы прямо на Далян. Если вы захватите лянского лжегосударя, то не пройдет и месяца, как Поднебесная станет единой». Танский государь, выслушав все это, остался доволен. Он пожаловал Кан Яньсяо парчовым халатом со своего плеча, яшмовым поясом, серебром, чаем, снадобьями и назначил его на пост *чжаотаочжихуэйши*.

Десятый месяц. Государь Лян решил двинуть войска нескольких округов в большой поход и вторгнуться в пределы Тан. Государь Тан пребывал в глубокой тревоге. Однажды он призвал военачальников на совет. Ли Шаохун и другие сказали: «Юньчжоу удержать трудно, просим отрезать земли И, Вэй и Лияна

и заключить с Лян перемирие; отдохнут солдаты, вздохнет народ, тогда и подумаем о новых походах». Но танский государь сказал: «Действовать таким образом — значит поистине вскармливать в своем доме тигра, это не лучший из планов. Если какое-то время будет передышка, враг окрепнет, а мы станем слабее, тогда не найдется земли, чтобы похоронить даже меня». Военачальники ушли, тогда государь призвал к себе Го Чунтао и спросил, как быть. Го Чунтао ответил так: «Раз ваше величество спрашивает своего слугу, покорный слуга не посмеет таиться и молчать и с почтением доложит обо всем, что касается дела». Доклад гласил:‖«Вы, ваше величество, полный дум и тревог, не снимая панциря, забыв про гребень и мытье, пятнадцать с лишним лет стремились только к одному — уничтожить злодея и смыть позор. Сейчас вы по достоинству занимаете высокое положение. Усилиями многих лет борьбы вы сумели приобрести клочок земли Юньчжоу. Если вы не сможете защитить его, не удержите, ваш покорный слуга боится, что в будущем, когда иссякнут запасы продовольствия, военачальники и воины отвратят от вас сердца. Хотя наша граница — Река, кто же тогда будет защищать ее вашему величеству? Недавно ваш покорный слуга беседовал с Кан Яньсяо, хорошо уяснил положение дел в Хэнани, соразмерил наши возможности с возможностями противника, день и ночь размышлял и продумал все до полной ясности. С полной ответственностью говорю, что возможность завершить разгром врага представляется в этом году: Лян передало свои отборные войска в руки Дуань Нина, для собственной безопасности они спустили воду на Реке и, уверенные в своей неприступности, не думают больше об обороне. Полководец Дуань Нин в стратегии далеко не ушел, преданность его не слишком опасна. Все, кто сдался в плен, говорят, что в Даляне нет войска. Ваше величество, если вы оставите силы защищать Вэй, надежно укрепите Янлю, а сами с отборным войском объединитесь с Юньчжоу и, не задерживаясь в пути, прямо войдите в Бянь, лжегосударь замечется туда-сюда, потеряет захваченное, и ему ничего не останется, как сдаться. Тогда все военные округа сами прекратят сопротивление, держа нос по ветру». 82

Когда танский государь ознакомился с докладом, радость озарила небесный лик. Заключение гласило: «Все, о чем вы доложили, соответствует нашим намерениям. Если великий муж берет, он становится повелителем, если теряет — становится рабом. Наш поход решен! Если у вас возникнут дела, требующие нашего решения, можете в любое время суток стучаться в ворота дворца и являться в покои с докладом».

В это время Ван Яньчжан подошел с войском к Юньчжоу. Ли Сыюань послал Ли Цункэ принять бой. Ван Яньчжан выехал из строя и начал перебранку: «Я — лянский полководец Ван Яньчжан, хочу во главе великого войска сегодня до завтрака захватить Юньчжоу. Если передо мною есть кто-нибудь из истинно

храбрых военачальников, пусть выйдет и ответит». Стегнув коня, вперед выехал Ли Цункэ и ответил так: «Я — родственник императора великой Тан, горе и радость страны — моя жизнь и смерть; хочу под стенами города раз и навсегда покончить с тобою, чтобы никогда больше не посмел явиться». Закончив перебранку, оба пустили коней и начали бой: как будто два дракона в пучине волн бьются за драгоценность; как будто два тигра на краю утеса дерутся за кусок. Схватились несколько раз. Лю Цюаня, полководца Ван Яньчжана, сразила стрела Ли Цункэ, войско Яньчжана потерпело поражение; пленных и убитых насчитывалось тысяч десять. Ван Яньчжан отошел оборонять Чжунду.

Когда Ли Цункэ явился с победной реляцией, государь Тан
83 радостно воскликнул: «Славной победы, добытой у Юньчжоу,‖достаточно, чтобы возвеличить мое войско! Спесь с города немного сбили, слава моих войск гремит опять». И государь решил начать большой карательный поход против Лян. Перед выступлением он отослал госпожу Лю с царевичем Цзицзи, а также семьи солдат и военачальников обратно в Синтан. Прощаясь с госпожей Лю, своей супругой, он сказал: «Исход дела окончательно решится в этом походе. Если мы не победим, все члены моей семьи должны собраться в вэйчжоуском дворце и сжечь себя». Госпожа Лю ответила танскому государю: «Удача летит быстро, как стрела, момент уловить ее — тоньше волоска. При нынешнем положении дел нужно только наступать и атаковать, отступать и защищаться нельзя. Раз ваше величество решились на поход, обо мне не беспокойтесь. Кончится дело успехом, тогда можно будет осуществить все незавершенные замыслы покойного императора, и я умру, спокойно закрыв глаза». В тот же день государь Тан выступил в поход и переправился через Реку; днем и ночью он шел двойными переходами, войска двигались по воде и суше.

Ли Сыюань, шедший в авангарде, столкнулся с лянскими отрядами. Они сразились, Ван Яньчжан был ранен стрелой, потерпел поражение и отступил. Ли Шаоци поскакал за ним. Ван Яньчжан сказал: «Я никогда не слезал с копя, два копья всегда находились при мне, я и прозываюсь Железное копье. В семидесяти боях не знал я поражений, сегодня меня разгромили, значит, Небо отвернулось от меня, разве дело в сражении?» Рана Ван Яньчжана болела, лошадь упала, и Ли Шаоци взял его в плен вместе с Чжан Ханьцзе и другими — всего более двухсот человек; убитых было шесть тысяч, а захваченное оружие, снаряжение в обозах не могли и сосчитать. Ван Яньчжана, Чжан Ханьцзе и остальных пленных отправили в ставку танского государя, вместе с пленниками представили победную реляцию. Танский государь громко спросил Ван Яньчжана: «Ты ведь всегда оскорблял меня, говорил: „Ли Яцзы — это боевой петушок, больше о нем и сказать нечего“. Сегодня этот петушок поймал тебя, так что же ты думаешь делать? Ты, давно прослывший знаменитым военачальником, почему

не обороняешь Яньчжоу? Как же ты не подумал, что если Чжунду не защищен стенами, смогут ли там удержаться? Решать дела таким образом — не самый лучший способ, поэтому-то ты и попался мне». Ван Яньчжан в ответ сказал: «И в силе у меня недостатка нет, и планы мои отсутствием глубины не страдают, но, раз не стало благоволения Неба, человек уже ничего не может поделать». Танский государь сам развязал на Ван Яньчжане веревки и пожаловал ему лекарство для ран. Жалея Ван Яньчжана за смелость, он не решался казнить его и послал человека переманить Ван Яньчжана к себе на службу. Ван Яньчжан сказал: «Я, простой мужик из Юньчжоу, облагодетельствованный милостями великой [династии] Лян, достиг поста *шанцзяна* и вместе с его императорским величеством носился между Вэйбо и Янлю; за пятнадцать лет кровавой борьбы силы иссякли, меня доставили в вашу ставку, и я с радостью приму смерть.‖Если его величество 84
сжалится надо мною за доблесть и сохранит мне жизнь, какими глазами я буду смотреть на людей в Поднебесной? Раз положено рубить голову, значит, ее нужно рубить, неужели настоящий муж побоится смерти? Если меня, смолоду служившего лянским военачальником, хотят на закате жизни сделать слугою Тан, то я на это не пойду». Полагая, что Ван Яньчжан проявит непреклонность, танский государь еще раз направил к нему с уговорами Ли Сыюаня. Ли Сыюань сказал: «Разве вы не знаете историю Вэй Чжэн-гуна [12]? Вэй Чжэн служил царевичу Цзяньчэну. Однажды Цинь-ван убил Цзяньчэна и провозгласил себя императором; Вэй Чжэн стал служить Цинь-вану и продолжал это делать в течение всего великого и мирного правления Чжэнь-гуань. Храмовое имя Цинь-вана — Тай-цзун, и в храме Тай-цзуна до сих пор совершаются жертвоприношения. Если вы обратите свое сердце на служение Тан, согласие между государем и вами, его слугой, будет таким же, как между членами одной семьи. Кроме того, проявить покорность вместо бунта для вас вовсе не значит просчитаться. Хорошенько подумайте над этим».

«Разве ты не Мяоцзиле? [13] — сказал Яньчжан.— Как можно брать на службу полководца, потерпевшего поражение? Прошу тебя, замолви слово и поскорее реши мою судьбу. Если мне удастся встретиться в подземном царстве с Янь Гаоцином и Чжан Сюнем [14], будет вполне достаточно, о чем еще говорить?» Ли Сыюань убедился, что Яньчжана не удастся использовать на службе, и объявил государю Тан: «Яньчжан — настоящий герой, смерть ему не страшна». Тут полководцы возгласили «десять тысяч лет» и подняли кубки во здравие государя. Государь Тан поднял кубок в честь Ли Сыюаня и сказал: «Сегодняшний успех достигнут благодаря тому, что вы и Го Чунтао сумели принять правильное решение. Если бы был принят план Ли Шаохуна и других, великое дело погибло бы». Посмотрев на военачальников, он добавил: «Единственный человек, тревоживший меня,— Ван Яньчжан сейчас схвачен, значит, Небо представляет мне слу-

чай уничтожить Лян. Однако Дуань Нин все еще находится на Реке. Как думаете, откуда выйти на него?» Военачальники ответили так: «Лучшие силы всех восточных военных округов находятся под командованием Дуань Нина, и города повсюду пусты. Куда бы ни указало сейчас небесное копье, победа будет наша. Если мы сначала расширим нашу территорию на восток и подойдем к морю, то, используя возникающие раздоры, сумеем завершить все».— «План не удачен,— сказал Кан Яньсяо.— По глупому разумению вашего слуги, лучше всего немедленно захватить Далян. Как только Далян будет усмирен, военные округа можно будет привести к покорности, распространив воззвание». Ли Сыюань громко воскликнул: «В плане Яньсяо его преданность! Всякая военная операция ценна быстротой. Ван Яньчжан сейчас у нас в плену, а Дуань Нин об этом не знает. Если и предположить, что кто-то принес это известие, то, пока он удостоверится в нем, пройдет еще три дня. Пусть ему станет известно направление движения нашего войска, пусть он вышлет отряды на помощь — если он пойдет напрямик, для него препятствием явится Река и ему придется переправляться южнее Байма, а ведь даже
85 на лодках это тоже не просто сделать в спешке.‖Отсюда до Даляна ближе всего, двигаясь без остановки, можно дойти за два дня. Если Дуань Нин получит известие об опасности Даляну и даже пошлет туда помощь, не успеют его отряды дойти, как лянский государь окажется у меня в западне. Ваш слуга просит разрешения выступить с тремя тысячами конников в передовом отряде, а вы, ваше величество, с главными силами спокойно следуйте в арьергарде». Выслушав эти слова, государь Тан всплеснул руками и восхищенно сказал: «Этот план мы и приведем в исполнение!» В тот же день Ли Сыюань попрощался с государем и первым выступил в путь. На следующий день танский государь покинул Чжунду. Перед тем как выступить из города, он распорядился препроводить Ван Яньчжана под стражей к месту казни и казнить. При этом у танского государя текли слезы.

Не прошло и двух дней, как главные силы Тан подошли к Цаочжоу — *шоуцзяны* областных гарнизонов, поняв, куда дует ветер, выходили навстречу и сдавались. Лянский государь Ючжэнь, прослышав о том, что Ван Яньчжан погиб и что танское войско приближается, в страхе и отчаянии заметался, собрал своих домашних и вместе с ними принялся рыдать. Военачальники сидели сложа руки и ничего не предпринимая. Лянский государь поднялся в башню Цзяньголоу [15]. Некто предложил ему переехать в войско Дуань Нина и оттуда направить силы для отпора Тан. Хуанфу Линь сказал: «Дуань Нин не обладает качествами полководца, как только он узнает, что Ван Яньчжан в плену, вся его храбрость пропадет. Где гарантия, что он сумеет до конца сохранить верность вашему величеству?» Государь Лян еще раз пригласил на совет первых министров. Чтобы отложить приход танских войск,

Чжэн Цзюе предложил с государственной печатью в руках разыграть капитуляцию. Лянский государь со слезами ответил: «При нынешних обстоятельствах стоит ли жалеть печать? Боюсь только, что и этой мерой дело не исправишь». После весьма долгого размышления Чжэн Цзюе произнес: «Я и сам не осмелюсь сказать, что дело удастся. Удастся оно или нет — решит Небо». Приближенные посмеялись над глупостью его объяснения. Государь Лян поместил государственную печать на свое ложе: вдруг кто-нибудь из приближенных вздумает украсть ее, чтобы выйти навстречу танскому государю. Хуанфу Линю он приказал: «Отрубите мне голову». Хуанфу Линь рыдал: «Ваш слуга не посмеет выполнить приказание». Тогда лянский государь сказал: «Мы можем умереть с вами оба». Хуанфу Линю ничего не осталось, как убить лянского вана, а потом и самому заколоться мечом.

Проведя в пути пять дней, отряд Ли Сыюаня подошел к Даляну. Ван Цзань открыл ворота, вышел навстречу и сдал город. В тот же день подошли и главные силы танского государя, следовавшие за передовым отрядом. Когда Ли Сыюань услыхал, что танский ван подходит к стенам города, он открыл ворота и верхом на коне выехал ему навстречу. Увидев государя, он быстро спешился, возгласил здравицы и принес поздравления. Государь Тан был бесконечно доволен, он ухватил Ли Сыюаня за рукава одежды и, уткнувшись ему в грудь, сказал: «Я получил Поднебесную! Это заслуга твоя и твоего отца. Поднебесная и ты для меня неотделимы друг от друга».

Дуань Нин выступил с войском на помощь. Ду Яньцю шел во главе передового отряда. На подходе к Фэнцю стало известно, что лянский государь погиб, и, когда повстречался отряд Ли Цункэ, Ду Яньцю, послав прежде подарки, перешел на его сторону. Шедший следом Дуань Нин явился в ставку||Ли Цункэ и сдался ему 86
вместе со своим пятидесятитысячным войском. Танский государь обласкал и наградил их: Дуань Нину были пожалованы фамилия и имя, он стал прозываться Ли Шаоцинем. Ду Яньцю был пожалован именем Ли Шаоцяна. Дуань Нин пребывал среди сановников чрезвычайно гордый полученной милостью и не испытывал никакого стыда. Старые лянские чиновники возненавидели его, им хотелось содрать кожу с его лица, вырвать сердце и съесть. В тот же день разрушили храм предков лянских императоров, Чжу Вэнь и Чжу Ючжэнь были разжалованы в простолюдины. Императорским указом повелевалось покрыть голову Чжу Ючжэня лаком, поместить ее в ящик и хранить при храме главного жертвенника. Ли Сыюань дополнительно был назначен *чжуншулином*.

Чу-ван Инь послал своего сына Сифаня ко двору вручить [императору] печать *синъин дугуна* и просить его принять область во владение.

Танский государь направил посла к У-вану с известием о разгроме Лян. Сюй Вэнь, ненавидевший Янь Кэцю, сказал: «Раньше

вы отвергали мои планы, что же скажете теперь?» Янь Кэцю засмеялся: «Известно, что, когда танский государь начал завоевывать Срединную равнину, он слишком занесся в своих устремлениях и стал править низшими не по закону. Не пройдет и нескольких лет, как в стране произойдет мятеж».— «Не прошло и нескольких лет, как он стал относиться к нам, как к каким-то бездомным выродкам,— сказал Сюй Вэнь.— Что же делать дальше?» Янь Кэцю сказал: «Нам, как низшим, надо только служить, охранять границы, заботиться о народе и ждать, пока вспыхнет мятеж».

Танский посол прежде всего сообщил об указе, государь У не поклонился. Посол довел это до сведения танского государя, и указ был заменен письмом, что принято только в церемониале с враждебным государством. Правитель У в ответном письме назвался «государем великого государства У» — был соблюден порядок, принятый в дипломатической переписке.

Одиннадцатый месяц. Лянский Ли Шаоцинь подкупил подарками актера Цзин Цзиня, и тот при поддержке женских покоев двора получил для него должность командующего военным округом Тайнин.

Государь Тан с детства очень любил музыку, увлекался театральными представлениями. Не раз, наложив на себя грим, он вместе с актерами танцевал при дворе, чтобы доставить удовольствие Лю-тайхоу. Актерская кличка танского государя была Ли-тянься — «Ли Поднебесный». Как-то он воскликнул: «Ах, Ли Поднебесный, Ли Поднебесный!» Актер Цзин Синьмо выскочил вперед и дал государю пощечину. Государь Тан изменился в лице и гневно сказал: «Ты забыл, как подданный должен вести себя с государем!» Но Синьмо спокойно ответил: «Правит Поднебесной только один человек, а тут несколько раз окликнули: „Управитель Поднебесный да управитель Поднебесный[16], кого это еще звали?“» Танский государь остался доволен и щедро пожаловал его.

Однажды в уезде Чжунмоу шла охота, и лошади стали вытаптывать хлеба на полях крестьян. Правитель Чжунмоу пал ниц перед конем императора. «Ваше величество, вы отец и мать для народа, зачем же вы топчете хлеба на полях, ведь потом простой люд будет умирать от голода в канавах»,— стал увещевать он его. Танский государь рассердился, с бранью прогнал его прочь и приказал подчиненным разделаться с ним. Цзин Синьмо бросился за правителем, привел обратно к коню импера-
87 тора и принялся поносить: «Ты — правитель уезда,‖разве ты не знаешь, что Сын Неба любит охоту на поле? Чего ты лезешь со своими заботами о пашнях и посевах и мешаешь моему Сыну Неба скакать по полям? За свой проступок ты заслуживаешь смерти, посему тебя надлежит казнить». Танский государь вы-

слушал все это с довольным видом и, рассмеявшись, простил правителя.

Танские Чжу Юцянь и Вэнь Тао явились ко двору с изъявлением покорности. Государь Тан устроил в их честь пир и пожаловал именами и фамилиями: Чжу Юцяня[17] стали звать Ли Цзилинь, Кан Яньсяо — Ли Шаочэнь, Вэнь Тао — Ли Шаочун. Ли Шаочун подкупил госпожу Лю и влиятельных при дворе актеров золотом и шелками и через десять дней выехал обратно в военный округ. Го Чунтао сказал танскому государю: «Вэнь Тао вскрыл почти все танские могилы, его вина одинакова с виной Чжу Вэня, так можно ли отпускать его обратно на жительство в военный округ? Разве не вызовет это смех у преданных слуг Поднебесной?» — «Он прибыл в Бянь раньше других, что уже снимает с него вину»,— сказал государь Тан и все-таки отослал Вэнь Тао в военный округ.

Двенадцатый месяц. Танский [государь] перенес столицу в Лоян, удовлетворив тем просьбу Чжан Цюаньи. Палата цензоров представила доклад с просьбой использовать на практике прежнюю систему танских законоуложений.

Первый месяц второго года Тун-гуан (924 г.). Ци-ван Ли Маочжэнь направил своего сына Цзияня ко двору с подарками, представил доклад и назвался подданным. Танский государь, приняв во внимание, что это был старейший и влиятельнейший сановник прежних государей, держался изысканно вежливо и пожаловал его указом, однако по имени не назвал.

Начиная с годов Тянь-ю правления династии Тан на должности *нэйчжусыши* вместо евнухов, которые вызвали ненависть своим вмешательством в дела управления страной, обычно стали назначать чиновников. И вот теперь снова появился указ с повелением тысяче с лишним евнухов прибыть ко двору и занять во дворце должности *нэйчжусыши*: потом по всем округам [снова] учредили и должности инспекторов войск. С тех пор евнухи опять начали вмешиваться в государственные дела, пренебрегать старшими военачальниками и, пользуясь своим положением, бороться за власть при дворе.

Танский государь отправил Ли Цуньво и Ли Цзицзи в Цзиньян встретить вдовствующую императрицу — *тайхоу* и первую жену — *тайфэй* покойного государя. *Тайфэй* сказала: «Почти все храмы и могилы находятся в Цзиньяне, и если мы обе уедем, кто же будет в положенное время совершать жертвоприношения?» И она осталась в Цзиньяне, в Лоян приехала только вдовствующая императрица.

Танский государь совершил обряд жертвоприношения южного предместья.

В это время Кун Цянь, чтобы выслужиться перед государем, устроил незаконный сбор налогов: все, что было отменено в тексте амнистии, Кун Цянь собрал вновь,— вот так, ничего не поделаешь.

С этих пор императорским указам перестали верить, простой народ озлобился.

В те времена Го Чунтао обладал большой военной и гражданской властью, и Доу Лугэ как-то спросил[18] его: «Фэньянский ван Го Цзыи[19] был уроженцем Тайюани, а ваша семья из поколения в поколение проживает в Яньмэнь, вы не его потомок?» Го Чунтао сказал: «Мне часто приходилось слышать, как покойный отец говорил, что от фэньянского вана нас отделяет четырнадцать[20] поколений».— «Если это так, то Го Цзыи, конечно, ваш двоюродный прадед»,— сказал Доу Лугэ. После этого Го Чунтао признал
88 Го Цзыи||своим предком и внес его в родословную; себя он стал относить к числу благородных и начал оценивать людей по знатности, за что любимчики императора сильно возненавидели его. Го Чунтао советовался со своими доверенными людьми: «Как только я занял пост первого министра, многочисленные любимцы и все те, кто живет заслугами прошлого, возненавидели меня, ибо я занимаю положение выше, чем они. Я хочу вернуться в свой военный округ и избавиться от этого, что скажете?» Приближенные ответили: «Разве вам не известно, что стоит дракону выйти из воды, как его сжирает мелочь вроде медведок и муравьев? Выезжать на окраину вам не следует. Вам только надо попросить государя возвести госпожу Лю в ранг императрицы, тогда наветы актеров и евнухов не смогут доходить до государя».— «Это план дельный!» — сказал Го Чунтао. В тот же день во главе всех чиновников он подал доклад с просьбой возвести на престол императрицу. Текст доклада гласил:

«Ваш покорный слуга Чунтао почтительно слыхал, что сущность норм поведения — в отношениях мужа и жены, истоки песен — в отношениях государя и государыни, в этом причина порядка и смут, с этим связаны расцвет и гибель [государства]. Вот почему в песне „Крякают утки“ ищут скромную девицу, чтоб не было коварных и блудливых замыслов, а в песне „Крик петуха“[21] обретают рассудительную супругу и тем находят путь спасения от опасности. Настоящим докладываю о наведении порядка в женских покоях, дабы тем самым улучшить нравы. Ваш покорный слуга с почтением взирает, что ваше императорское величество, вступив на высокопочитаемый престол, не назвали императрицы. Но ведь есть одна из императорских жен по фамилии Лю, прекрасная мягкостью и привлекательная уважительностью, издавна известная хорошей репутацией, способствовавшая блеску государевой добродетели и отменно соблюдавшая порядок в женских покоях. Умоляю скорее пожаловать ее титулом и тем содействовать славе четырех морей. Ваш покорный слуга говорит, презрев смерть, и почтительно подчинится решению.

В некоторый день первого месяца второго года Тун-гуан покорный слуга Го Чунтао доклад представил».

Ознакомившись с докладом, танский государь тотчас же при-

казал палате Ханьлиньюань подготовить текст грамоты на титул, повелел ведомству императорских жертвоприношений обсудить прецеденты возведения императриц и объявить госпожу Лю императрицей. Текст грамоты гласил:

«Второй год Тун-гуан — следующий по порядку [циклических обозначений год] *цзя-шэнь*, второй месяц, новолуние, шестой день — день *гэн-у*.

Император говорит так: издревле тот, кто владеет Поднебесной, непременно выбирает себе в пару супругу, дабы воспреемствовать храм предков и управлять домом и государством. После того как мы наследовали императорский престол, мы со вниманием изучали своды законов, чтобы испросить мудрости во благо народу. Сим обращаемся к тебе, урожденная Лю, ибо ты отлична мягкостью, неизменна в добродетели и весьма сведуща в порядках женских покоев. В наши молодые годы ты стала нам супругой в нашей окраинной резиденции, получала содержание во внутренних покоях и неукоснительно соблюдала правила поведения. Когда мы достигли императорского||величия, ты целиком взяла 89
на себя дела внутренних покоев, днем и ночью следила за порядком и не допустила никаких упущений. Посему надлежит пожаловать тебе высокий титул и провозгласить главной на женской половине. Ныне направляем исполняющего обязанности *тайвэя*, заслуженного сановника, помогающего в управлении, *гуанлудафу*, *цзяньцзяо*, *тайфу*, ведущего дела палаты Шаншушэн, имеющего почетные титулы *шанчжуго* и *кайгогуна* области Фэньян, получившего на кормление селение в тысячу семей и пожалованного кошелем с изображением рыбы из червонного золота Го Чунтао, чтобы с биркой в руке вручить тебе грамоту на титул и объявить императрицей. Возрадуемся! Какие бы трудности ни предстояли вначале, рассчитывать надо на то, что будет в конце, — вот о чем должен думать государь. Таким образом, мы будем вечно наслаждаться благоволением Неба, и ты тоже обретешь безграничное счастье. Быть посему!»

Танский государь сразу же повелел Го Чунтао провозгласить госпожу Лю императрицей. После того как императрица Лю явилась к подножию трона и поблагодарила за милость, она вернулась во дворец и послала щедрые подарки Го Чунтао.

Теперь расскажем о том, что императрица Лю происходила из бедной семьи. Отец ее занимался врачеванием и гаданием. В детстве она попала в плен и была отдана во дворец, где ее осчастливил вниманием танский государь. Во времена пребывания в Вэй отец, прослышав о возвышении дочери, приехал в Вэйчжоу и явился к ней с визитом. Глубоко оскорбленная этим императрица гневно сказала: «Когда меня увозили из деревни, отцу не посчастливилось быть убитым мятежными солдатами, как же теперь этакий старый деревенщина осмелился прийти сюда!» И она повелела дать ему палок за воротами дворца. Императрица

от природы была коварна и завистлива, единственным ее занятием было накопление — что бы ей ни попалось, сухой прут или какие-нибудь овощи, она все перепродавала в погоне за выгодой. Когда ее провозгласили императрицей, подношения, поступавшие со всех концов страны, стали делиться на две части: одна подносилась Сыну Неба, другая — государыне. Императрица ничем другим не занималась, как только переписывала сутры и жертвовала их монахам и монахиням.

Третий месяц. Правитель Хэнани Чжан Цюаньи и все командующие военными округами направили во дворец поздравительные подарки: жемчуга и ценных товаров поступило на десятки тысяч.

Четвертый месяц. Кун Цянь стал давать взаймы деньги простым людям, скупая затем у них по дешевке дорогое; он неоднократно письменно требовал от властей округов и уездов поступать так же.

Когда в прошлом году танский государь сражался у Хулю, актер по имени Чжоу Цза попал в плен к Лян. Государь все время думал о нем. Когда вошли в Бянь, Чжоу Цза явился на аудиенцию и, увидев государя, со слезами сказал: «Ваш покорный слуга потому остался жив, что лянские *цзяофанши* Чэнь Цзюнь и *нэйюаньши* Чу Дэюань приложили к этому все свои силы. Прошу ваше величество воздать им назначением на должности гражданских правителей в два округа». Танский государь ответил согласием. Го Чунтао обратился к нему с увещеванием: «Все, с кем ваше величество завладели Поднебесной, были храбрецами, отличавшимися мужеством и преданностью. Теперь, когда пришло время награждать за заслуги, вы даете их не воинам, прошедшим сражения, а прежде всего назначаете актеров гражданскими правителями. Боюсь, что верные и преданные слуги трона возмутятся, и, случись нужда, обратиться будет не к кому». Танский го-
90 сударь воздержался от назначения. Прошел год,‖актер Чжоу Цза вторично попросил государя, и государь сказал Го Чунтао: «Мы уже дали обещание Чжоу Цза. Хотя ваши слова и справедливы, однако ради нас поступитесь своим мнением и проведите назначение».

Пятый месяц. Актеры Чэнь Цзюнь и Чу Дэюань императорским повелением были назначены на должность гражданских правителей.

Седьмой месяц. Император прибыл в Лэйшань и совершил благодарственное жертвоприношение духам Неба.

Двенадцатый месяц. Танский государь и императрица Лю прибыли в дом правителя Хэнани Чжан Цюаньи. Чжан Цюаньи выставил для них множество подарков. Императрица, возбужденная вином, обратилась к государю: «Ваша наложница в детстве потеряла отца и мать, прошу разрешения служить Цюаньи как отцу». Танский государь согласился. Перепуганный Чжан Цюаньи

решительно отказался, но императрица настаивала, после этого ему пришлось принять поклон императрицы и снова поднести подарки, в благодарность за милость. На следующий день *ханьлинь сюеши* Чжао Фэну было приказано составить письмо с благодарностью Чжан Цюаньи. Чжао Фэн доложил: «С древности и поныне не бывало такого, чтобы мать Поднебесной назвала сановника своим отцом, не смею представить указ». Танский государь одобрил его прямоту и наградил серебряным сосудом и сотней кусков шелка.

Астрономическая обсерватория доложила, что планете Инхо [22] угрожает комета и что это грозит государю бедой от огня. Сановники обратились к государю, умоляя его совершенствовать добродетель, дабы отвратить несчастье. Государь сказал: «Огонь может принести беду, так прикажите держать у городских ворот побольше воды, этого будет достаточно, чтобы ее отвратить».

Первый месяц третьего года Тун-гуан (925 г.). Командующий военным округом Ичэн Ван Ду явился ко двору с изъявлением покорности. Для его встречи государь Тан решил отвести площадь для игры в мяч. *Люшоу* Чжан Сянь, напомнив, что на площади находится алтарь, где государь восходил на престол, сносить который поэтому нельзя, просил отвести площадь западнее дворца. Через несколько дней, когда начатая работа была еще не завершена, государь все-таки распорядился снести алтарь, воздвигнутый для церемонии его восшествия на престол. Чжан Сянь снова доложил: «Этот алтарь — место, где государь принял повеление Неба, как же можно сносить его?» Но государь Тан повелел обоим *юйхоу* [23] снести алтарь. Чжан Сянь ушел и в частном разговоре с Го Чунтао сказал: «Небом пренебрегают, основы преступают — быть здесь беде!»

Евнухи, решив расширить штат императорских наложниц, пустили слух, что ночью во дворце появляются привидения. Они говорили так: «В годы Сянь-тун и Цянь-фу в женских покоях дворца было не менее десяти тысяч женщин. Теперь на женской половине пусто, из-за этого там и бродят духи». Тогда государь Тан приказал евнуху Ван Юньпину и актеру Цзин Цзиню отобрать три тысячи простых женщин и поместить их в задних покоях дворца.

Раньше на горе Утайшань жил монах-волшебник Чэн Хуэй, который говорил, что умеет справляться с небесным драконом и может повелевать ветром и дождем. Так как в четвертом месяце стояла сильная засуха, государь Тан отправил за Чэн Хуэем посла. Когда тот прибыл в Лоян, государь вместе с императрицей, наложницами и сановниками двора поклонился ему. Только Го Чунтао не отвесил поклона. Чэн Хуэй невозмутимо сидел на месте и не подумал подняться. Моление о дожде было совершено, но прошло более десяти дней, а дождь так и не пошел. «Чэнь Хуэй‖молением о дожде морочит императору голову,— сказал Го 91

Чунтао.— Во времена Чунь-цю [24], чтобы вымолить дождь, сжигали колдунью, сейчас колдунью можно заменить Чэн Хуэем, сожжем его, дождь и пойдет». Узнав об этом разговоре, Чэн Хуэй-тайком сбежал. И государь даже не наказал его!

Наступил шестой месяц. В течение семидесяти пяти дней подряд лили дожди, реки переполнились и затопили поля — травы нигде не стало видно. Государь Тан страдал от сырости и духоты, поэтому евнухи заявили: «Во времена процветания Чанъани во дворце было свыше ста павильонов, а сейчас у императора и места нет, где бы он мог скрыться от духоты. Танский государь повелел Ван Юньпину [25] построить особый павильон. Евнух сказал: «Го Чунтао все время твердит слова Кун Цяня о том, что денег на расходы не хватает, и хмурит по этому поводу брови. Боюсь, что, хотя ваше величество и пожелали заняться строительством, он непременно найдет возражение».— «Мы сами возьмем деньги из дворцовой казны,— сказал государь,— разве это повредит делу?» И он послал приближенного передать Го Чунтао: «Жара в этом году стоит небывалая. В давние же времена на Реке наш походный лагерь находился в низине, было сыро, мы, одетые в латы, скакали верхом, приходилось оказываться под стрелами и камнями, и все-таки такой жары там никогда не испытывали. Сейчас я спокойно живу во дворце и жару выносить не могу, почему это?» Го Чунтао сказал посыльному: «Вернешься обратно, доложи государю, что в те давние времена на Реке опасный враг не был уничтожен, обида не была отомщена; и, хотя стояла сильная жара, на нее не обращали внимания. Сейчас, когда с внешней бедой покончено и внутри страны царит повиновение, даже на самой прекрасной террасе, в самой располагающей к отдыху беседке духота все равно будет чувствоваться. Если его величество еще не забыли времена на Реке, жара сама перестанет ощущаться». Танский государь все-таки повелел Ван Юньпину возвести павильон, чтобы скрыться от жары; истраченных денег сосчитать было невозможно, каждый день на строительстве трудились десять тысяч человек. Го Чунтао обратился к государю с увещеванием: «Нынче в Хэнани и наводнение, и засуха, продовольствия войскам не хватает, прошу приостановить строительные работы до урожайного года». Танский государь не внял совету. Через двадцать дней павильон был готов, простой народ тяжело вздыхал.

Четвертый год Тун-гуан (926 г.). Продовольствия для войск не хватало. Танский государь повелел правителю Хэнани заблаговременно собрать летний и осенний налоги — людям стало нечем жить. Первые министры во главе сановников двора представили доклад, предлагая взять из государственной казны ценности для обеспечения едой войск. Танский государь хотел удовлетворить просьбу. Императрица Лю сказала: «Я и супруг повелеваем множеством владений хотя и благодаря военным успехам, но тем

не менее по велению Неба. А раз имеется благословение Неба, какое нам дело до недовольства людей?» Когда первые министры около тронного зала стали обсуждать ее слова, императрица из-за ширмы подслушала их разговор. Через мгновение она выслала туалетный набор и два серебряных таза, и трое малолетних принцев, передавая их министрам, сказали: «Это то, что осталось из подношений, поступивших к нам со всех [областей] страны, просим взять на продовольствие доблестным войскам». Именитые‖сановники испугались и ушли. 92

Теперь расскажем о том, что, когда на Ли Сыюаня насели взбунтовавшиеся солдаты, Ли Шаожун, находившийся в Вэйчжоу, доложил, что Ли Сыюань восстал. Ли Сыюань отправил к императору посла с докладом, в котором пожаловался на несправедливое обвинение и объяснил, что, если бы Ли Шаожун не чинил препятствий, ничего бы не произошло. Ши Цзинтан сказал Ли Сыюаню: «Далян — опорный пункт всей Поднебесной, прошу дать мне три сотни конников, я выступлю вперед и захвачу его».

Танский государь выехал из Лояна. Остановившись в Сышуе, он услыхал, что войско Ли Сыюаня находится в Лияне, и послал туда сына Ли Сыюаня, Цзицзина, чтобы тот призвал отца к государю. По дороге Цзицзин был убит Ли Шаожуном. Когда Ли Сыюань прибыл в Хуачжоу, танский государь направил к нему с послом некоторую сумму денег и поставил условие: «Получит тот, кто войдет первым». Ши Цзинтан с отборным[26] войском вошел в [ворота] Фэнцю[мэнь][27], закрепился на стенах города и послал человека поторопить Ли Сыюаня со вступлением в Далян. Когда государь Тан прибыл в Ваньшэнчжэнь и узнал, что Ли Сыюань вошел в Далян, он тут же приказал войскам повернуть обратно; из двадцати пяти тысяч человек, сопровождавших государя, более десяти тысяч разбежались. Проезжая на обратном пути через Инцзыгу, государь встретился с солдатами гвардии: «Только что сообщили,— сказал он,— что Вэй-ван идет из Сичуани с золотом и серебром на пятьсот тысяч. Когда он прибудет в столицу, все, разумеется, будет передано вам».— «Ваше величество,— ответили гвардейцы,— жаловать нас уже поздно[28], это не поможет спасти положение!» Танский государь снял тогда халат и пояс и подарил их свите. Евнух *нэйкуши* Чжан Жунгэ сказал, что с раздачей подарков покончено [навсегда][29]. Охранники, выхватив мечи, погнались за ним со словами: «Благодаря вот таким наш государь и потерял престол». Чжан Жунгэ убежал. Обратившись к остальным евнухам, он [сказал]: «Все это вызвала жадность [императрицы][30], а теперь сваливают на нас. Если дело у государя не выйдет, нас разорвут на десять тысяч [кусков][31], я не в состоянии ждать этого». И он утопился в Реке.

Первый день четвертого месяца. Танский государь снова собирался двинуться в Сышуй. Когда перед отъездом готовили дорожный багаж, *цунмачжи чжихуэйши* Го Цунцянь во главе своего отряда атаковал ворота Синцзяомэнь [32]. Услыхав о мятеже, [военачальники] немедленно увели своих солдат в лес передохнуть; ближайшие сановники и военачальники охраны поснимали с себя латы и сбежали, только *саньци дучжихуэйши* Ли Яньцин, *цзюньцзяо* Хэ Фуцзинь, Ван Цюаньбинь и некоторые другие — всего человек десять — вышли навстречу врагам. Неожиданно в танского государя попала стрела. *Инфанжэнь* Шань Ю, поддерживая государя, довел его до галереи палаты Цзянсяодянь [33] и выдернул стрелу. Государь, сильно страдая от жажды, скончался. Все приближенные разбежались. Шань Ю обрядил государя, положил поверх покойного музыкальные инструменты и сжег его. Императрица Лю собрала в дорожный мешок золото и драгоценности, привязала его к седлу и сбежала вместе с Шэнь-ваном Цуньво, Ли Шаожуном и другими, спалив палаты Цзяциндянь [34].

Тем временем Ли Сыюань подошел к Инцзыгу и узнал, что танский государь погиб. Оплакав его кончину, он вступил в Лоян и остановился в собственных палатах. Военачальникам был отдан приказ прекратить грабежи и поджоги; из пепла извлекли
93 останки Чжуан-цзуна и уложили в гроб.‖Сановники двора, предводительствуемые Доу Лугэ, подали Ли Сыюаню прошение, в котором убеждали его вступить на престол. Ли Сыюань объявил военачальникам: «Я получил приказ покарать разбойника. К несчастью, мои подчиненные подняли бунт и разбежались. Я собирался явиться ко двору, чтобы объявить о своей вине, но Ли Шаожун воспрепятствовал этому и привел государя к беде. Ваше предложение не соответствует моим намерениям. Прошу об этом больше не говорить!» Сановники двора стали просить его принять регентство. Трижды подавали они прошение, наконец Ли Сыюань вступил во дворец Синшэнгун [35]. Он принял по рангам явившихся к нему на прием сановников и объявил, что его приказы будут называться наставлениями — *цзяо*.

Императрица Лю бежала в Цзиньян и вступила там в связь с Цуньво, но его [вскоре] убили солдаты. Императрица осталась в Цзиньяне, выдавая себя за монахиню. Ли Сыюань послал туда человека, и она сразу была убита. Кроме того, был схвачен и казнен Ли Шаожун, которого снова назвали Юань Синцинем. Ли Сыюань издал приказ — наставление, в котором резко обличал *цзуюнши* Кун Цяня в таких преступлениях, как распутство и лесть, притеснение и ущемление армии и народа, и повелел казнить его. И еще [36] во всех областях были упразднены должности инспекторов войск. Чиновники убеждали Ли Сыюаня провести церемонию восшествия на престол. Ли Шаочжэнь и Кун Сюнь просили изменить название государства. Ли Сыюань сказал: «Когда мне было всего тринадцать лет, я служил Сяпь-цзу, и он отно-

сился ко мне как к сыну; затем до пятидесяти лет служил я покойным государям, прошел с ними через военные лагеря и сражения, никогда не оставляя ни в радости, ни в горе. Дело жизни У-хуана — это дело и моей жизни; Поднебесная покойного государя — это и моя Поднебесная. Так можно ли членам одной семьи называть государство разными названиями?» Ли Сыюань облачился в траурное одеяние и перед гробом покойного государя вступил на престол. Сановники были в траурной одежде. Когда пришло время принять повеление Неба, Ли Сыюань надел императорское облачение. Сановники в парадном платье возгласили государю «десять тысяч лет» и принесли поздравления. В Поднебесной была объявлена большая амнистия. Число наложниц в заднем дворце [37] сократили до ста, служителей-евнухов осталось тридцать, *цзяофанов* — сто, *инфанов* — двадцать, на императорской кухне — пятьдесят человек. Императорским указом всей стране и окраинам запрещалось подносить двору ловчих птиц и диковинные безделушки. Все номинальные должности, занимаемые *чжусыши*, были упразднены. Гвардию расквартировали для прокормления в столичном округе, чтобы сократить перевозки продовольствия. Отменялись летний и осенний налоги, а также подношения от командующих военными округами. Вот уж можно сказать, что начало правления было ясным и светлым!

Танский государь грамоты не знал, и поступавшие к нему отовсюду доклады он приказал прочитывать Ань Чжунхуэю. Ань Чжунхуэй тоже не очень-то во всем разбирался и предложил государю учредить при Ханьлиньюане должности *сюеши* палаты Дуаньминдянь, избрав туда образованных ученых. Два человека — Фэн Дао и Чжао Фэн — получили назначение.

Первый месяц третьего года Тянь-чэн [38]. Танский государь сменил свое имя на Дань; Фэн Дао и Цуй Се стали *тунпин-чжанши*.

Третий месяц. Государь назначил Ши Цзинтана на пост *фуши* гвардии.

Десятый месяц. В государстве Тан с палаты финансов списали недоимки на два миллиона связок.

Двенадцатый месяц. Некий прорицатель Чжоу Сюаньбао, увидев когда-то в Цзиньяне танского государя, сказал, что танский государь достигнет такой знатности, что словами не передать. ||Вступив на престол, танский государь решил призвать Чжоу 94
Сюаньбао во дворец. Чжао Фэн сказал: «Слова Сюаньбао сбылись, и вашему величеству незачем обращаться к нему снова. Если сейчас пригласить его в столицу, всякий сброд потянется, конечно, к его дверям и будет наперебой допытываться, что сулит судьба. Испокон веков пустое слово гадателя часто толкало людей на истребление друг друга». Танский государь внял его словам, дал почетную должность *гуанлуцина* в отставке и щедро наградил золотом — около двухсот *лянов* — и двумястами кусками шелка.

Второй месяц третьего года Тянь-чэн[39]. Царевич Цунцань был нрава упрямого и непреклонного. В то время Ань Чжунхуэй как любимец императора широко пользовался властью, но Цунцань не считался с ним. Когда государь объезжал свои восточные владения, Цунцань, пируя с гостями в парке Хуэйцзеюань[40] и выпив лишнего, в шутку взошел на императорское место. «Если мне удастся восседать на этом месте,— сказал он,— вам не надо будет печалиться, что вы не станете знатными и богатыми».

Ань Чжунхуэй, сочтя поступок непочтительным, доложил о нем государю и попросил осудить виновника. Танский государь пожаловал Цунцаня смертью.

Наместник северной столицы Цунжун с детства был высокомерен и своенравен, держался заносчиво и не занимался делами управления. Танский государь послал своего приближенного в Северную столицу, чтобы урезонить и образумить Цунжуна. Посланный сказал Цунжуну: «Правитель Хэнани почтителен и добродетелен, он проявляет большую опытность в делах. Вы годами старше его и всячески должны стараться, чтобы ваша репутация была не ниже, чем у правителя Хэнани». Цунжун вернулся к себе и обратился за советом к Ян Сыцюаню: «Приближенный императора такие ведет разговоры, уж не хотят ли меня сместить?» Ян Сыцюань сказал на это так: «Вам надо навербовать в войско смельчаков, как следует подготовить и обучить латников и подумать о собственной безопасности». Посланный тайно проведал об их разговоре и сообщил о нем Фэн Юню. Фэн Юнь направил государю секретный доклад. Тогда император призвал Фэн Юня ко двору и назначил его *сюаньхуэйши*. Фэн Юнь сказал высшим сановникам: «Цунжун вспыльчив и безрассуден, следует выбрать ему в помощники ученого высокой добродетели».— «Мы должны обсудить это с нашими главными сановниками»,— сказал государь Тан.

Шигуаньсючжуань Чжан Чжаоюань обратился к государю с увещеванием. Его доклад гласил: «Вашему покорному слуге представляется, что младшим братьям и сыновьям покойного государя по душе были театральные представления; являясь ко двору, они занимались нарядами супруг и наложниц, выступив в поход, хвастались главным образом слугами и конями; если их привычки были таковы, с чего им было стать мудрыми и добродетельными? По глупому разумению вашего покорного слуги, в наставники царевичам надо избрать ученых, обладающих добродетелью, и заставить царевичей покорно учиться служить им. Пусть слушают правильные речи, пусть совершают правильные поступки; пусть постигают ученость, чтобы уяснить принципы долга, которым они должны следовать; пусть соприкасаются с образованными, чтобы понять, отчего зависят благоденствие и несчастье страны, которые их ожидают.

||В древности, когда правитель народа вступал на престол, он 95
утверждал в Весеннем дворце [41] наследника; тем самым первая жена отделялась от наложниц и создавалась преграда источникам возникновения смут и несчастий.

Сейчас, когда следует решить вопрос о передаче престола и выборе наследника, ваш слуга не смеет быть безразличным и безответственным в обсуждении. Что касается грани между беспредельным благодеянием и отдельным пожалованием, различия между брачными узами и случайным вниманием, разделения жен и наложниц, старших и младших, то следует указать на угрозу уравнения со стороны низших и необходимость добиваться пресечения этих устремлений — тогда в короткий срок можно воспитать добродетельные качества; если же самовольство станет привычкой, потом не удастся выбрать правильный путь и порядка не станет.

С почтением докладываю, дабы ваше величество обратили свое внимание».

Ознакомившись с докладом, государь Тан вздохнул, признав преданность сановника, но использовать доклад все-таки не смог.

В том году созрел большой урожай. И государь Тан, мирно беседуя как-то с Фэн Дао о делах правления, заметил, что зерна в нынешнем году ожидается много и в стране повсюду царит спокойствие. Фэн Дао на это сказал так: «Когда-то ваш покорный слуга находился при ставке покойного государя и был отправлен послом в Чжуншань. В пути пришлось проходить через труднодоступный Цзинсин. Ваш слуга, опасаясь, что лошадь может свалиться, направлял ее весьма осторожно и внимательно, поэтому горечи падения пережить не пришлось. Когда же едешь по местности, где дорога становится ровной, внимание отвлекается, об опасности забываешь, поводья спокойно опускаются, лошадь спотыкается и падает, а ты неизбежно летишь вниз. Раскаиваться здесь нужно не в чем другом, как только в своей неосмотрительности. Разве для владыки Поднебесной дело обстоит иначе? В давние времена Фэн И [42], обращаясь к ханьскому Гуан-у, сказал: „Желаю, чтобы государь не забывал о трудностях в Хэбэе, а ваш жалкий слуга не посмеет забыть милости, оказанной в Цзиньчэ“ [43]. Ваш покорный слуга тоже хочет, чтобы вы не забывали времена Даляна, тогда все живое в Поднебесной будет благоденствовать в мире и покое, что было бы большим счастьем для государства». Танский государь несколько раз одобрил сказанное.

А теперь рассказ наш будет о том, какая же история приключилась с Фэн И. В то время, когда Гуан-у ловил Ван Лана и его войску и коням не хватало еды, *чжубу* Фэн И в Улоутине снабдил его вареными бобами, а когда подошли к Хутохэ, дал

еще пшеничной каши. После того как Гуан-у достиг успеха и вступил на престол, он со своим приближенным отправил Фэн И в подарок драгоценности, платье, деньги, шелка и велел посланному передать следующее: «В спешке у Улоутина — вареные бобы, у Хутохэ — пшеничная каша, и столь щедрое великодушие до сих пор не получило вознаграждения». Склонив голову в благодарности, Фэн И ответил: «Мне известно, что циский Гуань Чжун сказал Вэй-гуну [44] так: „Желаю, чтобы государь не забывал „о выстреле в пряжку", а ваш слуга не забудет о позорной клетке на телеге" [45]. Вот почему государство Ци, помня об этом, и стало первым из всех». Фэн Дао привел эту историю танскому государю, уповая на то, что танский государь станет думать об опасностях и во времена благополучия.

Однажды Мин-цзун спросил Фэн Дао: «Урожай в этом году
96 созрел обильный, ведь народ разбогател,‖не правда ли?» Ответ Фэн Дао гласил: «Из всех четырех сословий страны землепашцы более всего достойны сочувствия; выдается неурожайный год — они разбредаются и умирают бродягами, случается урожай — они страдают от дешевизны зерна. Вашему слуге помнится, что у *цзиньши* Не Ичжуна [46] было стихотворение „Страдания земледельца"; лучше, чем там, не скажешь».— «Попробуйте вспомнить это стихотворение»,— попросил Мин-цзун. Фэн Дао проскандировал:

В месяц второй
шелк новособранный продан;
В пятой луне
хлеб новосжатый сдаем.
Мы исцеляем
прыщик, под глазом вскочивший,
Но отрезаем
мясо от сердца куском.

Мин-цзуну пришлись по вкусу эти слова, он приказал приближенным записать стихотворение и часто скандировал его.

Мин-цзун видел, что в стране царит беспорядок, что настоящего хозяина в государстве нет. Каждую ночь возжигал он в своих покоях благовония и тайно обращался к Небу с мольбой: «Слуга твой — родом из инородцев, он не должен быть государем Срединного государства. Дело дошло до того, что латники не имеют передышки, все живое печалится и страдает. Всевышнее Небо! Молю, скорее ниспошли народу Срединного государства в правители мудрого человека». В тот год в лагере Цзяма под Бяньляном родился Чжао Тай-цзу [47].

Первый год Чан-син (930 г.) [48]. Ань Чжунхуэй направил с поддельным указом хэчжунского *янэй чжихуэйши* Ян Яньвэня к командующему военным округом царевичу Ли Цункэ, чтобы

изгнать его. А дело заключалось в том, что в те времена, когда Мин-цзун находился в Чжэиьдинлу, Ли Цункэ, пируя вместе с Ань Чжунхуэем, напился и поколотил его. Протрезвев, он признал свою вину и раскаялся в содеянном, но Ань Чжунхуэй в душе все-таки не успокоился. Когда Цункэ стал командовать Хэчжуном, Ань Чжунхуэй не раз оговаривал его перед Мин-цзуном, тайно желая погубить его. Мин-цзун не придавал значения его наветам, и поэтому появился поддельный указ, чтобы подстрекнуть Цункэ на мятеж. Получив приказ Ань Чжунхуэя, Ян Яньвэнь выждал, когда Ли Цункэ выехал из города наблюдать за тренировкой конницы, и заставил солдат закрыть ворота, чтобы воспрепятствовать Ли Цункэ войти обратно в город. Ли Цункэ послал человека выяснить, в чем дело. Ян Яньвэнь в ответ сказал: «Я не посмел бы быть неблагодарным за милости, но получено предписание от палаты Шумиюань, вас просят явиться ко двору». Ли Цункэ отправил посла просить срочной помощи у Мин-цзуна. Мин-цзун потребовал ответа от Ань Чжунхуэя, тот сказал: «Этот лукавец болтает чушь, его следует наказать». Мин-цзун решил подкупить Ян Яньвэня, чтобы самому расспросить его о деле, Ань Чжунхуэй тогда попросил начать карательный поход против Цункэ и приказал Со Цзытуну с войском выступить против Ли Цункэ. Мин-цзун сказал Со Цзытуну: «Во что бы то ни стало доставь мне Ян Яньвэня живым, я хочу от него самого узнать, что произошло». Ли Цункэ двойными переходами прошел путь, явился ко двору и лично пожаловался на свою обиду. Мин-цзун выговорил ему и велел возвратиться домой. А Со Цзытун, прибыв в Хэчжун, отрубил в конце концов голову Ян Яньвэню, чтобы оклеветанный Ли Цункэ||не мог оправдаться. Мин-цзун призвал к себе 97
Ань Чжунхуэя и стал выговаривать ему: «Моего сына сбивают с толку коварные люди, он не может разобраться, где правда, где ложь, а вы не хотите оставить его жить, так ведь? Раньше, когда мы занимали пост *сяоцзяо* и семья терпела нужду, этот малыш, чтобы поддержать дом, собирал конский навоз, а теперь, когда я стал императором, я, выходит, не могу защитить своего сына? Что вы намерены с ним сделать, чтобы вам было удобно?» — «Ваше величество решит это сам»,— сказал Ань Чжунхуэй. «Тогда пусть он живет на покое в собственных палатах, и больше не о чем разговаривать»,— ответил Мин-цзун. Он дал царевичу Цунжуну титул Цинь-вана, а царевичу Цунхоу — титул Сун-вана.

Некогда были стихи, в которых говорится так:

Терпеть нельзя, коль кость и плоть
друг другу смерть несут.
Стремился клеветник Чжунхуэй
навлечь неправый суд.
Когда б отцовского пути
не сохранил Мин-цзун,
Боюсь, подсунут был бы вновь
указ казнить Фусу [49].

В предании рассказывается вот какая история о Фусу: когда Цинь Ши-хуан выехал к Лишань, то, прибыв в Шацю, он скончался. Ли Сы, который был канцлером, скрыл это и не объявил траура; вместе с Чжао Гао они подделали указ о пожаловании наследного принца Фусу смертью, возвели на престол Хухая[50] и в результате довели до гибели Поднебесную дома Цинь. Случись так, что танский Мин-цзун не сумел бы распознать клевету Ань Чжунхуэя, и отец с сыном[51] стали бы уничтожать друг друга. Мин-цзун из-за этого начал постепенно отстранять от себя Ань Чжунхуэя.

Так как Ши Цзинтан, напав на Шу, не добился победы, Мин-цзун решил лично выступить в поход, чтобы самому руководить военными действиями. Ань Чжунхуэй сказал: «Если слава войска не гремит, это вина вашего покорного слуги. Прошу, разрешите мне отправиться руководить военными действиями».

Второй год Чан-син (931 г.). Император отозвал Ань Чжунхуэя и назначил его командовать военным округом Хуго. Как только Мин-цзун освободил Ань Чжунхуэя от службы при дворе, он призвал к себе Ли Цункэ и со слезами сказал ему: «Если бы исполнилось то, что задумал Ань Чжунхуэй, ты не смог бы снова увидеть своего старого отца!» Он назначил Ли Цункэ на пост *дацзянцзюня* левой гвардии.

Теперь же расскажем о том, что одна из супруг императора Мин-цзуна, госпожа Ван, происходила из семьи булочников, красоты она была необыкновенной, за что ее прозвали Цветы посрамившая. В детстве ее продали в служанки лянскому военачальнику Лю Синю, [позднее] Мин-цзун взял ее в задний дворец. Когда Мин-цзун обсуждал вопрос о возведении императрицы, определилось, что императрицей должна стать госпожа Цао. Госпожа Цао сказала *шуфэй*[52]: «Я давно уже болею, жить мне тяжело, ты, сестрица, станешь со временем вместо меня императрицей».— «Императрица‖избирается в пару императору, это высочайшее положение, кто же посмеет отказаться?» — ответила *шуфэй*. Госпожа Цао была объявлена императрицей, госпожа Ван стала *шуфэй*.

98

Пятый месяц. Ань Чжунхуэй подал доклад с просьбой об отставке; в добавочном месяце появился указ об отставке его с должности *тайши* наследника.

Хуанчэнши Чжай Гуанъе давно ненавидел Ань Чжунхуэя, поэтому Мин-цзун, посылая его в Хэчжун, чтобы разобраться, что там происходит, сказал: «Если Ань Чжунхуэй задумал измену, убей его». Когда Чжай Гуанъе прибыл в Хэчжун, Ли Цунчжан с латниками окружил дом Ань Чжунхуэя, явился к нему и отвесил перед ступенями поклон. Испуганный Ань Чжунхуэй спустился со ступеней и поклонился в ответ, Ли Цунчжан с остервенением набросился на него и убил, потом он убил и госпожу Чжан — жену Ань Чжунхуэя.

Шестой месяц. Императорским указом в Поднебесной устанавливался равный для всех налог на землю.

Девятый месяц. Высочайшим повелением были распущены пять служб ловчих птиц, впредь они не должны были существовать ни в столице, ни на окраинах. Фэн Дао сказал: «Если государь пришел к такой мысли, можно сказать, что он милосерден даже к птицам и зверям».— «Когда-то мы сопровождали императора У-хуана на охоте,— сказал Мин-цзун,— осенний урожай только созрел; вдруг зверь бросился в поле, и конников послали поймать его. Когда зверя поймали, собирать с поля было уже нечего. Поразмыслил я над этим и понял, что охота приносит вред, а не пользу, вот ведь как получается, поэтому и не хочется, развлекаясь охотой, снова уничтожать крестьянские поля».

Второй месяц третьего года Чан-син (932 г.). Училищу Гоцзыцзянь[53] было приказано вырезать доски «Девяти классических книг»[54] и напечатать их для продажи.

Теперь расскажем о том, что Цинь-ван Цунжун был человеком легкомысленным и бравым, с ястребиным взглядом; любил он поэзию, ему нравилось приглашать к себе литераторов и под вино импровизировать стихи. Мин-цзун спросил Цунжуна: «Кроме управления войском чем ты еще занимаешься?» — «Если есть свободное время, читаю и беседую с учеными людьми о смысле классических книг»,— ответил тот. Мин-цзун сказал: «В классических книгах содержатся основы взаимоотношений между государем и подданными, между отцом и сыновьями, тебе необходимо приближать к себе виднейших знатоков учености. Твое же окружение и литературные занятия — не дело; люди узнают, станут смеяться. Я уже состарился, сути классических книг мне не постичь, однако я всегда рад послушать, что в них говорится, а вот, например, таким вещам, как легковесные стишки, учиться не следует».

Ань Чжунхуэй умер, и Ван-шуфэй с Мэн Ханьцюном добились указа о назначении Фань Яньгуана и Чжао Яньшао *шумиши*. Цунжун презирал их.

Ши Цзинтан ко всем прочим должностям занимал пост *фуши* гвардии. Его супруга принцесса Юн-нин была по отцу сводной сестрой Цинь-вана Цунжуна, но они с братом давно ненавидели друг друга. Цунжун все время завидовал принцу Цунхоу, который превзошел его славой. Ши Цзинтан не хотел служить вместе с Цунжуном и все время просился в пограничный военный округ, чтобы удалиться от Цунжуна. Как раз в это время в страну вторглись кидани, и Мин-цзун повелел||избрать главнокомандую- 99
щего в Хэдун. Фань Яньгуан и Чжао Яньшоу[55] рекомендовали Ши Цзинтана. Мин-цзун назначил Ши Цзинтана командующим в Хэдуне. Когда Ши Цзинтан с войском прибыл в Цзиньян, он назначил *буцзянов* Лю Чжиюаня и Чжоу Гуя на должности *дуяя* и поручил им наиболее ответственную службу: дела военного ве-

домства целиком легли на Лю Чжиюаня, а казна перешла в ведение Чжоу Гуя.

Третий месяц четвертого года Чан-син (933 г.). Государь дал своему сыну Цункэ титул Лу-вана, а Цунъи — титул Сюй-вана. *Тайпу шаоцин чжиши* Хэ Цзэ подал доклад с просьбой объявить Цунжуна наследником. Ознакомившись с докладом, Мин-цзун заплакал и сказал своим приближенным: «Сановники просят назначить наследника, видно, нам следует возвращаться в старое жилище в Тайюань и там заканчивать жизнь». Он издал указ с повелением первым министрам и *шумиши* обсудить этот вопрос. Цунжун явился на прием к государю и сказал: «Я молод и еще желаю учиться управлять армией и народом, носить же имя наследника не хочу». Уйдя от государя, он явился к Фань Яньгуану и Чжао Яньшоу и сказал им: «Что, управители намерены отнять у меня военную власть и заточить в Восточном дворце?» Фань Яньгуан и другие сообщили об этом Мин-цзуну, и он назначил Цинь-вана Цунжуна *дайоаньшуай* пешего и конного войск Поднебесной.

Одиннадцатый месяц. Мин-цзун заболел. Цинь-ван Цунжун явился к нему справиться о здоровье. У Мин-цзуна была опущена голова, и он даже не поднял ее. Едва Цунжун вышел из дворца, как стало слышно, что во дворце раздался плач. На следующее утро, сказавшись больным, он не явился к государю, а послал Ма Чуцзюня сказать Чжу Хунчжао и Фэн Юню: «Цинь-ван хочет вступить с охраной во дворец и находиться при больном, чтобы быть готовым к чрезвычайным событиям». Оба сановника ответили Ма Чуцзюню: «Да пребудет государь в добром здравии! Вану надлежит всем сердцем сохранять ему преданность и сыновнюю почтительность, не следует так легко доверять пустым слухам». Цинь-ван рассердился и еще раз послал Ма Чуцзюня сказать Чжу Хунчжао и Фэн Юню следующее: «Что, господам сановникам не нравится наш род? Почему меня задерживают?» Чжу Хунчжао и Фэн Юнь обратились к Ван-шуфэй и Мэн Ханьцюну и срочно пригласили на совет Кан Ичэна. А Цунжун с тысячным отрядом пехоты и конницы уже ждал у Тяньцзиньцяо [56]. Он снова послал Ма Чуцзюня к Фэн Юню домой со словами: «Цинь-ван сегодня непременно войдет во дворец, жизнь и судьба всех вас в этой минуте». Фэн Юнь быстро прошел в ворота Юемэнь [57], увидел там Чжу Хунчжао и с укором сказал Кан Ичэну: «Мы — простолюдины, достигшие высоких военных и гражданских должностей, [и мы должны решить], как быть с императором, если Цинь-вану с войском удастся войти в ворота?» Кан Ичэн крутил и так и эдак, но ничего определенного не говорил, а тут вдруг дежурный по охране ворот доложил: «Подошло войско Цинь-вана, стоит за воротами Дуаньмэнь [58]. Какие будут распоряжения?» Мэн Ханьцюн решительно тряхнул руками, направился вперед и пошел прямо в ворота палаты [59]. Чжу Хунчжао и Фэн

Юнь вошли следом за ним. Мэн Ханьцюн явился к Мин-цзуну и сказал: «Цунжун поднял‖мятеж, его войско атакует ворота 100
Дуаньмэнь». У Мин-цзуна потекли слезы, и, указав на Небо, он сказал: «Цунжун презрел мои милости, вам надо принять надлежащие меры, чтобы все осталось на своих местах, нельзя пугать мой народ!» В это время сын Ли Цункэ, Ли Чунцзи, занимавший пост *чжихуэйши* одного из отрядов дворцовой стражи, тоже находился около больного. Мин-цзун подозвал к себе Ли Чунцзи и сказал: «Мы с твоим отцом вместе воевали, не щадили себя под стрелами и камнями, чтобы завладеть Поднебесной. А чем отличился Цунжун? Подталкиваемый людьми, пошел он против нас! Надо призвать твоего отца и вручить ему военную власть, пусть уничтожит этого злодея-бунтовщика». Растроганный до слез Ли Чунцзи повел свой отряд защищать дворцовые ворота. Мэн Ханьцюн немедленно призвал *чжихуэйши* конного войска Чжу Хуши и приказал ему вести пятьсот конников, чтобы покарать Цунжуна. Цунжун возвратился к себе. *Хуанчэнши* убил Цунжуна и представил его голову [государю], убит был и его сын. В тот же день Цунжуна посмертно лишили титулов и объявили простолюдином.

К Сун-вану Цунхоу, командовавшему военным округом Тяньсюн, направили Мэн Ханьцюна, чтобы призвать во дворец. На следующий день Мин-цзун скончался, было ему тогда шестьдесят семь лет.

Двенадцатый месяц. Минь-ди Цунхоу вступил на престол, девиз правления был изменен на первый год Ин-шунь (934 г.) [60].

Первый месяц. Ко двору вызвали Лу-вана Цункэ, но он под предлогом болезни не явился. Все послы, отправленные в Фэнсян, доложили, что Цункэ что-то затевает. Чжу Хунчжао и Фэн Юнь, завидовавшие успехам Цункэ, не хотели допустить, чтобы в руках его сына Ли Чунцзи была сосредоточена военная сила, и направили Чунцзи служить в качестве *туаньцзяньши* в Бочжоу. А дочь Ли Цункэ, которая была монахиней и жила в Лояне, призвали во дворец. В душу Цункэ закрались сомнения и страх.

Чжу Хунчжао и Фэн Юню не нравилось, что Ши Цзинтан долго находится в Тайюани, и без вручения императорского указа, направив только извещения с послами, они переместили Лувана Цункэ управлять Хэдуном, а Ши Цзинтана перевели управлять Чэндэ. Цункэ заподозрил неладное и не согласился поклониться приказу. Он распространил по соседним областям воззвание, текст которого гласил:

«Чжу Хунчжао и другие сосредоточили в своих руках власть при дворе, следует опасаться, что они низвергнут престол. Ныне я намерен явиться ко двору, дабы очистить окружение государя, но сил недостаточно, боюсь, справиться не удастся. Хочу просить поддержки и помощи у соседних военных округов для завершения великого дела».

Ван Сытун и другие задержали послов Ли Цункэ и довели обо всем до сведения государя. И только Сян Лицзинь из Лунчжоу открыто склонился на сторону Цункэ.

Третий месяц. Императорский двор приказал Чжан Яньвэю [61] взять под свое командование войска Чжан Цяньчжао, Сунь
101 Хань‖шао, Чжан Цунбиня и Кан Фу, чтобы объединенными силами пяти командующих покарать Фэнсян. Когда войско подошло к Фэнсяну, Цункэ поднялся на городскую стену и со слезами обратился к войску: «Когда я еще не носил шапки совершеннолетнего, я с покойным государем участвовал в походах и боях, прошел сотню тяжелейших сражений, был рядом со смертью, тело мое покрыто ранами. Мы вместе овладели Поднебесной, вы сами видели все это. Сейчас новый государь поверил клевете старых скотов Чжу и Фэна и губит своих родных. Чем я провинился, что должен понести кару?» Кончив говорить, он разрыдался. Военачальники, услыхав эту речь, смахнули слезы и повернули свои копья против Чжан Цяньчжао. Чжан Цяньчжао бежал. Ян Сыцюань громко крикнул Цункэ: «Вы — мой государь!» Он приказал войску сложить оружие и попросил принять капитуляцию. Лу-ван собрал в городе ценности и шелка и передал все в награду войску, а потом, установив флаг и барабан *дацзяна*, с главными силами двинулся на Чанъань.

Когда Минь-ди Цунхоу узнал о подходе главных сил, он решил лично выехать навстречу Лу-вану, чтобы уступить ему престол. Но Кан Ичэн в это время надумал бросить все силы на отпор врагу. Когда войско Лу-вана подошло к Чжаоину, в плен был захвачен Ван Сытун. Лу-ван, побранив его, хотел простить ему вину, но Ян Сыцюань и Лю Яньлан опоили Лу-вана и по подложному указу убили Ван Сытуна. Передовые отряды Лу-вана подошли к стенам Шаньчэна. Солдаты громко закричали: «Стотысячная императорская гвардия возвела на престол нового императора, а вы, жалкая кучка бездельников, собираетесь ждать, пока вас вместе с населением смешают с землею?» Услыхав это, воины друг за другом бросились из города и попросили принять капитуляцию.

Минь-ди Цунхоу, услыхав о мятеже, пригласил к себе Чжу Хунчжао, чтобы обсудить, что делать дальше. Чжу Хунчжао бросился в колодец. Ань Цунцзинь убил Фэн Юня в его собственном доме и с головами обоих сановников явился в ставку Лу-вана. Минь-ди бежал в Вэйчжоу.

Когда Лу-ван дошел до Цзянцяо [62], сановники двора, выстроившись по рангам, вышли ему навстречу. Лу-ван отдал распоряжение: «Пока не побуду у гроба государя, я не могу видеться с людьми». Лу-ван посетил вдовствующую императрицу и *тайфэй* и прямо от них направился в Западный дворец, где пал ниц перед гробом государя и, рыдая, объяснил причину, заставившую его оказаться во дворце.

Сановники двора с Фэн Дао во главе, став по рангам, явились к Лу-вану на прием и поклонились, ван поклонился в ответ. Фэн Дао дважды подавал доклады, убеждая Лу-вана вступить на престол, но тот отвечал: «Мой поступок совершен отнюдь не ради захвата власти. Подожду, пока прах императора вернется во дворец и будет совершено погребение, тогда я вернусь обратно охранять границу. О том, что вы мне предложили, мне не хотелось бы больше слышать».

На другой день вдовствующая императрица издала приказ о низложении Минь-ди и пожаловании ему титула Ао-вана; Лу-вану передавалось управление страной и армией. Прошло еще три дня, вдовствующая императрица объявила приказ о том, что Лу-ван может стать императором, и, облачившись в императорское платье, Лу-ван перед гробом вступил на престол.

Лу-ван был родом из Пиншани, что находится в округе Чжэньчжоу,‖его подлинная фамилия была Ван. Когда Мин-цзун с 102
войском проходил через Пиншань, он захватил мать Лу-вана, госпожу Вэй [63], вместе с мальчиком, воспитал его как сына, и дал имя Цункэ. Когда мальчик вырос, он стал храбрым и искусным в сражениях, Чжуан-цзун часто называл его прозвищем Асань — Третий.

После того как Лу-ван вступил на престол, девиз правления был изменен на Цин-тай [64]. Он послал к Минь-ди Ван Луаня и пожаловал его отравленным напитком. Минь-ди напитка пить не стал, и Ван Луань удавил его веревкой. Гражданский правитель Цычжоу Сун Цюаньсюнь послал гонца справиться о здоровье государя; услыхав, что Минь-ди убит, он долго плакал, а потом удавился.

Чиновники любыми способами изымали у народа средства, чтобы наградить войска, но удалось набрать всего шестьдесят тысяч. Фэй-ди [65] рассердился, [приказал] [66] заключить *цзюньсюньши* в тюрьму и сам стал днем и ночью руководить поборами. Люди не знали, куда податься, многие бросались в колодцы или вешались.

[Государь] [67], взяв государственную печать, вместе с семьей поднялся в башню Сюаньулоу [68], приказал солдатам принести огонь и совершил самосожжение. Только Ван-шуфэй и Сюй-вану Цунъи удалось спастись, спрятавшись на площади для игры в мяч.

Цзиньский государь вступил в Лоян. Танские войны [69], сложив оружие, признали себя виновными. Императорским указом Цункэ был низложен и объявлен простолюдином. В то время было ему пятьдесят один год. Как только войска цзиньского Гао-цзу Ши Цзинтана вошли в Лоян, он приказал солдатам разыскать пепел и кости [Лу-вана] и захоронить в Хуэйлине. А Хуэйлин — это место упокоения танского Мин-цзуна. Могила в Хуэйлине — хол-

мик земли высотой чуть больше *чи*, путник, увидев ее, [конечно], прослезится.

В стихах говорится:

Смешно, что так старался Яэр
возвысить Позднюю Тан:
Четыре правителя — три семьи,
но сколько убийств и ран!
Кто знал, что десять лет пролетят,
за ними еще четыре,—
Всего, предсказанного когда-то,
и впрямь дождется Ши-лан.

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦЗИНЬ 103

СОДЕРЖАНИЕ

Цзюань 1

(*Начало отсутствует*)
возводит принцессу Юн-нин в ранг императрицы
Чтобы подкупить киданей, Ши Цзинтан отдает шестнадцать округов
Ши Цзинтан изменяет название девиза правления на первый год Тянь-фу, государство получает название Цзинь

Цзюань 2

Кидани назначают Ши Чжунгуя наместником
Главные силы танского государя покидают Хуайчжоу
Ши Цзинтан прощается с киданьским государем и ведет войска на юг
Танский государь совершает самосожжение
Цзиньский государь Ши Цзинтан вступает в Лоян
Цзиньский государь подает доклад с поздравлениями киданьскому государю
Цзиньский государь переносит столицу и делает главным городом Восточную столицу
Цзиньский государь собирается лишить Лю Чжиюаня военной власти
Ань Чжунжун подбивает тугухуней сдаться Цзинь
Ань Чжунжун задерживает киданьского посла
Сан Вэйхань подает доклад с увещеванием цзиньскому государю
Лю Чжиюань увещевает цзиньского государя[1] не восставать
Лю Чжиюань выезжает командовать в Еду
Ань Чжунцзинь поднимает мятеж
‖Ду Чжунвэй убивает Ань Чжунжуна 104
Цзиньский государь посылает киданям голову Ань Чжунжуна
Цзиньский государь Ши Цзинтан умирает
Ци-ван Чжунгуй вступает на престол
Отправляет посла известить киданей о постигшем несчастье

Цзин Яньгуан [уговаривает государя] назваться внуком, а не подданным
Цзин Яньгуан отправляет Цяо Жуна обратно к киданям
Лю Чжиюань увеличивает вербовку в войска, готовясь к обороне
Чжунгуй возводит в ранг императрицы свою тетку госпожу Фэн
Чжао Яньшоу убеждает киданей начать карательный поход против Цзинь
Цзиньский государь расквартировывает войско в Шаньчжоу
Лю Чжиюань убивает киданьского Вэй-вана
Киданьская армия отступает
Киданьские войска окружают Цичэн
Цзиньский государь снимает с Цичэна осаду
Цзиньские войска преследуют и бьют киданей
Цзиньский государь собирает по всем областям у народа средства
Сан Вэйхань снова становится у кормила власти
Большие силы киданей снова вторгаются в страну
Цзиньский государь издает указ о личном походе
Фу Яньцин бьет и прогоняет киданей
Лиса поднимается на ложе государя и сидит со сложенными лапами
Сан Вэйхань отправляет к киданям посла договориться о мире
Кидани требуют [прибытия] Цзин Яньгуана и Сан Вэйханя
Киданьский государь гневно отвечает цзиньскому послу
Кидани вторгаются в страну
Ду Вэй и Чжан Яньцзэ объединяются для отпора киданям
Ду Вэй переходит на сторону киданей
105 ‖Кидани посылают Чжан Яньцзэ с передовым отрядом
Чжан Яньцзэ разбивает ворота Фэнцюмэнь и входит [в Далян]
Цзиньский государь Чжунгуй сдается киданям
Чжан Яньцзэ поносит Сан Вэйханя
Чжан Яньцзэ позволяет солдатам устроить грабеж
Чжан Яньцзэ убивает Сан Вэйханя
Киданьский государь с помощью костяных бирок считает преступления Цзин Яньгуана
Цзин Яньгуан душит себя
Киданьский государь вступает в ворота Миндэмэнь
Гао Сюнь жалуется на Чжан Яньцзэ
Киданьский государь повелевает убить Чжан Яньцзэ
Гао Сюнь вырезает сердце Чжан Яньцзэ для совершения жертвоприношения умершим
Киданьский государь дает Чжунгую титул Фу-и-хоу — *хоу* «нарушившего верность»
Киданьский государь убивает в воротах собак и подвешивает баранов
Киданьский государь отдает приказ о переходе на китайское платье

Командующие пограничными военными округами являются к киданьскому государю с изъявлением покорности
Киданьский государь препровождает Чжунгуя в свою страну

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦЗИНЬ

Цзюань 1

«...[2] Если назначение главнокомандующего вы проведете так, словно призываете к себе дитя малое, это явится причиной, которая заставит Хань Синя уйти». Тогда Хань-ван воздвиг в сорока *ли* от Баочжоу алтарь. Алтарь состоял из трех ярусов соответственно трем силам природы: небу, земле и человеку. Выбрали день, [Хань-ван] постился, совершил положенные церемонии и назвал Хань Синя главнокомандующим.

Раньше люди гадали, кто же займет этот пост, но церемония показала, что во главе армии стал Хань Синь — Отрежьте то, что между ног[3]. Войска были напуганы и ошеломлены. Став главнокомандующим, Хань Синь добился замечательных успехов: захватил Вэй-вана Бао, пленил Ци-вана Гуана, покорил Янь, усмирил Чжао. Сян-ван послал к Хань Синю У Шэ с предложением изменить Хань и разделить с Чу Поднебесную на три части — тогда Хань Синь получит титул вана. Хань Синь поблагодарил и сказал: «Я состоял на службе у Сян-вана более года, но в чине выше *ланчжуна* не поднялся. Советов моих не принимали, планов моих в жизнь не проводили, поэтому я ушел из Чу и перешел на сторону Хань. Хань-ван удостоил меня печати главнокомандующего и дал многотысячное войско. Когда я отторг земли Ци, меня пожаловали титулом вана, а зваться правителем южного края не значит, что мне не повезло. Госпожа приблизила меня к себе и полностью доверяет мне. Если я сейчас покажу спину, худшей неблагодарности быть не может. Поблагодарите, вернувшись, от моего имени Сян-вана». По рекомендации Сяо Хэ[4] Хань Синь стал ваном в Ци — это и называется «достичь успеха с помощью Сяо Хэ».

Подобно тому как Хань Синь воспользовался влиянием Сяо Хэ, Ши Цзинтан признал киданьского государя отцом, прирезал в дар ему земли шестнадцати округов, платил дань по триста тысяч кусков шелка ежегодно, и государь киданей возвел его на престол Великой Цзинь.

К тому времени, когда Гао-цзу овладел Поднебесной, Хань-ван уже вступил в Чу, прошел по всем городам и расположил там свои войска. Люди стали говорить государю, что Хань Синь мятежник. Государь посоветовался с Чэнь Пином[5]. Чэнь Пин научил Гао-цзу представить дело так, будто он отправляется в Юньмэн

и собирает в Чэнь всех удельных князей. Он говорил: Хань Синь узнает, что император совершает объезд страны, и непременно выедет встретить государя, а когда он явится, его надо схватить — для этого достаточно одного солдата. Гао-цзу воспользовался планом, захватил Хань Синя и хотел его казнить. Хань Синь вздохнул: «Недаром люди говорят: „Убили зайца — варят верного пса; подстрелили птицу — прячут добрый лук; разбили врага — убирают
108 советника".‖В Поднебесной утвердился порядок — и меня, конечно, надо в котел». На Хань Синя надели ручные колодки, и государь вернулся в Лоян. Он все-таки помиловал Хань Синя и дал ему титул хуайиньского хоу. Хань Синь приехал в Хуайинь и, обиженный несправедливостью, договорился с Чэнь Си совместно выступить против Люй-хоу[6]. Люй-хоу обратилась к Сяо Хэ. Сяо Хэ подучил Люй-хоу объявить, будто Чэнь Си схвачен и казнен. Когда обманутый Хань Синь явился с поздравлениями, императрица приказала схватить его и казнить вместе со всей семьей в трех поколениях. Это называется «потерпеть крах с помощью Сяо Хэ».

Подобно тому как Хань Синь попался на хитрость Сяо Хэ и погиб от руки Люй-хоу, цзиньский Чу-ди попал к киданям из-за измены Ду Вэя. До конца своих дней оставался он в руках врагов и после смерти стал духом земли этих презренных.

Страна киданей — страна варваров, людей диких и жестоких, которые только силой добивались покорности, они не умели действовать ловко и трезво, учитывая обстоятельства. А вот ведь, например, танский император Гао-цзу! Когда он восстал и захватил трон Суй, он послушался совета Лю Вэньцзина[7], назвался подданным тюркского кагана и благодаря военной силе тюрок основал государство, просуществовавшее три сотни лет. А несравненный император Тай-цзун, славный своей доблестью и милосердием, объединивший Поднебесную! День и ночь занимался он государственными делами, не смыкая глаз и забывая об усталости! Он использовал мудрых министров Фана и Ду[8] и применил полководческий талант Ли Цзина; поверил преданным советам Вэй Чжэна и послушался добрых увещеваний Ван Гуя[9]; он установил административное деление страны на внутренние и пограничные области[10], подобное делению на *сян* и *суй*[11], зафиксированному в *Чжоу гуань*[12]; ввел систему надела земли по едокам[13], подобную системе «колодезных полей»[14], описанной в *Чжоу гуань*; дал указание назначать на должность соответственно таланту, как это было во времена «шести министров»[15]; установил нормы законности, заменил наказания с членовредительством битьем палками, подобно тому как были введены запреты кодекса «Пяти наказаний»[16]. Поэтому-то в мирные и благодатные годы Чжэнгуань тюркские старейшины и склонили головы перед императорским двором, а вожди варварских племен, вооруженные мечами, несли службу в охране государя. А коль скоро сумели победить

жестокость и коварство тюрок, в будущем смогли избежать и их вероломства.

Когда Ши Цзинтану было всего десять лет, он со своим отцом Не Лэйцзи поехал охотиться на военных полях округа Минчжоу. Ши Цзинтан и его старший брат ехали верхом и увидели летящего в небе гуся. У Ду Гунбу [17] есть стихи:

Гусь сиротливый
еды не клюет и не пьет;
В небе кричит,
вспомнив о стае летучей.
Кто пожалеет,
что одинокую тень
Скроют вот-вот
тысячеслойные тучи.
Скрылся из глаз —
кажется, виден еще;
Множится плач —
вроде бы слышится лучше...
Нет, то вороны
без толку в поле галдят,
Громко орут,
[с криком сбиваются в кучи] [18].

‖Увидев гуся, Ши Цзинтан поставил условие: каждый пускает 109
по стреле, победит тот, кто попадет в крыло. Ши Цзинтан натянул лук, подобный луне, спустил стрелу, быструю, как падающая звезда, и точно попал в левое крыло. Стрела брата пронзила шею гуся. Между братьями вспыхнула ссора — старший не признавал себя побежденным. Ши Цзинтан взмахнул железной плетью, которую держал в руке,— у брата вылетели два передних зуба. Испугавшись, он не осмелился вернуться домой и встретиться с отцом, а ушел за пределы округа, куда глаза глядят. А тут случилось так, что в дом Ци Тэмо потребовался работник. Ши Цзинтан нанялся к нему пасти овец. В поле Ши Цзинтан располагал стадо по росту в две шеренги и устраивал сражение: бараны бились и бодались, каждый стремился одолеть другого. Ши Цзинтан, словно главнокомандующий, руководил боем и отдавал приказания. Однажды выйдя из дома, Ци Тэмо увидел, как развлекается Ши Цзинтан. Это показалось ему весьма необычным. Вдруг на одного барана напал волк. Ши Цзинтан вскочил волку на спину, понесся на нем верхом, отбил барана и, связав живым волка, вернулся к Ци Тэмо. Видевший все это Ци Тэмо очень обрадовался: «Раз ты так смел и силен, я научу тебя приемам военного искусства, не пропадать же такой силе!» — «А я уже давно умею ездить на лошади и стрелять из лука, зачем учиться?» — ответил Ши Цзинтан. «Я не знал, что ты в совершенстве владеешь приемами военного искусства,— сказал Ци Тэмо,— но раз так, давай устроим состязание, посмотрим, чья возьмет?» — «Посмею ли я, мальчуган, соперничать со взрослым,— сказал Ши Цзинтан,— вот с молодым господином я бы померился силой». После таких слов

Ци Тэмо пришлось позвать своего сына Асулу и дать по паре коней и луков, чтобы юноши показали себя в искусстве боя. Ши Цзинтан вскочил на коня, взял лук и повесил на пояс стрелу. Подождали, появился наряженный Асулу: на голове у него был позолоченный шлем, на теле латы из серебряных пластин; держа лук, он сел на коня. Кони — словно тигры, что дерутся над обрывом за добычу, люди — будто драконы, что в пучине волн за драгоценность бьются. Недолго длился бой, только видят: в глаз Асулу попала стрела Ши Цзинтана. Ничего вслух не сказал Ци Тэмо, но, негодуя в душе, решил, не дожидаясь удобного случая,
110 убить работника. Вернулись домой, и тут слово жены его||остановило. Как это говорится:

Будто бы вишенки, алые губы
чуточку приоткрылись —
И, словно туя, могучий муж
был сразу спасен от смерти.

У Дайэр, жена Ци Тэмо, сказала: «Послушай, когда я из терема наблюдала за поединком, увидела, как голову нашего молодого работника укрыло фиолетовое облако, на лошади появился черный дракон. Когти и рога дракона были цвета золота, и блеск их слепил глаза. В будущем этого работника ждет славный удел». Ци Тэмо обсудил услышанное с Асулу, и они надумали убить Ши Цзинтана как-нибудь на охоте. Но У Дайэр услыхала их разговор. Тогда она тихонько дала Ши Цзинтану пять *лянов* золота и велела бежать, прихватив у них хорошего скакуна.

Теперь расскажем о том, что, когда Ши Цзинтан получил деньги, он поблагодарил госпожу У Дайэр, тут же вскочил на коня и поскакал в направлении Вэйчжоу. Там он вступил в стражу командующего военным округом Чжан Яня, которая носила название «Отряд серебряных пик». Ши Цзинтан был человеком серьезным, болтовни и шуток не любил. Позднее Хэ Дэлунь захватил Вэйчжоу, убил Чжан Яня, с пятьюстами конников из «Отряда серебряных пик» перешел на сторону танского Чжуанцзуна и стал служить в его личной страже. Следуя[19] за Чжуанцзуном, имя которого было Ли Цуньсюй, Ши Цзинтан участвовал в походах и боях, сумел отличиться и был назначен *цзунгуанем* в коннице Ли Цуньшэня. Когда Мин-цзун, имя которого было Ли Сыюань, защищал в округе Чжэньчжоу город Дэшэн, у него во время боя с Чжан Чуцзином и Хань Чжэнши упала лошадь. Ши Цзинтан спрыгнул с коня, подхватил Ли Сыюаня, посадил его на своего коня, потом повернулся, железной плетью прикончил Хань Чжэнши и взял в плен больше тысячи человек. За это Ли Сыюань очень полюбил Ши Цзинтана, отдал ему в жены свою дочь принцессу Юннин и назначил на пост *фума дувэй* в дворцовую стражу.

Когда наступил второй год правления Тянь-чэн[20] (927 г.)

династии Тан, Ши Цзинтан за свои многочисленные заслуги получил пост *фуши* гвардии.

Однажды, сопровождая Мин-цзуна на охоте, Ши Цзинтан загнал белую лису. Воины поймали ее и принесли Ши Цзинтану. Белая лиса заговорила человеческим голосом: «Не убивай меня, в будущем я щедро вознагражу тебя за милосердие. Моя дочь Шулюй находится на севере, она имеет большое влияние. Ты, 111
родственник императора великой Тан, в будущем станешь моим внуком, тебе обеспечено богатство и знатность. Не забывай же меня в необычные дни твоего будущего!» Едва она кончила говорить, как поднялся сильный ветер, взметнулся песок, сдвинулись камни, но через мгновение вокруг прояснилось — белой лисы как не бывало. «Удивительное, странное происшествие»,— сказал Ши Цзинтан.

Девятый месяц первого года Тан-син[21]. Дун Чжан поднял в Ланчжоу мятеж. Какой-то буддийский монах сказал Дун Чжану: «Ваше имя соответствует гаданию. Вы непременно станете государем».— «Что означают ваши слова?» — спросил Дун Чжан. «Тысяча *ли* — трава и трава, при яшме сочинение, название государства „земля Лопин", заяц в золотой кровати,— сказал монах.— „Тысяча *ли* — трава и трава" — это ведь иероглиф *дун*, а „при яшме сочинение" — иероглиф *чжан*».— «Я родился в год *синь-мао*,— сказал Дун Чжан,— знак *мао* соответствует зайцу, а *гэн-синь* означает, что я родился под знаком „золото". Выражение „заяц в золотой кровати" точно указывает на меня». Дун Чжан решился на мятеж, он провозгласил себя императором в Шу и изменил девиз правления на Ло-пин. Танский государь назначил Ши Цзинтана командующим военным округом Тяньсюнцзюнь и направил с войском схватить Дун Чжана. Ши Цзинтан разбил лагерь под Дунъюанькоу. Дун Чжан выстроил напротив оборонительного вала две тысячи своих лучших солдат и выехал из строя. «Я служил императору Великой Лян. После того как танский государь уничтожил Лян, я удалился в Шу. Зачем явился ты сюда и напал на меня? — сказал он.— Если знаешь толк в деле, поскорее поворачивай обратно. Не захочешь уйти, я схвачу тебя в бою живым и изрублю на десять тысяч кусочков. Раскаяние тогда не поможет!» Ши Цзинтан стегнул коня и выехал из строя: «Старый разбойник! Когда ты был слугой в доме Ли[22] и зарабатывал пропитание, убирая конский навоз, ты был благодарен за то, что не бедствуешь. Теперь ты командующий военным округом, чем же не угодил тебе император, что ты изменил ему?» Кони бросились в бой, Дун Чжан притворился побежденным, Ши Цзинтан бесстрашно погнался за ним и попал в засаду. С сотней всадников ему удалось прорваться через строй врагов и уйти. На обратном пути в Личжоу отряд повстречался с Гуанъе, сыном Дун Чжана. Ши Цзинтан захватил Дун Гуанъе живым и в клетке отправил в ставку танского государя. Там Гуанъе был казнен.

Одиннадцатый месяц. Мэн Чжисян напал на Цяньчжоу и взял город. Государь Тан повелел Ши Цзинтану немедленно выступить в поход и захватить Цзяньчжоу. Подойдя к Цзяньмэнь, Ши Цзинтан разбил лагерь в местности Бэйшань округа Цзяньчжоу и занял круговую позицию. Командующий силами противника Чжао Тинъинь выстроил войска в прямоугольник на холмах позади крепости. Ли Чжао построил в прямоугольник войска у моста
112 через реку. Ши Цзинтан‖с пятитысячным отрядом пехоты пошел в бой. Чжао Тинъинь отобрал и спрятал в засаде на половине пути пятьсот лучших стрелков, распределил их по местам и стал ждать. Когда Ши Цзинтан возвращался, его атаковали. Два коня ринулись в бой; и десяти схваток не прошло, как вдруг поднялся дикий ветер, закружился песок, понеслись камни; люди и кони стали топтать друг друга. Когда Ши Цзинтан и Чжао Тинъинь сблизились на расстояние длинного копья, Ши Цзинтан поднял знамя, барабаны забили атаку, солдаты засады заметались и стали давить друг друга. Ши Цзинтан, сидя на коне, расстреливал их из тугого арбалета. Потом он атаковал позиции у моста через реку [23]. Ли Чжао пал, сраженный стрелой Ши Цзинтана. Армия Чжао Тинъиня была рассеяна, сам он бежал с десятком всадников.

В это время императорский двор направил Ань Чжунхуэя инспектировать войска, находившиеся в походе против Шу. Когда Ань Чжунхуэй прибыл в Личжоу, он пригласил к себе Ши Цзинтана и спросил: «Поход против Шу длится уже полмесяца, где же ваши успехи?» — «Дороги в Шу труднодоступные, наступать по ним тяжело, поэтому добиться успехов довольно трудно»,— ответил Ши Цзинтан. «В течение месяца вы должны схватить Дун Чжана,— сказал Ань Чжунхуэй.— Если с ним не будет покончено, я подам государю доклад о лишении вас чинов и званий». Ши Цзинтан выслушал приказ и удалился. Только он вышел, как ему подали письмо Чжу Хунчжао, командующего в Фэнсяне, который писал:

«Хунчжао с почтением направляет письмо *фума дувэй даши* господину Ши. Недавно в Фэнсяне побывал господин Ань. Он остановился в моем доме, подробно изложил причины вторжения в Шу и выказал в отношении вас много неприязни. Действует он грубо, замыслы у него далекие; он собирается явиться к вам в ставку и во что бы то ни стало лишить вас военной власти, а разве это не вызовет волнения среди ваших подчиненных? Не лучше ли для вашего блага довести до сведения двора, что вы опасаетесь беспорядков в войске и просите скорее отозвать вас с войском из похода? Пока военная сила у вас в руках, нечего опасаться чужой воли. Идти же на разногласия и бороться с противодействием Ань Чжунхуэя без войска не в ваших интересах. С чувством глубокой привязанности излагаю чистую правду, буду счастлив, если вы обратите свое внимание».

Когда Ши Цзинтан пробежал глазами письмо Чжу Хунчжао, страх и сомнения овладели им, и в тот же день он повел свои войска обратно. Сичуаньские отряды преследовали его до Личжоу, но не настигли и вернулись ни с чем.

Третий год Чан-син. Цинь-ван Цунжун увлекался поэзией и литературой. Каждый день он собирал вокруг себя людей пустых и ничтожных, и в забавах с ними проводил время; он хвастливо превозносил свои заслуги||и ни во что не ставил таких заслуженных сановников двора, как, например, *шумиши* Фань Яньгуан, Чжао Яньшоу и другие. Принцесса Юннин, жена Ши Цзинтана, и Цинь-ван, ее сводный брат по отцу, давно ненавидели друг друга. Ши Цзинтану не хотелось находиться при дворе в должности гвардии *фуши*, и он стремился в пограничный район, чтобы избавиться от Цинь-вана. Как раз в это время киданьские войска вторглись в страну, и государь Тан приказал сановникам избрать полководца, который возглавил бы войска и оборону Хэдуна. Фань Яньгуан и Чжао Яньшоу доложили: «Из военачальников сейчас только Ши Цзинтан и Кан Ичэн годятся на эту должность». Для всестороннего обсуждения вопроса о назначении командующего в Хэдун были собраны все высшие сановники двора. Фань Яньгуан и Чжао Яньшоу решили рекомендовать Кан Ичэна. Но и Ши Цзинтан стремился занять пост за пределами столицы. И вот *шуми чжисюеши* Ли Сун доложил: «Хэдун — важный пограничный район, и никого, кроме *тайвэя* Ши, с его признанным влиянием и авторитетом, назначать туда нельзя». Императорский двор назначил Ши Цзинтана командующим в Хэдун. Ши Цзинтан прибыл в Цзиньян и все дела по войску полностью передал *буцзяну* своей стражи Лю Чжиюаню, а ведать казначейством поручил Чжоу Гую. Когда гражданский правитель Вэйчжоу Чжан Яньчао, давний враг Ши Цзинтана, узнал о назначении Ши Цзинтана командующим, он, вздохнув, сказал: «Неужели я поступлюсь своими убеждениями и стану служить врагу?» — и сдал Вэйчжоу киданям. Кидани, услыхав, что Ши Цзинтан с войском прибыл в военный округ, направили к нему посла с предложением мира. За городской стеной Цзиньяна была заколота лошадь, на ее крови заключили союз, и посол уехал назад. 113

Второй месяц первого года Ин-шунь (934 г.) правления танского императора Минь-ди. Чжу Хунчжао, находившийся при дворе, выразил недовольство тем, что Ши Цзинтан долго находится в Тайюани, и Ши Цзинтана перевели командующим в Чэндэ. Одновременно Лу-ван Цункэ получил приказ о переводе в Хэдун. В душу Лу-вана закралось подозрение, он поднял в Фэнсяне войска и восстал. Когда Лу-ван подошел к Вэньсяну, что находится в округе Шаньчжоу, военачальники, вплоть до Кан Ичэна, явились к нему в ставку и сдались. Минь-ди, пытаясь спастись, бежал в Вэйчжоу.

Четвертый месяц. Когда Минь-ди находился в нескольких *ли*

восточнее Вэйчжоу, он встретился с Ши Цзинтаном — единственным, кто повел войска ему на помощь. Минь-ди, чрезвычайно обрадованный приходом войск, пригласил к себе Ши Цзинтана, расспросил о планах и поручил ему дело восстановления законной власти. Когда Ши Цзинтан услыхал о том, что Кан Ичэн примкнул к мятежу Лу-вана, он опустил голову, несколько раз тяжко вздохнул и отправился к Ван Хунчжи, гражданскому правителю Вэйчжоу, чтобы расспросить его обо всем. «В прежние времена, 114 когда император переселялся из столицы, при нем находились‖военные и гражданские сановники, личная стража, государственная казна, печати — т. е. все четыре основы, и сановники и народ видели это,— сказал Ван Хунчжи.— Сейчас с государем следуют всего пятьдесят всадников. Это подозрительно». Получив такие сведения от Ван Хунчжи, Ши Цзинтан обратился к *гунцзянькуши* Ша Шоужуну и Бэнь Хунцзиню: «Сейчас государь находится здесь всего с несколькими всадниками, и хотя я исполнен чувства долга и преданности, чем могу я помочь в таких обстоятельствах?» Бэнь Хунцзинь резко обрушился на Ши Цзинтана: «Вы — зять императора Мин-цзуна, пока все было спокойно, вы вместе наслаждались богатством и знатностью, когда случилась беда, вы не смеете не помочь. Сейчас государя вынудили оказаться в пыли окраины, и вы должны отдать все силы, чтобы покарать мятежников и восстановить на престоле законную власть. Однако вы медлите и не двигаетесь вперед, вы колеблетесь из-за отсутствия при государе его четырех атрибутов — двора, гвардии, казны и печатей. Это значит, что вы хотите примкнуть к мятежникам и продать государя!» Выхватив из ножен меч, он пытался пронзить Ши Цзинтана, но телохранитель Чэнь Хуэй сумел спасти того от гибели. Ша Шоужуна сразила стрела Ши Цзинтана, Бэнь Хунцзинь закололся мечом.

Подчиненный Ши Цзинтана *янэи чжихуэйши* Лю Чжиюань явился со своим отрядом к государю, перерезал всех сопровождавших его конников и ушел, оставив живым одного только Минь-ди. После этого Ши Цзинтан поспешил в Лоян. Государь Тан ласково принял его, осведомился о здоровье и в знак расположения щедро одарил подарками. Раньше Ши Цзинтан и танский государь вместе служили Мин-цзуну. Оба одновременно прославились в боях своей смелостью и отвагой, но ни один из них не признавал превосходства другого. Теперь Ши Цзинтан прибыл в Лоян лишь в силу обстоятельств. А коль скоро он явился с изъявлением покорности двору, он уже не смел проситься обратно в военный округ. Как раз в это время Ши Цзинтан и заболел. Прошло десять дней, никакие лекарства не помогали, и он попросил пригласить гадателя. Фан Янь явился и разложил гадание «шести стихий» [24]— вышла формула под названием «Небесный владыка». Фан Янь объявил: «Эта формула означает, что на сердце у господина тревога. Распорядитесь, чтобы монахи помолились созвез-

дию Ковша об отвращении бедствия». В ставку пригласили монаха Чжан Шоуи, и тот с помощью заговорной воды приступил к молению за Ши Цзинтана перед духом созвездия Ковша. После полуночи, закончив обряд, Чжан Шоуи вдруг возвестил: «Эта болезнь ничему не станет помехой, однако, чтобы успешно продвигаться вперед, надо не только защищаться». Чжан Шоуи добрался до созвездия Цзывэйгун[25], повидался с владыкой — духом созвездия — и объявил решение в четверостишии.

Что же говорилось в этом четверостишии?

— Почтенный *хэшан*, позвольте спросить,
тут есть переправа пред нами
На юг от Реки? Там дядюшку ждут
со сложенными руками.—
Но из-за того что дядюшка сей
в Срединное царство явился,
Наложницы, жены, сановники, слуги —
все стали у жунов рабами.

‖Выслушав четверостишие, произнесенное Чжан Шоуи, Ши 115
Цзинтан сам разобрался, что оно означает, и болезнь вдруг прошла, будто ветром тучи разогнало, будто солнце растопило лед.

Императрица и принцесса Вэй-го, супруга Ши Цзинтана, не раз просили государя Тан об указе для Ши Цзинтана, но все военачальники Фэнсяна убеждали государя оставить Ши Цзинтана при дворе, не разрешать ему возвращаться в военный округ. Только Хань Чжаоинь и Ли Чжуаньмэй говорили танскому государю: «Чжао Яньшоу находится в Бянь, не следует выказывать недоверие Ши Цзинтану». Государь Тан видел, что Ши Цзинтан изнурен болезнью, поэтому перестал сомневаться в нем и снова назначил командующим в Хэдун. А Ши Цзинтан, возвращаясь в военный округ, строил планы только о собственной безопасности.

Государя Тан очень интересовали события, происходившие за пределами столицы, поэтому он приказал *ханьлиньсюеши* Ли Сунну, *дуаньминдяньсюеши* Ли Чжуаньмэю и *чжичжигао* Люй Ци поочередно дежурить ночью в палатах Чжунсиндянь[26] и беседовал с ними, не ложась спать иногда до полуночи. В то время двое сыновей Ши Цзинтана состояли на службе во внутренних покоях дворца. Они задаривали приближенных вдовствующей императрицы и выведывали через них самые тайные замыслы — все дела двора и все начинания сановников становились им известны. Ши Цзинтан у себя в округе часто сказывался больным. Каждый раз он говорил, что болезнь лишила его сил и он не может командовать войсками: Ши Цзинтан старался не вызывать подозрительности двора. Грабительские набеги киданей на северные районы не прекращались. Ши Цзинтан настойчиво добивался от императора помощи войсками и продовольствием. Государь указом повелел дать взаймы Хэдуну бобы и просо, приказал округу

Чжэньчжоу доставить в ставку главнокомандующего северной армией пятьдесят тысяч кусков шелка и сверх того направить из Чжэнь и Цзи полторы тысячи телег для перевозки войскам продовольствия. Народ в ту пору бедствовал — люди из-за засухи голодали, а Ши Цзинтан торопил с выполнением распоряжения государя, поэтому жители Шаньдуна начали бежать в другие области.

Ши Цзинтан сам выступил с главными силами в поход и разбил лагерь у Синьчжоу. Император направил к нему посла с милостивым указом и объявил о пожаловании войску летней одежды. Воины радостно возгласили десять тысяч лет императору — Ши Цзинтану ничего не оставалось, как спуститься со ступеней и тоже громко возгласить десять тысяч лет в сторону северной башни[27]. *Мушу* Дуань Сияо предложил Ши Цзинтану покарать зачинщиков здравиц государю. Получив приказ, Лю Чжиюань выявил тридцать шесть человек и тут же перед строем казнил их всему войску в назидание. Когда государь Тан услыхал об этом событии, подозрения и сомнения вернулись к нему.

Шестой день первого месяца третьего года Цин-тай (936 г.). Отмечался праздник «Тысячи весен» — день рождения государя Тан, и во дворце был устроен пир. Поистине:

Жемчужные туфли везде по циновкам —
тысячи три гостей;
Златые шпильки у всех на пиру —
||целых двенадцать рядов.

116

Когда пир окончился, принцесса Цзинь-го подняла кубок с пожеланием долголетия государю и при этом сказала: «Я осмеливаюсь обратиться к вашему величеству: прошу разрешить мне вернуться в Цзиньян; не смея отбыть самовольно, желаю получить высочайшее соизволение». Государь был пьян, смеясь он ответил ей: «Почему бы принцессе не остаться здесь? Что так поспешно надумали вернуться, уж не собираетесь ли восстать вместе с господином Ши?» Сыновьям Ши Цзинтана передали эти слова, они сообщили их отцу. Преисполненный подозрений Ши Цзинтан переправил в Цзиньян все свое имущество и деньги, оставшиеся в Лояне и других местах. При этом он громогласно заявил, что денег на содержание войска не хватает и он намерен восполнить их из собственных средств. Двор заподозрил Ши Цзинтана в измене. Государь весь день горевал, а ночью, обсуждая случившееся с приближенными сановниками, сказал: «Мы с господином Ши состоим в родстве, не должен был бы он таить в душе недоброе. Однако слухи не прекращаются, боюсь, что он не успокоится. Если все-таки он будет стремиться совершить ошибку, как его остановить?» Никто не решился ответить государю. Вернувшись из дворца, Ли Сун неофициально обратился за советом к Люй Ци: «Милости, получаемые нами, безграничны, мы не

должны об этом забывать. Что придумать, чтобы все уладить?» — «Если у господина Ши на уме измена, он непременно обратится за помощью к киданям,— ответил Люй Ци.— Кидани, чтобы вызволить Шила[28] и других, уже не раз предлагали нам мир и дружбу. Теперь императорский двор спокойно может отпустить Шила и остальных на родину и условиться о ежегодной выплате ста тысяч связок дани. Кидани позарятся на столь большую выгоду и с радостью пойдут на мир. А раз будет так, Хэдуну придется рассчитывать только на свои силы, и, как тогда ни показывай гордыню и своеволие, ничего у них не получится».— «Это превосходный план,— сказал Ли Сун.— Одно только: ведь вносить ежегодно сто тысяч связок монет — не мелочь, нужно обсудить это хорошенько с министром Чжаном, а потом уже доложить государю». Они отправились к Чжан Яньлану и изложили по порядку задуманное ими дело. «Удачный план,— обрадовался Чжан Яньлан.— Если император его одобрит, можно будет не только привести к покорности Хэдун и ликвидировать тлеющий очаг[29] мятежа, но и сократить расходы на содержание двора на границе. Возьмите на себя доклад государю, а если возникнут затруднения с финансами, их я улажу сам». И вот однажды Ли Сун и Люй Ци во внутренних покоях дворца тайно изложили свой план государю Тан. Тот остался им очень доволен, но потом решил узнать, каково будет мнение *шуми чжисюеши* Сюе Вэньюя. «Если вы — государь с императорским титулом — склонитесь перед варварами, это будет позором страны,— сказал Сюе Вэньюй.— Кто предложил этот план вашему величеству? А если стремления варваров будут не удовлетворены и они потребуют еще и принцессу, как *шаньюй* потребовал Чжаоцзюнь[30], как тогда отказать им?» Государь Тан немедленно призвал к себе Ли Суна и Люй 117
Ци и стал выговаривать им: «Наша единственная дочь совсем еще дитя, а вы заставляете меня склонить голову перед варварами и служить им, хотите, видно, услать мою дочь в земли Шамо?» Оба сановника признали свою ошибку. Государь Тан сказал: «Тот, кто осмелится ратовать за мир с варварами, будет наказан по военным законам». На следующий день Люй Ци был назначен на должность главы палаты цензоров.

Ши Цзинтан находился в Хэдуне. Чтобы выведать намерения императорского двора, он подавал доклад за докладом с просьбой освободить его от командования войсками, но двор не принимал доклады во внимание. Тогда, сославшись на болезнь, Ши Цзинтан снова подал доклад, текст которого гласил:

«Ваш покорный слуга Ши Цзинтан, командующий военным округом Хэдуном, благодарный за милости государя и преисполненный чести состоять в государевой родне, всегда вместе со своей страной в дни ее благоденствия и в годину бедствий.

Получив императорский указ, бросился его выполнять и с тех пор из кожи лез, не зная, как выразить свою признательность,

Последнее время из-за того, что не знаю ни сна, ни покоя на службе, болезнь моя с каждым днем усиливается, я слабею — с одеждой сам не справляюсь и совсем одряхлел.

Умоляю мудрейшего сжалиться над больным и бессильным слугой, освободить его от командования войсками и дать под начало какую-нибудь маленькую крепость, дабы можно было немного подлечиться и прийти в себя. И если продлится жизнь вашего покорного слуги, до самой смерти только и буду делать, что преданностью своей воздавать за милости вашего императорского величества.

Докладываю преисполненный почтения и покорно приму решение».

Когда танский государь ознакомился с докладом, он пригласил на совет ведущих сановников двора — государь был склонен согласиться на просьбу Ши Цзинтана и хотел перевести его командовать Юньчжоу. Ли Сун, Люй Ци и другие всячески убеждали государя просьбу не удовлетворять. Как раз в это время Сюе Вэньюй ночью один нес дежурство в палате Шумиюань. Государь пригласил его к себе и спросил, что тот думает по поводу доклада Ши Цзинтана. «По моему мнению, в Хэдуне давно уже решились на мятеж,— доложил Сюе Вэньюй.— Переведете вы Ши Цзинтана в другой округ или не переведете, мятеж все равно будет, так не лучше ли заранее противодействовать ему?» — «Слушая вас, я принял решение,— радостно сказал танский государь.— В этом году обсерватория доложила, что нынче должен объявиться мудрый сановник, который своим хитроумным планом наведет порядок в Поднебесной. Вы и есть этот мудрец». В тот же день в палату Сюешиюань был передан соответствующий документ и появился указ о переводе Ши Цзинтана командующим в Тяньпине. Когда указ объявили, сановники двора испуганно переглянулись. Чжан Цзинда получил назначение на пост *дубушу* войск северо-запада, чтобы ускорить переезд Ши Цзинтана в Юньчжоу. Ши Цзинтан держал совет со своими военачальниками: «Когда я второй раз прибыл в Хэдун, сам государь пообещал, что ни в коем случае не заменит меня здесь. Но приказ о переводе в другой округ значит то же, что и слова, сказанные принцессе на дне рождения государя. Неужели мне, сложа руки, умирать на дороге? Сейчас я еще раз направлю двору доклад и скажусь больным, надо выяснить намерения государя. Если он отменит
118 назначение в Юньчжоу,‖я до конца буду преданно служить ему, если же он надумает воздействовать на меня оружием, тогда и я соответственно переменю свое решение». Дуань Сияо, Чжао Ин и другие усиленно отговаривали Ши Цзинтана от этого плана. И только Лю Чжиюань смело выступил вперед и, почтительно опустившись на колени, сказал: «Те, кто советует вам, ваша милость, ехать в Юньчжоу, толкают вас в западню. Вы долго находитесь в войске и давно приобрели расположение воинов и

командиров. Сейчас в ваших руках весь Хэдун — район стратегически важный, воинами вы не бедны, провианта достаточно, войско — пешее и конное — полно сил. Если в случае опасности вы возьметесь за оружие, повсюду — и близко, и далеко — вас поддержат. Распространите тогда воззвание ко всем военным округам и станете императором. С какой стати повиноваться приказу — какой-то бумаге — и самому лезть тигру в пасть?» — «Вы говорите правильно,— сказал Ши Цзинтан.— С чего начнем осуществление нашего плана?» — «Ваша милость явились ко двору, и государь соблаговолил разрешить вам вернуться в округ,— сказал Сан Вэйхань.— Хэдун находится в ваших руках — это означает, что Небо изъявляет вам свое благоволение на титул вана. Вы — любимый зять Мин-цзуна, а государь, незаконно захвативший императорский престол, сейчас подозревает вас в измене; неужели пустых слов достаточно, чтобы признать себя виновным? Если подумать о собственной безопасности, беды можно избежать. Я слышал, что государь киданей заключил братский союз с Мин-цзуном, чтобы поддерживать друг друга. Вы сознательно и с чистым сердцем можете отказаться от службы здесь и перейти служить киданям. Взывай тогда император хоть до ночи, ему не помогут, к кому бы он ни обратился, и он ничего не достигнет, куда бы ни устремился».— «План превосходный»,— с благодарностью сказал Ши Цзинтан и приказал Сан Вэйханю писать доклад:

«Ваш покорный слуга Ши Цзинтан с уважением говорит: с древности государи — правители Поднебесной назначали наследником старшего из сыновей и престол передавался по линии первой жены. Этот издревле заведенный порядок и сейчас не может быть нарушен.

Когда цзиньский Сянь-гун из-за Лицзи низложил наследника и пожаловал этот титул Сици [31], беспорядки в Цзинь продолжались более десяти лет. Циньский Ши-хуан не назначил заблаговременно наследника престола, Фусу был убит, престол занял Хухай — таким образом Ши-хуан сам разрушил свое государство.

Поднебесная Тан — это Поднебесная Мин-цзуна. Император Мин-цзун в честной борьбе проложил себе путь; он довольствовался пшеничной кашей и бобами, с мечом в три *чи* в руках и на коне овладел он Поднебесной, а это ведь отнюдь не малая заслуга. Недавно, когда государь-император скончался [32], вы — незаконный сын — захватили в свои руки великое владение. Услыхав об этом, все преданные и верные мужи Поднебесной вознегодовали.

Ваш покорный слуга, по своему глупому разумению, полагает и надеется, что ваше величество вернется обратно в пограничный округ и передаст престол Сюй-вану [33]. Это утешит на небесах душу усопшего императора Мин-цзуна и будет соответствовать помыслам верных подданных и преданных мужей Поднебесной. ‖Иначе вы — военачальник, виновный в мятеже, преступник, узур- 119

пировавший трон, вступивший в запачканный кровью дворец и ввергший в тяжкие страдания народ. Будущее раскаяние вам не поможет.

Докладываю, не думая о последствиях, покорно ожидаю высочайшего указа».

Когда государь Тан увидел, сколь дерзок доклад, он разорвал его, швырнул на землю и гневно сказал: «Жалкий чиновничишка хочет поднять войска на императорский дворец!» И тут же собственноручно написал ответ. Указ гласил:

«Вы ведь находились недалеко от Ао-вана и в событиях в Вэйчжоу по-настоящему предали его. Передать престол Сюй-вану, да кто же поверит этому!? Вы направляетесь в военный округ Юньчжоу. Не вздумайте тянуть и не выехать к месту назначения. Настоящий указ дан в ответ, вам надлежит с ним ознакомиться».

Танский государь издал повеление о лишении Ши Цзинтана чинов и титулов.

Чжихуэйши из Сюнъи Ань Юаньсинь с подчиненным ему войском бежал в Цзиньян и перешел на сторону Ши Цзинтана. Ши Цзинтан сказал ему: «Нет ничего сильнее, чем императорский двор, и нет ничего слабее, чем Цзиньян. Из каких же соображений вы избираете слабость, а не силу?» — «Я не умею определять судьбу по звездам, решения я принимаю, исходя из положения дел в Поднебесной, и свои расчеты строю на основании внутренних принципов человеческих взаимоотношений, именно таким образом сделал я свой выбор».— «Что вы имеете в виду?» — спросил Ши Цзинтан. «В принципах управления Поднебесной для императора нет ничего важнее доверия и справедливости,— сказал Ань Юаньсинь.— Если сейчас император в отношении вас, его родственника и человека знатного, проявляет недоверие, как же быть людям маленьким, отдаленным от него? Без доверия и справедливости что это за человек? Его положение — ожидание на цыпочках, так какая же у него сила?» Ши Цзинтан остался очень доволен словами Ань Юаньсиня и передал в его ведение все военные дела.

Сюньцзяньши в Чжэнъу Ань Чжунжун во главе отряда в пятьсот пеших и конных воинов тоже прибыл в Цзиньян.

Осень, седьмой месяц. По приказу императора были схвачены и казнены находившиеся в Северной столице четверо сыновей Ши Цзинтана [34]. Когда Ши Цзинтан узнал об этом распоряжении императора, он, глубоко потрясенный случившимся, устремил свой взгляд на восток и горестно произнес: «Я воспринимал императора Мин-цзуна как благословение Неба. Сейчас государь затмился разумом, он поверил клевете и в один день убил четырех моих сыновей. Я не изменил, а у мертвых нет даже могил.
120 Я никогда не||посмел бы быть неблагодарным Мин-цзуну, но сейчас государь сам толкает меня на измену. Всевышнее Небо и владычица Земля, услышьте мои слова!»

На следующий день он собрал всех военачальников, устроил угощение и обсудил вопрос о мятеже. Своему секретарю Сан Вэйханю Ши Цзинтан тут же приказал писать проект доклада, в котором называл себя подданным киданьского государя; он просил прислать на помощь войска и обещал служить киданьскому государю, как отцу; в случае успеха обещал отдать в дар киданям район Лулуна и земли всех округов севернее заставы Яньмэньгуань. Лю Чжиюань усиленно пытался возражать: «Назваться подданным можно, но назваться сыном и служить киданину, как отцу,— это слишком. Согласиться на богатую ежегодную дань можно, но согласиться на отторжение земель — такой подарок чересчур щедр. Если мы поторопимся с обещаниями, то, хотя и получим поддержку, не обернется ли в будущем это для нас же бедой, а что мы тогда станем делать?» Но Ши Цзинтан сказал: «Написано будет так, как я сказал». Текст доклада гласил:

«Подданный Ши Цзинтан докладывает кагану великого государства киданьского. Ваш покорный слуга — зять танского государя. Император Мин-цзун состоял в братстве с вашим великим государством не один день. Поклялись над убитой лошадью, на ее крови заключили союз, обещали помогать друг другу в нужде, поддерживать в несчастье. Оба государства были искренни в верности и клятвы не нарушили. Сейчас Лу-ван Цункэ свергнул законного государя и возвел себя на престол. Ваш покорный слуга хотел поднять войска в карательный поход, дабы взыскать с него за вину, но войск мало, боюсь, сил не хватит справиться с великим делом. Желаю вести себя, как подобает сыну, почитая кагана своим отцом; прошу в помощь ваше отборное войско, чтобы сообща покончить с жалким прислужником. После успешного завершения дела хочу в знак благодарности отдать район Лулуна и земли севернее заставы Яньмэньгуань. Докладываю, не думая о последствиях, почтительно ожидаю согласия».

Доклад был доставлен киданьскому государю, он очень обрадовался и написал в ответ следующее:

«Каган киданей Дэ-гуан[35] шлет письмо господину *юаньшуаю* Ши: получив доклад, увидел вашу искренность. Помня о братстве с Мин-цзуном, не смею пренебречь судьбами вашей страны. По племенам уже объявлен приказ собрать войска, однако надо подождать до середины осени — отъедятся кони, созреют жужубы, и тогда всей силой мы придем на помощь. Для безопасности и благополучия лучше дождаться прихода наших войск.

Послано в ответ, лишней благодарности не надо».

||Восьмой месяц. Танский государь назначил Чжан Цзин[да][36] *дубушу* пеших и конных войск Тайюани и направил его в карательный поход против Ши Цзинтана. Войска Чжан Цзинда подошли к Цзиньяну — их целью было взять город приступом. Ши Цзинтан назначил Лю Чжиюаня *дучжихуэйши* пешего и конного войска. Лю Чжиюань доброжелательно относился к тем, кто пере- 121

ходил на сторону Ши Цзинтана, действовал всегда по закону, а не ради личной корысти, поэтому всегда мог положиться на своих людей.

Ши Цзинтан, облаченный в латы и шлем, поднялся на городскую стену, он сидел и лежал там под стрелами и камнями. «По моему мнению, у Чжан Цзинда нет каких-либо особых планов, так что опасаться нечего,— сказал ему Лю Чжиюань.— Прошу послать побольше лазутчиков, надо выяснить, что происходит за пределами города. Защищать город нетрудно, и одних моих сил достаточно, чтобы справиться с этим». Танский государь, узнав, что кидани согласились прийти в середине осени на помощь Ши Цзинтану, стал торопить Чжан Цзинда с захватом города. Но тут полили дожди, осадные валы оказались затопленными и поврежденными, и добиться успеха Чжан Цзинда не смог. Да и Лю Чжиюань все время бросал на осаждающих отряды легкой пехоты, с которыми Чжан Цзинда никак не мог справиться.

Девятый месяц. Киданьский Дэ-гуан с пятьюдесятью тысячами конницы выступил из Уянгу, подошел к Цзиньяну и стал лагерем в Хубэйкоу. Прежде всего он направил гонца передать Ши Цзинтану: «Каган киданей объявляет *юаньшуаю*: главные силы подошли, я намерен сегодня же разгромить разбойников, тебе лучше наблюдать со стороны». Ши Цзинтан немедленно отправил гонца в лагерь киданей со словами: «Уважаемый отец, утомленный тяжкими трудами, лично прибыл с главными силами, с удовольствием направляю в ставку немного подарков в награду войскам за труды». Документ, написанный по этому поводу, гласил:

«В награду войскам денег двести тысяч связок, сто бочек вина, триста баранов и двести быков». Гонец получил приказ передать следующее: «Сын Ши Цзинтан с почтением направляет подношение в ставку отца своего, кагана киданей, для поощрения войска и покорнейше уповает на снисхождение. Южное войско [37] весьма многочисленно, не лучше ли подождать со сражением до завтра?» Гонец не успел еще доехать до места, как киданьское войско начало бой с танской конницей Гао Синчжоу и Фу Яньцина. Лю Чжиюань, чтобы поддержать атаку киданей, тоже вывел своих воинов. В это время Чжан Цзинда, Ян Гуанъюань и Ань Шэньци с пешим войском расположились у гор северо-западнее города. Кидани послали туда три тысячи легких конников, и те, без лат и шлемов, ворвались прямо на позиции у северных гор. Танские воины погнали их и преследовали до Фэньцюя. Тут ударил барабан, и кидани с громкими криками со всех сторон высыпали из засады. Они атаковали танские отряды и отрезали их друг от друга. Кидани объединились с Лю Чжиюанем и перешли в наступление. Танское войско потерпело сокрушительное поражение, число убитых приближалось к десяти тысячам. Чжан Цзинда собрал остатки войска и отошел оборонять Цзиньань. Киданьское

войско||вернулось в Хубэйкоу. Ши Цзинтан казнил всех сдавших- 122
ся в плен танских воинов — более тысячи человек.

На следующее утро Ши Цзинтан отправился с визитом к государю киданей и спросил его: «Вы прошли далекий и трудный путь, люди и кони устали, как же вы сразу вступили в бой с танскими войсками и одержали полную победу?» — «Перед моим прибытием сюда,— ответил киданьский государь,— я предположил, что танские войска обязательно перережут все дороги к проходу Яньмэнь и устроят засады в стратегически важных пунктах, тогда мне не удалось бы пройти вперед. Я немедля выслал разведку, но засад нигде не оказалось, поэтому я форсированным маршем двинулся сюда, понимая, что в великом деле мы непременно победим. Мои войска только что прибыли, настроение у них было самое воинственное, не воспользуйся я этим для нанесения удара, протяни даром время, неизвестно, каков был бы исход». Ши Цзинтан был в восхищении.

Ши Цзинтан повел войска на осаду крепости Цзиньаньсай. Кидани стали лагерем южнее Цзиньани: лагерь протянулся более чем на сто *ли* в длину и на пятьдесят *ли* в глубину; внутри установили много веревочных заграждений с колокольчиками и посадили сторожевых собак — посторонний и шага не мог здесь ступить.

У Чжан Цзинда было всего пятьдесят тысяч пеших воинов да немногим более десяти тысяч коней, а куда ни глянь — всюду виднелись лагерные укрепления киданей. Чжан Цзинда растерялся и послал ко двору гонца просить срочной помощи. Танский государь очень испугался и приказал Фу Яньчао [38] стать лагерем в Хэяне; командующему в Тяньсюне Фань Яньгуану, командующему в Лулуне Чжао Дэцзюню и командующему в Яочжоу Пань Хуаню государь повелел объединить свои силы и выступить на помощь Цзиньани. Государь издал указ о личном походе. Указ гласил:

«Мы с благословения предков воспреемствовали престол и приняли на себя управление страной. Мятежный подданный Ши Цзинтан, пользуясь дальним родством с императорским домом, привлек на свою сторону киданей, которые вторглись в нашу страну, разоряют наши пограничные земли, истребляют наш народ. Мы принимаем на себя командование над всеми войсками и лично выступаем в поход. Обращаемся ко всем сановникам и простому народу: объединяйте свои сердца и силы, шире помогайте мне, слабому, в моих многочисленных затруднениях, тогда всех вас ожидает награда. Посему настоящий указ; его надлежит довести до всеобщего сведения».

Тут государя стал увещевать Юн-ван Чжунмэй: «Государь, у вас не поправились еще глаза, вам нельзя отправляться в далекий, трудный путь, где вас ожидает пыль и непогода, где вам грозит опасность от камней и стрел. Хоть я и молод, позвольте

мне заменить вас в походе на север». Танский государь в душе боялся северного похода и очень обрадовался словам Чжунмэя. Однако Чжан Яньлан, Лю Яньхао и другие тут же стали уговаривать государя лично возглавить поход, и государю Тан пришлось покинуть Лоян. Лу Вэньцзи сказал: «Хэнань — оплот нашего государства. Войска варваров вдруг пришли, вдруг и уйдут,
123 они не смогут оставаться долго. Укрепления Цзиньани весьма‖надежны, к тому же для взаимодействия с осажденными из трех областей выступили войска; думаю, что такой силой можно без труда одолеть противника. А вот переправа в Хэяне — место стратегически важное для всей Поднебесной, поэтому прошу государя остаться здесь для спокойствия и безопасности севера и юга, руководить же военными действиями надо послать кого-нибудь из ближайших сановников. Если осаду снять не удастся, тогда тоже будет не поздно повести войска вперед».— «Назовите, кто из ближайших сановников может возглавить северный поход?» — спросил танский государь. Чжан Яньлан и Хэ Нин сказали: «Чжао Дэцзюнь, отец Чжао Яньшоу, ведет на помощь войска из Лулуна, надо направить Чжао Яньшоу вместе с ним, тогда дело непременно закончится успехом». И Чжао Яньшоу с двадцатитысячным войском был направлен для взаимодействия с Лучжоу.

Танский государь прибыл в Хуайчжоу. Днем и ночью тревожась за Цзиньань, государь выпустил воззвание: он призывал каждого чиновника, имевшего какие-либо интересные соображения или хитроумные планы, являться с докладом в походную резиденцию; тому, чей план будет принят, обещалось повышение в чине и награда. На следующий день Лун Минь, помощник начальника палаты личного состава, прибыл во дворец с докладом императору. Сановники заняли свои места, Лун Минь с дощечкою для записей выступил вперед, опустился на колени и начал докладывать. Что он говорил?

«Покорный слуга Лун Минь докладывает его императорскому величеству: как представляется вашему покорному слуге, киданин Дэ-гуан вторгся к нам со всеми своими силами, внутри его страны пусто. Полагаю, что сейчас следовало бы воспользоваться этим. Надо объявить киданьским государем Цзи Цзаньхуа [39], дать в поддержку ему войска из Тяньсюна и Лулуна и двинуться из Ючжоу прямо к Силоу. Императорский двор во всеуслышание объявит об этом и распространит свое заявление внутри страны и за ее пределами. Государь киданей непременно обернется на свое логово и зря тратить время у Цзиньани не станет. Когда он двинется обратно, нужно отобрать храбрейших воинов и полководцев и с этим отборным войском ударить по отступающим — это будет и лучшим способом снять осаду. Когда дела обстоят столь угрожающе, уступками спасать положение нельзя. Будьте осторожны, ваше величество!

Помощник начальника палаты личного состава покорный слуга Лун Минь доложил».

Выслушав доклад Лун Миня, танский государь воспрянул духом и очень обрадовался, но ведущие сановники стали настойчиво возражать, они боялись, что план невыполним, что, действуя таким образом, можно все испортить, и на предложение не согласились. Танский государь ни днем ни ночью не знал покоя, однако выхода найти не мог, он начал пить и распевал грустные песни. Сановники принялись уговаривать его стать во главе северного похода. Танский государь сказал: «Не говорите мне ничего об истории с господином Ши, когда я слышу об этом, внутри у меня все обрывается». Однажды государь Тан обратился к сановникам: «Осада киданей не снята, с бедой, принесенной Ши Цзинтаном, не покончено, полагаю||пригласить монахов и сделать хорошее 124
пожертвование монастырям, вернется благоволение Неба». Люй Ци доложил: «Сейчас необходимо отобрать в войсках достойнейших и храбрейших для изгнания врага. Если мы не признаем это своим первейшим делом, не станем ли мы посмешищем страны?» Лу Вэньцзи наставительно изрек: «Это способ отвратить беду. Разве вы не знаете, что в „Сутре о Гуаньинь“ [40] сказано: „Если я направлюсь к горе Ножу, Нож сломается на кусочки“, а в „Сутре Большой Медведицы“ [41] говорится: „Если дома есть «Сутра Большой Медведицы», военная беда никогда не случится“. Сделать от всего сердца хорошие пожертвования, дабы вернуть благоволение Неба, не значит отказаться от плана действий. Как только вернется благоволение Неба, мы призовем народ в войска, чтобы всеми силами дать отпор киданям, тогда каждый простолюдин будет стремиться защитить всех, люди сами станут рваться в бой, и как кидани ни сильны, им не устоять!» — «Слова Вэньцзи искренни»,— сказал танский государь и наградил его чаркой вина. Тут же был издан официальный документ: монахам предписывалось днем и ночью бить в монастырях в колокола и барабаны, возжигать благовония, читать сутры и заклинания — молиться об отвращении военной беды. Государь Тан лично участвовал в молении. И еще было издано воззвание о наборе в народное ополчение. Что говорилось в воззвании?

«Император Великой Тан лично выступил в поход, дабы покарать киданей и уничтожить мятежника Ши Цзинтана. С главными силами он находится в Хуайчжоу. Сановники двора представили государю доклад. Они просят объявить набор в народное ополчение, создать из мобилизованных „войска долга“ и тем помочь делу защиты страны. Доклад принят. Издан высочайший указ, которым объявляется, что в Поднебесной у военных и гражданских чинов, а также у простолюдинов изымаются все лошади. Простолюдины выставляют от каждых семи дворов [42] воина, обеспеченного доспехами и снаряжением; отряды этих воинов будут называться „войсками долга“. Наиболее достойных

из всех призванных назначат старшими, они будут осуществлять командование.

Прибыть в ставку до пятнадцатого дня одиннадцатого месяца и выслушать приказ о назначении».

После объявления указа набрали две тысячи триста тридцать шесть лошадей и пять тысяч восемьсот восемьдесят одного ополченца, всех их направили под командование Фань Яньгуана.

Одиннадцатый месяц. Государь Тан назначил Чжао Дэцзюня *синъин дутуном*. Он приказал ему выступить из Фэйху в тыл киданям и тревожить их набегами. Откуда же было знать, что Чжао Дэцзюнь думает об измене и намерен под предлогом беспорядков овладеть Срединной равниной? Чжао Дэцзюнь с конницей двинулся из Тумэня на запад. Двору он направил доклад с просьбой подключить к его походу войска из Цзэ и Лу. В это время
125 Фань Яньгуан согласно||императорскому указу расположил свои силы у Ляочжоу. Чжао Дэцзюнь попросил подключить к нему для совместных действий еще и силы Вэйбо. Фань Яньгуан понял, что у Чжао Дэцзюня на уме измена, и подал двору доклад, в нем говорилось: «Войска Вэйбо уже вступили в пределы владений разбойников, так можно ли передвигать их южнее на сотню с лишним *ли*, чтобы объединить с силами Чжао Дэцзюня?» Чжао Дэцзюнь действительно думал прибрать к рукам войско Фань Яньгуана, поэтому он стоял на месте и не двигался вперед. Когда Фань Яньгуан подал доклад, государь не согласился удовлетворить просьбу Чжао Дэцзюня, и тогда тот повел войска в Сиян, соединился с Чжао Яньшоу, двинулся на север и разбил лагерь у горного прохода Туаньбогу. Прошло уже больше месяца, Чжао Дэцзюнь держал войско на месте и не предпринимал никаких действий.

Лагерь киданьского государя находился у Люлиня, а его обозы и семьи были в Хубэйкоу. Как только наступал вечер, каждый укладывал свои дорожные пожитки на случай отступления. Чжао Дэцзюнь хотел с помощью киданей захватить Срединное государство и узурпировать трон танского государя. Долго вынашивал он свой недобрый план, не решаясь раскрыть его. Но вот подал он доклад государю Тан, желая получить для своего сына Чжао Яньшоу должность командующего в Чэндэ. Когда танский государь получил доклад, он решил, что это победная реляция Чжао Дэцзюня о разгроме киданей, и радость озарила его лицо. Но, увидев, что это прошение, что Чжао Дэцзюнь добивается для своего сына бирки и секиры, он гневно сказал: «Чжао Дэцзюнь поставлен во главе объединенных сил для защиты от киданей, прошло уже много времени, а каких успехов он добился? И он считает удобным просить для сына пост командующего военным округом? Если они оба, отец и сын, сумеют дать отпор киданям, то, пожелай они сменить меня на престоле, я с радостью пойду на это. Но если только, играя в борьбу с врагом, домогаешься

титула государя, пожалуй, и с бóльшими силами престола не добьешься. Когда, например, охотник не продумает как следует меры предосторожности, погибает и собака, и преследуемый заяц. Ну, получит он должность командующего, что это даст ему для его деятельности?»

Чжао Дэцзюнь обиделся на слова государя и тайно послал со своим сыном Чжао Яньфу в подарок киданьскому Дэ-гуану триста *лянов* золота и пятьсот кусков атласа, велев сказать, что это небольшая награда войскам за труды. Киданьский государь, принимая золото и шелк, спросил: «Что хочет сказать мне *юаньшуай*?» Чжао Яньфу сказал: «Когда я собирался в путь, отец велел передать императору киданей следующее: великое войско пришло издалека, проделав трудный, полный опасностей путь. Сейчас танский государь сбежал в Хуайчжоу. Он объявил, что лично выступает в поход, а на самом деле скрылся от войск великого государства. У отца в руках большая военная сила, которая противостоит войскам великого государства. Если бы вы, государь, согласились возвести отца на императорский престол и сделать его правителем Срединной равнины, отец сразу же со всем подчиненным ему войском покорил бы на юге Лоян, заключил бы братский союз с вашим государством и выделил бы Хэдун под управление господина Ши.||Если будет так, распустим войска 126
и избавим людей от страданий. Согласны ли вы?»

Выслушав эту речь, государь киданей сказал: «Вы пока отдохните, а я тем временем немного подумаю». Киданьский государь очень раскаивался, что вторгся в пределы Тан: крепость Цзиньань не сдавалась, войско Чжао Дэцзюня было еще очень сильно, а на востоке стоял со своими отрядами Фань Яньгуан; к тому же приходилось опасаться, что округа, расположенные севернее гор, двинут свои силы, чтобы перерезать пути отступления, и разгромят его. Так, может, было бы лучше взять побольше дани, заключить союз и вернуться домой? Тогда ни людей, ни коней не потеряешь да еще ежегодно станешь получать много золота, шелка и людей. Государь киданей решил принять предложение Чжао Яньфу.

Когда Ши Цзинтан узнал об этом, он встревожился и немедленно направил Сан Вэйханя в ставку киданей. Увидев прибывшего посла, киданьский государь спросил: «С какими словами явились вы сюда?» Сан Вэйхань опустился на колени и обратился к киданину: «У Чжао Дэцзюня с сыном давно недоброе на уме, это не те люди, которым можно доверять и на преданность которых можно положиться. Войска, находящиеся под их командованием, целиком состоят из случайных, в спешке набранных горожан, людей слабых и нестойких, которые разбегаются, едва услыхав о бое, и никакой опасности не представляют. Государь-император, вы не должны верить хвастливой болтовне Чжао Яньфу, нельзя стремиться к крошечной, как капля, выгоде и отказываться

от больших, словно горы, успехов! Если в Цзиньяне императором станет господин Ши, он все силы страны отдаст служению великому государству, ежегодно и исправно станет платить дань, он будет служить вам, как сын отцу. Разве можно сравнить это с братским договором, который предлагает Чжао Дэцзюнь?» — «Я не отказываюсь от союза,— сказал Дэ-гуан,— но ведь в военном деле решения принимаются в зависимости от обстановки; раз прибывают послы, какое-то время можно вести переговоры с обеими сторонами». Сан Вэйхань сказал: «Вы со всей своей силой пришли в трудный момент на помощь Ши Цзинтану, в пределах четырех морей все покорены вашей искренней верностью. Так неужели в один прекрасный день из-за наговоров какого-то подлеца вы вдруг откажетесь от прежнего обещания и не проявите свою величайшую искренность до конца? Я твердо верю, что вы не пойдете на это». С утра и дотемна стоял Сан Вэйхань на коленях перед палаткой и лил слезы, упрашивая киданьского императора. Тогда киданьский государь призвал к себе Чжао Яньфу и, указав на камень, лежащий перед палаткой, сказал: «Я уже дал согласие сделать императором господина Ши, и союз наш скреплен клятвой; когда этот камень разрушится, только тогда я изменю своему слову. Передайте от меня главнокомандующему Чжао, если он знает толк в делах, пусть уводит свои войска и подождет, а станет господин Ши императором, пусть со своими округами изъявит ему покорность и признает государем. Если же он не согласится, то оседлать коней и встретиться с оружием в руках тоже не будет поздно».

Однажды киданьский государь призвал к себе Ши Цзинтана и сказал: «Я шел три тысячи *ли*, чтобы помочь твоей беде и добиться для тебя полного успеха. Вижу, по своему достоинству и знаниям ты действительно являешься государем Срединной равнины.
127 ||Я намерен объявить тебя императором, ты сумеешь в скором времени оправдать чаяния сановников и народа Срединного государства». Ши Цзинтан опустился на колени и поблагодарил: «Ваш сын не смог справиться с делом сам. Утомленный непосильными трудами высокочтимый отец издалека пришел на помощь, чтобы силой своего императорского величия поддержать престол великого Тан. Если забыть милости и доброту Мин-цзуна и самому объявить себя императором, как назовут меня люди?» Он отказывался снова и снова. «Прежде всего ты должен занять престол Сына Неба,— сказал киданьский государь,— а когда сановники и народ будут иметь государя, еще не поздно будет подумать и о том, как завладеть страной». Ши Цзинтан согласился. Государь киданей приказал написать грамоту. Что в ней говорилось?

«Император киданей, повелением Неба владыка Севера, в тревоге о том, что на Срединной равнине нет государя, что страна в пределах четырех морей страдает от войны и народ испытывает тяжкие бедствия, сам поднял свое войско и пришел на помощь. Сумел убедиться, что Ши Цзинтан, зять императора Мин-цзуна,

обладает высокой властью командующего, что к нему устремлены чаяния людей и на него направлено благоволение Неба. Полагаю провозгласить Ши Цзинтана императором Великой Цзинь, возвести его на престол в Цзиньяне и утверждаю название государства — Цзинь. Объявить в Поднебесной для всеобщего сведения».

Как только грамота была составлена, киданьский государь снял с себя парадное одеяние и передал его Ши Цзинтану. К югу от Цзиньяна построили трехъярусный алтарь, возвели на нем Ши Цзинтана на престол. Войска возгласили здравицы и поздравили государя. Ши Цзинтан поднял кубок во здравие киданьского государя и, преклонив колени, сказал: «Сегодня на вашего сына снизошла высочайшая милость — он возглашен Сыном Неба. Произошло это исключительно благодаря вашему благоволению. Прошу принять земли шестнадцати округов — выделяю их в знак своей благодарности». Какие же это были шестнадцать округов? Ючжоу, Цзичжоу, Инчжоу, Мочжоу, Чжочжоу, Таньчжоу, Шуньчжоу, Синьчжоу, Гуйчжоу, Жучжоу, Учжоу, Юньчжоу, Инчжоу, Хуаньчжоу, Шочжоу, Вэйчжоу. В этот же день Ши Цзинтан повелел Чжао Ину и Сан Вэйханю составить документ об отделении шестнадцати названных округов и попросил государя киданей направить своих людей для осуществления передачи. Еще было написано обязательство о ежегодной выплате дани, а также о том, что платиться дань будет шелком — по триста тысяч кусков. Документы вручили киданьскому государю в его палатке. Седьмой год Чан-син правления династии Тан был изменен на первый год Тянь-фу [43] (936 г.),‖и было объявлено о начале правления новой 128
династии Цзинь; учредили императорский двор, в системе законов полностью сохранили старые уложения времен императора Мин-цзуна. Чжао Ин получил должность *ханьлинь сюеши чэнчжи*, а Сан Вэйхань — должности *ханьлинь сюеши* и *цюаньчжи шумиши ши*. Лю Чжиюань был назначен *дучжихуэйши* императорской конной стражи, а Цзин Яньгуан стал *дучжихуэйши* пешего войска. Принцесса Цзинь-го была возведена в ранг императрицы. Текст грамоты гласил:

«Император Великой Цзинь волею светлейшего Небесного владыки: Цзинь воспреемствовало наследие своих достойных предков и, почтительно склонившись пред велением Северного двора, заняло достойное положение в Срединной Ся.

Сим объявляем тебе, императрица Цзинь-го, высочайшей волею императора Мин-цзуна ставшая нашей супругой, что, когда на страну обрушилось несчастье смуты, ты все время сохраняла покорность и почтительность, одна оказывала помощь и вела себя как курица, предостерегая криком об опасности.

Теперь, когда мы достигли великой знатности и удостоены безбрежного благоденствия, тебя по справедливости надлежит пожаловать высоким титулом и тем соблюсти порядок во дворце.

Возводим тебя, принцесса Цзинь-го, в ранг императрицы. Со-

ответственно указанному Небом пути провозглашаем тебя первой в женских покоях, улучшаем нравы, воспетые в песне „Крякают утки", совершенствуем поступки, описываемые в красных анналах[44], и не позволяем опозорить себя нарушением воли императора Мин-цзуна».

Как только цзиньский ван вступил на престол и назвал императрицу, он в тот же день назначил Чжао Ина левым канцлером, а Сан Вэйханя — правым, сохранив за ними прежние должности *тунпинчжанши*. Цзиньский ван приказал казначею двора взять из казны Цзиньяна триста тысяч связок монет, пять тысяч кусков шелка, золота и серебра по три тысячи *лянов* и отправить все это в ставку киданьского государя в награду войскам. Радостные крики воинов гремели, словно гром.

Недавно были сочинены стихи на сюжет этой истории, в которых говорилось:

Недаром сомнения, сердце наполнив,
покоя лишили Ши-лана:
Он варварам преданно служит — и Небо
стало непостоянно.
Повозку свою назад в Хуайчжоу
еще не направил Лу-ван,
А благоволенье высоких Небес
уже обратилось к Цзиньяну.

129 *ПИНХУА* ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦЗИНЬ

Цзюань 2

В стихах говорится:

Синюю книгу читай — различают
правду и кривду по ней.
Взялся за дело Ши-лан, не узнавши
скрытой природы вещей.
Вот он решился провозгласить:
трон узурпатором занят! —
Людям смешно, когда хочет лисица
выглядеть тигра сильней.

После того как цзиньский государь вступил на престол и все положенные церемонии были проведены, он решил вместе с государем киданей вести войска на юг. Киданьскому государю он сказал: «Хэдун — район стратегически важный, защиту его следует поручить кому-нибудь из сыновей».— «Вызовите своих сыновей, я сам выберу одного из них»,— ответил киданьский государь. Сын цзиньского государя Цзинжу умер рано. У него остался сын по имени Чжунгуй, которого государь Цзинь воспитывал, как сына. Внешностью он походил на государя Цзинь, но был ниже ростом. Киданьский государь, указав на Чжунгуя, сказал: «Этот

большеглазый подойдет» — и назначил Чжунгуя наместником Северной столицы. Объединенное войско цзиньского и киданьского государей выступило в путь и стало лагерем у Туаньбо. Киданьский военачальник Гао Мохань во главе авангарда двинулся вперед. Танское войско приняло бой. Чжао Дэцзюнь и Чжао Яньшоу обратились в бегство раньше всех, танские воины прекратили сопротивление и стали разбегаться. Погибло более десяти тысяч человек. Лю Яньлан добрался до Хуайчжоу, и тут государь Тан впервые узнал, что на престол вступил государь Цзинь. Ян Гуанъюань убил Чжан Цзинда и перешел на сторону киданей. Сановники двора в страхе не знали, куда податься. Государь Тан призвал к себе Ли Суна, чтобы обсудить создавшееся положение. Сюе Вэньюй, не зная сути дела, тоже прибыл во дворец. Танский государь страшно рассердился. Ли Сун украдкой наступил Сюе Вэньюю на ногу, дав понять, что надо уйти. Танский государь сказал: «Когда я увидел этого негодяя, я весь задрожал — так захотелось мне выхватить меч и заколоть его. Но даже этого было бы мало, чтобы утолить мой гнев. Он называет себя советником, наделенным небесной мудростью, говорит, что придумал необыкновенный план, чтобы привести к порядку Поднебесную, а сам своим обманом довел дело вот до чего. С каким же лицом является он ко мне?» Преклонив колени, Ли Сун сказал: «Сюе Вэньюй подлец, его ничтожный план вверг нашу страну в беду. Но если вы, ваше величество, своей рукой убьете его, это обернется наградой за низость». И, пытаясь убедить государя, он продолжал: «При нынешнем||положении дел наступать и атаковать бесполезно; нужно отступать и защищаться. Может быть, вам лучше вернуться на юг и отказаться от плана восстановления прежнего положения?» 130

Танский государь сразу же выбрал день отъезда. Жители Хуайчжоу с детьми и стариками бросились в горы и лес. Чтобы приостановить бегство, стража городских ворот попросила ввести строгие наказания. Юн-ван Чжунмэй сказал: «В стране такой беспорядок! Тот, кто стоит во главе народа, не может запретить людям спасать свою жизнь и без всякой нужды усугублять их страдания. Пусть поступают так, как им лучше». И тогда был объявлен приказ, разрешающий уходить из города. В назначенный срок — пятый день двенадцатого месяца — танский государь покинул Хуайчжоу. Он приказал военачальникам раздельно защищать южный и северный город [1].

А теперь расскажем, что, когда войска цзиньского и киданьского государей прибыли в Лучжоу, Чжао Дэцзюнь и его сын, находившиеся в Гаохэ, решили, как это требовал этикет, представиться государю. Они выехали навстречу киданьскому государю, перед строем войск признали свою вину и поклонились ему. Киданьский государь велел заковать их в цепи и под конвоем отправить в страну киданей. Когда Чжао Дэцзюнь и его сын прибыли на

место, они явились к императрице-матери Шулюй. «Ты ведь был танским полководцем, почему же ты недавно двинулся на Тайюань?» — спросила Шулюй. Опустившись на колени, Чжао Дэпзюнь сказал: «Я получил приказ государя Тан». Императрица указала на небо: «Ты хотел с помощью моего сына стать императором, зачем говорить неправду? — И указав затем на свое сердце, сказала: — Его не обманешь! Когда мой сын собирался в поход, я предостерегла его: „Если Чжао да-ван [2] поведет войско на север к Юйгуани, немедленно возвращайся обратно, помочь Тайюани не удастся". Раз ты решил стать императором, почему ты не использовал войско, чтобы ударить на моего сына и прогнать его? Ведь свергнуть с престола танского государя тогда тоже было бы не поздно! Ты, подданный Тан, обманул своего государя, проявив неверность, ты воспользовался удобным моментом ради своей выгоды, значит, у тебя нет чувства долга. А без верности и долга где для тебя найдется место на свете?» Она приказала страже содрать с Чжао Дэцзюня кожу и натянуть ее на войсковой барабан. Сын Чжао Дэцзюня Чжао Яньшоу и Чжан Ли по ее приказу были назначены *ханьлинь сюеши.*

Государь Цзинь готовился выступить из Шандана. Киданьский государь, подняв чашу с вином, сказал ему: «Если я поведу войско на юг, люди в Хэнани непременно встревожатся. Веди-ка на юг китайские войска ты. Я прикажу Тайсянвэню [3] с пятью тысячами конницы сопровождать тебя до моста через Реку [4], а сам останусь ждать здесь известия. В случае необходимости я спущусь с гор [5] на помощь. Как только великое дело в Лояне утвердится, я двинусь на север».— «Только благодаря вашему благоволению достиг я нынешних успехов»,— сказал государь Цзинь. Он
131 пообещал||в благодарность выплатить киданям будущую дань и, кончив говорить, заплакал. Киданьский государь сказал: «Пусть наши дети и внуки никогда не забывают друг друга. И еще: таких преданных делу сановников, как Лю Чжиюань, Чжао Ин и Сан Вэйхань, без очень серьезного повода ни за что от себя не удаляй».

Услыхав, что бо́льшая часть сил, собранных для похода на юг, осталась на месте, государь Тан опять возвратился в Лоян. Цзиньский государь подошел к Хэяну. Чан Цунцзянь на подготовленных заранее лодках выехал ему навстречу и сдался. Государь Тан решил снова идти на Хэян. Тогда, опасаясь, что государь Тан сбежит на запад, цзиньский государь послал тысячу с лишним киданьских конников защищать Мяньчи. Поняв, что главные силы его войска погибли и предпринять ничего нельзя, танский государь Цункэ с государственной печатью поднялся вместе с императрицей-матерью Цао, императрицей Лю, Юн-ваном Чжунмэем и Сун Шэнцянем в башню Сюаньулоу и приказал солдатам поджечь башню. Императрица решила, что заодно надо сжечь и лоянский дворец, но Юн-ван Чжунмэй стал увещевать ее: «При-

будет новый государь, а остановиться ему будет негде, и снова станут изнурять народ на строительстве дворца. Зачем же, умирая, оставлять после себя зло?» Дворец не сожгли. В тот же день вечером государь Цзинь вступил в Лоян. Танские войны, сняв оружие, ожидали наказания. Государь Цзинь сказал Лю Чжиюаню: «Твоя часть разместится в столице, китайское войско пусть отдельно возвращается на ночлег в лагерь, резиденция киданьского государя будет в Тяньгунсы»[6]. В городе[7] царило спокойствие, никто не решался нарушать приказы. Танский государь Цункэ был низложен и объявлен простолюдином. Фэн Дао получил должность *тунпинчжанши*.

Фань Яньгуан собирал и обучал войска — он решился на мятеж. Сан Вэйхань сказал: «На севере Далян управляет землями Янь и Чжао, на юге его власть простирается до Хуай и Цзян[8], это весьма богатая всем необходимым территория. Сейчас мятежные замыслы Фань Яньгуана совершенно ясны, от Даляна до Вэйчжоу не более десяти почтовых станций[9], и, если он восстанет, войска сумеют дойти, как говорится, быстрее, чем услышишь гром». Посчитав, что Лоян недостаточно обеспечивается продовольствием, государь переехал на восток, в Бяньчжоу.

Седьмой месяц второго года Тянь-фу (937 г.). Бай Фэнцзинь находился в Хуачжоу. Как-то ночью солдаты устроили грабеж. Пятерых грабителей поймали. Трое оказались подчиненными Бай Фэнцзиня, двое — Фу Яньжао. Бай Фэнцзинь казнил троих[10], Фу Яньжао рассердился. На следующий день Бай Фэнцзинь явился в расположение Фу Яньжао, чтобы извиниться. Фу Яньжао сердито сказал: «В войске каждый командует у себя, почему вы не соблюдаете норм поведения между гостем и хозяином?» Бай Фэнцзинь извинился и сказал: «Если солдат нарушил закон, зачем выяснять, свой он или чужой. Я уже принес вам свои извинения, а вы продолжаете гневаться, уж не собираетесь ли вы вместе с Фань Яньгуаном восстать?» Он оправил на себе одежду и поднялся. Фу Яньжао приказал латникам схватить Бай Фэнцзиня и убить. В это время *чжихуэйши* левого крыла Ма Вань решил со своим отрядом примкнуть к Фу Яньжао.||Тогда *чжихуэйши* правого крыла Лу Шуньми вывел своих воинов из лагеря и резко сказал Ма Ваню: «Господин Фу самовольно убил господина Бая, он, конечно, в сговоре с Вэйчэном. Отсюда до походного дворца только две сотни *ли*[11], как же вы не думаете о служении стране, а хотите помочь бунтовщику и сами добиваетесь истребления рода своего? Сейчас нам нужно вместе захватить Фу Яньжао и препроводить его к императору, этим мы очень отличимся. Воины, исполняющие приказы, награждаются, нарушившие приказ — караются». Ма Ваню ничего другого не оставалось, они схватили Фу Яньжао и отправили его в Далян, где тому и отрубили голову. 132

Солдаты, служившие под началом Ян Гуанъюаня, хотели из-

брать Ян Гуанъюаня государем. «Разве император для вас предмет торговли? — закричал он на солдат.— Падение Цзиньяна произошло под влиянием крайних обстоятельств. Если сейчас вы признаете меня императором, вы сделаете меня изменником. Зачем же нам толкать друг друга на преступление, которое грозит полным истреблением рода?» Разговоры прекратились.

Все дела по войску государь Цзинь передал в ведение Лю Чжиюаня. Лю Чжиюань исполнял обязанности очень строго и установил необходимые запреты. После того как приказы были объявлены, какой-то солдат украл у одного человека бумажные деньги [12]. Его поймали. Лю Чжиюань сказал: «К солдату, нарушившему приказ, прошу применить военные законы». Он позвал приближенных, приказал выяснить, в чем дело, и доложить ему. «Нарушение не серьезное,— сообщили те,— просим простить вину». Но Лю Чжиюань ответил: «Я караю за намерение. Нарушение приказа должно караться неукоснительно, независимо от тяжести преступления — даже медной монеты прощать нельзя». Виновный был казнен. В войсках испугались и присмирели.

Двенадцатый месяц. Государь киданей возвратился в свою страну. Девиз правления был изменен на Хуэй-тун, государство получило название Великого Ляо. Ранги знатности и систему чинов установили согласно статутам Китая, к службе привлекли китайцев и назначили Чжао Яньшоу *шумиши*.

Второй месяц третьего года Тянь-фу (938 г.). В Поднебесной была объявлена большая амнистия. Чжан Юнь подал императору докладную записку с возражениями:

«Ваш покорный слуга правый *саньцичанши* Чжан Юнь полагает, что если государь-император при бедах, ниспосланных Небом, не знает предела прощению и снисхождению, значит, он совершенствует добродетель. Допустим, что два человека сидят в тюрьме и объявляется амнистия: виновному везет — он избегает наказания, правый остается с обидой. Дух обиды возносится на небеса, а этим бедствия навлекаются, но не отвращаются. Уповаю на то, что вы, ваше величество, будете здесь осторожны. Не надо легко миловать, дабы преступники не надеялись на счастливый случай. Достаточно только частично уменьшить наказание».

Государь Цзинь остался очень доволен докладной запиской и издал указ о поощрении Чжан Юня.

Седьмой месяц. Была изготовлена государственная печать. «Принял светлое повеление Неба; только добродетель дарует славу»,— гласил ее текст.

133 Восьмой месяц.‖Государь Цзинь пожаловал почетные титулы киданьскому государю и императрице-матери Шулюй. Он направил левого *пушэ* Фэн Дао и Лю Сюя для церемонии вручения грамот и представил доклад, в котором назвался подданным. Текст доклада гласил:

«Подданный Ши Цзинтан из государства Великого Цзинь

представляет доклад с поздравлениями отцу-императору, его величеству кагану киданей: ваш покорный слуга не по заслугам удостоен высочайшей милости — вы согласились на отношения между нами, как между отцом и сыном. Когда-то расстался я с вами, свет милосердия, и целых три года смотрю вослед, не в состоянии одолеть рвущихся чувств.

Величаю вас Славным Доблестью и Совершенным в Мудрости Верховным Владыкою, императрицу-мать благоговейно называю Мудрой Великодушием и Прекрасной Милосердием Верховной Владычицей. Посылаю при сем докладе в подарок триста тысяч *лянов* золота и триста тысяч кусков шелка. С почтением приму высочайший указ.

В пятый день седьмого месяца третьего года Тянь-фу, император великого Цзинь, подданный Ши Цзинтан доложил».

Киданьский государь остался очень доволен докладом и издал в ответ милостивый указ:

«Чтение представленного доклада весьма утешило мою старую душу. Впредь, отправляя послов, не следует представлять доклады и называться подданным, посылай только письма и пиши: „император-сын шлет письмо к стопам императора-отца", отныне достаточно этикета, положенного для членов семьи.

Будь милостив к чиновникам и народу Срединной Ся[13], чти всегда благоволение Неба, тогда и меня с тобою вместе ждет вечная слава».

Написав письмо, государь киданей в знак благодарности направил в Цзинь специального посла, и тот вместе с цзиньскими послами прибыл в Далян. Цзиньский государь поместил его в палате Сюаньдэдянь[14] и в своих личных покоях с поклоном принял указ.

Когда-то киданьский государь объявил переданный киданям округ Ючжоу Южной столицей и назначил туда наместником перешедшего к нему на службу танского военачальника Чжао Сывэня. Чжао Яньчжао, сын Чжао Сывэня, занимал в государстве Цзинь должность гражданского правителя Цичжоу. Зная о непостоянстве киданей, Чжао Сывэнь тайно, через своего человека, сообщил Чжао Яньчжао, что кидани изменят свою политику, и просил принять Ючжоу под власть Цзинь. Цзиньский государь в страхе перед киданями не решился на это.

Девятый месяц. Ян Гуанъюань, больше года атаковавший со своим войском Гуанцзинь, добиться успеха так и не смог. Государя Цзинь тревожило, что войска устали в боях, что народ терпит страдания, и он велел евнуху Чжу Сяню пробраться в город, чтобы переманить Фань Яньгуана, передав ему следующее: «Если ты, поднявший войска, явишься с изъявлением покорности, тебе под начало будет дан большой военный округ. Если же город будет взят, тебя казнят, и, клянусь ясным солнцем над нами, я не получу от этого никакой выгоды для государства». Услыхав такое

от Чжу Сяня, Фань Яньгуан приложил ко лбу сложенные вместе руки и сказал: «Государь правдив, раз он обещает, что я не умру, значит я не умру», и прекратил защиту города. В том же месяце Фань Яньгуан направил с *яцзяном* государю доклад, в котором
134 признал свою вину.||Государь указом простил его, объявил о назначении Фань Яньгуана командующим в Тяньпине и пожаловал железной дщицей [15]. Военачальники и чиновники Фань Яньгуана получили должности *фан*[*юйши*], *туань*[*ляньши*] [16], гражданских правителей и т. д., охрана командующего была повышена в ранге — стала называться личной стражей. Ян Гуанъюаня назначили командовать военным округом Тяньсюн.

Десятый месяц. Государь киданей добавил к титулу цзиньского государя почетный титул. Цзиньский государь с поклоном принял указ, милостиво обошелся с послом и щедро наградил его.

Государь Цзинь переименовал Бяньчжоу в Кайфэнфу и объявил город Восточной столицей. Учитывая, что Кайфэнфу является местом, куда стекаются все виды транспорта и водные пути особенно удобны, государь перенес сюда свою резиденцию.

Цзиньский государь решил направить Ван Цюаня к государю киданей для выражения благодарности.

Ван Цюань сказал своим домашним: «Я ведь старик, как же можно посылать меня стоять на коленях в какой-то жалкой хижине?» [17] Он подал императору доклад и под предлогом старости и болезни отказался от назначения. Государь разгневался и отстранил его от службы.

В то время из всех командующих военными округами Ян Гуанъюань особенно отличался своеволием и непокорностью. Чтобы как-то ограничить его власть, цзиньский государь вызвал к себе Сан Вэйханя. «Нужно разделить военную силу Тяньсюна,— сказал Сан Вэйхань,— тогда с ним можно будет справиться». Ян Гуанъюаню пожаловали должность наместника Западной столицы и одновременно назначили командующим в Хэяне. Ян Гуанъюань затаил на императора обиду. Он тайно направил к киданям посла с богатыми подарками, завел более тысячи телохранителей и решился на мятеж.

Государь Цзинь переименовал Гуанцзиньфу в Еду; в Сянчжоу учредил военный округ Чжандэ и подчинил ему округа Шань и Вэй; в Бэйчжоу был создан военный округ Юнцин, и ему в подчинение передали округа Бо и Цзи. Раньше управление Шаньчжоу находилось в Дуньцю. Опасаясь в будущем неприятностей от киданей, цзиньский государь послал Лю Цзисюня перевести управление города Шаньчжоу в Дэшэнцзинь. Гао Синчжоу получил назначение на пост наместника Еду, Ван Тинъинь стал командующим в Чжандэ, Ван Чжоу командующим в Юнцине — государь пытался исподволь сдерживать киданей.

Третий месяц четвертого года Тянь-фу (939 г.). Лю Чжиюань и Ду Чжунвэй дополнительно были пожалованы должностями

тунпинчжанши. Зная, что Ду Чжунвэй возвысился благодаря свойству с императором[18] и выдающихся заслуг не имеет, Лю Чжиюань счел для себя позорным быть с ним в одной должности. Он заперся дома и не принял указа. Цзиньский государь очень рассердился. «Лю Чжиюань упорно отказывается подчиниться приказу,— сказал он Чжао Ину,— мы намерены лишить его военной власти, пусть едет домой! Как вы посмотрите на это?» Чжао Ин с поклоном сказал: «Ваше величество, когда-то в Цзиньяне, когда у вас было не больше пяти тысяч солдат и вы подверглись нападению стотысячного танского войска, положение ваше было непрочно, как груда яиц. И не прояви Лю Чжиюань своей несокрушимой твердости и воли, разве завершилось бы великое дело успехом? Зачем же из-за мелкого проступка отстранять его? Я опасаюсь, что, если эти ваши слова станут известны за пределами столицы, они не будут восприняты как та высокая мера благородства, руководствуясь которой должно награждать людей». Гнев цзиньского государя прошел, и, чтобы вручить указ, он направил в резиденцию Лю Чжиюаня Хэ Нина. Лю Чжиюань испугался и принял повеление.

‖Второй месяц пятого года Тянь-фу (940 г.). Наместник Се- 135
верной столицы[19] Ань Яньвэй явился ко двору. Государь Цзинь сказал ему: «То, что мы ценим — это верность и справедливость. Когда-то кидани из справедливости помогли мне, теперь я плачу им верностью. Известно, что кидани все время переманивают вас к себе на службу, можете поступиться убеждениями ради выгоды, мы говорим это вполне искренне».— «Вы ради блага народа, как низший, выплачивая богатую дань, служите киданям, так могу ли я, ваш покорный слуга, поступиться верностью вам?» — ответил Ань Яньвэй. Цзиньский государь остался очень доволен.

Седьмой месяц. Наместник Западной столицы Фань Яньгуан[20] попросил разрешения вернуться на жительство к себе домой в Хэян. Император согласился. Ян Гуанъюань доложил: «Фань Яньгуан — мятежник, боюсь, не сбежал бы он к врагам. Прошу государя уничтожить его». Император повелел Фань Яньгуану жить в Западной столице. Ян Гуанъюань приказал Чэнгую окружить со своими латниками жилище Фань Яньгуана и заставить его покончить с собою. «Император пожаловал мне железную дщицу, так как же ты и твой отец смеете угрожать мне?» — сказал Фань Яньгуан. Чэнгуй мечом погнал Фань Яньгуана к реке и столкнул его в Хуанхэ. Императору же лицемерно доложили, что Фань Яньгуан[21] утонул в реке. Император хотя и понимал, кто здесь виноват, но, боясь могущества Ян Гуанъюаня, не посмел взыскать с него за вину. И когда Ян Гуанъюань явился ко двору, государь назначил его командовать военным округом Пинлу.

Первый месяц шестого года Тянь-фу (941 г.). После того как цзиньский государь отдал Яньмэнь, племя тугухуней попало под власть киданей. Не в силах терпеть их алчность и жестокость,

тугухуни решили вернуться под власть Срединного государства. Командующий в Чэндэ Ань Чжунжун тоже всячески подбивал их на этот шаг. И вот теперь тысяча с лишним знамен племени вернулись обратно. Киданьский государь страшно разгневался и направил в Цзинь посла, дабы спросить за происшедшее. Государь Цзинь послал людей прогнать тугухуней на прежнее местожительство.

Когда-то командующий в Чэндэ Ань Чжунжун, стыдясь быть киданьским подданным, при встрече с киданьским послом остался сидеть, раскинув ноги, и обругал его. Потом он тайно послал людей убить посла. Кидани выразили Цзинь по этому поводу свое недовольство. Цзиньский государь послушно извинился.

Шестой месяц. Ань Чжунжун захватил киданьского посла Ела и направил легкую конницу на южные границы Ючжоу. Государю он подал доклад, в котором говорилось: «В настоящее время тугухуни, оба племени туцюе[22], хунь, циби, шато — каждое племя со своим войском — возвращаются под вашу власть; дансяны тоже намерены явиться с жалобой на киданей. Все сетуют на обиды и притеснения киданей и готовы выставить по сто тысяч воинов, чтобы, объединившись с Цзинь, ударить по ним». Еще Ань Чжунжун написал письма сановникам двора и депеши в военные округа, в которых говорил, что нужно готовить войска, так как с киданями неизбежно предстоит решительная борьба. Цзиньский государь очень встревожился. Командующий в Тайнине Сан Вэйхань, узнав про такие разговоры, тайно направил ко двору гонца с докладом, в котором увещевал Цзинь-вана. В докладе говорилось:

136 ||«Ваш покорный слуга осмеливается заметить, что искусный полководец делает все, чтобы избежать опасности, а неумелый и противника не принимает в расчет. Почтительно напоминаю, что ваше величество избежали беды в Цзиньяне и получили Поднебесную только благодаря поддержке киданей, поэтому проявлять неблагодарность к ним нельзя. Сейчас Ань Чжунжун ведет себя самонадеянно, он недооценивает врага, тугухуни рассчитывают разделаться с киданями чужими руками — все это не на благо государству, и слушать об этом не следует. На взгляд вашего слуги, войско у киданей умелое и сильное, оно побеждает в боях и штурмах; государь киданей храбростью и мудростью превосходит всех, его подданные, высшие и низшие, живут в согласии, скот плодится, в стране нет стихийных бедствий, а раз так — нам с ними враждовать нельзя. Кроме того, Срединное государство недавно потерпело поражение, подорвавшее боевой дух войска, а как только дружественные отношения прекратятся, нам придется поднимать войска на защиту пограничных крепостей. Иметь небольшое войско перед нападением нельзя, если же оно будет многочисленным, не удастся регулярно снабжать его. Мы выступим, противник уйдет, мы уйдем, противник явится. Ваш покор-

ный слуга опасается, что воины гвардии устанут бегать, а на землях Чжэнь и Дин снова не останется людей. Ныне в Поднебесной хоть худой, но мир, и пусть народ страдает, он ратует за спокойствие; боюсь, если нам не удастся сохранить его, как бы люди не решились на безрассудные действия.

Справедливостью и милостью киданей к нашей стране пренебрегать нельзя, они серьезно верят клятве и не хотят разлада с нами. Если мы сами дадим повод для раздора и даже если победим их, в будущем нас постигнут еще бóльшие беды, а не победи мы вдруг, великое дело погибнет.

То, что мы по договору ежегодно платим киданям дань, называется разорением, то, что мы униженно служим им, называется позором. А разве не известно, что от непрерывных войн и бедствий, которые они приносят, богатства истощаются, так какое же разорение страшнее? А если военные чины и именитые сановники всеми силами добиваются временной передышки, так какой позор сильнее?

Ваш покорный слуга желает, чтобы вы, ваше величество, наставляли людей в земледелии и обучали бы искусству сражений, воспитывали бы воинов и дали бы передохнуть народу. Когда в государстве не будет внутренних бед и у народа появятся силы, тогда надо улучить момент и действовать — успех непременно будет за нами.

И еще: Еду — район богатый и могущественный, это заслон нашей страны, а старший военачальник выехал сейчас оттуда во дворец, и ставка опустела. Прошу ваше величество направить туда дополнительно наблюдателей, дабы пресечь возможность измены.

Докладываю, не думая о последствиях, с почтением приму императорский указ.

В день шестого месяца шестого года Тянь-фу покорный слуга, командующий военным округом Тайнин Сан Вэйхань доложил».

В то время Лю Чжиюань, наместник Еду, прибывший во дворец для доклада и совещаний с государем, как раз находился в Восточной столице и тоже убеждал государя Цзинь не начинать без серьезного повода военные действия. Государь Цзинь колебался, не зная, на что решиться, как вдруг пришел доклад Сан Вэйханя. Государь очень обрадовался и сказал послу, привезшему доклад: «Все последние дни мы терзались, не зная, как быть, но теперь, увидев, что докладывает господин Сан, мы словно вдруг очнулись ото сна».‖Государь призвал к себе Лю Чжиюаня, справился о его намерениях и затем сказал ему: «Ань Чжунжун проявляет гордыню и своеволие, полагаем, что его следует призвать к порядку. Кроме вас, никто не сможет быть наместником Северной столицы. Прошу вас немедленно выехать к месту назначения, ради нас наведите в округе порядок, успокойте народ 137

и без огласки призовите Ань Чжунжуна к порядку». Лю Чжиюань немедля отправился в путь.

Восьмой месяц. Государь Цзинь прибыл в Еду и направил Ань Чжунжуну указ. Указ гласил: «Я благодаря киданям получил Поднебесную, ты благодаря мне достиг знатности и богатства. Я все еще не смею забыть доброту киданей, а ты уже забыл мою? Сейчас я со всей Поднебесной служу им как подданный, а ты хочешь с одним военным округом выступить против них, не трудновато ли будет? Поразмысли получше, чтобы потом не пришлось раскаиваться». Получив указ, Ань Чжунжун стал еще более строптив и, услыхав, что командующий округом Шаньнань-дун дао Ань Цунцзинь замышляет мятеж, тайно направил к нему посла, чтобы сговориться о взаимной поддержке.

Десятый месяц. Лю Чжиюань, чтобы переманить *цючжана* тугухуней Бай Чэнфу, направил к нему с указом *циньцзяна* Го Вэя — он хотел заставить Бай Чэнфу изменить Ань Чжунжуну и вернуться с изъявлением покорности к императорскому двору. Го Вэй сказал: «Варвар признает одну наживу, Ань Теху[23] подарил ему всего штаны и халат. Если вы хотите, чтобы он сейчас стал на сторону двора, надо дать больше, и дело завершится успехом». Лю Чжиюань выделил Го Вэю на подкуп Бай Чэнфу из казны сто *лянов* золота и двести кусков шелка. Указ гласил:

«Император Великой Цзинь объявляет указ *цючжану* тугухуней Бай Чэнфу: императорский двор передал тебя под власть киданей, тебе надлежало заботиться о порядке в племени, а ты явился сейчас на юг помогать изменнику Ань Чжунжуну. Ань Чжунжун уже отвергнут Поднебесной и не сегодня завтра будет разгромлен. Тебе следует заблаговременно учесть эту перемену, не стоит ждать, пока дело решится с помощью оружия, тогда ни на юг, ни на север[24] нельзя будет вернуться, и раскаяние ни к чему не приведет».

Когда Бай Чэнфу получил указ, он очень испугался и во главе своего племени явился с изъявлением покорности к Лю Чжиюаню. Лю Чжиюань определил тугухуней на жительство в Тайюань, в район между Лань и Ши, и доложил обо всем двору. Бай Чэнфу назначили командовать военным округом Датун, его отборная конница была передана под начало Лю Чжиюаня. Дада и циби, узнав о происшедших событиях, тоже изменили Ань Чжунжуну и перешли на сторону Цзинь. Планы Ань Чжунжуна рушились.

138 Раньше, когда государь покидал Бяньчжоу, Хэ Нин доложил: «Государь, как только вы выступите в путь, Ань Цунцзинь обязательно взбунтуется, прошу вас, оставьте, не объявляя об этом, с десяток указов с незаполненными именами и вручите их наместнику Чжэн-вану Чжунгую. Если, паче чаяния, случится мятеж, мы впишем в указы имена военачальников и отправим их против мятежников».

Одиннадцатый месяц. Ань Цунцзинь поднял свои войска.

Чжэн-ван Чжунгуй послал в карательный поход против него Гао Синчжоу, Сун Яньюня, Чжан Цунъэня[25] и других. Ань Чжунжун, услыхав про мятеж Ань Цунцзиня, набрал на подвластной ему территории с десяток тысяч голодных простолюдинов и двинулся на юг, к Еду. Он заявил, что идет ко двору с изъявлением покорности. Когда государь Цзинь узнал об этом, он назначил Ду Чжунвэя *чжаотаоши*. Ду Чжунвэй дал бой Ань Чжунжуну юго-западнее Цзунчэна. Ань Чжунжун потерпел поражение, вернулся обратно в город и приготовился к обороне. Цзиньские войска[26] потеряли на поле боя, а также умершими от холода и голода более двадцати тысяч человек.

Первый месяц седьмого года Тянь-фу (942 г.). Один из военачальников Чжэньчжоу провел в город через ворота западного предместья Шуй[нянь]мэнь[27] императорские войска. Они перебили свыше двадцати тысяч человек, защищавших городские стены, захватили Ань Чжунжуна, и тот был казнен. Государь Цзинь отправил голову Ань Чжунжуна киданям, униженно прося извинения за случившееся. Поскольку государь Цзинь принял под свое покровительство тугухуней, кидани направили к нему посла с требованием отменить решение. От тревоги и волнений цзиньский государь заболел. Однажды утром, когда с ним был только Фэн Дао, государь Цзинь приказал своему малолетнему сыну Чжунжую выйти и поклониться Фэн Дао; кроме того, он распорядился, чтобы евнухи передали Чжунжуя на попечение Фэн Дао — он хотел, чтобы Фэн Дао помог возвести царевича на престол.

Шестой месяц. Государь Цзинь скончался. Фэн Дао держал совет с *дуюйхоу* пешей и конной стражи Цзин Яньгуаном: «В стране много трудностей, на престол следует возвести взрослого государя». Наследником был объявлен Чжунгуй. В тот же день Ци-ван Чжунгуй перед гробом покойного государя вступил на императорский престол.

Раньше, когда государь Цзинь заболел, он немедленно призвал ко двору Лю Чжиюаня, чтобы тот помог в управлении страной. Но Чжунгуй скрыл повеление государя и не направил гонца объявить Лю Чжиюаню приказ. Лю Чжиюань затаил обиду на нового государя — Чжунгуя.

Восьмой месяц. Гао Синчжоу продолжал осаждать Сянчжоу. *Дуюйхоу* округа Фэнгоцзюнь Ван Цин и *чжихуэйши* Лю Цы повели свои войска на приступ и овладели Сянчжоу. Ань Цунцзинь вместе с семьей совершил самосожжение.

Теперь расскажем о том, что, когда государь Цзинь только вступил на престол, сановники двора советовали ему представить киданьскому государю доклад, назвав себя подданным, и направить гонца с известием о постигшем горе. «Достаточно отправить письмо и назваться внуком,— сказал Цзин Яньгуан,— представлять доклад и называться подданным излишне уж почтительно». Ли Сун резко возразил: «Если ваше величество поступит таким обра-

зом, в будущем неизбежно придется облачаться в панцири и шлемы для борьбы с киданями. Раскаяние будет бесполезно». Цзин Яньгуан упорно стоял на своем. Фэн Дао поддакивал тому и другому. В конце концов цзиньский государь принял предло-
139 жение Цзин Яньгуана — он послал киданям письмо||и назвался не подданным, а внуком. Киданьский государь очень рассердился и направил в Цзинь посла, чтобы выразить свое неудовольствие. Цзин Яньгуан снова не проявил уступчивости и дерзко держался с послом.

Чжао Яньшоу, командующий подвластным киданям военным округом Лулуном, обратился к киданям с просьбой объявить его императором вместо цзиньского государя и несколько раз пытался подбить киданей в карательный поход против Цзинь.

Восьмой месяц. Цзиньский государь, узнав о мятежных замыслах Чжао Яньшоу, срочно вернулся в Восточную столицу. С киданями отношения все еще поддерживались, не было месяца, чтобы государи не справились о здоровье друг друга.

Когда-то *яцзян* из Хэяна Цяо Жун вместе с Чжао Яньшоу перешел на сторону киданей. Кидани направили его в Цзинь в качестве уполномоченного по торговле между обеими странами. Присутствие Цяо Жуна находилось в Даляне.

Девятый месяц. Цзин Яньгуан сказал цзиньскому государю: «Всех киданей, занимающихся торговлей в Цзинь, надо убить. *Хуэйтуши* Цяо Жуна посадим в тюрьму и заберем его богатства». Ведущие сановники двора единодушно заявили, что повертываться спиной к киданям нельзя. Цяо Жун был помилован, его обласкали и позволили вернуться к киданям.

Перед отъездом Цяо Жун явился к Цзин Яньгуану проститься. Цзин Яньгуан хвастливо заявил: «Когда вернешься домой, передай своему государю следующее: покойный император был возведен на престол Северным двором, поэтому, подавая доклады, он и назывался подданным. Нынешний государь возведен на престол Срединным государством, и мы склоняемся пред Северным двором только потому, что не смеем забыть о договоре покойного императора. По соседству назваться внуком можно, но называться подданным нет ни малейшего основания. Если дед разгневается, пусть приходит драться, у внука есть сто тысяч хорошо отточенных мечей для встречи с ним. Но случись деду по легкомыслию выступить и, паче чаяния, потерпеть от внука поражение, его осмеет вся Поднебесная, раскаяние тогда будет ни к чему». Цяо Жун притворно сказал: «Вы очень много говорили, боюсь что-нибудь забыть. Хотелось бы, чтобы все было записано на бумаге». Цзин Яньгуан приказал писцу написать то, что он говорил, и передать бумагу Цяо Жуну. Цяо Жун представил документ киданям. Киданьский государь сильно разгневался и решил идти походом на Цзинь. Все цзиньские должностные лица, находившиеся у киданей, были убиты.

Лю Чжиюань в то время командовал Хэдуном. Он понял, что Цзин Яньгуан своим бахвальством обязательно накличет беду, поэтому он усилил вербовку солдат и сформировал десять с лишним соединений для защиты от киданей.

Десятый месяц. Цзиньский государь возвел в ранг императрицы свою тетку — госпожу Фэн.

Когда-то Гао-цзу одолжил командующему Пинлу Ян Гуанъюаню триста коней. В двенадцатом месяце Цзин Яньгуан указом повелел забрать их. Ян Гуанъюань рассердился и отправил к киданьскому государю посла с подарками. Он послал яшмовый пояс, императорских коней, золото, шелк и велел передать: «В государстве Цзинь большой голод, если воспользоваться этим, одним ударом можно захватить страну». Чжао Яньшоу тоже подстрекал киданей начать карательный поход против Цзинь. Киданьский государь отобрал тогда пятьдесят тысяч лучших воинов, поставил во главе их Чжао Яньшоу и пообещал: «Овладеешь Срединным государством, возведу в императоры». Чжао Яньшоу||поверил и, 140
выслушав приказ, немедленно выступил с войском в путь.

В том году всю весну и лето на территории Цзинь стояла засуха, осенью и зимой случились наводнения, к тому же на страну напала саранча. Все листья на деревьях и бамбуке были начисто съедены. А тут еще императорский двор объявил о сборе с населения зернового налога. Взыскивали налог очень строго — тех, кто укрывал зерно, предавали смерти. Уездные чиновники сплошь и рядом сдавали свои печати, не в силах справиться с делом. Умерших от голода насчитывалось сто тысяч, а беженцев и сосчитать было невозможно.

Первый месяц первого года Кай-юнь (944 г.)[28]. Передовой отряд киданей во главе с Чжао Яньшоу и отряды Чжао Яньчжао вторглись в пределы Бэйчжоу. Прежде, считая Бэйчжоу важнейшим узлом водных и сухопутных путей, императорский двор сосредоточил там большие запасы провианта и фуража, достаточные войску лет на десять. Киданьский государь сам возглавил приступ Бэйчжоу. *Цюаньчжи чжоуши* У Луань потерпел поражение и бросился в колодец. Цзиньский государь назначил Гао Синчжоу *дубушу* и направил его вместе с Фу Яньцином и Хуанфу Юем вести войска для отпора киданям. Цзиньский государь[29] стал лагерем у Шаньчжоу и направил посла с письмом к киданям. В это время киданьские войска стояли под Еду, посол не смог туда добраться и вернулся обратно. Государь Цзинь назначил Цзин Яньгуана *юйинши*. Едва цзиньский государь покинул Восточную столицу, как войска киданей были уже у Лияна. Цзиньское войско стояло лагерем у Шаньчжоу, войско киданьского государя расположилось у Юаньчэна. Кроме того, отдельный отряд под командованием Вэй-вана был направлен для вторжения в Тайюань. Лю Чжиюань и Бай Чэнфу получили приказ объединить свои силы и дать отпор Вэй-вану. Вэй-ван встретился с Лю Чжиюанем

в бою под Сюжуном и был убит Лю Чжиюанем. Узнав о гибели Вэй-вана, кидани той же ночью ушли.

Второй месяц. Гражданский правитель Бочжоу Чжоу Жу сдался киданям. Государь Цзинь приказал Ши Юню оборонять Мацзякоу, а Бай Цзайжуну — держать оборону в Мацзякоу. Чжоу Жу повел войско Мада, младшего брата киданьского государя. Они переправились у Мацзякоу через Хуанхэ, разбили лагерь на восточном берегу реки и атаковали северную переправу Юньчжоу, чтобы соединиться с войсками Ян Гуанъюаня. Тогда по решению цзиньского государя Ли Шоучжэнь, Хуанфу Юй, Лян Ханьчжан, Сюе Хуайжан с десятитысячным войском двинулись вперед вдоль Хуанхэ по воде и суше. Гао Синчжоу, Фу Яньцин и Ши Гунба со своими силами в это время стояли у Цичэна. Киданьский государь начал наступление и окружил Цичэн. Цзиньский государь стал во главе двадцатитысячного пешего войска и снял с города осаду.

Киданьский государь направил более десяти тысяч пеших воинов на строительство оборонительных укреплений, [остальные] находились на западном берегу Хуанхэ. Не успели кидани закончить переправу, как их стали теснить цзиньские войска. Кидани отступили. Цзиньцы, пользуясь успехом, продолжали наступать, и кидани потерпели сокрушительное поражение. Более тысячи человек утонуло в Хуанхэ, свыше тысячи насчитывалось пленных и убитых. Солдаты, стоявшие на западном берегу, уходили, горько рыдая.

Командующий округом Диннаньцзюнь Ли Иинь предложил
141 своим военачальникам план:‖«Кидани подняли войска в карательный поход против Цзинь, внутри страны сил, конечно, не осталось. Пожалуй, стоило бы с нашими отборными отрядами вторгнуться на их территорию. У киданей появится тревога за свою страну, а это несколько облегчит трудности государства Цзинь».— «Ваши слова справедливы»,— сказали военачальники. В тот же день с тридцатью тысячами легкой конницы они вторглись на территорию киданей. Кидани сделали вид, что бросают Юаньчэн и уходят, а сами укрыли в засаде в районе древнего Дуньцючэна много конницы, чтобы уничтожить объединенными силами цзиньские отряды преследования. Но из-за непрекращающихся проливных дождей цзиньцы не стали преследовать отступавших. Киданьское войско устало, люди и кони голодали. Чжао Яньшоу обратился к киданьскому государю [30]: «Все силы Цзинь сосредоточены на Реке, боюсь, что отряды моего авангарда никак не смогут пробиться вперед. Не лучше ли подойти к стенам города и со всех сторон ударить на него? Захватим плавучий мост, и великое дело завершится успехом».

Первый день третьего месяца. Киданьский государь лично повел вперед более ста тысяч воинов и стал лагерем севернее города Шаньчжоу. Гао Синчжоу верхом выехал на бой. С полудня до

вечера бились они с переменным успехом. Киданьский государь с отборным отрядом занял позицию в центре, цзиньский государь тоже с отрядом лучших воинов выехал в ожидании киданей. Увидев, как многочисленно войско Цзинь, государь киданей с укором сказал Ян Гуанъюаню: «Ты говорил, что половина цзиньских воинов умерли с голоду, откуда же сейчас их так много?» Киданьский государь сам повел свою отборную легкую конницу и с флангов атаковал цзиньские позиции. Цзиньские войска стояли сомкнутым строем, десять тысяч арбалетов выстрелили разом — посыпался дождь стрел, и кидани стали потихоньку отходить. Когда стемнело, все войско ушло.

В государстве Цзинь составлялись списки деревенских ополченцев. Каждые семь дворов должны были выставить одного воина с полным снаряжением и содержанием. Ополчение называлось «отряды военного усмирения».

Четвертый месяц. Государь Цзинь повелел Гао Синчжоу взять на себя командование в Шаньчжоу и возвратился в Далян. Из-за нашествия киданей запасы страны полностью истощились, и императорский двор снова направил своих уполномоченных — тридцать шесть человек — собирать по всем областям у народа средства. Уполномоченные спросили: «Если люди не будут подчиняться приказу, как быть?» Государь Цзинь сказал: «Мы вручаем вам мечи. Тех, кто не подчинится приказу, убивайте, докладывать будете потом». Следуя распоряжению, чиновники с цепями и кандалами, с мечами и дубинками врывались в дома простых людей и обшаривали все со скоростью метеора; тех, кто находил смерть от их руки, земле не предавали. Народ жил в тревоге, никто не мог быть спокоен за свою жизнь.

Восьмой месяц. Сан Вэйхань снова стал у кормила власти. Лю Чжиюань был назначен *синъин дутуном*, Ду Вэй стал *чжаотаоши* — их поставили во главе тринадцати командующих военными округами для противодействия киданям.

Двенадцатый месяц. Ли Шоучжэнь осаждал Цинчжоу. Продовольствие в городе кончилось, больше половины жителей умерло от голода, а помощь от киданей не приходила. Ян Гуанъюань, 142
обратив взор в сторону киданьских земель и отбивая земные поклоны, восклицал: «Император, император, обманул ты Гуанъюаня!» Его сын Ян Чэнсюнь уговаривал отца сдаться,‖чтобы спасти семью. Но Ян Гуанъюань сказал: «Если держаться киданей, еще есть возможность сохранить жизнь. Если сдаться цзиньскому государю, где гарантии, что род наш не будет истреблен?» Ян Чэнсюнь разозлился. Свалив вину на *паньгуаня* Цю Тао, уговорившего Ян Гуанъюаня восстать, он казнил Цю Тао и отправил его голову в ставку Ли Шоучжэня, затем устроил в городе пожар и беспорядки, заставил отца выехать из резиденции, подал доклад с признанием вины, открыл городские ворота и встретил войско Ли Шоучжэня.

Добавочный месяц[31]. Император считал вину Ян Гуанъюаня серьезной, но затруднялся определить ему меру наказания, так как Ян Чэнсюнь перешел на сторону Цзинь. Поэтому он приказал Ли Шоучжэню решить дело по собственному усмотрению. Ли Шоучжэнь послал человека убить Ян Гуанъюаня, а потом лицемерно объявил, что тот умер от болезни, Ян Чэнсюнь был назначен *фанъюйши* в Жучжоу.

Двенадцатый месяц. В страну снова вторглись большие силы киданей. Чжао Яньшоу в качестве проводника первым привел войска к границам Синчжоу. Государь Цзинь приказал командующему военным округом Тяньпин Чжан Цунъэню, наместнику в Еду Ма Цюаньцзе и командующему в Хуго Ань Шэньци объединить силы и стать лагерем в Синчжоу; командующий военным округом Унином Чжао Цзайли получил приказ расположиться в Еду. Киданьский государь с главными силами подошел следом за Чжао Яньшоу и расположил свою ставку в Юаньши.

Первый месяц второго года Кай-юнь (945 г.). Цзиньский государь указом повелел Чжао Цзайли отвести войска и расположиться в Шаньчжоу; Ма Цюаньцзе было приказано вернуться обратно в Еду; кроме того, Чжан Яньцзэ получил распоряжение стать в Лияне, а Цзин Яньгуану было приказано защищать переправу Хулянду. Кидани вторглись в Синчжоу, Лочжоу, Цычжоу; разграбив там все дочиста, они вступили на земли Еду. Чжан Цунъэнь, Ма Цюаньцзе, Ань Шэньци с войсками заняли позицию на южном берегу реки Аньян у Сянчжоу. Хуанфу Юй и гражданский правитель Пучжоу Мужун Яньчао с отрядом легкой конницы в тысячу с лишним человек выехали на разведку. Подъезжая к Еду, они натолкнулись на киданьское войско, насчитывающее тысяч десять. То принимая бой, то уклоняясь, Хуанфу Юй и Мужун Яньчао дошли до Юйлиндяня. Здесь их настигли главные силы киданей. Военачальники между собой решили: «Если мы сейчас уйдем, ничего, кроме смерти, нас не ждет». Они остались на месте, разбили лагерь и заняли круговую позицию. С полудня до вечера шел жестокий бой, сходились раз сто, многие были убиты и ранены. Лошадь под Хуанфу Юем убили, несколько схваток с врагом он провел пешим, но вот Ду Чжиминь, слуга Хуанфу Юя, соскочил с коня и передал его хозяину. Бой потихоньку затихал. Хуанфу Юй оглянулся — видит, Ду Чжиминя схватили враги. «Ду Чжиминь — верный слуга, помогающий в беде, бросать его нельзя!» — воскликнул Хуанфу Юй. Вместе с Мужун Яньчао на всем скаку они врезались в строй киданей, отбили Ду Чжиминя и вернулись назад. Неожиданно‖кидани
143 бросили в бой новые отряды. Оба военачальника сказали: «Отступать с нашими силами нельзя, остается смертью воздать своей стране».

День клонился к вечеру. Чжан Цунъэнь, Ма Цюаньцзе и Ань Шэньци, стоявшие на берегу Аньяншуй, пребывали в тревоге — Хуанфу Юй не возвращался из разведки. Ань Шэньци решил

идти ему на помощь с тысячей конников. Чжан Цунъэнь сказал: «Если войско варваров многочисленно, боюсь, что и всех наших сил не хватит, чтобы остановить их. Вы, не дорожа собой, бросаетесь в путь, лезете тигру в пасть».— «И успех, и поражение во власти Неба,— ответил Ань Шэньци.— Случись нам не победить, умрем вместе за государево дело. Если же, к примеру, варвары не смогут пройти на юг, но Хуанфу-тайши погибнет, какими глазами буду я смотреть на императора?» Он переправился через реку и двинулся вперед. Киданям пришлось уйти, а Хуанфу Юю с Мужун Яньчао удалось вернуться обратно. Сдавшиеся в плен кидани сказали Ма Цюаньцзе: «Войско киданей невелико, нужно воспользоваться тем, что отряды вразброд возвращаются по своим племенам, и всеми силами ударить прямо на Ючжоу, можно будет взять большую добычу!»

Государь Цзинь распорядился собрать объединенное войско округов, издал указ о личном походе и в тот же день выступил из Даляна.

Кидани послали самых слабых и истощенных воинов прогнать стадо волов и овец мимо стен Цичжоу. Гражданский правитель Цичжоу Шэнь Бинь выслал против них из города отряд, но тут легкая конница киданей ударила по городским воротам и цичжоуский отряд не смог вернуться в город. Чжао Яньшоу немедля повел киданей на приступ. Шэнь Бинь находился на городской стене. Чжао Яньшоу пустил коня и, выехав из строя, попытался переманить Шэнь Биня на свою сторону: «Великое государство пришло к нам на помощь со всей своей сокрушающей силой, если ты что-нибудь понимаешь, изъявляй заранее покорность и сдавайся. Не сдашься, запасы истощатся и город падет, кому тогда будешь служить?» Шэнь Бинь громко ответил: «Шичжун, ты со своим отцом просчитался, переметнувшись служить двору варваров, опозорился, выступив во главе этих псов и баранов против своей родной страны! Но вместо стыда, ты еще кичишься этим, как же так?! Сломаются луки, иссякнут стрелы и Шэнь Бинь с готовностью примет смерть за страну свою! Неужели следовать по твоему пути?» На другой день город пал, Шэнь Бинь закололся.

Третий месяц. Ду Вэй и другие военачальники во главе своих войск соединились под Динчжоу, перешли в наступление на киданей, вернули Тайчжоу и взяли две тысячи пленных. Сдавшиеся в плен воины из отрядов Чжао Яньшоу сообщили: «Киданьский государь возвращался обратно, но, услыхав в Хубэйкоу, что цзиньцы захватили Тайчжоу, снова двинулся на юг — тысяч восемьдесят конницы будет здесь к следующей ночи». Ду Вэй испугался и отступил к Янчэну. Большие силы киданей настигли отступающих, цзиньское войско решительно вступило в бой, кидани начали потихоньку отступать и, переправившись через Байгоу, ушли. Увидев, что кидани отступили, цзиньцы развернулись, чтобы пере-

строить позицию, но тут киданьская конница, словно горы, выросла вокруг. Объединенное войско из последних сил сдерживало
144 натиск, люди и кони устали, были голодны. Дойдя||до деревни Байтуаньвэйцунь, цзиньцы укрылись в походном укреплении — за частоколом из вкопанных каждым в землю рогатин. Подошедшие кидани в несколько рядов окружили укрепление и направили отборный отряд в тыл, чтобы отрезать пути подвоза продовольствия осажденным. Колодцы в цзиньском лагере оказались разрушенными, люди и кони страдали от жажды. Вдруг с северо-востока подул сильный ветер, к рассвету он усилился. Киданьский государь, сидевший в сиской повозке [32], приказал своим «железным ястребам» [33] спешиться, выдернуть рогатины, защищавшие цзиньское войско, ворваться в укрепление и смело вступить в рукопашный бой. Чтобы поддержать наступление, он еще приказал пустить по ветру огонь и поднять пыль.

Цзиньские воины недовольно кричали: «Почему *чжучжаотаоши* не ведет нас в бой?» Ду Вэй сказал: «Подождем, пока немного стихнет ветер, тогда я решу, можно ли начать бой».

Ли Шоучжэнь сказал: «Врагов много, нас мало. В песчаной буре не разобрать, кого сколько, и победит тот, кто будет драться упорнее. Этот ветер послан нам в помощь самим Небом! Если ждать, пока он утихнет, наши воины увидят, как сильны кидани, и лишатся боевого духа. Быть тогда всем нам рабами!» Он повелительно крикнул: «Объединенному войску всей силой ударить по разбойникам! А вы,— обратился Ли Шоучжэнь к Ду Вэю,— хорошенько держите оборону!» — и повел отряды, стоявшие в центре, на смертный бой.

Пайчжэньши конницы Чжан Яньцзэ тоже собирался ждать перемены ветра, чтобы начать бой, но *фуши* правого крыла Яо Юаньфу сказал: «Воины уже сейчас сильно страдают от голода и жажды, если ждать, пока переменится ветер, все мы превратимся в рабов. Враг считает, что мы не сможем сражаться при встречном ветре, вот и нужно воспользоваться тем, на что не рассчитывают, и немедля ударить, это военный маневр». *Ду пайчжэньши* Фу Яньцин сказал: «Сидеть сложа руки — значит оказаться в плену, так лучше отдать жизнь за свою страну». Вместе с Чжан Яньцзэ, Яо Юаньфу и Хуанфу Юем он вывел через западные ворота отборную кавалерию, и они вступили в бой. Остальные военачальники двинулись следом. Кидани стали понемногу отходить. Ветер становился все сильнее, день померк, словно наступила ночь. Фу Яньцин с отрядом в десять с лишним тысяч человек бросился наперерез киданям — крики сотрясли небо и землю. Кидани потерпели полное поражение, они отступали, словно горная лавина обрушилась. Ли Шоучжэнь приказал пешим воинам вытащить из земли рогатины и вступить в бой. Пешее войско и конница пошли в наступление и гнали врагов более двадцати *ли*. Спешившиеся «железные ястребы» в темноте не

сумели сесть обратно на коней и бросили их. Оставленное оружие и утварь покрыли землю. Киданьский государь десять с лишним *ли* несся в сиской повозке. Цзиньские отряды преследования стали настигать его, тогда он пересел на верблюда и ушел. Военачальники просили разрешить им, пользуясь успехом, продолжить преследование, но Ду Вэй поднял голос: «Раз при встрече с разбойниками нам посчастливилось остаться в живых, зачем еще преследовать их?» Ли Шоучжэнь сказал: «Люди и кони страдали от жажды и, дорвавшись до воды, сильно ослабели, преследовать разбойников будет трудно, лучше всего уйти». И, собрав тут же войско,‖они отошли оборонять Динчжоу. 145

Потерпев сокрушительное поражение, государь киданей примчался в Ючжоу и собрал своих разбежавшихся воинов. За неудачу в походе каждого из *цючжанов* он наказал сотней ударов палок. Цзиньское объединенное войско вернулось обратно, и цзиньский государь возвратился в Далян.

Шестой месяц. Цзиньский государь собирался заняться государственными делами, как вдруг слуга из внутренних покоев доложил прямо государю: «На государевом ложе, сложив передние лапы, сидит лиса». Государь решил, что это не к добру. Он приказал дворцовой страже явиться с луками и стрелами и объявил, что тот, кто попадет в лису, будет награжден двадцатью *лянами* золота. Посыпались стрелы, одну за другой лиса переловила их; одну стрелу она пустила обратно и попала в рукав государя. Слуги привели охотничьих собак, тогда лиса спокойно удалилась, словно вокруг никого не было. В этот день цзиньский государь к делам не приступил.

На следующий день Сан Вэйхань с дощечкой для распоряжений в руках опустился на колени и доложил: «Лиса, взошедшая на ложе государя, знак недобрый. Кидани ушли, не получив желаемого. Они будут замышлять новый поход, однако все их уловки предвидеть совершенно невозможно. Не лучше ли нам, как низшим, выказать киданям почтение и направить к ним посла, чтобы договориться о мире. Если оба государства прекратят военные действия, все живое избавится от бед истребления. Прошу ваше величество задержать на этом свое внимание». Цзиньский государь сказал: «Мы всю ночь не ложились и тоже думали об этом. От вашего доклада словно наступило прозрение. Смело обсуждайте с сановниками вопрос об отправке посла. Если удастся добиться мира между двумя государствами и мы дадим людям пограничных районов возможность жить спокойно, это будет результатом ваших стараний». Сан Вэйхань велел палате Сюешиюань подготовить доклад. Текст доклада гласил:

«Император государства Цзинь, внук Ши Чжунгуй, почтительно направляет с послом Фэн Цзыцзинем доклад для вручения деду, его величеству императору великого государства киданьского: дом Цзинь утвердился в стране благодаря щедрому вели-

кодушию великого двора и поныне управляет ею. Недавно вероломные подданные Чжао Дэцзюнь и его сын осуществили свой коварный замысел — рассорили нас с великим государством и вынудили деда-императора лично выступить с главными силами в поход, чтобы взыскать за вину с нашей малой страны. Несколько лет подряд идет война, кровью жертв войны залита земля — дед-император, узнав об этом, проявит, конечно, свое сострадание. Сейчас, направляя посла с докладом великому двору, прошу восстановить мир и согласие, как это было в прежние годы при покойном императоре; чтобы дать отдых воинам наших государств и успокоить народ, клянусь служить, как внуку положено служить деду, не смея проявить нерадивость. Да услышат мои слова владыка Небо и владычица Земля! Если изменю я этому союзу, не будет мне никогда прощения от души покойного императора, пребывающей на Небе. Покорно ожидаю высочайшего указа.

Император государства Цзинь доклад представил».

146 ‖Когда киданьский государь получил доклад, он принялся гневно поносить Фэн Цзыцзиня за нарушение союза цзиньским двором. Тут вдовствующая императрица Шулюй обратилась к государю киданей: «Может ли китаец быть государем у инородцев?» — спросила она.— «Не может»,— ответил киданьский государь. Императрица-мать продолжала: «А ты на каком основании хочешь стать китайским государем?» — «Господин Ши проявил неблагодарность, этого простить нельзя»,— сказал киданьский государь. «Если ты сейчас и завладеешь китайской землей,— сказала императрица-мать,— все равно ты не сможешь быть там государем. А, случись, промахнешься, кому нужно будет твое раскаяние?» И, обращаясь к окружению государя, сказала: «Как китайцы могут спать спокойно? Ведь издревле известно, что только китайцы давали мир инородцам, и никто не слыхал, чтобы инородцы давали мир китайцам. Но раз китайцы действительно хотят выказывать нам почтение как низшие, то почему мне печалиться об этом мире?» Государь киданей устроил в честь Фэн Цзыцзиня пир и объявил свое решение: «Передай императору Цзинь следующее: я с сочувствием отнесся к тому, что господин Ши проявляет осмотрительность, не желая прекратить жертвоприношения своим предкам. Что же касается просьбы о мире, то разве можно не согласиться на это? Однако для заключения договора пусть сюда лично явятся Цзин Яньгуан и Сан Вэйхань и пусть еще прирежут мне во владение области Чжэнь и Дин, тогда и мир будет возможен». Посол вернулся и передал повеление. «Слова киданьского государя полны злобы, полагаю, что у него нет желания идти на мир»,— сказал государь Цзинь и не отправил Цзин Яньгуана и Сан Вэйханя на север.

Когда-то Гао...[34], поэтому буддийский монах Вало, родом из инородцев, был отправлен к цзиньскому Гао-цзу Ши Цзинтану с предложением: «Государство Бохай состоит с нами в свой-

стве...[35], захвачен киданями в плен. Просим согласия государя на совместный удар по киданям. Гао-цзу жил с киданями в большой дружбе [и на предложенный союз][36] не согласился. Когда на цзиньский престол вступил новый государь, Вало снова явился, чтобы передать пожелания государя страны Гаоли. Цзинь[ский государь предложил государю Гаоли начать действовать][37] на восточных границах киданей, чтобы таким образом разобщить их силы. Но правитель Гаоли Цзянь в это время скончался. Его сын У направил государю Цзинь доклад с известием о постигшем несчастье.

Одиннадцатый месяц. Цзиньский государь признал У государем Гаоли, направил к нему в качестве посла *туншишэжэня* Го Жэньюя для переговоров о совместных действиях против киданей. Го Жэньюй вернулся и доложил: «Войско Гаоли крайне слабо, слова Вало — одно хвастовство, пустая болтовня, незаслуживающая доверия».

Четвертый месяц третьего года Кай-юнь (946 г.). Ван Линвэнь, сменивший Фэн Хуэя в должности правителя Линьчжоу, не посетил племена цян и ху с целью поддержки и поощрения, те затаили на него обиду и решили восстать. Цючжаны дансянских цянов Тоба Яньчао, Ши Цунь и Е Сыбао объединили силы и выступили в поход на Линчжоу. Так племя дансянов оказалось зачинщиком смуты.

На северо-западе округа Динчжоу расположена гора Ланшань. Местные||жители построили на ней крепость для защиты от на- 147
бегов варваров. В крепости имелся небольшой буддийский храм, в нем жила монахиня по имени Сунь Шэньи. Своим магическим искусством она дурачила людей, но и ближние и дальние ей верили и внимали с большим почтением. Уроженцы Чжуншани Сунь Фанцзянь и его младший брат Сунь Синъю, назвавшись внучатыми племянниками Сунь Шэньи, весьма почтительно служили ей. Когда Сунь Шэньи умерла, Сунь Фанцзянь воспреемствовал ее искусство; он провозгласил, что хотя Сунь Шэньи прошла перерождение, он продолжает служить ей, как живой. С каждым днем учеников у него становилось все больше. Тут случилось так, что государство Цзинь разорвало дружественные отношения с киданями, и в северных пограничных районах стали процветать грабежи и разбой. Сунь Фанцзянь с братом возглавили деревенских удальцов и превратили храм в укрепление. Когда вторглись кидани, Сунь Фанцзянь со своей шайкой вышел им наперерез, атаковал их и захватил обозы с оружием и снаряжением. Местные жители часто целыми семьями начали присоединяться к нему, и все это сборище превратилось в разбойников. Захваченные у киданей деньги Сунь Фанцзянь передавал императорскому двору. Двор в награду за противодействие противнику назначил его *чжаошоу чжихуэйши* в районе северо-востока. Тут Сунь Фанцзянь принялся докучать двору просьбами, но на них не

обращали внимания и не удовлетворяли. Тогда Сунь Фанцзянь восстал, перешел на сторону киданей и стал у них проводником.

В это время в Хэбэе был сильный голод, более десяти тысяч людей умерли голодной смертью. Военачальник из округа Тяньсюнь Лю Яньхань закупал в пограничных районах лошадей. Сунь Фанцзянь захватил его и доставил к киданям. Лю Яньхань бежал. Вернувшись, он сообщил, что Сунь Фанцзянь намерен воспользоваться голодом в стране и привести киданей, и просил государя Цзинь заранее подготовиться к нападению.

Шестой месяц. Из Динчжоу пришло известие, что кидани стягивают силы и угрожают безопасности границ. Императорским указом Ли Шоучжэнь был назначен на пост *дубушу* для отпора врагам. Ли Яньтао, в то время только что приступивший к делам, пренебрегал Ли Шоучжэнем. Ли Шоучжэнь затаил на него зло. А тут случилось так, что люди, прибывшие из Ючжоу, сообщили о желании Чжао Яньшоу вернуться на родину. Ли Сун поверил и приказал Ду Вэю отправить Чжао Яньшоу письмо с обещанием щедрых даров. В ответном письме Чжао Яньшоу попросил выступить с главными силами ему на поддержку, отказался от императорского указа и умолял держать все в тайне. Император обрадовался и снова направил к Чжао Яньшоу человека для переговоров.

Государь киданей приказал гражданскому правителю Инчжоу Лю Яньцзо отправить в Лэшоу инспектору войска Ван Луаню письмо с просьбой разрешить перейти с городом под власть Цзинь. В письме Лю Яньцзо сообщал, что в городе находится неполная тысяча киданьских воинов, и просил императорский двор выслать против них легкую конницу, которой он по желанию Ван Луаня окажет поддержку из города. Еще он сообщал, что государь киданей уже возвратился в свою ставку и, поскольку земля на большом расстоянии затоплена, помощи выслать не сможет. Ван Луань и Ду Вэй несколько раз докладывали двору, что, воспользовавшись представившимся случаем, можно захватить Ин и Мо. Фэн Юй и Ли Сун поверили им и решили двинуть главные силы цзиньского войска навстречу Чжао Яньшоу и Лю Яньцзо.

Собираясь в поход на север, государь Цзинь обсуждал вопрос о назначении Ду Вэя на пост *дучжаотаоши*, а Ли Шоучжэня — на пост его помощника. Чжао Ин в частном разговоре сказал Фэн Юю: «Господин Ду женат на принцессе, удостоен военных и гражданских чинов, но желаемого не достиг, в душе его нет удовлетворения, так можно ли снова передавать ему в руки военную власть? Если на севере непременно должны произойти события, лучше остановить выбор на Ли Шоучжэне». Государь Цзинь не принял совета.

148

Десятый месяц. В стране было обнародовано императорское воззвание. Оно гласило:

«Великое государство Цзинь направляет главные силы войска на усмирение коварного врага. Сначала овладеем Ин и Мо и наведем порядок в Гуаньнани, затем вернем Янь и Цзи и усмирим районы севернее границы. Тот, кто сумеет взять в плен вражеского государя, получит под начало военный округ и звание командующего, кроме того, он будет награжден десятью тысячами связок монет, десятью тысячами кусков шелка и десятью тысячами *лянов* серебра».

С шестого месяца непрерывно шли дожди. Продвижение войск и доставка продовольствия были чрезвычайно затруднены.

Киданьский государь выступил с большим войском [в направлении Хэн] чжоу [38]. Ду Вэй и другие военачальники, услыхав об этом, двинулись из Цзичжоу и Бэйчжоу на юг, чтобы задержать противника. Находившийся в то время в Хэнчжоу Чжан Яньцзэ привел свои отряды на соединение с Ду Вэем и сказал, что киданей можно разгромить. Тогда Ду Вэй и остальные устремились к Хэнчжоу. Чжан Яньцзэ пошел в авангарде. Лагеря киданей и Чжан Яньцзэ сжали с двух сторон Хутохэ. Опасаясь, что цзиньское войско не замедлит переправиться через Хутохэ и объединиться с силами Хэнчжоу, кидани решили отойти. Но как только стало известно, что цзиньцы возводят защитные валы в расчете на длительную оборону, кидани остались на месте. Гражданский правитель Цычжоу Ли Гу обратился к Ду Вэю и Ли Шоучжэню: «Сейчас от нас до Хэнчжоу рукой подать, видим огни друг друга. Установить бы в реке побольше треножных бревен [39], забросать их сверху хворостом да засыпать землею — вот мост и готов. Для согласованности действий тайно условимся с защитниками города о сигнальных огнях и ночью с храбрецами-добровольцами прорвемся в лагерь врагов. Если объединить внешние и внутренние силы, враг непременно побежит». Все военачальники радостно воскликнули: «Слова гражданского правителя Ли справедливы!» Один только Ду Вэй заявил, что план неприемлем и сказал Ли Гу: «Назначаю вас ведать войсковым провиантом в Хуайчжоу и Хуачжоу, ведите дело хорошенько». Ли Гу подчинился и выехал к месту назначения.

Кидани, главные силы которых стояли перед войском Цзинь, тайно послали около сотни конников под командованием Сяо Ханя в тыл цзиньцам, чтобы перерезать пути подвоза продовольствия и отступления. Сяо Хань захватил цзиньских сборщиков хвороста и несколько простолюдинов, поставил каждому на лице черное клеймо: «Не убит по высочайшему повелению» — и отпустил всех обратно. Прислуга, сопровождавшая обоз с продовольствием, встретив в пути клейменых людей, бросила обоз и в страхе разбежалась.

Двенадцатый месяц. Ли Гу собственноручно написал императору тайный доклад. Он сообщал, что войско находится в опасном положении, просил государя переехать в Хуачжоу и отпра-

вить отряды к Шаньчжоу и Хэяну для защиты от вражеского удара.

Правитель Кайфэнфу Сан Вэйхань, понимая, что государству ежеминутно грозит гибель, обратился к государю с просьбой принять его — он собирался изложить план защиты и спасения страны. Но именно в это время государь Цзинь натаскивал в дворцо-
149 вом парке ловчих соколов и в приеме отказал. Тогда||Сан Вэйхань попросил сановников, ведавших делами управления, довести его план до сведения государя, но те не смогли между собою решить, стоит ли это делать. Сан Вэйхань ушел и сказал своим домашним: «Дом Цзинь не будет больше получать кровавую пищу» [40].

Государь Цзинь решил возглавить северный поход. Ли Яньтао обратился к нему с увещеванием: «Если ваше величество выступит в поход, кто будет охранять алтари земли и злаков? Драгоценнейший человек не должен умирать от разбойников, больше дорожите своей жизнью. Полагаю, что вашему величеству следует спокойно жить во внутренних покоях дворца, а не находиться под ядрами и стрелами». Тогда цзиньский государь издал указ, повелев Гао Синчжоу и Фу Яньцину вместе охранять Шаньчжоу, а Цзин Яньгуану — защищать Хэян.

В то время *чжихуэйши* Ван Цин обратился к Ду Вэю: «Прошу разрешить мне с двумя тысячами пеших воинов выступить в авангарде. Мы захватим мост, откроем путь, и вы с объединенным войском двинетесь за нами. А если удастся войти и в Хэнчжоу, так жалеть об этом не придется». Ду Вэй разрешил Ван Цину и Сун Яньюню начать наступление. Ван Цин вступил в бой с киданями, он дрался мужественно и смело. Кидани притворились побежденными, и Ван Цин с Сун Яньюнем погнались за ними. Сун Яньюнь потерпел поражение и отступил. Ван Цин остался один и во главе своего отряда бился из последних сил. Несколько раз просил он помощи у Ду Вэя, но тот так и не послал ему ни одного конника. Ван Цин обратился к своим солдатам: «Командующий придерживает силы и, сидя на месте, выжидает результатов боя. Как я ни добивался помощи, он не поддержал нас ни единым человеком. Думаю, на уме у него недоброе, нам остается только смертью воздать стране своей». До позднего вечера, не зная передышки, бились они из последних сил. Кидани снова и снова вводили в бой подкрепления. Ван Цин и его отряд — все до одного — остались на поле боя. Это нагнало страх на объединенное войско, и никто больше не решался вступать в бой. Кидани далеко-далеко сомкнули кольцо вокруг лагеря цзиньского войска. У цзиньцев кончилось продовольствие. Ду Вэй, Ли Шоучжэнь и Сун Яньюнь держали совет — они думали перейти на сторону киданей. Но когда решение было уже принято, Ду Вэй за спиной у остальных послал в ставку киданей своего человека, чтобы выпросить себе по завершении дела почетную награду. Киданьский государь лицемерно сказал: «Влияние Чжао Яньшоу

ничтожно, если даже он и овладеет государством Цзинь, в государи Срединной равнины он все равно не годится. Перейдешь на нашу сторону, станешь императором!» Слова были переданы. Ду Вэй, очень обрадованный, тайно приказал секретарю подготовить акт о капитуляции и, спрятав латников, призвал к себе военачальников на совет. Услыхав приказание и полагая, что предстоит обсуждение каких-нибудь очередных войсковых бумаг, военачальники, как один, явились выслушать распоряжения. Тут Ду Вэй представил им акт о капитуляции и приказал каждому поставить под ним свое имя. Напуганные военачальники подчинились. Тогда Ду Вэй распорядился выстроить войско в боевой порядок. Воины оживились, они думали, что командующий Ду Вэй приказал идти в бой. Ду Вэй сам вышел к войску: «Продовольствие у нас кончилось, положение безвыходное, надо найти способ всем нам сохранить жизнь!» — сказал он и приказал сложить оружие. Воины горько рыдали, плач сотрясал равнину. ‖Тогда Ду Вэй с Ли Шоучжэнем громогласно заявили, что государь утратил добродетель, что он полагается на лукавых сановников и не доверяет самому себе. Всем слышавшим это ничего не оставалось, как стиснуть зубы, гневно сверкая глазами. 150

Киданьский государь отправил Чжао Яньшоу в ярко-желтом халате в лагерь капитулировавших цзиньцев, чтобы успокоить войско. Ду Вэю он тоже велел надеть ярко-желтый халат. Ведь раньше киданин дал Ду Вэю лживое обещание сделать его императором, поэтому он и разыгрывал эту комедию. Ду Вэй в качестве проводника привел государя киданей под стены Хэнчжоу. Ван Чжоу, командующий военным округом Шуньго, тоже сдался киданям. Киданьский государь назначил Сунь Фанцзяня командующим военным округом Иу, а Мада — командующим Аньго. Чжан Ли сказал киданьскому государю: «Сейчас, когда великое Ляо уже овладело Поднебесной, назначать на военные и гражданские должности в Китае следует китайцев, а не северян или их близких и окружение. Если допустить в управлении промахи, в сердцах людей не будет покорности, и, хотя вы Поднебесной овладели, вы ее не удержите».— «Использование и южан и северян,— ответил киданьский государь,— обеспечит осуществление наших планов на долгие годы». Он повел войска на юг, Ду Вэй со своими отрядами последовал за ним. [Государь] послал Чжан Яньцзэ во главе двухтысячного конного авангарда атаковать Далян и назначил *тунши* Фу Чжуэра старшим инспектором войска. Он решил послать к Даляну и Хуанфу Юя, чтобы тот первым вошел в город. Хуанфу Юй сердечно простился с государем; уезжая, он сказал своим близким: «Я занимал военные и гражданские посты в государстве Цзинь. Войско Цзинь разгромлено, а раз я не сумел умереть, так достойно ли действовать против цзиньского государя?» По прибытии в Пинцзи он сказал своим сопровождающим: «Я не ем уже несколько дней, с каким же видом последую

я снова на юг за государем варваров?» — и удушил себя руками.

А Чжан Яньцзе, получив распоряжение киданьского государя, двойными переходами прошел путь и под покровом ночи переправился через реку у Баймацзинь. Когда цзиньский государь услыхал, что подходит Чжан Яньцзэ, он немедленно призвал во дворец Ли Суна, Фэн Юя и Ли Яньтао, чтобы обсудить положение дел,— он собирался послать Лю Чжиюаню указ с повелением выступить на помощь. А на следующее утро, разбив засовы ворот Фэнцюмэнь[41], в город вошел Чжан Яньцзэ. Началась паника. Цзиньский государь разжег во дворце костер и мечом стал гнать в огонь его обитателей, но командиру личной охраны Сюе Чао удалось остановить государя. Спустя мгновение Чжан Яньцзэ передал государю Цзинь письмо с утешениями от киданьского государя и императрицы-матери Шулюй. Тогда цзиньский государь погасил огонь, он рыдал, вместе с ним плакали императрица, жены и министры. Затем срочно был призван Фань Чжи и государь повелел ему составить доклад о капитуляции. Текст гласил:

«Внук, подданный Ши Чжунгуй, в бедах дошел до заблуждений, судьба изменила и Небо отвернулось. Сейчас вместе с императрицей-матерью, супругой — госпожою Фэн и всей семьей, связав за спиною руки, ожидаю наказания. Направляю подданных
151 ||Ши Яньсюя и [Ши] Яньбао для вручения государственной печати».

Вдовствующей императрице тоже пришлось подать доклад, назвавшись в нем «новой супругой госпожой Ли».

Фу Чжуэр приказал цзиньскому государю признать вину перед строем войск, от себя добавив: «Думаю, отец смилуется и по меньшей мере избавит от наказания топором». Чжан Яньцзэ привел цзиньского государя с семьей к палатке государя киданей и объявил его решение: «Высочайшим указом императора великого Ляо Ши Чжунгую повелевается снять желтый халат, надеть простую одежду и с поклоном принять повеление». Свита государя плакала, закрыв лица руками. Вдруг явился посыльный с повелением Чжан Яньцзэ прибыть на совет. Чжан Яньцзэ улыбнулся, но приказания не исполнил. Киданьский государь повелел Сан Вэйханю и Цзин Яньгуану явиться к нему. Когда Сан Вэйхань выехал на Тяньцзе[42], он столкнулся с Ли Суном. Остановив коней, они разговорились. Вдруг перед ними возник вестовой. Сложив руки, он обратился к Сан Вэйханю: «Прошу господина министра проследовать в следственный отдел охраны». Сан Вэйхань понял, что не...[43] ... наоборот, приказывают Сан Вэйханю умереть, ведь так?»...[44], сказал: «Теперь дела уже дошли вот до чего, какое вы имеете...[45], снова дал под начало большой военный округ, вручил военную власть в руки, так откуда же теперь такая неблагодарность за милости? Что я могу еще сказать? Кого теперь, как никогда, недостает — это покойного государя!»

Чжан Яньцзэ нечего было сказать в ответ, он приказал за-

ковать Сан Вэйханя в цепи и послал воинов сторожить его. Чжан Яньцзэ разрешил войску два дня грабить столицу — город был опустошен. Похваляясь заслугами, Чжан Яньцзэ на своем знамени начертал: «С чистым сердцем — государю». Еще со времен правления Цзинь Чжан Яньцзэ не ладил с *гэмэньши* Гао Сюнем. И вот теперь он убил его дядю и младшего брата. *Чжуншу шэжэнь* Ли Тао сказал: «Чем вместе с остальными умирать в канаве, лучше принять смерть от руки Чжан Яньцзэ». Он достал карточку и, написав на ней: «Подается прошение об убийстве врага, *тайвэя* Ли Тао, который с почтением явился просить смерти», направился с визитом к Чжан Яньцзэ. Тот радостно принял его и спросил: «Боитесь смерти, *шэжэнь*?» — «Сейчас я боюсь смерти так же, как вы ее боялись в прошлом году,— ответил Ли Тао.— Если бы Гао-цзу поверил моим словам, откуда бы теперь прийти беде?» Чжан Яньцзэ расхохотался и угостил Ли Тао вином. Тот осушил чашу и ушел, словно рядом никого не было.

Поскольку цзиньскому государю Чжунгую предстояло переселение в Кайфэнфу, Чжан Яньцзэ приказал ему не мешкать и не задерживаться.||Государь Цзинь распорядился забрать из дворцовой сокровищницы золото и жемчуг. Чжан Яньцзэ сказал: «Это все захвачено императором великого Ляо у его нового пленника в покоренной стране, хранить их больше нельзя». Государь Цзинь все вернул Чжан Яньцзэ, не решившись взять что-нибудь с собой. Чжан Яньцзэ послал *чжихуэйши* Ли Юня с солдатами сторожить цзиньского государя, чтобы тот ни с кем не общался и ниоткуда не получал известий. 152

Фэн Юй добивался разрешения лично передать государственную печать Цзинь киданьскому государю в надежде, что тот назначит его на службу.

Мать цзиньского царевича Тинсюя[46] была редкой красавицей, и Чжан Яньцзэ послал человека забрать ее, чтобы сделать своей наложницей. Он убил Сан Вэйханя, обмотал вокруг его шеи кушак, а киданьскому государю солгал, сказав: «Сан Вэйхань в страхе перед наказанием удавился сам».

Гао Синчжоу и Фу Яньцин явились к киданям и сдались. «Помните, как обстояло дело в битве под Янчэном?» — сказал с укором государь киданей. «В то время,— ответил Фу Яньцин,— ваш покорный слуга знал только государя Цзинь и не знал великого государства. Жить мне сейчас или умереть — приказывайте!» Киданьский государь рассмеялся и простил его.

Киданьский государь пожаловал цзиньского государя собственноручным указом, гласившим:

«Император Великого Ляо объявляет внуку Ши Чжунгую: тревожиться не следует, я позабочусь, чтобы жилище с пропитанием у тебя имелось. Государственная печать, что ты прислал, не настоящая. Кто же обманул меня? Надо представить подлинную печать».

Цзиньский государь Чжунгуй доложил: «После самосожжения государя Цункэ местонахождение старой государственной печати неизвестно. Представленная печать была сделана покойным государем, я не обманываю».

Чиновники держали совет — они хотели, чтобы цзиньский государь с яшмою во рту [47] и жертвенным бараном на веревке [48], а сановники с гробом на плечах [49], вышли за город встречать [киданьского государя]. «Я посылал на Далян цвет своего войска и капитуляцию не приму»,— сказал государь киданей. Он не разрешил провести церемонию капитуляции; затем последовал указ, с повелением оставить прежней цзиньскую систему военных и гражданских чинов; в дворцовом этикете должен был действовать китайский церемониал. Киданьский государь направил к Хэяну отряд, чтобы поскорее захватить Цзин Яньгуана. Но, когда государь киданей прибыл в Фэнцю, Цзин Яньгуан сам примчался представиться ему. Государь киданей с укором сказал: «Это ты ведь сумел лишить двух государей радости! А где же сто тысяч хорошо отточенных мечей?» Он призвал Цяо Жуна для очной ставки с Цзин Яньгуаном. Цзин Яньгуан вначале не признавал себя виновным, тогда Цяо Жун предъявил бумагу, на которой были записаны слова, когда-то сказанные Цзин Яньгуаном,— Цзин Яньгуан признал вину и попросил смерти. Киданин укорял Цзин Яньгуана за десять проступков и каждый раз, когда тот признавал себя виновным, вручал ему бирку. После вручения восьмой бирки киданьский государь приказал заковать Цзин Яньгуана в цепи и отправить на родину. В полночь, освободив руки, Цзин Яньгуан удушил себя.

153 ‖Двенадцатый год Тянь-фу (947 г.), первый день первого месяца. Сановники двора проводили цзиньского государя Чжунгуя в северную часть города. Затем, переменив одежду и шапки, они вышли навстречу киданьскому государю и, распростершись на дороге, попросили о наказании. Киданьский государь приказал им встать, обласкал и утешил. Цзиньский государь Чжунгуй и императрица-мать встречали государя киданей за воротами Фэнцюмэнь, но тот кивнул им, не взглянув, и проскакал в город. Народ в страхе разбегался. Тогда киданьский государь послал *тунши* объявить людям повеление, гласившее: «Я ведь тоже человек, не бойтесь, может быть, я сумею дать вам возможность дышать снова. У меня не было намерения идти на юг, китайские войска привели меня сюда». Он подъехал к воротам Миндэмэнь [50], поклонился и после этого вступил во дворец. К вечеру он снова выехал из города и расположился в Чигане.

Гао Сюнь пожаловался, что Чжан Яньцзэ убил его семью. Киданьский государь, тоже гневавшийся на Чжан Яньцзэ за грабеж в столице, приказал солдатам заковать Чжан Яньцзэ в цепи. Простые люди наперебой стали подавать жалобы, обвиняя Чжан Яньцзэ в разных преступлениях. Тогда киданьский государь при-

казал доставить Чжан Яньцзэ и Фу Чжуэра [51] под конвоем на северный рынок и казнить их. Гао Сюню было поручено надзирать за казнью. Дети и внуки сановников — жертв Чжан Яньцзэ — в траурной одежде, с траурными посохами в руках, рыдали, проклиная Чжан Яньцзэ, и били его посохами. Гао Сюнь приказал вырезать сердце Чжан Яньцзэ для жертвоприношения душам убитых. Жители города в драку бросились отсекать казненному голову, достали мозг, разрезали на куски тело и съели.

Киданьский государь направил отряд для охраны Цзин Яньгуана, возвращающегося на родину [52]. В пути, когда отряд остановился на ночлег в Чэньцяо, Цзин Яньгуан задушил себя.

Государь киданей переселил цзиньского государя Чжунгуя со всей семьей на жительство в монастырь Фэнчаньсы [53] и установил вокруг строгую военную охрану. Он объявил указ о присвоении Чжунгую титула Фуи-хоу — «нарушившего верность» — и определил ему местожительством Хуанлунфу. В то время шли дожди и снег, [семья цзиньского государя] мерзла и голодала. Императрица-мать послала слугу к настоятелю монастыря Фэнчаньсы со словами: «Когда-то я кормила здесь более десяти тысяч монахов, так неужели сейчас не найдется никого, кто б вспомнил об этом?» — «Намерения врага предвидеть трудно,— ответил настоятель,— не решаюсь предложить вам пищу». Государь Цзинь тайком обратился к охранникам и получил немного еды.

В тот же день государь киданей привел свое войско в город и вступил во дворец — у всех ворот появилась киданьская стража. В воротах, как заклятия от несчастий, были убиты собаки и подвешены бараны. Государь киданей обратился к цзиньским сановникам: «Отныне не надо готовить солдат, не надо закупать боевых коней,— сказал он.— Облегчим налоги, сократим повинности, и в Поднебесной установится великий мир и покой!» Он отменил киданьскую одежду и приказал перейти на китайское платье. Ли Сун был назначен *шумиши*, Фэн Дао — *тайфу*. Все командующие пограничными военными округами явились к киданьскому государю и объявили о своей покорности. В стихах говорится:

Гниды и вши покрывают одежду,
коли она обветшала;
Черви кишат и роятся на мясе,
если оно загниет.
Когда б взбунтовавшиеся полководцы
не дрались между собою,
Неужто возник бы у варваров дерзких
несбыточный замысел тот?
Собака Цзе, залаяв на Яо [54],
была бы верна господину;
Кто самозабвенно служил дикарям,
рабом у жунов умрет.
Внимал государь советам Яньцзэ
и мнению Чжао Яньшоу —
Разрушился дом, государство погибло,
навеки прервался род.

155 # *ПИНХУА* ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ХАНЬ

СОДЕРЖАНИЕ

Цзюань 1

Лю Чжиюань происходит из племени шато
Лю Чжиюань в семилетнем возрасте теряет отца
Его мать, урожденная Су, подает прошение о вторичном замужестве
Матушка Су выходит замуж за Мужун Саньлана и берет с собою Лю Чжиюаня [в дом мужа]
Лю Чжиюань делает татуировку
Мужун Саньлан посылает Лю Чжиюаня платить налог
Лю Чжиюань проигрывает деньги
Лю Чжиюань собирается вступить в войско
Лю Чжиюань решает заночевать у усадьбы хозяина Ли
Ли Цзинжу видит удивительный сон
Ли Цзинжу берет Лю Чжиюаня в дом конюхом
Он видит чудеса, происходящие с Лю Чжиюанем
Ли Цзинжу приглашает Лю Чжиюаня в зятья
Оба шурина не признают Лю Чжиюаня
Лю Чжиюань направляется в Тайюань и вступает в войско
Чжиюань и Ши Цзинтан становятся побратимами
Ши Цзинтана назначают командовать Хэдуном
Лю Чжиюань вместе с Ши Цзинтаном направляется в Хэдун
Лю Чжиюань уговаривает Ши Цзинтана закрепиться в Хэдуне
Ши Цзинтан провозглашает себя императором и назначает Чжиюаня *пинчжаном*
Лю Чжиюань назначается наместником Северной столицы
Солдаты сообщают Лю Чэнъи новости о его матери
156 ||Лю Чжиюань сам отправляется в деревню Мэншицунь проведать жену
Чжиюань изображает косца
Лю Чжиюань видится с Ли Цзинъе
Чжиюань встречается с Сань-нянцзы
Чжиюань возвращается в походную управу

Чжиюань, сопровождаемый отрядом воинов, прибывает в Мэншицунь
Чжиюань восседает в зале [дома] хозяина Ли
Он приглашает Сань-нянцзы и велит поклониться ей как титулованной даме
Чжиюань поносит шуринов
Он решает казнить обоих шуринов — Ли Хунсиня и Ли Хунъи
Хунсинь и его брат избегают наказания благодаря [заступничеству] дяди
Чжиюань вместе с супругой возвращается в свое присутствие
Чжиюань велит Го Вэю переманить тугухуней
Цзиньский государь Чжунгуй указом призывает Чжиюаня в карательный поход против киданей
Чжиюань остается на месте и в поход не выступает
Го Вэй уговаривает Чжиюаня закрепиться в Хэдуне
[Лю Чжиюань] посылает Го Вэя сманить Бай Чэнфу
Го Вэй уговаривает Чжиюаня воспользоваться благоприятным моментом и выступить с войском
Лю Чжиюань ведет войска, чтобы встретить и защитить цзиньского государя

Цзюань 2

Лю Чжиюань вступает на императорский престол, государство получает название Хань
У Синдэ сдается Лю Чжиюаню
Ханьский государь прибывает в Лоян
Убивает Сюй-вана Цунъи и его мать
Ханьский государь вступает в Далян
Мада с войском бежит на север
||Ханьский государь прибывает в Шань и Вэй и лично награждает войска 157
Ду Чжунвэй сдается Хань
Объявляется о назначении Ду Чжунвэя *тайфу*
Чжао Куанцзань и Хоу И являются с изъявлением покорности двору
Объявляется о назначении Фэн Дао *тайши*
Ханьский государь тяжело заболевает
Призывает Го Вэя ко двору, чтобы дать ему последние наставления
Ханьский государь умирает
Го Вэй скрывает смерть и не объявляет траура
Го Вэй убивает Ду Чжунвэя
Царевич Чэнъю вступает на престол
Ши Хунчжао становится *шичжуном*
Чжао Сывань укрепляет город и восстает
Ли Шоучжэнь поднимает войска

Фэнсянский Ван Цзинчун восстает
Ханьский государь повелевает Го Вэю захватить три [восставших] военных округа
Го Вэй окружает кольцом осады Хэчжун
Ли Шоучжэнь располагает войско строем «тигр в засаде»
Фан Янь разбивает строй «тигр в засаде», и Ли Шоучжэнь терпит сокрушительное поражение
Ли Шоучжэнь просит помощи у танского государя
Танский государь посылает Ли Цзиньцюаня на помощь Хэчжуну
Чжао Хуэй с войском атакует Фэнсян
Чжао Хуэй дурачит войско Шу, сманивая Ван Цзинчуна
Из Шу посылают Ань Сыцяня на помощь Ван Цзинчуну
Чжао Хуэй просит срочной помощи у Го-*дуду*
Го-*дуду* сам ведет войска на помощь Чжао Хуэю
Ли Шоучжэнь посылает Ван Цзисюня атаковать ханьские позиции
Лю Цы разбивает и прогоняет Ван Цзисюня
158 ||Ван Цзисюнь с войском сдается Хань
Ли Шоучжэнь совершает самосожжение
Чжао Сывань подает доклад и сдается Хань
Го Вэй посылает Ван Цзюня убить Чжао Сываня
Го Вэй возвращается в Далян
Просит пожаловать милости ведущим сановникам и командующим военными округами
Ван Цзинчун погибает в огне
Ли Е замышляет убить Го Вэя
Го Вэй является ко двору с жалобой на обиду
Ханьского государя убивают мятежные солдаты
В Шаньчжоу восстает войско
[И] провозглашает Го Вэя императором

159 ## *ПИНХУА* ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Цзюань 1

В стихах говорится:

Ши-лан, возгласивший династию Цзинь,
в войсках поднимает восстанье;
По собственной воле — какой позор! —
отцом называет киданя.
Как он ликует, когда золой
становятся кости Цункэ!
Но тут возникли на царскую шапку
претензии Чжиюаня.
Где звуки сражений не умолкают,
милости там забыты;
Когда подозрения всходы дадут,
сердце холодом стянет.

Сцепились устрица и баклан [1],
а выгода — рыбаку;
Так, может быть, лучше увидит дорогу
кто в сторону тихо станет?

Речь в нашем рассказе пойдет вот о чем: Ши Цзинтан был зятем позднетанского императора. Подозрительность и недоверие Лу-вана побудили его обратиться за помощью к киданям. Он восстал, захватил танский престол и объявил себя императором Цзинь. Танский Лу-ван Цункэ совершил самосожжение — его кости превратились в пепел.

Лю Чжиюань пользовался полным доверием Ши Цзинтана: государь указывал, сановник все точно исполнял, и согласие царило между ними, как между членами одной семьи. Когда же править стал Ци-ван Чжунгуй, он доверил управление страной Цзин Яньгуану и так о себе возомнил, что потерял расположение северных варваров — в результате беда пришла от тех, кем он держался.

Лю Чжиюань поначалу стремился выполнить долг и, чтобы не отплатить неблагодарностью за милости цзиньского Гао-цзу, хранил верность новому государю. Но подозрение и недоверие закрались в душу Ци-вана. Тогда Лю Чжиюань решил занять выжидательную позицию: он собрал отборное войско и закрепился в стратегически важном районе. Когда пришло известие об опасности, грозящей трону, он не оказал государю помощи, ожидая удобного случая для осуществления своего плана. Ведь Ци-ван и кидани старались уничтожить друг друга, как говорит пословица: «сцепились, словно устрица и баклан», а Лю Чжиюань, наблюдая со стороны за происходящим, уловил момент и одним махом добился своей цели, подобно рыболову, который, сидя на берегу, поймал сразу и баклана и устрицу. Увы, велением Неба повторяется все снова! Завладев государством, Лю Чжиюань и циновку не успел под собою согреть, как Го Вэй стал коситься на его трон, и чжоуским стал ханьский треножник.

||Расскажем теперь, что фамилия Чжиюаня была Лю. Предки 160
его, шато из деревни Люйлюцунь, позднее поселились в уезде Сяои округа Фэньчжоу в области Тайюаньфу. Отца Чжиюаня звали Гуан-цзань, мать была из семьи Су. Когда родился Чжиюань, ему сперва дали имя Чэнбао. Ребенок рос серьезным, болтать и смеяться не любил; лицо у него было темное, с фиолетовым отливом, белки глаз большие.

Едва Чэнбао исполнилось семь лет, как отец его, Гуанцзань, скончался. Дом был беден, мать, оставшись вдовой, не могла сама прокормиться, и однажды матушка Су обратилась к своему свояку Лю Гуанъюаню за советом: «Дом у меня бедный, сынишка мал, трудно в нужде и голоде блюсти вдовство. Придется, видно, позвать сваху и договориться о новом замужестве. Да вот Чэнбао ведь совсем дитя, как вы посмотрите, дядюшка, на то, чтобы взять его к себе? Было бы счастьем, если бы вы прокормили его до

совершеннолетия, а там, глядишь, он и сам начнет зарабатывать на жизнь. Может, в память вашего старшего брата вы составите документ об усыновлении?» Лю Гуанъюань ответил невестке: «Было б у меня достаточно добра и пропитания, я вырастил бы малыша Чэнбао, сделал бы это ради старшего брата, что тут говорить? Но ведь я тоже беден, а у меня несколько детей, которые каждый день требуют чего-нибудь поесть. Поистине: „Коль не окажется однажды чашки риса, и отец с сыном расстанутся". Зачем я говорю тебе это? А затем, что, раз ты решила выйти замуж, свахе нужно договариваться, чтобы Чэнбао ты взяла в семью нового мужа. Так будет удобнее всего!» — «Я в трауре,— сказала матушка Су,— кто же решится сватать меня? Хорошо бы вам, свояк, взять переговоры о браке на себя».— «Раз ты боишься, что люди осудят тебя за то, что ты во время траура вступаешь в новый брак, почему бы тебе не обратиться с прошением к властям? Получишь разрешение, тогда приглашай сваху и выходи замуж,— посоветовал ей Лю Гуанъюань,— так будет лучше всего».

Матушке Су пришлось последовать совету Лю Гуанъюаня и обратиться в присутствие уезда Сяоисянь с просьбой о разрешении повторного замужества. Текст прошения гласил:

«С прошением о разрешении вступить в брак вторично обращается Лю а-Су, уроженка данного уезда, в расцвете сил и вполне здоровая. В течение пяти лет была супругой Лю Гуанцзаня и родила от него сына Лю Чэнбао, которому сейчас всего семь лет. В двенадцатый день первого месяца сего года Лю Гуанцзань после болезни скончался. Дом мой беден, ребенок мал, и поистине нет мне избавления от бедности и нужды. Я обратилась за советом к младшему брату покойного мужа Лю Гуанъюаню, сказав ему, что, соблюдая траур и вдовство, мне при своей нищете с ребенком не прокормиться. Лю Гуанъюань в ответ посоветовал обратиться к властям, чтобы получить разрешение вступить в новый брак и взять с собой в семью мужа моего сына Лю Чэнбао. Не смея ослушаться, почтительно подаю сие прошение. Надеюсь
161 присутствие уезда Сяоисянь||отнесется к просьбе со вниманием и вынесет благоприятное решение.

В пятый день девятого месяца второго года Чан-син[2] прошение подала Лю а-Су».

Когда правитель уезда ознакомился с прошением матушки Су, он вызвал соседей, которые могли бы быть поручителями, а также Лю Гуанъюаня и тут же приступил к разбору дела. Каждый был опрошен, и, так как показания сходились со сведениями, сообщенными самой Су, правитель уезда вынес определение: разрешить ей пригласить сваху и выйти замуж. После этого решения матушка Су выбрала в свахи Лю Хун, и та повела переговоры о браке с Мужун Саньланом из деревни Волунцунь. Брачный контракт был заключен, осталось только установить день

отправки подарков от невесты. Выбрали добрый час и счастливый день, и Мужун Саньлан ввел а-Су в свой дом. Созвали всех родственников, устроили свадебный пир и угостили приглашенных на славу. Свирелей звуки землю оглушали, гром барабанов небо сотрясал! А когда пир закончился, гости проводили жениха в спальный покой.

Поистине:

Над ложем из кости свежестью красок
сверкает полог парчовый;
Союз сердечный прочно скреплен
золототканым покровом.
В кораллах яшмовое изголовье;
на ширме — у горного склона
Шеи сплели неразлучницы-утки,
нырнут — и всплывают снова.

После того как Мужун Саньлан взял жену и она привела к нему в дом Чэнбао, мальчик перешел на воспитание к отчиму. Ему переменили имя — стали звать Лю Чжиюань. Ребенок понемногу подрастал. Мужун Саньлан был человеком состоятельным и, конечно, попросил учителя взять его приемного сына Лю Чжиюаня в школу, чтобы обучить книжной премудрости. Однако Лю Чжиюань оказался лоботрясом и не слушал наставлений: целыми днями он где-то болтался, упражнялся в приемах военного искусства, учился владеть копьем и палицей, пил вино, играл на деньги — делал что заблагорассудится. Все это не радовало Мужун Саньлана.

Однажды в восьмой день второго месяца, во время празднования дня рождения Будды, Лю Чжиюань ушел из дома, на деньги нанял татуировщика и выколол на левой руке небесную деву, на правой — зеленых драконов, дерущихся за драгоценность, а на спине — якшаса, насмехающегося над Небом. Когда он вернулся, Мужун Саньлан так рассердился, что прогнал его прочь из дома. После этого матушка Су только и думала о сыне, целыми днями была она в тревоге, и слезы никогда не высыхали на ее лице.

Поистине:

Лицо словно яшма, в молчании полном
слезы текут на перила.
Одинокая ветка груши весною
так расцветает под ливнем.

‖Мужун Саньлан, видя ,что жена все время печалится и от горя 162
не находит себе места, вынужден был послать слугу, чтобы найти Лю Чжиюаня и вернуть его домой. Мальчику в это время было пятнадцать лет.

Однажды отчим вручил Лю Чжиюаню тридцать связок монет и приказал отправиться в Фэньчжоу — уплатить налог. Матушка Су сказала Мужун Саньлану: «Нельзя посылать Лю Чжиюаня

платить налог. Ведь он страдает тремя пороками, можно ли доверять ему деньги?» Мужун Саньлан спросил, что это за пороки. «Первый порок,— ответила матушка Су,— он любит играть на деньги, второй — он пристрастен к вину, третий — падок до женщин. Если человек находится во власти таких пороков, разве следует давать ему деньги? Отправить Лю Чжиюаня с тридцатью связками — значит определенно потерять его, закрыть ему путь к возвращению домой».— «Ты рассуждаешь неправильно,— сказал Мужун Саньлан.— В народе говорят: „Раз споткнешься, станешь ловчее, в беду попадешь — станешь мудрее". Раньше Лю Чжиюань был никчемным парнем, я его и выгнал. Думаю, что теперь он знает жизнь лучше. Для того я и даю ему деньги на уплату налога, чтобы посмотреть, как станет он себя вести. Сумеет выполнить поручение и вернется домой, дам ему триста-пятьсот связок, пусть открывает ломбард и спокойно зарабатывает себе на жизнь! Разве это было бы плохо?» Выслушав рассуждения супруга, матушка Су не осмелилась больше настаивать на своем, пришлось приказать Лю Чжиюаню повесить на плечо деньги и отправиться платить налог.

Лю Чжиюань повесил на себя тридцать связок, простился с родителями, вышел из дома и пустился в путь. Подойдя к мосту Волунцяо, он решил немного передохнуть, как вдруг услыхал звук выбрасываемых из плошки игральных костей. Он осторожно подошел к беседке на мосту и заглянул внутрь — там пятеро молодых людей играли на деньги в кости. Лю Чжиюаня потянуло присоединиться к игре, но сказать об этом он не решился. Он лишь подошел ближе и стал наблюдать за игрой. «Есть деньги, подходи и играй,— сказал Лю Чжиюаню один из игроков — а нет, так нечего и глазеть». Услыхав это, Лю Чжиюань обрадовался и включился в игру, поставив все тридцать связок, предназначенных для уплаты налога. «Надеюсь,— подумал он,— я сумею выиграть на эти деньги еще связок тридцать—пятьдесят себе на расходы». Он сделал ставку, бросил кости и проиграл. В одно мгновение все тридцать связок были спущены — ставить больше было нечего. Тогда Лю Чжиюань попросил игроков: «Одолжите мне на ставку каждый по связке». Но те ответили: «Есть деньги — играй,
163 нет — ||кончай игру». Лю Чжиюань вспылил: «На деньги я больше не играю, играем на драку. Одолеете меня — деньги ваши, проиграете — я денег не отдам». Сказав это, он набросился на всех пятерых. Несколько раз схватились они, как вдруг пятеро молодых людей оказались на облаке и скрылись. Поразмыслив, Лю Чжиюань решил, что это пять всемогущих бодхисаттв[3] вразумляли его и оставили тридцать связок монет, чтобы он больше не играл. Лю Чжиюань взвалил на плечо деньги и двинулся дальше.

Прошло всего лишь полдня, как около храма Гуанькоуэрланмяо он снова встретил шестерых студентов, игравших на деньги.

Лю Чжиюань опять присоединился к игре, и очень скоро студенты начисто обыграли его. Проиграв тридцать связок, Лю Чжиюань остался ни с чем: он был, как говорится, что ворон с подбитым крылом, что рыба, выброшенная на берег. Поразмыслив, он понял, что раз денег на уплату налога не стало, домой ему путь заказан, и тут уж ничего не поделаешь. Вдруг Лю Чжиюань услыхал, что шедшие по дороге люди говорят: «В область Тайюаньлу прибыл уполномоченный с указом императора Поздней Тан Минцзуна — призывают смельчаков-добровольцев защищать страну от киданей». Лю Чжиюань тотчас решил, что это неплохой выход из положения, и, собрав кое-что на дорогу, направился в Тайюаньфу, чтобы вступить в войско.

Когда он добрался до деревни Мэншицунь, что в уезде Сихэсянь, начинало темнеть; тени деревьев тун удлинялись, клонилось к западу солнце, он видел, как к берегу возвращаются паруса, слышал, как на высокой башне не раз уж протрубили в рог. Лю Чжиюань хотел было остановиться на постоялом дворе, но хозяин получил от властей распоряжение задерживать лазутчиков и не давать приюта людям без багажа, не внушающим доверия. Кто же после этого согласился бы дать ночлег Лю Чжиюаню? В полной растерянности он пошел дальше и увидел усадьбу — это была замечательная усадьба, содержавшаяся в образцовом порядке. Лю Чжиюань подошел поближе: белые стены, красные двери, расписные палаты, красивейшие терема; по утрам над домом повисает легкий дымок, вечерами над прудом стелется чуть видимый туман. Лю Чжиюань решил, что хозяин дома человек богатый и, когда наступит вечер, он здесь и заночует, прямо у входа, а с рассветом уйдет. Кто же мог знать, что в то время, как Лю Чжиюань заснет у ворот, владельцу усадьбы Ли, полное имя которого Ли Цзинжу, приснится удивительный сон. О таком сне в древности были сложены стихи:

Можно думать, сановнику в Чжэн никогда
государственных дел не вершить [4].
Превратилась ли бабочка в Чжуан Чжоу [5],
так задача и не решена.
Все же ясно, что нынешние дела 164
невозможно счесть сновиденьем:
Сколько времени можно, не просыпаясь,
оставаться во власти сна?

Что же увидел во сне Ли Цзинжу? А приснилось ему вот что: в башне над воротами его усадьбы лежит, свернувшись клубком, красная змея. Он попытался прогнать ее, но у змеи появились рога, и она превратилась в зеленого дракона, высунувшего из тумана лапы. Испугавшись, хозяин Ли громко вскрикнул и проснулся. Он встал вместе с петухами и сразу же послал слугу к воротам посмотреть, что там такое. Слуга быстро вернулся: «У ворот спит здоровенный детина»,— сообщил он. Хозяин Ли

приказал слуге разбудить парня и расспросить, кто он и откуда. Тот пошел за ворота: «Эй, ты кто такой, чего здесь разлегся? — окликнул он спящего.— Вставай быстрее и иди к хозяину, не хватало еще, чтобы мне попало из-за тебя». Лю Чжиюаню пришлось пойти за привратником.

Хозяин сидел в приемном зале. Лю Чжиюань преклонил колени у порога. «Кто ты и откуда? Куда направляешься, почему тебе пришлось здесь спать? Может, ты лазутчик? — спрашивал хозяин.— Власти сейчас забирают всех подозрительных. Говори только правду!» — «Хозяин,— начал Лю Чжиюань,— ваш покорный слуга не лазутчик. Я — приемный сын Мужун Саньлана из уезда Сяоисянь. Отец дал мне деньги для уплаты налога, а я проиграл их разом в кости пятерым молодым людям на мосту Волунцяо. Я подрался с ними и отобрал деньги. Но у храма Гуаньюэрланмяо я повстречал шестерых студентов, игравших на деньги в кости. И на этот раз рискнул я включиться в игру, однако через несколько партий все проиграл. Теперь у меня нет денег заплатить налог, и я не смею вернуться домой. Узнал я, что в Тайюаньфу получен высочайший указ о наборе в войско. Вечером хозяин постоялого двора не захотел пустить на ночлег подозрительного путника без багажа — пришлось мне искать прибежище на ступеньках у ворот вашей усадьбы. Рано утром я хотел уйти».— «У тебя такая представительная внешность, почему бы тебе не поискать в жизни другого пути? — сказал хозяин.— Зачем вступать в войско? Разве ты не знаешь поговорку: „Хочешь быть человеком — не будь солдатом; куешь железо, не превращай
165 его в иглу“. Станешь солдатом — другой дороги тебе уже не будет. Не хочешь ли остаться пока здесь, работником в моем хозяйстве?» Преклонив колени, Лю Чжиюань поблагодарил хозяина. Тут хозяин, внимательно присмотревшись, увидел, что тело Лю Чжиюаня разрисовано татуировкой, ему ничего больше не оставалось, как только послать работника смотреть за лошадьми. Лю Чжиюань пришел в конюшню, пересчитал лошадей, накосил травы и в положенное время задал корм.

Как-то раз, услыхав ржание коней, хозяин Ли с тростниковой палкой в руке поспешил к конюшне. Он увидел, что на земле спит Лю Чжиюань, через его ноздри то вползает, то выползает желтая змея, а рядом стоит какой-то человек в фиолетовом халате, в руках у него зонт для защиты от солнца, и этим зонтом он прикрывает Лю Чжиюаня. Хозяин Ли вернулся домой и рассказал жене: «В конюшне прямо на земле спит Лю Чжиюань, а рядом происходят поистине странные вещи. Похоже, что это совпадает с моим недавним сном. Нашего работника в будущем ждет славнейшая из славных доля!» — «Раз творятся такие чудеса,— ответила жена,— нечего держать его в конюшне. Не выдать ли за него нашу дочь Сань-нянцзы? Неплохо, если нашей семье выпадут большие перемены!»

На следующий день они велели Ван Да, старому слуге, посватать их дочь Лю Чжиюаню. «Перестань разыгрывать меня,— ответил Лю Чжиюань Ван Да.— Я гол как сокол, только что получил место, где могу кормиться, а ты мне говоришь этакое! Не мешай мне зарабатывать себе пропитание!» Но Ван Да сказал ему: «Я получил распоряжение от своего господина, зачем мне тебя дурачить. Поверишь и послушаешься, будет у тебя счастливая жизнь, не согласен— можешь уходить». Лю Чжиюань очень обрадовался. Хозяин Ли выбрал добрый час и счастливый день и пригласил Лю Чжиюаня войти к нему в семью примаком.

Поистине:

Заперты двери,
радость без меры на лицах —
Мужу пора
поскакать на драконе настала.
Ширма раскрыта
для золотого павлина;
Лотосом алым
украсилось покрывало.

Хозяин Ли созвал родственников, пригласил знакомых и устроил превеликий пир по случаю бракосочетания дочери с примаком Лю Чжиюанем.‖Должно быть, Лю Чжиюаню и Сань-нянцзы было предопределено стать мужем и женой. 166

Утки на пологе — вместе супруги
Будут согласно
ласки сегодня друг другу дарить;
Фениксы на изголовье — чета
Выскажет все
тайны сердечные в эти мгновенья.
Даже на небе
тесный союз, нерушимые клятвы
Были б иными, чем нынче у них;
В бренном же мире
страстной любви исступленные чувства
Перед сегодняшней ночью бледнеют.
Если бы даже
муж и жена только ночь были вместе,
Их ожидали бы
радость и счастье за целых сто лет.

После того как Лю Чжиюань и Сань-нянцзы поженились, выяснилось, что Ли Хунсинь и Ли Хунъи, старшие братья Сань-нянцзы, враждебно относятся к браку сестры. «Ну и сотворили же глупость наши родители! — говорили они за спиной молодых.— Выдали сестру замуж за конюха, теперь стыдно людям в глаза смотреть!» Они всячески выражали свою неприязнь мужу сестры.

Прошло полгода, и в течение месяца один за другим умерли хозяин Ли и его жена. Главою дома стал Ли Хунсинь, старший сын Ли Цзинжу. Поддерживаемый своим младшим братом Ли Хунъи, он решил выгнать из дома ненавистного Лю Чжиюаня.

Понимая, какое положение создалось в доме, Сань-нянцзы однажды сказала Лю Чжиюаню: «Братья мои недовольны, что ты живешь здесь. Я дам тебе немного денег, иди, займись торговлей. Если раз в год или в полгода ты сможешь видеться со мной, будет хорошо».

Лю Чжиюань послушался совета жены, взял имевшиеся в доме деньги — сто десять связок — и ушел. Но ведь он оставался человеком бесшабашным: случались деньги — тратил, попадалось вино — пил. Могли ли задержаться у него деньги? И вот, растратив однажды все дочиста, Лю Чжиюань прямиком отправился в Тайюаньфу и вступил в отряд Ли Хэнчуна, который назывался «войско Хэнчуна». Счастье благоприятствовало Лю Чжиюаню, и он пошел в гору: в умении владеть оружием ему не найти было равных; на лошади скакал, как будто молнию преследовал иль ветер догонял; подобно метеору в погоне за луной, летели его стрелы; когда шел в бой, отвагой равен был Цзылу; победу одержав, по мудрости Чжан Ляном [6] становился.

Двух месяцев не прошло, а он совершил уже много замечательных подвигов. Ли Хэнчун сделал его *пяньцзяном*, а с Ши Цзинтаном из отряда «Серебряных пик» они заключили союз о побратимстве и стали названными братьями.

Теперь расскажем вот о чем: через полгода после того, как Лю Чжиюань ушел из дома, намереваясь заняться торговлей, у Сань-нянцзы родился мальчик. Ли Хунсинь и Ли Хунъи на-
167 стаивали, чтобы сестра‖утопила ребенка. «Ты сама кормишься и одеваешься около нас, с какой стати еще растить и этого нищего?» — только и слышались в доме их попреки. Сань-нянцзы не стерпела. Посоветовавшись с Ли Цзинъе, дядей по отцу, она наняла человека, написала Лю Чжиюаню письмо и отправила ребенка к нему в Тайюаньфу.

Лю Чжиюань получил письмо и прочитал его, он дал мальчику имя Чэнъи и нанял для него кормилицу. Немного спустя, состоя под командованием Ши Цзинтана, Лю Чжиюань отличился и был назначен *буцзяном*. Произошло это в третьем году Чан-син правления династии Поздней Тан.

Кидани в то время готовили нападение, и император подбирал кандидата на пост командующего в военный округ Хэдун. *Шумиюань чжисюеши* Ли Сун, представ перед государем, доложил: «Сейчас двор решает вопрос о назначении командующего Хэдуном. Никому, кроме *тайвэя* Ши, поручить эту должность нельзя».

В тот же день Ши Цзинтан был назначен командовать военным округом Хэдуном. Лю Чжиюань последовал вместе с ним. По прибытии в Цзиньян, Ши Цзинтан все дела по войску возложил на Лю Чжиюаня.

Наступил первый месяц первого года Ин-шунь правления императора Минь-ди. Государь, не желая долго оставлять Ши Цзинтана в Хэдуне, переместил Лу-вана Цункэ командовать Хэдуном,

а Ши Цзинтана назначил в Чэндэ. Как раз в это время Лу-ван поднял мятеж, захватил наместника Западной столицы Ван Сытуна и убил его. Встревоженный Минь-ди, не видя выхода из положения, издал указ, повелевающий Ши Цзинтану явиться с войском ко двору для противодействия Лу-вану. В третьем месяце отряды Лу-вана подошли к Вэньсяну, что в округе Шаньчжоу. Минь-ди, в отчаянии и страхе не зная, куда податься, бежал в сопровождении всего пятидесяти всадников. В нескольких *ли* к востоку от Хуайчжоу он встретился с Ши Цзинтаном, который шел ему на помощь с войском. Минь-ди, весьма обрадованный, пригласил Ши Цзинтана к себе и стал советоваться с ним о мерах восстановления власти законного государя. «Я слышал,— сказал Ши Цзинтан,— что Кан Ичэн уже поднял мятеж. Обстановка угрожающая, позвольте мне обсудить вопрос с двумя-тремя военачальниками, тогда я смогу доложить вам».

Обсуждать план восстановления законной власти Ши Цзинтан отправился к Ван Хунчжи, гражданскому правителю Хуайчжоу. «В прежние времена, когда государь вынужден был покидать столицу,— сказал Ван Хунчжи,— при нем всегда находились министры, дворцовая стража, казна и знаки императорского достоинства. А сейчас государь явился сюда в сопровождении всего пятидесяти всадников. Может быть, Лу-ван вступил на престол и низложил государя, а это заставило его примчаться сюда — так ведь тоже может случиться». Ши Цзинтан вернулся к себе в ставку‖и рассказал Ша Шоужуну и Бэнь Хунцзиню о разговоре 168
с Ван Хунчжи. Тут Бэнь Хунцзинь принялся поносить Ши Цзинтана: «Вы — любимый зять Мин-цзуна, в богатстве и знатности вы были вместе, так и в беде надо помогать друг другу. Сейчас, когда государь вынужден покинуть столицу, он поручил вам изыскать средства для восстановления законной власти в стране, а вы в этом деле проявляете нерешительность. Уж не продали ли вы государя и не перешли ли на сторону мятежника?» Выхватив меч, он хотел убить Ши Цзинтана, но *циньцзян* Чэн Хуэй бросился на выручку, и беды удалось избежать. Ша Шоужун тоже вступил в схватку и был убит Чэнь Хуэем, Бэнь Хунцзинь перерезал себе горло. Лю Чжиюань, занимавший должность *янэй чжихуэйши*, повел свой отряд прямо в походную резиденцию Минь-ди и перебил всех всадников, сопровождавших государя. Одному только Минь-ди он не причинил вреда. Ши Цзинтан на прием к государю Тан не явился и быстро повел свое войско прямо в Лоян.

Когда наступил третий год Цин-тай, танский государь [Лу-ван] объявил о назначении Ши Цзинтана командующим в Тяньпине. Ши Цзинтан не захотел принять назначение, но тогда императорским указом Чжан Цзинда был назначен *дубушу* в Сибэй, чтобы заставить Ши Цзинтана выехать в Юньчжоу. Терзаемый страхом и сомнениями, Ши Цзинтан обсуждал с Лю Чжиюанем,

как ему быть: уходить или оставаться. «Почтенный мой брат,— сказал ему Лю Чжиюань,— ты давно уже находишься в войсках и пользуешься доверием воинов и командиров. Сейчас ты занимаешь стратегически выгодную позицию, войска твои, и пешие, и конные, в отличном состоянии, и если ты возьмешься за оружие и восстанешь, то сможешь стать государем. С какой стати подчиняться приказу — какому-то клочку бумаги — и самому бросаться в пасть тигру?» Выслушав слова Лю Чжиюаня, Ши Цзинтан обрадовался. «От слов моего мудрого брата на душе стало легче»,— ответил он и, призвав своего секретаря Сан Вэйханя, велел ему писать доклад. В докладе он назвал себя подданным киданьского государя и просил разрешения служить киданину, как отцу. Киданьский государь в ответном письме велел Ши Цзинтану подождать до восьмого месяца, тогда он со всеми своими силами обещал прийти ему на помощь.

Восьмой месяц. Танский государь приказал Чжан Цзинда окружить Цзиньян и взять приступом город. Ши Цзинтан назначил Лю Чжиюаня *чжихуэйши* пешего и конного войска.

Одиннадцатый месяц. Киданьский государь объявил Ши Цзинтана императором великой Цзинь. Девиз правления был изменен на первый год Тянь-фу. Лю Чжиюань стал *дучжихуэйши* конной гвардии.

Четвертый год Тянь-фу. Государь Цзинь дополнительно пожаловал Лю Чжиюаню должность *тунпинчжанши*, в которой состоял и Ду Чжунвэй. «Я имею высшую заслугу перед государем, я помог ему получить трон,— заявил недовольный Лю Чжиюань,— а Ду Чжунвэй возвысился лишь как свойственник императора[7] и никаких заслуг не имеет. Мне стыдно быть в равной с ним должности».

Прошло несколько дней после объявления указа, но Лю Чжиюань заперся дома и не принимал назначения. Разгневан-
169 ный государь обратился к Чжао||Ину. «Лю Чжиюань упорно отказывается принять мое повеление,— сказал он,— нужно лишить его военной силы. Пусть едет домой и сидит там не у дел». Чжао Ин доложил: «Прежде в Цзиньяне, когда у вас не было и пяти полных тысяч воинов и вы подверглись нападению более чем стотысячного вражеского войска, опасность грозила каждую минуту. Если бы не стойкость Лю Чжиюаня, подобная камню и железу, и не его умение драться не на жизнь, а на смерть, разве смогли бы мы завершить великое дело? Если сейчас из-за незначительного промаха устранить заслуженного сановника, люди в Поднебесной станут говорить, что государь скуп на награды, но щедр на кары, и трудно вам тогда будет управлять подданными». Гнев цзиньского государя постепенно прошел. Он приказал Хэ Нину отправиться домой к Лю Чжиюаню и лично объявить указ, чтобы немедленно подчинился. Испуганный Лю Чжиюань принял назначение.

Шестой год Тянь-фу. Государь Цзинь, опасаясь гордыни и своеволия Ань Чжунжуна, назначил Лю Чжиюаня наместником Северной столицы. Как раз в это время двенадцатилетнего Чэнъи, сына Лю Чжиюаня, осмеяли солдаты, когда он выехал покататься на лошади. «Барчонок живет себе припеваючи,— говорили они,— скачет на коне, гоняет мяч, где же ему знать, что в деревне Мэншицунь его мать надрывается, с утра до ночи таская на себе воду?» Все до сих пор для Чэнъи было ладно, но, услыхав слова солдат, он уже и дня вытерпеть не мог. Вернувшись домой, со слезами обратился он к отцу: «Поехал я гулять, а солдаты начали надо мной издеваться, говорили, что я здесь живу припеваючи и не знаю, что матушка моя надрывается в деревне Мэншицунь, таская на себе воду из реки. Прошу тебя, отец, разреши мне поехать проведать матушку».

Когда Лю Чжиюань услыхал это, слезы потекли из глаз его. «Нельзя тебе ехать,— ответил он.— Поедешь, дядья непременно найдут способ погубить тебя. Подожди, завтра я соберу свой дорожный мешок, захвачу сотню воинов и отправлюсь в их сопровождении проведать твою мать. Через несколько дней буду обратно». И вот командующий выступает в путь — представьте только: удары барабанов сотрясают землю, воинственный вид всадников внушает страх, на главной улице багряною зарей вьются знамена, оружие отливает холодным блеском осенних вод.

Выступив из Северной столицы, отряд Лю Чжиюаня останавливался, только чтобы утолить голод и жажду; отдыхали ночью, а с рассветом продолжали путь. Через несколько дней, когда до деревни Мэншицунь оставалось не более двадцати *ли*, Лю Чжиюань укрыл всех в засаде, а сам, изображая косца, с корзиной за плечами направился в деревню к усадьбе хозяина Ли. Оба шурина, Ли Хунсинь и Ли Хунъи, не узнали его. Младший же брат тестя Ли Цзинъе понял, что это Лю Чжиюань, провел его в дом,‖усадил на почетное место и приказал подать чай. 170

В старину были стихи, воспевающие чай. В них говорилось:

Как *юйжуй* ароматен и вкусен *цицян* [8],
наивысший, отличнейший сорт;
Не жалели монахи упорных трудов,
этот сорт выводили умело.
Роспись заячьей кистью на чашке — а в ней
ароматные облака;
Пузырьки, словно крабьи глаза, в кипятке
стали рябью обильною белой.
Заставляет он демона сна убегать
и от столика, и от циновки;
Добавляет он бодрости духа тебе,
освежает уставшее тело.
В диком месте кусты его пышно растут
по скалистым долинам ручьев;
У столицы не надо их корни сажать —
не растут, бесполезное дело.

Когда чаепитие кончилось и чашки были поставлены на место, Ли Цзинъе обратился к Лю Чжиюаню: «Известно мне, что вы, уважаемый родственник, весьма и весьма продвинулись в Тайюани. Думал я, что в одежде парчовой вернетесь в родную деревню. Почему же сейчас на вас платье [косца]?[9] Жена ваша терпит здесь от братьев неисчислимые страдания, они заставляют ее с утра до ночи таскать из реки воду. Хлебнув вдосталь горя, она все-таки надеялась, что коли будете вы в славе, и она удостоится почета. А вы оказались так жестоки! Как же ей было не потерять надежду?» Ли Цзинъе вынес свою одежду, велел Лю Чжиюаню переодеться и повел его здороваться с родней. Потом они отправились к Сань-нянцзы. Когда супруги увидели друг друга, слезы невольно потекли из их глаз. «Я служу косцом при походной управе наместника Северной столицы, и мне надо заготовить корм коням, завтра тебя навещу!» — сказал Лю Чжиюань, поднял корзину и ушел. На другой день, только представьте, за воротами усадьбы послышалось ржание целого отряда коней, и через мгновение впереди показался наместник Северной столицы. «Пади!» — закричали слуги. Посмотрите-ка, наместник верхом на коне подъехал прямо к дому хозяина Ли, спешился, вошел в дом и сел в зале. Как же выглядел восседавший в зале наместник?

Нет конца одеяниям красным
    толпящихся возле ступеней;
Множество телохранителей грозных
    застыли у возвышенья.
Густобровые стражи-тюремщики
    держат желтые прутья терна;
Пучеглазые копейщики-воины
    вздымают атрибуты закона.
Кто располагается слева? —
Одни только *кэцзяны, кунму*
    и *тунъиньгуани*;
Кого можно видеть справа? —
Никого, кроме *юйцзи, цяньсинов*
    и *туйкуаньли.*
Законники
    проверяют статьи, находят законы;
Чтобы тюремщики
171 вели допросы, ‖ заключали в колодки.
Не хватит слов, чтобы описать
    всю торжественность и всю строгость;
В картинах и статуях изобразить бы
    каков этот зал и каков его дух!

А ведь в зале сидел не кто иной, как Лю Чжиюань, примак в доме хозяина Ли, наместник Северной столицы, в парчовой одежде вернувшийся в родные края. Он велел приближенным пригласить Сань-нянцзы, затем распорядился, чтобы приготовили столик с курениями, надели на нее головной убор и платье и поклонились ей, как титулованной даме. Когда все было сделано,

Сань-нянцзы заняла место слева от Лю Чжиюаня. Дежурившим в тот день телохранителям он приказал схватить Ли Хунсиня и Ли Хунъи. Их привели и поставили на колени перед ступенями. «Прежде вы измывались надо мной, вынудили меня уйти в солдаты, а потом и моего ребенка хотели утопить,— принялся поносить своих шуринов Лю Чжиюань.— Здесь, рядом со мной, сидит Сань-нянцзы — ваша родная сестра, но вы ничуть не заботились о ней, [наоборот] заставляли ее терпеть неисчислимые страдания, с угра до ночи гоняя за водой на реку! Вы — злодеи, забывшие о долге родства!» И он отдал приказание страже: «Надеть на Ли Хунсиня и Ли Хунъи самые тяжелые колодки, к вечеру разрешить им свидание с близкими, затем препроводить к главным воротам и казнить. Отряду поднести угощение, а я этим утолю свой гнев!» Но тут вперед выступил Ли Цзинъе, дядюшка его жены. Ли Цзинъе опустился на колени, прося позволения говорить, Лю Чжиюань вскочил, спустился со ступеней, поднял Ли Цзинъе, попросил его подняться и усадил на почетное место. «Кому в бедности не приходилось терпеть обид? — начал Ли Цзинъе.— Вот, например, пока Су Циню [10] не повезло, невестка издевалась над ним, за ткацкий станок для него не садилась. Когда же стал он на поясе носить печать главного советника Шести царств, достиг высокого положения и разбогател, все родные стали вертеться около него, добиваясь богатства и знатности, и Су Цинь всех поддерживал, все уходили от него удовлетворенные. Или вот хотя бы Чжу Майчэнь [11]. Дом его был беден, приходилось рубить дрова, чтобы заработать на пропитание. Обычно, собрав книги, он вешал их на коромысло и в пути читал. Жена стыдилась поведения мужа и с утра до ночи просила Чжу Майчэня отпустить ее из дома. „К пятидесяти годам я стану знатным и богатым,— говорил ей Чжу Майчэнь.— Сейчас мне уже сорок семь, подожди, я прославлюсь и щедро вознагражу тебя за доброту, не уходи!“ Но жена поносила его: „Да ты в конце концов сдохнешь с голоду в канаве, где уж тебе стать знатным и богатым!“ Она так решительно стала настаивать на новом замужестве, что Чжу Майчэнь не стал удерживать ее и разрешил уйти. Не прошло и трех лет, как ему была пожалована должность правителя области Инчуань [12]. И вот, когда он был уже на месте службы, жена его вместе со своим вторым мужем оказалась на дорожных работах. Как только Чжу Майчэнь увидел это, он тотчас же распорядился посадить жену в повозку и увез ее к себе домой. Мой старший брат и его супруга разбирались в людях и сумели распознать достойного человека — они пригласили вас зятем в свой дом. А Хунсинь и Хунъи||оказались 172
слепцами, где было им увидеть хорошего человека? Я прошу вас в память моего брата сохранить им жизнь, чтобы не прекращалось возжигание курений в нашем роду [13]. Будет это, мой мудрейший родственник, и вашим тайным благодеянием». Лю Чжию-

ань в благодарности опустился перед Ли Цзинъе на колени и сказал: «Выслушав ваши поучения, дядюшка, осмелюсь ли ослушаться?» Он приказал стоявшим у ступеней телохранителям снять с Ли Хунсиня и Ли Хунъи колодки, разрешил братьям подойти к ступеням и поднес им по чарке вина, чтоб перестали бояться.

Еще было записано, что в прежние времена, до того как Лю Чжиюань стал примаком в доме Ли, пас он как-то коней, и лошади потравили посевы на земле монастыря Баоэньсы[14]. Монахи схватили Лю Чжиюаня и дали ему двадцать палок. Теперь, когда Лю Чжиюань вернулся в деревню Мэншицунь, монахи страшно перепугались. Но Лю Чжиюань послал к ним с приглашением человека и, как только они явились, велел сесть и добрым словом так успокоил их. «Великий муж,— сказал он,— за зло воздает добром, а низкий человек — злом. Вы можете быть спокойны, для меня тот давний случай не более чем промчавшийся ветер или растаявший лед, так что бояться вам нечего». Стоявшие вокруг люди убедились, что Лю Чжиюань своими душевными качествами превосходит всех. Пробыв в деревне Мэншицунь около полумесяца, Лю Чжиюань вместе со своей супругой госпожой Ли возвратился в присутствие наместника Северной столицы.

Десятый месяц. Лю Чжиюань отправил к Бай Чэнфу, *цючжану* племени тугухуней, *циньцзяна* Го Вэя, чтобы изложить императорский указ, призывающий Бай Чэнфу оставить Ань Чжунжуна и перейти на сторону императорского двора. «Действуй в этом деле осторожно,— сказал Лю Чжиюань,— справишься, награжу».— «Единственная страсть варвара — это выгода,— ответил Го Вэй.— В свое время, прибыв к Бай Чэнфу, Ань Теху пожаловал ему всего лишь халат да штаны, и тот перешел на его сторону. Если сейчас посулить ему больше, вполне можно рассчитывать, что он перейдет к нам».

Лю Чжиюань приказал Го Вэю взять с собою золото и яшмовый пояс. Указ, направленный Бай Чэнфу, гласил: «Императорский двор передал твою территорию под власть киданей, и тебе надлежало находиться с племенем на месте. На каком же основании ты теперь двинулся на юг помогать мятежнику Ань Чжунжуну? Случись Ань Чжунжуну потерпеть поражение, куда ты денешься со своим племенем? Раскаиваться тогда будет поздно!» Бай Чэнфу испугался. Во главе своего племени он вместе с Го Вэем явился к Лю Чжиюаню и сдался ему. Лю Чжиюань подал двору доклад, и Бай Чэнфу был назначен командующим военным округом Датун.

Шестой месяц. Государь Цзинь Ши Цзинтан тяжело заболел. Он направил Лю Чжиюаню указ, призывая его ко двору, чтобы помочь в управлении страной и в возведении на престол наследника. Но в это время Ци-ван Чжунгуй провозгласил себя импе-

ратором, скрыл указ и за Лю Чжиюанем не послал. Когда позднее Лю Чжиюань узнал об этом, он затаил в своем сердце обиду на Чжунгуя.

‖Девятый месяц восьмого года Тянь-фу. Цзин Яньгуан аре- 173
стовал киданьского уполномоченного по торговле Цяо Ина[15]. Вскоре он освободил его и перед отъездом Цяо Ина на родину хвастливо заявил ему: «Вернешься домой, скажи своему государю, что у внука есть десять тысяч хорошо отточенных мечей. Если старик разгневается, пусть идет войной, но если, паче чаяния, он проиграет, то станет посмешищем Поднебесной».

Лю Чжиюань в то время командовал Хэдуном. Когда ему стали известны эти слова, он понял, что Цзин Яньгуан своим бахвальством накличет войну, но говорить об этом вслух не решился. Он только расширил вербовку конников и сформировал более десяти крупных отрядов, чтобы быть готовым на случай нашествия киданей.

Второй месяц первого года Кай-юнь. Кидани переправились через Реку. Государь Цзинь сам возглавил поход и повелел Лю Чжиюаню выступить навстречу врагам. Лю Чжиюань стал лагерем в Лэпине и дальше не двигался.

Восьмой месяц. Лю Чжиюань был назначен на должность *синъцин дутуна* и принял назначение. Государь Цзинь снова направил к нему гонца с приказом поторопиться на соединение с силами Шаньдуна[16], но Лю Чжиюань остался на месте. Государь Цзинь заподозрил, что это неспроста, и сказал своим приближенным: «Лю Чжиюань укрепился в Тайюани и не отозвался на мою просьбу о помощи. Думаю, что у него недобрые намерения». Хотя Лю Чжиюань получил приказ о назначении его на пост *дутуна*, в действительности он не пользовался властью, соответствующей его новому положению, и двор ни по каким серьезным государственным делам его мнения не запрашивал. Лю Чжиюань понял, что государь отдалил его от себя, и поэтому стал весьма осторожен. Заметив тревогу Лю Чжиюаня, Го Вэй сказал ему: «Каждый день вижу я печаль на вашем лице. На мой же непросвещенный взгляд, горы и реки в Хэдуне неприступны, дух боевой, коней хороших на нашей земле много. Пока все спокойно, нужно поощрять народ с усердием возделывать поля, а случись что-нибудь, призовем людей учиться владеть луком и стрелами. Вот как по-настоящему должен поступать могущественный правитель. Я надеюсь, что вы усилите оборону и ни в коем случае не двинетесь за пределы своего военного округа. От вас самого тогда будет зависеть, наступать или отступать, не о чем беспокоиться!» — «Давно я думаю об этом,— ответил Лю Чжиюань,— и, только помня о милостях Гао-цзу, не смел быть неблагодарным».

Восьмой месяц третьего года Кай-юнь. Государь Цзинь несколько раз призывал Бай Чэнфу ко двору и щедро жаловал уго-

щением. Племя, во главе которого стоял Бай Чэнфу, переселившись на территорию области Тайюань и продолжая заниматься скотоводством, часто нарушало законы. Лю Чжиюань не пропускал ни одного такого нарушения и всякий раз наказывал виновных по закону. В племени хорошо понимали, что император слаб, и, боясь проницательности Лю Чжиюаня, тайком вынашивали планы возвращения на свои старые земли. Лю Чжиюань держал с Го Вэем совет: «В Поднебесной ныне весьма неспокойно, оставить племя Бай Чэнфу в Тайюани — значит иметь в трудные дни в своем доме врага, так не лучше ли при первом же удобном случае разделаться с ними?» Он тайно отправил ко двору гонца с докладом, в котором сообщал, что Бай Чэнфу с племенем задумал недоброе — собирается вернуться на старые земли, и просил императора переселить племя Бай Чэнфу во внутренние районы страны. Тогда государь Цзинь направил гонца с повелением||племени тугухуней расселиться по разным округам. Лю Чжиюань воспользовался моментом и, пока племя еще не двинулось в путь, отправил Го Вэя к Бай Чэнфу, чтобы заманить того на жительство в город Тайюань. Обвинив затем Бай Чэнфу в заговоре, Лю Чжиюань убил его вместе с соплеменниками — из четырехсот с лишним человек не оставил в живых никого. Так племя тугухуней было обезврежено.

174

Еще раньше, почувствовав, что властолюбивые устремления Лю Чжиюаня зашли достаточно далеко, государь Цзинь пожаловал ему титул бэйпинского вана и назначил на должность *синъин дутуна* северного направления. После этого Лю Чжиюань еще более расширил вербовку в свою конницу. Когда же ему досталось имущество и скот тугухуней, он стал очень богат и могущественен — пехота и конница Лю Чжиюаня насчитывали по пятьдесят с лишним тысяч воинов.

Когда между государем Цзинь и киданями разгорелась вражда, Лю Чжиюань понял, что дому Цзинь грозит гибель, но, из-за того что у власти стоял Цзин Яньгуан, не дал государю ни одного совета. Когда же в страну вторглись киданьские войска, Лю Чжиюань понял, что государь Цзинь будет разгромлен, но, обиженный недоверием, не послал в помощь ему ни одного солдата. Как только кидани захватили цзиньского государя Чжунгуя и сослали его на север, Лю Чжиюань рассредоточил войска на границах округа и послал с *кэцзяном* Ван Цзюнем доклад киданьскому государю, в котором признал себя его подданным. Доклад гласил:

«Командующий военным округом Хэдун, *синъин дутун* северного направления, пожалованный титулом бэйпинского вана, подданный Лю Чжиюань, низко кланяясь, подает доклад его величеству императору великого государства Ляо: ваш покорный слуга помог утвердиться династии Цзинь и, когда она утвердилась, служил ей в качестве министра; но вот оступился в добродетели

государь — не сумел направить его нужным советом; случилась в стране военная беда — не решился послать войска в защиту государева дела. Поистине вашему императорскому величеству Небом ниспослана добродетель, и нет земли, которая не изъявила бы вам покорности. Сейчас пленный подданный погибшего государства желает хранить храм предков прежней династии Цзинь.

Говорю, презрев смерть, и, плетя циновки, жду наказания. Почтительно ожидаю мудрейшего указа».

Ознакомившись с представленным докладом, государь киданей сказал: «Лю Чжиюань выжидал, не принимая ничьей стороны: он не подчинялся Южному двору, не пошел на службу и к Северному, кому же думает он подчиниться теперь?» И собственноручно начертал указ, поощряющий Лю Чжиюаня. Указ гласил: «Ознакомившись с изложенным в докладе, уверовали в твою преданность. Жалуем тебя деревянным посохом как заслуженного и почитаемого сановника прежней династии и тем выказываем наше уважение твоей мудрости. Отныне, представляя доклады, надлежит перед именем и фамилией добавлять слово „сын". Охраняй со рвением Тайюань, и да пребудет с тобою наше пожелание счастливой судьбы».

||Почтительно приняв указ, Ван Цзюнь возвратился обратно 175
и рассказал, что имел в виду государь киданей. *Кунмугуань* Го Вэй сказал Лю Чжиюаню: «Враг люто ненавидит вас, однако Ван Цзюнь говорит, что киданин жаден, жесток и совсем не пользуется поддержкой народа. Хотя он и овладел Поднебесной, но сможет ли долго продержаться на нашей земле? Китаю в государи нужен китаец, вот дождемся подходящего момента и начнем действовать!» — «Ваши планы совпадают с моими замыслами,— ответил Лю Чжиюань,— как говорится, „мнения героев одинаковы!"»

Кое-кто пытался убедить Лю Чжиюаня под предлогом восстановления трона династии Цзинь немедля начать военные действия, чтобы добиться желаемого. Но Лю Чжиюань на это ответил: «К военной силе следует прибегать, лишь учитывая время и обстоятельства. Сейчас кидани только что закрепились в [столице][17], и, поскольку все спокойно, можно ли действовать так необдуманно? Кроме того, единственная цель киданей — захватить богатства, поэтому, вдоволь награбив, они непременно вернутся на север. Весенние холода прошли, вряд ли они задержатся здесь надолго. А вот когда они уйдут, можно будет добиться полного успеха и овладеть страной!»

Хэдунские военачальники уговаривали Лю Чжиюаня принять высокий титул и уже потом, призвав отовсюду верных и преданных воинов, овладеть страной, но Лю Чжиюань решительно сказал: «Государь Цзинь переехал на север, зачем вы толкаете меня на измену? Как же мой долг подданного, обласканного милостя-

ми Гао-цзу?» Но именно в это время Лю Чжиюань узнал, что государь киданей возвратился на север. Тогда он громогласно объявил, что намерен вывести свои войска через Цзинсин, чтобы отбить государя Цзинь и вернуть его в Цзиньян. *Чжихуэйши* Ши Хунчжао было приказано довести до сведения военачальников сроки выступления в поход. В войсках ликовали: «В стране нет государя, кому же править Поднебесной, как не нашему вану? Но лучше сначала провозгласить бэйпинского вана императором, выступить в поход и потом будет не поздно». Солдаты наперебой возглашали здравицы в честь Лю Чжиюаня. Лю Чжиюань был раздражен: «Враг пока силен, а боевой дух моего войска еще слаб. Сначала нужно добиться успеха в деле, потом посмотрим, на что укажет Небо. А что понимают эти вояки, о чем они просят?» И он приказал приближенным положить конец разговорам в войсках. *Кунмугуань* Го Вэй и *дуяя* Ян Бинь убеждали Лю Чжиюаня: «Видеть вас на престоле не только желание людей, но и воля Неба. Если вы не воспользуетесь сейчас благоприятным моментом, не покоритесь Небу и людям, люди отвернутся от вас. Как бы тогда не случилось беды! Мы просим вас, великий ван, подумать об этом!» Понуждаемый со всех сторон, Лю Чжиюань принял титул императора. Он заявил, что не допустит, чтобы наименование государства Цзинь было изменено, но, поскольку годы правления под девизом Кай-юнь он считает неблагоприятными, то восстанавливается название годов Тянь-фу, и год будет считаться двенадцатым.

Лю Чжиюань издал указ, повелевающий всем округам в тот же день прекратить сбор денег и шелка в дань киданям. Государь Цзинь Лю Чжиюань сам повел на восток отборный отряд для встречи Чу-ди. Однако, прибыв в Шоуян, он узнал, что Чу-ди уже несколько дней тому назад проехал дальше. Тогда, оставив
176 солдат для охраны Чэн||тяньцзюня, он возвратился обратно.

В стихах говорится:

Правитель Цзинь баранов и псов
орду пригласил извне,
И худо пришлось правителю Тан —
он вскоре погиб в огне.
Кто мог ожидать! Бараны и псы
опять жуют и грызут;
Что Чжоу теперь строит козни для Хань,
не слышать бы этого мне!

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЧЖОУ 177

СОДЕРЖАНИЕ

Цзюань 1

В семье Го Вэя занимаются земледелием
Матушку Чан обвивает большой змей, она обнаруживает, что забеременела
Го Вэй родится с желваком
Матушка Чан после похорон мужа отправляется к Чан Уаню
Го Вэй убивает из арбалета Гу Люйэра
Лучжоуский правитель выносит решение [выколоть] Го Вэю [изображение] воробья
Го Вэй убивает человека, продававшего меч
Го Вэй бежит обратно в Синчжоу
Прорицатель говорит, что Го Вэя в будущем ожидает великая знатность
Хозяин Чай приглашает Го Вэя в примаки
Го Вэй прощается со своей женой Чай и направляется в Лучжоу проведать мать
Го Вэй в Цзэчжоу откликается на призыв о вербовке
Го Вэй стрелой убивает Пэй Юе и спасает Дун Чжана
Дун Чжан присваивает себе заслуги и награду
Го Вэй убивает кабатчика
Ли Цзитао отпускает Го Вэя
Го Вэй встречается в Бяньляне с Лю Чжиюанем
Лю Чжиюань становится *чжаотаоши*
Го Вэй изображает переход на сторону киданьского Вэй-вана
Го Вэй ночью врывается в лагерь Вэй-вана
Го Вэй становится *цаньмоугуанем*
Го Вэй истребляет род Бай Чэнфу
||Ханьский государь назначает Го Вэя *шумиши* 178
Ханьский государь тяжело заболевает
Го Вэй получает предсмертные распоряжения государя
Го Вэй убивает Ду Чжунвэя
Го Вэй выступает в поход против трех военных округов
Го Вэй усмиряет три восставших округа

Го Вэй возвращается в Далян
Инь-ди издает указ о великой амнистии
Кидани грабят пограничные области
Указ повелевает Го-*шичжуну* выступить [во главе] военных округов Хэбэя
Го Жун становится гражданским правителем Гуйчжоу
Ли Е убивает Ши Хунчжао
Посылают Мэн Е вручить указ с повелением убить Го Вэя
Го Вэй с войском идет ко двору
Ханьского государя убивают взбунтовавшиеся солдаты
Фэн Дао направляют для встречи избранного [на престол] Лю Юня
Лю Юнь выступает из Сюйчжоу
В Шаньчжоу войска наседают на Го Вэя и провозглашают его императором
Го Вэй просит разрешения почитать ханьский храм предков
Вдовствующая императрица низлагает Лю Юня, ему дается титул сянъиньского гуна
Го Вэй вступает на императорский престол, государство получает название Чжоу
Лю Минь в Цзиньяне провозглашает себя императором Северной Хань
Лю Минь отправляет Лю Чэнцзюня послом к киданям
Киданьский «Спящий князь» поднимает войска, чтобы помочь Северной Хань покарать Чжоу
Ван Цзюнь возглавляет силы, выступившие для отпора Северной Хань
Яо Юаньфу громит и изгоняет Лю Миня
Танский государь посылает Янь Цзинцюаня на помощь Северной Хань
Яо Юаньфу берет в плен Янь Цзинцюаня
179 ||Государь Чжоу отпускает Янь Цзинцюаня обратно в Тан
Мужун Яньчао восстает против Чжоу
Мужун Яньчао топится в колодце
Чжоуский государь прибывает в Цюйфу и посещает храм Кун-цзы
Наследник Го Жун является ко двору
Разжалованный Ван Цзюнь получает должность *сыма* в Шанчжоу
Наследник жалуется титулом Цзинь-вана
Чжоуский государь совершает обряд жертвоприношения в южном предместье
Чжоуский государь призывает Цзинь-вана во дворец, Цзинь-ван находится при больном государе
Чжоуский государь умирает
Цзинь-ван вступает на императорский престол
Северная Хань поднимает в поход войска во время траура

Цзюань 2

Ши-цзун издает указ о личном выступлении в поход
Сунский Тай-цзу разбивает и гонит войска Северной Хань
Ши-цзун казнит Фань Айнэна и Хэ Хуэя
Чжао Тай-цзу становится *дуюйхоу* дворцовой стражи
Государь Северной Хань, потерпев сокрушительное поражение, возвращается в Цзиньян
Ши-цзун отбирает и обучает войска
Североханьский Лю Минь умирает, его сын Чэнцзюнь вступает на престол
Ши-цзун издает указ, испрашивая у [сановников] советов
Чжан Цзанъин предлагает углубить реку Хулухэ
Ван Пу представляет план обороны
Императорский указ повелевает закрыть в Поднебесной буддийские монастыри
Перепись регистрирует шестьдесят тысяч монахов
Императорский указ повелевает переплавить на монеты медные статуи Будды
Ши-цзун поднимает войска в карательный поход против Шу
‖Государь Шу отправляет посла просить о мире 180
Ши-цзун поднимает войска в карательный поход против Тан
Чжао Тай-цзу захватывает Хуанфу Хуэя
Государь Тан отправляет посла просить о мире
Ши-цзун призывает к себе Чэнь Туаня
Танский полководец Лю Жэньшань упорно защищается
Военачальники выносят больного Лю Жэньшаня и сдают [город]
Государь Тан отправляет посла просить о мире
Государь Тан представляет доклад и подносит в дар [Чжоу] четыре округа Цзянбэя
Ши-цзун умирает
Царевич Цзунсюнь вступает на престол
Чжао Тай-цзу получает приказ вести войско в карательный поход на север
Мяо Сюнь постигает небесные знаки
Однажды наступает день, когда мрак и свет теснят друг друга
Войско прибывает в Чэньцяои
Солдаты возглашают своим главой Чжао Тай-цзу
Чжао Тай-цзу занимает престол Гун-ди
Чжао Тай-цзу дает государству название Сун

181 # *ПИНХУА* ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЧЖОУ

Цзюань 1

В стихах говорится:

Дом Хань всего четыре весны
правление передает.
Престол поспешно воздвигнут был,
и не было в душах забот.
Текучая слава изменчива, словно
роса на верхушках травы;
Чья шея была покрыта узором —
престол обретает тот.
Немного годов эти пять династий
за власть над миром боролись;
На тысячу сел, десять тысяч селений
пыль тучами ветер несет.
Никто не знает, что Небо избрало
истинного государя,
И заново дух повелителя лагерь
в Цзяма для себя изберет.

Речь в нашем рассказе пойдет вот о чем: Го Вэй служил ханьскому императору Гао-цзу, звали которого Лю Чжиюань. Все дела по военному ведомству, большие и малые, целиком были возложены на него. Уходя в мир иной, Гао-цзу повелел своему наследнику, царевичу Чэнъю, в управлении страной опираться на помощь Го Вэя. Но Чэнью, посмертное имя которого Инь-ди, поверил наветам Ли Е, родственника жены, и однажды без всякого повода, не раздумывая убил заслуженных сановников. Го Вэй поднял войско и, завладев треножником, у которого четыре года дом Хань совершал жертвоприношения, перенес его в храм дома Чжоу. Он и стал чжоуским Тай-цзу.

А теперь расскажем, что чжоуский Тай-цзу носил фамилию Го, имя Вэй. Был он родом из местечка Яошань уезда Таншань округа Синчжоу области Шаньдун. Отец его, Го Хэ, занимался земледелием, мать, госпожа Чан, доводилась младшей сестрой Чан Уаню из уезда Личэнсянь округа Лучжоу области Хэдун. После свадьбы супруг изо дня в день усердно трудился на поле, супруга пряла и ткала — так они и жили, выполняя надлежащим образом государственные трудовые повинности. Однажды Го Хэ пропалывал на поле всходы риса, жена отправилась к нему — понесла обед. Вдруг на середине пути налетел вихрь. Он подхватил матушку Чан и перенес ее на другой берег, в деревню Лунгуйцунь, а там громадный змей обвил ее. Немного спустя разразившаяся было гроза утихла, небо прояснилось, и напуган-
182 ная всем случившимся женщина||поспешила назад в Яошань. Вскоре стало ясно, что она забеременела. Через двенадцать месяцев родился мальчик. В момент его появления дом озарился

ярким благостным светом, наполнился запахом благовоний. Го Хэ[1] взял ребенка на руки, осмотрел и видит — слева на шее у мальчика мясистый желвак величиной с монету, а на желваке совершенно четко вырисовывается колос ячменя. «Этот желвак здесь неспроста,— сказал Го Хэ жене,— на нем изображен колос, не означает ли это обилие зерна в поле?» Муж и жена поговорили между собой и, решив, что с рождением мальчика урожай будет ежегодно возрастать, назвали сына Го Чэнбао — Го, Приносящий изобилие. Кто же мог подумать, что после рождения ребенка есть в доме станет нечего — зерно совсем перестало родиться. Не прошло и двух лет, как умер Го Хэ, матушка Чан осталась с беспомощным малышом. Пришлось ей собрать свои пожитки и, похоронив Го Хэ, отправиться в уезд Личэнсянь, что в округе Лучжоу области Хэдун, просить Чан Уаня приютить ее с ребенком в своей семье.

Когда Го Чэнбао исполнилось лет семь-восемь, дядюшка Чан Уань послал его пасти коров. Как-то раз тигр пытался задрать корову, но Го Чэнбао с дубиной бросился на него и спас корову. Вернувшись домой, он рассказал о случившемся дяде. «Хоть ты годами и мал,— сказал Чан Уань,— но отважен и смышлен. Я дам тебе другое имя — Го Вэй, Го Отважный. Раз ты в детстве так храбр, то и в будущем, полагаю, не посрамишь свое имя!»

Когда Го Вэю минуло одиннадцать, Чан Уань послал его сторожить сохнувшее просо — отгонять прилетающих клевать зерно птиц. Но что поделаешь, воробьи целыми стаями набрасывались на зерно; только он отгонит их с одной стороны, они налетают с другой. Пришлось тогда Го Вэю смастерить из бамбука арбалет. Он набрал разных камешков и обломков и, когда птицы снова появились, взял арбалет, натянул и стал стрелять по воробьям. Ни один его снаряд в воробья не попал, зато прямо в висок Гу Люйэру, сыну их соседа Гу Жуя, он угодил. Видит — Гу Люйэр упал на землю и испустил дух. Го Вэя схватили и отправили на разбор дела в уезд Личэнсянь. Оттуда, конечно, приехал чиновник, чтобы лично и на месте, в присутствии соседей, осмотреть||труп Гу Люйэра: кроме раны на виске, явившейся причиной 183
смерти, других ран не было. С Го Вэя сняли показания, а затем переправили в Лучжоу, в окружное присутствие для вынесения приговора.

Гражданский правитель Лучжоу приступил к разбору дела, привели под стражей Го Вэя. Правитель взглянул на него и сразу понял — перед ним ребенок, нечаянно убивший другого ребенка. Он взял кисть и написал: «Препроводить дело в юридическую коллегию окружной управы для подготовки решения о мере наказания». В юридической коллегии установили, что Го Вэй, стреляя в птиц, попал в Гу Люйэра случайно, убийство было непреднамеренным, потому допустимо снисхождение; а поскольку виновный еще и несовершеннолетний, то казнь тем

более к нему применять нельзя. Учитывая обстоятельства дела, постановили: заменить смертную казнь наказанием двадцатью палками и ссылкой на пятьсот *ли*. Проект решения представили на утверждение в присутствие гражданского правителя и там положили: в отдаленный округ Го Вэя не ссылать, а в поучение за совершенное преступление выколоть у него на щеке изображение воробья. Секретарь зачитал решение, служители приступили к исполнению приговора: покончив с наказанием палками, позвали татуировщика; тот выколол на левой щеке Го Вэя изображение воробья, а когда и с татуировкой было покончено, Го Вэя освободили и отпустили из присутствия.

Опозоренный татуировкой Го Вэй рассудил, что, раз его светлая, чистая кожа на лице стала из-за наказания зеленой, ему, пожалуй, теперь только и остается сделаться простым воякой; он начал учиться владеть оружием, стрелять из лука и ездить на коне и каждую ночь твердил *Кунь вай чунь цю*[2] и *Тай-гун бинфа*[3]. Годам к пятнадцати-шестнадцати Го Вэй силой превосходил всех. Если он пил, то, не пьянея, выпивал несколько ковшей вина; если ел, то, не переедая, съедал несколько *цзиней* мяса. Однажды бродил он по рынку. Видит, какой-то детина собирается продать драгоценный меч: чудным блеском меч этот сверкает, смертоносным видом пугает.

Поистине:

Сжимая меч Драконов источник —
всего-то три *чи* длиной,—
Он распространил государеву власть
на четыреста округов.

Детина выставил на продажу меч. Го Вэй спросил его: «Сколько хочешь за меч?» Тот запросил пятьсот связок. «Хорошо,— сказал Го Вэй,— за пятьсот пойдет. Я достану деньги и вернусь за мечом». Но детина ответил: «В пословице говорится: „Вино с друзьями пьют, стихи читают тем, кто толк в них понимает“. Я этот меч продам герою, случись большое дело, он в стране порядок наведет, в малом — сумеет защитить себя от нападения или оскорбления. А ты, малыш, разве что-нибудь разумеешь? Ты не покупатель, я этот меч тебе не продам».— «Да стерплю ли я такую обиду?» — воскликнул Го Вэй. Он вырвал меч из
184 рук парня и, преисполненный гнева от незаслуженной обиды, убил его и бросился бежать обратно в Синчжоу.

Добравшись до Синчжоу, Го Вэй расспросил про селение Яошань в уезде Таншаньсянь и отправился туда. Разве мог кто-нибудь узнать его в местечке? Ведь когда Го Вэй со своей матерью госпожой Чан уехал в Лучжоу, ему было всего года два-три. Теперь он вырос, лицо его, что поделаешь, было обезображено татуировкой, кто же из жителей деревни смог бы опознать его? Но прошло два дня, и Го Кэ, дядя Го Вэя со стороны отца, узнал его по желваку на шее. «Го Чэнбао! — окликнул он Го

Вэя.— Да какой же ты теперь стал большой! А почему у тебя на лице татуировка?» Го Вэй подробно рассказал все, что случилось с ним после отъезда. «Хоть ты и убил человека,— сказал Го Кэ,— но ведь округ и уезд далеко, где им добраться до тебя. Побудь немного здесь, я подыщу тебе какое-нибудь занятие».

Однажды Го Вэй шел мимо дома Чай Жэньвэна. Хозяин Чай славился своим огромным богатством, любовью к пожертвованиям, помощью бедным и множеством тайных добрых дел. В доме у него постоянно жили и кормились люди самых различных занятий. Как раз в это время там находился один прорицатель. Увидев Го Вэя, он сказал Чай Жэньвэну: «Кто этот молодой человек, который сейчас прошел мимо? В будущем его ждет такая знатность, что словами не передать. На шее у него желвак, это означает обилие зерна, а на щеке — воробей; в будущем, когда воробей начнет клевать зерно, этот человек станет императором!» Услыхав слова прорицателя, хозяин Чай немедля послал слугу просить Го Вэя пожаловать к нему. Когда Го Вэй явился, хозяин Чай осведомился, кто он такой и зачем пришел в Яошань. Го Вэй рассказал. Выслушав все, хозяин Чай спросил: «А сейчас ты чем здесь занимаешься?» — «Собираюсь наняться к кому-нибудь носильщиком,— ответил Го Вэй,— надо же как-то жить и кормиться!» — «Ни к чему это,— сказал хозяин Чай.— У меня есть дочь, зовут ее Чай Инян, приглашаю тебя в дом зятем, как посмотришь на это?» — «Спасибо, что хозяин обратил на меня свой взор,— ответил Го Вэй.— Но ведь у меня, ничтожного, и гвоздя-то завалящего нет, так можно ли вести разговор о женитьбе?» Однако хозяин Чай сказал так: «Для великого мужа все в свое время — богатство и слава, бедность и безвестность ‖Потерпи пока дома, наступит пора — переменится судьба к луч- 185
шему, тебе непременно выпадет славный удел!»

Хозяин Чай позвал в свахи соседку Фань Вэньэр, договорился с Го Кэ, дядей Го Вэя, и, выбрав счастливый и благоприятный день, пригласил Го Вэя к себе в дом на вечный супружеский союз и счастье с Чай Инян. После того как Го Вэй вошел в семью Чай Жэньвэна, хозяин Чай, человек очень богатый и страстно желавший, чтобы предсказание прорицателя об императорском будущем Го Вэя сбылось, смотрел уже на него другими глазами.

У Чай Жэньвэна было двое сыновей: старшего звали Чай Шоули, младшего — Чай Шоучжи. Они сошлись с Го Вэем и каждый день все вместе искали себе каких-либо развлечений. А Го Вэй был натурой необузданной: появлялись деньги — тратил, перепадало вино — пил, часто он не мог себя сдержать и ввязывался в драки. Братья Чай говорили ему: «Наш отец привык творить добро, не по душе ему твой буйный нрав и драчливость. Боится он, что как-нибудь ты невзначай такого натворишь, что угодишь под суд, не изменится ли тогда все в жизни?»

Однажды Го Вэй обратился к Чай Инян: «Ты живи себе здесь спокойно. Моя матушка осталась в Лучжоу, в семье дяди Чан Уаня, и с позапрошлого года, когда я явился сюда, убив человека, продававшего меч, у меня нет о ней никаких известий. Скоро ждут амнистии, все ранее совершенные преступления будут прощены. Вот я и хотел бы съездить в Лучжоу навестить мать. На дорожные расходы мне хватило бы связок тридцать пять монет, вернусь — с лихвой тебя отблагодарю!» Оценив сыновнюю почтительность в муже, госпожа Чай рассказала о его просьбе отцу, Чай Жэньвэну. Го Вэй получил деньги, покинул дом и отправился в Лучжоу. Произошло это в правление династии Поздняя Тан в первом месяце двадцатого года Тянь-ю (923 г.).

Проведя больше месяца в пути, Го Вэй прибыл в Лучжоу. Он явился к дяде, спросил о матери и узнал, что она умерла. Дядя повел Го Вэя на могилу. Го Вэй поклонился могильному холму и всплакнул. Чувствовалось, что дядя осуждал Го Вэя за все его прежние дела, и был поэтому не очень к нему внимателен.

Тут наступил третий месяц; командующий военным округом Цзэчжоу Ли Цзитао, получивший от царства Лян округ Цзэчжоу в награду за измену Тан, выпустил воззвание, призывающее смельчаков-добровольцев вступать в его войско. В воззвании говорилось:

«Ведомство командующего военным округом Лучжоу с почтением приняло высочайший указ, повелевающий нашему округу в целях защиты страны расправиться с Пэй Юе и овладеть Цзэчжоу.

186 Сейчас мы обращаемся с воззванием к бесстрашным борцам за справедливость — вот случай попасть на службу в войско! Если есть герои, мужи смелые и бесстрашные, желающие стать на нашу сторону, желающие защищать город, способные предложить интересный план, дабы сообща добиться замечательного успеха, пусть откликнутся и вступают в наше войско. Мы намерены по заслугам награждать, докладывая о повышении в должности. Слова своего ни в чем не нарушим.

Посему настоящее воззвание довести до всеобщего сведения. Объявлено в некоторый день третьего месяца двадцатого года Тянь-ю».

Ли Цзитао обнародовал воззвание, но ни один человек не отозвался на него. Го Вэй же, прочитав воззвание, в душе возликовал. «Я владею немного приемами военного искусства,— размышлял он про себя,— знаю военные трактаты, если я не вступлю в войско, чем тогда и заниматься?» В этот же день он явился в окружное управление, сорвал воззвание и представил его, чтобы завербоваться. Взглянув на Го Вэя, Ли Цзитао очень обрадовался и назначил его *бицзяном*, дав под начало отряд в пятьсот человек.

Пятый месяц. Решив приступом взять Цзэчжоу, Ли Цзитао направил к городу передовой отряд во главе с Дун Чжаном. У стен города Дун Чжан вступил в бой с Пэй Юе. Во время схватки Пэй Юе сделал вид, что отступает. Дун Чжан бросился за ним, но был окружен и схвачен находившимися в засаде солдатами Пэй Юе. Го Вэй на всем скаку, держа в каждой руке по мечу, врезался в отряд Пэй Юе и отбил Дун Чжана, убив и ранив при этом человек тридцать. Пэй Юе тут же кинулся за ними. Го Вэй повернул коня и пустил стрелу — мертвый Пэй Юе свалился с лошади. После этого Дун Чжан овладел Цзэчжоу. Но в донесении, направленном Ли Цзитао, все заслуги за взятие города он приписал одному себе и только себе попросил награды. Го Вэю пришлось стерпеть, что Дун Чжан присвоил его заслуги,— ведь он находился у Дун Чжана в подчинении и понимал, что бороться с ним бесполезно. Гнев клокотал в нем, но что можно было поделать? Человек он был простой, грубый, и, чтобы как-то рассеять тоску, ему только и оставалось напиться. Пропустив подряд два-три ковша вина, он задолжал связку с лишним монет. Денег у Го Вэя не было — пришлось предложить кабатчику в залог меч с обещанием выкупить его, как только появятся деньги. Кабатчик принять залог отказался, тогда Го Вэй выхватил меч и зарубил кабатчика и его слугу. Го Вэя схватили и доставили в приемную командующего. Ли Цзитао страшно разгневался. «Ты ведь военачальник, зачем же ты так безрассудно убиваешь простых людей?» — обрушился он на Го Вэя. Тот подробно рассказал всю историю: как он спас Дун Чжана, убил Пэй Юе и как захватил Цзэчжоу. «Тоска завладела мною, ведь пришлось стерпеть, что Дун Чжан присвоил себе заслуги и награду. Имея при себе меч, я немного выпил, но опьянел, вот 187
и зарубил людей». Узнав, в чем дело, Ли Цзитао велел начальнику приказа надеть на виновного колодки и препроводить в тюрьму. Но в конце концов он смилостивился над Го Вэем за проявленную отвагу и, не желая причинить ему зла, тайно приказал отпустить его. Го Вэй поспешил прямиком в Бяньлян, был он один-одинешенек, и возвращаться ему было не к кому.

Однажды, прогуливаясь по главной улице Бяньляна, Го Вэй зашел в лавочку прорицателя Фэй Богу погадать — узнать, оставаться ему в городе или уходить. Раскладывая все необходимое для гадания, Фэй Богу спросил: «А зачем вы, почтенный, гадаете? Чего вы хотите?» — «Да вот раздумываю, то ли завербоваться в войско, то ли вернуться на родину в Синчжоу,— ответил Го Вэй.— Посмотрю, что скажет гадание». Фэй Богу изучил расположение линий в знаках гадания и написал четверостишие. Что говорилось в том четверостишии?

В небо ровно сто воробьев
дружной взлетели стаей.

Девяносто девять из них
ныне в Шаньси летают.
Не хватает средь них одного:
ногу сломал, оступившись,
И на взятом взаймы осле
по Даляну теперь разъезжает.

Взглянув на четверостишие, написанное Фэй Богу, Го Вэй про себя рассудил: «Прозвище мое Го Воробей, гадание явно указывает на мое имя, просто удивительно!» Тут заговорил Фэй Богу: «В этом знаке — очень доброе предзнаменование, ведь „*цянь* — небо" — символ парящего дракона. Не надо предаваться думам о прошедшем, о возвращении домой, лучше остаться в Бяньляне, в будущем вас ждет удел знатности и богатства. Посмотрите внимательно на знак: „небо" означает дракона и является также символом государя, а дракон, парящий в небе, значит, что вам выпадет счастье встретить великого человека; если вы и не станете государем, то когда-нибудь станете человеком [великой] [4] добродетели, близким к государю. Как только повстречаете человека большой знатности, вы сразу же быстро пойдете в гору. С тех пор как я открыл здесь лавочку и занимаюсь гаданием,— продолжал он,— никогда еще не случалось мне предсказывать такого, как сейчас. Слава ваша, почтенный, уже близка, берегите себя! И не забывайте в будущем моих слов!» Когда он кончил говорить, Го Вэй, ликуя в душе, вышел на улицу и напился. И вот, как раз в то время, когда пьяный Го Вэй валялся у дороги, *пинчжан* Лю Чжиюань возвращался из дворца. Он приказал палками поднять Го Вэя на ноги и подвести к нему. Увидев перед собою этакого здоровенного детину, Лю Чжиюань велел ему следовать за собой, а вернувшись в свои палаты, расспросил Го Вэя, кто он такой, откуда и почему
188 пьяный валялся на дороге. Го||Вэй подробно рассказал Лю Чжиюаню все: как он завербовался в войско Ли Цзитао, как брали Цзэчжоу, а награду и заслуги присвоил себе Дун Чжан, как он убил людей, бежал и пришел сюда. «Да, с такой сообразительностью и силой, как у тебя,— сказал Лю Чжиюань,— если в наш неспокойный век не пустить в дело лук и меч, чтобы добиться заслуг и известности, завоевать богатство и славу, разве не значит напрасно прожить жизнь? А тратить время впустую поистине жаль!» Он приказал слуге поднести храбрецу чарку вина. «Господин министр, да разве можно одной чаркой напоить меня? — сказал Го Вэй.— Если уж вы хотите наградить, велите принести ковш». Поняв, что Вэй — натура широкая, открытая, Лю Чжиюань распорядился дать ему два ковша вина и поросячью ножку на закуску. Тут же, в зале, Го Вэй принял вино и ножку и в благодарности преклонил колени. Потом он вышел из зала, налил в огромный кубок вина и выпил один за другим несколько полных кубков, вынул из-за пояса меч, отрезал доб-

рый ломоть мяса и закусил. Лю Чжиюань позвал его в зал: «Го Вэй,— сказал он,— оставайся служить у меня *циньцзяном*; будешь старшим над семью сотнями воинов». Тут же был издан приказ о назначении, и Го Вэй получил под командование конный отряд.

Первый год Кай-юнь. Государь Цзинь во главе войска выступил в поход. Достигнув Шаньчжоу, он объявил, что назначает Лю Чжиюаня *чжаотаоши* и приказывает ему вместе с пешими и конными силами Ду Вэя и Чжан Яньцзэ дать отпор киданям. Лю Чжиюань выступил с войском из Тайюани. Кидани приказали Вэй-вану вторгнуться в пределы области Тайюань. Вэй-ван с пятидесятитысячным отборным войском разбил лагерь севернее уезда Сюжун в округе Синьчжоу: от солдат земли не стало видно, за конями скрылись горы. Лю Чжиюань приказал написать письмо Бай Чэнфу, чтобы договориться о совместных действиях против врага. Го Вэй сказал: «Обращаюсь к господину *шумиши* и *чжаотаоши*, прошу дать три тысячи лучших воинов, тогда завтра я непременно разобью разбойников. А вас, господин министр, прошу подняться на стену, вы увидите, как я хитростью завладею лагерем врагов».— «Войска варваров только что пришли, настроены они весьма воинственно, в бой с ними лучше не вступать,— сказал Лю Чжиюань.— Нельзя недооценивать противника». Но Го Вэй сказал: «Они прошли тяжелейший путь, причем шли двойными переходами, люди и кони устали. Если не воспользоваться этим для нападения, а ждать, пока они закончат возводить укрепления, наши воины, увидев, сколь многочислен противник, непременно падут духом и не смогут противостоять ему. Как тогда повернется дело, неизвестно. Не лучше ли ударить, воспользовавшись усталостью врага, и добиться успеха?» — «Ты рассудил правильно!» — сказал Лю Чжиюань.

||Еще до наступления вечера Го Вэй отдал всему отряду 189
приказ: каждому запастись едой, иметь при себе факел и укрыться в засаде южнее уезда Сюжун округа Синьчжоу. Было условлено, что, как только с наступлением ночи вспыхнет огонь, каждый запалит свой факел и под барабан с криками бросится в атаку. Распорядившись таким образом, Го Вэй снял с себя одежду и приказал слуге разукрасить ему спину тридцатью ударами палок, а когда на небе появились звезды, он под видом перебежчика отправился в лагерь киданей, расположенный севернее уезда Сюжун. Часовые схватили его и привели к Вэй-вану. «А не лазутчик ли этот человек? — сказал Вэй-ван.— Пусть ему отрубят голову».— «Я издалека пришел к великому вану, чтобы помочь голыми руками взять Тайюань и этим хоть немного отплатить за свою обиду,— сквозь слезы проговорил Го Вэй,— а вы подозреваете, что я лазутчик и, не разобравшись, что к чему, хотите убить».— «Пусть остается в живых! — приказал тогда Вэй-ван.— Ты кто? Изволь рассказать все подробно и по

порядку». Го Вэй сказал: «Я — Го Вэй, охранник из ставки Лю-*чжаотаоши*. Выпил я — вот и оказался виноват, командующий приказал разрисовать мне спину тридцатью ударами палок. Не стерпел я такого и намеренно сбежал к вам. Не верите, взгляните на рубцы на моей спине, тогда убедитесь, что это правда». Вэй-ван увидел на спине Го Вэя рубцы от палочных ударов и перестал сомневаться.

«Го Вэй,— спросил он,— как же ты предлагаешь захватить Тайюань?» Го Вэй ответил: «В отряде Лю Чжиюаня есть человек, который умеет колдовством создавать солдат. Имя его Ма Инь. Он может быть невидимкой, может превратить камыш в меч, бобы в солдат. Сейчас он находится в вашем лагере. Прежде всего необходимо уничтожить этого человека, тогда Лю Чжиюань словно обеих рук лишится, а там заполучить Тайюань — раз плюнуть. Прошу дать мне меч и помощника из вашей охраны. Я знаю, как захватить этого человека».

Вэй-ван вручил Го Вэю меч и дал в помощники Алиханя. Го Вэй, дождавшись второй стражи, убил Алиханя, перебил охрану у палатки Вэй-вана, зажег огонь и принялся так орать, что переполошил все войско киданей. А тут еще из засады ударили три тысячи воинов — более семнадцати тысяч киданей были убиты и взяты в плен. Вэй-вану удалось спастись. В тот же день он увел остатки своего войска. Го Вэй одержал великую победу.

Двору был представлен доклад. Го Вэй получил должности *цаньмоугуаня* и *туйгуаня* при канцелярии командующего военным округом. Теперь Лю Чжиюань непременно обсуждал с ним все письменные распоряжения, касающиеся войска.

Восьмой месяц. Государь Цзинь назначил Лю Чжиюаня *синъюин дутуном* и приказал со всем пешим и конным войском
190 прибыть в Шаньдун, чтобы объединенными силами дать отпор киданям. Но Лю Чжиюань в то время надежно закрепился в Тайюани и о помощи двору не помышлял. Государь Цзинь перестал доверять ему и больше не советовался ни по каким серьезным государственным делам. Лю Чжиюань, понимая, что пост он занимает высокий, что в его руках сосредоточена грозная военная сила, был очень неспокоен.

Однажды он обратился к Го Вэю: «Император остро нуждается в военной помощи. Как мне быть — выступить или остаться на месте?» — «Горы и реки в Хэдуне неприступны, воины и кони превосходны. Пока все спокойно, пусть народ с усердием возделывает поля, чтобы пополнять запасы провианта; случись что-нибудь, научим людей владеть луком и стрелами, чтобы исполнили свой воинский долг. Вот как по-настоящему должен поступать могущественный правитель! Закройте заставы, и нечего беспокоиться» — так ответил Го Вэй.

Восьмой месяц третьего года правления Кай-юнь династии Цзинь. Племя Бай Чэнфу, проживавшее на землях Тайюани,

неоднократно совершало грабежи. Жители области потеряли покой и не могли заниматься своими делами. Это очень тревожило Лю Чжиюаня; и однажды он обратился к Го Вэю за советом: «В Поднебесной сейчас очень неспокойно, оставить племя тугухуней Бай Чэнфу в Тайюани — значит иметь в своем доме врага. Не лучше ли заранее покончить с ними?» — «Нужно тайно подать двору доклад с просьбой переселить племя во внутренние земли,— ответил Го Вэй.— Если тугухуней рассредоточить по разным округам, тревожиться будет нечего».

Когда государь Цзинь получил доклад, он направил гонца к тугухуням с повелением расселиться по разным округам. Но Лю Чжиюань приказал Го Вэю заманить Бай Чэнфу и его близких в город, потом, обвинив их в заговоре, он убил Бай Чэнфу вместе с четырьмястами соплеменниками, не пощадив никого.

Сельмой месяц четвертого года Кай-юнь (947 г.). Лю Чжиюань принял титул императора, государство получило название Хань; императорским указом Го Вэй был назначен на пост *шумиши*.

Чиновник палаты Шумиюань Вэй Жэньпу, ездивший в качестве посланника к киданям, возвратился обратно. Го Вэй сам принял и расспросил его, интересуясь численностью киданьских войск и всем, что тот увидел и узнал. Вэй Жэньпу, человек весьма сметливый и наблюдательный, рассказал обо всем очень обстоятельно, и Го Вэй целиком положился на его сведения. В это время императорский двор подготавливал проекты решений многих государственных дел, все дела по военному ведомству ханьский государь Чжиюань возложил на Го Вэя.

Первый месяц первого года Цянь-ю (948 г.) [5]. Здоровье ханьского государя резко ухудшилось. Призвав во дворец Ши Хунчжао и Го Вэя, он со слезами обратился к ним: «Мой путь был тернист, вместе овладевали мы Поднебесной, отдав делу более тридцати лет службы в седле, а теперь нам предстоит разлука. Наследник мой Чэнъю, а *Чэнъю — это Инь-ди*, мал и слаб, после смерти поручаю его вам, берегите его хорошенько!» Кончив говорить, ханьский государь опочил в своих спальных покоях. Го Вэй и Ши Хунчжао сговорились скрыть кончину государя и, не объявив траура, издали [от его имени] указ с обвинением Ду Чжунвэя в клевете на императорское управление и в попытке измены. ‖Ду Чжунвэй со своими сторонниками был доставлен на место казни и казнен. Горожане в драке раскромсали его труп и сожрали. 191

Еще в те времена, когда ханьский Гао-цзу Лю Чжиюань управлял Хэдуном, Лю Чун, [нынешний] командующий военным округом Хэдун, борясь за влияние, рассорился с Го Вэем. И вот теперь вся военная власть оказалась в руках Го Вэя. Лю Чун встревожился. Опасаясь, что Го Вэй станет мстить за обиду, он обратился за советом к *паньгуаню* Чжэн Гуну: «Государь мал

и неопытен, управление страной в руках могущественных сановников. С *шичжуном* Го у меня согласия нет, а в будущем непременно произойдет мятеж; как мне быть?» Чжэн Гун ответил так: «Войска Цзиньяна не имеют себе равных в Поднебесной, кроме того, горы и реки здесь неприступны, а налогов с десяти округов достаточно, чтобы прокормиться самим. Вы в императорском роду старший [6], не позаботься вы должным образом о себе сейчас, потом люди станут помыкать вами, и что тогда даст раскаяние?» — «Ты рассуждаешь правильно»,— сказал Лю Чун. В тот же день он прекратил отправку налогов, объявил о вербовке храбрецов, записал в войско народных ополченцев, императорским указам он перестал повиноваться, проявив тем самым свои мятежные намерения.

Тут случилось так, что три военных округа: Хэчжун — *мятеж Ли Шоучжэня*, Юнсин — *мятеж Ван Цзинчуна* и Фэнсян — *мятеж Чжао Сываня* — взбунтовались. Ханьский государь Инь-ди издал указ о назначении Го Вэя *чжаовэйаньфуши* западного направления, сохранив за ним пост *шумиши*. Го Вэю повелевалось идти на Хэчжун, принять командование над тремя войсками и овладеть восставшими округами. Главные силы переходили в подчинение Го Вэя.

Получив приказ, Го Вэй подошел к Хэчжуну, разделил войско на три группы и начал наступление: Бай Вэнькэ и Лю Цы двинулись из Тунчжоу, Чан Сы — из Тунгуаня, сам Го Вэй наступал из Шаньчжоу.

Го Вэй всегда заботился о своих солдатах, вместе с ними делил горе и радость. За малую заслугу он щедро награждал, легкораненых сам навещал; кто бы из войска, человек заметный или незначительный, к нему ни обратился, он всех выслушивал, отвечая доброжелательно, ласковым словом; на незначительные нарушения он не гневался, за мелкие проступки не взыскивал. Этим он завоевал сердца воинов и командиров, поэтому то, что он защищал, было совершенно неприступно, а то, что атаковал, непременно доставалось ему.

Первый месяц второго года Цянь-ю (949 г.) [7]. Го Вэй узнал, что войска Шу пришли на помощь Фэнсяну — Чжао Хуэй потерпел в бою поражение и запросил помощи. Го Вэй повел к нему пятитысячный отряд отборной конницы. Он был еще на пути к Дасаньгуаню, когда слух о его выступлении докатился до воинства Шу, и оно обратилось в бегство. Го Вэй повернул обратно в Хэчжун.

Ли Шоучжэнь, разведав, что Го Вэй выступил в поход, приказал Ван Цзисюню взять тысячу лучших конников и ночью с зажженными огнями с криком напасть на ханьские заграждения [8]. Лю Цы выслал против них *бицзяна* Ли Тао. Отряд Ван Цзисюня потерпел поражение, убито и ранено было более семисот человек, сам он, раненный стрелой, бежал.

Четвертый месяц. Ли Шоучжэнь снова двинул свои силы на прорыв кольца ханьского окружения. Го Вэй сказал *дуцзяню* У Цяньюю: «Известно, что запасы продовольствия в Хэчжуне на исходе. Если их отряды появятся — дать им отпор, если они обратятся в бегство — преследовать не будем. Не пройдет и месяца, как мятежники трех округов склонят перед нами свои головы». 192

Чтобы прорваться из окружения, с отрядом выступил Вэй Яньлан. У Цяньюй верхом выехал навстречу и принял бой. Всего несколько раз съезжались они, и Вэй Яньлан оказался пленником У Цяньюя. Ван Цзисюнь с трехтысячным отрядом явился в лагерь Го Вэя и объявил о своей капитуляции.

Седьмой месяц. Ли Шоучжэнь узнал, что оба военных округа, которыми командовали Чжао Сывань и Ван Цзинчун, сдались. И когда Го Вэй приступом взял внешнюю городскую стену Хэчжунфу, он сжег себя вместе с женой и сыном. Го Вэй вступил в город, захватил второго сына Ли Шоучжэня — Ли Чунъюя, его лжеминистров, *гоши* Цзун Луня и всех отправил в Далян. Там на городском рынке их казнили — разорвали на части, привязав к телегам.

Восьмой месяц. Возвращаясь из Хэчжуна, Го Вэй проезжал через Лоян. Узнав, что наместник Западной столицы Ван Шоуэнь падок на наживу, что он обирает народ, Го Вэй как глава палаты Шумиюань приказал Бай Вэнькэ сменить Ван Шоуэня на посту наместника Западной столицы.

Девятый месяц. Го Вэй вернулся в Бяньлян — солдаты авангарда пели победные песни, кони арьергарда звенели золотыми стременами — и прибыл в императорский дворец. Ханьский Инь-ди поднялся на драгоценное возвышение. Все гражданские и военные чины выстроились по рангам у золотых ступеней. Сановники представили государю доклад с поздравлениями по случаю усмирения трех военных округов. Го Вэй подошел к возвышению и представился Инь-ди. Государь обратился к нему со словами похвалы: «Вы преодолели неприступные горы и реки, страдали от бурь и непогоды; вы разработали план победы и осуществили его — главный злодей сложил свою голову, все трое наших подданных усмирены. Если бы не ваше усердие, успеха бы мы не добились». Лик дракона озаряла радость. Он выделил в награду войску золота и серебра по пять тысяч *лянов* и пять тысяч кусков шелка; Го Вэй дополнительно был назначен *шичжуном* и *шумидаши*. Го Вэй доложил государю Хань: «Пока ваш покорный слуга с войском находился вдали, все военные округа сохраняли покорность столице, поставляли войскам продовольствие — это заслуга первых министров[9] и ответственных сановников. Посмеет ли ваш слуга один принять награды?» Тогда Инь-ди призвал к возвышению девять человек — первых министров, *шуми*[*ши*], *сюаньхуэй*[*ши*], *саньсы*[*ши*], *шивэйши*.

Он приказал достать из дворцовой казны золотой пояс и пожаловал его Го Вэю, первым министрам и остальным были пожалованы девять яшмовых поясов. Ши Хунчжао дополнительно получил пост *чжуншулина*. Доу Чжэньгу — *сыгу*, Су Фэнцзи — *сыкуна*, Су Юйгуй и Ян Бинь — *пушэ*. Ши Хунчжао тоже доложил государю: «Го Вэй, приведя в повиновение три военных округа, отметил заслуги вашего покорного слуги и остальных, мы все щедро осыпаны милостями и наградами. Но командующие пограничными округами не облагодетельствованы милостями и пожалованиями, как бы это не вызвало разочарования. Уповаю, что высочайшее милосердие снизойдет к докладу вашего слуги
193 и по случаю усмирения трех||округов в Поднебесной будет объявлена великая амнистия и широкое пожалование милостей и должностей, дабы люди в центре и на окраинах вкупе насладились новыми благодеяниями. Разве не будет это прекрасно?»

Ханьский государь внял словам Ши Хунчжао и приказал палате Сюешиюань подготовить указ о великой амнистии. Текст указа гласил: «Мы, молодые и слабые, воспреемствовали великое владение. В думах о нем проводили дни и ночи, но не достигли достойного порядка. Какие-то дерзкие управители окраин начали соблазняться грабежами соседей, стали тревожить и нарушать границы, убивать и уводить людей. Вследствие молодости мы не сумели справиться с многими бедами, случившимися в нашем доме; тогда мы положились на некоторых ближайших помощников, и они должным образом поддержали нас. Почтеннейший *шу*[*миши*] возглавил поход, на него из всех областей откликнулись герои, и года не прошло, как злодеи сложили головы, и три военных округа окончательно приведены к повиновению.

Помимо особого награждения войск, участвовавших в походе, командующие всеми военными округами повышаются в чине на три ранга, а подведомственные им чиновники и командиры — на два ранга. Простой народ в упомянутых трех военных округах, долго страдавший от войны и окружения, освобождается в текущем году от уплаты налога на землю; помимо этого, в течение последующих трех лет размеры налога сокращаются наполовину. Все, кто совершил преступления до рассвета пятого дня девятого месяца, за исключением амнистии не подлежащих убийц деда, бабки, отца, матери, младших братьев, убивших старших, слуг, убивших господ, а также изменников, нарушивших Путь, должны быть помилованы и освобождены, независимо от завершения разбирательства дела, доказанности преступления и степени тяжести вины. Возрадуемся! Горе сменяется радостью, все видят перемены к лучшему. Когда государь распорядился, а подданные исполнили, дух великого согласия воцаряется навечно. Объявить повсеместно, дабы постигли [наши] устремления. Посему настоящий указ довести до всеобщего сведения».

Обнародовав текст указа об амнистии, императорский двор немедля разослал по всем областям гонцов, чтобы указ был прочтен и соответственно проведен в жизнь. Внутри страны и на окраинах народ ликовал.

Десятый месяц. Из пограничных областей поступили донесения, что отряды киданей совершают грабительские набеги на Хэбэй; императорский двор просили выслать помощь для отпора врагу. После общего совета император поручил *шичжуну* Го Вэю возглавить объединенное войско и выступить на защиту Хэбэя.

Четвертый месяц третьего года Цянь-ю (950 г.). Ханьский государь сказал Ши Хунчжао: «Кидани грабят Хэбэй, и недавно *шичжун* Го был поставлен старшим над всеми военачальниками для противодействия врагу. Теперь мы намерены назначить Го Вэя||управлять Еду, чтобы все военачальники беспрекословно 194
подчинялись ему. Пусть все дела борьбы с киданями Го Вэй ведет по своему усмотрению». Ши Хунчжао доложил: «Надо назначить Го Вэя наместником Еду, но пусть он по-прежнему остается *шумидаши*». Су Фэнцзи горячо возражал, ссылаясь на то, что еще не было случая, чтобы наместник одновременно был бы и *шумиши*. Но Ши Хунчжао сказал: «Руководя палатой Шуми[юань], он сможет распоряжаться военачальниками и решать дело по своему усмотрению — все приказы будут исполняться. Если же власть окажется не в одних руках, не оберешься беды от взаимных помех и недоразумений, как тогда требовать успеха в деле?» Ханьский государь согласился с предложением Ши Хунчжао и приказал палате Сюешиюань объявить такое решение: Го Вэй назначается наместником Еду и по-прежнему остается *шумидаши*. И еще повелевалось в вопросах снаряжения войск, снабжения и финансов всем областям Хэбэя действовать только соответственно распоряжениям Го Вэя.

Госпожа Чай, жена Го Вэя, детей не имела. Го Вэй воспитывал сына Чай Шоули — старшего брата своей жены, которого звали Жун. К этому времени Го Жун повелением императорского двора занимал пост гражданского правителя Гуйчжоу.

Третий день пятого месяца. Го Вэй имел у государя прощальный прием и отбыл в Еду. Приехав туда, он устроил в присутствии пир и пригласил на него всех военачальников. Когда гостей трижды обнесли вином, Го Вэй обратился к ним: «Удостоенный небесного благоволения, я прибыл сюда с высочайшим указом в качестве наместника Еду. Дать отпор киданям и обеспечить безопасность границ — моя первая обязанность. Известно, что все области Хэбэя из-за многолетних смут и войн пришли в страшный упадок, отдай хоть все, и то, боюсь, народу не будет житься спокойно. Сейчас, приступая к своим обязанностям, я хочу договориться с вами: будьте внимательны на сторожевых постах, охраняйте границы, увеличивайте военные запасы, держите в порядке оружие — все это ваши обязанности. Не допускайте, чтобы

войска грабили простых людей, чтобы войсковой скот травил посевы. Если кидани нагрянут внезапно, защищайтесь изнутри стен, снаружи должно быть пустое поле; лишь взвесив силы врага, наступайте — тогда полный успех обеспечен. Отныне: добьешься успеха — получишь награду, нарушишь приказ — будешь наказан. Мы с вами должны твердо помнить эти восемь слов и никогда от них не отступать». Выслушав речь Го Вэя, военачальники между собой решили: «Преступить приказ почтенного Го невозможно!» Кидани с этого времени присмирели и больше не решались нарушать границы.

С тех пор как Инь-ди вступил на престол и три военных округа были усмирены, внутри страны и на окраинах установился мир, траур был снят, кругом царила радость и не было ничего, что было бы не сделано.

Одиннадцатый месяц. Но вот Ли Е, младший брат вдовствующей императрицы, не получив желаемого поста *сюаньхуэйши*, стал вместе с любимцами государя Янь Цзиньцином, Не Вэньцзинем, Хоу Куанцзанем и Го Юньмином оговаривать перед государем Хань его ближайших сановников — Ян Виня, Ши Хунчжао и Го Вэя. Однажды своими наветами они так разгневали государя,
195 ||что тот повелел казнить четырех сановников: Ян Биня, Ван Чжана, Ши Хунчжао и Ван Иня[10]; *гунфэнгуаню* Мэн Е был вручен указ, которым *синъюин дучжихуэйши* Го Чунвэю и Цао Вэю повелевалось убить Го Вэя и инспектора войска Ван Цзюня. Го Чунвэй арестовал прибывшего к нему Мэн Е и показал указ Го Вэю. «Я прошел вместе с вами тернистый путь, чтобы добыть Поднебесную покойному государю,— сказал Го Вэй.— Перед смертью он поручил мне заботиться о его сироте-сыне и всеми силами охранять страну. А теперь дела вот как сложились? Так стоит ли мне заботиться о жизни? Вам надлежит принять указ и исполнить его — представить мою голову государю. Вы ни в чем не будете повинны». Го Чунвэй и остальные со слезами обратились к Го Вэю. «Император молод,— говорили они,— это, несомненно, происки клики подлецов из его окружения. Мы готовы вместе с вами идти жаловаться государю. Надо истребить всю эту погань и навести при дворе порядок».

Тогда Го Вэй оставил своего приемного сына Го Жуна управлять Еду, Го Чунвэю приказал выступить во главе передового отряда, а сам с войском двинулся вслед за ним.

Государь Хань испугался, что на окраине вспыхнул мятеж, и срочно направил указы Мужун Яньчао и Хоу И с повелением прибыть на защиту дворца. Мужун Яньчао только сел к столу, как с высочайшим указом к нему прибыл гонец. Еда была оставлена, и в тот же день Мужун Яньчао выступил с войском в путь. Когда он прибыл в Бяньлян, ханьский государь сказал ему: «Мне стало известно, что Го Вэй поднял мятеж, он двинул из Еду войска. Хочу обременить вас — возьмите дела дворца под свою

защиту. Добьетесь успеха, все титулы и должности Го Вэя перейдут к вам». Мужун Яньчао в смущении поблагодарил государя и удалился. Хоу И тоже прибыл ко двору. «У вашего слуги есть верный способ обвести врага,— доложил он государю.— Дело в том, что семьи воинов гарнизона Еду живут в столице. Пожалуй, стоило бы закрыть ворота города и выпустить на городскую стену, как приманку, жен солдат. Воины начнут думать о доме, и победа без боя будет за нами». Мужун Яньчао, когда ему стали известны слова Хоу И, сказал: «Трусливый же план предложил старая развалина Хоу И! Разве этим можно сломить боевой дух идущего издалека отменного войска господина Го?»

Войско Го Вэя подошло к Шаньчжоу. Ханьский государь приказал Хоу И вести на Шаньчжоу отряды Янь Цзиньцина, У Цяньюя и Чжан Яньчао. Когда Го Вэй проходил мимо Хуачжоу, Сун Яньво, командующий военным округом Ичэн, открыл ворота, выехал навстречу и сдал город. Вступив в Хуачжоу, Го Вэй взял из казны шелка и ценности и раздал награду войску; а угощая вином следовавших с ним в походе военачальников, он сказал: «Я слышал, что с юга движется объединенное войско под командованием господина Хоу. Мне хотелось бы сохранить вам ваши славные имена, так могу ли я не подчиниться полученному ранее повелению? Пусть я погибну, жалеть не о чем». Военачальники, проливая слезы, ответили ему: «Вы не изменили государю, это государь проявил к вам неблагодарность, поэтому все мы с вами, как один, готовы пожертвовать жизнью за вас, словно мстим за собственную обиду. Просим вас, идите вперед; что может сделать какой-то там Хоу И!»‖Инспектор войска Ван Цзюнь 196
подстрекал солдат: «Я получил распоряжение почтенного Го: возьмем столицу, войску будет разрешено грабить город десять дней». Воинство горело нетерпением и отвагой.

А теперь расскажем о том, что, когда государю Хань стало известно, что Го Вэй вышел к Реке, он, чрезвычайно встревоженный, тайно обратился к Доу Чжэньгу: «Происшедшие недавно события развиваются слишком быстро, что следует сейчас предпринять?» А когда Го Вэй прибыл в Фэнцю, встревожились все. Мужун Яньчао хвастливо объявил государю: «На взгляд вашего покорного слуги, северное войско подобно мошкаре!» Но когда, покинув дворец, узнал о численности отрядов Го Вэя и услышал имена его военачальников, он испугался, не зная, как быть. Всплеснув руками, Мужун Яньчао вздохнул: «Да, это сильный враг, одолеть его будет нелегко!»

Как раз в это время на шее у Го Вэя появились чирьи, и он расквартировал войско в Фэнцю, чтобы полечиться. Прошло три дня, Го Вэй поправился, но в результате болезни выколотый около шеи воробей приблизился к колосу на желваке. Госпожа Чай велела мужу посмотреться в зеркало. «Помнишь,— спросила она,— как прорицатель сказал моему отцу, что, когда воробей начнет

клевать колос, ты непременно станешь императором? Сейчас они сблизились — слава и богатство перед тобою, береги же себя, не обмани надежд моего отца».

Государю Хань стало известно, что Го Вэй подходит к Цилидяню. Тогда вместе с Мужун Яньчао он двинул главные силы к Цилидяню и расположился против лагеря Го Вэя. Гвардии под командованием Лю Чжунцзиня было приказано соединиться с Хоу И и занять позиции в Чигане. С государем следовала многочисленная свита. Наступил вечер, но боя никто не начал — отложили до следующего утра. И вот Мужун Яньчао вывел легкую конницу и напрямик ударил по позициям Го Вэя. Конные отряды Го Вэя и Ли Жуна приняли бой. Мужун Яньчао потерпел поражение и бежал, оставив убитыми более ста человек. Тут и объединенное войско начало понемногу разбегаться — солдаты переходили на сторону северной армии. Хоу И и другие военачальники тайком явились на поклон к Го Вэю, но он отослал всех обратно. Мужун Яньчао с десятком всадников примчался назад в Яньчжоу. Государь Хань всего с тремя министрами и каким-то десятком свиты ночевал в лагере Циличжай: его объединенное войско — куда ни оглянись — перешло на сторону Го Вэя. Утром государь Хань двинулся обратно во дворец, но, когда он подъехал к воротам Сюаньхуамэнь [11], стоявший в воротах Лю Чжу пустил стрелу, чуть не попав в государя. Государь Хань повернул на север. У деревни Чжаоцунь отряд преследователей стал настигать его. Тогда государь быстро спешился и укрылся в доме простолюдина — там его и убили солдаты-бунтовщики. Го Вэй с войском вступил в город через ворота Инчуньмэнь [12]; он расположился в собственных палатах.

Ранее, еще в то время, когда Го Вэй находился в Вэй, государь Хань приказал Лю Чжу отправиться в дом Го Вэя и уничтожить его семью. Лю Чжу характером был лют и беспо-
197 щаден, он даже младенцев не пощадил.‖Не пострадали только госпожа Чай и Го Жун, сопровождавшие Го Вэя в походе. Войско, вступившее в столицу, всю ночь грабило город. Лю Чжу и Ли Хуньцзяня схватили и заключили в тюрьму. На следующее утро Го Вэй приказал командирам отрядов остановить грабителей — после полудня порядок в городе был восстановлен. Го Вэй в траурной одежде явился оплакать Инь-ди и распорядился перевезти гроб с телом императора в Западный дворец. «Инь-ди вел себя не как должно истинному государю и сокрушил престол; предлагаю похоронить его с церемониями, положенными *гуну*,. так поступили с вэйским Гао Гуйсян-гуном» [13],— обратился к Го Вэю Ван Цзюнь. Го Вэй не согласился. Он сказал: «В суматохе я не сумел защитить императорскую колесницу, и это привело к беде, вина моя велика. Так неужели я посмею унизить титул государя, чтобы выместить собственную обиду? Нет, этого я сделать не могу!» Во главе сановников Го Вэй явился во дворец к императри-

це-матери и засвидетельствовал ей почтение; он доложил: «Прежний государь опочил. Просим немедля возвести на престол воспреемника». Вдовствующая императрица объявила: «Лю Чун, командующий военным округом Хэдун, и Лю Синь, командующий Чжунъу,— младшие братья Гао-цзу; Лю Юнь, командующий военным округом Унин, сын Лю Чуна,— приемный сын Гао-цзу; Лю Сюнь, правитель Кайфэнфу,— сын Гао-цзу. Пусть сановники решат, кого избрать на престол». Го Вэй и Ван Цзюнь явились на прием к императрице-матери и попросили объявить наследником правителя Кайфэнфу. «Лю Сюнь давно страдает тяжелой болезнью, он не может вставать, как же ему вершить дела правления?» — ответила императрица и приказала слугам вынести носилки с Лю Сюнем — пусть увидят военачальники. Военачальники убедились, что все действительно так, и еще раз обсудили возможных претендентов на престол. Го Вэй и Ван Цзюнь предложили Лю Юня. Тогда сановники подали императрице-матери доклад: они просили опубликовать манифест и направить *тайши* Фэн Дао в Сюйчжоу для встречи Лю Юня.

Ранее, еще в те времена, когда Го Вэй подавлял мятеж трех округов, он заметил, что все распоряжения и указы императорского двора, касающиеся военных дел, всегда очень удачно составлены, и поинтересовался, кто составляет бумаги. Гонец ответил, что проекты указов готовит Фань Чжи. «У этого человека способности первого министра»,— сказал Го Вэй. И вот теперь, когда *чжисюеши* должны были подготовить проект манифеста, Го Вэй распорядился, чтобы именно Фань Чжи составил проект с подробным объяснением всей церемонии. Фань Чжи быстро все обсудил и согласовал — все было сделано как следует, Го Вэй не мог нахвалиться. На следующий день Го Вэй вместе с сановниками обратился к вдовствующей императрице с просьбой принять на себя регентство и заняться делами правления.

Императрице Го Вэй доложил: «Всю мою семью от мала до велика истребил Лю Чжу. Обращаюсь к государыне-императрице: прошу немедля предать Лю Чжу справедливому наказанию по закону».— «Поручаю вам самому определить наказание,— ответила вдовствующая императрица.— Однако полагаю, что даже уничтожения вместе с виновным его семьи недостаточно, чтобы отплатить за вашу обиду».— ‖«Лю Чжу вырезал всю мою семью,— 198
сказал Го Вэй,— уничтожь и я его семью, вражда возобновится, и так может быть без конца. Прошу предать Лю Чжу казни и голову его на шесте выставить на базарной площади, к семье и родным наказания истреблением рода прошу не применять». Все, кто слышал эти слова, признали, что Го Вэй преисполнен доброты и справедливости. Труп Лю Чжу кинули на базарной площади. Разгневанные солдаты отрезали от трупа куски и кормили собак.

Не прошло и двух дней, как из ряда областей Хэбэя поступили

срочные донесения с просьбой о помощи: сообщалось, что кидани перешли границу, уничтожили Нэйцю и захватили Жаоян. Императрица-мать немедленно выслала навстречу врагу войско под командованием Го Вэя и назначила Фань Чжи *шумифуши*.

А теперь расскажем о том, что Лю Юнь, получив манифест императрицы-матери, поручил левому *яя* Гун Тинмэю и *цзяоляньши* Ян Вэню управлять Сюйчжоу, а сам вместе с Фэн Дао и другими направился в Вяньлян. В пути свита несла знаки императорского достоинства, как это положено по церемониалу, приближенные возглашали здравицы государю. Когда Го Вэй прибыл в Хуачжоу, он задержался там на несколько дней, и Лю Юнь направил к нему посла с выражением благодарности за службу. Во время церемонии приема императорского повеления военачальники, переглянувшись, не отвесили положенного поклона. «Когда брали столицу, мы разрушили город и несколько дней грабили его,— беседуя друг с другом, говорили они.— Сейчас на престол снова возводят императора из дома Лю. Если с нас станут взыскивать за вину, будет уничтожено все войско, потомков после нас, участников этого похода, не останется. Где же выход? Пожалуй, лучше загодя позаботиться о себе! Нечего ждать, пока грянет беда, раскаяние тогда не поможет!»

Войско Го Вэя [по пути] остановилось в Шаньчжоу. Когда Го Вэй собрался выступить из города, солдаты и военачальники пали ниц перед его конем и не хотели подниматься. «Встаньте! — приказал Го Вэй.— Есть что сказать, говорите, зачем же преграждать путь коню?» Тут все зашумели и заговорили разом: «В Китае сейчас нет государя. *Шичжун*, мы были с вами в походах и сражениях и добились заслуг, так кто же будет заботиться о нас? В кровавых сражениях, например в Хэчжуне, мы до конца стояли с вами, ничуть не жалея своих жизней. Сыном Неба вы должны стать, *шичжун*. Если возведут господина Лю, все мы, военачальники и воины, окажемся его врагами, потому что мы брали и разоряли столицу; господин Лю не должен быть на престоле! Если же это произойдет, нам останется только восстать! Сможете ли вы, *шичжун*, тогда сами защитить свое богатство и знатное положение?» Они быстро разорвали желтое знамя, находившееся перед конем Го Вэя, накинули кусок желтой ткани ему на плечи, на руках подняли его, усадили на коня и прокричали здравицы. В тот же день войско двинулось на юг, спеша вернуться обратно в Бяньлян.

Го Вэй направил вдовствующей императрице послание: он просил позволить ему почитать храм предков дома Хань и служить вдовствующей императрице как матери. Чтобы успокоить жителей Бяньляна, Го Вэй обратился к ним с письмом, выразив при этом надежду, что, несмотря на приближение войска, все население города, как и прежде, будет сохранять спокойствие
199 и порядок и не станет тревожиться||понапрасну. Когда войско

подошло к Цилидянь, Доу Чжэньгу объявил сановникам: «В Цилидянь прибыл новый государь». Сановники в сопровождении подчиненных отправились за город, чтобы встретить [государя] и приветствовать его. Прибыв в Цилидянь, Доу Чжэньгу и другие подали Го Вэю письмо, убеждая его вступить на императорский престол.

Тем временем Лю Юнь был уже в Сунчжоу. Ван Цзюнь и Ван Инь, услыхав о мятеже войска в Шаньчжоу, послали Го Чунвэя с семью сотнями конников в Сунчжоу, чтобы задержать Лю Юня, не допустить его ко двору. Когда Го Чунвэй прибыл к стенам Сунчжоу, Лю Юнь, увидев его с конным отрядом, заподозрил неладное. Он закрыл городские ворота и поднялся на башню: «Что скажете вы мне, явившись сюда с солдатами?» — спросил он. «В Шаньчжоу восстало войско, — ответил Го Чунвэй, — и *шичжун* Го прислал меня сюда охранять вас, великий ван, только и всего». Лю Юнь пригласил Го Чунвэя подняться в башню. Взяв его за руки, он заплакал: «К несчастью, в государстве много смуты! Покойный император поверил наветам и толкнул храм предков к гибели. А теперь еще и вот что произошло, как же это так?» — «*Шичжун* Го не изменил наказам императора Гао-цзу, — сказал Го Чунвэй, — ручаюсь, что он ничего не замышляет, прошу вас, великий ван, будьте спокойны». Но в это время *чжихуэйши* конной гвардии Чжан Линчао и *паньгуань* из Сюйчжоу Дун И, оба состоявшие в охране Лю Юня, тайно сообщили ему: «Наблюдая, как действует Го Чунвэй, можно понять, что у него злые намерения. На дороге все говорят, что Го-*шичжун* уже назвался самым высоким титулом. Ваше величество, вы так углубились, что не знаешь, как и вернуться обратно, а ведь до беды недалеко! Сейчас необходимо действовать так: призвать Чжан Линчао, повелением разъяснить, в чем беда и где спасение, и приказать ему ночью с солдатами перебить конников Го Чунвэя; [затем] нужно забрать золото и шелка в Суйяне, объявить о наборе добровольцев и двинуться на север — надо уходить в Цзиньян[14]. Противник недавно утвердился в столице, с делами и людьми при дворе еще не налажено, ему не до того, чтобы двинуть вслед нам войска. Когда же он кинется за нами, наше гнездо уже будет свито прочно. Ваше величество, вам следует заранее все продумать!» Но Лю Юнь ответил: «*Шичжун* Го всем сердцем предан государству. Разве посмеет он повернуться ко мне спиной? Неужели он сможет отплатить неблагодарностью за милости Гао-цзу?» Он колебался, не зная, как быть — оставаться или уходить.

А Го Чунвэй вечером тайно уговорил Чжан Линчао перейти на сторону двора, и на рассвете тот привел свой отряд в лагерь Го Чунвэя. Лю Юнь совсем растерялся, а тут еще Го Вэй прислал гонца с приказом Фэн Дао вернуться ко двору. Когда Фэн Дао пришел перед отъездом проститься, Лю Юнь со слезами сказал ему: «Основанием для моего прибытия сюда послужила ваша вер-

ная тридцатилетняя служба министра, господин *тайши*, поэтому сомнений не было. Какие наставления я, несчастный, могу получить от вас, господин *тайши*, сейчас, когда события приняли такой угрожающий характер?» Но Фэн Дао промолчал, ему не-
200 чего было сказать. *Кэцзян* Цзя Чжэнь||несколько раз указал Лю Юню глазами на Фэн Дао, надеясь получить разрешение убить его. Но Лю Юнь сказал Цзя Чжэню: «Не действуй наспех, к этим событиям господин Фэн не имеет отношения, зачем же зря подозревать его?» Как только Фэн Дао уехал, Го Чунвэй переселил Лю Юня из занимаемых им палат на окраину, а Дун И, Цзя Чжэня и еще нескольких преданных ему людей тайно убил. Не прошло и двух дней, как императорский двор направил сановника Хуан Сяньчжи послом к Лю Юню, чтобы вручить манифест императрицы-матери, гласивший, что Лю Юнь низложен, ему дается титул Сянъинь-гуна, а *шичжуну* Го как регенту поручается управление страной. Ма До с войском вошел в Сюйчжоу — Лю Синь в страхе принял яд. В столице сановники, а на окраинах командующие военными округами [непрерывно подавали доклады, убеждая] [15] Го Вэя принять императорский титул, но он отказывался. В лагере войск Го Вэя один из командиров пеших войск, Чжан Цзин, напившись, во всеуслышание заявил: «Недавно в Шаньчжоу конница возводила государя, а теперь пешее войско собирается возвести!» Го Вэй отдал приказ казнить Чжан Цзина и объявить об этом [всем в назидание].

Первый месяц первого года правления Гуан-шунь (951 г.) [16] династии Чжоу. Ханьская вдовствующая императрица издала манифест о вручении регенту Го Вэю государственной печати. Сразу же в южном предместье соорудили большой алтарь. Алтарь состоял из трех ярусов, которые символизировали небо, землю и человека; каждый ярус имел двенадцать ступеней — соответственно двенадцати месяцам года, а по бокам алтаря были установлены двадцать четыре больших знамени — соответственно двадцати четырем сельскохозяйственным сезонам. Сановники явились в дом регента Го и, поддерживая его, препроводили на алтарь. На Го Вэе был оранжевый халат, поверх него — парадное облачение, на голове шапка с двенадцатью подвесками. Го Вэй известил духов Неба и Земли, что почтительно принимает повеление Неба, и стал императором. Сановники трижды прошли церемониальным шагом, возглашая: «Десять тысяч лет императору! Десять тысяч по десять тысяч лет!» Государство получило название Чжоу.

Манифест гласил: «Мы — далекий потомок дома Чжоу, потомок Го Шу [17], [посему] государство получает название Чжоу. Годы правления переименовываются, утверждается первый год Гуан-шунь. В Поднебесной объявляется амнистия. Чиновникам, ведающим приемом зерна в хранилищах, запрещается брать лишнее и обвешивать. Практиковавшееся доныне взимание дополни-

тельного, сверх установленного по норме, налога, так называемое подношение, полностью отменяется. Преступники, обвиненные в грабежах и изнасиловании, судятся по законам, действовавшим до первого года Цянь-фу династии Цзинь. Все преступники, за исключением изменников родины, отныне не предаются казни вместе с семьей, их имущество не конфискуется. Для охраны могил танских государей Чжуан-цзуна и Мин-цзуна, а также цзиньского государя Гао-цзу устанавливается по десять служителей на могилу. При могиле ханьского Гао-цзу чиновные лица, евнухи, служители, жертвоприношения остаются прежними».

‖Амнистия была объявлена и проведена по всей Поднебесной. 201

Чжоуский Тай-цзу, *т. е. Го Вэй*, вспомнил, что у Ши Хунчжао не осталось потомков. Тогда он призвал во дворец Ли Чунцзюя, доверенного делопроизводителя Ши Хунчжао, и расспросил его о родственниках покойного. «Ши Хунфу, младший брат Ши Хунчжао, здравствует поныне,— доложил Ли Чунцзюй.— Что касается имущества, так я издавна вел счетные книги и знаю, сколько чего есть». За Ши Хунфу послали нарочного. Все богатство, оставшееся после Ши Хунчжао, государь передал Ши Хунфу и повелел зачислить его на службу к царевичу Го Жуну. Вдовствующую императрицу госпожу Ли он попросил переехать в Западный дворец и пожаловал ей почетный титул *Чжаошэн хуантайхоу* — «Славная мудростью вдовствующая императрица». Когда все было поставлено на свои места, ханьский престол оказался в руках чжоуского Тай-цзу — Го Вэя. Впоследствии люди скандировали вот какие стихи:

Припомним, правителя как выбирали
в старое время в Шаньчжоу:
Обманут был тогда дурачок
вкупе с женщиной вдовой.
Едва успела династия Чжоу
проправить девять годков —
И вот вдовица и сирота
обмануты были снова.

А теперь расскажем вот о чем: североханьский Лю Минь, *раньше его звали Чун*, приходился младшим по матери братом ханьскому Гао-цзу. Прежде он был правителем Тайюаньфу и наместником Северной столицы. Чжоуский Тай-цзу, *т. е. Го Вэй*, очень отличившийся при подавлении мятежей Ли Шоучжэня, Ван Цзинчуна и Чжао Сываня, рассорился с Лю Минем. Когда стало известно об убийстве Инь-ди, Лю Минь тут же решил вести войско на дворец. Но чжоуский Тай-цзу, возвратившись из Хэчжуна ко двору, сделал вид, что выдвигает в наследники ханьского престола Лю Юня, сына Лю Миня. «Мой сын станет императором!» — обрадовался Лю Минь. Он отменил поход и отправил *паньгуаня* Чжэн Гуна послом в столицу. Чжоуский Тай-цзу принял Чжэн Гуна и объяснил ему, почему на престол возводят

Лю Юня. Показав затем на свою шею, он добавил: «Если бы Го Воробей собирался стать императором, он давно бы стал им. Передайте командующему Лю, был ли когда-нибудь император с шеей, разрисованной татуировкой? Буду счастлив, если ваш господин перестанет сомневаться во мне». Обласканный добрым приемом, Чжэн Гун уехал обратно. Лю Минь, выслушав рассказ возвратившегося Чжэн Гуна, очень обрадовался: «Я знал, что господин Го человек верный и преданный, что он никогда не проявит неблагодарности к Гао-цзу». Помощник правителя Тайюани Ли Сян сказал Лю Миню: «Господин Го преступает порядок, потому что сам хочет захватить власть. Вам следовало бы немедля вывести свое войско за горы Тайхан и закрепиться у переправы Мэнцзинь. Дождетесь, когда правитель Сюйчжоу вступит на трон, и после этого вернетесь к себе обратно, вот тогда
202 господин Го не посмеет действовать.‖Если не принять мер, как бы нас не предали!» Лю Минь возмутился: «Ли Сян выжил из ума, он сеет рознь между мной и сыном». Он приказал страже увести Ли Сяна и казнить. Ли Сян громко воскликнул: «Свой талант в управлении я растратил на советы невежде! Смерть приму без сожаления, но дома у меня старая жена, хочу умереть вместе с нею». Лю Минь казнил его вместе с женой. Но вот пришло известие, что Лю Юнь низложен и объявлен Сянъиньгуном. Лю Минь тогда снова отправил посла — он просил разрешить Сянъинь-гуну вернуться в Цзиньян. Государь Чжоу ответил: «Поскольку Сянъинь-гун находится в Сунчжоу, к нему сейчас отправлен посол, чтобы встретить его и препроводить куда назначено. Пусть уважаемый господин не тревожится!» Но не прошло и десяти дней, как чжоуский государь послал в Сунчжоу человека, и Сянъинь-гун Лю Юнь был убит.

Как только до Лю Миня дошла весть, что Сянъинь-гуна уже нет в живых, он вступил в Цзиньяне на престол; государство получило название Северной Хань[18], девиз правления остался Цянь-ю. Во владение входили двенадцать округов, это были: Бинчжоу, Фэньчжоу, Синьчжоу, Дайчжоу, Ланьчжоу, Сяньчжоу, Лунчжоу, Вэйчжоу, Циньчжоу, Ляочжоу, Шичжоу и Линьчжоу. Став императором, Лю Минь назначил Чжэн Гуна и Чжао Хуа *тунпинчжанши*, своего второго сына Лю Чэнцзюня он сделал *шивэйциньцзюнь дучжихуэйши*, а *фуши* Ли Цуньшэня[19] — *фанъюйши* в Дайчжоу.

Когда все, что полагалось, было сделано, Чжэн Гун во главе придворных принес государю поздравления и возгласил «десять тысяч лет». Лю Минь сказал: «Понимая, что дело императора Гао-цзу в один прекрасный день погибнет, мы только в силу необходимости приняли высокий титул. Ну какой я Сын Неба, какие вы все гражданские и военные сановники!» Чжэн Гун предложил основать императорский храм предков, но Лю Минь ответил: «Храма не надо, достаточно церемоний жертвоприноше-

ний, положенных членам семьи». Первому министру назначили ежемесячное содержание всего в сотню связок, командующим военными округами — двадцать связок, а остальным и вовсе ничтожное жалованье [20] — императорский двор был очень скромным. Получив сообщение об убийстве Сянъинь-гуна, государь Северной Хань [21], громко рыдая, воскликнул: «Я не принял совета верного сановника, и вот к чему это привело!» Он воздвиг в честь Ли Сяна алтарь и ежегодно совершал жертвоприношения.

Теперь расскажем о том, что, когда чжоуский Тай-цзу, начав приводить в порядок дела правления нового двора, узнал, что в Северной Хань [22] объявился император, он и не подумал о карательном походе. Как-то он обратился к Ван Цзюню: «Мы вышли из низов и бедности, трудности и опасности стали для нас привычными, но вот случился во время траура беспорядок, и в один прекрасный день мы стали императором, так достойно ли теперь богато кормиться в ущерб мелкому люду?» И последовал указ, запрещавший всем районам страны подносить двору изысканные яства||и дорогие продукты. Еще был издан указ, в котором госу- 203
дарь просил советов: всем, кто имел, что изложить на благо народу, следовало представить в запечатанном виде доклады на высочайшее имя. Указ гласил: «Мы, проведя жизнь в походах, к учению так и не приступили, поэтому путей управления Поднебесной не постигли. Всем военным и гражданским чиновникам, знающим толк в том, что такое польза страны и благо народа, представить опечатанные доклады для нашего сведения».

Второй месяц. Чжоуский государь приказал дворцовой страже разбить секирами собранную в зале всю драгоценную посуду и утварь ханьских дворцов. «Зачем все эти вещи императору?» — сказал он сановникам.— Известно, что ханьский Инь-ди изо дня в день развлекался во дворце со своими любимцами, не выпуская из рук эти драгоценные безделушки. Такое поведение недальновидно и подлежит запрету, разве можно подражать ему!» Приближенным он объявил: «Впредь вносить во дворец какие-либо безделушки и диковины не разрешается».

Государь назначил Го Жуна командующим в Чжэньнин и хотел выбрать из ученых, состоявших при дворе, в помощники ему людей, обладающих нравственными достоинствами и честной репутацией: ближайшие сановники порекомендовали Ван Миня, Цуй Суна и Ван Пу. Тогда чжоуский Тай-цзу назначил Ван Миня и Цуй Суна *паньгуанями*, а Ван Пу — *чжаншуцзи*.

А теперь расскажем о том, что ранее, когда государь киданей напал на Нэйцю, он потерял очень много убитыми и ранеными; а тут еще произошло затмение луны, и в войске киданей несколько раз подряд появлялись привидения. Киданьский государь испугался и отправил посла в Хань просить мира. Но в это время случился мятеж, вызванный смертью государя Хань, и Лю Цы доставил киданьского посла в Далян. Чжоуский Тай-цзу послал

к киданям с ответным посольством военачальника Чжу Сяня и объяснил причины перемен, происшедших в государстве. Немного спустя кидани снова отправили посла в Чжоу, чтобы поздравить нового государя с вступлением на престол. Чжоуский Тай-цзу ласково принял посла и наградил его. Но как только киданьский государь узнал, что североханьский Лю Минь объявил себя императором, он послал *чжаотаоши* Пань Юйняня с письмом к Лю Чэнцзюню.

В ответ государь Северной Хань Лю Минь направил к киданям с письмом Лю Чэнцзюня. В письме говорилось: «Династия наша гибнет, хотим, следуя примеру цзиньского Ши Цзинтана, просить помощи Северного двора, дабы возродить правление династии Хань». Киданьский государь отнесся к письму очень благосклонно, и Лю Минь снова отправил к киданям посла — Се Яньгуана — просить военной поддержки. Тогда киданьский государь через своего посла передал государю Северной Хань Лю Миню следующее: «Тянь Минь, прибывший к нам послом от государя Чжоу, предлагает сто тысяч связок монет ежегодно».

Государь Северной Хань направил к киданям ответное посольство во главе с Чжэн Гуном и сделал киданьскому государю щедрые подношения: по тысяче *лянов* золота и серебра и тысячу кусков шелка; в письме он назвался «племянником» и просил совершить церемонию признания его титула. Киданьский государь
204 ||направил ко двору Северной Хань Пань Юйняня — вручить грамоту о признании Лю Миня императором Северной Хань. В это же самое время послом от чжоуского Тай-цзу к киданям прибыл военачальник Яо Ханьин. Киданьский государь, решившись на союз с Северной Хань, задержал Яо Ханьина и не позволил ему вернуться на родину.

В том же году. Государь Северной Хань Лю Минь собрался начать карательный поход против Чжоу, и государь киданей, которого звали Уюй, пообещал привести свои войска, чтобы действовать совместно. Уюй собрал на совет *цючжанов* всех племен, но ни один из них, безрезультатно провоевавших несколько лет подряд, не обрадовался походу на юг. «Я уже дал свое согласие государю Хань»,— объявил тогда Уюй и заставил племена выступить в путь. Когда отряды подошли к Синьчжоу, Янь-ван Шуя поднял мятеж, убил Уюя и провозгласил себя императором. Узнав, что Шуя захватил престол, Ци-ван Шулюй скрылся в горах на юге. Все племена просили Ци-вана Шулюя выступить в поход против Шуя, и Шуя был убит; на императорский престол был возведен Ци-ван Шулюй, годы правления получили новое название — Ин-ли. И государь Северной Хань, обещав служить Шулюю как дяде, попросил теперь у него войск для борьбы с Чжоу.

А ведь когда Шулюй был молод, он только развлекался: ночи напролет пьянствовал, на рассвете ложился спать и лишь в середине дня вставал — люди прозвали его «Спящий князь».

Десятый месяц. Спящий князь направил Сяо Юйцзюе с пятидесятитысячным войском си и киданей в совместный с Северной Хань поход против Чжоу. Государь Северной Хань Лю Минь возглавил свое двадцатитысячное войско и, объединившись с киданями, напал на Цзиньчжоу. С трех сторон они построили укрепления и принялись атаковать город днем и ночью. Рассредоточив воинов по хорошо укрепленным стенам, чжоуский *сюньцзяньши* Ван Ваньгань с *чжухуэйши* Ши Яньчао и Хэ Хуэем стойко защищались.

Одиннадцатый месяц. Чжоуский Тай-цзу послал Ван Цзюня с войском на помощь Цзиньчжоу. Указ гласил, что все военачальники переходят в подчинение Ван Цзюня, что он получает полномочия вести дела по своему усмотрению и осуществлять перемещения по службе среди военачальников и чиновников канцелярии, не испрашивая на то непременного разрешения двора.

Двенадцатый месяц. Войско, предводительствуемое Ван Цзюнем, дойдя до Шаньчжоу, в течение десяти дней оставалось на месте. Получив известие, что войско Северной Хань весьма упорно атакует Цзиньчжоу, государь Чжоу послал гонца в Шаньчжоу — он хотел узнать, что скажет Ван Цзюнь, если он лично выступит к Цзэчжоу, чтобы, соединившись с Ван Цзюнем, поддержать Цзиньчжоу. Был издан указ, возвещавший, что через три дня государь выступает из Даляна. Выслушав повеление, Ван Цзюнь отправил тотчас же к чжоускому Тай-цзу посыльного со словами: «Стены Цзиньчжоу крепки, валы надежны, войска двух государств штурмуют их, но сокрушить не могут. Как ни хороши, как ни воинственны отряды Лю Чуна, но они не могут [долго] драться так ожесточенно, нужно измотать неприятеля, пусть он обессилеет. Вы, ваше величество, совсем недавно вступили на престол, рассчитывать на полную преданность пограничных военных округов нельзя, поэтому трогаться с места так просто не следует. Стоит вам выйти за реку Сышуй, как Мужун Яньчао воспользуется этим, двинет свои силы на Бяньлян и войдет в город, тогда великое дело погибнет!»

||Выслушав посла, который передал эти слова Ван Цзюня, 205
чжоуский Тай-цзу словно очнулся, он подергал себя за уши и воскликнул: «Эх, чуть ведь не испортил все дело!» В тот же день был издан указ об отмене похода.

Когда Ван Цзюнь двинулся с войсками к Цзиньчжоу, ему было известно, что южнее Цзиньчжоу находится Мэнкэн, место очень опасное и неприступное. Перед походом он в душе опасался, что именно там могут закрепиться войска Северной Хань, а тогда пробиться будет трудно. Но вот подошли к Мэнкэну, и Ван Цзюнь увидел, что его передовые части уже прошли. Довольный он воскликнул: «Наша взяла!» Когда главные силы Ван Цзюня подошли к Цзиньчжоу, он [разбил лагерь, дал отдых солдатам, велел] [23] откармливать лошадей, закрылся за стенами —

наступать он не собирался. А в войске североханьского Лю Миня продовольствие было уже на исходе; в киданьских частях уже подумывали о возвращении домой; и как только стало известно, что подошли главные силы Ван Цзюня, войска киданей и Северной Хань с наступлением темноты подожгли лагерь и за ночь ушли. Силы Ван Цзюня вступили в Цзиньчжоу.

Военачальники попросили Ван Цзюня немедля начать преследование отступающих киданей. Ван Цзюнь послал двоих — *чжихуэйши* Яо Юаньфу и Кан Яньчжао — с конными отрядами добивать уходящие части. Воины Северной Хань, пешие и конные, срывались и падали в пропасти — из каждых десяти четверо погибали. Кан Яньчжао дрогнул — он прекратил преследование, и благодаря этому войско Северной Хань смогло переправиться через Реку. Раздраженный Яо Юаньфу сказал Кан Яньчжао: «Лю Чун пал духом, силы его иссякли, он в панике бежит назад. Не воспользуйся мы этим, чтобы добить врага, в будущем беда непременно нагрянет опять». Но все остальные военачальники тоже не пожелали идти вперед. А тут и Ван Цзюнь прислал с гонцом приказ — военные действия прекратить и дальше не углубляться. Яо Юаньфу и все остальные возвратились обратно. Когда войско Северной Хань[24] пришло в Цзиньян, из каждых десяти воинов, каждых десяти коней пяти-шести недосчитывались. Потерпев такую неудачу, государь Северной Хань больше о захватах не помышлял; к тому же земля во всех подвластных ему двенадцати округах истощилась, народ обеднел; внутри — нужно было содержать и заново комплектовать войско, вовне — нужно было выплачивать киданям ежегодную дань; налоги были велики, повинности обременительны, народ потерял опору в жизни, военачальники разложились, люди потеряли веру и понемногу начали бежать в государство Чжоу.

Первый месяц второго года Гуан-шунь (952 г.). Государь Чжоу направил из Кайфэнфу пятьдесят тысяч мужчин для ремонта городских стен и сооружения оборонительных валов в Даляне. Прошло десять дней, работы были полностью закончены.

В это время командующий округом Тайнинцзюнь Мужун Яньчао призвал всех совершеннолетних мужчин в местное ополчение и ввел ополченцев в город, чтобы быть готовым на случай нападения; еще он часто засылал на территорию соседей шайки разбойников, где они, разделившись на группы, занимались разнузданным грабежом. «Раз уж этот разбойник действительно бунтует,— сказал чжоуский Тай-цзу,— я схвачу его без труда». Он повелел *дуюйхоу* Яо Юаньфу взять на себя командование над *дубушу* Цао Ином и *дуцзянем* Сян Сюнем и объединенными силами выступить против Мужун Яньчао. Перед походом чжоуский Тай-цзу обратился к Цао Ину и Сян Сюню: «*Суцзян* Яо Юаньфу — уважаемый и почтенный человек, оказывать ему только военные почести недостаточно». Тогда оба военачальника по-

просили разрешения служить Яо Юаньфу как отцу. Танский правитель послал полководца Янь Цзинцюаня с войском в Сяпэй для поддержки Мужун Яньчао. Яо Юаньфу вывел войско на бой, прямо в строю захватил в плен танского полководца Янь Цзинцюаня, двинулся вперед и подошел к Яньчжоу. Мужун Яньчао рассчитывал только на поддержку танской армии и, узнав, что Янь Цзинцюань попал в плен, понял, что план его полностью провалился. На совет были созваны сановники. *Паньгуань* Цуй Чжоуду подал Мужун Яньчао письмо с увещеванием:

«Чжоуду осмеливается сказать: в просвещенном княжестве Лу, родине „Песен" и „Истории"[25], никто, начиная с Бо Циня[26], не сумел стать истинным главою князей; а соблюдались бы нормы поведения, помнили бы о чувстве долга, государство могло бы существовать вечно. Вы не должны проявлять личной неприязни к государству и царствующему дому, тем более что государь обратился к вам, призывая к почтительности. Если вы прекратите военные приготовления и вернетесь к покорности, будете в безопасности, словно восседаете на горе Тайшань»[27]. Письмо очень рассердило Мужун Яньчао, и он сказал Цуй Чжоуду: «Сейчас пришла пора, когда бьются лбами герои, к чему тут разговоры о „Песнях" и „Истории", о долге и правилах поведения? Ты что, ратуешь за чжоуского Го Вэя?» Мужун Яньчао окончательно решился на мятеж. Но казна была пуста, ни ценностей, ни шелков для награды завербованных солдат и военачальников не было. Тогда, чтобы получить средства на нужды войска, он начал усиленно отбирать все ценное у народа. Людей, казненных по обвинению в укрывательстве своего имущества, было не счесть.

Второй месяц. Чжоуский Тай-цзу приказал отпустить на родину взятого в плен танского полководца Янь Цзинцюаня и велел по возвращении передать правителю Тан следующее: «Мятежный подданный — общее зло всей Поднебесной. Танский государь помогает мятежнику бороться со Срединным государством; не получается ли, так сказать, что он помогает злодею Цзе в его злодеяниях? Неудачный же выбран способ действий!» Выслушав эти слова, танский государь очень устыдился и в тот же день отпустил домой всех пленных чжоуских воинов, щедро одарив их.

Четвертый месяц. Государь Чжоу обратился к Фэн Дао: «Когда Мужун Яньчао поднял мятеж, Цао Ин и другие [военачальники] повели войска, чтобы захватить его. Прошло уже более трех месяцев, а результата нет. Что скажете, если мы выступим в поход сами?» — «Это жалкое ничтожество Мужун Яньчао подобен рыбе, мечущейся в тазу,— ответил Фэн Дао.— Тот, на кого вы, ваше величество, укажете ныне своим божественным копьем, неизбежно окажется в положении яйца, на которое давит Тайшань; выступайте, и он сложит голову». В тот же день был издан указ — сам император выступил в поход.

Когда императорское войско подошло к Яньчжоу, чжоуский

Тай-цзу послал к Мужун Яньчао гонца, чтобы, растолковав, что к чему, призывать мятежника к повиновению. Мужун Яньчао не покорился. Тогда государь приказал военачальникам начать наступление на город со всех сторон. В полном смятении Мужун
207 Яньчао призвал к себе мага: «Недавно ты||говорил мне, что, когда планета Чжэньсин достигнет на своем пути местоположения созвездий Рога и Шеи, т. е. станет над землями Яньчжоу, там должен оказаться счастливый избранник судьбы, и я основал тогда алтарь в честь планеты, совершал моления. Сейчас императорское войско со всех сторон пошло на приступ города, почему же планета Чжэньсин не проявляет свою силу, чтобы помочь мне? Соверши ради меня моление, попроси, чтобы ее чудесное воинство помогло нам; кончится дело успешно, сделаю богатые подношения». Следуя повелению, маг совершил обряд обращения и объявил: «Есть предвестие уверенной победы. Но выходить на бой надо вам, тогда получите помощь божества». Мужун Яньчао поверил. Он повесил на себя лук и стрелы и, пустив коня, смело бросился вперед. Навстречу ему выступили двое — Цао Ин и Сян Сюнь. Схватки следовали одна за другой, но Мужун Яньчао, как ни старался, верха взять не мог. Оглянувшись на свой строй, он увидел, что добрая половина военачальников и воинов разбежалась с поля сражения. И тут, заливаясь слезами, Мужун Яньчао закричал: «Чжэньсин, что же не помогла ты мне своею чудесной силой?» Горестно воскликнув так несколько раз, он повернул коня и поскакал назад. Цао Ин погнался за ним, тогда Мужун Яньчао бросил коня и бегом примчался в город. Обе стороны дали сигналы прекратить бой. Мужун Яньчао собрал свое войско: кто убит, кто сбежал — и трети не осталось. В безудержном гневе он зарубил мага, спалил алтарь, воздвигнутый в честь планеты Чжэньсин, и вместе со всей семьей — от детей до стариков — утопился в колодце. Гарнизон открыл ворота города. Императорские войска начали грабеж. Но после неоднократных поборов Мужун Яньчао у людей ничего ценного уже не осталось, и обозленные солдаты убили тысяч десять горожан. Чжоуский Тай-цзу решил истребить все население города. Тогда *ханьлиньсюэши* Доу И поспешил к Фань Чжи, чтобы поделиться с ним своими мыслями. «Государь недавно овладел Поднебесной,— сказал он,— и только что принял капитуляцию, если он здесь всех поголовно уничтожит, это погубит надежды, которые начинают пробуждаться внутри страны и на окраинах. Почему бы вам, почтенный, не обратиться к государю с увещеванием? Если вы сохраните жизнь всем живым душам в городе, значит, на свете появился живой Будда!» Вместе с Доу И Фань Чжи прибыл в походный дворец и, представ перед Тай-цзу, государем Чжоу, сказал: «Главный и единственный виновник всего — Мужун Яньчао — нашел свою смерть; простой народ Яньчжоу — это малые дети вашего величества, которых в какой-то момент толкнули на злое дело, что тут поделаешь? Вашему

покорному слуге стало известно, что ваше величество намерены истребить жителей города. Полагаю, что если уничтожен главарь, то усмирить тех, кто попал в его сети, можно. Когда-то в старину Гао-цзу осаждал Лучэн; в гневе, что город не сдается, он решил поднять войска [на приступ] и вырезать население города; услыхав, однако, звуки музыки и пения, он понял, что это земля праведников[28] — как Цзоу и Лу,— и на зло не решился. Разве вы, ваше величество, не можете поступить так же, как ханьский Гао-[цзу]?» Чжоуский Тай-цзу расчувствовался и помиловал город.

А речь здесь о том, что в двенадцатом месяце пятого года своего правления ханьский император Гао-цзу, сражаясь насмерть с Сян Юем, окружил его в Гайся. Когда Сян Юй услыхал, что со всех сторон||доносятся песни Чу, он со вздохом сказал: 208
«Я вместе с восемью тысячами молодых воинов из районов восточнее Янцзы переправился через реку на запад, а сейчас у меня не осталось никого! Не сражения здесь виною, это Небо погубило меня!» — и закололся. На земле Чу повсюду наступил мир, один только город Лучэн не сдавался. Хань-ван привел войска и окружил город, он хотел истребить все население Лучэна. Но за стенами города он вдруг услыхал звуки музыки и песнопений. Он понял, что это то место, о котором говорят, что там соблюдают правила поведения и хранят чувство долга и поэтому до конца сохраняют верность государю. Тогда жителям показали голову Сян Юя, и Лучэн сдался. Увещевая государя, Фань Чжи привел эту историю и тем самым сказал, что Яньчжоу подобен Лу и на его жителей надо воздействовать «Песнями» и «Историей», дабы внушить им чувство долга и правила поведения, а применять столь жестокую меру, как поголовное истребление, нельзя. И вот, благодаря тому что два человека, Фань Чжи и Доу И, сказали несколько слов, в живых осталось все население Яньчжоу. И сколько накопилось тайных добрых дел!

Первый день шестого месяца. Чжоуский Тай-цзу прибыл в Цюйфу. Он явился в храм Кун-цзы, взял благовонные палочки и хотел отвесить поклон. Приближенные остановили его: «Кунфуцзы ведь был подданный подданного, так может ли он удостоиться поклона Сына Неба?» Но чжоуский Тай-цзу сказал: «Что это такое вы говорите? Кун-цзы — наставник государей всех времен, так смеет ли тот, кто правит страной, не выразить ему почтения?» — и склонился в поклоне. Еще он посетил могилу Кун-цзы и тоже поклонился ей. Затем государь отдал приказ, запрещающий простому народу собирать хворост в Кунлине. Тай-цзу послал приближенных навестить потомков Кун-цзы и Янь Юаня[29], одному из них он дал должность начальника уезда Цюйфу, другому — должность *чжубу*.

Девятый месяц. Государь Чжоу Тай-цзу отдал правителям пограничных областей приказ: запретить жителям пограничных

районов вторгаться на территорию киданей, грабить, убивать и брать пленных. Когда же кидани напали на Цзичжоу, пограничные власти дали им отпор, и кидани тут же отступили.

Десятый месяц. Подвластные киданям округа Инчжоу, Мочжоу и Ючжоу подверглись сильному наводнению. Число людей, бежавших из затопленных округов в пределы чжоуских застав, превысило четыре тысячи ртов. Чжоуский Тай-цзу указом повелел оказывать беженцам помощь из запасов государственных хранилищ. Подданных Срединного государства, возвратившихся на родину из киданьского плена, тоже насчитывалось тысяч сто.

Пинчжан цзюньгоши Ли Гу из-за болезни рук отказывался от службы. Чжоуский Тай-цзу направил к нему посыльного, и тот, явившись в дом Ли Гу, объявил повеление государя: «Дела, находящиеся в вашем ведении, чрезвычайно важны, нам трудно найти человека, который смог бы заменить вас. Постарайтесь только подняться и приступайте к службе. Если дела будут вестись надлежащим образом, зачем же обязательно соблюдать дворцовый церемониал?» Ли Гу ничего не оставалось, как встать и заняться делами. Но руки у него болели, он не мог держать кисть, и тогда чжоуский Тай-цзу издал указ, которым разрешил Ли Гу ввиду его обременительных обязанностей *саньсыши* использовать вместо подписи именную печать.

С начала правления Пяти династий в обычае было все дела решать силой, правил подачи жалоб не существовало. Тай-цзу установил такие правила: согласно указу каждый, кто имел жало-
209 бу, сначала непременно должен был||обратиться в уезд, затем в округ и так мог дойти до ведомства императорского уполномоченного по надзору за областью. Если решение этих инстанций оказывалось неудовлетворительным, разрешалось обращаться в высшие государственные органы страны. Если проситель сам не мог составить жалобу и для этого нанимал кого-нибудь, в бумаге следовало указать фамилию, имя и место проживания писавшего, чтобы воспрепятствовать злу напраслины и клеветы. Если человек не имел возможности кого-то нанять, ему разрешалось с листом чистой бумаги в руках обращаться с жалобой к чиновнику, чтобы на основании устного заявления писец мог составить прошение.

Жаловаться разрешалось только по делу, непосредственно касающемуся просителя, подавать из сострадания жалобу за другого не разрешалось, виновных в этом ожидало наказание за клевету.

Согласно установленному раньше порядку населению запрещалось торговать буйволиными кожами; все должны были сдавать кожи государству за соответствующее вознаграждение. Во времена танского Мин-цзуна за кожи стали платить солью, а в годы Тянь-фу правления династии Цзинь не давали уже

и соли. При Хань был введен закон о наказании за нарушение запрета: использование хотя бы одного *цуня* кожи каралось смертью; люди в быту не имели права расходовать кожу для собственных нужд. И вот Ли Гу сказал чжоускому Тай-цзу: «Количество буйволиных шкур, взимаемых с населения, следует сократить на две трети. Нужно исходить из того, чтобы с каждых десяти *цинов* земли сдавали всего одну шкуру, остальные можно разрешить продавать, но только не за пределы страны». Предложение провели в жизнь, соблюдены оказались и государственные и частные интересы.

Десятый месяц. Гражданский правитель Цинчжоу Го Яньцинь отличался безмерной алчностью, и, поскольку племя кочевников ецзицзу имело много коней и баранов, он нападал на табуны и захватывал скот, требуя потом за него выкуп. Не вытерпев притеснений и домогательств Го Яньциня, ецзицзу восстали. Когда весть об этом дошла до дворца, Чжэ Цунъюань получил назначение на пост командующего округом Цзиннань и был отправлен на усмирение взбунтовавшегося племени. И на следующий год ецзицзу снова изъявили покорность двору.

Двенадцатый месяц. В двух округах — Чжэнь и Хуа — Река прорвала плотины, и свыше ста тысяч дворов оказались затопленными. Тай-цзу направил в оба округа уполномоченных, чтобы наблюдать за восстановлением заграждений.

[Бывший] командующий военным округом Цзиннань Хоу Чжан явился ко двору и поднес «для покупки угощения» тысячу кусков шелка и пятьсот *лянов* серебра. Чжоуский Тай-цзу подношения не принял. Хоу Чжан сказал: «Представляясь государю, мне больше нечем выказать свое усердие, это ничтожное количество шелка и серебра выражает всего лишь скромное желание быть почтительным. Надеюсь, государь не станет укорять за это?» Тай-цзу соизволил объяснить ему: «Когда командующие являются ко двору представляться государю, император согласно этикету должен давать в их честь пир. Эти траты входят в повседневные государственные расходы, зачем же покупать угощение? Принять подношение — значит уничтожить основу общения государя с подданными!» И он повелел чиновникам в подобных случаях впредь от подданных подношений не брать

Третий год Гуан-шунь (953 г.). Лю Янь подал двору доклад, он просил разрешить перенести [управу] [30] командующего военным округом Упин в Ланчжоу и предоставить право торговать чаем, обязуясь при этом делать двору подношения. Императорский двор просьбу удовлетворил.

А еще расскажем о том, что в прежние времена поля военных поселений находились в районах пограничных укреплений и землю возделывали сами солдаты пограничных гарнизонов. К концу правления династии Тан гарнизонные поля‖появились в местах 210
расквартирования войск уже по всей Срединной равнине, а еще

позднее к обработке гарнизонных земель, к выращиванию на них зерна стали привлекать на добровольных началах крепких, зажиточных хозяев. Финансовая палата учредила для управления этими землями специальную службу, которая не подчинялась ни уездам, ни округам. Если на этих землях оказывались свободные от повинностей рабочие руки и если даже там позволяли укрываться грабителям, окружные и уездные власти не имели права вмешиваться и взыскивать за это.

Когда лянский Тай-цзу Чжу Вэнь напал на Хуайнань, он захватил свыше десяти тысяч голов рогатого скота и целиком раздал его земледельцам, потребовав взамен платить ежегодный налог на скот. Впоследствии скот передох, но налог не отменили, и людям приходилось очень тяжело. Чжоуский Тай-цзу родился и вырос на земле, он хорошо знал об этой беде. Ли Гу внес на рассмотрение двора предложение об упразднении налога на скот и ликвидации службы гарнизонных земель при финансовой палате; население, приписанное к гарнизонным землям, предлагалось передать в ведение округов и уездов. Земля, жилища, скот, сельскохозяйственные орудия — все жаловалось в вечное владение тем, кто трудился на земле. И каждый принялся чинить и крыть свою хижину, сажать и выращивать туты — прибыль от земли возросла в несколько раз.

В том году число дворов по финансовой палате возросло на тридцать с лишним тысяч.

Е Цзайцай предложил: «Среди гарнизонных земель много плодородных участков. Хорошо бы продать их хозяевам, ведь можно было бы выручить тысяч сто связок монет, столь необходимых для нужд государства». Но Тай-цзу сказал: «Заботиться о благе народа все равно что заботиться о благе страны. На что мы используем добытые таким способом деньги? Не будет ли это посягательством на принципы жизни народа? Вы, как говорится, „соблазняете меня выгодой", этим старым средством Цюань Ваньцзи».

А этот самый Цюань Ваньцзи — дело происходило в правление Тай-цзуна [31] — доложил государю, что в районе Яо [32] из недр горы можно добывать серебра больше чем на миллион в год. Тай-цзун с укором сказал ему: «То, чего Сыну Неба не хватает, это добрых планов для улучшения управления страной на благо простого народа. Вы не можете предложить разумного, посоветовать хорошего, а соблазняете выгодой, видно, хотите уподобить меня ханьскому Лин-ди [33] и Вэй-ди [34]?» И он отослал Цюань Ваньцзи на жительство в отдаленное место. Чжоуский Тай-цзу, отвергнув предложение Е Цзайцая, имел в виду то же, что и Тай-цзун.

Некий Е Жэньлу, в прошлом один из ближайших чиновников чжоуского Тай-цзу, став гражданским правителем Лайчжоу, нарушал законы и брал взятки, за что был пожалован смертью.

Тай-цзу отправил к Е Жэньлу посыльного с вином и угощением и велел передать так: «Ты нарушил государственный закон сам, и тут даже я ничем помочь не могу. Но когда умрешь, я позабочусь о твоей матери и всей семье, не беспокойся». Растроганный Е Жэньлу прослезился и принял казнь.

Царевич Го Жун, командующий военным округом Чжэннин, много раз просил разрешения прибыть ко двору. Завидуя доблести царевича, Ван Цзюнь каждый раз чинил ему препятствия. И вот случилось так, что Ван Цзюнь уехал осматривать прорванную на Реке плотину. Он еще не вернулся, а тут Го Жун снова обратился с просьбой, и государь согласился на его приезд.

Когда Го Жун прибыл ко двору, оказалось, что его сопровождает Ма Цюаньи — кавалерийский военачальник из войск Ли Шоучжэня. Тай-цзу пригласил Ма Цюаньи на прием и, указав на него своим приближенным, сказал: «Ма Цюаньи верен тому, кому служит. Когда-то в||Хэчжуне, состоя в войске Ли Шоучжэня, он 211
не раз заставлял меня терпеть неудачи. Вы должны служить так же, как Ма Цюаньи!» — и назначил его *чжихуэйши* дворцовой стражи.

А Ван Цзюнь, получив известие, что царевич Го Жун прибыл ко двору, немедленно вернулся в Далян и подал доклад с просьбой направить его в пограничный военный округ. Государь назначил Ван Цзюня командовать Пинлу. Достигнув преклонного возраста, Ван Цзюнь в делах стал проявлять взбалмошность: однажды он представил доклад с рекомендацией Янь Каня и Чэнь Гуаня на должности министров. «Нельзя в спешке смещать и назначать помощников в управлении,— сказал чжоуский Тай-цзу,— подождем, это надо обдумать. Ведь министром может быть только тот, кто обладает нравственными достоинствами и доброй репутацией. Какими достоинствами и репутацией обладают те двое, которых вы рекомендуете?» Ван Цзюнь дерзко ответил: «Вы стали государем, имея разукрашенную шею и расписанное тело, какими кроме этого обладали вы достоинствами, какой репутацией?» Речь была крайне непочтительна. Когда Ван Цзюнь ушел, чжоуский Тай-цзу послал людей, чтобы заключить его в специальное помещение; призвав к себе Фэн Дао и других, он со слезами сказал: «Ван Цзюнь очень оскорбил нас. Он хочет прогнать всех заслуженных сановников и передать власть в руки вновь назначенным, т. е. хочет подрезать нам крылья. Мы имеем единственного сына, но Ван Цзюнь всеми способами разлучает нас. Так не считаться с государем, да кто же потерпит это?» Государь разжаловал Ван Цзюня, назначив служить *сыма* в Шанчжоу. От обиды и возмущения Ван Цзюнь умер.

Третий месяц. Го Жун получил назначение на пост правителя Кайфэнфу, ему был пожалован титул Цзинь-вана.

Раньше, в годы правления танского государя Мин-цзуна, госу-

дарственному училищу Гоцзыцзянь было приказано сверить и прокомментировать «Девять классических книг», вырезать доски и отпечатать с них книги для продажи. И вот только в нынешнем году[35], когда наступил шестой месяц, работа над досками была завершена. Их представили чжоускому Тай-цзу. Государь распорядился отпечатать книги и передать их в окружные и уездные школы во все области страны. В это же время некий У Чжаои в княжестве Шу тоже отпустил из своих личных средств миллион, чтобы построить школы, вырезать и отпечатать «Девять классических книг» и обучать по ним детей. Вот так, невзирая на трудности смутного времени, не забывали и дело просвещения, понимали, как говорится, в чем основа.

Седьмой месяц. В княжестве Тан стояла сильная засуха. Колодцы и ключи пересохли, реку Хуайшуй можно было перейти вброд. И голодающие двинулись через Хуайшуй, беспрерывные потоки потянулись по дорогам. Округа Хао и Шоу выставили против них солдат. Узнав об этом, чжоуский Тай-цзу заявил сановникам: «Тот народ и мой народ для меня одинаковы» — и послал гонцов объявить высочайшее повеление: тем, кто переправляется через Хуайшуй для закупки риса, препятствий не чинить.

Восьмой месяц. С наступлением осени у чжоуского Тай-цзу в результате простуды начали неметь руки и ноги. Гадатель Люй Цзунъи доложил: «В том, что государя, да пребудет с ним вечное благополучие, внезапно одолела такая болезнь, сказывается приближение созвездия Цзи[36]. Чтобы испросить исцеления, нужно выделить большие средства на жертвоприношение».

Чжоуский Тай-цзу решил совершить южное жертвоприношение: тогда в южном предместье Даляна насыпали круглый холм и возвели на нем алтарь божествам земли и злаков, а к западу от города еще построили храм предков. И, выбрав счастливый день, государь сам совершил обряд жертвоприношения.

Тут случилось так, что Ван Инь, наместник Еду, явился ко двору. У себя в округе Ван Инь, кичась заслугами, делал все,
212 что хотел, он бесчинствовал и самоуправствовал.‖Когда в гарнизонах Хэбэя случались события, требовавшие решения императорского двора, он действовал самовольно, не испрашивая согласия двора; кроме того, он постоянно обирал народ для личного обогащения. Чжоуский Тай-цзу в душе ненавидел Ван Иня. Однажды, воспользовавшись прибытием Ван Иня ко двору, государь оставил его служить в столице на посту *нэй-вай сюньцзяня*.

[Как-то], когда государь, превозмогая боль, занимался в дворцовом зале государственными делами, Ван Инь явился осведомиться о его здоровье. Государь приказал страже задержать его и, обвинив в намерении поднять в день жертвоприношения мятеж, велел отправить в Далисы для вынесения смертного приговора.

Чиновники доложили, что в первый день десятого месяца надлежит совершить жертвоприношение в храме предков. Чжоуский Тай-цзу, страдая от боли, прибыл в храм для совершения церемонии. Уже у первого зала государь не смог преклонить колени, и он покинул храм, приказав Цзинь-вану Жуну закончить церемонию.

В этот вечер государь остался ночевать в южном предместье. Болезнь резко обострилась, государь был почти безнадежен, и лишь к середине ночи ему стало легче.

Первый день первого месяца первого года Сянь-дэ (954 г.) [37]. Государю Чжоу полагалось совершить жертвоприношение на круглом холме, но он послал вместо себя Цзинь-вана Жуна, чтобы поклониться и провести церемонию, сам он был в состоянии взирать на обряд только снизу — и все. Когда церемония жертвоприношения была завершена, сановники принесли государю поздравления. Чжоуский Тай-цзу назначил Цзинь-вана Жуна *пань нэй-вай бин-ма ши.*

Со времени болезни чжоуского Тай-цзу чиновники редко допускались на прием к государю, внутри страны и на окраинах — все пребывали в страхе; но вот стало известно, что военная власть в руках Цзинь-вана, сердца людей немного успокоились.

В войске роптали, считая недостаточным награждение по случаю жертвоприношения. Чжоуский Тай-цзу призвал в свою опочивальню военачальников и стал выговаривать им: «Вступив на престол, мы продолжали носить грубую одежду и есть простую пищу. Единственной нашей заботой было содержание войска, разве вы этого не знаете? Так почему же сейчас вы попустительствуете недовольству и клевете каких-то злодеев! Только и знаете роптать на государя да требовать с него! Ведь не думают, какие имеют заслуги, а смеют так беззастенчиво своевольничать, боюсь, что это добром не кончится!» Перепуганные военачальники принесли извинения и положили конец болтовне, убрав одного-двух недовольных.

Прежде, в те дни, когда чжоуский Тай-цзу находился в Еду, он, постоянно отмечая способности мелкого чиновника Цао Ханя, решил, что тот заслуживает более высокого поста. И вот, став императором, он направил Цао Ханя на службу к Цзинь-вану Жуну. Когда Го Жун командовал в Шаньчжоу, Цао Хань стал у него *яцзяном.* А когда Го Жун стал правителем Кайфэнфу, Цао Хань запросто обратился к нему. «Великий ван,— сказал он,— вы — наследник престола, и сейчас, когда государь болен, вам надлежит быть при нем и, как говорится, самому пробовать лекарства. Как вы допускаете, чтобы все дела находились в чужих руках?»

Цзинь-ван Жун понял, что Цао Хань прав, и в тот же день появился во внутренних покоях дворца.

Состояние здоровья чжоуского Тай-цзу ухудшилось. Он распорядился, чтобы по незначительным делам ведомства докладов не представляли, а в случае серьезных обстоятельств обращались бы к Цзинь-вану и руководствовались бы только принятыми им решениями.

Чжоуский Тай-цзу позвал к себе Цзинь-вана Жуна и сказал
213 ему: «В давние времена моего||похода на запад я видел восемнадцать могил танских императоров, разрытых людьми только потому, что там хранилось много золота и драгоценностей. Когда я умру, одень меня в бумажную одежду [38] и положи в глиняный гроб; изнутри могилу не надо выкладывать каменными плитами, пусть камень заменят кирпичом. Для всех работ найми мастеровых людей за денежное вознаграждение, мелкий люд повинностями не обременяй. После похорон освободи тридцать семей, проживающих вблизи кургана, от трудовых повинностей — пусть охраняют и содержат его в порядке. Не надо сооружать подземный дворец и при нем содержать евнухов-служителей, не надо высекать из камня фигуры баранов, тигров, лошадей, людей и прочее — со всеми этими пустыми формальностями следует решительно покончить. Установи только каменную плиту, на ней должно быть высечено следующее: „Чжоуский Сын Неба, почитая всю свою жизнь простоту и бережливость, перед смертью завещал похоронить его в бумажной одежде и в глиняном гробу, наследник Сына Неба ослушаться не смеет". Плиту установи перед курганом. На этом я и закончу свое обращение к тебе. Быть государем Поднебесной — дело нелегкое, помни об этом!» — проговорил он и скончался.

У гроба покойного государя Цзинь-ван Жун вступил на императорский престол. Но, приступив к управлению страной, Ши-цзун, а *Ши-цзун это Цзинь-ван Жун,* по всем важнейшим военным и государственным делам советовался с вдовствующей императрицей госпожой Чай и только после этого принимал решения.

А теперь расскажем о том, что государь Северной Хань Лю Минь, узнав о смерти чжоуского Тай-цзу, на радостях устроил в своем дворце пир. К киданьскому государю он отправил посла с богатыми дарами — золотом и шелками — и попросил помочь ему войском в походе на Чжоу. Киданьский государь послал тысяч десять конницы во главе с *чжэншилином* Ян Гунем к Цзиньяну на соединение с силами Северной Хань. Сам государь Северной Хань выступил с тридцатитысячным войском; Бай Цунхуэй был назначен *дубушу*, Чжан Юаньхуэй — *чжихуэйши* передового отряда. Объединившись с киданями, он устремился на Лучжоу. Командующий Лучжоу Ли Юнь, *собственно Ли Жун, но из-за табу на имя Ши-цзуна он изменил имя на Юнь*, выслал навстречу врагу войско во главе с полководцем Му Линцзюнем. Му Линцзюнь разбил лагерь восточнее уезда Шандан. Оба войска заняли позицию на таком расстоянии, что ни стрела, ни ядро из катапульты

не достанут. И вот один военачальник выехал из строя — то был Чжан Юаньхуэй. Он начал бой с чжоуским полководцем Му Линцзюнем. Схватившись раз тридцать, Чжан Юаньхуэй притворился побежденным и стал уходить на север. Не подозревая, что Чжан Юаньхуэй устроил засаду, Му Линцзюнь что было силы погнался за ним; тут со всех сторон на него ударили из засады мятежники, и Му Линцзюнь был убит. Ли Юнь верхом один примчался обратно в Шандан; он собрал остатки своего разгромленного войска и укрылся за стенами города. Государю был подан доклад, гласивший:

||«Покорный слуга Ли Юнь, командующий военным округом 214
Чжаои, наипочтительнейше отбивая сотню земных поклонов, подает доклад его величеству императору. Покорный слуга с почтением сообщает: в то время как несчастье постигло нашу династию — опочил Славный доблестью и совершенный мудростью император Тай-цзу,— североханьский разбойник и смутьян Лю Минь почел для себя благом наше горе и пошел на нас войной во время траура. Соединившись с киданями, он вторгся в страну и стал угрожать Лучжоу. Навстречу врагу ваш покорный слуга выслал *буцзяна* Му Линцзюня, который разбил лагерь в Шандане. Полководец разбойников Чжан Юаньхуэй, притворившись побежденным, заманил Му Линцзюня и убил его, мы потерпели поражение, потому что ваш покорный слуга не сумел распознать хитрости, то есть сам оказался виноват в гибели войска. Почтительнейше представляю доклад, дабы известить о происшедшем. Пока ваш покорный слуга укрылся за городскими стенами и защищается; жизнь отдаст, но город не оставит. Однако в интересах спасения Лучжоу умоляю Небесного государя повелеть военачальникам выступить с войсками, чтобы добиться полной и окончательной победы над врагом. Ваш покорный слуга, виновный в гибели войска, умоляет предать его суду для определения меры наказания, а пока пребывает в ожидании топора палача. Пренебрегая смертью, довожу обо всем до вашего сведения и, пав ниц, ожидаю высочайшего указа.

В...день второго месяца первого года Сянь-дэ *чжунфэн дафу*. командующий военным округом Чжаои, покорный слуга Ли Юнь, отбивая сотню земных поклонов, представил».

Второй день третьего месяца. Ши-цзун, получив доклад, очень разгневался и решил сам выступить в поход против Северной Хань.

Сановники при дворе говорили ему: «После недавнего поражения в Пинъяне и бегства силы Лю Чуна подорваны, дух подавлен, он никак не посмеет явиться с войском сам. Ваше величество. вы ведь на престоле совсем недавно, такое важное дело, как возведение покойному императору усыпальницы, еще не закончено, а сердца людей колеблются легко, нельзя действовать неосмотрительно. Прикажите военачальникам дать отпор врагу, этого вполь-

не достаточно». Но Ши-цзун сказал: «Лю Чун счел для себя благом мою великую утрату. Чтобы унизить нашу молодость и положение нового на престоле императора, этот разбойник, конечно, явится сам, не выступить мы не можем». Фэн Дао настойчиво возражал государю, но Ши-цзун сказал: «В прежние времена, когда танский Тай-цзун владел Поднебесной, всякий раз, как только на него нападали, он шел в поход сам. Если Тай-цзун был столь доблестен и смел, смеем ли мы благодушествовать в стороне и не идти впереди своих воинов?» — «Не уверен,— сказал Фэн Дао,— сумеете ли вы, ваше величество, стать танским Тай-цзуном». Ши-цзун сказал: «У Лю Чуна, владеющего двенадцатью округами земли, сил не хватает, пришлось просить помощи у киданей, чтобы напасть на меня. Обладая военным могуществом моей страны, разбить Лю Чуна все равно что горе раздавить яйцо, что же тут трудного?!» Но Фэн Дао сказал: «Не уверен, сможете ли вы, ваше величество, стать горой». Поскольку Фэн Дао был почтеннейшим сановником прежнего двора, Ши-цзун весьма вежливо отвечал ему. И только Ван Пу уговаривал Ши-цзуна идти в поход.

215 Ши-цзун‖повелел Фэн Дао препроводить в усыпальницу гроб с телом чжоуского Тай-цзу, издал указ о выступлении в поход и в тот же день покинул Бяньлян. Когда войско подошло к Хуайчжоу, Ши-цзун принял решение двигаться вперед двойными переходами.

Чжихуэйши Чжао Чао в частной беседе сказал *тунши шэжэню* Чжэн Хаоцяню: «Разбойник еще очень могуществен, чтобы разбить его, действовать нужно серьезно и обдуманно, а не одной отвагой». Чжэн Хаоцянь передал его слова государю. Ши-цзун возмутился: «Какой негодяй! Ведь он распускает такой слух, чтобы ослабить мое войско. Следует предать его казни всем в назидание!» И приказал страже надеть на Чжао Чао колодки — пусть это будет предостережением солдатам.

Люди сложили стихи, в которых говорилось так:

Из Северной Хань двинул войско Лю Чун,
когда еще траур носили;
Ствол дерева начал точить муравей,
но не рассчитал свои силы.
По первой указке копья государя
воины в бой устремились.
Попрятались крысы и волки сбежали —
обратно в Цзиньян поспешили.

Цзюань 2

В стихах говорится:

За время Пяти династий на троне
двенадцать правителей было;
Ши-цзун среди них отличался отвагой
и истинною добротой.
В ратных делах и приказах военных
никто не сравнился бы с ним;
Закон утвердил и поля уравнял он
не ради славы пустой.
Из дерева вырезал он земледельца
в честь главного из занятий;
На медь переплавил он статуи Будды,
народ облегчая простой.
Когда б ниспослало всевышнее Небо
ему еще несколько лет,
С престола он дал бы Срединной равнине
незыблемый мир и покой.

Речь здесь о том, что Пять династий: Лян, Тан, Цзинь, Хань и Чжоу — просуществовали пятьдесят шесть лет. За это время у власти сменилось двенадцать государей. Кого из них можно назвать мудрым правителем? Прежде ученые люди говорили так: «Из государей Пяти династий первым следует назвать чжоуского Ши-цзуна, после него танского Мин-цзуна, а больше и некого».

А теперь расскажем о том, что едва чжоуский Ши-цзун вступил на престол, как правитель Северной Хань Лю Чун пошел на него походом во время траура. Послушайся Ши-цзун слов Фэн Дао, отступи от своего намерения, он показал бы себя трусом; а вздумай он только защищаться, так дождался бы, что соблазненные посулами Лю Чуна нагрянули бы варвары, и ему пришлось бы расплачиваться, тут уж ничего нельзя было бы поделать.

Но Небо одарило Ши-цзуна умом и доблестью, целеустремленно добивался он порядка в управлении страной, и то воодушевление, с которым он сам пошел в поход, считая это своим первейшим делом, ясно показывает, куда был устремлен его великий замысел. Не разменяваясь на мелочи, он все свои силы отдал его осуществлению.

Из Хуайчжоу Ши-цзун двинулся двойными переходами. Не прошло и месяца, как он подошел к Цзэчжоу и разбил к северо-востоку от него свой лагерь. Лагерь войск Лю Чуна, правителя Северной Хань, находился к югу от Гаопина. На следующий день чжоуский полководец Фань Айнэн атаковал ханьские

позиции. Войско Северной Хань отступило и расположилось в Янчэне.

Опасаясь, как бы государь Северной Хань не сбежал,
218 Ши-цзун‖указом повелел своим войскам в любое время суток преследовать противника, двигаясь двойными переходами. Государь Северной Хань Лю Чун выстроил войско в Багунъюани; Чжан Юаньхуэй расположился, образовав заслон, восточнее Багунъюани, Ян Гунь с пешими и конными киданями занял позицию, прикрывая Багунъюань с запада,— шеренги войск стояли в строжайшем порядке. Ши-цзун, преисполненный отваги и решимости, прошел с войском путь слишком быстро, командующий же Хэяном Лю Цы, двигавшийся в арьергарде, еще не подошел — в душе воинов закралась тревога. Ши-цзун приказал Бай Чжуншану с левым войском занять позицию западнее лагеря, Фань Айнэну и Хэ Хуэю с правым расположиться восточнее лагеря; Сян Сюню и Ши Яньчао с конницей велено было стоять в центре, а Чжан Юндэ с личной стражей должен был находиться при самом императоре. Облачившись в панцирь и шлем, Ши-цзун верхом на коне прибыл на позиции руководить сражением. Государь Северной Хань Лю Чун, увидев, как малочисленно войско Чжоу, и в душе раскаиваясь, что попросил помощи у киданей, похвастался своим военачальникам: «Вот сегодня вы посмотрите, что я не только перебью войско Чжоу, но и заставлю киданина по достоинству оценить меня,— узнает, как я командую солдатами». Ян Гунь верхом выехал посмотреть позиции чжоуского Ши-цзуна и, вернувшись, сказал государю Северной Хань: «А Чжоу ведь противник сильный, не слишком ли беспечно идем мы на бой с ним?» — «Никому ничего не говорите! — в сердцах воскликнул рассерженный государь Северной Хань.— Как бы вы не подорвали боевой дух моего войска. Посмóтрите, я одержу полную победу и захвачу государя Чжоу в отмщение за своего сына». В это время с северо-востока дул сильный ветер, но немного погодя он переменился — стал дуть с юга. *Фушумиши* Ван Яньсы послал *сытяньцзяня* Ли И передать государю Северной Хань: «Вот самое время начинать бой! Воспользуемся сильным ветром, это поможет нам!» Государь Северной Хань целиком положился на его слова. *Шуми чжисюеши* Ван Дэчжун, задержав коня, стал увещевать государя: «Если ветер будет так же силен, каким образом [это поможет] [1] нам? Ли И, который говорит, что можно идти в бой, следует казнить!» Но государь Северной Хань наорал на него: «Я уже принял решение, нечего тебе, старому книгоеду, болтать глупости, а то прикажу казнить в назидание всему войску». Государь Северной Хань выехал из строя и сразу дал сигнал отрядам Чжан Юаньхуэя двинуться вперед. Завязался бой с чжоускими полководцами Фань Айнэном и Хэ Хуэем. Всего несколько раз схватились они, только видят, Фань Айнэн и Хэ Хуэй повернули свои конные отряды и первыми ушли с поля боя. Правый фланг

был разгромлен, оставшиеся в живых — всего около тысячи пеших воинов — поснимали с себя оружие и, как один, сдались войскам Северной Хань.

Когда Ши-цзун увидел, что правое войско обратилось в бегство, ему пришлось вывести в бой свою личную стражу и, пренебрегая ядрами и стрелами, самому вести сражение. В это время сунский Тай-цзу Чжао Куанъинь, командир ночной охраны Ши-цзуна, громко крикнул своему строю: «Государь в страшной опасности! Вот||когда мы должны стоять насмерть!» И, обращаясь к Чжан 219
Юндэ, сказал: «Разбойник держится заносчиво, но мы разобьем его. Под прикрытием возвышенности выходите со своим отрядом на запад — будете левым крылом, я буду правым, зажмем в клещи лагерь противника и атакуем. В этом ударе — судьба страны!» — «Вот это замысел!» — воскликнул Чжан Юндэ, и они с двумя тысячами воинов каждый бросились в бой. Чжао Куанъинь Тай-цзу впереди всех, не думая об опасности, ворвался в первые ряды противника, воины бились изо всех сил — таких, кто бы не дрался за целую сотню, не было. Войско Северной Хань потерпело поражение. *Нэйдяньчжи* Ма Юй[2], на всем скаку натягивая лук, убил подряд человек десять — воины воспряли духом. Ма Цюаньи всего лишь с сотней конников обрушился на ханьский строй. Государь Северной Хань поспешил ввести в бой Чжан Юаньхуэя. Но едва тот выехал из строя, как лошадь перевернулась — он был убит выстрелом Чжао Тай-цзу. Увидев, как могущественно и бесстрашно войско Чжоу, Ян Гунь, обиженный к тому же словами государя Северной Хань о том, что он, Ян Гунь, должен будет «оценить» государя по достоинству, увел все киданьские отряды.

А еще расскажем вот о чем: Фань Айнэн и Хэ Хуэй уходили со своими конниками на юг и грабили обозы; при этом они распустили слух, что прибыли главные силы киданей, что императорские войска разбиты, а все, кто остался жив, перешли на сторону врага. Ши-цзун направил к ним одного из приближенных, пытаясь императорским повелением остановить их, но Фань Айнэн и Хэ Хуэй приказу не подчинились, наоборот, они убили посла.

В пути они столкнулись с Лю Цы, пытались угрозами не пустить его дальше, но Лю Цы не поддался и повел свои отряды вперед на помощь государю.

В это время государь Северной Хань, у которого еще насчитывалось тысяч десять воинов, расположился за горным ручьем, намереваясь использовать его как естественный рубеж. На исходе дня подошли отряды Лю Цы. Вместе с Чжао Тай-цзу и другими он ударил по позициям Северной Хань, противника гнали до самого лагеря Лю Чуна под Гаопином. Трупы убитых покрыли землю, брошенные в пути обозы, оружие, скот, снаряжение и сосчитать было невозможно.

В тот же вечер ночевавший в полевом лагере Ши-цзун приказал казнить всех захваченных в плен чжоуских пеших воинов, ранее сдавшихся в плен ханьцам. Фань Айнэн, Хэ Хуэй и их воины, прослышав про великую победу Чжоу, постепенно вернулись обратно.

На следующий день у Гаопина отдыхали воины, кормились кони. Войско в награду получило угощение. Из воинов Северной Хань, перешедших на сторону Чжоу, около тысячи человек отобрали в отряд «наипокорнейших командованию» и направили служить в гарнизоны, расположенные по реке Хуайхэ; остальных — две с лишним тысячи человек,— пожаловав одеждой и деньгами, отпустили назад в Северную Хань.

Государь Северной Хань всего лишь с сотней конников днем и ночью двойными переходами шел на север. Полный разгром у Гаопина так потряс, так напугал его, что, бывало, приехав куда-нибудь и сев к столу, он не прикасался к еде, а стоило сообщить, что подходят войска Чжоу, как он бросал палочки и в панике бежал [дальше]. Силы старика были на исходе, от усталости он не держался на ногах; ему едва удалось избежать смерти и благополучно добраться до Цзиньяна.

Ши-цзун хотел казнить Фань Айнэна, Хэ Хуэя и тех, кто был с ними, но колебался и решения принять не мог. Днем Ши-цзун лежал в шатре, дежурство в то время нес Чжан Юндэ, поэтому государь поинтересовался его мнением о наказании виновных.
220 Чжан Юндэ сказал: «Фань||Айнэн и остальные ведь никогда не имели больших заслуг, а теперь они опозорили свои бирки и секиры — едва завидев врага, первыми обратились в бегство. Смерти мало за их нерадивость в деле. И еще, ваше величество, вы ведь собираетесь покорить земли в пределах четырех морей, и если не установить военные законы, то, будь у вас и храбрые, как медведи, воины, и миллионное войско, сможете ли вы управлять им?» Швырнув на землю подушку, Ши-цзун решил: «Непременно казню этих разбойников!» Тотчас же страже было приказано арестовать и привести к шатру Фань Айнэна, Хэ Хуэя и семьдесят с лишним их подчиненных. «Вы не сражались не [потому] [3], что не умели, вы хотели, как диковинку, продать нас Лю Чуну!» — с укором сказал Ши-цзун и повелел казнить всех перед войском.

Затем [Ши-цзун] распорядился в простых гробах отправить трупы казненных домой для захоронения. После этого надменные военачальники и нерадивые воины поняли, чего надо бояться, и, хотя приказ императора был объявлен всем недавно, дальше жить в лени и праздности, как прежде, они уже не смели.

Чжан Юндэ сказал Ши-цзуну: «Чжао Куанъинь умом и отвагой превзошел всех, ему следует дать повышение вне очереди. Если бы в битве под Гаопином господин Чжао не отдал приказа

идти вперед, все последовали бы примеру Фаня и Хэ, и тогда, ваше величество, великое дело погибло бы». Восхищенный отвагой Чжао Куанъиня, Ши-цзун отметил его, сделав *дуюйхоу* дворцовой стражи. Кроме него еще человек десять военачальников получили повышение, а некоторые самим ходом событий были поставлены во главе войсковых частей. Чжао Чао был освобожден из тюрьмы.

Теперь расскажем о том, что разбитый наголову государь Северной Хань, трусливо прибежав в Цзиньян, собрал оставшихся воинов, переформировал войско, отремонтировал городские стены и привел в порядок рвы — приготовился к приходу чжоуских войск. Так как Ван Дэчжун был направлен сопровождать возвращающегося на родину *чжэншилина* Ян Гуня, то государь Северной Хань [снова] попросил помощи у киданьского государя. Кидани ответили согласием.

Ши-цзун послал Фу Яньцина и других в поход на север. Ему просто хотелось блеснуть своей силой у стен Цзиньяна, атаковать и брать город он не собирался. Но стоило чжоуским отрядам вступить в пределы Северной Хань, как народ с благодарностью стал одаривать воинов всякой снедью. Люди со слезами жаловались на тяжесть налогов и повинностей, введенных господином Лю, и готовы были предоставить войску все необходимое, чтобы помочь взять Цзиньян. И многие округа и уезды перешли под власть Чжоу. Тут у Ши-цзуна зародилась мысль о захвате. Но военачальники, заявив, что продовольствия не хватает, просили отвести войска. Ши-цзун не согласился. А солдаты тем временем превратились в грабителей, народ Северной Хань потерял последнюю надежду, люди потихоньку начали бежать в горные ущелья, чтобы сообща защищаться. Когда Ши-цзун узнал, почему население разбегается, он немедленно разослал указ с повелением прекратить грабежи, успокоил земледельцев и распорядился на год приостановить взимание текущих налогов. Затем он призвал народ Северной Хань добровольно сдавать зерно, обещая за это назначение на чиновничьи должности. Еще он распорядился, чтобы из близлежащих к уездам районов||на перевозку 221
провианта войскам отрядили мужчин. Ли Гу был послан в Тайюань позаботиться о продовольствии и фураже. Пять округов, подвластных Северной Хань: Сяньчжоу, Ланьчжоу, Шичжоу, Циньчжоу и Синьчжоу, объявили о своей капитуляции и перешли под власть Чжоу.

Пятый месяц. Ши-цзун из Лучжоу устремился к Цзиньяну. Когда он подошел к городу, знамена обвили городские стены кольцом в сорок с лишним *ли*. Ян Гунь и Ван Дэчжун бежали назад к киданям. Киданьский государь, разгневанный бесславным поведением Ян Гуня, заключил его в тюрьму; затем он направил более тысячи конников в районы Синьчжоу и Дайчжоу. Ши-цзун выслал против них Фу Яньцина. Когда Фу Яньцин вошел в

Синьчжоу, кидани отошли оборонять Синькоу, но их конные отряды все время появлялись у стен города. Тогда Фу Яньцин и остальные военачальники выстроили свои отряды в боевой порядок и стали ждать, а когда враги подошли, вступили с ними в бой. Ши Яньчао с двумя десятками конников был впереди. Он разгромил и отбросил двухтысячный отряд киданей, однако в боевом порыве слишком углубился вперед и погиб. Тогда Фу Яньцин увел войска к Цзиньяну.

Чжэ Дэи во главе отряда воинов округа прибыл к Ши-цзуну. И снова учредили военный округ Юнъаньцзюнь, и Ши-цзун назначил туда Чжэ Дэи командующим.

В то время войска штурмовали Цзиньян, но пошли затяжные дожди, солдаты начали болеть, и [государь] приказал увести войска.

Раньше. Возвращаясь от киданей, Ван Дэчжун в дороге был задержан дозорными. Его препроводили в ставку Ши-цзуна. Ши-цзун освободил Ван Дэчжуна из-под стражи и, пожаловав ему пояс и коня, спросил: «Когда же подойдут войска варваров?» — «Я получил приказ сопровождать Ян Гуня,— ответил Ван Дэчжун,— и ничего больше не добивался». Некто сказал Ван Дэчжуну: «Вы говорите неправду, так удастся ли вам сохранить свою жизнь, когда придут кидани?» Ван Дэчжун тяжело вздохнул: «Я ел хлеб господина Лю, моя престарелая мать находится в осажденном городе, и, скажи я правду, вы обязательно вышлете войска, чтобы закрепиться на важнейших стратегических рубежах, и не пропустите киданей. А случись такое, погибнет и моя семья, и моя страна, какой тогда прок от моей одинокой жизни? Уж лучше погибнуть во спасение дома и страны, пользы будет больше» — и удавился.

Когда Ши-цзун решил уходить от Цзиньяна, Яо Юаньфу, командующий Куанго, сказал ему: «Вперед вести войско просто, отступать трудно». Он задержался со своим отрядом и выступил последним, чтобы с тыла защищать от преследователей отходящие передовые части. И действительно, из Северной Хань вслед чжоусцам выслали отряд преследования. Яо Юаньфу разбил их и отбросил назад. Войско выступило в путь так поспешно, что [у стен города] пришлось сжечь и оставить огромное количество провианта и фуража.

Прибыв в Чжэнчжоу, Ши-цзун посетил Сунлин — усыпальницу отца, затем возвратился [в Далян]. С тех пор как, не посчитавшись с общим мнением сановников двора, Ши-цзун сам провел поход, разгромил Северную Хань и прогнал киданей, все дела управления страной, большие или малые, он решал единолично, чиновникам сообщались уже готовые решения, и все.

Туйгуань из Хэнаньфу Гао Си подал государю письмо с увещеванием. Письмо гласило:||«Вашему покорному слуге известно, 222 что в пределах четырех морей в одиночку управлять несчетной

массой людей не могли даже Яо и Шунь. Они непременно отбирали людей и поручали им государственные дела. Сейчас вы, ваше величество, все взяли на себя. Однако в Поднебесной не считают, что ваше величество настолько мудры и прозорливы, чтобы править страной совместно с сановниками; все говорят, что государь нетерпелив и подозрителен и совсем не доверяет своим сановникам. Не лучше ли будет выбрать справедливых и разбирающихся в людях сановников и назначить их министрами, а тех, кто умеет любить народ и разбирать тяжбы, назначить правителями [округов и уездов]; пусть те, кто умеет множить богатства и обеспечивать достаток хлеба, ведают казной и продовольствием, а те, кто умеет доискиваться до причин поступков и соблюдать законы, ведают правосудием. Тогда вашему величеству останется лишь торжественно восседать в парадном зале, жалуя за заслуги и карая за проступки, зачем же беспокоиться, что в Поднебесной не будет порядка? К чему унижать достоинство государя и нести службу вместо сановников? Зачем поступаться знатным положением и отдавать себя низким занятиям? Не значит ли это потерять основу в управлении?

В некоторый день пятого месяца первого года Сянь-дэ *чаосаньлан, туйгуань* управы командующего военным округом Хэнаньфу ваш покорный слуга Гао Си[4], отбивая сотню земных поклонов, представил». Письмо было подано, но Ши-цзун оставил его без внимания.

Возвратившись в Цзиньян, государь Северной Хань от горя и отчаяния заболел и все государственные дела передал в ведение своего сына Лю Чэнцзюня.

Седьмой месяц. Чжоуский Ши-цзун назначил Уюе-вана Хунчу дополнительно *дуюаньшуаем* пеших и конных войск Поднебесной, а Вэй Жэньпу сделал *шумиши*.

Раньше в дворцовую ночную стражу солдаты попадали по протекции министров. Службу несли лениво, жили праздно, в смотрах войск не участвовали, поэтому, когда дело доходило до сражений, стража держалась высокомерно и не желала выполнять приказы. Если солдаты не бежали с поля боя, так сдавались в плен, и не было среди них ни одного достойного доверия. В сражении под Гаопином, увидев, как, не начав боя, все войско Фань Айнэна и Хэ Хуэя обратилось в бегство, Ши-цзун ясно понял, в чем беда. Однажды он сказал состоявшим при нем сановникам: «Сила войска ведь в умении, а не в числе. Сейчас для обеспечения всем необходимым одного воина требуются усилия сотни земледельцев. Зачем же сосать кровь из моего народа, чтобы содержать непригодных солдат? Кроме того, как, не отличая хороших от негодных, воздействовать на всю массу?» Затем он приказал Чжао Тай-цзу провести генеральный смотр императорской гвардии и, повысив наиболее умелых, уволить негодных. А еще был издан императорский указ, призывающий богатырей Поднебесной яв-

ляться во дворец; Чжао Тай-цзу поручалось испытывать их и особо отличившихся отбирать в караулы дворцовой стражи. Гвардия, конница, пешее войско — все получили приказ провести отбор в своих частях. Поэтому воины стали искусными и сильными: что бы они ни атаковали, они непременно брали, где бы они ни сражались, они непременно побеждали.

Одиннадцатый месяц. Ли Гу инспектировал дамбы на Реке.
223 В прежние времена от Янлю до Бочжоу, на протяжении||ста двадцати *ли*, Река текла на восток по двум руслам. Разливаясь, она превращалась в огромное озеро, затопляя пространство *ли* на сто. Сосчитать, сколько раз, например, в округах Цичжоу, Дичжоу и Цзычжоу поля и жилища оказывались под водой, было невозможно. Согнанные с мест люди, чтобы как-то прокормиться, собирали дикие злаки и ловили рыбу. Долго не могли загородить Реку, и население, живущее по берегам, никогда не знало покоя. Но после инспекции Ли Гу для строительства заграждений к Реке отправили шестьдесят тысяч человек. Через тридцать дней работы закончились — дамба была готова.

Расскажем еще о том, что прибежавший в Цзиньян, наголову разбитый у Гаопина государь Северной Хань Лю Чун, разболевшийся от горя и отчаяния, опочил. К киданям направили посла с известием о постигшем несчастье. Грамота от киданей повелевала Лю Чэнцзюню, сыну Лю Чуна, стать императором. Он взял новое имя — Лю Цзюнь и в докладе, направленном киданьскому государю, назвался «сыном Лю Цзюнем, императором Северной Хань». Киданьский государь пожаловал его указом, назвав «императором-сыном». Презрев позор, Лю Цзюнь служил врагам, подражая известной премудрости Ши Цзинтана. И как было потомкам не посмеяться над ним!

А теперь рассказ будет о том, что Ши-цзун возвел госпожу Фу в ранг императрицы.

Раньше. Госпожа Фу, дочь Фу Яньцина, была выдана замуж за Ли Чунсюня, сына Ли Шоучжэня. Как-то гадатель сказал ей, что в будущем ее ждет знатность — она станет матерью Поднебесной. Узнав об этом предсказании, Ли Шоучжэнь и решился окончательно на мятеж. Когда же он попался чжоускому Тай-цзу, Ли Чунсюнь, убив сначала младшего брата и сестру, хотел убить и госпожу Фу, но она сумела спрятаться. Ли Чунсюнь искал ее, но не нашел, а бунтовщики-солдаты приближались — и тогда он перерезал себе горло. Когда мятежники вошли в зал, спокойно восседавшая там госпожа Фу прикрикнула на них: «Мой отец — названный брат *шичжуна* Го, не вздумайте здесь безобразничать!» Коль скоро госпожа Фу оказалась у чжоуского Тай-цзу, он в сопровождении посла отправил ее обратно к Фу Яньцину, а позднее взял в жены чжоускому Ши-цзуну. И вот теперь она стала императрицей. Императрица была женщиной миролюбивой и сердечной, отличалась умом и твердостью. Ши-цзун ценил ее.

Первый месяц второго года Сянь-дэ (955 г.). Так как со времен Цзинь и Хань при перевозках зерна не существовало норм на естественные утруски, перевозчики часто жизнью платились за недостачу. Ши-цзун знал это и теперь указом повелевал считать допустимой нехватку при перевозках в пределах одной десятой перевозимого.

Сячжоуский Ли Исин узнал, что Чжэ Дэи тоже стал командующим округом. Стыдясь, что положением оказался не выше Чжэ Дэи, он перекрыл дороги, чтобы послы из Чжоу не доставляли Чжэ Дэи никаких сообщений.‖Ши-цзун обсуждал это собы- 224
тие с Ли Гу. Ли Гу сказал: «Сячжоу — пограничный военный округ, которому императорский двор постоянно оказывает щедрую поддержку, а Фучжоу — округ незаметный. Однако, не касаясь вопроса значимости округов, следует все-таки урезонить и призвать к порядку Ли Исина и ему подобных, дабы все вели себя как должно».— «Чжэ Дэи больше года отдавал все силы борьбе с Северной Хань,— сказал Ши-цзун,— как же случилось, что в один прекрасный день Ли Исин от него отгородился и совершенно перестал считаться? Ведь в Сячжоу разводят только скот, во всем остальном они зависят от обмена со Срединным государством, и откажи мы в обмене, что они будут делать?» И он направил *гунфэнгуаня* Ху Цюаня к Ли Исину с посланием, в котором выговаривал за содеянное и призывал к порядку. Ли Исин испугался и принес извинения — дороги снова открылись для проезда, как было и прежде.

С тех пор как войска стали вершить судьбу страны, отбор чиновников на должности двор долгие годы не проводил, и людей для службы не хватало. Поэтому Ши-цзун утвердил порядок выдвижения уездных правителей и секретарей канцелярий: палате Ханьлиньюань и еще двум ведомствам было приказано взять на себя представление к должностям начальников уездов и секретарей уездных канцелярий и в день назначения чиновника объявлять фамилию и имя рекомендовавшего. Если чиновник получал должность в обход закона — за взятку, лицо, сделавшее представление, тоже привлекалось к ответственности за соучастие в преступлении. Благодаря такой мере в уездных управах появились начальники уездов и секретари канцелярий, и дела в округах и уездах были приведены в порядок.

Первый день второго месяца. Произошло солнечное затмение. Ши-цзун издал указ, повелевающий сановникам активно высказываться об упущениях и достижениях [правления]. Указ гласил:

«Мы не познали до конца талантов уважаемых сановников, не постигли до конца их нравственного облика. И если не собрать их высказываний для понимания их поступков, не вникнуть в их помыслы для суждения об их преданности, как же тогда оценить нам уровень их способностей и знаний, как разобраться в пригодности их к службе? Если высказывания последуют, но не будут

приняты во внимание, вина заслуженно падет на меня; если же мнения, которых мы добиваемся, не будут высказаны, кто тогда возьмет вину на себя? Пусть уважаемые сановники расскажут даже о своих мечтах, мы все рассмотрим. Посему настоящий указ; довести его до всеобщего сведения».

На другой день после объявления указа в запечатанном виде поступило множество докладов. Ши-цзун отобрал из них то, что счел возможным использовать, и проследил, чтобы все было проведено в жизнь.

Раньше. Кидани часто вторгались в Хэбэй. Их легкая конница проникала в глубь территории — ведь не было никаких пограничных заграждений, и население никогда не знало покоя. Даже когда появлялись просто конные дозоры, и тогда прежде всего они занимались грабежом.

Пограничный военачальник Чжан Цзанъин доложил двору, что в округах Шэнь, Цзи и других протекает река под названием Хулухэ, русло которой на протяжении более ста *ли* следует прокопать и углубить, чтобы поднять уровень воды. Тогда в случае появления конницы варваров река послужит преградой от их набегов, и простой народ получит возможность спокойно жить. Ши-цзун указом повелел Ван Яньчао и Хань Туну выступить с конными отрядами, поднять в порядке трудовой повинности мужское население и двинуться на работы по углублению реки.
225 Затем||вокруг Лиянькоу возвели стену и расквартировали там солдат для защиты населения, проживающего вдоль границы.

Чжан Цзанъин изложил государю план охраны границ:

«Покорный слуга Чжан Цзанъин, отбивая сотню земных поклонов, подает доклад его императорскому величеству: ваш слуга покорнейше прочел высочайший указ, которым государь просит [сановников] высказываться. С радостью узрел, что ваше величество имеет устремления...[5], скромен и бескорыстен, что широта ваша безмерна, как горы и море, а великодушие сравнимо с милосердием Неба и Земли. Знать, что это так, и ничего не сказать — значит показать себя недостойным.

Ваш покорный слуга, несущий службу по охране границы, досадует, что не сумел сполна воздать государю преданностью, и, коль скоро [теперь] предоставлена возможность говорить, осмеливается изложить свои соображения на высочайшее усмотрение. Следует заметить, что, укрепив отборными гарнизонами места, которые являются естественными рубежами, можно будет положить конец непрекращающимся набегам киданей и покончить с вечными просьбами могущественных пограничных военачальников о помощи. Так одним ударом убиваются два зайца, поэтому ваш покорный слуга столь настоятельно просил в отношении реки Хулухэ. Теперь, когда река углублена и стены вокруг Лиянькоу возведены, прошу учредить гарнизон, объявить вербовку храбрецов среди жителей пограничных районов и назначить завербован-

ным щедрое содержание. Наступит весна, пусть отдают свои силы крестьянскому делу — сеют и пашут, а в свободное от сельскохозяйственных работ время обучим их верховой езде и стрельбе из лука, пусть умеют воевать. Будет спокойно — станут трудиться на полях, случится беда — пойдут сражаться. Когда люди защищают себя, то, как ни свирепствуй варвары, им негде будет развернуться.

Если доклад удостоится высочайшего внимания и просьба вашего слуги будет удовлетворена, ответственность за вербовку ваш слуга возьмет на себя. Случись необходимость, можно ведь и ударить по врагу, дабы несколько уменьшить опасность, грозящую с севера. Говорю, не страшась смерти, покорнейше приму решение.

В некоторый день второго месяца второго года Сянь-дэ покорный слуга Чжан Цзанъин доклад представил».

Ши-цзун остался докладом очень доволен и сказал: «Чжан Цзанъин, имея такой разумный план, безусловно сумеет быть нам опорой и защитой, мудрость его простирается дальше Великой стены!» И государь ответил указом с похвалой Чжан Цзанъину.

Приблизительно через месяц после того, как Чжан Цзанъин приступил к исполнению своих обязанностей, он навербовал тысяч пять храбрецов. А тут вдруг Ван Яньчао, наблюдавший за возведением укреплений, оказался окружен киданями. Чжан Цзанъин повел свои отряды и с ходу атаковал противника. Кидани были наголову разбиты: число убитых превысило три тысячи, киданьский военачальник Цюй Тухуэй попал в плен. С этих пор население пограничных областей избавилось от грабежей, люди потихоньку приходили в себя, множились и богатели.

Четвертый месяц. Ши-цзун сказал ведущим сановникам: «В Даляне стало тесно, придется переносить внешнюю городскую стену. Сначала установим вехи, а нынешней зимой, во время, свободное от сельскохозяйственных работ, возведем деревянные строения.‖Как только подойдут весенние полевые работы и земледельцы будут заняты, всех освободим от повинности. Потом дождемся следующего года, а там постепенно все и закончим. Пока приказываю: впредь хоронить людей в местах, специально отведенных для погребения в семи *ли* за вехами. На территории внутри вех, после того как будут распланированы проезжие дороги, места для общественных житниц и казарменные помещения, разрешить простому народу свободно строить себе жилища. Старые могилы, расположенные на территории внутри вех, заранее перенести». Все сановники сказали, что сооружение стен дело превосходное, но мелкий люд неизбежно начнет роптать. «С разговорами недовольных мы справимся сами,— сказал Ши-цзун.— Ведь в будущем все в конечном счете пойдет на пользу жителям города. Пань-гэн[6] переселялся пять раз. Простой народ бурно вы-

226

ражал недовольство, но Пань-гэн не смотрел на пересуды. Он обращался к народу, убеждая и воодушевляя людей, рассеивал ненужное беспокойство, мы поступим так же». В тот же день был издан указ с разъяснением причин и принципов расширения города Даляна.

Ши-цзун обратился к первым министрам. «С тех пор как судьба страны перешла в наши руки,— сказал он,— все наши помыслы о том, как довести до конца упорядочивание земель, и, пока не овладеем важнейшими из них, мы ни в постели, ни за столом не сможем забыть об этом. Ведь существуют же У, Шу, Ю и Бин, отгородившиеся от просвещенного влияния, которые еще не воссоединены с нами. Следует распорядиться, чтобы ближайшие сановники составили „Рассуждение о том, как трудно быть государем и нелегко сановником“ и „План расширения границ“, мы рассмотрим их». И тогда сановник двора Ван Пу представил план. В этом плане говорилось так: «Покорный слуга Ван Пу, почтительно отбивая сотню земных поклонов, докладывает его величеству императору: ваш слуга полагает, что Срединное государство потеряло земли У, Шу, Ю и Вин потому, что утратило Путь. Сейчас непременно сначала следует рассмотреть, почему он был утрачен, а тогда станет понятно, как обрести его. Утрачивать Путь начали потому, что государи были невежественны, сановники лицемерны, войска своевольны, а народ нищ; в столице раздували огонь сообщники в коварстве, на окраинах самоуправствовали военные; и поскольку низость распространилась так широко, то, постепенно накапливаясь, она и дала такой результат. Сейчас, стремясь обрести Путь, лучше всего действовать наоборот, только и всего. Надо выдвигать способных и отстранять непригодных, чтобы собрать таланты; надо благоприятствовать преданным, чтобы укрепить их устремления; надо награждать за заслуги и наказывать за провинности, чтобы люди отдавали делу [все] свои [силы] [7], надо отказаться от роскоши и сократить расходы, чтобы накопить богатства; надо своевременно и меньше взимать налогов, чтобы облегчить народу жизнь. Когда таланты будут собраны, дела правления урегулированы, средства накоплены и все люди покорны, вот тогда следует подняться, используя все это,— и успех обеспечен.

Если люди противной стороны увидят, что мы обладаем силой, которая их непременно сокрушит, тогда те, кто разбирается в обстановке, пожелают стать нашими осведомителями, те, кто знает местность, пожелают стать нашими проводниками. А стоит сердцам людей обратиться к нам, как и Небо непременно проявит свою волю.

Основной принцип нападений — начинать непременно там, где проще. Государство Тан имеет с нами границу протяженностью
227 почти две тысячи *ли*, при таком положении‖тревожить их легко. Для начала набеги нужно совершать на места, где не ожидают;

готовятся на востоке — нападем на западе, готовятся на западе — нападем на востоке. Враг бросится бежать, запросит помощи, а во время бегства станет понятно, где он притворяется сильным, а где слаб действительно. После этого мы ударим по местам, где враг хитрит, и обойдем места, где он действительно силен; бить надо по слабым местам и избегать сильных мест противника; крупными силами удары наносить не следует, врага надо тревожить набегами легких, подвижных отрядов. Южане [8] трусливы, стоит им узнать, что где-то возникла хоть малейшая опасность, как они непременно бросят туда на подмогу все свои силы. А стоит войскам выступить несколько раз, народ оскудеет, и богатства [страны] иссякнут. Не выступи они всей силой против нас, мы, пользуясь этим захватим [что хотели]. Если действовать таким образом, все округа Цзянбэя будут принадлежать нам. А раз получим Цзянбэй, тогда с помощью народа вражеской страны и, осуществляя нашу тактику, Цзяннань тоже будет взять легко. Овладев же районом Цзяннани, области Линнань и Башу можно будет привести к повиновению манифестом. Будет усмирен юг, на земле Янь поймут, куда дует ветер, и непременно перейдут под нашу власть. Если они сами не явятся, перебросим войска и ударим, тогда справиться с ними — что скатать циновку. И только Хэдун наш, безусловно, смертельный враг. Его не возьмешь ни милостью, ни доверием, ни посулами, только могущественное войско сможет обуздать Хэдун. После разгрома Лю Чуна под Гаопином силы страны иссякли, боевой дух подорван, и оттуда, конечно, беда на границу вдруг не нагрянет. Так что пока вопрос с Хэдуном следует отложить — дождемся, когда будет усмирена Поднебесная, тогда уловим момент и одним ударом захватим его. Сейчас войска у нас подготовлены превосходно, латники отменно храбры; подчиненные трепещут перед законом, и от их прежней строптивости ничего не осталось; военачальники служат не щадя сил — преданы так, что в любом сражении пожертвуют жизнью. Пораньше — за лето и осень — накопим в пограничных областях фураж и продовольствие, а наступит следующий год — выступим в поход. Посмотрим, найдется ли сила, которую бы мы не одолели, найдется ли местность, которой бы мы не овладели.

Ваш покорный слуга докладывает, не ведая страха, ваше величество, задержите внимание!

В некоторый день четвертого месяца второго года Сянь-дэ покорный слуга *бибуланчжун* Ван Пу доклад представил».

Ван Пу явился на прием во дворец и изложил государю план подготовки границ. Ши-цзун принял план с удовольствием. Он сказал Ван Пу: «Изложенное вами вполне соответствует нашим намерениям. Если бы не ваша глубокая озабоченность и серьезное раздумье о будущем, разве смогли бы вы написать так? Мы сожалеем, что поздно узнали вас!» В тот же день государь назначил Ван Пу *цзяньи дафу* и правителем Кайфэнфу.

Пятый месяц. Ши-цзун издал указ, которым повелевалось закрыть в Поднебесной все буддийские монастыри, не имеющие высочайше утвержденной надписи на воротах, и расселить на земле уничтоженных монастырей простой народ. Запрещалось самовольно постригаться в монахи: каждый, кто хотел уйти из
228 мира, непременно должен был получить‖согласие деда, бабки, родителей и дядьев по отцу; монахам и мирянам запрещалось «приносить себя в жертву» — переламывать руки и ноги, жечь пальцы, тело, подвесив на себя горящие фонари, носить вериги, наносить себе раны, а также собирать подаяния — подобными вещами морочить голову тем, кто почитает старые обычаи; нарушителям грозило клеймение лица и ссылка в самые отдаленные пограничные гарнизоны. Кроме того, все округа получили приказ ежегодно производить перепись монахов для своевременного учета умерших и вернувшихся в мир. В тот год было закрыто более тридцати тысяч монастырей; нетронутыми остались только две тысячи шестьсот девяносто четыре, на воротах которых имелись высочайше утвержденные надписи. Перепись зарегистрировала свыше шестидесяти тысяч монахов и монахинь. Узнав это число, Ши-цзун со вздохом сказал: «Какой урон эти шестьдесят тысяч бездельников монахов ежегодно приносят крестьянам, содержащим их! А какой прок от них, когда страна в беде?» И он [решил] издать еще указ с повелением передать медные статуи Будды литейному ведомству, чтобы переплавить их на монеты и пустить в обращение. Кое-кто из сановников двора стал увещевать государя: «Переплавка статуй Будды на деньги не принесет плодов на полях счастья!» Но Ши-цзун сказал: «Для Будды истиной была нирвана, а телесный облик лишь мнимостью. Если для блага всего живого он не жалел ни жизни, ни тела, так что там какие-то статуи?» И все-таки издал указ об их изъятии.

Шестой месяц. Как-то в дворцовом парке Ши-цзун сам просматривал приговоры, вынесенные преступникам. Отец и младший брат некоего Ма Юя из Жучжоу были несправедливо обвинены и приговорены к смерти. Несколько раз пытались они добиться пересмотра дела, но всякий раз их жалобы оставляли без внимания. Ши-цзун сам допросил арестованных и установил истину. Современники признали его чудесную мудрость. С этих пор власти округов и уездов с особым вниманием стали относиться к жалобам из тюрем.

А теперь расскажем о том, что Ши-цзун, обсуждая с сановниками вопрос о походе на Шу, решал, кого поставить во главе похода. Ван Пу рекомендовал *сюаньхуэйши* Сян Сюня. Сян Сюню направили указ с повелением в походе против Шу действовать сообща с командующим военным округом Фэнсян Ван Цзином. Сян Сюн и Ван Цзин вместе двинулись к Циньчжоу. Ван Цзин захватил крепости Хуаннючжай, Малинчжай, Мумэньчжай, Сяньяйчжай, Байцзяньчжай, Цзыцзиньчжай, Тесячжай и Дунхэчжай.

Все восемь крепостей вернулись под власть Чжоу. Чжао Цзичжа, отослав обратно сначала обозы и женщин, один примчался верхом в Чэнду. Государь Шу решил, что Чжао Цзичжа возвращается, потерпев поражение. Люди дрожали от страха. Тогда государь Шу приказал страже казнить Чжао Цзичжа. Затем, обсудив положение дел с приближенными, он отправил послов к государю Северной Хань Лю Цзюню и к государю Тан‖для переговоров 229
о совместных действиях против Чжоу. Оба государя согласились помочь Шу войсками.

Седьмой месяц. Первые министры настойчиво просили государя отозвать войска из Шу, ссылаясь на то, что поход Ван Цзина и других безуспешен и что регулярная доставка войскам продовольствия невозможна. Ши-цзун приказал Чжао Тай-цзу выехать в действующую армию и на месте разобраться в положении дел. Вернувшись, Чжао Тай-цзу доложил, что сил для захвата округов Цинь и Фэн достаточно. Ши-цзун назначил Ван Цзина *чжаотаоши*, а Сян Сюня сделал *дуцзянем*.

Девятый месяц. Государь Шу выслал против Чжоу двух полководцев — Ли Тингуя и И Шэньчжэна. Ли Тингуй сразу же отправил Ли Цзиня закрепиться у Малинчжая, отряд конников он выслал держать оборону у Байцзяньчжая, и еще отдельное соединение было направлено к Фэнчжоу, чтобы занять позиции на северных подступах к городу и отрезать пути подвоза продовольствия войскам Чжоу.

Добавочный месяц. Ван Цзин отправил *бицзяна* Чжан Цзяньсюна с двухтысячным отрядом защищать Хуанхуа, и еще тысяча человек была брошена к Танцану — держать в руках пути отступления войск Шу.

А теперь расскажем о том, что, когда Чжан Цзяньсюн шел к Хуанхуа, он столкнулся с Ван Луанем, полководцем из Шу. Завязался бой. Ван Луань не выстоял и отступил к Танцану. Там он снова столкнулся с чжоускими отрядами. Выдержав всего две схватки, Ван Луань опять потерпел поражение и отошел к Малинчжаю. Ли Цзинь и конный отряд из крепости Байцзяньчжай одновременно выступили на помощь Ван Луаню, но Чжан Цзяньсюн разгромил их, захватив свыше трех тысяч пленных. Войско Шу было наголову разбито, Ли Тингуй отошел защищать Циннилин. Хань Цзисюнь, командующий военным округом Сюнъу, бросил Циньчжоу и сбежал в Чэнду. Тогда *паньгуань* Чжао Цы явился к Ван Цзину и перед строем его войск объявил о капитуляции Циньчжоу. В это же время *буцзян* Хань Ле, один из военачальников Ван Цзина, встретился с отрядом, шедшим на помощь из Егу, и начисто разгромил его. Округа Чэн и Цзе, узнав о полном разгроме войск Шу, сдали города и перешли под власть Чжоу. Люди в Шу дрожали от страха.

Ши-цзун очень радовался победе, одержанной в Шу. Сановники явились поздравить государя. Подняв кубок с вином, Ши-цзун

обратился к Ван Пу: «Победа в Шу — результат вашего выбора полководца». Государь хотел назначить Чжао Цы командовать военным округом, но Фань Чжи заупрямился, и Чжао Цы получил только пост гражданского правителя Инчжоу.

Однажды, пируя вместе с военными и гражданскими сановниками в палатах Ваньсуйдянь[9], Ши-цзун сказал: «Два дня стоят сильные холода, а мы лакомимся во дворце разными яствами. Как стыдно, что мы не трудимся на благо народа, а бездельничаем, наслаждаемся дарованным Небом счастьем. Раз мы не можем обрабатывать землю и жить своим трудом, значит, мы должны не щадить своей жизни под ядрами и стрелами. Избавим народ от бед, вот тогда можно будет и отдохнуть немного».

А Ли Тингуй и И Шэньчжэн, прибежав обратно в Шу, надели простые одежды и попросили наказания. Государь Шу простил их. Он отправил в Чжоу посла с письмом и попросил мира. В гневе, что государь Шу нарушил этикет, Ши-цзун ответа не дал, а послу объявил: «Вернешься, передай своему||государю, что его алчность принесла страдания народу, а заблуждения сделали негодным его правление,— я караю его, выполняя лишь волю Неба. Когда твой государь разберется, что к чему, пусть подаст поклад да назовется подданным, тогда и будем заключать мир. Иначе пусть приходит с войском, дождется, что схвачу живым и доставлю на жертвенный алтарь в храм предков, избавлю народ от насилия и жестокости».

Посол возвратился в Шу и передал слова Ши-цзуна. Государь был страшно напуган. Он сосредоточил в Цзяньмэне и Байдичэне войска, доставил туда продовольствие и приготовился к обороне.

Ван Цзин, державший в осаде Фэнчжоу, приказал Хань Туну выступить с отрядом к Гучжэню и возвести там стену, чтобы преградить путь войскам, идущим из Шу на помощь осажденному городу. После этого он овладел Фэнчжоу, захватил командующего Фэнчжоу Ван Хуаня, *дуцзяня* Чжао Чуньпу, а также других военачальников и воинов — в общей сложности более пяти тысяч человек. Чжао Чуньпу отказался от пищи и умер. Ши-цзун издал указ, гласивший, что пленные, которые захотят остаться в Чжоу, получат щедрое жалованье, а тем, кто решит вернуться домой, будут выданы деньги на дорогу. В четырех округах — Цинь, Фэн, Чэн и Цзе,— кроме обычно взимаемых налогов, полностью отменялись дополнительные налоги и повинности, чтобы люди могли немного собраться с силами.

Одиннадцатый месяц. Ши-цзун решал вопрос о походе на княжество Тан. Государь Тан любил хитросплетение словес, ему нравились угодливые люди, поэтому высшие и низшие услаждали друг друга лестью, а дела управления приходили все в больший беспорядок. После захвата Танчжоу и разгрома Хунани государь Тан, все больше заносясь в своих устремлениях, вознамерился захватить Поднебесную. Раньше, когда Ли Шоучжэнь и Мужун

Яньчао подняли мятежи, он выслал в помощь каждому из них свои войска. Кроме того, он направил к киданям и в Северную Хань послов, чтобы договориться о совместных действиях против Срединной равнины.

Каждую зиму река Хуайшуй мелела и пересыхала. Из княжества Тан для несения сторожевой службы на реку направляли военные гарнизоны, получившие название «охраняющие мелководье».

Ши-цзун назначил Ли Гу *бушу* войск, наступающих на Хуайнань, Ван Яньчао сделал помощником Ли Гу и приказал *шивэй чжучжихуэйши* Хань Линькуню и другим — всего двенадцати полководцам — вести свои войска в поход против Тан.

В конце правления династии Тан река Бяньшуй прорвала плотину, и с тех пор к юго-востоку от Юньцяо повсюду стояла вода. Задумав поход на княжество Тан, Ши-цзун прежде всего направил туда мужчин-рабочих. Они должны были восстановить старую плотину и углубить русло реки Бяньшуй на восток, выше ее слияния с рекой Сышуй, чтобы можно было перевозить грузы речным путем.

Когда государь Тан услыхал, что подходят войска чжоуского вана, он и его сановники от страха изменились в лице. Один только Лю Жэньшань сохранил присутствие духа, он вел себя как обычно — подчиненные ему командиры всегда были готовы встретить врага. Государь Тан, назначив Лю Яньчжэня *бушу*, направил его с двадцатитысячным пешим и конным войском к Шоучжоу; Хуанфу Хуэй и Яо Фэн с тридцатитысячным пешим и конным войском стали лагерем у Динъюаня; командующий военным округом Чжэньнань Сун Цицю был призван государем в Цзиньлин для обсуждения вопросов безопасности государства.

Ли Гу и другие военачальники, прибыв в Хуайнань, навели временную переправу и прямо у Чжэнъяна переправились через реку Хуай. Ван Яньчао подошел к Шоучжоу и стал лагерем у стен города. Легкие отряды Сун Юаня и других военачальников из войска Лю Яньчжэня пытались вызвать его на бой, но Ван Яньчао ударил по ним из засады||и нарубил две с лишним тыся- 231
чи голов.

Уюе-ван Цянь Хунчу направил ко двору посла с подношениями. Ши-цзун указом выразил ему свое удовлетворение и приказал выставить войско, чтобы помочь Чжоу в борьбе с Тан.

Первый месяц третьего года Сянь-дэ (956 г.). Ши-цзун пожаловал Ван Хуаню, командующему военным округом из княжества Шу, звание *сяовэй дацзян* в награду за то, что Ван Хуань не капитулировал.

Ши-цзун издал указ, объявляя о своем выступлении в поход на Хуайнань; *шивэй дучжихуэйши* Ли Чунцзиню он приказал двигаться с передовыми отрядами к Чжэнъяну. [После этого] император выступил из Бяньляна.

Ли Гу штурмовал Шоучжоу, но взять город не смог. Танские военачальники выслали сотню с лишним боевых судов, чтобы уничтожить временную переправу, их корабли уже плыли по реке к Чжэнъяну. Ли Гу держал совет с военачальниками: «Наше войско сражаться на воде не может. Если разбойники разрушат переправу, тогда и перед нами, и позади нас окажется враг, спастись уже будет невозможно. Не лучше ли отступить и удержать переправу, а подойдет государь, тогда подумаем о наступлении». Узнав о плане Ли Гу, Ши-цзун немедля направил к нему гонца, чтобы задержать Ли Гу и приостановить отвод войск. Но когда посланный прибыл на место, там уже горел фураж и провиант — чжоуские силы отступили к Чжэнъяну. Ши-цзун приказал Ли Чунцзиню срочно вести отряды прямо за реку Хуай. Ли Гу представил государю доклад: «Военные корабли разбойников с каждым днем приближаются, вода в реке Хуайшуй день ото дня поднимается. Если, паче чаяния, пути подвоза продовольствия будут отрезаны, нас, кроме гибели, ничего не ждет. Желательно, чтобы ваше величество пока приостановили продвижение и стали лагерем между округами Чэнь и Ин. Когда с главными силами подойдет Ли Чунцзинь, мы вместе разберемся, можно ли задержать корабли разбойников, можно ли сохранить переправу, и немедля обо всем доведем до вашего сведения, спешить вперед ни в коем случае не следует. Не лучше ли[10] отточить оружие и подкормить коней, так пройдет весна, наступит зима, вражеское войско измотается, стараясь выполнить приказ, а когда силы врага иссякнут, взять город тоже будет не поздно». Ши-цзун оставил доклад без внимания.

Танский военачальник Лю Яньчжэнь, всегда кичившийся своей знатностью, талантами никогда не отличался. Во всех военных округах, где ему пришлось служить, он, не зная меры, занимался стяжательством и давал взятки вышестоящим, чтобы укрепить свое служебное положение. Прослышав об отступлении Ли Гу к временной переправе, Лю Яньчжэнь, обрадованный, что это может послужить его целям, повел войско прямо к Чжэнъяну. Лю Жэньшань и гражданский правитель Чичжоу Чжан Цюаньюе настойчиво удерживали его от похода: «Вы не успеете дойти, как противника уже не будет, а это повредит вашей репутации. Какая нужда заставляет вас так спешно искать боя? Ведь если вдруг не повезет, пропало ваше великое дело!» Лю Яньчжэнь не послушал их. И поскольку он все-таки выступил в поход, Лю Жэньшань сказал: «В этом походе господина Лю, конечно, ждет поражение, это не вызывает никаких сомнений. А пока придется, видно, мне с войском подготовиться к защите города».

Ли Чунцзинь с боями переправился через реку Хуай. Войско Лю Яньчжэня стояло у Аньфэна, лагерь растянулся на десять с лишним *ли*. Ли Чунцзинь поднялся на возвышенность, осмотрел позиции врага и радостно воскликнул: «Разобьем очень просто!

Разбойник так алчен, что не позаботился о тыле. Если с тремя тысячами конников ударить из района верхнего течения, откуда враг не ждет нападения,‖разгромим его непременно!» Надев на 232
себя тяжелый панцирь, Ли Чунцзинь пустил коня и впереди войска ворвался во вражеский строй. После нескольких схваток Лю Яньчжэнь, не выдержав натиска, отступил. Ван Чэн, *буцзян* Ли Гу, со своим отрядом преследовал и бил отступающих — части прикрытия Лю Яньчжэня не смогли перейти в контрнаступление. Наголову разбитый Лю Яньчжэнь в панике ускакал один, его полководец Чжан Ваньцзинь погиб от стрелы Ли Чунцзиня, а когда под Лю Яньчжэнем пала лошадь, то и его убили мятежные солдаты. Ли Чунцзинь отрубил голову Лю Яньчжэня. Более десяти тысяч человек было убито и взято в плен — танское войско потерпело сокрушительное поражение. Чжан Цюаньюе, собрав оставшихся солдат, бежал в Шоучжоу. Лю Жэньшань подал доклад о назначении Чжан Цюаньюе *дучжихуэйши* левого крыла конницы. Хуанфу Хуэй и Яо Фэн отступили оборонять Цинлюгуань.

Ши-цзун назначил Ли Чунцзиня *дучжаотаоши*, а в ведение Ли Гу передал решение всех дел при походной управе Шоучжоу.

Когда главные силы Ши-цзуна подошли к стенам Шоучжоу, он приказал войскам окружить город, призвал на военную службу десять с лишним тысяч ополченцев и принялся днем и ночью штурмовать город. Чжао Тай-цзу получил приказ Ши-цзуна ударить по врагу. Чжао Тай-цзу с войском расположился лагерем у горы Тушань и на рассвете отправил сотню с лишним усталых и обессиленных конников к лагерю противника. Едва завязался бой, как чжоуские солдаты сделали вид, что отступают. Полководец разбойников Хэ Яньси и другие со всеми своими силами бросились преследовать уходящих, но тут по сигналу барабана из засады в зарослях тростника ударили солдаты, и разбойники потерпели сокрушительное поражение. Их преследовали до Гокоу. Танский *дуцзянь* Хэ Яньси был убит, в плен взяли более двадцати тысяч человек и захватили более ста пятидесяти боевых судов — престиж чжоуских войск очень возрос. Ван Куй получил высочайшее повеление атаковать со своими войсками танский округ Оучжоу.

Второй месяц. У Сяцая закончили строительство временной переправы. Ши-цзун, лично осмотрев ее, отдал приказ Чжао Тай-цзу двойными переходами вести войска на штурм Цинлюгуаня. В это время Хуанфу Хуэй, испугавшись, отступил в Чучжоу и в целях обороны разрушил за собою мост. Тай-цзу и его солдаты верхом на конях переправились через реку и подошли прямо к стенам города. Хуанфу Хуэй крикнул: «Каждый стоит за своего государя! Надеюсь, позволите мне выстроить войска в боевой порядок, не тесните уж нас слишком!» — «Ладно,— засмеялся в ответ Чжао Тай-цзу,— избавлю тебя от мгновенной смерти, разве

это повредит делу?» Хуанфу Хуэй расставил свои отряды и выехал вперед. Тай-цзу, облаченный в тяжелый панцирь, пустил коня, вырвался из строя и смело ударил по врагу. Всего несколько раз схватились они, как оба полководца — Хуанфу Хуэй и Яо Фэн — оказались у него в плену, и он овладел Чучжоу. Помощник *дучжихуэйши* конного войска Чжао Сюаньлан, *т. е. сунский Сюаньцзу, отец Тай-цзу*, той же ночью привел к городу свой отряд и закричал, чтобы ему открыли ворота. Чжао Тай-цзу ответил: «Отец и сын хотя и родные, но ворота города — дело государственное. Не смею во имя родственных чувств пренебречь службой государю и приказ исполнить не могу». Наступило утро, и тогда он разрешил [отцу] войти в город.

Ши-цзун послал *ханьлинь сюеши* Доу И описать ценности,
233 хранившиеся в казначействе Чучжоу.‖Когда Тай-цзу направил своего приближенного взять из казначейства несколько кусков шелка, Доу И сказал: «Раньше, когда брали город, забери вы хоть все казначейство, было бы не страшно. Но теперь, после того как я составил опись, все ценности здесь стали государственными и, не имея на то высочайшего разрешения, получить их нельзя». Тай-цзу оценил преданность Доу И.

Ранее, незадолго до своей гибели, командующий военным округом Юнсин Лю Цы представил доклад, рекомендуя государю использовать на службе чиновника своей канцелярии Чжао Пу, уроженца Цзи. Прибыв в Чучжоу, Фань Чжи назначил Чжао Пу на должность *паньгуаня*, Чжао Тай-цзу имел с Чжао Пу беседу и остался им очень доволен. При взятии Чучжоу захватили человек сто грабителей, всем им грозила смертная казнь. Чжао Пу предложил Чжао Тай-цзу: «Может быть, сперва проведем расследование и потом уже вынесем решение?» Благодаря этому из каждых десяти схваченных семь-восемь оставались живы, и Тай-цзу еще больше оценил мудрость Чжао Пу.

Чжао Тай-цзу одержал много побед, слава его день ото дня росла. Перед каждым сражением он обязательно украшал своего коня кистями, оружие и латы сверкали на Тай-цзу. Некто сказал ему: «Ведь так узнают враги!» — «А я и хочу, чтобы они узнавали меня»,— ответил Тай-цзу.

Танский государь направил из Сычжоу *яцзяна* с письмом в Сюйчжоу просить мира. Написав в письме «Император Тан направляет письмо», он просил прекратить военные действия и установить мирные отношения, выразил желание служить Чжоу как младший брат и брался ежегодно поставлять туда товары и ценности на содержание войск. Ши-цзун не ответил.

Ши-цзун получил донесение, что в Янчжоу не готовы к нападению. Тогда он приказал Хань Линкуню ударить на Янчжоу, запретив при этом губить жителей города. Поскольку усыпальница господина Ли находилась в Янчжоу, Ши-цзун послал туда людей, чтобы вместе с местными смотрителями уберечь ее.

Получив приказ, Хань Линкунь двойными переходами прошел весь путь, неожиданно появился у стен Янчжоу и с несколькими конниками ворвался в город. В городе никто и опомниться не успел. Фэн Яньлу, помощник наместника, растерялся и, не зная, что предпринять, сбрил себе на манер монаха волосы, надел монашеское одеяние и бросился бежать. Солдаты задержали его и доставили в ставку Хань Линкуня. Хань Линкунь успокоил жителей Янчжоу, велел людям не прятаться и продолжать жить как обычно. Ни один солдат не совершил грабежа — население было очень довольно. После этого Хань Линкунь двинулся к Тайчжоу, намереваясь овладеть городом.

А теперь расскажем о том, что государь Тан, увидев, как его войска терпят поражение за поражением, очень испугался за свой престол и снова отправил в Чжоу послов. Поехали *ханьлинь сюеши* Чжун Мо и *вэньлиюань сюеши* Ли Дэмин. Танский государь направил с ними доклад, в котором назвался подданным, и послал в подарок Ши-цзуну императорское платье, чай, снадобья, золото, серебро, посуду, шелк, парчу, быков, вино и прочее. Со всем этим послы прибыли в ставку Ши-цзуна, императора Чжоу. Чжун Мо и Ли Дэмин всегда славились красноречием. Понимая, что послы непременно станут проповедовать ему свое, Ши-цзун торжественно выстроил латников и только после этого вышел принять послов. «Ваш государь,— сказал он,— называет себя потомком Тан [11], и ему в отличие от других правителей следует знать правила приличия. С нами его||разделяет лишь река [12], 234
но никогда не прислал он к нам никого, чтобы установить добрососедские отношения, а вот переправиться через море и добраться к киданям, чтобы просить помощи у могущественных варваров для борьбы с нами, он сумел. Так где же здесь то, что называется правилами приличия? Теперь он прислал вас, чтобы уговорить меня прекратить военные действия! Но я ведь не глупый правитель времен Шести царств [13], неужели вы думаете своей болтовней переубедить меня? Можете возвращаться обратно и сказать своему государю: пусть немедля является представиться нам да, поклонившись, повинится, тогда все обойдется. В противном случае мы захотим полюбоваться городскими стенами Цзиньлина и позаимствовать из его казны в награду войску за труды. А если будет так, не пожалеет ли тогда ваш государь и сановники о содеянном!»

Чжун Мо и Ли Дэмин, у которых от страха дрожали ноги, ни слова не сумели сказать в ответ и напуганные поспешно уехали обратно.

Интяньши Чэнь Мань из войска Уюе сказал канцлеру У Чэну: «Войска Чжоу наступают на юге, и в государстве Тан царит смятение. В Чанчжоу к нападению не готовы, город можно взять одним ударом». У Чэн рассказал Уюе-вану Хунчу о плане Чэнь Маня, и Хунчу послал У Чэна с войском к Чанчжоу.

Третий месяц. У Чэн атаковал Чанчжоу. Вначале он овладел внешним городом, захватил *туаньляньши* Чжао Жэньцзэ и отправил его в Цяньтан. Увидев Уюе-вана, Чжао Жэньцзэ не поклонился, а принялся выговаривать ему за нарушение договора. Уюе-ван рассердился и велел разорвать Чжао Жаньцзэ рот до ушей. Юань Дэчжао, сочувствуя преданности наказанного, послал ему нужных снадобий, и Чжао Жэньцзэ остался жив.

Опасаясь вторжения сил Уюе в Жуньчжоу, танский государь назначил Чай Кэхуна правым *увэй цзянцзюнем* и послал его с войском на помощь Чанчжоу. Чай Кэхун, затянув лодки брезентом и спрятав внутри солдат, подошел прямо к лагерю Уюе и полностью разгромил войско, убив десять с лишним тысяч человек. У Чэн бежал. Чай Кэхун испросил разрешения выступить на помощь Шоучжоу, но, не дойдя до места, скончался.

Второй месяц. Чжоуский Ши-цзун прибыл к мосту Фэйцяо. Он поднял камень и сразу же отнес его в укрепление к камнемету. Все, кто сопровождал его к мосту, тоже подняли по камню. Чжао Тай-цзу на кожаной лодке проник в городской ров Шоучуня. Военачальники разбойников с городской стены начали обстреливать лодку из стрелометных машин — стрелы полетели огромные, что балки. *Яцзян* Чжан Цюн прикрыл собой Тай-цзу, и стрела попала ему в бедро. Чжан Цюн рухнул, словно мертвый, однако немного погодя пришел в себя. Наконечник стрелы так вонзился в кость, что вытащить его было невозможно. Тогда Чжан Цюн выпил большую чашу вина и, чтобы извлечь наконечник, приказал ломать ему кость. Крови вытекло больше ковша, но Чжан Цюн даже в лице не изменился.

Танский государь назначил Сунь Шэна *сыкуном* и направил вместе с начальником палаты обрядов Ван Чунчжи в Чжоу с докладом, выражая желание признать верховную власть Чжоу и обещая охранять границы. Сунь Шэн сказал Фэн Яньи: «Для такого дела необходим левый министр, но ведь, если я откажусь, это будет неблагодарностью покойному государю». Он немедля выехал в путь и, понимая, что беды не миновать, ночью, тяжело вздохнув, сказал Ван Чунчжи: «У вас дома сотня ртов, вам
235 следует подумать о себе.||Мой долг состоит в том, чтобы не проявить неблагодарности и горсточке земли Юнлина[14], кроме этого, больше я ничего не знаю».

Едва он прибыл, как Ши-цзун направил к ним посыльного, чтобы препроводить к стенам Шоучжоу. Он надеялся, показав послов Лю Жэньшаню, склонить его к капитуляции. Увидев Сунь Шэна, Лю Жэньшань в боевом снаряжении отвесил ему с городской стены поклон. Сунь Шэн сказал ему: «Вы получили много милостей от страны и не должны открыть ворота врагу». Когда Ши-цзуну стали известны слова Сунь Шэна, он страшно разгневался и хотел казнить Сунь Шэна, но тот сказал: «Ваш покорный слуга — первый министр государства Тан, так может ли он

толкать командующего военным округом на измену?» Ши-цзун простил вину Сунь Шэна.

Войска Чжоу захватили подвластные Тан округа Гуанчжоу, Шучжоу, Цичжоу. Танский государь снова отправил Ли Дэмина и Сунь Шэна послами в Чжоу. Он объявил, что откажется от императорского титула, прирежет Чжоу земли шести округов и ежегодно будет выплачивать миллион шелками и золотом — пусть только прекратится война. Но Ши-цзун собирался захватить всю территорию Цзянбэя и предложений не принял. Ли Дэмин попросил разрешения вернуться на родину и сказать государю Тан, чтобы тот предложил государю Чжоу Цзянбэй. Ши-цзун позволил ему уехать. Воспользовавшись этим, Сунь Шэн отправил на родину с Ли Дэмином и Ван Чунчжи.

Чжоуский Ши-цзун[15] пожаловал государя Тан указом, гласившим: «Перейдут к нам все области [Цзянбэя], и военные действия прекратятся. Однако императорский титул пусть остается, чем он помешает на склоне лет? Если бы укреплял помыслы в делах великих, до беды людей никогда бы не довел. Уговоры на этом кончаются, больше словами докучать не буду. Коли выскажешь несогласие, прошу считать отныне отношения прерванными».

Получив указ, государь Тан снова направил Ши-цзуну доклад с выражением благодарности. Ли Дэмин много рассказывал ему о могуществе и достоинствах Ши-цзуна, а также о силе его войск и убеждал государя Тан прирезать земли Цзянбэя. Государь Тан колебался, не зная, на что решиться. Сун Цицю, выступавший против передачи земель, заявил, что Ли Дэмин человек несерьезный и во многом погрешил против правды. Как раз в это время *шумиши* Чэнь Цзюе, *фуши* Ли Чжэнгу и другие, давно ненавидевшие Сунь Шэна и Ли Дэмина, заставили Ван Чунчжи ложно обвинить Ли Дэмина в том, что он корысти ради продал страну. Государь Тан сильно разгневался и казнил Сунь Шэна[16] и Ли Дэмина. Он назначил *юаньшуаем* своего младшего брата Ци-вана Ли Цзинда, передав под его командование пешие и конные войска всех областей, Чэнь Цзюе сделал инспектором войска и дал приказ выступить против Чжоу. *Чжуншу шэжэнь* Хань Сицзай подал государю докладную записку, в которой говорил так: «Вопрос доверия разрешен выбором великого князя, чрезвычайность происходящего подчеркивает назначение *юаньшуая*, но для чего при этом нужен инспектор войска?» Государь Тан не послушал Хань Сицзая.

Четвертый месяц. Танский полководец Лу Мэнцзюнь поспешил со своими отрядами к Тайчжоу — чжоуские войска отошли. Продолжая наступление, Лу Мэньцзюнь напал на Янчжоу, и Хань Линкунь тоже собрался было отступать. Но Ши-цзун послал Чжан Юндэ на помощь Янчжоу, и Хань Линкунь остался на месте. Кроме того, Ши-цзун повелел Чжао Тай-цзу стать с войском в Лю‖хэ. Тай-цзу отдал приказ: «Если кто-нибудь из гарнизона 236

Янчжоу сделает хоть шаг через Люхэ, переломаю ноги!» Хань Линкунь усилил оборону Янчжоу, не смея двинуться оттуда.

Ши-цзун давно штурмовал Шоучжоу, но взять город не мог. А тут полили сильные дожди, вода в лагере стояла на *чи* с лишним, с продовольствием начались перебои. Ши-цзун призвал на совет ближайших сановников — он хотел отвести войска, но сановники сказали, что государю было бы лучше переехать на восток, в Хаочжоу, и там подождать, пока военачальники возьмут город; если отступить, не завершив дела, враг непременно двинется, крадучись, следом, и вряд ли тогда удастся обойтись без потерь. Ши-цзун согласился и переехал в Хаочжоу.

Тот же месяц. Хань Линкунь послал Лу Мэнцзюню вызов на бой. Лу Мэнцзюнь назначил день сражения. [Когда они съехались], Лу Мэнцзюнь сказал: «Чжоуские войска уходят, как же ты один думаешь удержать осажденный Янчжоу? Если ты что-нибудь смыслишь, переходи на нашу сторону и сдавай город, не то схвачу да поднесу твою голову императору Тан — вот и заработаю пост командующего военным округом. Не говори потом, что я не предупредил тебя!» — «У Срединного государства миллионное войско, а ты, не соразмерив сил, осмеливаешься искать с ним встречи на поле брани,— ответил ему Хань Линкунь.— Сегодня перед строем войск я сниму с тебя голову, вырву сердце и печень и запью чашей вина, чтобы отомстить за обиды простого народа». Закончив перебранку, военачальники начали бой. Хань Линкунь на коне вырвался вперед, Лу Мэнцзюнь потерпел поражение и стал отходить. Чжао Тай-цзу выступил с отрядом из Люхэ, ударил по отступающим с тыла и взял в плен Лу Мэнцзюня прямо на коне. Все, кто остался в живых, разбежались, трупы убитых покрыли землю, а захваченное оружие и снаряжение сосчитать было невозможно.

Раньше. Еще в те времена, когда Лу Мэнцзюнь изгонял Ма Сиэ, он истребил всю семью Ян Чжаохуэя, гражданского правителя Шучжоу, а его дочь несравненной красоты подарил в младшие жены Ма Сичуну. Когда Хань Линкунь захватил Янчжоу, Ма Сичун подарил госпожу Ян в наложницы Хань Линкуню. И вот теперь, захватив в плен Лу Мэнцзюня, Хань Линкунь заковал его в колодки и собирался отправить в походную ставку государя. Госпожа Ян из-за занавески увидела это. Тут она стала бить себя в грудь и, рыдая, обратилась к Хань Линкуню: «Этот негодяй когда-то убил двести человек моей родни, а теперь я вижу его живым и негодую, что он не разрублен на десять тысяч кусков. Молю главнокомандующего, не отправляйте его в походную ставку! Почему бы не казнить его перед строем войск и не отомстить за мою старую обиду?» Хань Линкунь приказал страже поставить Лу Мэнцзюня перед строем войск и принялся поносить его: «Как же это ты сегодня не захватил мою голову и не поднес ее государю Тан, чтобы заработать пост командующего военным

округом? А вот я сейчас под чарку вина получу твое сердце и печень, ты уж не обижайся!» — «Смерть так смерть,— ответил Лу Мэнцзюнь,— пусть поспешат с казнью». Но Хань Линкунь засмеялся: «Тебя разрежут на десять тысяч кусков, чтобы излить обиды всех живых существ, зачем же спешить?» Он велел стражникам привязать Лу Мэнцзюня к бревну и разрубить на куски. 237

Чжао Тай-цзу стало известно, что Ци-ван Ли Цзинда собирается переправиться с войском через реку, и он спешно вернулся в Люхэ. А танское войско установило заграждения, не доходя двадцати *ли* до Люхэ, и не спешило двигаться дальше. Военачальники обратились к Тай-цзу: «Враг только что подошел, хорошо бы воспользоваться этим и ударить». Но Чжао Тай-цзу сказал: «У нас неполные две тысячи человек, стоит пойти в наступление, как враг увидит, что сил у нас мало, и легко одолеет. Не лучше ли подождать, пока они сами явятся, и тогда ответить. По законам военного искусства победу одерживает тот, кто отвечает на удар, и мы разобьем их непременно!» Прошло несколько дней, войско Чжоу держалось стойко и на бой не выходило. Тогда Ли Цзинда двинул свои отряды на Люхэ. Чжао Тай-цзу ударил смело и нанес танским войскам сокрушительное поражение: семь с лишним тысяч человек было убито, а число утонувших в реке не поддавалось счету. Ли Цзинда ускакал на коне один. Во время боя кое-кто из воинов и командиров дрался без должного усердия. Тай-цзу, делая вид, что руководит сражением, мечом надрезал кожаные шлемы у нерадивых. На следующий день он осмотрел все шлемы, и человек десять, на шлемах которых оказались следы его меча, были выставлены перед строем и казнены. С этого времени в войсках не стало никого, кто посмел бы не драться в бою насмерть.

Строительство временного моста у Гокоу было закончено. Ши-цзун поехал в Гокоу, осмотрел мост и решил войти в Янчжоу. Фань Чжи и другие, сославшись на усталость войск и нехватку продовольствия, стали увещевать государя не делать этого, и он согласился.

Пятый месяц. Ши-цзун вернулся в Далян, оставив Ли Чунцзиня вести осаду Шоучжоу.

Седьмой месяц. Танский полководец Чжу Юань и другие захватили Шучжоу, Хэчжоу, Цичжоу и объединенными силами двинулись к Шоучжоу.

Раньше в государстве Тан было заведено насильно заставлять людей брать чай и соль, а с них взимать зерном и шелком. Называлось это «всеобщим побором». Кроме того, в Хуайнани возродили гарнизонные поля. Народ очень страдал от всего этого. Когда пришли войска Чжоу, люди радостно встретили их, наперебой одаривая мясом и вином. Но военачальники занялись грабежами и ничем не облегчили жизнь народу. Люди потеряли всякую надежду и стали скрываться в горных ущельях. Они превратили

крестьянский инвентарь в оружие, сложенную в несколько раз бумагу — в панцири; современники называли их «войском белых панцирей». Против них чжоуские отряды совершали карательные походы и не раз терпели поражение. Захваченные прежде округа и уезды постепенно возвращались под власть Тан.

Командующий в Хуайнани Сян Сюнь подал Ши-цзуну доклад, в котором просил разрешения атаковать Шоучжоу, объединив силы с войсками Гуанлина. Государь указом дал свое согласие. Сян Сюнь опечатал казначейство и передал его правителю города; отдельной части из охраны командующего он приказал поддерживать в городе порядок, чтобы не допустить никаких преступлений. Население было довольно. Когда войска вернулись, растроганные жители встречали их рисом и лепешками. Начальник гарнизона Чучжоу тоже оставил город и повел своих воинов к Шоучжоу. Танские военачальники просили разрешения закрепиться в стратегически важных местах, чтобы задержать чжоуские части, но Сун Цицю сказал: «Сделать так — значит возбудить еще больше ненависти, лучше пропустим их, пусть враг проникнется добротой, тогда с ним легче будет справиться». Он приказал военачальникам только защищаться и самовольно с мест никуда не трогаться.

В то время положение осажденного Шоучжоу было весьма
238 тяжелым, а танский Ци‖-ван Ли Цзинда привел свои войска к Хаочжоу и стоял, морально поддерживая осажденных издали. В войске все приказы отдавал Чэнь Цзюе, в его руках было пятьдесят тысяч воинов, но он и не думал вести их в бой. Военачальники и чиновники боялись Чэнь Цзюе, и никто не решался поговорить с ним.

Восьмой месяц. Чжоуский Ван Пу стал *сытяньцзянем*. Ван Чуна завершил составление «Небесного календаря», работа над которым велась по высочайшему повелению. Календарь был обнародован и введен в Поднебесной.

Девятый месяц. Ван Пу был назначен *шумиши*[17].

Десятый месяц. Ши-цзун сказал состоявшим при нем сановникам: «В последнее время двор забирает у людей зерно и шелк, как правило не дождавшись, пока соберут урожай и изготовят пряжу. А ведь такое несвоевременное взимание налогов очень тяжело простому народу!» И государь направил налогово-финансовой управе указ, повелевая отныне летний налог взимать начиная с шестого месяца, а осенний — с десятого. В народе эту меру сочли полезной.

Командующий в Шаньнани Ань Шэньци, свыше десяти лет правивший в Сянчжоу, явился ко двору с изъявлением покорности. Ши-цзун дал ему звание *шоутайши* и послал обратно в военный округ. Растроганный Ань Шэньци остался доволен. Ши-цзун сказал первым министрам: «В последнее время командующих военными округами при дворе принимали без искренности

и доверия; хотя командующие и стремились служить верно, основы для этого не имелось. Вану нужно только не потерять доверия командующих, а тогда чего опасаться, что сердца их не будут с ним?»

Отмечая победы Чжао Тай-цзу у Янчжоу и Люхэ, Ши-цзун назначил его командующим в Динго, оставив по-прежнему *дучжихуэйши* дворцовой стражи. Тай-цзу подал доклад с просьбой назначить Чжао Пу *туйгуанем* при ставке командующего.

Одиннадцатый месяц. Ли Чунцзинь и Чжан Юндэ из-за взаимных обид не ладили друг с другом. И вот Чжан Юндэ тайно представил государю доклад, в котором сообщил, что у Ли Чунцзиня на уме недоброе. Ши-цзун не поверил. В то время в руках каждого из военачальников была большая сила, и в души воинов закрался страх. Однажды Ли Чунцзинь верхом без провожатых явился в лагерь Чжан Юндэ. Благодушно наслаждаясь угощением, он обратился к Чжан Юндэ: «Мы с вами имеем счастье быть близкими родственниками, оба являемся высшими военачальниками в государстве Чжоу и единодушны в служении своему вану. Как же случилось, что мы так глубоко не доверяем друг другу? В давние времена для Линь Сянжу и Лянь По на первом месте стояли нужды государства, а потом уж личная вражда. Неужели сегодня, за приятной беседой, мы не сумеем стать друзьями по примеру Ляня и Линя?» А речь здесь вот о чем: история с Лянь По и Линь Сянжу случилась во времена Шести царств. Когда Цинь-ван и Чжао-ван встретились в Мяньчи, Линь Сянжу на пиру, находясь при своем князе, бранью заставил Цинь-вана ударить в глиняный таз, чтобы смыть позор с Чжао-вана за игру на гуслях[18]. Как только они вернулись в Чжао, Чжао-ван пожаловал Линь Сянжу звание *шанцина*, и тот оказался выше Лянь По положением. Лянь По сказал: «Я — полководец, мои заслуги приобретены в штурмах городов и на поле брани, а это ничтожество Линь Сянжу только потому, что, прислуживая князю на пиру, поспешил встрять в ссору, занял положение более высокое, чем я. Увижу его, непременно опозорю!» Услыхав, что Лянь По говорит такое, Линь Сянжу решил не встречаться с ним. Каждый раз, едва завидев Лянь По, он поворачивал свою повозку и скрывался.‖Один из приближенных Линь Сянжу спросил его: «Можно 239
ли, на ваш взгляд, полководца Ляня сравнить с Цинь-ваном? Вы ведь сумели опозорить Цинь-вана, так почему же боитесь какого-то полководца Ляня?» — «Несмотря на могущество Цинь-вана, я накричал на него во время встречи при дворе,— ответил Линь Сянжу.— Хотя человек я жалкий и несмелый, но с чего бы это мне бояться полководца Ляня? Запомните, могущественное княжество Цинь не решается применить военную силу против Чжао потому, что мы оба с полководцем Лянем живы. А если сейчас два тигра подерутся, один из них погибнет непременно. Потому я и уклоняюсь от встречи с полководцем Лянем, что на первом

месте у меня нужды государства, а личная вражда на втором». Когда Лянь По стали известны слова Линь Сянжу, он устыдился своего прежнего поведения. Обнажив плечо, с терновой палкою явился он к дверям дома Линь Сянжу просить прощения. В честь примирения был задан пир, и оба стали преданнейшими друзьями. И когда Ли Чунцзинь собственной персоной прибыл к Чжан Юндэ и произнес те слова, ему тоже хотелось объединить сердца в служении государству Чжоу, уняв ненависть Чжан Юндэ. Благодаря этому оба навсегда избавились от недоверия друг к другу, а войска и простые люди тоже успокоились.

А танский государь, прослышав о вражде двух военачальников, тайно послал Ли Чунцзиню секретное письмо, подстрекая его на мятеж. В письме, кроме клеветы и наговоров, больше ничего не было. Ли Чунцзинь доложил о письме императору. Как раз незадолго до этого танские послы Сунь Шэн и Чжун Мо вместе с Ши-цзуном прибыли в Далян. Ши-цзун был с ними очень приветлив, приглашал время от времени к себе, жаловал старым добрым вином и интересовался делами государства Тан. «Государь Тан, устрашенный мудростью и могуществом вашего величества, искренне служит Чжоу»,— говорил ему Сунь Шэн. Но тут доставили секретное письмо, в котором Ли Чунцзиня подстрекали на мятеж. Государь показал его Сунь Шэну и упрекнул за неправду. Сунь Шэн невозмутимо возразил государю и попросил для себя смерти. На вопрос о том, как же на самом деле обстоят дела с государством Тан, Сунь Шэн промолчал, ничего не сказав в ответ. Тогда Ши-цзун приказал *дучэнчжи* Цао Ханю препроводить Сунь Шэна в следственный двор правого крыла [дворцовой стражи]. Выпив с Сунь Шэном, Цао Хань пытался между делом выведать что-нибудь, но Сунь Шэн не сказал ни слова. Тогда Цао Хань объявил: «Высочайшим указом вам жалуется смерть!» Ничто не дрогнуло в лице Сунь Шэна; он оправил сапоги и халат, привел в порядок платье и шапку и, отвесив поклон в сторону юга, сказал: «Покорный слуга смертью воздает своей стране!» Затем, сняв с себя платье и шапку, он приготовился принять смерть. Цао Хань велел страже увести Сунь Шэна и казнить вместе со всею свитой, насчитывавшей более ста человек. Чжун Мо был сослан в Яочжоу на пост *сыма*. Прошло дня два, Ши-цзун, полный сочувствия к Сунь Шэну за верность долгу, раскаялся, что убил его; тогда он призвал обратно Чжун Мо и сделал его *вэйвэйшаоцином*.

Пригласив во дворец хуашаньского отшельника Чэнь Туаня, Ши-цзун хотел дать ему чин *цзяньи дафу*. Но Чэнь Туань назначения не принял и настойчиво просился обратно в горы. Когда-то скандировали стихи, в которых говорилось так:

240 ‖Десяток лет следы оставлял,
ступая по пыли мирской.

Потом оглянулся назад, на Циншань [19],
и сон увидел такой:
Почет на Багряной меже не лучше,
чем безвестности дрема,
Богатство у Красных ворот не достойней
бедняцкой доли простой.
Меч и копье — государя надежда,—
печально слышать об этом;
Пение *шэна* лишь пьяных отрада —
он постигает с тоской.
Книгу старую взявши с собою,
вернулся в прежнюю обитель,
Где птицы поют и цветы расцвели
все так же, как прежней весной.

Когда Чэнь Туань отказался от предложения государя и стал проситься назад в горы, Ши-цзун спросил его об искусстве переплавлять серебро в золото и о достижении бессмертия. «Ваше величество,— сказал Чэнь Туань,— к чему вам это? Вы по своей знатности — Сын Неба, и вам надлежит заниматься делами управления».— «А что скажете, если бы мы пожелали править совместно с вами?» — спросил Ши-цзун. «Яо и Шунь находились наверху,— ответил Чэнь Туань,— а Чао и Ю [20] остались свободны и следовали собственным устремлениям». Тогда Ши-цзун указом разрешил Чэнь Туаню вернуться в горы, а окружным и уездным властям приказал через посыльных постоянно осведомляться о нем.

Первый месяц четвертого года Сянь-дэ (957 г.). В подвластном Тан Шоучжоу, уже два года находившемся в осаде, истощились запасы продовольствия. Ци-ван Цзинда послал Сюй Вэньчжэня, Бянь Хао и Чжу Юаня с десятитысячным войском на помощь Шоучжоу. Они разбили лагерь у подножия Цзыцзиньшань, построили более десяти рядов заграждений и с помощью сигнальных огней установили связь с осажденными: специальный отряд был также отправлен на строительство дороги в десять с лишним *ли* для подвоза к городу продовольствия. Когда танские полководцы решили поближе подойти к стенам Шоучжоу, Ли Чунцзинь, едва они появились перед его лагерем, выслал навстречу отборный отряд и атаковал. Танское войско приняло бой, но потерпело полное поражение и отступило, потеряв два укрепления и более восьми тысяч убитыми. Ли Чунцзинь послал своих людей охранять захваченные укрепления.

Танский Лю Жэньшань, находившийся в Шоучжоу, просил, чтобы защиту города поручили Бянь Хао, а ему разрешили бы вывести войска на решительный бой с Ли Чунцзинем. Цзинда не удовлетворил просьбы, и Лю Жэньшань от обиды заболел.

Малолетний сын Лю Жэньшаня Чунцзянь почью пытался переправиться на лодке через реку Хуай, но был схвачен каким-то младшим чином. Лю Жэньшань приказал страже разрубить Чунцзяпя пополам. *Цзяньцзюньши* Чжоу Типгоу просил за виновно-

го, но Лю Жэньшань не отменил решения. Тогда Чжоу Тингоу послал человека просить защиты у госпожи. Но она ответила: «Я ведь люблю Чунцзяня, но военные законы нельзя нарушать из личных чувств и доброе имя нельзя терять. Если Чунцзянь будет прощен; как свой, семья Лю покажет пример несоблюдения верности,
241 и как тогда мы с господином Лю сможем смотреть||в лицо солдатам и военачальникам?» — и приказала казнить мальчика. Все войско — от солдат до военачальников — оплакивало его.

Чжоуские военачальники, сославшись на то, что у Тан еще много свежих сил и город взять трудно, просили отвести войска от Шоучжоу. Получив доклад, Ши-цзун заколебался, не зная, на что решиться. Ли Гу в то время был болен, и, чтобы узнать его мнение, Ши-цзун послал к нему домой Фань Чжи и Ван Пу. «Шоучунь в трудном и опасном положении,— сказал Ли Гу,— ведь город штурмуют днем и ночью, и, если государь сам выступит в поход, войска воодушевятся и город безусловно падет».

Раньше речной флот Тан всегда господствовал в сражениях, и чжоуские войска не могли противостоять ему. Когда Ши-цзун вернулся из-под Шоучжоу, он построил на берегу реки Бяньшуй, западнее Даляна, более ста боевых кораблей и приказал пленным танским воинам обучить солдат северян бою на воде. Через месяц с небольшим дело было изучено во всех тонкостях, и чжоуский флот оставил далеко позади себя танский флот.

Третий месяц. Император Ши-цзун выступил из Даляна. Ван Хуаню он приказал провести флот по рекам Миньхэ и Инхэ в Хуайхэ. В танских войсках встревожились. Переправившись через Хуайхэ, Ши-цзун подошел прямо к стенам Шоучжоу и в полном боевом облачении стал с войском южнее горы Цзыцзиньшань. Чжао Тай-цзу получил приказ ударить по танским крепостным заграждениям и перерезать дорогу для подвоза продовольствия, чтобы таким образом фронт и тыл танского войска не могли взаимодействовать.

Чжу Юань, чванясь заслугами, стал своеволен и высокомерен, и государь Тан сместил его, заменив Ян Шоучжуном. Полный гнева и возмущения, Чжу Юань восстал и перешел под власть Чжоу вместе с десятитысячным гарнизоном крепости.

Ши-цзун приказал Чжао Чао снять с судов около тысячи воинов и двинуться по Хуайхэ вниз, остальные военачальники получили приказ объединить силы и ударить по Цзыцзиньшань. Танское войско понесло тяжелое поражение: более десяти тысяч человек были убиты, в плен попали Сюй Вэньчжэнь, Бянь Хао и Ян Шоучжун, остатки войск бежали вдоль реки на восток. Сам Ши-цзун с сотней конников преследовал вместе с другими военачальниками отступающих по обоим берегам, а тут еще из района среднего течения подошел флот — число убитых, утонувших и сдавшихся в плен танских воинов превысило сорок тысяч человек; число захваченных судов, провианта и оружия достигло ста

тысяч. Услыхав, что войско, посланное ему на помощь, разбито, Лю Жэньшань едва не задохнулся от отчаяния. Ци-ван Цзинда и Чэнь Цзюе бежали обратно в Цзиньлин. Славные отряды Ши-цзуна подошли к стенам Шоучжоу. Поскольку танский полководец Лю Жэньшань был в тяжелом состоянии, *цзяньцзюньши* Чжоу Тингоу вместе с другими военачальниками составил за него доклад о капитуляции, с Лю Жэньшанем на носилках они вышли из города и сдались Чжоу. Лю Жэньшань лежал, не в состоянии подняться. Ши-цзун похвалил его за службу, наградил подарками и велел снова возвращаться в город выздоравливать.

Окружное управление из Шоучжоу перенесли в Сяцай. Все преступники в округе, за исключением приговоренных к смертной казни, получили помилование. Всем, кто по приказу танского государя ушел сражаться в горы и леса, велено было вернуться к прежним занятиям. О распоряжениях, неприемлемых для народа, окружным властям разрешалось докладывать [двору]. И еще был издан указ с поощрением Лю Жэньшаню. Указ гласил:

‖«Лю Жэньшань до конца оказался предан делу, которому 242
служил, он был тверд и непреклонен в своей верности. Многие ли сановники прежних династий могут сравниться с ним? Самое значительное, что мы обрели, карая смутьяна,— это он. Назначаем Лю Жэньшаня одновременно командующим военным округом Гяньпин и *чжуншулином*».

Но Лю Жэньшань в тот же день скончался. Тогда Ши-цзун посмертно пожаловал его титулом Пэнчэнцзюнь-вана. Государь Тан, узнав о смерти Лю Жэньшаня, тоже пожаловал его званием *тайши*. В память о верности Лю Жэньшаня Ши-цзун вернул военному округу Цинхуайцзюнь его старое название Чжунчжэнцзюнь.

Государь распорядился открыть житницы Шоучжоу и выдавать рис голодающим.

Четвертый месяц. Император Ши-цзун возвратился в Далян.

Восьмой месяц. Ли Гу, [*тун*]*пинчжаньши* чжоуского двора, оставил службу. Ван Пу стал *шумиши*. Ли Гу болел два года, девять раз подавал он доклады, отказываясь от своих обязанностей, и наконец получил отставку. Однако государь приказал Ли Гу ежемесячно на носилках являться ко двору для обсуждения в неофициальной обстановке государственных дел.

Десятый месяц. Ши-цзун устроил экзамены для отбора на службу мудрых, образованных и способных к управлению людей.

Подвластный Северной Хань город Линьчжоу перешел под власть Чжоу. Ши-цзун назначил гражданского правителя Линьчжоу Ян Чунсюня *фанъюйши*.

Одиннадцатый месяц. Ши-цзун сам выступил в поход против Тан; он разгромил заставы у Хаочжоу, уничтожил водные заграждения, спалив семьдесят с лишним боевых судов и убив более двух тысяч воинов. А когда его военачальники штурмом взяли вспомогательную стену, в городе задрожали от страха. Более ста

танских боевых судов, готовых поддержать Хаочжоу, стояли на восточном берегу реки Хуаньшуй. Ши-цзун приказал ночью атаковать их, и суда были уничтожены. Успешно продвигаясь на восток, войска Ши-цзуна подошли прямо к Сычжоу. Чжао Тай-цзу сначала атаковал Сычжоу с юга; он спалил ворота [предвратной] стены и разрушил водные заграждения. Из башни предвратной стены Ши-цзун наблюдал за действиями военачальников и воинов, штурмующих стены города.

Двенадцатый месяц. Шоуцзян Фань Цзайюй сдал Сычжоу. Ши-цзун сам прибыл к стенам города и запретил армейским сборщикам фуража входить в него. Растроганные жители наперебой подносили войскам продовольствие и фураж. Сто танских боевых кораблей обороняли Цинкоу. Преследуя отступающие танские войска, Ши-цзун подошел к Чучжоу и ударил на него с северо-запада. Чжао Тай-цзу захватил танского *инъюаньши* Чэнь Чэнчжао и вернулся обратно.

Танский военачальник Го Тинвэй, понимая, что государству Тан независимость не сохранить, приказал *цаньцзюню* Ли Яньцзоу подготовить доклад [о капитуляции]. Ли Яньцзоу воспротивился, ссылаясь на преданность и долг, тогда Го Тинвэй попытался применить силу. Но Ли Яньцзоу, швырнув на землю кисть, сказал: «Истинно благородный муж никогда не предаст страну составлением доклада о капитуляции мятежному подданному». Го Тинвэй убил его и сдал город [войскам] Чжоу. Ши-цзун в то время штурмовал Чучжоу, и Го Тинвэй прибыл представиться государю. Ши-цзун поблагодарил Го Тинвэя за службу, сказав ему: «Все военачальники Цзянбэя один за другим терпели
243 поражение. Только вы один сумели‖разрушить плавучий мост у Гокоу и разгромить крепость Динъюаньчжай, воздав тем самым в должной мере своей стране!» Он послал Го Тинвэя вести гарнизон Хаочжоу на штурм Тяньчана. *Чжихуэйши* У Шоуци с сотней конников был направлен к Янчжоу. Когда отряд подошел к Гаою, танские войска, спалив в городе казенные здания и жилые дома, угнали жителей Янчжоу на юг, к переправе через Янцзы. Через несколько дней чжоуские войска вошли в Янчжоу.

Узнав, что в Тайчжоу не готовы к обороне, Ши-цзун направил туда войско и взял город.

Первый месяц пятого года Сянь-дэ (958 г.). Чжоуские войска овладели подвластным Тан городом Хайчжоу.

Ши-цзун хотел провести свои боевые корабли из Хуайхэ в Янцзы, но путь преграждала дамба Бэйшэньянь, и суда пройти не могли. Тогда, чтобы соединить Хуайхэ с Янцзы, государь решил углубить протекающую северо-западнее Чучжоу реку Гуаньшуй и направил людей осмотреть все на месте. Вернувшись, посланные доложили, что рельеф местности сложен и работа предстоит очень трудоемкая. Тогда Ши-цзун выехал к месту сам и, осмотрев все, распорядился сделать разметку и [начинать копать].

Прошло десять дней, работа была закончена, она потребовала совсем немного усилий. Сто с лишним судов вошли в Янцзы. Население Тан было очень напугано, сочтя это чудом.

Чжоуские войска захватили Цзинхайцзюнь, *т. е. Тунчжоу*, и с княжеством Уюе установилось прямое сообщение. Раньше, отправляя послов в Уюе, Ши-цзун сказал: «Хотя уезжаете вы морем, возвращаться будете сушей». И теперь, когда Тунчжоу вошел в состав Чжоу, послы из Уюе сушей [21] вернулись в Бянь.

Войска Чжоу, около сорока дней штурмовавшие Чучжоу, не могли взять город. Танский *фанъюйши* Чжан Яньцин крепко держал оборону и не сдавался. Тогда Ши-цзун взял на себя руководство над военачальниками, и город пал. Чжан Яньцин и *дуду* Чжэн Чжаое держались со своими отрядами стойко; когда ни стрел, ни мечей не осталось, Чжан Яньцин схватил кресло и, размахивая им, пытался задержать врагов, но, конечно, не справился и погиб. Более тысячи его подчиненных один за другим пали под ударами мечей, и ни один не сдался. Гао Баожун действовал в походе против Тан вместе с чжоускими [сухопутными] войсками.

Второй месяц. Войска Ши-цзуна прибыли в Янчжоу.

Третий месяц. Ши-цзун переехал в Инлуаньчжэнь. Несколько раз он доходил до устья Янцзы, высылал флот против танских войск и наносил им поражения. Государь Тан боялся, что Ши-цзун переправится через Янцзы, но ему также казалось постыдным капитулировать и именоваться окраинным владением. Тогда он послал с Чэнь Цзюе доклад Ши-цзуну: он просил разрешения передать престол царевичу Хунцзи, чтобы Хунцзи служил Срединному государству как подданный.

В то время в Хуайнани всего четыре округа — Лучжоу, Шучжоу, Цичжоу и Хуанчжоу — были еще не захвачены государством Чжоу. Когда Чэнь Цзюе увидел, сколь великолепны латники в Чжоу, он стал молить Ши-цзуна послать людей за Янцзы и получить то, что предлагалось в докладе, просил принять земли четырех округов и сделать Янцзы границей между государствами. Он настойчиво добивался прекращения военных действий, и речи его были весьма жалостливыми. «Мы подняли свои войска, в сущности, для того, чтобы овладеть Цзянбэем,— сказал Ши-цзун.— Но раз сейчас твой‖государь желает присоединить к нам и свое 244
государство, чего же требовать еще?»

Он пожаловал государя Тан письмом, которое гласило: «Император с уважением обращается к государю страны Цзяннань: мы подняли войска не ради захвата земель, не ради истребления людей, суть в том, что Поднебесная — это одна семья, так можно ли разделяться, как северные и южные варвары? Сейчас ты, государь, проявляешь добрую волю и возвращаешься под власть нашего двора — север и юг становятся единой семьей, где каждый будет охранять границы своих владений и заботливо управлять

народом. И ведь ты не только сам насладишься благом мира и покоя, ты дашь возможность детям и внукам своим узнать это истинное счастье! Добрые отношения между нами установились недавно, к изложенному в письме добавлено ничего не будет.

В некоторый день третьего месяца пятого года Сянь-дэ император государства Чжоу письмо направил».

Государь Тан с поклоном принял письмо Ши-цзуна и представил ему доклад с выражением благодарности. Доклад гласил: «Государь страны Тан, почтительно отбивая сотню земных поклонов, представляет доклад его величеству государю-императору; недавно имел честь направить с подданным Чэнь Цзюе доклад Небесному государю и [теперь] с чувством глубокого почтения принимаю высочайший указ, которым прекращены военные действия и успокоен народ, дано согласие на установление дружественных отношений и дозволено низшему государству признать себя подданным — во всем этом вижу милосердие его величества беспредельное, словно небо, и безграничное, как земля. С почтением подношу четыре округа в Цзянбэе, обязуюсь ежегодно вносить дань в миллион связок, дабы помочь верховному государству в его бесчисленных расходах.

Докладываю, презрев смерть, и, пав ниц, ожидаю высочайшего повеления.

В некоторый день третьего месяца пятого года Сянь-дэ государь страны Тан, покорный слуга Ли Бянь доклад представил».

Когда Ши-цзун получил доклад, все сановники явились поздравить его. Цзянбэй был полностью усмирен, Чжоу в общей сложности получило земли шестидесяти уездов четырнадцати танских округов. Ши-цзун пожаловал государя Тан письмом, повелев по случаю прекращения военных действий престол сыну не передавать. Цянь Хунчу и Гао Баожуну для награды войскам государь пожаловал денег и шелков на сто с лишним тысяч. Государь Тан направил Фэн Яньи в ставку Ши-цзуна для поднесения в награду войскам серебра, шелка, денег, чая и зерна — в общей сложности на миллион. Высочайшим указом Ши-цзун повелел содержать и охранять могилы бывшего командующего военным округом Хуайнань Ян Синми и бывшего командующего военным округом Шэнфу Сюй Вэня. Старшим уездным чиновникам было поручено постоянно наблюдать за могилами сановников из Цзянпани, похороненных в Цзянбэе.

Ши-цзун распорядился направить в порядке трудовой повинности мужчин на работы по углублению реки Бяньцюй — провести от устья реки Бянькоу воды Хуанхэ до реки Хуай, чтобы суда,
245 плавающие по Хуайхэ||и Янцзы, могли доходить до Бянь.

Не желая употреблять табуированные в Чжоу имена, государь Тан сменил свое имя — стал прозываться Цзин; он отдал приказ о снятии с себя императорского титула и назвался государем страны; церемониал и регалии Сына Неба были упразднены, от

собственного девиза правления он отказался и принял календарь, действовавший в Чжоу.

Раньше [*тун*]*пинчжанши* танского двора Фэн Яньи предлагал государю Тан план захвата Срединной равнины и однажды, смеясь над ограниченностью Ле-цзу[22], сказал: «Под Аньлу потеряли всего какую-то тысячу человек, и ваш предок из-за этого десять дней отказывался от пищи — то был взгляд на вещи человека от сохи. Сейчас у вас за пределами страны воюют более десяти тысяч, а вы играете в мяч и веселитесь на пирах, как в дни мира; поистине вы — выдающийся государь». Государь и сановники льстили друг другу, стараясь ничем не омрачать своей жизни.

Ханьлинь сюеши Чан Мэнси все время говорил, что Фэн Яньи и другие хвастают и болтают пустое, что верить им нельзя. Но государь Тан отвечал: «Фэн Яньи предан и чистосердечен, мы не видим лжи в его словах».— «Великое коварство похоже на преданность,— сказал Чан Мэнси,— и, если вы, ваше величество, не осознаете этого, страну постигнет беда». И вот, когда Тан покорилась Чжоу, а Фэн Яньи и ему подобные стали называть Чжоу «великой династией», Чан Мэнси, смеясь, сказал: «Почтенные, вы же добивались того, чтобы государь уподобился Яо и Шуню, и говорили о Срединной равнине как о вещи, уже лежащей в кармане. Почему же теперь вы служите великой династии Чжоу при дворе, занимающем низшее положение?» Устыженный Фэн Яньи и остальные не решались ответить.

Ши-цзун повелел *тайфуцину* Фэн Яньлу и *вэйвэйшаоцину* Чжун Мо быть послами в Тан: государю Тан он пожаловал императорское платье, яшмовый пояс и высочайше утвержденный календарь; кроме того, в награду войскам жаловалось сто тысяч связок монет и пятьдесят тысяч кусков шелка.

Государь Тан несколько раз докладывал о том, что в районе Цзяннани нет солончаковых земель, и просил разрешения иметь в Хайлине инспектора по соли. Ши-цзун сказал: «Хайлин находится в Цзянбэе, чиновникам трудно будет ужиться» — и распорядился ежегодно отправлять в дар государству Тан триста тысяч *ху* соли для нужд танского народа. Пленных танских воинов он приказал отпустить на родину.

Император, придавая большое значение земледелию, однажды приказал вырезать из дерева фигуры землепашца и крестьянки, разводящей шелковичных червей, и установить их во дворце.

Желая уравнять в Поднебесной налоги, Ши-цзун пожаловал всем областям страны «Схему уравнения пахотных земель», составленную когда-то Юань Чжэнем[23]. В том же году, в девятом месяце, он повелел *саньцичанши* Ай Ину и другим, всего тридцати четырем чиновникам, разъехаться по округам и установить налог на землю соответственно ее качеству. Он повелел еще всем округам создать в деревнях из каждых ста дворов объединения —

туань[24] — и поставить во главе их трех старейшин. Кроме того, государь приказал перевести всех сборщиков налогов и податей снова под начало округов и уездов; *мучжи* и уездные чиновники отныне должны были получать вознаграждение деньгами и зерном и не смели брать лишнее у народа.

Шестой год Сянь-дэ (959 г.). В Хуайнани был сильный голод. Ши-цзун приказал округам и уездам ссудить Хуайнань зерном. Некто сказал: «Народ беден, боюсь, люди не смогут вернуть
246 долг, как же тогда быть?» — ||«Народ — это мои дети,— ответил Ши-цзун,— может ли отец не помочь, раз дети попали в беду? Придет время спросить долг, они его непременно вернут!»

Третий месяц. Скончался чжоуский *шумиши* Ван Пу. Прибыв к покойному, Ши-цзун начал бить о землю яшмовой секирой и раза четыре принимался рыдать — он был не в силах сдержать себя.

Сославшись на то, что северные соседи еще не призваны к порядку, Ши-цзун издал указ о личном походе; *циньцзюнь дуюйхоу* Хань Туну и другим было приказано двигаться вперед с сухопутным войском и флотом.

Четвертый месяц. Хань Тун наладил водный путь из Цанчжоу до границ киданьских владений: в районе Цяньнинцзюня он построил заграждения, подвел воду в тридцать шесть пунктов и соединил таким образом Инчжоу с Мочжоу. Император прибыл в Цанчжоу и в тот же день во главе десятитысячного пешего и конного войска направился к киданьской границе. Поскольку шел он путем необычным, население о походе ничего не знало. Ван Хун, гражданский правитель киданьского города Нинчжоу, перешел на сторону Чжоу и сдал город. Император указом назначил Хань Туна *дубушу* сухопутных войск, а Чжао Тай-цзу — *дубушу* речного флота. В императорской лодке Ши-цзун двигался по реке на север. Длинные тупоносые лодки, плывшие одна за другой, растянулись на десять с лишним *ли*. От Дулюкоу поплыли по течению на запад и достигли Ицзиньгуаня. *Шоуцзян* Чжун Тинъяо сдал город и перешел на сторону Чжоу. Русло реки постепенно сужалось[25], тогда государь перешел па сушу и продолжал идти на запад. Ночевал он прямо в поле, личная стража при нем не насчитывала и пяти сотен, свита пребывала в страхе. Отряды легкой конницы варваров появлялись то где-то слева, то справа от государя, но приближаться не решались.

Чжао Тай-цзу первым подошел к Вацяогуань. *Шоуцзян* Яо Нэйбинь и гражданский правитель Мочжоу Лю Чусинь сдали свои города и перешли под власть Чжоу.

Первый день пятого месяца. Подошли войска *шивэй дучжихуэйши* Ли Чунцзиня и других. Гражданский правитель киданьского города Инчжоу Гао Яньхуэй сдал город и перешел на сторону Чжоу. Вся территория Гуаньнани была покорена. Устроив в походном дворце пир для военачальников, Ши-цзун спросил их

мнение о захвате Ючжоу. Военачальники, возгласив здравицы и поздравив государя, сказали ему так: «Ваше величество, вы покинули столицу всего сорок два дня тому назад, и войска ваши, не окровавив своих клинков, уже овладели на севере южными землями Янь. Это беспримерный успех! Но сейчас вся вражеская конница сосредоточена у Ючжоу, не стоит слишком углубляться».— «Нужно пользоваться успехом и идти не останавливаясь дальше,— сказал Ши-цзун.— Зачем же бросать на половине пути то, что дается без труда?» В тот же день он приказал *дучжихуэйши* передового отряда Ли Чунцзиню выступить первым и закрепиться в [уезде] Гуань. Когда наступил вечер, Ши-цзун вернулся ночевать в Вацяо. Но ночью государю стало плохо, и он возвратился обратно в войско.

В это время Сунь Синъю овладел Ичжоу. Взятый в плен гражданский правитель города Ли Цзайцинь был препровожден в походную ставку государя и там на солдатском базаре казнен. В Вяцяогуани учредили округ Сюнчжоу, а в Ицзиньгуани — Бачжоу.

Император приказал Ли Чунцзиню выступить с войском к Тумэни и ударить на Северную Хань, Хань Линкунь получил приказ охранять Бачжоу, Чэнь Сыжан — Сюнчжоу. После этого император двинулся‖в обратный путь и прибыл в Далян. Путь 247
туда и обратно у него занял всего шестьдесят дней.

Шестой месяц. Командующий подвластным Тан военным округом Цинъюань Лю Цунсяо, направив ко двору Чжоу посла с подарками, просил учредить в столице для сношения с троном представительство от его военного округа. Ши-цзун подарки не принял. Он издал указ, гласивший: «Цзяннань совсем недавно изъявила покорность и печется лишь о спокойствии. Вы давно служите Цзиньлину, не меняйте своей позиции. Если учредить ваше представительство в столице, возникнет конфликт с государством Тан, а случись такое, вина падет на нас».

Государь Тан отправил Чжун Мо с данью в Чжоу. Ши-цзун спросил Чжун Мо: «Что там в Цзяннани, они готовят войска и приводят в порядок стены на случай обороны?» — «Раз мы, как подданные, служим великому государству, мы не смеем вернуться к старому»,— ответил Чжун Мо. Но Ши-цзун сказал: «Разве можно так рассуждать? В прежние времена мы были врагами, теперь стали одной семьей. Между моим и твоим государствами установилось великое согласие, оно надежно, и нам беспокоиться нечего. Однако в жизни бывают трудные времена, и, что случится впоследствии, знать нельзя. Вернешься, скажи своему государю: пусть он, пока я жив, заканчивает возведение городских стен, внешних и внутренних, приводит в боевую готовность войска и укрепляет стратегически важные пункты — нужно помнить о сыновьях и внуках». Возвратившись на родину, Чжун Мо передал слова Ши-цзуна. Государь Тан был тронут и [обрадован] [26].

Он сразу же начал приводить в порядок стены Цзиньлина, распорядился возвести стены вокруг всех неукрепленных городов и усилил гарнизоны, где они были малочисленны.

Раньше. Первые министры не раз просили Ши-цзуна пожаловать царевичам титулы ванов, но он говорил: «Сыновья заслуженных сановников не удостоены милостей, так можно ли быть спокойным, выделив раньше других наших сыновей?» Но теперь, когда Ши-цзун занемог, он пожаловал царевичу Цзунсюню титул Лян-вана. В это время Лян-вану было семь лет от роду.

Ши-цзун хотел сделать Вэй Жэньпу министром, но те, с кем он советовался, заявили, что Вэй Жэньпу не имеет ученого звания. Ши-цзун ответил: «С древности всех, кто обладал гражданским или военным талантом, использовали как помощников в управлении государством, почему вы всё сводите к ученому званию?» Он назначил Ван Пу и Фань Чжи *цаньчжи шумиюаньши*, Вэй Жэньпу сделал *тунпинчжанши*, оставив его по-прежнему *шумиши*, У Тинцзо стал *шумиши*, Хань Тун был назначен помощником *дучжихуэйши* дворцовой стражи, а Чжао Тай-цзу *будяньцзянем* дворцовой стражи. Однажды Ши-цзун спросил начальника военной палаты Чжан Чжао: «Мы желаем выбрать министра из сановников двора, кого можно назначить на эту должность?» Чжан Чжао рекомендовал Ли Тао. Ши-цзун удивился: «Ли Тао — человек легкомысленный, у него нет данных, чтобы стать таким высоким сановником, почему вы рекомендуете его?» — «То, что вызывает недовольство вашего величества,— ответил Чжан
248 Чжао,— это мелкие проступки,‖основанием же для представления вашего покорного слуги являются его большие достоинства. Когда-то Чжан Яньцзэ жестоко убивал невинных, Ли Тао неоднократно докладывал о том, что, если не покончить с Чжан Яньцзэ, в будущем он непременно принесет несчастье стране. Во время правления ханьского Инь-ди Ли Тао тоже подал доклад с просьбой лишить покойного государя[27] военной власти. Ведь тогда еще было совсем неясно, что для страны хорошо и что опасно, а он смог разобраться в этом, значит, он воистину обладает качествами первого министра».— «Ваши слова весьма достойны,— сказал Ши-цзун,— и все-таки Ли Тао ни в коем случае не следует делать даже и *чжуншу*». Государь много раз собирался назначить министром *ханьлинь сюеши* Ван Чжу, старого чиновника, служившего ему еще в провинции, однако Ван Чжу имел пристрастие к вину, вел себя неподобающе, и Ши-цзун этого поста ему так и не дал. Но когда Ши-цзуну стало плохо, он призвал к себе Фань Чжи и других и, передавая свою волю, сказал Фань Чжи: «Ван Чжу — наш старый слуга со времен службы в военном округе, и, если мы не встанем, пусть он будет министром!» Фань Чжи[28]...

КОММЕНТАРИЙ

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЛЯН

Цзюань 1

[1] Пять династий — период в истории Китая (907—959), когда власть переходила из рук в руки к могущественным военачальникам, силой оружия захватывавшим трон и провозглашавшим свои династии: (Поздняя) Лян (907—922), (Поздняя) Тан (923—935), (Поздняя) Цзинь (936—946), (Поздняя) Хань (947—950), (Поздняя) Чжоу (951—959).

[2] Первобытный хаос.— Согласно представлениям древних китайцев, вселенная не была сотворена, а образовалась сама из бесформенного хаоса, причем началом мироздания явилось разделение хаотичной смеси на небо и землю, или, как у автора *пинхуа*, на ветер и воздух (*ци*).

[3] Фуси — первый мифический император Китая, правивший, согласно преданию, в XXVIII—XXVII вв. до н. э.

[4] Восемь триграмм (*ба гуа*) — восемь символов, обозначавших, по древнекитайским представлениям, восемь компонентов мира: небо, землю, огонь, воду, водоемы, ветер, горы и гром. Триграммы представляют собой различные комбинации трех линий — сплошных и прерывистых. Составление восьми триграмм, приписываемое Фуси, явилось, согласно китайской традиции, началом письменности; с помощью триграмм можно было фиксировать основные события.

[5] Хуан-ди (Желтый император) — император, правивший, согласно традиции, в XXVII—XXVI вв. до н. э. По преданию, после победы над Чию богиня шелководства Цань-шэнь поднесла Хуан-ди в дар шелковые нити. Император приказал вытkать из них ткань, из которой сделал себе парадную одежду и шапку. После этого жена Хуан-ди, Лэйцзу, сама стала разводить шелкопрядов, а вслед за нею и люди занялись шелководством.

[6] Тринадцать триграмм — число «тринадцать», по-видимому, названо здесь ошибочно вместо восьми.

[7] Чию — по преданию, один из потомков Янь-ди. С войском, состоявшим из злых духов и воинов народа мяо, явился в Чжолу, владение Хуан-ди, дав этим понять, что претендует на трон верховного владыки. Хуан-ди пытался речами о долге воздействовать на Чию, но результата не добился, и между ними началась долгая, кровопролитная война.

[8] Янь-ди — повелитель юга и солнца. По преданию, научил людей сеять хлеб, заставив солнце давать столько света и тепла, чтобы хлеба росли и вызревали. За это его часто называют Шэнь-нуном — покровителем земледелия; считается также покровителем врачевания и создателем рынков.

[9] Фэн-хоу.— Согласно преданию, во время битвы с Хуан-ди Чию напустил на небо и землю туман. Тогда Фэн-хоу предложил Хуан-ди «колесницу, указывающую на юг» — своего рода компас, с помощью которого тот сумел вывести из тумана свои войска. Автор *пинхуа* приписывает Фэн-хоу другой способ помощи Хуан-ди.

[10] Юй Шунь — легендарный император, известный под именем (юйского) Шуня, правивший в Китае в XXIII в. до н. э. По преданию, император

Яо передал престол не своему сыну, а Шуню как наиболее достойному человеку в государстве. Китайская традиция почитает Яо, Шуня и Юя образцовыми правителями «золотого века» древности.

[11] Саньмяо — «[страна] трех мяо», существовавшая, согласно традиции, в III тысячелетии до н. э. на территории, соответствующей ряду районов современных провинций Хэнань, Хубэй и Цзянси.

[12] Тан (Чэн Тан, XVIII в. до н. э.) — иньский правитель, уничтоживший династию Ся (см. примеч. 16) и утвердивший в Поднебесной власть династии Шан (см. примеч. 17).

[13] Цзе (Цзе-ван, XIX—XVIII вв. до н. э.) — последний представитель легендарной династии Ся, свергнутый Таном. В китайской традиции образец жестокости и разврата.

[14] У-ван — вместе со своим отцом Вэнь-ваном основал династию Чжоу. Правил Китаем в 1121—1114 гг. до н. э. Тан и У-ван считаются в китайской исторической традиции идеальными государями.

[15] Чжоу (Чжоу-ван, Чжоу Синь, 1154—1122 гг. до н. э.) — последний правитель династии Инь, слывший жестоким тираном. Был свергнут У-ваном.

[16] Ся — первая легендарная династия, правившая Китаем, согласно традиции, в XXVIII—XVIII вв. до н. э.

[17] Инь — династия, правившая Китаем в XVIII—XII вв. до н. э. Первоначально называлась Шан.

[18] Чунь-цю («Вёсны и осени») — период в истории Китая (722—481 гг. до н. э.), названный по книге, составление которой традиция приписывает Конфуцию. «Вёсны и осени» — последняя (пятая) книга «Пятикнижия» (см. примеч. 74), представляет собой хронику событий княжества Лу и соседних княжеств VIII—V вв. до н. э.

[19] Три начала — три конфуцианских этических принципа, лежащих в основе жизни общества и управления государством. Это отношения между государем и подданными; отцом и сыном; мужем и женой.

[20] Девять правил — правила взаимоотношений удельных правителей с центральной властью и друг с другом, изложенные в *Чжоу ли* (*Чжоу ли*. Т. 3, *цз.* 29, *Ся гуань да сыма*, с. 1а—6 (1043)). Контроль за соблюдением этих правил входил в функции *да сыма*, который, следя за их исполнением, «помогал вану управлять и упорядочивать подвластные ему государства» и мог с помощью девяти карательных походов «исправить» вассальные государства. Правила эти следующие:

установление четких границ между государевыми землями и землями удельных князей;

дифференциация положения и рангов удельных правителей с целью создания четкой иерархии;

выдвижение достойных и имеющих заслуги для поощрения вассальных государств;

назначение правителей областей и инспекторов, чтобы связать воедино вассальные государства;

упорядочивание войск в вассальных государствах и требование соблюдения запретов;

определение дани и распределение обязанностей между государствами;

учет в государствах сельского населения с целью его использования;

установление соответствия площади территории и норм податей;

забота о гармоничности отношений между государствами: большие государства по-родственному относятся к малым, а последние служат большим.

[21] Кун-цзы (также Кун-фу-цзы, настоящее имя Кун Цю, в Европе известен как Конфуций — неточная передача китайского Кун-фу-цзы, 551—479 гг. до н. э.) — великий древнекитайский мыслитель, основатель этико-философского учения. Конфуцианство, пропагандируемое и развиваемое многочисленными учениками Кун-цзы, со времен династии Хань (III в. до н. э.— III в. н. э.) стало основной идеологией правящих классов Китая и

играло огромную роль в политической и культурной жизни страны на протяжении всей ее дальнейшей истории.

[22] Мэн-цзы (настоящее имя Мэн Кэ, IV—III вв. до н. э.) — древнекитайский философ, последователь Конфуция. Традиция приписывает ему одну из книг конфуцианского канона, называемую «Мэн-цзы», в которой развивается учение Конфуция и излагаются принципы государственного устройства и управления.

[23] Гао-цзу — основатель династии Хань — Лю Цзи (Лю Бан, 247—195 гг. до н. э.), носивший до вступления на престол титул Хань-вана. Правил с 206 по 195 г. до н. э.

[24] Ши-хуан — основатель династии Цинь (246—207 гг. до н. э.), правивший в 246—210 гг. до н. э. Политика Ши-хуана и его жестокость вызвали недовольство большинства населения страны и привели к восстаниям, в результате которых в 207 г. до н. э., после смерти Ши-хуана, государство Цинь пало. Лю Бан (см. примеч. 23) и Сян Юй (примеч. 27) были главными фигурами в борьбе с тиранией Цинь.

[25] Меч Драконов источник (китайское название Лунъюаньский или Лунцюаньский) — один из трех драгоценных старинных мечей, который, как гласит предание, был изготовлен в период Чунь-цю для Чу-вана по его заказу двумя знаменитыми мастерами из княжества У — Оу Ецзы и Гань Цзяном.

[26] Срединная равнина — одно из древних названий Китая.

[27] Сян Юй (Сян Цзи, 232—202 гг. до н. э.) — возглавил борьбу старой знати княжества Чу против династии Цинь и действовал некоторое время совместно с Лю Баном. После уничтожения династии Цинь между Лю Баном и Сян Юем началась борьба за власть, в результате которой Сян Юй в 202 г. до н. э. потерпел окончательное поражение и погиб, заколовшись мечом. Лю Бан объявил себя императором и установил по всей территории тогдашнего Китая власть династии Хань.

[28] Хань — династия, правившая в Китае с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э. Правление этой династии делится на два периода, рубежом которых является восстание «краснобровых»: с 206 г. до н. э. по 25 г. н. э. правила Западная, или Ранняя, династия Хань со столицей в Чанъани; с 25 по 220 г. н. э. правила Восточная, или Поздняя, династия Хань со столицей в Лояне.

[29] Хань Синь (ум. 196 г. до н. э.) — один из ближайших сподвижников и соратников ханьского Гао-цзу (Лю Цзи) в его борьбе с Чу-ваном Сян Юем за китайский престол. Начал службу у Сян Юя, но, не удовлетворенный отношением к себе и занимаемым положением, перешел на службу к Лю Цзи. За большие военные успехи был сначала пожалован титулом Ци-вана, а после разгрома Сян Юя у Гайся (202 г. до н. э.) титулом Чу-вана. Гао-цзу, поверив молве о мятежных намерениях Хань Синя, сумел захватить его, но потом отпустил. Когда Чэнь Си восстал и император лично возглавил поход против него, обиженный Хань Синь, сказавшись больным, не последовал за императором против мятежника. Тогда жена Гао-цзу, императрица Люйхоу, по совету министра Сяо Хэ хитростью заманила Хань Синя во дворец Чанлэ и приказала казнить его вместе с семьей в трех поколениях.

[30] Пэн Юе (ум. 196 г. до н. э.) — как и Хань Синь, служил сначала Сян Юю, затем перешел на сторону Лю Цзи, добился больших военных успехов, за что получил титул Лян-вана. Когда Гао-цзу выступил против Чэнь Си, он попросил войск у Лян, но Пэн Юе, сказавшись больным, послал вместо себя своего военачальника. Гао-цзу обругал Пэн Юе. Тогда Ху Чжэ посоветовал Пэн Юе восстать, но Пэн Юе не согласился. Гао-цзу, однако, когда ему донесли об этом, захватил Пэн Юе и казнил его вместе с семьей в трех поколениях.

[31] Чэнь Си (ум. 196 г. до н. э.) — один из военачальников Лю Цзи. Получив очередное назначение охранять земли Чжао и Дай, решил захватить их в свое владение. Хань Синь обещал поддержать его мятеж. Чэнь Си

объявил себя Дай-ваном и перестал подчиняться императору. Гао-цзу выступил против него походом, и Чэнь Си был разбит.

[32] Небесный владыка (Верховный владыка, кит. Тянь-ди, Шан-ди).— Согласно верованиям древних китайцев, верховное божество.

[33] Перерождение.— По буддийскому учению, все живые существа после смерти рождаются вновь в зависимости от совершенных ими в жизни деяний, добрых или злых, в одном из шести царств: небожителей, демонов, людей, животных, голодных духов, обитателей преисподней. После очередной смерти следует новое рождение, до тех пор, пока живое существо в результате морального самоусовершенствования не освободится от всякой скверны и не упокоится в вечном блаженстве — нирване.

[34] Цао Цао (155—220) — известный полководец и государственный деятель. Будучи первым министром императора Сянь-ди (190—220), фактически правил государством. После смерти Цао Цао его сын Цао Пэй в 220 г. низложил Сянь-ди и провозгласил себя императором новой династии Вэй (220—264). Государство Вэй занимало территорию современных провинций Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Шаньси, Ганьсу, северную часть провинции Хубэй, Цзянсу, Аньхой, центральную и западную части Ляонина и северную часть Кореи.

[35] Сунь Цюань (ум. 251 г.) — в 229 г. провозгласил себя императором в государстве У (220—280), в состав которого входила территория современных провинций Хунань, Хубэй, Цзянси, Чжэцзян, Фуцзянь, Гуандун, Гуанси и северная часть современного Вьетнама.

[36] Лю Бэй (ум. 223 г.) — представитель ханьского императорского дома, потомок чжуншаньского вана Шэна, одного из сыновей ханьского императора Цзин-ди (156—140 гг. до н. э.). В 221 г. провозгласил себя императором в Шу, назвав свою династию Хань (в истории сохранилось название государства Шу и династии Шу-Хань, 220—263). Во владения Шу входила территория современных провинций Сычуань, Юньнань, Гуйчжоу и южная часть Шэньси.

[37] Сянь-ди — последний император династии Поздняя Хань, правил с 190 по 220 г.

[38] «История Трех царств» (*Сань го чжи*) — сочинение Чэнь Шоу (223—297), излагающее историю государств Вэй, Шу и У.

[39] Сыма И (179—251) — сановник и полководец государства Вэй (220—264), захвативший в 249 г. власть в стране в свои руки. После смерти Сыма И власть перешла к его сыновьям: сначала к старшему — Сыма Ши, а потом к младшему — Сыма Чжао. В 265 г., когда Сыма Чжао умер, его сын Сыма Янь низложил государя Вэй и, вступив на престол, назвал свое государство Цзинь (265—420).

[40] Ян Цзянь — основатель династии Суй (589—617), известный под именем суйского Вэнь-ди (589—604). Крупный политический деятель государства Северное Чжоу (557—583), фактически правивший страной. В 581 г. он убил чжоуского императора Цзин-ди и объявил себя императором новой династии Суй.

[41] Ян-ди — второй император династии Суй, правивший в 605—617 гг.

[42] Шао Канцзе (1011—1077) — сунский поэт Шао Юн (Канцзе — его посмертное имя).

[43] Танский гун Ли Юань — основатель династии Тан (618—907), известный в истории под храмовым именем Гао-цзу. Правил в 618—626 гг. Состоя на службе у династии Суй, носил титул танского гуна.

[44] Ю-ван — последний суйский император, известный под именем Гунди, правил в 617—618 гг.

[45] Циньский ван Шиминь — Ли Шиминь, сын Ли Юаня, известный в истории под храмовым именем Тай-цзуна. Правил в 627—649 гг.

[46] Вэй Чжэн (580—643, в тексте вместо иероглифа 徵 *чжэн* написан его омоним [3]) — виднейший сановник танского двора. Начав службу у царевича Цзяньчэна, он после убийства последнего Шиминем стал одним

из главных советников Тай-цзуна, которому подал свыше двухсот докладов. Император с большим уважением относился к Вэй Чжэну и высоко ценил его советы.

[47] Фан Сюаньлин (в тексте Фан Юаньлин, 578—646) — один из сподвижников и соратников Цинь-вана Шиминя, после восшествия на престол которого в течение пятнадцати лет занимал пост первого министра.

[48] Ду Жухуэй (585—630) — один из ведущих министров Тай-цзуна. Вместе с Фан Сюаньлином осуществляли политику двора. В истории они известны как «Фан и Ду». Про них говорили: «Фан задумывает, Ду осуществляет».

[49] Ли Цзин (571—649) — танский полководец, особо прославившийся победой над восточными тюрками и усмирением тугухуней. За свои заслуги получил титул Вэй-го гуна («Защитника государства»). Известна запись его рассуждений о войне «Ответ Ли Вэй-гуна» (*Ли Вэй-гун вэнь-дуй*).

[50] Юйчи Цзиндэ (585—658) — танский полководец, активно помогавший Тай-цзуну в его борьбе за престол. Прославился многими победами, участвовал в походе на Корею. Последние 16 лет своей жизни, отойдя от дел, жил в уединении, не общаясь с людьми.

[51] Чжэнь-гуань — под этим девизом все годы своего царствования правил император Тай-цзун. Начиная с династии Хань (III в. до н. э.) и до 1911 г. правление каждого императора обозначалось определенным девизом, призванным символизировать сущность или цель наступающего правления. Нередко императоры в силу различных причин изменяли девизы годов правления по нескольку раз на протяжении своего царствования. Собственное имя императора ни писать, ни произносить при его жизни не разрешалось. В истории императоры называются их посмертными, храмовыми именами.

[52] Юань Тяньган (ум. после 635 г.) — был известен как искусный предсказатель судьбы по стихиям (в китайской космогонии). В 605 г. прибыл в Лоян, где его предсказания стали пользоваться успехом. У него гадал Ван Гуй (см. ниже, примеч. 9 к истории Цзинь) и другие известные суйские сановники. В 634 г. о нем узнал Тай-цзун и пригласил к себе во дворец. Сочинение Юань Тяньгана *Цзю тянь юань нюй лю жэнь кэ* было широко известно и популярно (особенно во времена династий Сун и Юань). Впоследствии гаданием занимался и его сын Юань Кэши.

[53] Си-цзун — император, правивший Китаем в 874—888 гг.

[54] В Китае человек на протяжении своей жизни меняет свое имя несколько раз: первое, детское имя дается ему при рождении и сохраняется до школьного возраста (впоследствии этим именем человека называют обычно только близкие или родственники, а также друзья); при поступлении в школу учитель или родители дают ребенку другое имя; позднее новое имя мог дать человеку его начальник по службе или император, жалуя за особые заслуги. Поскольку в Китае нет общепринятых традиционных имен, то для имени подбираются слова (одно или два), символизирующие счастье и добрые пожелания, либо говорящие о цели жизни, либо отмечающие внешние или внутренние качества, талант или иные достоинства человека. У правящих императоров личное имя заменялось девизом годов правления.

[55] И-цзун — император, правивший в 860—873 гг.

[56] Сянь-тун — девиз, под которым все годы правил император И-цзун.

[57] Лю Синшэнь (IX в.) — командующий левым крылом личной стражи императора. Как сообщает история, когда императору И-цзуну стало плохо, Лю Синшэнь вместе с Хань Вэньюе добились указа об объявлении наследником Пу-вана Яня, которого после кончины И-цзуна они возвели на престол. Оба за это были пожалованы титулами Го-гунов.

[58] Хань Вэньюе (IX в.)— командующий правым крылом личной стражи императора.

[59] Цянь-фу — первый девиз (874—879) правления императора Си-цзуна.

[60] Лу Си (ум. 880 г.) — один из видных сановников императоров И-цзу-

на и Си-цзуна. Эпизод его гибели по навету Лу Яня — вымысел автора *пинхуа*. После подачи доклада Си-цзуну, о котором идет речь в повествовании, он еще в течение шести лет занимал различные высокие посты, получал новые чины и звания. Умер не в 874 г., как об этом рассказывается в *пинхуа*, а в 880 г. Евнух Тянь Линцзы свалил на него вину за прорыв войск Хуан Чао через горный проход Тунгуань. Разжалованный императором Лу Си принял яд. Вступивший вскоре в Чанъань Хуан Чао приказал извлечь труп Лу Си и разрубить его на куски на базарной площади.

[61] Лу Янь (ум. 874 г.) — сановник императора И-цзуна, при дворе которого занимал высокие военные и гражданские посты вплоть до поста первого министра. К концу правления И-цзуна положение его сильно пошатнулось, и после восшествия на престол Си-цзуна Лу Янь в очередной раз был разжалован и направлен гражданским правителем в отдаленный округ. По дороге к новому месту назначения императорским указом он был лишен всех чинов и званий, арестован и пожалован смертью. В бытность свою министром, Лу Янь предложил вырезать у всех пожалованных смертью чиновников третьей категории и выше три *цуня* дыхательного горла в доказательство их действительной смерти. И теперь, когда он сам был пожалован смертью, он знал, что эта же акция будет совершена и над ним.

[62] Пожаловать смертью — так в Китае назывался обычай, когда приговоренному к смертной казни ввиду его особых заслуг позволялось как выражение милости государя самому покончить с собой. В знак этой милости «жаловался» шелковый шнур или меч.

[63] *Сюцай* — первая ученая степень в старом Китае, получаемая теми, кто сдавал экзамен в главном городе уезда. *Сюцаями* называли также людей начитанных и образованных, не обязательно выдержавших экзамен.

[64] Система государственных экзаменов существовала в Китае (с перерывами) с 165 г. до н. э. до 1905 г. Сдавший экзамен получал право на должность в государственном аппарате. Экзамены были трехстепенными: первый, в уездном городе,— на степень *сюцая*, второй, в области,— на степень *цзюйжэня*, третий экзамен — на высшую степень *цзиньши* — проводился в столице раз в три года. Кроме того, проводился еще и дворцовый экзамен, на котором экзаменатором был сам император. В качестве тем сочинений экзаменующимся давали цитаты из классических книг, поэтому совершенное знание классического конфуцианского канона было обязательным для всех экзаменующихся, при этом сочинение должно было быть написано изящным слогом и каллиграфическим почерком.

[65] Треугольные глаза и рыжие волосы, согласно китайским народным поверьям, указывают на человека свирепого нрава.

[66] Знаки *ба гуа* — см. примеч. 4.

[67] Шраман — буддийский монах (санскр. śramana).

[68] Указ о возвышении достойных — т. е. указ о проведении столичного экзамена.

[69] В четырех морях — одно из древних названий Китая, связанное с тем, что, по понятиям древних китайцев, их страна с четырех сторон омывалась морем.

[70] Согласно народным поверьям, для любого важного начинания (брак, отъезд, выступление в поход и др.) существуют счастливые и несчастливые дни. Устанавливали такие дни с помощью гадания или календаря, где эти дни отмечались.

[71] Золотой список — список выдержавших экзамен, который вывешивался на воротах экзаменационной палаты.

[72] Пишу привычно «ворота» и «сердце» снизу в них — стихотворно-иероглифическая шарада. Добавить снизу в иероглиф *мэнь* «ворота» иероглиф *синь* «сердце» — значит написать иероглиф *мэнь*, имеющий значение «тосковать», «грустить», «печалиться». Так Хуан Чао выразил свое состояние после неудачи на экзамене.

[73] В тексте этой фразы утрачены три иероглифа, перевод по контексту.

[74] «Пятикнижие»—первая часть конфуцианского канона, в которую входят пять классических книг: *И цзин* («Книга перемен»), *Ши цзин* («Книга песен»), *Шу цзин* («Книга исторических преданий»), *Ли цзи* («Книга обрядов») и *Чунь-цю* (летопись «Вёсны и осени»).

[75] Карточка — своего рода визитная карточка, представляющая собой лист красной бумаги; на ней писалась фамилия, имя, откуда родом и должность того, кто подавал карточку. На таких карточках могли писаться приглашения, излагались просьбы.

[76] Пронзил бы тополь за сто шагов— т. е. был совершенно уверен в своих успехах на экзаменах. Это выражение означает «точно попадать в цель» и связано с именем некоего Ян Юцзи, жившего в эпоху Чунь-цю, который был таким превосходным стрелком, что, когда стрелял из лука в лист ивы с расстояния в сто шагов, то все сто пущенных им стрел точно попадали в цель.

[77] Готов я стоять в снегу у ворот учителя — выражение, связанное с именами известного сунского ученого Чэн И (1033—1107) и двух его учеников: Ян Ши (1044—1130) и Ю Цзо (1045—1115), которые почтительно стояли перед воротами дома своего учителя в снегу глубиной в один *чи*, не смея потревожить сон Чэн И.

[78] Хуан-гун (Хуан Ши-гун — Господин Желтый камень).— Китайская традиция считает его автором военных трактатов «Три стратегии» (*Сань люе*) и «Законы войны Тай-гуна» (*Тай-гун бин фа*). По преданию, один из советников Лю Бана, Чжан Лян (III в. до н. э.), повстречал как-то на мосту у Сяпэя глубокого старца в простой, грубой одежде. Старик подарил Чжан Ляну книгу и сказал: «Прочитав эту книгу, ты станешь наставником вана и через тринадцать лет увидишь меня. Желтый камень у горы Гучэн в Цзибэе — это я». Чжан Лян изучил подаренную книгу, а это были «Законы войны Тай-гуна», и, применяя знания, почерпнутые из нее, помог Лю Бану утвердить власть династии Хань во всей Поднебесной.

[79] Пять принципов — основные нравственные качества, которыми, по конфуцианской этике, должен обладать благородный муж: человеколюбие, справедливость, умение вести себя, мудрость, правдивость.

[80] Янь и Жань — Янь Хуэй (529—490 гг. до н. э.) и Жань Цю (544 — ? гг до н. э.) — ученики Конфуция, известные своими способностями и высокими моральными качествами.

[81] Бань и Ма — Бань Гу (32—92) и Сыма Цянь (145—86 гг. до н. э.) — знаменитые китайские историки, сочинения которых — «История Ранней династии Хань» и «Исторические записки» — древняя китайская традиция считала образцом стиля.

[82] Почему же Хуан Чао...— В тексте после имени Хуан Чао утрачены три иероглифа, восстановить которые не представляется возможным.

[83] Побежит-поспешит за грибом долголетья — *сяньчжи*.— Здесь намек на имя Ван Сяньчжи, поднявшего в это время восстание в Юньчжоу.

[84] Вторая стража — время от 9 до 11 часов вечера. В старом Китае с 7 часов вечера (начало первой стражи) до 5 часов утра (конец пятой стражи) каждые два часа сменялась ночная стража. Эта смена отмечалась ударами в гонг или барабан.

[85] Бирюзовая Хань — одно из китайских поэтических названий Млечного Пути.

[86] Небесная Река — другое поэтическое название Млечного Пути.

[87] Мэнчан (Мэнчан-цзюнь) — настоящее имя Тянь Вэнь (III в. до н. э). Сановник княжества Ци, славившийся своим широким гостеприимством и щедрым хлебосольством, в его доме постоянно кормились тысячи людей.

[88] Цзылу — настоящее имя Чжун Ю, один из учеников Конфуция, отличавшийся смелостью и отвагой.

[89] О Чу и о Цзин преданье.— Имеется в виду царство Чу (уничтоженное в III в. до н. э. царством Цинь), занимавшее территорию Цзин — одной из девяти областей древнего Китая.

[90] Железное лицо — прозвище Шан Жана.

[91] Золотая звезда — намек на Хуан Чао (*хуан* — «желтый», цвет золота).

[92] Палаты Цзядэ («Прославление добродетели») — название ханьского дворца в современной провинции Гуандун, юго-восточнее уезда Баоань. Другое название — Палаты девяти драконов.

[93] Битва желтых муравьев — еще один намек на Хуан Чао, построенный на обыгрывании его фамилии *хуан*.

[94] Лягушка золотистого цвета — третий намек на Хуан Чао.

[95] Цитируемая здесь песенка была, видимо, в свое время очень популярна, ибо она включена в биографию Хуан Чао, помещенную в «Старой истории Тан» (*Цзю Тан шу*, с. 1684б). В тексте песенки, приведенном в *пинхуа*, заменены два знака: вместо *чжэн-ну* «свирепые» сказано *сань-цзяо* «треугольные» глаза. Замена эта, вероятно, вполне сознательна, ибо, давая выше описание внешности Хуан Чао (см. примеч. 65), автор использовал именно эпитет «треугольные» как народное обозначение свирепого выражения глаз, поэтому, цитируя песенку, он произвел в ней замену, чтобы сохранить уже введенное ранее обозначение.

[96] Беда в Ланъе.— Вся эта строка — намек на Цинь Ши-хуана, с точки зрения конфуцианской этики, низкого человека, деспотичного и жестокого правителя. По приказу Цинь Ши-хуана на горе Ланъе (провинция Шаньдун, юго-восточнее уезда Чжучэн) была построена терраса и выбита надпись, прославляющая его «заслуги». К подножию горы переселили и тридцать тысяч семей простолюдинов, которых по прихоти того же Цинь Ши-хуана изгнали из родных мест.

[97] О треножниках кто спросил в старину? — Чу-цзы...— Чуский правитель Чжуан-ван, носивший титул Чу-цзы, во время похода на лухуньских жунов в 606 г. до н. э. дошел до Лои и расположился со своим войском на границе царства Чжоу. Чжоуский Дин-ван послал своего сановника Ван Суньманя, чтобы вознаградить чуского князя. Чу-цзы стал расспрашивать Ван Суньманя о величине и весе треножников. Но тот ответил: «Все заключается в добродетели, а не в треножниках». Девять треножников, по преданию, отлитых из меди Юем, переходили от династии к династии и считались символом верховной власти.

[98] Лю-гун — цзиньский поэт и полководец Лю Кунь (270—317). В молодости, когда он вместе с Цзу Ти (см. примеч. 114) служил в Сычжоу, они както в полночь услыхали воинственные крики петухов и сочли это добрым предзнаменованием. Однако судьба посмеялась над ними: в числе других полководцев Лю Кунь вступил в борьбу с пятью восставшими варварскими племенами (см. примеч. 113), но был оклеветан завидовавшим ему полководцем Дуань Пиди, арестован и убит.

[99] Палаты Цилинь («Единорога») — название ханьского дворца, на стенах которого по приказу императора Сюань-ди (73—48 гг. до н. э.) были помещены изображения одиннадцати особо заслуженных сановников императора с указанием их чинов, рангов, фамилий и имен.

[100] Фусан — дерево во владениях Дун-вангуна (владыки Востока), из-за которого, согласно китайским легендам, восходит солнце. Здесь дерево — символ уединенной, отшельнической жизни.

[101] Лю Лин (221? — 300?) — поэт, занимал крупный военный пост при цзиньском дворе, но потом отказался от государственной службы и стал вести жизнь отшельника. Лю Лин и его друзья—Шань Тао, Жуань Цзи, Цзи Кан, Сян Сю, Жуань Сянь, Ван Жун—часто собирались в бамбуковой роще, где пили вино и читали свои стихи, за что их прозвали «семь бессмертных из бамбуковой рощи». Цитированное здесь стихотворение «Пусть принесут вино» принадлежит Ли Хэ (790—816); см.: Л и Х э. Ли хэ ши цзи (Собрание стихов), с. 303.

[102] Подыскивая место для погребения.— По китайским народным поверьям, чтобы похоронить умершего, надо было выбрать определенное, бла-

гоприятное для могилы место. Указывали такие места специально приглашаемые гадатели-геоманты.

[103] Серебряные Воды—китайское поэтическое название Млечного Пути.

[104] Здесь перефразирована часть известной притчи о воробье и богомоле (см. *У-юе чунь-цю*, цз. 5, с. 25), суть которой в том, что цикада, сидевшая на дереве, захотела выпить росы с листа, не заметив при этом, что позади появился богомол, который собрался схватить ее; богомол же не заметил, что его собирается съесть воробей, не заметивший, в свою очередь, что в него нацелился из арбалета охотник.

[105] Служить с гребнем и полотенцем — т. е. стать женой.

[106] Во второй части стихотворения, состоящей из двух строк по семи знаков, в тексте отсутствуют четыре последних иероглифа первой строки и три первых иероглифа второй строки.

[107] Гуан-мин — девиз правления императора Си-цзуна в 880 г.

[108] Мо-ван (индийское Мара) — один из четырех демонов-повелителей (главный) по имени Посюнь, который обладал способностью препятствовать добрым делам людей.

[109] Якшасы.— По буддийским представлениям, злые демоны страшного облика, причиняющие беды и творящие зло людям и богам; находились в подчинении повелителя севера Вайшраваны (кит. Пишамэнь тянь-ван).

[110] Чжун-хэ — под этим девизом (третьим) император Си-цзун правил в 881—885 гг.

[111] Ван Ман (9—23) — крупнейший сановник и политический деятель, родственник ханьского императорского дома по женской линии. Правил страной в качестве регента при императоре Жу-цзы-ине в 6—9 гг. В 9 г. узурпировал ханьский трон и объявил себя императором династии Синь. Известен экономическими реформами, вызвавшими резкое недовольство как среди господствующих классов, так и среди крестьянства. Был убит во время восстания «краснобровых», после чего власть снова перешла в руки ханьского правящего дома.

[112] Двадцать восемь полководцев: Дэн Юй, Ма Чэн, У Хань, Ван Лян, Цзя Фу, Чэнь Цзюнь, Гэн Янь, Ду Мао, Коу Сюнь, Фу Цзюнь, Цэнь Пэн, Цзянь Тань, Фэн И, Ван Ба, Чжу Ю, Жэнь Гуан, Цзи Цзунь, Ли Чжун, Цзин Дань, Вань Сю, Гэ Янь, Пэй Тун, Яо Ци, Лю Чжи, Гэн Чунь, Цзан Гун, Ма У и Лю Лун, которые поставили у власти первого императора Восточной Хань Гуан-у-ди (правил в 25—27 гг.). Они помогли ему покончить со всеми противниками и довершить разгром восстания «краснобровых».

[113] Мятеж пяти варварских племен (у ху).— Имеются в виду северные племена: сюнну, цзе, сяньби, ди, цян, вторгшиеся в 304 г. в районы Северного Китая и образовавшие там свои государства.

[114] Цзу Ти (266—321) — один из цзиньских военачальников, настаивавший на борьбе с варварами и на отвоевании у них захваченных земель. В 313 г. начал поход на север с отрядом воинов, насчитывающим около ста человек. Переправляясь через Янцзы, он ударил веслом по воде и поклялся отвоевать захваченные варварами земли. Постепенно ему удалось собрать небольшую, но хорошо дисциплинированную и вооруженную армию и, пользуясь широкой поддержкой населения, он в течение нескольких лет отвоевал весь район к югу от среднего и нижнего течения р. Хуанхэ. Опасаясь могущества и огромного авторитета Цзу Ти, императорский двор послал для присмотра за ним Дай Жосы. Оскорбленный Цзу Ти от обиды заболел и умер.

[115] Ван Дао (276—339) — главный советник первого императора династии Восточная Цзинь (317—420) Юань-ди, в руках которого была сосредоточена вся власть; помог Юань-ди занять престол. Император выказывал Ван Дао и его семье всяческое уважение и покровительство, но со стороны аристократии Ван Дао имел сильную оппозицию, мешавшую его деятельности по объединению страны и борьбе с северными варварами.

[116] Новая беседка — была построена во времена Трех царств на горе Лаолаошань в провинции Цзянсу, южнее Нанкина (III в.). Здесь любили отдыхать и пировать многие сановники восточноцзиньского двора, бывал здесь и Ван Дао.

[117] Второй год Цянь-нин.— Ошибка в названии девиза правления, должно быть Чжун-хэ — 882 г.

[118] ...назначить...— В тексте утрачен один иероглиф, восстановленный по контексту как 辟 *би* «призывать», «назначать на государственную службу».

[119] Строки из поэмы Бо Цзюйи (772—846) «Вечная печаль» в переводе Л. З. Эйдлина звучат так:

Одиноко-печален нефритовый лик,— плачет горько потоками слез,
Груши свежая ветка в весеннем цвету, что стряхнула
накопленный дождь.
(Бо Цзюй-и. Лирика, с. 188)

[120] [Правильный] путь.— Утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 正 *чжэн* «правильный», «истинный».

[121] Уничтожить тогда [разбойника].— Утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 賊 *цзэй* «разбойник».

[122] Чжу Сюань был правителем не Яньчжоу, а Юньчжоу. Он послал войска на Цаочжоу, чтобы отвлечь силы противника от Яньчжоу и тем помочь своему брату Чжу Цзиню, находившемуся в Яньчжоу.

[123] Чжу Сюаню.— Здесь и в двух следующих предложениях должно быть Чжу Цзиню.

[124] Третий год Чжун-хэ.— Ошибка в названии девиза правления, должно быть Цянь-нин — 896 г. Под этим девизом император Чжао-цзун (на троне 889—904 гг.) правил в 894—897 гг.

[125] Жену [Чжу] Цзиня, [за]хваченную...— В тексте утрачены два иероглифа, возможное восстановление второго знака по контексту 住 *чжу*— результативная часть бинома 捉住 *цзючжу* «захватить»; первый — фамильный знак 朱 *чжу*.

[126] *Сыкун* — здесь имеется в виду Чжу Цюаньчжун, жена называет его одним из его чинов.

[127] Войско Бяньчжоу — т. е. войско Чжу Цюаньчжуна, ставка которого находилась в Бяньчжоу.

[128] Гуан-хуа — под этим девизом император Чжао-цзун правил с 898 по 900 г.

[129] Чжоу Янъу — Янъу — детское имя Чжоу Дэвэя.

[130] Одноглазый дракон — прозвище Ли Кэюна.

[131] Бирка и секира вручались высшим военачальникам как символ их высоких полномочий.

[132] На [жаровне].— В тексте утрачен один иероглиф, перевод по контексту.

[133] Шаоян — дворец наследника престола. Здесь — намек на события, о которых см. примеч. 134.

[134] Цуй-*гун* — Цуй Инь (IX—X вв.), танский сановник. С помощью Чжу Цюаньчжуна вступил в Чанъань и перебил евнухов, заправлявших делами во дворце. После этого Чжу Цюаньчжун отстранил в 907 г. от власти Ай-ди и узурпировал трон, объявив себя императором новой династии Лян.

[135] Далян — здесь находилась резиденция Чжу Цюаньчжуна.

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ТАН

Цзюань 1

[1] Ли Сыюань — в тексте ошибочно Ли Яньсяо.

[2] Мэньгао — имя актера, впоследствии военачальника Го Цунцяня, достигшего своего высокого положения благодаря покровительству императора Чжуан-цзуна, которого он позднее и убил.

[3] Юн-хуэй — девиз, под которым император Гао-цзун (на троне 650—683 гг.) правил в 650—653 гг.

[4] Чжусе Гучжу — вождь племени чуюе. Для борьбы с Тан заключил договор с Хэлу, вождем племени эшина, и вместе с ним выступил в поход.

[5] Цибихэли (ум. 677 г.) — потомок вождей племени телэ. В 632 г. пришел на службу к императору Тай-цзуну, прославился многими походами и победами (в том числе усмирением тугухуней и походом на западных тюрок).

[6] Сянь-цзун — танский император, правивший в 806—820 гг. под одним и тем же девизом Юань-хэ.

[7] Иероглифическая загадка: иероглифы «десять» и «старший брат», написанные вместе один под другим, образуют иероглиф *кэ* — первую часть имени; второй иероглиф имени — *юн* — по-китайски означает «брать», «взять».

[8] Лу-ван — последний позднетанский император, правивший в 934—936 гг.

[9] Государь Шу.— Имеется в виду Ван Цзянь, один из танских командующих военными округами, который в 891 г. провозгласил себя императором в Шу. В 925 г. Чжуан-цзун уничтожил княжество Шу и присоединил его территорию (современная провинция Сычуань, южная часть провинции Ганьсу, юго-запад Шэньси и западная часть Хубэя).

[10] Мин-цзун — позднетанский император, правивший в 926—933 гг.

[11] Пожалована фамилия Ли — т. е. человек удостоен высокой чести носить фамилию императоров танской династии.

[12] Чэн Хуай[синь] — последний иероглиф имени восстановлен по «Всеобщему зерцалу», с. 8231, далее в тексте утрачено около 700 знаков (приблизительно одна страница); судя по оглавлению, утраченный текст представляет собой изложение похода Ли Гочана с сыном на север, в страну Дада, и затем возвращения их обратно под власть Тан.

[13] Черной тушью писались указы о назначении на должность и документы, в которых призывались на помощь войска.

[14] Перевод двух этих стихотворений см. также Б. Л. Рифтин. От мифа к роману, с. 247.

[15] Хуан Чао...— В тексте после имени Хуан Чао утрачены два иероглифа, восстановить которые не удалось.

[16] [Ли-*пу*]*шэ*.— В тексте перед иероглифом *шэ* утрачены два иероглифа, восстановленные по контексту как 李僕 Ли-пу.

[17] ...[прекратили].— В тексте утрачен иероглиф, восстановленный по контексту как 休 *сю* «прекратить».

[18] Прибег к помощи тюрок.— Танский *гун* Ли Юань (см. примеч. 43 к истории Лян) в 617 г. поднял в Цзиньяне свои войска и обратился за помощью к тюркскому кагану Шиби. При поддержке тюрок он укрепился в Гуаньчжуне, затем занял Чанъань, лишил власти последнего суйского императора Гун-ди и провозгласил себя императором Тан.

[19] В Хэдуне.— В тексте ошибка, должно быть: в Хэчжуне.

[19а] Тайюань—ошибочно, вместо Тайкан.

[20] Хунъя — китайский музыкальный инструмент типа кастаньет.

[21] Лянь и Линь — Лянь По и Линь Сянжу, сановники при дворе правителя княжества Чжао (III в. до н. э.), сумевшие преодолеть личную вражду и взаимные обиды во имя интересов государства. Подробно история их взаимоотношений рассказана в последней части повествования.

[22] Коу и Цзя — Коу Сюнь (ум. 36 г.) и Цзя Фу (ум. 54 г.) — враждовавшие между собою военачальники, которых император Гуан-у призвал к миру во имя единства Поднебесной. Помирившись, они сообща боролись за утверждение на престоле династии Поздняя Хань.

[23] Гуан-ци — девиз правления императора Си-цзуна в 885—887 гг.

[24] Чжу Мэй — здесь и несколько ниже в тексте ошибочно назван Чжу Цзы.

[25] Сян-ван Юнь.— В тексте ошибочно назван Вэнь.

[26] Вэнь-дэ — последний девиз правления императора Си-цзуна, под которым он правил всего один, 888-й год.

[27] Лун-цзи — первый девиз правления императора Чжао-цзуна, под которым он правил в 889 г.

[28] «Песнь человеческого века» (*Бай нянь гэ*) — стихотворение Лу Цзи (261—303).

[29] Да-шунь — второй девиз, под которым император Чжао-цзун правил в 890—891 гг.

[30] Се Ань (320—385) — сановник и полководец, который вместе с Ван Таньчжи помешал Хуань Вэню узурпировать после смерти Му-ди (на троне 345—361 гг.) власть в Восточной Цзинь и тем сохранил на престоле законную династию.

[31] Они плохо кончат.— В тексте в конце фразы утрачен один иероглиф, восстановленный по «Всеобщему зерцалу», с. 8398, как 也 *е* — модальная частица, придающая предложению оттенок категоричности.

[32] Печать из белой яшмы — императорская печать.

[33] Взывать у ворот дворца — т. е. жаловаться императору на несправедливость.

[34] Красные ступени — ступени, ведущие на возвышение, где находился трон императора.

[35] Второй год Цянь-нин (895 г.) назван неверно; события происходили во втором году Да-шунь, т. е. в 891 г. (Цянь-нин — девиз правления Чжао-цзуна в 894—897 гг.).

[36] Кубок *цичи* — кубок в виде птицы *цичи*, похожей на утку, но с яркой, пестрой раскраской и хвостом, напоминающим руль (или весло).

[37] [Поднявший].— В тексте утрачен один иероглиф, восстановленный по контексту как [4] *цзюй* «поднимать» войска.

[38] Седьмой месяц третьего года — имеется в виду третий год Цянь-нин, т. е. 896 г.

[39] Тянь-фу — под этим девизом император Чжао-цзун правил в 901—903 гг.

[40] Дада — северные племена, проживавшие на территории современной Монголии и впоследствии называвшиеся монголами.

[41] Второй год Тянь-фу.— Дата названа неверно. Убийство Чжао-цзуна произошло в восьмом месяце первого года Тянь-ю (904—906), т. е. в 904 г.

[42] Чжу Цюаньчжун убил Чжао-цзуна.— В действительности Чжао-цзун был убит Ши Таем и Цзян Сюаньхуэем.

[43] Царевич Чжу — девятый сын императора Чжао-цзуна, известен под храмовым именем Чжао-сюань-ди. Правил в 905—906 гг., сохранив девиз Тянь-ю (см. выше, примеч. 41), принятый его отцом.

[44] Четвертый год Тянь-фу.— Ошибочно, должно быть Тянь-ю, т. е. 907 г.

[45] Государь.— В тексте вместо иероглифа 主 *чжу* «государь» ошибочно написано 之 *чжи*.

[46] [Хотел] — так переведен пропущенный в тексте иероглиф. Еще Ху Саньсин в комментарии указывал, что в тексте «Всеобщего зерцала» в этой фразе, видимо, пропущен иероглиф 欲 *юй* «хотеть». Чжан Юй отмечает, что в двух изданиях «Всеобщего зерцала» (двенадцатистрочном и Куна) этот иероглиф имеется (см. «Всеобщее зерцало», с. 8777).

[47] Храм покойного императора (先帝廟 *сянь ди мяо*).— Здесь должно быть 先王廟 (*сянь ван мяо*), так как имеется в виду храм покойного Цзинь-вана Ли Кэюна. Следует отметить, что в тексте УДПХ нет четкого разграничения в значениях знаков *ди*, *ван* и *чжу*, которые употребляются нередко один вместо другого как абсолютно синонимичные. Возможно, однако, что здесь мы имеем дело с анахронизмом. По нашему мнению, текст реляции сочинен автором *пинхуа*, поэтому он мог назвать покойного Цзинь-вана Ли Кэюна императором (*ди*), так как после провозглашения Ли Цуньсюя императором Поздней Тан Ли Кэюн посмертно получил императорский титул Тай-цзу у-хуан-ди.

[48] Тыча пальцами на юг — т. е. туда, где в то время находился император.

[49] Держать палочки во рту.— В древности, когда войско выступало в поход, воины должны были держать во рту палочки (по виду напоминающие палочки для еды современных китайцев), чтобы не разговаривать и не шуметь.

[50] Ван Лин (III—II вв. до н. э.) — один из сподвижников ханьского вана (будущего ханьского Гао-цзу). После воцарения Гао-цзу Ван Лин был пожалован титулом Аньго-хоу. При императоре Хуэй-ди (194—186 гг. до н. э.) занимал пост канцлера. При Люй-хоу впал в немилость.

[51] Чуский ван — т. е. Сян Юй.

[52] Ли Сыюань.— В тексте УДПХ ошибка, должно быть Ли Сычжао, так как в следующей фразе говорится о том, что «пришло войско Чжаои-*шичжуна*». Именно Ли Сычжао был командующим в Чжаои и имел звание *шичжуна*.

[53] Сели — глава Восточного тюркского каганата, считавший Китай своим вассалом и требовавший уплаты дани. В 629 г. Тай-цзун послал Ли Цзина в поход на тюрок, и в 630 г. Ли Цзин захватил Сели в плен. С каганатом было покончено. Земли к югу от Гоби перешли во владение танского государства.

[54] [Одного].— В тексте утрачен иероглиф, возможное восстановление: *и* («один»).

[55] Показал на груду монет.— Согласно «Всеобщему зерцалу» (с. 8819), дело происходило на пиру, устроенном Цзинь-ваном прямо в хранилище денег.

[56] Седьмой брат — прозвище Чжан Чэнъе, данное по старшинству братьев.

[57] Ханьский Гуан-у — первый император династии Восточная Хань (см. примеч. 112 к истории Лян).

[58] Ван Лан (I в. н. э.) — претендент на ханьский престол. В период правления императора Гэн-ши (23—25) одна из враждующих группировок аристократии провозгласила Ван Лана императором, но Гуан-у вскоре уничтожил его и сам занял престол.

[59] Знамение белой рыбы У-вану.— По преданию, когда чжоуский правитель У-ван пошел походом на иньского тирана Чжоу, во время переправы через Хуанхэ к нему в лодку прыгнула белая рыба как предвестие гибели государства Инь. Белый цвет — цвет дома Инь.

[60] Обряд южного предместья — зимнее жертвоприношение императора Небу, которое производилось на круглом земляном холме в южном предместье столицы.

[61] Се Яньцзюнь — ошибочно, должно быть Се Яньчжан.

[62] Совершать набеги.— В тексте вместо [5] *жао* «совершать набеги» ошибочно написан иероглиф 援 *юань* «помогать», «поддерживать».

[63] Ли Сычжао — в тексте ошибочно назван Ли Сыюань (см. примеч. 52).

[64] Хуан Чао захватил Чанъань в 880 г.

[65] У-ван — правитель княжества У, одного из десяти княжеств, существовавших на территории Китая в эпоху Пяти династий: У, Цянь Шу, Чу,

Нань Хань, Юе, Уюе, Нань Пин, Хоу Шу, Нань Тан, Бэй Хань), занимавшего территорию Хуайнани и земли современной провинции Цзянси. В 892 г. танский военачальник Ян Синми провозгласил себя государем в У, но продолжал носить пожалованный ему еще Чжао-цзуном титул У-вана.

[66] Прежде.— В тексте вместо иероглифа 昔 *си* «прежде» ошибочно написано [6] *цзинь*.

[67] Ван-*тайши* — имеется в виду Ван Цзянь, государь Шу (см. примеч. 9), состоявший при танском дворе в звании *тайши*. Цзинь-ван называет Ван Цзяня его прежним, танским званием.

[68] Девять подарков.— В древности за особые заслуги император жаловал князьям девять подарков. Пожалование сопровождалось документом, в котором превозносились заслуги и добродетели жалуемого. Впоследствии документ о девяти подарках обязательно жаловался претенденту на престол, перед тем как он занимал трон. Именно об этом и говорит Ли Кэюн.

[69] Имеются в виду Чжии, Гочан и Кэюн — три поколения семьи, которые служили династии Тан.

[70] Высшая драгоценность — государственная печать.

Цзюань 2

[1] «Кисти для начертания дня».— Даря с этими словами тридцать кистей, Су Сюнь дал понять, что дарит их императору, ибо, по системе танских уложений, император должен был собственноручно проставлять на указе день его составления.

[2] Ши Цзяньтан — здесь и дважды ниже в тексте ошибочно назван Ши Цзинтан.

[3] Дай Сыли — здесь и несколько раз ниже ошибочно назван Дай Сыюань.

[4] Пайю — короткое развлекательное представление типа дивертисмента, которое давалось обычно перед спектаклем. Одно из любимых дворцовых развлечений.

[5] Почитаемая матерью госпожа Цао — т. е. не родная мать, а жена императора, носившая титул императрицы.

[6] Хуантайфэй — титул первой жены императора.

[7] Тринадцать военных округов — т. е. Тяньсюн, Чэндэ, Иу, Хэнхай, Лулун, Датун, Чжэнъу, Яньмэнь, Хэдун, Хуго, Цзиньцзян, Аньго, Чжаои («Всеобщее зерцало», с. 8883).

[8] И следующих за И-цзуном.— Здесь, по-видимому, ошибка и должен быть назван Чжао-цзун, так как четыре танских императора и трое предков Ли Цуньсюя, следующих за Чжао-цзуном, и составляют названные семь поколений предков.

[9] *Цзунгуань* — одно из званий Ли Сыюаня.

[10] Железное копье — прозвище Ван Яньчжана.

[11] Ли Чжоу.— В тексте ошибочно назван Ли Юе.

[12] Вэй Чжэн-гун — танский сановник Вэй Чжэн (см. примеч. 46 к истории Лян), имевший титул Чжэнго-гуна.

[13] Мяоцзиле — так звали Ли Сыюаня (который был родом из варваров) до того, как ему было пожаловано китайское имя.

[14] Янь Гаоцин и Чжан Сиюнь—танские сановники, активно выступившие на борьбу с мятежом Ань Лушаня (755 г.); попав в плен, были убиты по приказу Ань Лушаня после того, как отказались служить ему.

[15] Башня Цзяньголоу — башня южных ворот Далянского дворца.

[16] Управитель Поднебесной.— В этом историческом эпизоде Цзин Синьмо обыгрывает актерское прозвище Чжуан-цзуна «Ли Поднебесный» (*ли тянься*), которое звучит так же, как и выражение «править Поднебесной» (*ли тянься*); но первые иероглифы-омонимы пишутся по-разному (李 и 理).

[17] Чжу Юцянь.— В тексте ошибочно назван Чжу Юцзи.

[18] Спросил.— В тексте вместо 問 *вэнь* «спрашивать» ошибочно написано 間 *цзянь* «промежуток».

[19] Го Цзыи (697—781) — известный танский сановник, имевший титул фэньянского вана.

[20] Четырнадцать поколений — видимо, ошибка и должно быть четыре поколения, так как Го Цзыи приходился ему прадедом.

[21] «Крякают утки» и «Крик петуха» — названия песен из древнего поэтического собрания «Книга песен» (*Ши цзин*, с. 9, 177); обе песни в переводе имеют другое название.

[22] Инхо — планета Марс.

[23] Обоим *юйхоу* — т. е. *юйхоу* пехоты и *юйхоу* конницы.

[24] ...во времена Чунь-цю.— Перед этими словами утрачены три иероглифа, восстановить которые не удалось.

[25] Ван Юньпин — в тексте ошибочно назван Ван Юнчжуном.

[26] С отборным войском.— В тексте 勒兵 *лэбин* ошибочно вместо 勁兵 *цзинбин*.

[27] Вошел [в ворота] Фэнцю[мэнь].— В тексте 入封丘 *жу фэнцю* — «вошел в Фэнцю». Исправлено по «Всеобщему зерцалу», с. 8972. Фэнцюмэнь — одни из ворот Даляна.

[28] Поздно.— В тексте после иероглифа [7] *чи* «медлить», «опаздывать» утрачен один иероглиф, восстановленный по «Всеобщему зерцалу», с. 8973, как 矣 *и* — частица, в конце предложения выражающая категоричность суждения.

[29] [Навсегда].— В тексте утрачен один иероглиф, восстановленный по «Всеобщему зерцалу», с. 8973, как [8] *цзинь* «до конца», «навсегда».

[30] ...[сказал]: Все это вызвала жадность [императрицы].— В тексте этой фразы утрачены три иероглифа, восстановленные по «Всеобщему зерцалу», с. 8973, как 曰皇后 *юе хуанхоу*. Кавычки, выделяющие прямую речь в УДПХ, поставлены неверно, они должны быть после первого пропущенного иероглифа *юе*.

[31] [Кусков].— В тексте отсутствует иероглиф, восстановленный по «Всеобщему зерцалу», с. 8973, как 段 *дуань* «кусок».

[32] Ворота Синцзяомэнь — левые (если стоять лицом к югу) южные ворота дворца в Лояне, где в это время находился танский государь.

[33] Палаты Цзянсяодянь — одно из зданий императорского дворца в Лояне. В комплекс императорского дворца (*гун чэн*) входило несколько отдельных зданий (*дянь*), каждое из которых имело свое название.

[34] Палаты Цзяциндянь — так называлось одно из зданий императорского дворца в Лояне.

[35] Дворец Синшэнгун — дворец царевича Вэй-вана Цзицзи в Лояне.

[36] И еще... — В тексте вместо 又 *ю* «еще» ошибочно написано 因 *ин* «поэтому».

[37] Задний дворец — дворец, в котором жили жены и наложницы императора.

[38] Третий год Тянь-чэн — ошибка, должно быть второй год, т. е. 927 г. Под девизом Тянь-чэн император Мин-цзун правил в 926—929 гг.

[39] Третий год Тянь-чэн — должно быть четвертый год — 929 г.

[40] Парк Хуэйцзеюань — парк лоянского дворца.

[41] Весенний дворец — дворец наследника престола.

[42] Фэн И (ум. 34 г.) — ханьский сановник.

[43] Милости, оказанной в Цзиньчэ... — В Цзиньчэ император Гуан-у помиловал взятого в плен Фэн И.

[44] Вэй-гун.— В тексте ошибка, должно быть: Хуань-гун (см. примеч. 45).

[45] Желаю, чтобы государь не забывал... о клетке на телеге...— Не желая пропустить Сяо Бо в Цзюй, луский военачальник Гуань Чжун преградил со своими войсками ему путь и, выстрелив, попал в упряжку на поясе Сяо Бо.

Сяо Бо притворился мертвым и, когда Гуань Чжун отошел, сумел первым прийти в Ци, где и был провозглашен правителем, известным под именем Хуань-гуна. Позднее из Лу в Ци, как преступника — в позорной клетке, установленной на телеге, в колодках и наручниках,— отправили Гуань Чжуна, но Хуань-гун, вспомнив о выстреле, простил его и сделал министром.

[46] Не Ичжун (2-я половина IX в.) — танский поэт и полководец.

[47] Чжао Тай-цзу — Чжао Куанъинь, первый император династии Сун — Тай-цзу (960—976).

[48] Чан-син — под этим девизом император Мин-цзун правил в 930—933 гг.

[49] Фусу — старший сын циньского императора Ши-хуана. Здесь намек на Цункэ — сына Мин-цзуна.

[50] Хухай — младший сын циньского Ши-хуана, известный в истории под именем Эр-ши-хуана. Правил в 209—207 гг. до н. э.

[51] ...отец с сыном.— Перед словом «отец» в тексте утрачен иероглиф, восстановить который не удалось.

[52] Шуфэй — «Добродетельная супруга» — этот титул жаловался первой после императрицы жене государя.

[53] Училище Гоцзыцзянь — высшее государственное училище, куда зачислялись дети и члены семей чиновников седьмого ранга и выше.

[54] Девять классических книг — девять книг конфуцианского канона. В отличие от канонов «Пятикнижия» и «Тринадцатикнижия» в канон «Девятикнижия» в разное время включались разные сочинения, последовательность которых в каноне тоже варьировалась.

[55] Чжао Яньшоу — в тексте ошибочно назван Фань Яньшоу.

[56] Тяньцзиньцяо — в танское время и в период пяти династий мост через р. Лошуй в пределах Лояна, в современной провинции Хэнань; сейчас находится юго-западнее Лояна.

[57] Ворота Юемэнь — одни из южных ворот лоянского дворца, расположенные справа, если стоять лицом к югу от центральных южных ворот.

[58] Ворота Дуаньмэнь — центральные южные ворота Лоянского дворца.

[59] Ворота палаты — имеется в виду палата Чжунсиндянь — одно из зданий дворцового комплекса Лояна, где в это время находился Мин-цзун.

[60] Ин-шунь — под этим девизом правил император Минь-ди.

[61] Чжан Яньвэй — в тексте ошибка, должно быть: Ань Яньвэй.

[62] Цзянцяо — точное местонахождение установить не удалось; по-видимому, это мост при въезде в Лоян.

[63] Госпожа Вэй — в тексте ошибка: вместо Вэй-ши назван округ Вэйчжоу.

[64] Цин-тай — под этим девизом Лу-ван правил в 934—936 гг.

[65] Фэй-ди — т. е. Лу-ван Цункэ.

[66] [Приказал] — утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 令 — *лин*.

[67] [Государь] — утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 主 *чжу* «государь».

[68] Башня Сюаньулоу — башня ворот Сюаньумэнь — северных ворот лоянского дворца.

[69] Танские воины.— В тексте ошибочно 唐主 *тан чжу* «танский государь».

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЦЗИНЬ

Цзюань 1

[1] Цзиньского государя.— В тексте ошибочно: «государя киданей».

[2] Начало главы отсутствует, первые строки сохранившегося текста представляют собой заключительную часть речи Сяо Хэ, с которой он обратился к Хань-вану (ханьский Гао-цзу), рекомендуя ему Хань Синя в качестве командующего войсками.

[3] Хань Синь — Отрежьте то, что между ног.— Как гласит история, Хань Синь в молодости бедствовал и часто жил подаянием. Кто-то из сверстников, считая его ни на что не способным, сказал: «Хотя ты и вымахал большой и меч любишь носить, в душе-то ты трус».— «Умереть я сумею,— ответил на это Хань Синь,— заколите меня, ну, а если не сумею, тогда отрежьте то, что у меня между ног».

[4] Сяо Хэ (ум. 193 г. до н. э.) — ближайший соратник и советник Ханьвана в период его борьбы за китайский престол с Чу-ваном Сян Юем. Занимал пост канцлера. В 206 г. до н. э. рекомендовал Хань Синя Хань-вану. Сяо Хэ принадлежит большая роль в установлении системы ханьского законодательства.

[5] Чэнь Пин (ум. 178 г. до н. э.) — один из сподвижников и советников ханьского Гао-цзу. После его смерти продолжал занимать высшие посты в государстве при трех последующих императорах.

[6] Люй-хоу — жена ханьского Гао-цзу, правила после смерти Хуэй-ди в 187—180 гг. до н. э. Историческая традиция обвиняет ее в гибели Хань Синя.

[7] Лю Вэньцзин (568—619) — один из суйских сановников, активно помогавший Ли Юаню в его борьбе за престол. По совету Лю Вэньцзина был заключен мир с тюрками, и он лично ездил к кагану Шиби для ведения переговоров.

[8] Фан и Ду — Фан Сюаньлин и Ду Жухуэй (см. примеч. 47—48 к истории Лян).

[9] Ван Гуй (571—639) — один из видных советников Тай-цзуна. Занимал высокие посты и играл видную роль в управлении страной.

[10] Внутренние и пограничные области.— Вся территория страны была разделена на *фу* — внутренние области (находившиеся в подчинении более крупных областей *дао*) и *вэй* — пограничные области, куда относились земли, расположенные вдоль границ.

[11] *Сян* и *суй* — территориальные административные единицы, принятые в государстве Чжоу (XII—III вв. до н. э.). *Сян* — внутренние области (в пределах 100 *ли* от столицы), *суй* —окраинные области (за пределами 100 *ли* от столицы). Страна была разделена на шесть *суй* и шесть *сян*. Во главе *суй* стояли чиновники, именовавшиеся *суйжэнь*, во главе *сян* — *сяньши*.

[12] *Чжоу гуань* — «Чжоуские установления», книга (позднее стала называться *Чжоу ли*, а также *Чжоу гуань цзин*) из шести частей, в которой зафиксирована система установлений государства Чжоу, рассматривавшаяся в китайской традиции как образец совершенной системы управления государством. Ее составление приписывается Чжоу-гуну (XII в. до н. э.), младшему брату У-вана.

[13] Наделение землей по едокам — уравнительная система землепользования, по которой каждый мужчина получал по 20 *му* земли в вечное владение семьи, а остальное — в надел на душу (мужчинам от 18 до 60 лет по 80 *му*; вдовам, женам, наложницам по 30 *му*; инвалидам, больным, престарелым по 40 *му*). Земля, выделенная в надел на душу, после смерти владельца возвращалась государству.

[14] «Колодезные поля» — система, по которой в период правления династии Чжоу каждой семье для прокорма полагалось по 100 *му* земли. Распределение земли было следующим: участок площадью в 900 *му* делился на девять полей по 100 *му*. Восемь полей, выделенных восьми семьям, располагались вокруг девятого — общественного поля, которое эти восемь семей должны были сообща обрабатывать одновременно с обработкой своего поля. Расположение полей конфигурацией напоминало иероглиф 井 *цзин* «колодец», отсюда и название.

[15] «Шесть министров» (*лю цин*) — административная система распределения функций в государстве Чжоу между шестью ведомствами, во главе каждого из которых стоял министр.

[16] Пять наказаний — клеймение лба, отрезание носа, ног, кастрация,

смертная казнь, принятые в государстве Чжоу. При Тан осталась смертная казнь (через удушение или отрубание головы), битье тяжелым бамбуком, легким бамбуком, ссылка на определенное расстояние, ссылка на определенный срок.

[17] Ду Гунбу — танский поэт Ду Фу (712—770).

[18] Другой перевод стихотворения Ду Фу «Осиротевший гусь» см.: Ду Фу. Стихи, с. 172—173, «Одинокий дикий гусь». Последние три иероглифа стихотворения, утраченные в тексте *пинхуа*, переведены «с криком сбиваются в кучи» по «Стихотворениям Ду Фу с комментарием Цянь Цяньи» (см. *Цянь чжу Ду Ши*, с. 585).

[19] Следуя.— Иероглиф 根 *гэнь* «корень», «основание» написан вместо 跟 *гэнь* «следовать», «сопровождать»; такое написание в тексте встречается довольно часто.

[20] Тянь-чэн — под этим девизом император Мин-цзун правил в 926—929 гг.

[21] Первый год Тан-син.—В тексте ошибка, должно быть: Чан-син — 930 г.

[22] Был слугой в доме Ли — т. е. был слугой императора; позднетанские императоры носили фамилию Ли.

[23] Мост через реку.— В тексте: Хэцяо 河橋 ; возможно, это мост через р. Шицяохэ 石橋河 , протекающую в современной провинции Сычуань, западнее уезда Дасянь.

[24] Гадание «шести стихий» — один из древнейших способов гадания, основа которого лежит в триграммах *И цзина*. В нем шестьдесят четыре формулы, построенные на сочетании циклических знаков. Истолкование формул дается по специальным книгам.

[25] Созвездие Цзывэйгун (Цзывэйтань) — расположено северо-восточнее созвездия Ковша (Большой Медведицы).

[26] Палаты Чжунсиндянь — резиденция императора в Лояне.

[27] В сторону северной башни — башня в императорском дворце, куда обычно крупные сановники являлись с докладами императору. Кланяясь в сторону северной башни, Ши Цзинтан как бы кланялся императору.

[28] Шила — один из лучших киданьских военачальников, взятый в плен Чжао Дэцзюнем в 928 г.

[29] Тлеющий очаг.— В тексте 未然 *вэй жань*; второй иероглиф ошибочно написан вместо 燃 *жань* «жечь», «воспламеняться».

[30] Чжаоцзюнь.— Во времена правления ханьского императора Юань-ди (48—33 гг. до н. э.) *шаньюй* — вождь гуннов потребовал себе в жены китайскую принцессу в качестве одного из условий мира с Китаем. Юань-ди послал ему Ван Цян, по прозвищу Чжаоцзюнь, одну из женщин своего гарема.

[31] Когда цзиньский Сянь-гун... и пожаловал этот титул Сици.— Во времена Чунь-цю цзиньский правитель Сянь-гун (677—652 гг. до н. э.) пошел походом на владение Лижун, захватил в плен красавицу Лицзи и взял ее в жены. Лицзи родила двух сыновей — Сици и Чжоцзы. Добившись того, что законный наследник цзиньского престола царевич Шэньшэн был убит, она возвела в наследники Сици. После смерти Сянь-гуна между Сици и Чжоцзы началась борьба за престол, в результате которой погибли оба царевича и их мать.

[32] Государь-император скончался — имеется в виду Минь-ди, наследовавший престол после Мин-цзуна.

[33] Сюй-ван — титул Ли Цунъи, одного из сыновей Мин-цзуна.

[34] Четверо сыновей Ши Цзинтана.— Здесь, видимо, ошибка; выше говорилось, что при дворе служили двое сыновей.

[35] Дэ-гуан — киданьский император Елюй Дэ-гуан, правил в 926—946 гг.

[36] Чжан Цзин[да].— В тексте опущен последний знак имени — *да*, в следующем предложении имя Чжан Цзинда написано полностью.

[37] Южное войско— т. е. войско танского императора, наступавшее на Цзиньян с юга.

[38] Фу Яньчао.— В тексте ошибка, должно быть: Фу Яньжао.

[39] Цзи Цзаньхуа — младший брат киданьского императора, перешедший в 930 г. на сторону китайцев, за что ему были пожалованы фамилия и имя; в описываемое время жил в Лояне.

[40] «Сутра о Гуаньинь» (*Гуаньинь цзин*) — имеется в виду «*Цянь шоу цянь янь Гуаншиинь пуса да бэй синь толони*». Приведенная здесь цитата несколько перефразирована, в действительности сказано: «Если я пойду к Нож-горе, то Нож-гора разрушится сама». По буддийским представлениям, Нож-гора находится в аду (см.: Японская Трипитака, *тао* 26, тетр. 4, л. 1а).

[41] «Сутра Большой Медведицы» — отождествить данную цитату не представляется возможным, поскольку в буддийском и даосском канонах имеется много сутр с таким названием. В просмотренных сутрах приведенная цитата не найдена.

[42] От каждых семи дворов.— В тексте вместо иероглифа 七 *ци* «семь» ошибочно написан иероглиф 上 *шан* «верх».

[43] Под этим девизом цзиньский Гао-цзу (Ши Цзинтан) правил в 936—942 гг.

[44] Красные анналы — записи дворцовых распоряжений и событий, касающихся императрицы, императорских жен и наложниц. Вели их историки-женщины, которые писали красной тушью.

Цзюань 2

[1] Южный и северный город — имеется в виду Хэян, который состоял из трех частей: северной, южной и центра. Между северной и южной частями города находился мост, который и надо было удержать.

[2] Чжао да-ван — имеется в виду Чжао Дэцзюнь, носивший титул Бэйпин-вана.

[3] Тайсянвэнь — настоящее (туфаньское) имя Гао Моханя.

[4] Мост через Реку — мост через Хуанхэ в Хэяне (см. примеч. 1).

[5] Спущусь с гор — имеются в виду горы Тайханшань.

[6] Тяньгунсы — монастырь в окрестностях г. Лояна.

[7] В городе.— В тексте неверная разметка: точка должна стоять после Тяньгунсы. Иероглифы *чэн чжун* «в городе» относятся уже к следующей фразе.

[8] Хуай и Цзян — реки Хуайхэ и Янцзыцзян.

[9] Не более десяти почтовых станций — т. е. не более трехсот *ли*. Почтовые станции в старом Китае располагались через каждые тридцать *ли*.

[10] Бай Фэнцзинь казнил троих...— В тексте ошибка, он казнил всех пятерых солдат, в том числе и двух подчиненных Фу Яньжао, именно поэтому Фу Яньжао и рассердился.

[11] Отсюда до походного дворца только две сотни *ли* — имеется в виду Далян, расположенный в двухстах *ли* севернее Хуачжоу.

[12] Бумажные деньги — ритуальные деньги, используемые на похоронах; делались из бумаги и имитировали настоящие, металлические.

[13] Срединная Ся — одно из древних названий Китая.

[14] Палата Сюаньдэдянь — название одного из зданий императорского дворца в Даляне.

[15] Железная дщица — со времен ханьского Гао-цзу жаловалась сановникам в знак признания их заслуг.

[16] *Туань*[*ляньши*] — название должности; пропущенные два иероглифа восстановлены как [9] 使.

[17] Жалкая хижина — так уничижительно сановник китайского двора называет дворец государя киданей.

[18] Возвысился благодаря свойству с императором.— Ду Чжунвэй был женат на сестре императора.

[19] Северная столица — в то время Тайюань.

[20] Наместник Западной столицы Фань Яньгуан.— В тексте ошибка, им был Ян Гуанъюань. Фань Яньгуан был командующим в Тяньпине.

[21] Фань Яньгуан — в тексте ошибочно назван Фань Тингуан.

[22] Оба племени туцюе — имеются в виду восточные и западные туцюе.

[23] Теху — прозвище Ань Чжунжуна.

[24] Ни на юг, ни на север — т. е. ни в государство Цзинь, ни к киданям.

[25] Чжан Цунъэнь — в тексте ошибочно назван Чжан Цунсы.

[26] Цзиньские войска.— В тексте ошибка, должно быть: чжэньские войска, т. е. войска Ань Чжунжуна, резиденция которого находилась в Чжэньчжоу, куда он и вернулся после поражения.

[27] Шуй[нянь]мэнь.— Пропущенный в тексте иероглиф восстановлен по «Всеобщему зерцалу», с. 9233.

[28] Кай-юнь — под этим девизом в 944—946 гг. правил император Чу-ди.

[29] Цзиньский государь.— В тексте ошибка, должно быть «танский государь».

[30] Киданьскому государю.— В тексте ошибка, должно быть «цзиньскому государю».

[31] Добавочный месяц — т. е. тринадцатый, добавочный месяц по лунному календарю.

[32] Сиская повозка — легкая повозка, удобная для передвижения в горах; заимствована у народности си, проживавшей на территории современного района Внутренней Монголии.

[33] «Железные ястребы» — так кидани называли свою отборную конницу.

[34] Когда-то Гао... — Далее в тексте утрачены четыре иероглифа, восстановить которые не удалось.

[35] С нами в свойстве...— В тексте далее утрачены пять иероглифов, восстановить которые не удалось.

[36] [и на предложенный союз].— В тексте утрачены шесть иероглифов, перевод по контексту.

[37] Цзинь[ский государь предложил государю Гаоли начать действовать].— В тексте утрачены семь иероглифов, перевод по контексту.

[38] [в направлении Хэн]чжоу.— В тексте утрачены два иероглифа, восстановленные по «Всеобщему зерцалу», с. 9315, как 趣恆 *цюй хэн*.

[39] Треножные бревна — три бревна, связанные вместе; их устанавливали в реке как опору для моста.

[40] Дом Цзинь не будет больше получать кровавую пищу — т. е. государство Цзинь погибнет, и в храме предков не будут резать скот для жертвоприношений душам покойных.

[41] Фэнцюмэнь — одни из ворот Даляна.

[42] Тяньцзе — улица в Даляне, которая вела к главным (южным) воротам императорского дворца.

[43] Понял, что не...— Далее в тексте утрачены 15 иероглифов, восстановить которые не удалось.

[44] Ведь так? ...— Далее в тексте утрачены 17 иероглифов, восстановить которые не удалось.

[45] Какое вы имеете...— Далее в тексте утрачены 15 иероглифов, восстановить которые не удалось.

[46] Тинсюй.— В тексте ошибка, должно быть: Яньсюй.

[47] С яшмою во рту — древний обычай, по которому после поражения в бою и капитуляции перед врагом сдавшийся являлся к победителю со связанными за спиной руками (в знак своей вины) и круглой яшмою во рту (в качестве дара врагу).

[48] С жертвенным бараном на веревке — баран являлся жертвенным животным при капитуляции.

[49] С гробом на плечах — как выражение того, что считают себя уже приговоренными к смерти за вину.

[50] Миндэмэнь — южные (главные) ворота императорского дворца в Даляне.

[51] Фу Чжуэр как инспектор войска был арестован вместе с Чжан Яньцзэ за попустительство грабежу.

[52] Возвращающегося на родину.— В тексте ошибка: «возвращающегося к киданям».

[53] Фэнчаньсы — буддийский монастырь, расположенный в восточном пригороде Даляна.

[54] Собака Цзе, залаяв на Яо.— Иносказательно о преданности хозяину. Собака тирана Цзе могла бы залаять даже на идеального правителя Яо, потому что она преданно служила своему хозяину.

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ХАНЬ

Цзюань 1

[1] «Сцепились устрица и баклан» — притча о том, как баклан, пытаясь съесть устрицу, просунул клюв между створками раковины, но устрица крепко сжала створки и поймала баклана за клюв. Каждый боялся отпустить другого, поэтому рыбак, наблюдавший с берега за происходящим, без всякого труда захватил обоих.

[2] Второй год Чан-син.— В тексте ошибка, должно быть: второй год Тянь-фу, т. е. 902 г.

[3] Бодхисаттва — буддийский святой, который по своей святости достиг уровня Будды и может упокоиться в нирване, но остался в миру, чтобы творить добро и оказывать помощь людям на их пути к просветлению.

[4] Можно думать, сановнику в Чжэн... не вершить...— В этой строке, по-видимому, содержится намек на Цзи Чжуна (сановник в Чжэн, род. 761 г. до н. э.), который, как сообщается в *Гунъян чжуань* (см. *Чуньцю Гунъян чжуань чжушу*, с. 146), был столь самонадеян, что полагал себя постигшим принципы власти, но на самом деле государственной мудростью не обладал.

[5] Чжуан Чжоу (Чжуан-цзы, IV—III вв. до н. э.) — философ-поэт, которого считают автором трактата *Чжуан-цзы* (другое название *Наньхуа чжэнцзин*), содержащего много басен и притч. Одна из них о том, что Чжуан-цзы как-то увидел во сне, что он бабочка. Проснувшись, он не мог решить, то ли он Чжуан-цзы, то ли бабочка.

[6] Чжан Лян (III—II вв. до н. э.) — один из сподвижников ханьского Гао-цзу, мудрые, своевременные советы и военные планы которого помогли Гао-цзу утвердиться на престоле Поднебесной (см. также примеч. 78 к истории Лян).

[7] Ду Чжунвэй возвысился как свойственник императора — он был женат на сестре Ши Цзинтана.

[8] *Дицян* — название одного из лучших сортов чая, известного в древнем Китае; здесь этот чай сравнивается с *юйжуем* («семя яшмы»), который, согласно китайским легендам, считается пищей бессмертных.

[9] Платье [косца] — утраченные в тексте четыре иероглифа восстановлены по контексту как 討草人夫 *таоцао жэньфу* «косец».

[10] Су Цинь (IV в. до н. э.) — известный государственный деятель, сумевший добиться согласия между шестью царствами (Хань, Чжао, Вэй, Чу, Янь и Ци) и объединить их силы на борьбу с Цинь.

[11] Чжу Майчэнь (ум. 115 г. до н. э.) — известный ученый, полководец и государственный деятель, состоявший на службе у ханьского У-ди (140—87 гг. до н. э.).

[12] Инчуань — в тексте 潁川, видимо, первый иероглиф ошибочно написан вместо 潁 — в современной провинции Хэнань. Однако, как указывает история, Чжу Майчэн был правителем области Гуйцзи (см.: История Ранней Хань, *цз.* 64), занимающей территорию восточной части современной провинции Цзянсу и западной части провинции Чжэцзян.

[13] Чтобы не прекращалось возжигание курений в нашем роду...— т. е. чтобы со смертью братьев не прекратился род Ли, ибо возжигание курений было прерогативой мужчин как продолжателей рода.

[14] Баоэньсы — монастырь в районе г. Цзиньяна.

[15] Цяо Ин — вариант написания имени Цяо Жуна.

[16] Шаньдун — здесь имеется в виду территория севернее Хуанхэ и восточнее Тайюаня.

[17] В [столице]...— В тексте отсутствует один иероглиф, возможное восстановление по контексту 京 *цзин* или 都 *ду* «столица».

ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ДИНАСТИИ ЧЖОУ

Цзюань 1

[1] Го Хэ — здесь и несколько раз ниже в тексте ошибочно назван Лю Хэ.

[2] *Кунь вай чунь цю* — военный трактат, приписываемый танскому сановнику и военачальнику, а впоследствии отшельнику Ли Цюаню (годы жизни неизвестны). Сохранились две *цзюани* сочинения (*цз.* 4 и 5).

[3] *Тай-гун бинфа* («Законы войны Тай-гуна») — военный трактат, приписываемый Хуан-гуну (см. примеч. 78 к истории Лян).

[4] [Великой] — утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 大 *да* «великий».

[5] Цянь-ю — под этим девизом ханьский Гао-цзу (Лю Чжиюань) правил в 948 г.

[6] Вы в императорском роду старший — Лю Чун был младшим братом ханьского Гао-цзу.

[7] Второй год Цянь-ю...— Вступив на престол, император Инь-ди продолжал править под девизом Цянь-ю, принятым его отцом (см. примеч. 5).

[8] Ханьские заграждения — имеются в виду заграждения, установленные войском Го Вэя.

[9] Это заслуга первых министров — в то время их было трое.

[10] Ван Инь — здесь он назван ошибочно.

[11] Сюаньхуамэнь — одни из северных (правые, если стоять лицом к северу) ворот г. Даляна.

[12] Инчуньмэнь — одни из восточных (левые, если стоять лицом к востоку) ворот г. Даляна.

[13] Гао Гуйсян-гун — внук вэйского императора Вэнь-ди, находился на престоле в 254—259 гг.; был убит Сыма Чжао и похоронен по церемониалу, положенному *гуну*, а не императору.

[14] ...надо уходить в Цзиньян...— В Цзиньяне была резиденция Лю Чуна, отца Лю Юня.

[15] [Непрерывно... убеждая]...— Утраченные в тексте пять иероглифов переведены по контексту.

[16] Гуан-шунь — под этим девизом в 951—953 гг. правил чжоуский Тайцзу Го Вэй.

[17] Го Шу (XII в. до н. э.)— один из младших братьев чжоуского У-вана (см. примеч. 14, к истории Лян), имевший владение в Го.

[18] Северная Хань.— В тексте ошибочно указано: Восточная Хань.

[19] Ли Цуньшэнь.— В тексте ошибка, должно быть: Ли Цуньгуй.

[20] Ничтожное жалованье.— В эпоху Тан, например, жалованье чиновникам этих же рангов исчислялось десятками тысяч, а потом тысячами связок.

[21] Государь Северной Хань.— В тексте ошибочно назван государь Чжоу.

[22] Северная Хань.— В тексте ошибочно названа Восточная Хань.

[23] Он [разбил лагерь, дал отдых солдатам, велел]...— В тексте утрачены семь иероглифов, перевод по контексту.

[24] Войско Северной Хань.— В тексте, видимо, по ошибке написано: «войско киданей».

[25] В просвещенном княжестве Лу, родине «Песен» и «Истории».— Лу, древнее княжество (XII—V вв. до н. э.), родина Конфуция (занимало часть территории современной провинции Шаньдун). «Песни» — «Книга песен» (*Ши цзин*), одна из книг конфуцианского канона «Пятикнижия», древнейшая антология китайской поэзии, в которой собрано свыше трехсот стихов и песен. По преданию, ее редактировал Конфуций. «История» — «Книга исторических преданий» (*Шу цзин*, или *Шан шу*), другая книга «Пятикнижия». В ней рассказывается о легендарном периоде китайской истории, который конфуцианцы считали «золотым веком». Традиция считает, что Конфуций правил эту книгу.

[26] Бо Цинь (XII в. до н. э.) — сын чжоуского правителя Чжоу-гуна, получивший от отца в удел княжество Лу. В результате долгих междоусобных войн княжество Лу было захвачено Чу и перестало существовать.

[27] Гора Тайшань — одна из пяти священных гор Китая, самая высокая вершина гор Тайханшань в современной провинции Шаньдун.

[28] Услыхав, однако, звуки музыки и пения, он понял, что это земля праведников. — Согласно учению Конфуция, музыка была одним из средств воздействия на человека с целью совершенствования в нем моральных принципов (преданность, почтительность, долг), которые конфуцианцы почитали главными. И если в осажденном городе люди не забывали о музыке, значит, нравственные принципы были высокими и неколебимыми. Цзоу — древнее княжество, родина Мэн-цзы, в современной провинции Шаньдун.

[29] Янь Юань — Янь Хуэй (см. примеч. 80 к истории Лян).

[30] [Управу].— Утраченные в тексте два иероглифа восстановлены по «Всеобщему зерцалу», с. 9487, как 使府 *ши фу* «управа».

[31] В правление Тай-цзуна — имеется в виду танский император Тай-цзун (см. примеч. 45 к истории Лян).

[32] В районе Яо из недр горы — т. е. из горы Яошань (или Таншань), которая находится северо-западнее уезда Яошань (в современной провинции Хэбэй).

[33] Лин-ди (168—189) — предпоследний ханьский император, любыми путями добывавший деньги ради удовлетворения своего необузданного стремления к роскоши.

[34] Вэй-ди — в тексте ошибка, должно быть: Хуань-ди; предшественник Лин-ди на ханьском троне, правил в 147—167 гг.

[35] ...нынешнем году — т. е. третьем году Гуан-шунь.

[36] Цзи — созвездие Стрельца.

[37] Сянь-дэ — под этим девизом в 954—959 гг. правил император Шицзун.

[38] Бумажная одежда — имеется в виду одежда из простой ткани.

Цзюань 2

[1] [это поможет].— Утраченные в тексте два иероглифа восстановлены по контексту и «Всеобщему зерцалу», с. 9505, как 可助 *кэчжу*.

[2] Ма Юй.— В тексте ошибка, должно быть: Ма Жэньюй; второй иероглиф опущен, видимо, случайно.

[3] Не [потому]...— В тексте утрачен один иероглиф, перевод по контексту.

[4] Гао Си в тексте ошибочно назван Гао Сюнем.

[5] Имеет устремления...— Далее в тексте утрачены два иероглифа, восстановить которые не удалось.

[6] Пань-гэн (1401—1372 гг. до н. э.)— один из правителей династии Инь. Перенес разросшуюся столицу своего государства к югу от р. Хуай и дал государству новое название — Инь (вместо прежнего Шан).

[7] [все] свои [силы]...— Утраченные в тексте два иероглифа восстановлены по «Всеобщему зерцалу», с. 9525, как [10] *цзинь* и 力 *ли*.

[8] Южане — т. е. государство Тан, расположенное к югу от государства Чжоу.

[9] Палата Ваньсуйдянь — название одного из зданий императорского дворца в Лояне.

[10] Не лучше ли.— Перевод по контексту. В тексте 不然 *бу жань* «иначе», «в противном случае».

[11] Сын танского Тай-цзуна У-ван Цюе был родоначальником правящего дома государства Южная Тан.

[12] Имеется в виду р. Хуайхэ, по которой проходила граница между владениями Южной Тан и Чжоу.

[13] Глупый правитель времен Шести царств.— По мнению Ши-цзуна, правители всех шести царств (IV в. до н. э.) были глупцами, так как слушались советников (Су Циня, Чжан И и др.), которые своим красноречием могли внушить им любую мысль, добиваясь желаемого исхода дела.

[14] Юнлин — усыпальница отца правителя Южной Тан, направившего Сунь Шэна в Чжоу.

[15] Чжоуский Ши-цзун в тексте ошибочно назван танским Ши-цзуном.

[16] Казнил Сунь Шэна.— В тексте ошибка: Сунь Шэн в это время находился в качестве посла в ставке Ши-цзуна и был казнен позднее в Даляне по повелению Ши-цзуна.

[17] Здесь и в предыдущем абзаце в текст вкрались ошибки. Ван Пу не был назначен на должность *сытяньцзяня*. На должность *сытянь шаоцзяня* — младшего начальника обсерватории был назначен Ван Чуна, закончивший составление календаря. Ван Пу же, состоявший ранее в должности *сюеши*, стал *шумифуши*. На должность *шумиши* он был назначен позднее (см. перевод, запись под 8-м месяцем 4-го года Сянь-дэ). В тексте УДПХ часто встречаются неточные названия должностей или их сокращенные написания, которые мы обычно не оговаривали, так как это не влияло на смысл изложения.

[18] ...Ударить в глиняный таз, чтобы смыть позор... за игру на гуслях.— Здесь имеется в виду известная история о том, как на пиру в Мяньчи (279 г. до н. э.) правитель царства Цинь попросил Чжао-вана сыграть на гуслях. Тот сыграл, и тогда историк царства Цинь записал, что Чжао-ван по приказу циньского вана играл на гуслях. После этого Линь Сянжу попросил циньского вана исполнить циньские песни и предложил подать глиняный таз (как ударный инструмент для отбивания ритма). Циньский ван возмущенно отверг просьбу, но Линь Сянжу угрозой самоубийства принудил его ударить по тазу, после чего велел историку царства Чжао записать, что Чжао-ван заставил циньского вана петь.

[19] Циншань.— В Китае существует более десяти гор с таким названием; какую из них в данном случае имеет в виду автор, неизвестно.

[20] Чао и Ю — имеются в виду Чао Фу и Сюй Ю, добродетельные мужи, которым легендарный император Яо предлагал править Поднебесной, но они отказались, оставшись жить в горах. Ответ Чэн Туаня — перефразированная цитата из «Жизнеописания Бао Сюаня», приведенного в «Истории Поздней Хань», где сказано: «Яо и Шунь находились наверху, а Чао и Ю оставались внизу».

[21] Сушей.— В тексте ошибочно «морем».

[22] Ле-цзу — имеется в виду Ли Чэнъюй, прежний государь Тан.

[23] Юань Чжэнь (779—831 гг.)— знаменитый танский поэт. В сборнике его произведений *Чан-цин цзи* имеется сочинение *Тунчжоу цзоу цзюньтянь чжуан* («Тунчжоу подает прошение об уравнении земли»), составленное в

время пребывания Юань Чжэня в Тунчжоу (см. *Сы бу бэй*, т. 199, *цз.* 38, с. 158а—б). Ши-цзун, заинтересованный докладом Юань Чжэня, приказал дополнить его схемами и использовать на практике.

[24] *Туань.*— В тексте вместо [11] *туань* ошибочно написан иероглиф [12] *ту*.

[25] Сужалось.— В тексте вместо 隘 *ай* «тесный», «сдавленный» написан иероглиф 溢 *и* «переливаться через край».

[26] [Обрадован].— Утраченный в тексте иероглиф восстановлен по контексту как 悦 *юе* «радоваться».

[27] Покойный государь — имеется в виду чжоуский Тай-цзу Го Вэй.

[28] На этом рукопись обрывается. Судя по оглавлению *цзюани* 2 «*Пинхуа* по истории Чжоу», из 32 названных там эпизодов изложены 24 (23 полностью и «Смерть Ши-цзуна» частично); текст последних восьми эпизодов утрачен.

МЕРЫ ДЛИНЫ

ли — 576 м
чи — 0,32 м

МЕРЫ ОБЪЕМА

ху — 51,77 л
доу — 10,35 л
гэ — 0,1 л

МЕРЫ ВЕСА

цзинь — 0,597 кг

МЕРЫ ПЛОЩАДИ

цин — 6,15 га
му — 0,061 га

ДЕНЕЖНЫЕ ЕДИНИЦЫ

лян — 37,3 г
цянь — 0,1 ляна

ПРИЛОЖЕНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

Бо Цзюй-и. Лирика. Пер. Л. З. Эйдлина. М., 1965.

Бяньвэнь о воздаянии за милости (рукопись из Дуньхуанского фонда Института востоковедения). Ч. 1. Факсимиле рукописи, исследование, перевод с китайского, комментарий и таблицы Л. Н. Меньшикова; ч. 2. Грамматический очерк и словарь И. Т. Зограф. М., 1972.

Бяньвэнь о Вэймоцзе. Бяньвэнь «Десять благих знамений» (Неизвестные рукописи бяньвэнь из Дуньхуанского фонда Института народов Азии). Издание текстов, предисловие, перевод и комментарий Л. Н. Меньшикова. М., 1963.

Ду Фу. Стихи. Пер. с кит. А. Гитовича. М., 1955.

А. Н. Желоховцев. Хуабэнь — городская повесть средневекового Китая. М., 1969.

А. Н. Желоховцев. Школы сунского сказа.— «Краткие сообщения Института Народов Азии АН СССР». Вып. 84, 1965.

И. Т. Зограф. Очерки грамматики среднекитайского языка. М., 1962.

Ю. Л. Кроль. Сыма Цянь — историк. М., 1969.

Ло Гуань-чжун. Троецарствие. Пер. с кит. В. А. Панасюка. М., 1954.

Л. Н. Меньшиков. Реформа китайской классической драмы. М., 1959.

Л. К. Павловская. Из истории текста «Пинхуа по истории Пяти династий».— «Письменные памятники Востока». Историко-филологические исследования. Ежегодник 1972. М., 1977, с. 231—240.

Л. К. Павловская. Пинхуа по истории Пяти династий (О некоторых вопросах структуры и приемах изложения истории).— Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Краткие сообщения и аннотации. VI годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР, посвященная 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, апрель, 1970. М., 1970 (далее: Письменные памятники).

Л. К. Павловская. О жанре пинхуа.— Письменные памятники. IX годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР (аннотации и краткие сообщения). М., 1973.

Л. К. Павловская. Официальные документы в тексте «Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий».— Теоретические проблемы изучения литератур Дальнего Востока. М., 1977.

Л. К. Павловская. Пинхуа по истории Пяти династий (Некоторые предварительные наблюдения над историческими источниками и приемами использования их в пинхуа).— История, культура, языки народов Востока. М., 1970.

Л. К. Павловская. Пинхуа по истории Пяти династий (О композиционных особенностях и месте среди других пинхуа).— «Страны и народы Востока». Вып. XI. М., 1971.

Л. К. Павловская. Факт исторический и факт литературный (на материале «Заново составленного пинхуа по истории Пяти династий»).— Литературы стран Дальнего Востока. М., 1979.

Пятнадцать тысяч монет. Средневековые китайские рассказы. Пер. И. Т. Зограф. М., 1962.

Б. Л. Рифтин. Историческая эпопея и фольклорная традиция в Китае. М., 1970.
Б. Л. Рифтин. Метод в средневековой литературе Востока.— «Вопросы литературы». 1969, № 6.
Б. Л. Рифтин. Организация повествования в народных книгах (пинхуа).— Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973.
Б. Л. Рифтин. От мифа к роману. М., 1979.
Б. Л. Рифтин. «Пинхуа о походе У-вана против Чжоу Синя» как образец китайской народной книги.— Жанры и стили литератур Китая и Кореи. М., 1969.
М. В. Софронов. Об источнике и времени составления «Синь бянь удай ши пинхуа».— «Проблемы востоковедения». 1960, № 1.
Е. А. Серебряков. Лу Ю. Жизнь и творчество. Л., 1973.
В. Ф. Сорокин, Л. З. Эйдлин. Китайская литература. М., 1962.
Н. Т. Федоренко. Героическая эпопея «Троецарствие».— «Проблемы востоковедения». 1960, № 1.
К. К. Флуг. История китайской печатной книги сунской эпохи. М.— Л., 1959.
Цветы сливы в золотой вазе или Цзинь, Пин, Мэй. т. 1—2. М., 1977.
Шицзин. Подготовка издания А. Штукина и Н. Федоренко. М., 1957.
Л. З. Эйдлин. К истории развития китайской литературы в III—XIII вв.— Изучение китайской литературы в СССР. М., 1973.
Юань Кэ. Мифы древнего Китая. М., 1965.
Chang Fu-joi. Les fonctionnaires des Song. Index des titres. Paris — La Haye, 1962.
J. K. Crump. Ping-hua and the Early History of the San-Kuo chih.— «Journal of the American Oriental Society». Vol. 71. 1951, № 4.
J. K. Crump. Some Problems in the Language of the Shin bian Wunday Shyy Pung-huah. Doct. diss. Vol. 1—2. New Haven, Iale University, 1950.
J. Průšek. The Origins and the Autors of the hua-pen. Praque, 1967.
J. Průšek. Researches into the Beginnings of the Chinese Popular Novel.— «Archiv Orientalní». 1969, № 11.
W. L. Idema. Some remarks and speculations concerning p'inghua.— «T'oung Pao». Vol. 50, 1974, Livr. 1—3.
W. L. Idema. Storytelling and the Short Story in China.— «T'oung Pao». Vol. 59, 1973.
R. des Rotours. Thaité des Fonctionnaires et traité de l'armée. T. 1—2. Leyde, 1947.

新編五代史平話 (Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий). Шанхай, 1954.

新編五代史平話 (Заново составленное пинхуа по истории Пяти династий). Шанхай, 1955.

新刊大宋宣和遺事 (Вновь напечатанные забытые события годов Сюань-хэ великой Сун). Шанхай, 1954.

新刊大宋宣和遺事，四部備要 (Вновь напечатанные забытые события годов Сюань-хэ великой Сун). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т.122.)

新刊大宋宣和遺事，叢書集成 (Вновь напечатанные забытые события годов Сюань-хэ великой Сун). Шанхай, 1936. (Сер. "Цуншу цзичэн". Т.3889.)

薛仁貴征辽事略 (Описание деяний Сюе Жэньгуя, ходившего походом на Ляо). Шанхай, 1957.

七國春秋平話 (Пинхуа о веснах и осенях семи царств). Шанхай, 1955.

武王伐紂平話 (Пинхуа о том, как У-ван пошел походом на Чжоу /-синя/). Шанхай, 1955.

秦併六國平話 (Пинхуа о том, как царство Цинь присоединило шесть царств). Шанхай, 1955.

前漢書平話 (Пинхуа по истории Ранней Хань). Шанхай, 1955.

三國志平話 (Пинхуа по истории Трех царств). Шанхай, 1955.

全相平話五種 (Пять полностью иллюстрированных пинхуа). Пекин, 1956.

大唐三藏取經詩話 (Шихуа о том, как /наставник по/ Трипитаке при династии Великой Тан добыл сутры). Шанхай, 1955.

吳越春秋，四部備要 (Вёсны и осени царств У и Юе). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т.115.)

前漢書，四部備要 (История Ранней Хань). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 51—53.)

李賀詩集 (Ли Хэ. Собрание стихов). Пекин, 1959.

罗曄，醉翁談录 (Ло Е. Записи бесед охмелевшего старца). Шанхай, 1957.

柳宗元，柳河東全集，四部備要 (Лю Цзунъюань. Полное собрание сочинений Лю Хэдуна). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 197.)

孟元老，東京夢華錄 (Мэн Юаньлао. Записи воспоминаний о Восточной столице). Шанхай, 1956.

新五代史，四部備要 (Новая история Пяти династий). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т.80.)

新唐書，四部備要 (Новая история Тан). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 78.)

歐陽修，歐陽文忠集，四部備要 (Оуян Сю. Собрание сочинений Оуян Вэньчжуна). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 208—209.)

殘唐五代史演義傳 (Повествование о гибели Тан и истории Пяти династий). Шанхай, 1929.

全唐詩 (Полное собрание стихов ши периода Тан). Т. 1—12. Пекин, 1960.

全漢三國晉南北朝詩，丁福保編 (Полное собрание стихов ши периодов Хань, Трех царств, Цзинь и Северных и Южных династий). Пекин, 1959.

四庫全書總目 (Сводный каталог книг четырех хранилищ). Шанхай, 1926.

佩文韻府 (Словарь рифм "Пэйвэнь юньфу"). Шанхай, 1936.

五代會要，叢書集成 (Собрание важнейшего о Пяти династиях). Шанхай, 1936. (Сер. "Цуншу цзичэн". Т.829—832.)

宋大詔令集 (Собрание императорских указов периода Сун). Пекин, 1962.

唐大詔令集，宋敏求 (Собрание императорских указов периода Тан). Пекин, 1959.

舊五代史，四部備要 (Старая история Пяти династий). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 79.)

舊唐書，四部備要 (Старая история Тан). (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 72—74.)

錢注杜詩 (Стихи Ду Фу с комментарием Цянь Цяньи). Пекин, 1958.

司馬光，資治通鑑 (Сыма Гуан. Всеобщее зерцало, в управлении помогающее). Пекин, 1956.

司馬光，資治通鑑，四部叢刊 (Сыма Гуан. Всеобщее зерцало, в управлении помогающее). Шанхай, 1928. (Сер. "Сыбу цунканъ".)

司馬光，司馬文正集，四部備要 (Сыма Гуан. Собрание сочинений Сыма Вэньчжэна). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 207.)

吳自牧，夢梁錄，—孟元老，東京夢華錄（外四種）(У Цзыму. Записи снов о просе. — Мэн Юаньлао. Записи воспоминаний о Восточной столице). Шанхай, 1956.

通鑑紀事本末，袁樞撰，四部叢刊 (Хронология событий "Всеобщего зерцала, в управлении помогающего" от начала до конца. Сост. Юань Чу). Шанхай, 1928. (Сер. "Сыбу цункань").

劉知遠諸宮調 (Чжугундяо о Лю Чжиюане). Пекин, 1957.

邵雍，伊川擊壤集，四部叢刊 (Шао Юн. Сборник Играющего в жан на реке Ичуань). Шанхай, 1928. (Сер. "Сыбу цункань".)

王力，汉語史稿 (Ван Ли. Опыт истории китайского языка). Пекин, 1958.

郭箴一，中國小說史 (Го Чжэньи. История китайской художественной прозы). Т. 1—2. Чанша, 1935.

四庫全書總目及未收書目引得 (Индекс к "Сы ку цюань шу цзунму" и к "Вэй шоу шуму"). Пекин, 1932.

中國文學史 (История китайской литературы). Пекин, 1960.

魯迅，中國小說史略 (Лу Синь. Краткая история китайской повествовательной прозы). Пекин, 1962.

劉大杰，中國文學發展史 (Лю Дацзе. История развития китайской литературы). Пекин, 1962.

呂叔湘，漢語語法論文集 (Люй Шусян. Сборник статей по грамматике китайского языка). Пекин, 1955.

孟瑤，中國小說史，台北 (Мэн Яо. История китайской художественной прозы). Т. 1—4. Тайбэй, 1966.

中國小說史稿 (Очерк истории китайской художественной прозы). Пекин, 1960.

藝文志二十種總合引得 (Сводный индекс к двадцати библиографиям). Пекин, 1953.

西諦，論元刊「全相平話五種」Си Ди (Чжэн Чжэньдо). О первом напечатании "Пяти полностью иллюстрированных пинхуа". — "Бэйдоу", 1931. Т. 1, № 1.

孫楷第，中國通俗小說書目(Сунь Кайди. Каталог произведений китайской популярной прозы). Пекин, 1957.

孫楷第，俗講，說話與白話小說(Сунь Кайди. Суцзян, шохуа и рассказы на байхуа). Пекин, 1956.

譚正璧，中國小說發達史(Тань Чжэнби. История развития китайской художественной прозы). Шанхай, 1935.

洪誠，王力《漢語史稿》語法部分商榷，「中國語文」(Хун Чэн. Рецензия на раздел грамматики книги Ван Ли "Опыт истории китайского языка"). — "Чжунго юйвэнь". 1964, № 3.

進德，宋平話小說，「古典文學作品解析」，下輯(Цзинь Дэ. Пинхуа эпохи Сун. — "Гудянь вэньсюе цзопинь цзеси". Вып. 2. Шанхай, 1958.

張相，詩詞曲語辭匯釋，北京(Чжан Сян. Комментированное собрание лексики из драмы и поэзии). Пекин, 1954.

張政烺，講史與詠史詩，「歷史語言研究所集刊」(Чжан Чжэнлян. Рассказывание истории и стихи, воспевающие историю. — "Лиши юйянь яньцзюсо цзикань". 1948, № 10.

周禮，十三經注疏(Чжоуские установления). Пекин, 1957. (Сер. "Шисань цзин чжушу". Т.13.)

鄭振鐸，插圖本中國文學史(Чжэн Чжэньдо. Иллюстрированная история китайской литературы). Пекин, 1957.

鄭振鐸，中國俗文學史(Чжэн Чжэньдо. История китайской простонародной литературы). Пекин, 1954.

鄭振鐸，中國文學論集(Чжэн Чжэньдо. Сборник статей о китайской литературе). Пекин, 1947.

趙景深，中國文學史新編(Чжао Цзиншэнь. Заново переработанная история китайской литературы). Шанхай, 1936.

春秋公羊傳，十三經注疏(Чуньцю с комментарием Гунъяна). Пекин, 1957. (Сер. "Шисань цзин чжушу". Т. 33—34.)

程毅中，宋元講史簡論，「文學遺產」，增刊(Чэн Ичжун. Коротко об исторических повествованиях эпох Сун и Юань). — "Вэньсюе ичань". 1959, № 7 (спец. вып).

程毅中，宋元話本，北京(Чэн Ичжун. Хуабэнь времен Сун и Юань). Пекин, 1964.

陳汝衡　說書史話 (Чэнь Жухэн. Об истории шошу). Пекин, 1958.

游國恩，王起等，中國文學史，北京 (Ю Гоэнь, Ван Ци и др. История китайской литературы). Пекин, 1963—1964.

元氏長慶集，四部備要 (Юань Чжэн. Собрание Чан-цин господина Юаня). Шанхай, 1936. (Сер. "Сыбу бэйяо". Т. 199.)

大日本大藏經，東京 (Японская Трипитака). Токио, 1881—1885.

小川环树，变文と講史，「日本中國文學会报」(Огава Тамаки. Бяньвэнь и исторические повествования). — "Нихон тюгоку бунгаку кайхо". 1954, № 6.

СПИСОК ИЕРОГЛИФОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

с.10	/1/	媿
с.44	/2/	榮
с.358	/3/	證
с.366	/4/	擧
с.367	/5/	擾
с.368	/6/	晉
с.369	/7/	遲
с.369	/8/	盡
с.373	/9/	練
с.378	/10/	盡
с.379	/11/	團
с.379	/12/	圖

РАЗНОЧТЕНИЯ ТЕКСТОВ "ВСЕОБЩЕГО ЗЕРЦАЛА" и УДПХ

№№ п/п	Разночтения в текстах УДПХ и "Всеобщего зерцала" (Цзы) изд. 1956 г.	Названия изданий "Всеобщего зерцала"													Примечания
		XII	XV 1	XV 2	XIV	XVI 1	XVI 2	XI 1	XI 2	Сев. Сун	Кун	Чжан	Туй-чжай	Сюн	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
1	УДПХ, 17,9 裴[渥] Цзы, 8187,12 裴偓 цз.252	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	
2	УДПХ, 18,14 清除黃巢充[率府] Цзы, 8215,15 清除巢府率 цз.253	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	
3	УДПХ, 30,7 朱瑄使部下將賀瓌,柳存[何]懷寶部兵萬餘人攻襲曹州 Цзы, 8478,9-10 朱瑄遣其將賀瓌,柳存及河東將薛懷寶將兵萬餘人曹州	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	
4	УДПХ, 62,3-4 遣將帥[五千]人 Цзы, 8731,3-4 遣將將兵以從 цз.267	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	
5	УДПХ, 66,14 士卒[墜落崖谷]死的十之二三 Цзы, 8793,5-7 士卒援藤葛而進皆腹疾足腫,死之什二三 цз.269	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
6	УДПХ, 73,6 卽日歸太原,邑邑成疾 Цзы, 8863,6 卽日歸晉玉邑成疾 цз.271	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	Согласно комментарию Чжан Юя, здесь должен быть знак 陽 Тайюань (Цзиньян)
7	УДПХ, 86,6 但當卑辭下禮 Цзы, 8903,5–6 吾卑辭厚禮 цз.272	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	
8	УДПХ, 90,1 然當爲我屈意行之 Цзы, 8920,8 當爲我屈意行之 цз.273	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	
9	УДПХ, 90,13–14 上師后妃百官皆拜之,惟郭隙韜不拜 Цзы, 8933,5 親師后妃及皇弟皇子拜之,…羣臣莫敢不拜 цз.273	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	
10	УДПХ, 93,8 於柩前卽皇帝位 Цзы, 8983,6–7 於柩前卽位 цз.275	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	
11	УДПХ, 99,3 太僕少卿致仕何澤 Цзы, 9087,3 太僕少卿何澤 цз.278	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	+	–	–	
12	УДПХ, 118,7 契丹主與朋宗約做兄弟之國 Цзы, 9143,4 契丹素與朋宗約爲兄弟 цз.280	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	

№№ п/п	Разночтения в текстах УДПХ и "Всеобщего зерцала" изд. 1956 г. (Цзы)	Названия изданий "Всеобщего зерцала"													Примечания
		XII	XV 1	XV 2	XIV	XVI 1	XVI 2	XI 1	XI 2	Сев. Сун	Кун	Чжан	Туй-чжан	Сюн	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
13	УДПХ, 132,14-133,1 八月晉主上尊於契丹 Цзы, 9188,6 帝上尊號於契丹 цз.281	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	
14	УДПХ, 139,13 王帶御馬錦 Цзы, 9256,2-3 王帶御馬 цз.283	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	
15	УДПХ, 144,9 就使束手就擒 Цзы, 9289,15 與其束首就擒 цз.284	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	
16	УДПХ, 146,13 羌胡怨叛 Цзы, 9303,5 羌胡怨怒 цз.285	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	
17	УДПХ, 153,11 契丹主謂晉羣臣曰 Цзы, 9330,4-5 契丹主謂羣臣曰 цз.286	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	
18	УДПХ, 198,13 清奉漢宗廟 Цзы, 9447,11-12 清奉宗廟 цз.289	+	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	–	–	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
19	УДПХ, 204,4 邦[齊王]述聿聽得述軋自立,乃逃入南山 Цзы, 9463,6-7 契丹主德光之子述聿逃入南山 цз.290	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	
20	УДПХ, 208,11 平章軍國事[李]毅以病辭立 Цзы, 9485,1-2 毅以病辭久未愈,二表辭立 цз.291	+	–	–	–	–	–	–	–	–	+	–	–	–	
21	УДПХ, 209,1 乃聽[詣]臺省 Цзы, 9485,6-7 乃聽訟於臺省 цз.291	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	–	–	
22	УДПХ, 229,13-14 蜀將李廷珪,伊審徵奔還蜀,素服請罪,[蜀主赦之] Цзы, 9531,8-9 蜀李廷珪上表待罪,十月,伊審徵至成都請罪 цз.292	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	+	+	–	После знака 罪 должны быть знаки 皆釋之
23	УДПХ, 232,14 不敢用私恩廢王事,決難奉命,[明旦乃許入] Цзы, 9538,10 不敢奉命 цз.292	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	Чжан Юй цитирует текст так: 明旦乃得入
24	УДПХ, 233,13 獻御服[茶]藥 Цзы, 9539,15 獻御服湯藥 цз.292	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	Вместо знака 湯 должен быть знак 茶
25	УДПХ, 235,1 不負永陵一[杯]土 Цзы, 9546,8 不負永陵一培土 цз.293	–	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	–	–	

№№ п/п	Разночтения в текстах УДПХ и "Всеобщего зерцала" изд. 1956 г. (Цзы)	Названия изданий "Всеобщего зерцала"													Примечания
		XII	XV 1	XV 2	XIV	XVI 1	XVI 2	XI 1	XI 2	Сев. Сун	Кун	Чжан	Туй-чжан	Сюн	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
26	УДПХ, 235,1 將孫晟等詣壽州城下 示劉仁贍 Цзы, 9547,15 以孫晟詣壽春城下 цз.293	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	
27	УДПХ, 235,3 臣爲唐宰相 Цзы, 9548,2-3 臣爲宰相 цз.293	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	
28	УДПХ, 237,13-14 則怨益深不如縱之使敵人懷德則兵易解也 Цзы, 9558,15-9559,1 則怨益深 цз.293	+	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	Чжан Юй цитирует текст так: 不如縱之以敵於德則兵易解也
29	УДПХ, 245,9 願得海陵鹽監 Цзы, 9584,13_14 願得海陵監南屬以贍軍 цз.294	0	–	–	–	–	–	–	+	–	+	–	+	–	

ПОЯСНЕНИЯ К ТАБЛИЦЕ

1. В графе 2 цифры означают: первая — номер страницы, вторая — номер строки } цитируемых сочинений
2. Обведенные знаки отмечены Чжан Юем как пропущенные или неправильно написанные в издании 1816 г.
3. + означает наличие знаков в тексте.
4. – означает их отсутствие.
5. 0 означает, что в издании текст не сохранился.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

Абаоцзи 阿保機 159
Ай Ин 艾穎 351
Алихань 阿里罕 286
Ань Лушань 安祿山 32, 368
Ань Сыцянь 安思謙 256
Ань Теху 安鐵胡 234, 270, 374; см. также Ань Чжунжун
Ань Цзиньцюань 安金全 130, 158, 159
Ань Цунцзинь 安從進 196, 199, 234, 235; в тексте также Ань Чжунцзинь
Ань Чжунжун 安重榮 (Ань Теху) 48, 199, 214, 232—235, 267, 270, 374
Ань Чжунхуэй 安重誨 (Ань) 50, 51, 131, 187, 188, 190—193, 206
Ань Шэньци 安審琦 216, 240, 241, 342
Ань Юаньсинь 安元信 214
Ань Яньвэй 安彥威 196, 231, 370; в тексте также Чжан Яньвэй
Ао-ван 鄂王 49, 197, 214; см. также Минь-ди
Асань 阿三 197; см. также Лу-ван
А-Су 阿蘇 56, 59; см. также Лю А-Су
Асулу 阿速魯 204

Бай Вэнькэ 白文珂 288, 289
Бай Фэнцзинь 白奉進 (Бай) 227, 373

Байхэебэй 白荷葉盃 113
Бай Цзайжун 白再榮 238
Бай Цунхуэй 白從暉 314
Бай Чжицянь 白志遷 136
Бай Чжунцзинь 白重進 38
Бай Чжуншан 白重贇 38, 318
Бай Чэнфу 白承福 73, 234, 237, 255, 270—272, 275, 285—287
Бай Шоусинь 白守信 113—115, 117, 118
Бань, Бань Гу 班固 34, 104, 361

Бо Цзюйи 白居易 12, 364
Бо Цинь 伯禽 305, 377
Будда 82, 92, 259, 277, 306, 330, 375
Вэйпин-ван 北平王 285, 287; см. также Лю Чжиюань
Бэнь Хунцзинь 奔洪進 208, 265
Бянь Хао 邊鎬 345, 346

Вайшравана 363
Вало 襪囉 244, 245
Ван, госпожа 王氏 — мать Чжу Цюаньчжуна 112
Ван, госпожа 王氏 192; см. также Ван-шуфэй
Ван Ба 王霸 161, 363
Ван Ваньгань 王萬敢 303
Ван Вэй 王維 11
Ван Гуй 王圭 202, 359, 371
Ван Да 王大 263
Ван Дао 王導 119, 143, 363, 364
Ван До 王鐸 (Ван) 120—122, 135, 136, 138
Ван Ду 王都 183
Ван Дэчжун 王得中 318, 321, 322
Ван — Железное копье 王鐵槍 171, 174; см. также Ван Яньчжан
Ван Жун 王鎔 (Ван из Чжао) 127, 128, 146, 152, 154, 166, 169
Ван Жун 王戎 362
Ван Инь 王殷 292, 297, 312, 376
Ван Куй 王逵 335
Ван Лан 王朗 71, 189, 367
Ван Лин 王陵 156, 367
Ван Линвэнь 王令溫 245
Ван Луань 王巒 131, 197
Ван Лян 王梁 363
Ван Ман 王莽 119, 363
Ван Минь 王敏 301
Ван Пу 王朴 277, 301, 328, 329, 342, 347, 352, 354, 378
Ван Пу 王溥 316, 330, 332, 346, 354
Ван Синъюе 王行約 146, 147
Ван Синъюй 王行瑜 126, 146
Ван Суньмань 王孫滿 362
Ван Сытун 王思同 196, 265
Ван Сяньчжи 王仙芝 (Сяньчжи) 100, 104, 107, 109—111, 122, 361
Ван-тайши 王太師 163, 368; см. также Ван Цзянь
Ван Тань 王檀 158
Ван Таньчжи 王坦之 366
Ван Тинъинь 王廷胤 230
Ван Фань 王璠 100, 108
Ван Хао 王浩 125
Ван Хуань 王環 332, 333, 346
Ван Хун 王洪 352
Ван Хунчжи 王弘贄 208, 265
Ван Хуэй 王暉 29, 30
Ван Цзань 王瓚 177
Ван Цзин 王景 330—332
Ван Цзинчун 王景崇 43, 256, 288, 289, 299

Ван Цзисюнь 王繼勳 256, 288, 289
Ван Цзюнь 王峻 54, 55, 80, 256, 272, 273, 276, 292—295, 297, 301, 303, 304, 311
Ван Цзянь (Ван-тайши) 王建 142, 365, 368
Ван Цзяньцзи 王建及 163
Ван Цин 王清 235, 248
Ван Цюань 王權 230
Ван Цюаньбинь 王全斌 186
Ван Цянь см. Ван Чжаоцзюнь
Ван Цяньюй 王虔裕 143
Ван Чжан 王章 292
Ван Чжаоцзюнь 王昭君 (Чжаоцзюнь, Ван Цянь) 211, 372
Ван Чжоу 王周 230, 249
Ван Чжу 王著 354
Ван Чжунжун см. Ван Чунжун
Ван Чуна 王處訥 342, 378
Ван Чунжун 王重榮 118—120, 135, 136, 141, 142
Ван Чунчжи 王崇質 338, 339
Ван Чуцунь 王處存 118—120
Ван Чучжи 王處直 128, 154, 162
Ван Чэн 王成 334
Ван Шоуэнь 王守恩 289
Ван-шуфэй 王淑妃 (Ван, Цветы посрамившая) 193, 194, 197
Вань Со 萬修 363
Ван Юньпин 王允平 183, 184, 369
Ван Янь 王衍 165
Ван Яньсы 王延嗣 318
Ван Яньчао 王彥超 326, 327, 333
Ван Яньчжан 王彥章 (Ван — Железное копье, Яньчжан) 30—32, 89, 130, 156, 162, 171—176, 368
Вельгус В.А. 94
Вэй, госпожа 魏氏 197, 370
Вэй-ван 魏王 185
Вэй-ван (киданин) 偉王 200, 237, 238, 275, 285, 286
Вэй-ван Бао 魏王豹 201
Вэй-го 魏國 (Цзинь-го, Юннин) — принцесса 209
Вэй Жэньпу 魏仁浦 287, 323, 354
Вэй Чжэн 魏徵 (Вэй Чжэн-гун) 31, 32, 98, 175, 358, 359, 368
Вэй Чжэнь 韋震 125, 128
Вэй Яньлан 魏延朗 289
Вэнь-ван 文王 356
Вэнь-ди (вэйский) 文帝 376
Вэнь-ди (суйский) 文帝 358; см. также Ян Цзянь
Вэнь Е 溫爺 123
Вэнь Тао 溫韜 179; см. также Ли Шаочун

Гань Цзян 干將 357
Гао Баожун 高保融 349, 350
Гао Вэньцзи 高文集 135
Гао Гуйсян-гун 高貴鄉公 294, 376

Гао Мохань (Тайсянвэнь) 高漠翰 225, 373
Гао Мэн 高濛 169
Гао Пянь 高駢 111
Гао Си 高錫 46, 322, 323, 377
Гао Синчжоу 高行周 170, 216, 230, 235, 237—239, 248, 251
Гао Сюнь 高勳 200, 251—253
Гао-цзу (позднеханьский) 高祖 278, 287, 295, 297, 299, 300, 376; см. также Лю Чжиюань
Гао-цзу (танский) 高祖 (Ли Юань) 170, 202, 358
Гао-цзу (ханьский) 高祖 (Лю Цзи, Лю Бан, Хань-ван) 19, 23, 97, 156, 201, 202, 307, 357, 358, 367, 370, 371, 373, 375
Гао-цзу (цзиньский) 高祖 52, 197, 237, 244, 245, 251, 257, 271, 274, 299, 373; см. также Ши Цзинтан
Гао-цзун (танский) 高宗 132, 365
Гао Яньхуэй 高彦暉 352
Го Воробей 郭雀兒 300; см. также Го Вэй
Го Вэй 郭威 (Го Воробей, Го, Го Чэнбао, Тай-цзу чжоуский) 56—58, 66—70, 73, 76, 82, 83, 90, 170, 234, 255—257, 270—300, 305, 324, 376, 379
Го Жун 郭榮 (Цзинь-ван, Цзинван (Го) Жун, Ши-цзун) 276, 291, 292, 294, 299, 301, 311, 313
Го Жэньюй 郭仁遇 245
Го Кэ 郭科 280, 291
Го Тинвэй 郭廷謂 348
Го Хэ 郭和 278, 279, 376
Го Цзинчжу 郭景銖 139
Го Цзыи 郭子儀 (Фэньян-ван) 180, 369
Го Цунцянь 郭從謙 (Мэньгао) 131, 186, 365
Го Чунвэй 郭崇威 292, 297, 298
Го Чунтао 郭崇韜 130, 131, 171, 173, 175, 180—184
Го Чэнбао 郭成寶 279, 280; см. также Го Вэй
Го Шу 虢叔 298, 376
Го Юньмин 郭允明 292
Го Яньцинь 郭彦欽 309
Гуан-у (ханьский) 光武 90, 161, 189, 190, 366, 367, 369
Гуан-цзун (сунский) 光宗 36, 37
Гуань Чжун 管仲 190, 369, 370
Гу Жуй 顧瑞 279
Гу Люйэр 顧驢兒 275, 279
Гун-ди 恭帝 (Цзунсюнь) 277
Гун-ди (суйский) 恭帝 358, 365
Гун Тинмэй 鞏廷美 296
Гун Яньчжан 宮彦璋 159
Гэн Чунь 耿純 363
Гэн-ши (ханьский) 更始 367
Гэн Янь 耿弇 363
Гэ Цунчжоу 葛從周 (Гэ, Гэ-пушэ) 117, 118, 121—128, 144, 145

Гэ Юй 葛寓 (Гэ) 148, 149
Гэ Янь 葛延 363

Дай Жосы 戴若思 363
Дай Сыюань 戴思遠 116, 167, 168, 368
Дань Кэцзи 單可及 126, 127, 149
Дин-ван 定王 362
Дин Куай 丁會 142, 151
Доу И 竇儀 306, 336
Доу Лугэ 豆盧革 169, 180, 186
Доу Чжэньгу 竇貞固 290, 293, 297
Дуань Вэньчу 段文楚 134
Дуань Нин 段凝 (Ли Шаоцинь) 27, 131, 168, 171—173, 176, 177
Дуань Пиди 段匹磾 362
Дуань Сияо 段希堯 71, 72, 210, 212
Дуань Чжан 段璋 111, 170
Ду Вэй 杜威 (Ду) 38, 200, 202, 239, 241—243, 246—249, 285
Ду Гунбу 杜工部 202, 372; см. также Ду Фу
Ду Жухуэй (Ду) 杜如晦 98, 202, 359, 371
Ду Мао 杜茂 363
Дун Гуанъе 董光業 205
Дун И 董裔 297, 298
Дун Кан 董康 9, 12
Дун Цзеюань 董解元 42
Дун Чжан 董璋 172, 205, 206, 275, 283, 284
Ду Фу 杜甫 (Ду Гунбу) 11, 12, 372
Ду Чжиминь 杜知敏 240
Ду Чжунвэй 杜重威 230, 231, 235, 255, 266, 275, 287, 375
Ду Яньцю 杜晏球 (Ли Шаоцянь) 27, 177
Дэ-гуан 德光 51, 53, 215, 216, 218, 221, 222, 372
Дэн Цзиюнь 鄧李筠 144
Дэн Юй 鄧禹 363

Е Жэньлу 葉仁魯 310
Ела 拽剌 232
Е Сыбао 也廝褒 245
Е Цзайцай 葉載采 310

Жань, Жань Цю 冉求 34, 104, 361
Желоховцев А.Н. 14
Жуань Сянь 阮咸 362
Жуань Цзи 阮籍 362
Жу-цзы-ин 孺子嬰 363
Жэнь Гуан 任光 363

Зограф И.Т. 41

Идема В.Л. 14
Инь-ди 隱帝 43, 276, 278, 287, 289, 292, 294, 299, 301; см. также Чэнъю
Инь Чанмай 尹常賣 10
И-цзун 懿宗 99, 100, 170, 359, 360, 368

Ицзучжаоле-хуанди 懿祖昭烈皇帝 170; см. также Чжусе Чжии
И Шэньчжэн 伊審徵 331, 332

Кан Ичэн 康義誠 194, 196, 207, 208, 265
Кан Фу 康福 196
Кан Цзюньли 康君立 134, 136, 142, 145
Кан Чэнсюнь 康承訓 134
Кан Ши 康實 120
Кан Яньсяо 康延孝 171, 173, 176; см. также Ли Шаочэнь
Кан Яньчжао 康延沼 304
Колоколов В.С. 94
Конфуций 356, 357, 377; см. также Кун Кун(фу)-цзы
Коу, Коу Сюнь 寇恂 90, 141, 363, 366
Крамп Дж. 13, 14
Кроль Ю.Л. 83
Кун Вэй 孔緯 143, 147
Кун Сюнь 孔循 186
Кун Тяньинь 孔天胤 (Кун) 36, 38—40
Кун(фу)-цзы 孔(夫)子 (Конфуций, Кун Цю) 97, 151, 276, 307, 356
Кун Цю 孔丘 356; см. также Кун (фу)-цзы
Кун Цянь 孔謙 179, 182, 184, 186
Кычанов Е.И. 94

Ле-цзу (Ли Чэнъюй) 烈祖 351
Ли, госпожа — вдовствующая императрица 李氏太后 250, 299; см. также Сань-нянцзы
Ли Бо 李白 12
Ли Бянь (Ли Цзин) 李昇 350
Ли Вэй-гун 李衛公 359; см. также Ли Цзин
Ли Гочан (Гочан) 李國昌 129, 132, 134, 170, 365, 368; см. также Чжусе Чисинь
Ли Гу (Ли) 李穀 75, 247, 308—310, 321, 324, 325, 333—335, 346, 347
Ли Дэмин 李德明 337, 339
Ли Е 李業 256, 276, 278, 292
Ли Жун 李榮 56, 294, 314; см. также Ли Юнь
Ли И 李乂 318
Ли Иинь 李舜殷 238
Ли Исин 李舜興 325
Ли Куанвэй 李匡威 143; в тексте Ли Чэньвэй
Ли Кэнин 李克寧 74, 75, 151
Ли Кэцзюй 李可舉 135;
Ли Кэюн 李克用 (Ли Яэр, Кэюн, Одноглазый дракон, Тай-цзу у-хуанди, У-хуан, Цзинь-ван, Лунсицзюнь-ван) 28, 60, 65, 74, 89, 124—130, 132—151, 364, 367, 368
Ли Маочжэнь 李茂貞 146—149; см. также Ци-ван Ли Маочжэнь
Лин-ди (ханьский) 靈帝 310, 377

Линь, Линь Сянжу 藺相如 90, 141, 343, 344, 365, 378
Ли Поднебесный 李天下 131, 178; см. также Ли Цуньсюй
Ли-пушэ 李僕射 135, 137, 365; см. также Чжусе Чисинь
Ли Сицзи 李襲吉 147
Ли Сун 李崧 38, 207, 209—212, 225, 235, 246, 250, 253, 264
Ли Сы 李斯 60, 192
Ли Сыань 李思安 126—128, 151
Ли Сычжао 李嗣昭 126, 150—152, 163, 168, 367
Ли Сыэнь 李嗣恩 157
Ли Сыюань 李嗣源 (Мин-цзун, Мяоцзиле) 30—32, 130, 131, 134, 139, 150, 153, 158—160, 162, 167, 170, 171, 173—177, 185—187, 204, 365, 368
Ли Сян 李驤 300, 301
Ли Сяоси 李小喜 153, 154
Ли Сяочан 李孝昌 118, 120
Ли Тао 李涛 251, 354
Ли Тао 李韜 288
Ли Тингуй 李廷珪 331, 332
Ли Тяо 李迢 112
Ли Ханьчжи 李罕芝 (Ли; Полководец, перемалывающий облака) 28, 116—118, 125, 126, 128, 142—144
Ли Хунсинь 李洪信 255, 263, 264, 267, 269, 270
Ли Хунцзи 李弘冀 (Хунцзи) 349
Ли Хунцзянь 李洪建 294
Ли Хунъи 李洪義 255, 263, 264, 267, 269, 270
Ли Хэ 李賀 12, 362
Ли Хэнчун 李橫衝 264
Ли Цзайфэн 李再豐 169
Ли Цзайцинь 李在欽 353
Лицзи 驪姬 213, 372
Ли Цзилинь 李繼琳 179; см. также Чжу Юцянь
Ли Цзин 李靖 (Ли Вэй-гун) 98, 132, 159, 202, 359, 369
Ли Цзин 李景 350; см. также Ли Бянь
Ли Цзинда 李景達 (Ци-ван(Ли) Цзинда, Цзинда) 341, 345
Ли Цзинжу 李敬儒 (Ли) 41, 65, 254, 255, 261—263, 267, 278
Ли Цзинцюань 李金全 256
Ли Цзинъе 李敬業 254, 264, 267—270
Ли Цзинь 李進 331
Ли Цзиньчжун 李盡忠 135
Ли Цзипэн 李繼鵬 146, 147
Ли Цзитао 李繼韜 56—58, 68—70, 169, 275, 282—284
Ли Цзицзи 李繼岌 (Цзицзи) 160, 174, 179, 369
Ли Цзюнь 李鈞 134
Ли Цунжу 李從儒 168; см. также Ян Поэр
Ли Цунжун 李從榮 131
Ли Цункэ 李從珂 130, 131, 159,

163, 171, 173, 174, 177, 190 — 192, 195, 196; см. также Лу-ван

Ли Цунчжан 李從璋 192

Ли Цуньво 李存渥 (Цуньво, Шэнь-ван Цуньво) 179

Ли Цуньгуй 李存瓌 300, 376; в тексте Ли Цуньшэнь

Ли Цуньсинь 李存信 124, 146, 160

Ли Цуньсюй 李存勗 (Ли Поднебесный, Ли Яцзы, Цзинь-ван (Цуньсюй), Чжуан-цзун, Яцзы) 74, 75, 78, 129, 130, 133, 143, 147, 150, 151, 165, 204, 367, 368

Ли Цуньсяо 李存孝 28, 142, 144—146

Ли Цуньцзинь 李存進 156, 168

Ли Цуньцзюй 李存矩 159

Ли Цуньчжан 李存璋 134

Ли Цуньшоу 李存璹 152

Ли Цуньшэнь 李存審 130, 158—160, 162, 167—169, 204

Ли Чанфу 李昌符 141, 142

Ли Чжао 李肇 29, 206

Ли Чжо 李琢 135

Ли Чжоу 李周 171, 368; в тексте Ли Юе

Ли Чжуаньмэй 李專美 209

Ли Чжун 李忠 363

Ли Чжунцзи 李重吉 195

Ли Чжунцзинь см. Ли Чунцзинь

Ли Чжэнгу 李徵古 339

Ли Чисинь 李赤心 129; см. также Чжусе Чисинь

Ли Чунсюнь 李崇訓 324

Ли Чунцзинь 李重進 333—335, 343—345, 352, 353

Ли Чунцзюй 李崇矩 299

Ли Чунъюй 李崇玉 289

Ли Чэнъюй 李承裕 (Ле-цзу) 378

Ли Шаожун 李紹榮 (Юань Синцинь) 160, 172, 185, 186

Ли Шаохун 李紹宏 172, 175

Ли Шаоци 李紹奇 130, 157, 174; см. также Ся Луци

Ли Шаоцинь 李紹欽 27, 177, 178; см. также Дуань Нин

Ли Шаоцянь 李紹虔 27, 177; см. также Ду Яньцю

Ли Шаочжэнь 李紹貞 186

Ли Шаочун 李紹冲 (Вэнь Тао) 179

Ли Шаочэнь 李紹琛 (Кан Яньсяо) 179

Ли Шиминь 李世民 358; см. также Тай-цзун (танский)

Ли Шиши 李師師 19

Ли Шоучжэнь 李守貞 43, 238—240, 242, 243, 246, 248, 249, 255, 256, 288, 289, 299, 311, 324, 332

Ли Юань 李淵 98, 358, 365, 371; см. также Гао-цзу (танский)

Ли Юнь 李筠 (Ли Жун) 56, 58, 251, 314, 315

Ли Юцзинь 李友金 129

Ли Юцюань 李友全 135
Ли Яньвэй 李彦威 117
Ли Яньтао 李彦韜 246, 248, 250
Ли Яньцзоу 李延鄒 348
Ли Яньцин 李彦卿 186
Ли Яцзы 李亞子 43, 151, 162, 174; см. также Ли Цуньсюй
Ли Яэр 李鴉兒 132, 136, 198; см. также Ли Кэюн
Ло Гуаньчжун 羅貫中 15, 20
Ло Е 羅曄 15
Ло Шаовэй 羅紹威 126, 128
Лу-ван 潞王 (Асань, Цункэ, Ли Цункэ, Фэй-ди) 49, 50, 53, 54, 72, 131, 133, 134, 195—197, 207, 208, 215, 224, 257, 264, 265, 365, 370
Лу Вэньцзи 盧文紀 218, 219
Лу Вэньцзинь 盧文進 159
Лу Десятый 路十的 33, 100; см. также Лу Янь
Лу Мэнцзюнь 陸孟俊 76, 339—341
Лун Минь 龍敏 218, 219
Лунсицзюнь-ван 隴西郡王 129, 141; см. также Ли Кэюн
Лу Си 盧攜 33, 79, 99, 100, 359, 360
Лу Синь 魯迅 12, 18
Лу Цзи 陸機 366
Лу Чжи 盧質 161, 169
Лу Чэн 盧程 169
Лу Шуньми 盧順密 170, 207
Лу Янь 路岩 (Лу Десятый) 33, 100, 360
Лэй-цзу 螺祖 355
Лю, госпожа 劉夫人 — жена Ли Кэюна 139, 150
Лю, императрица 劉皇后 (Лю, госпожа) — жена императора Чжуан-цзуна 170, 180—182, 184, 186
Лю, императрица 劉皇后 — жена Лу-вана 226
Лю-тайхоу 劉太后 (Лю, госпожа)— мать Чжуанцзуна 170, 178
Лю А-Су (А-Су, Су) 劉阿蘇 258
Лю Бан 劉邦 357, 361; см. также Гао-цзу (ханьский)
Лю Бэй 劉備 23, 97, 358
Лю Вэнь 劉文 113
Лю Вэньцзин 劉文靖 202, 371
Лю Вэньчжэн 劉文政 113, 115, 118, 127
Лю Гуанцзань 劉光贊 257, 258
Лю Гуанъюань 劉光遠 257, 258
Лю Жэньгун 劉仁恭 126, 130, 149—151, 153, 154
Лю Жэньшань 劉仁贍 (Лю, Пэнчэнцзюнь-ван) 277, 333—335, 338, 345—347
Люй-хоу 呂后 202, 357, 367, 371
Люй Цзунъи 呂宗一 312
Люй Ци 呂琦 209—212, 219
Люй Шусян 呂叔湘 41, 42
Лю Кунь 劉琨 (Лю-гун) 110, 362

Лю Лин 劉伶 111, 362
Лю Лун 劉隆 363
Лю Минь 劉旻 (Лю) 276, 277, 299, 300, 302—304, 314, 315, 321, 322; см. также Лю Чун
Лю Синшэнь 劉行深 99, 359
Лю Синь 劉鄩 130, 154, 156—158, 192
Лю Синь 劉信 295, 298
Лю Сюй 劉昫 25, 51, 228
Лю Сюнь 劉勳 295
Лю Хун 劉洪 258
Лю Цзи 劉季 97, 357; см. также Гао-цзу (ханьский)
Лю Цзисюнь 劉繼勳 230
Лю Цзунъюань 柳宗元 46
Лю Цзюнь 劉鈞 (Лю Чэнцзюнь) 88, 324, 331
Лю Цунсяо 留從效 353
Лю Цунь 柳存 123, 124
Лю Цы 劉詞 235, 256, 288, 301, 318, 319, 336
Лю Цюань 劉仝 174
Лю Чжи 劉植 363
Лю Чжиюань 劉知遠 (Лю-чжао-таоши, Гао-цзу (позднеханьский), Лю Чэнбао, Чэнбао, Чжиюань) 13, 41, 54—56, 65, 66, 69, 71—73, 76, 82, 83, 131, 193, 194, 199, 200, 207—209, 212, 215, 216, 223, 226—228, 230, 231, 233—235, 237—239, 250, 254—257, 259—275, 278, 284—287, 376
Лю Чжу 劉銖 294, 295
Лю Чжунцзинь 劉重進 294
Лю Чун 劉崇 112, 114
Лю Чун 劉崇 (Лю Минь, Лю)-брат Лю Чжиюаня 47, 58, 90, 287, 288, 295, 299, 300, 303, 304, 315—318, 320—322, 324, 376
Лю Чусинь 劉楚信 352
Лю Чэнбао 劉成保 258; см. также Лю Чжиюань
Лю Чэнцзюнь 劉承鈞 (Чэнцзюнь) 276, 277, 300, 302, 323, 324; см. также Лю Цзюнь
Лю Чэнъи 劉承義 (Чэнъи) 254, 264, 267
Лю Шоугуан 劉守光 130, 153, 154
Лю Юнь 劉贇 (Лю, Сянъинь-гун) 276, 295—300, 376
Лю Янь 劉言 309
Лю Яньлан 劉延朗 196, 225
Лю Яньхань 劉延翰 246
Лю Яньхао 劉延皓 218
Лю Яньцзо 劉延祚 246
Лю Яньчжэнь 劉彥貞 (Лю) 333—335
Лян-ван 梁王 (Мо-ди) 155, 158, 169
Лян-ван 梁王 28, 151, 152; см. также Чжу Цюаньчжун
Лян-ван Цзунсюнь 梁王宗訓 354
Лян-гун 梁公 19, 20
Лян Ханьчжан 梁漢璋 238
Лянь, Лянь По 廉頗 90, 141, 343, 344, 365

Ма см. Сыма Цянь
Ма Вань 馬萬 227
Мада 麻答 238, 249, 255
Ма До 馬鐸 298
Ма Жэньюй 馬仁瑀 319, 377; в тексте Ма Юй
Ма Инь 馬殷 287
Малиновская Т.А. 94
Ма Сичун 馬希崇 340
Ма Сиэ 馬希萼 340
Ма У 馬武 363
Ма Ходатай (Ма) 馬評事 105, 106
Ма Цюаньи 馬全義 311, 319
Ма Цюаньцзе 馬全節 240, 241
Ма Чуцзюнь 馬處鈞 194
Ма Чэн 馬成 363
Ма Юй 馬遇 330
Меньшиков Л.Н. 26, 64, 94
Мин-цзун 明宗 53, 65, 90, 131, 133, 190—195, 197, 204, 205, 208, 213—215, 222—224, 261, 265, 299, 308, 311, 317, 365, 369, 370, 372; см. также Ли Сыюань
Минь-ди 閔帝 (Ао-ван, Минь-ди Цунхоу, Сун-ван, Сун-ван Цунхоу, Цунхоу) 131, 196, 197, 207, 208, 265, 372
Минь-ди Цунхоу 閔帝縱厚 131, 195, 196; см. также Минь-ди
Мо-ван 魔王 118
Мо-ди 末帝 78
Му-ди 穆帝 (Вост. Цзинь) 366
Мужун Саньлан 慕容三郎 41, 254, 258—260, 262
Мужун Яньчао 慕容彦超 56, 240, 241, 276, 292—294, 303—306, 332
Му Линцзюнь 穆令均 314, 315
Мэн Е 孟業 276, 292
Мэн Кэ 孟軻 (Мэн-цзы) 357
Мэн Фанли 孟方立 28, 142, 143
Мэн Ханьцюн 孟漢瓊 193—195
Мэн-цзы 孟子 97, 357; см. также Мэн Кэ
Мэн Цянь 孟遷 143
Мэнчан 孟嘗 106, 361; см. также Тянь Вэнь
Мэн Чжисян 孟知祥 206
Мэньгао 門高 131, 165, 365; см. также Го Цунцянь
Мэн Юаньлао 孟元老 10, 12
Мяо Сюнь 苗訓 277
Мяоцзиле 邈佶烈 30, 31, 175, 368; см. также Ли Сыюань

Наставник по Трипитаке 三藏法師 20; см. также Сюань-цзан
Не Вэньцзинь 聶文進 292
Не Ичжун 聶夷中 11, 190, 370
Не Лэйцзи 枭淚雞 203
Нин-цзун 寧宗 37
Ню Хуэй 牛徽 143; в тексте Ню Чжэн
Ню Цуньцзе 牛存節 114, 115, 118, 127, 152

Огава Тамаки 小川環樹 14

Одноглазый дракон 獨眼龍 127, 133, 137, 364; см. также Ли Кэюн
Оу Ецзы 歐冶子 357
Оуян Сю 歐陽修 25, 46, 52, 59, 78

Пан Девятикнижник 龐九經 112
Панкратов Б.И. 94
Пан Сюнь 龐勛 132, 134, 135
Пан Цун 龐從 136
Пан Шигу 龐師古 124, 125
Пань-гэн 盤庚 327, 328, 378
Пань Хуань 潘環 217
Пань Юйнянь 潘聿撚 302
Петров В.В. 94
Пи Жисю 皮日休 12
Прушек Я. 14
Пу-ван 普王 99, 359; см. также Си-цзун
Пэй Во 裴渥 (Пэй-шаншу) 110, 111
Пэй Тун 邳彤 363
Пэй Юе 裴約 69, 76, 169, 275, 282, 283
Пэнчэнцзюнь-ван 彭城郡王 347; см. также Лю Жэньшань
Пэн Юе 彭越 (Лян-ван) 97, 357

Рифтин Б.Л. 14, 43, 60, 74, 78, 80, 81, 84—87, 92, 94, 365

Сан Вэйхань 桑維翰 (Сан) 71, 200, 213, 215, 221—224, 226, 227, 230, 232, 233, 239, 243, 244, 248, 250, 251, 266
Сань-нянцзы 三娘子 (Ли, госпожа — вдовствующая императрица) 254, 255, 262—264, 268, 269
Се Ань 謝安 143, 366
Седьмой брат 七哥 161, 367; см. также Чжан Чэнъе
Сели 頡利 159, 367
Серебряков Е.А. 94
Се Яньгуан 謝彥光 302
Се Яньчжан 謝彥章 162, 367; в тексте Се Яньцзюнь
Сионоя Он 鹽谷溫 22
Сифань 希範 27, 177
Си-цзун 僖宗 (Пу-ван) 28, 33, 99, 110, 112, 118, 129, 140—142, 359, 360, 363, 366
Сици 奚齊 213, 372
Софронов М.В. 13, 14, 24, 25, 40—42, 68
Со Цзытун 索自通 191
Спящий князь 睡王 276, 302, 303; см. также Ци-ван Шулюй
Су 蘇氏 254, 257, 258, 260; см. также Лю А-Су
Су Вэньцзянь 蘇文建 126
Сун-ван Цунхоу 宋王從厚 191, 195; см. также Минь-ди
Сун Вэй 宋威 110
Сун Цзян 宋江 19
Сун Ци 宋祁 25
Сун Цицю 宋齊丘 333, 339, 342
Сун Цюаньсюнь 宋權詢 197

Сун Шэнцянь 宋審虔 226
Сунь Кайди 孫楷第 14, 15
Сунь Куй 孫揆 144, 145
Сунь Синъю 孫行友 245, 353
Сунь Фанцзянь 孫方簡 245, 246, 249
Сунь Ханьшао 孫漢韶 196
Сунь Цюань 孫權 23, 97, 358
Сунь Шэн 孫晟 338, 339, 344, 378
Сунь Шэньи 孫深意 245
Сун Юань 宋遠 333
Сун Яньво 宋延渥 293
Сун Яньюнь 宋彥筠 38, 235, 248
Су Сюнь 蘇循 166, 368
Су Фэнцзи 蘇逢吉 290, 291
Су Цинь 蘇秦 269, 275, 378
Су Юйгуй 蘇禹珪 290
Сыма Гуан 司馬光 10, 25, 28, 30, 32—35, 43, 45, 46, 48, 50—52, 59—61, 68—70, 73, 75—81, 89, 92, 93
Сыма И 司馬懿 97, 358
Сыма Цянь 司馬遷 (Ма) 15, 34, 60, 104, 361
Сыма Чжао 司馬昭 358, 376
Сыма Ши 司馬師 358
Сыма Янь 司馬炎 358
Сы Тин 司廷 155
Сюань-ди (ханьский) 宣帝 362
Сюань-цзан 玄奘 (Наставник по Трипитаке) 21
Сюань-цзу (сунский) 宣祖 43, 336; см. также Чжао Сюаньлан
Сюе Вэньюй 薛文遇 211, 212, 225
Сюе Жун 薛融 71, 72
Сюе Жэньгуй 薛仁貴 19, 20
Сюе Хуайжан 薛懷讓 238
Сюе Цзюйчжэн 薛居正 25, 52, 78
Сюе Чао 薛超 250
Сюе Чжицинь 薛志勤 126, 129, 136, 139
Сюй-ван Цуньи 許王從益 49, 50, 53, 131, 194, 197, 213, 255, 372
Сюй Вэнь 徐溫 177, 178, 350
Сюй Вэньчжэнь 許文稹 345, 346
Сюй Чжунлинь 許仲琳 20
Сюй Ю 許由 345, 378
Сюн Даму 熊大木 20
Сюн Лосу 熊羅宿 36
Ся Луци (Ли Шаоци) 夏魯奇 157
Сян-ван 項王 201; см. также Сян Юй
Сян-ван Юнь 襄王熅 129, 142, 145, 366; в тексте также Сян-ван (Вэнь)
Сян-Железное лицо 向鐵面 123
Сян Лицзинь 相里金 196
Сян Сю 向秀 362
Сян Сюнь 向訓 304, 306, 318, 330, 331, 342
Сян Цзи 項籍 357
Сянъинь-гун 湘陰公 298, 300, 301

Сянь-гун (цзиньский) 獻公 213, 372
Сянь-ди 獻帝 97, 358
Сянь-цзу 獻祖 186; см. также Чжусе Гочан
Сянь-цзу Вэнь-хуанди 獻祖文皇帝 170; см. также Чжусе Чисинь
Сянь-цзун 憲宗 132, 133, 145, 365
Сян Юй 項羽 (Сян-ван, Сян Цзи) 97, 307, 357, 367, 371
Сяо Бо 小白 369, 370
Сяо Хань 蕭翰 74, 247
Сяо Хэ 蕭何 66, 201, 202, 357, 370, 371
Сяо Юйцзюе 蕭禹厥 303

Тайсянвэнь 太相溫 226, 373; см. также Гао Мохань
Тай-цзу (лянский) 太祖 78, 310; см. также Чжу Цюаньчжун
Тай-цзу (сунский) 太祖 43, 277, 319, 335, 336, 343; см. также Чжао Куанъинь
Тай-цзу (чжоуский) 太祖 48, 49, 58, 66, 75, 90, 278, 299, 301—316, 324, 376, 379; см. также Го Вэй
Тай-цзун 太宗 (Циньский ван Шиминь, Ли Шиминь, Цинь-ван) 31, 63, 64, 98, 132, 154, 159, 170, 175, 202, 310, 315, 358, 359, 365, 367, 377, 378
Тай-цзу у-хуанди 太祖武皇帝 170, 367; см. также Ли Кэюн
Тан, Чэн Тан 成湯 97, 356
Тан Хунфу 唐弘夫 119
Тоба Сыгун 拓跋思恭 118—120, 145
Тоба Яньчао 拓跋彥超 245
Туйчжай 退齋 36, 38; см. также Чжан Ин
Тянь Вэнь 田文 (Мэнчан) 361
Тянь Линцзы 田令孜 122, 141—143, 360
Тянь Минь 田敏 302

У, правитель Гаоли 武主 245
У-ван 武王 (У) 18, 86, 97, 161, 356, 367, 371, 376
У-ван 吳王 163, 177, 367, 368; см. также Ян Синми
У-ван Цюе 吳王恪 378
У Дайэр 兀歹兒 204
У-ди (лянский) 武帝 12
У-ди (ханьский) 武帝 375
У Луань 吳巒 237
У Синдэ 武行德 255
У Тинцзо 吳廷祚 354
У Хань 吳漢 363
У-хоу 武后 19
У-хуан 武皇 (Ли Кэюн) 187, 193
У Цзыму 吳自牧 10, 12, 13, 25
У Цяньюй 吳虔裕 289, 293
У Чжаои 毋昭裔 312
У Чэн 吳程 337, 338

У Шоуци 武守琦 348
У Шэ 武涉 201
Уюе-ван (Цянь) Хунчу 吳越王(錢)弘俶 323, 333, 337, 338
Уюй 兀欲 302

Фан, Фан Сюаньлин 房玄齡 98, 202, 359, 371
Фань Айнэн 樊愛能 (Фань) 277, 318—321, 323
Фань Вэньэр 范文二 281
Фань Си 范希 133
Фань Цзайюй 范再遇 348
Фань Чжи 范質 250, 295, 296, 306, 307, 332, 336, 341, 346, 354
Фань Яньгуан 范延光 193, 194, 207, 217, 220, 221, 227, 229—231, 374
Фан Янь 房衍 208, 256
Фу, госпожа 符氏 — императрица, жена Ши-цзуна 324
Фу Вэньда 傅文達 135
Фу-и-хоу 負義侯 200, 253; см. также Чжунгуй
Фу Си 苻習 166, 167, 169
Фу Си 伏羲 96, 355
Фусу 扶蘇 191, 192, 213, 370
Фу Цзюнь 傅俊 363
Фу Чжуэр 傅住兒 249, 253, 375
Фу Яньжао 苻彥饒 (Фу) 217, 227, 373; в тексте также Фу Яньчао
Фу Яньцин 符彥卿 200, 216, 237, 238, 242, 248, 251, 321, 322, 324
Фэй Богу 費博古 108, 283, 284
Фэй-ди 廢帝 131, 197, 370; см. также Лу-ван
Фэн, госпожа 馮氏 — императрица, жена Чу-ди 237, 250
Фэн Дао 馮道 (Фэн) 51, 90, 187, 189, 190, 193, 197, 227, 228, 235, 236, 253, 255, 276, 295—298, 305, 311, 315—317
Фэн И 馮異 189, 190, 363, 369
Фэн-хоу 風后 96, 355
Фэн Хуэй 馮暉 245
Фэн Цзыцзинь 馮子金 243, 244
Фэн Юй 馮玉 38, 246, 250, 251
Фэн Юнь (Фэн) 馮贇 188, 194—196
Фэн Яньи 馮延己 338, 350, 351
Фэн Яньлу 馮延魯 337, 351

Хань-ван 漢王 201, 307, 357, 370; см. также Гао-цзу (ханьский)
Хань Вэньюе 韓文約 99, 359
Хань Гуйфань 韓歸範 144, 145
Хань Ле 韓烈 331
Хань Линкунь 韓令坤 76, 333, 336, 337, 339—341, 353
Хань Синь 韓信 (Хуайинь-хоу, Чу-ван, Ци-ван) 19, 66, 97, 201, 202, 357, 370, 371
Хань Сицзай 韓熙載 339

Хань Тун 韓通 326, 332, 352, 354
Хань Цзисюнь 韓繼勳 331
Хань Цзянь 韓建 145, 146, 148, 149
Хань Чжаоинь 韓昭胤 209
Хань Чжэнши 韓正時 167, 204
Хоу И 侯益 (Хоу) 255, 292—294
Хоу Куанцзань 後匡贊 292
Хоу Чжан 侯章 309
Хо Цунь 霍存 113—115, 117, 118, 122, 123
Хо Яньвэй 霍彦威 172
Хуайинь-хоу 淮陰侯 202; см. также Хань Синь
Хуан-гун см. Хуан Ши-гун
Хуан-даван 黃大王 118; см. также Хуан Чао
Хуан-ди 黃帝 96, 355
Хуан Куй 黃揆 136
Хуан Сяньчжи 黃仙芝 298
Хуанфу Линь 皇甫麟 176, 177
Хуанфу-тайши 皇甫太師 см. также Хуанфу Юй
Хуанфу Хуэй 皇甫暉 277, 333, 335, 336
Хуанфу Юй 皇甫遇 (Хуанфу-тайши) 237, 238, 240—242, 249
Хуан Цзундань 黃宗旦 101, 108
Хуан Чао 黃巢 (Хуан; Хуан-даван; Чао) 19, 34, 57, 60, 63—65, 73, 82, 99, 101—103, 105—112, 117—123, 129, 135—138, 140, 145, 163, 360—362, 365, 367
Хуан Ши-гун 黃石公 (Хуан-гун) 103, 361
Хуань Вэнь 桓溫 366
Хуань-гун 桓公 190, 369, 370; в тексте также Вэй-гун
Хуань-ди 桓帝 310, 377
Хуан Юе 黃鉞 117
Ху И 扈異 155
Ху Кэцзя 胡克家 35, 36
Хунцзи см. Ли Хунцзи
Ху Саньсин 胡三省 35, 40, 68
Хухай 胡亥 192, 213, 370
Ху Цюань 胡權 325
Ху Чжэ 扈輒 357
Хуэй-ди 惠帝 367, 371
Хэ Гуй 賀瓌 123, 124, 162, 163
Хэ Дэлунь 賀德倫 154—156, 204
Хэлу 賀魯 132, 365
Хэ Ляньдо 赫連鐸 143
Хэ Нин 和凝 218, 231, 234, 266
Хэ Фуцзинь 何福進 186
Хэ Хуайбао 何懷寶 123, 124
Хэ Хуэй (Хэ) 何徽 277, 303, 318—321, 323
Хэ Цзэ 何澤 194
Хэ Яньси 何延錫 335

Цай Вэньюй 蔡溫玉 100
Цай Цзунь 蔡遵 363
Цань-шэнь 蠶神 355
Цао, госпожа 曹太夫人 (Цао, императрица-мать) 160, 161, 169, 170, 226

Цао, госпожа 曹氏 — императрица, жена Мин-цзуна 192
Цао Вэй 曹威 292
Цао Ин 曹英 304—306
Цао Пэй 曹丕 358
Цао Хань 曹翰 313, 344
Цао Цао 曹操 23, 97, 358
Цао Юаньчжун 曹元忠 9, 12, 40
"Цветы посрамившая" 花見羞 159; см. также Ван-шуфэй
Цзан Гун 臧宮 363
Цзе, Цзе-ван 桀王 97, 253, 305, 356, 375
Цзи Кан 嵇康 362
Цзин Дань 景丹 363
Цзин-ди (ханьский) 景帝 358
Цзин-ди (чжоуский) 靜帝 358
Цзинжу, Ши Цзинжу 石敬儒 224
Цзин Синьмо 敬新磨 (Синьмо) 178
Цзин Сян 敬翔 162
Цзин Цзинь 景進 178, 183
Цзинь-ван 晉王 170, 367; см. также Ли Кэюн
Цзинь-ван 晉王 (Цзинь-ван Жун) 73, 276, 311, 314; см. также Го Жун
Цзинь-ван 晉王 (Цуньсюй) 44, 73, 74, 130, 151—170, 367, 368; см. также Ли Цуньсюй
Цзинь-ван 晉王 232; см. также Ши Цзинтан
Цзинь-го, принцесса 晉國公主 210, 223; см. также Вэй-го
Цзин Яньгуан 景延廣 80, 200, 223, 235—237, 240, 244, 248, 250, 252, 257, 271, 272
Цзи Цзаньхуа 李贊華 218, 373
Цзицзи см. Ли Цзицзи
Цзицзин, Ли Цзицзин 李繼璟 185
Цзи Чжун 嵇仲 375
Цзиянь, Ли Цзиянь 李繼曮 179
Цзун Лунь 總倫 289
Цзунсюнь 宗訓 227, 354; см. также Гун-ди
Цзу Ти 祖逖 119, 362, 363
Цзылу 子路 106, 264, 361; см. также Чжун Ю
Цзя, Цзя Фу 賈復 90, 141, 366
Цзян Сюаньхуэй 蔣玄暉 76, 366
Цзянь 建 245
Цзянь Тань 堅鐔 363
Цзяньчэн 建成 31, 98, 175, 358
Цзяо Яньбинь 焦彥賓 171
Цзя Фу 賈復 363
Цзя Чжэнь 賈貞 298
Цибихэли 契苾何力 132, 365
Ци-ван 齊王 357; см. также Хань Синь
Ци-ван Гуан 齊王廣 201
Ци-ван Ли Маочжэнь 岐王李茂貞 (Ли Маочжэнь) 179
Ци-ван (Ли) Цзинда 齊王(李)景達 339, 341, 342, 345, 347; см. также Ли Цзинда
Ци-ван (Чжунгуй) 齊王(重貴) 199, 235, 257, 270; см. также Чжунгуй

Ци-ван Шулюй 齊王述律 (Спящий князь, Шулюй) 302
Циинь-ван 濟陰王 28, 151
Цинь-ван (Шиминь) 秦王(世民) 31, 98, 175, 358, 359; см. также Тай-цзун
Цинь-ван 秦王 (III в. до н.э.) 343, 378
Цинь-ван (Цунжун) 秦王(從榮) 191, 193, 194, 197; см. также Цунжун
Цинь Ши-хуан 秦始皇 19, 362; см. также Ши-хуан
Ци Тэмо 婁武沒 203, 204
Цуй Аньцянь 崔安潛 110, 120
Цуй-гун см. Цуй Инь
Цуй Инь 崔胤 128, 364
Цуй Се 崔協 187
Цуй Сун 崔頌 301
Цуй Цю 崔璆 137
Цуй Чжоуду 崔周度 305
Цуй Янь 崔彦 134
Цунжун 從榮 (Цинь-ван Цунжун) 188, 191, 194, 195
Цункэ 從珂 131, 194, 197, 226, 227, 252, 256; см. также Лу-ван
Цунхоу 從厚 191, 193; см. также Минь-ди
Цунцань 從璨 188
Цэнь Пэн 岑彭 363
Цюань Ваньцзи 權萬紀
Цюаньчжун см. Чжу Цюаньчжун
Цюй Тухуэй 屈突惠 327
Цю Тао 丘濤 239
Цянь Хунчу 錢弘倣 350; см. также Ци-ван Цянь Хунчу
Цянь Цяньи 錢謙益 372
Цяо Жун 喬榮 44, 236, 252, 376; см. также Цяо Ин
Цяо Ин 喬瑩 44, 271, 376; см. также Цяо Жун

Чай, госпожа, вдовствующая императрица 柴氏,太后 67, 275, 291, 293, 294, 314; см. также Чай Инян
Чай Жэньвэн 柴仁翁 (Чай) 275, 281, 282
Чай Инян (Чай, госпожа) 柴一娘 281, 282
Чай Кэхун 柴克宏 338
Чай Шоули 柴守禮 281, 291
Чай Шоучжи 柴守智 281
Чан, матушка 常氏 275, 278, 279
Чан Мэнси 常夢錫 351
Чан Сы 常思 288
Чан Уань 常武安 275, 278
Чан Цунцзянь 萇從簡 226
Чао, разбойник 巢賊寇 135, 136, 140; см. также Хуан Чао
Чао, Чао Фу 巢父 345, 378
Чжай Гуанъе 翟光鄴 131, 192
Чжан, госпожа 張氏 — жена Ань Чжунхуэя 192
Чжан Ваньцзинь 張萬進 335
Чжан Вэньли 張文禮 130, 166, 167, 169

Чжан Гуйнян 張歸娘 (Чжан) 29, 117, 120, 121, 125
Чжан Дуньжэнь 張敦仁 (Чжан) 36, 38
Чжан Жуй 張蕤 117
Чжан Жунгэ 張容哥 185
Чжан И 張儀 378
Чжан Ин 張瑛 (Туйчжай) 36
Чжан Лан 張朗 168
Чжан Ли 張礪 226, 249
Чжан Линбинь 張令彬 75
Чжан Линчао 張令超 297
Чжан Лян 張良 264, 361, 375
Чжан Нин 張凝 75
Чжан Сюнь 張巡 31, 32, 175, 368
Чжан Сянь 張憲 183
Чжан Ханьцзе 張漢傑 172, 174
Чжан Цзанъин 張臧英 277, 326, 327
Чжан Цзин 張京 298
Чжан Цзинда 張敬達 212, 215—217, 225, 265, 266, 372
Чжан Цзэ 張澤 127, 128
Чжан Цзюнь 張濬 (Чжан) 143—146
Чжан Цзяньсюн 張建雄 331
Чжан Цунбинь 張從賓 196
Чжан Цунъэнь 張從恩 39, 235, 240, 241, 374
Чжан Цюаньи 張全義 142, 179, 182, 183
Чжан Цюаньюе 張全約 334, 335
Чжан Цюн 張瓊 338
Чжан Цяньчжао 張虔釗 196
Чжан Чжань 張占 (Чжан Громила) 113—115
Чжан Чжао 張昭 354
Чжан Чжаоюань 張昭遠 188
Чжан Чжэнлян 張政娘 14
Чжан Чуцзинь 張處瑾 167—169, 204
Чжан Чуцю 張處球 168
Чжан Чэнъе 張承業 (Яньго-гун, Седьмой брат) 44, 74, 152, 158, 160, 161, 164—166, 169, 367
Чжан Шоуи 張守一 209
Чжан Юаньхуэй 張元徽 76, 314, 315, 318, 319
Чжан Юй 章鈺 35—40
Чжан Юндэ 張永德 318—320, 339, 343, 344
Чжан Юнь 張允 228
Чжан Янь 張彦 154, 155, 204
Чжан Яньлан 張延朗 211, 218
Чжан Яньцзэ 張彦澤 (Яньцзэ) 29, 200, 240, 242, 247, 249—253, 285, 354, 375
Чжан Яньцин 張彦卿 349
Чжан Яньчао 張彦超 207, 293
Чжао-ван 趙王 343. 378
Чжао Гао 趙高 192
Чжао-даван 趙大王 226, 373; см. также Чжао Дэцзюнь
Чжао Дэцзюнь 趙德鈞 (Чжао-даван) 79, 80, 88, 89, 217, 218, 220—222, 225, 226, 244, 372, 373

Чжао Жэньцзэ 趙仁澤 338
Чжао Ин 趙瑩 71, 72, 212, 223, 224, 226, 231, 246, 266
Чжао Куанцзань 趙匡贊 255
Чжао Куанъинь 趙匡胤 (Тай-цзу сунский, Чжао Тай-цзу, Чжао) 75, 76, 319—321, 370
Чжао Пу 趙普 336, 343
Чжао Сывань 趙思綰 43, 255, 256, 288, 289, 299
Чжао Сывэнь 趙思溫 229
Чжао-сюань-ди 昭宣帝 366; см. также Чжу, царевич
Чжао Сюаньлан 趙玄朗 43, 336
Чжао Тай-цзу 趙太祖 75, 76, 190, 277, 319, 323, 324, 331, 335, 336, 338—341, 343, 346, 348, 352, 354; см. также Чжао Куанъинь
Чжао Тинъинь 趙廷隱 29, 206
Чжао Фэн 趙鳳 183, 187
Чжао Хуа 趙華 300
Чжао Хуэй 趙暉 256, 288
Чжао Цзайли 趙在禮 240
Чжао Цзичжа 趙季札 331
Чжао-цзун (танский) 昭宗 76, 122, 130, 143, 145—150, 170, 364, 366, 368
Чжаоцзюнь см. Ван Чжаоцзюнь
Чжао Цы 趙玼 331, 332
Чжао Чао 趙晁 316, 321, 346
Чжао Чжан 趙張 172
Чжао Чу 趙犨 138
Чжао Чунпу 趙崇溥 332
Чжао Яньфу 趙延福 221, 222
Чжао Яньчжао 趙延照 229, 237
Чжао Яньшоу 趙延壽 193, 194, 200, 207, 209, 218, 220, 225, 226, 228, 236—238, 240, 241, 246, 248, 249, 253, 370
Чжии см. Чжусе Чжии
Чжиюань см. Лю Чжиюань
Чжоу, Чжоу-ван 紂王 18, 86, 97, 356, 367
Чжоу Гуй 周瓌 193, 194, 207
Чжоу-гун 周公 371, 377
Чжоу Дэвэй 周德威 (Чжоу Яньу) 127, 150—153, 157, 159, 364
Чжоу Жу 周儒 238
Чжоу Сюаньбао 周玄豹 187
Чжоу Тингоу 周廷構 345—347
Чжоу У 周武 127, 128
Чжоу Цза 周匝 182
Чжоу Цзи 周岌 120, 138
Чжоу-шичжун 周侍中 157; см. также Чжоу Дэвэй
Чжоу Яньу 周陽五 127, 364; см. также Чжоу Дэвэй
Чжоцзы 卓子 372
Чжу, братья (Чжу Вэнь, Чжу Цюаньюй, Чжу Цунь) 朱兄弟 57, 105, 106
Чжу, царевич 祝太子 (Чжао-сюань-ди) 150
Чжуан-ван 莊王 (Чу-цзы) 362
Чжуан-цзун (позднетанский) 莊宗 131, 133, 186, 197, 204,

299, 365, 368; см. также Ли Цуньсюй
Чжуан Чжоу 莊周 (Чжуан-цзы) 261, 375
Чжуаньчжэнь 傳眞 163—165
Чжу Вэнь 朱温 56, 57, 60, 64, 65, 104—107, 112—122, 131, 138, 146, 151, 153, 163—166, 177, 179, 310; см. также Чжу Цюаньчжун
Чжугэ Шуан 諸葛爽 120
Чжу Майчэнь 朱買臣 269, 375, 376
Чжу Мэй 朱玫 129, 141, 142, 366; в тексте также Чжу Цзы
Чжунгуй 重貴 (Фу-и-хоу, Ци-ван (Чжунгуй), Чжэн-ван Чжунгуй, Чу-ди, Ши Чжунгуй) 200, 201, 224, 225, 251—253, 255, 271, 272
Чжунжуй см. Ши Чжунжуй
Чжун Мо 鍾謨 337, 344, 351, 353
Чжун Тинъяо 終廷耀 352
Чжуншань-ван Шэн 中山王勝 358
Чжун Ю 仲由 (Цзылу) 361
Чжу Пятикнижник 朱五經 103, 104; см. также Чжу Чэн
Чжусе Гучжу 朱邪孤注 132, 365
Чжусе Цзиньчжун 朱邪盡忠 (Цзиньчжун) 132, 133
Чжусе Чжии 朱邪執宜 (Чжии, Ицзучжаоле-хуанди) 132, 133, 170, 368
Чжусе Чисинь 朱邪赤心 (Ли Гочан, Ли-пушэ, Ли Чисинь, Сянь-цзу, Сянь-цзу вэнь-хуанди, Чисинь) 82, 132—134
Чжу Си 朱熹 78
Чжу Сорвиголова 潑朱 113; см. также Чжу Цюаньчжун
Чжу Сюань 朱瑄 123—125, 364
Чжу Сянь 朱憲 229, 230, 302
Чжу Третий (Сорвиголова) 潑朱三 112—116, 120, 123; см. также Чжу Цюаньчжун
Чжу Хуан 朱晃 130, 151—154; см. также Чжу Цюаньчжун
Чжу Хунчжао 朱弘昭 50, 51, 194—196, 206, 207
Чжу Хунши 朱洪實 195
Чжу Цзинь 朱瑾 125, 364
Чжу Цили 朱漆笠 113
Чжу Цунь 朱存 104, 105, 107, 112
Чжу Цюаньчжун 朱全忠 (Лян-ван, Цюаньчжун, Чжу Вэнь, Чжу Сорвиголова, Чжу Третий (Сорвиголова), Чжу Хуан, Чжу-чжао-тао, Чжу) 29, 76, 78, 79, 89, 116, 120, 122—130, 133, 138—146, 150, 151, 364
Чжу Цюаньюй 朱全昱 104, 105, 107, 112
Чжу Чэн 朱誠 (Чжу Пятикнижник) 103, 112
Чжу Шоуинь 朱守殷 171
Чжу Ю 朱祐 363

Чжу Юань 朱元 341, 345, 346
Чжу Юнин 朱友寧 150
Чжу Юцянь 朱友謙 (Ли Цзилинь) 166, 179, 368
Чжу Ючжэнь 朱友貞 (Ючжэнь) 131, 177
Чжу Ююй 朱友裕 128
Чжэ Дэи 折德宸 322, 325
Чжэн-ван Чжунгуй 鄭王重貴 234, 235; см. также Чжунгуй
Чжэн Гун 鄭珙 287—289, 300, 302
Чжэн Тянь 鄭畋 118, 119
Чжэн Хаоцянь 鄭好謙 316
Чжэн Цзюе 鄭玨 177
Чжэн Цундан 鄭從讜 135
Чжэн Чжаое 鄭昭業 349
Чжэн Чжэньдо 鄭振鐸 12
Чжэ Цунъюань 折從阮 309
Чисинь см. Чжусе Чисинь
Чию 蚩尤 96, 355
Чу-ван 楚王 357; см. также Хань Синь
Чу-ван Инь 楚王殷 27, 177
Чу-ди 出帝 66, 202, 274; см. также Чжунгуй
Чу Дэюань 儲德源 182
Чунцзянь 崇諫 (сын Лю Жэньшаня) 345, 346
Чу-цзы 楚子 110, 362; см. также Чжуан-ван
Чу Яньвэй 楚彦威 100
Чэнбао 成寶 257, 259; см. также Лю Чжиюань
Чэнгуй 承貴 (сын Ян Гуанъюаня) 231
Чэн И 程頤 361
Чэн Ичжун 程毅中 14
Чэн Хуайсинь 程懷信 135, 365
Чэн Хуэй 誠惠 183, 184
Чэн Цзунчу 程宗楚 119
Чэнъи см. Лю Чэнъи
Чэнъю 承祐 (Инь-ди) 43, 255, 278, 287
Чэнь Гуань 陳觀 311
Чэнь Жухэн 陳汝衡 12, 13
Чэнь Мань 陳滿 337
Чэнь Пин 陳平 201, 371
Чэнь Си 陳豨 97, 202, 357, 358
Чэнь Сыжан 陳思讓 353
Чэнь Туань 陳摶 277, 344, 345, 378
Чэнь Хуэй 陳暉 76, 208
Чэнь Цзюе 陳覺 339, 342, 347, 349, 350
Чэнь Цзюнь 陳俊 182, 363
Чэнь Чжан 陳章 (Чэнь Дьявол) 127
Чэнь Чэнчжао 陳承昭 348
Чэнь Шоу 陳壽 358

Шан Второй 尚二 122; см. также Шан Жан
Шан Жан 尚讓 (Шан Второй, Шан Железное лицо) 56—58, 106—109, 111, 117, 118, 121—123, 136, 138, 361
Шан Железное лицо 尚鐵面 108, 361; см. также Шан Жан

Шан Цзюньчжан 尚君長 100, 107
Шань Тао 山濤 362
Шань Ю 善友 186
Шао Канцзе 邵康節 98, 358
Шао Юн 邵雍 (Шао Канцзе) 98, 358
Ша Шоужун 沙守榮 76, 208, 265
Шиби 始畢 365, 371
Ши Гунба 石公霸 238
Шила 蒨刺 211, 372
Ши-лан 石朗 198, 224, 256; см. также Ши Цзинтан
Ши Найань 施耐庵 20
Ши Тай 史太 76, 366
Ши-тайвэй 石太尉 207, 264; см. также Ши Цзинтан
Ши Фу 時溥 138
Ши-хуан 始皇 60, 97, 192, 213, 357, 370
Ши Хунфу 史弘福 299
Ши Хунчжао 史弘肇 255, 274, 276, 287, 290—292, 299
Ши Цзинсы 史荀思 139
Ши Цзинтан 石敬瑭 (Гао-цзу (цзиньский), Цзинь-ван, Ши-тайвэй, Ши-юаньшуай, Ши-лан) 29, 30, 49—54, 65, 66, 69—72, 76, 88, 131, 185, 187, 192, 193, 195, 197, 199, 201, 203—217, 219, 228, 229, 254, 257, 264—266, 270, 302, 324, 372, 375
Ши-цзун 世宗 39, 46—48, 56, 58, 59, 75, 76, 90—92, 277, 314—354, 377—379; см. также Го Жун
Ши Цзюньли 石君立 158, 159
Ши Цзяньтан 史建瑭 167, 368
Ши Цунь 石存 245
Ши Чжунгуй 石重貴 199, 243, 244, 250, 251
Ши Чжунжуй 石重睿 235
Ши Шуцун 氏叔琮 127, 128, 130, 150
Ши-юаньшуай 石元帥 215; см. также Ши Цзинтан
Ши Юнь 石贇 238
Ши Яньбао 石延寶 250
Ши Яньсюй 石延煦 250
Ши Яньчао 史彥超 39, 303, 318, 322
Шулюй 述律 51, 65, 79, 159, 205, 226, 228
Шунь 舜 (Юй Шунь) 96, 323, 345, 351, 355, 356, 378
Шэнь Бинь 沈斌 241
Шэнь-ван Цуньво 申王存渥 186; см. также Ли Цуньво
Шэнь-нун 神農 355
Шэньшэн 申生 372

Эйдлин Л.З. 94, 364
Эр-ши-хуан 二世皇 370

Ю см. Сюй Ю
Юань-ди (ханьский) 元帝 372
Юань-ди (цзиньский) 元帝 363

Юань Дэчжао元德昭 338
Юань Кэши袁客師 359
Юань Синцинь元行欽 186; см. также Ли Шаожун
Юань Тяньган袁天綱 64, 65, 98, 99, 359
Юань Чжэнь元稹 351, 378, 379
Юань Чу袁樞 61
Ю-ван脩王 98, 358
Юе И樂毅 18
Юе Си岳喜 121
Юй禹 356
Юй, печатники虞氏 22
Юй Цзун于琮 112
Юйчи Цзиндэ尉遲敬德 98, 359
Юй Шаоюй余邵魚 20
Юн-ван Чжунмэй雍王重美 217, 225, 226
Юннин永寧 193, 199, 204, 207; см. также Вэй-го
Ю Цзо游酢 361
Ючжэнь友貞 176; см. также Чжу Ючжэнь

Ян, госпожа楊氏 340
Ян Бинь楊邠 274, 291, 292
Ян Вэнь楊溫 296
Ян Гуанъюань楊光遠 216, 225, 227—231, 237—240, 374
Ян Гунь楊袞 314, 318, 319, 321, 322
Ян-ди煬帝 97, 98, 358
Ян Поэр楊婆兒 (Ли Цуньжу) 168
Ян Синми楊行密 (У-ван) 125, 368
Ян Сыцюань楊思權 188, 196
Ян Сянь楊先 113
Ян Фугуан楊復光 135
Ян Фугун楊復恭 140, 141, 143, 144
Ян Цзянь楊豎 (Вэнь-ди, суйский) 97, 358
Ян Шин楊慶 (Ян-сюньцзянь) 115
Ян Чжаохуэй楊昭惲 340
Ян Чжунсюнь см. Ян Чунсюнь
Ян Чун楊崇 113
Ян Чунсюнь楊重訓 347
Ян Чэнсюнь楊承勳 239, 240
Ян Ши楊時 361
Ян Шикань楊師侃 149
Ян Шихоу楊師厚 154
Ян Шоулян楊守亮 142
Ян Шоучжун楊守忠 346
Янь, Янь Хуэй顏回 (Янь Юань) 34, 104, 361, 377
Янь Бао閻寶 159, 163, 167, 168
Янь-ван Шуя燕王述軋 302
Янь Гаоцин顏果卿 31, 32, 175, 368
Яньго-гун燕國公 161; см. также Чжан Чэнъе
Янь-ди炎帝 96, 355
Янь Кань顏衍 311
Янь-кунму см. Янь Шоучжи
Янь Кэцю嚴可求 177, 178
Яньсюй延煦 251, 374; в тексте Тинсюй

Янь Цзинцюань 燕敬權 75, 276, 305
Янь Цзиньцин 閻晋卿 292, 293
Яньцзэ см. Чжан Яньцзэ
Яньчжан см. Ван Яньчжан
Янь Шоучжи 燕守志 (Янь-кунму) 115, 116, 117
Янь Юань 顏淵 307, 377; см. также Янь
Ян Юцзи 養由基 361
Ян Яньвэнь 楊彥温 190, 191
Ян Яньхун 楊彥洪 139, 140
Ян Яньчжи 楊延直 158
Яо 堯 253, 323, 345, 351, 356, 375, 378
Яо Нэйбинь 姚內斌 352
Яо Фэн 姚鳳 333, 335, 336
Яо Ханьин 姚漢英 302
Яо Ци 銚期 363
Яо Юаньфу 樂元福 28, 75, 242, 276, 304, 305, 322
Яхонтов С.Е. 94
Яэр см. Ли Яэр

УКАЗАТЕЛЬ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Аньго 安國 249, 368
Аньи 安義 169
Аньлу 安陸 351
Аньфэн 安豐 334
Аньхой 安徽 358
Аньян(хэ) 安陽(河) 240

Багунъюань 巴公原 318
Байгоу 白溝 241
Байдичэн 白帝城 332
Байма (цзинь) 白馬(津) 176, 250
Байтуаньвэйцунь 白團衛村 242
Байцзянь(чжай) 白澗(寨) 330, 331
Баньцюань 阪泉 96
Баоань 寶安 362
Баоцзи 寶雞 28, 142
Баочжоу 寶州 201
Баошань 鮑山 115
Бачжоу 霸州 353
Башань 霸山 119
Башу 巴蜀 329
Бин 并 328
Бинчжоу 并州 300
Бинь /чжоу/ 邠州 142, 147
Босян 柏鄉 152
Бохай 勃海 244
Бочжоу 博州 171, 230, 238, 324
Бочжоу 亳州 195
Бэйтин 北庭 132
Бэйчжоу 貝州 126, 158, 230, 237, 247
Бэйшань 北山 29, 206
Бэйшэньянь, дамба 北神堰 348
Бянькоу 汴口 350
Бяньлян 汴梁 55, 83, 150, 275, 283, 289, 292, 296, 303, 316, 333, 349, 350
Бяньчжоу 汴州 83, 125, 129, 138, 141, 144, 152, 160, 173, 179, 182, 209, 227, 230, 234, 364; см. также Далян
Бяньшуй 汴水 (Бяньцюй 汴渠) 333, 350

Ванманьду 王滿渡 138
Ваньшэнчжэнь 萬勝鎮 185

Вацяо(гуань) 瓦橋(関) 352, 353
Внутренняя Монголия 374
Волунцунь 臥龍村 258

Вьетнам 358
Вэй 魏 (V-III вв. до н.э.) 375
Вэй 魏 (III в.) 97, 358
Вэй 魏 (IV в.) 97
Вэйбо 魏博 31, 124, 125, 162, 165, 175, 220
Вэйнань 渭南 136
Вэйсайцзюнь 威塞軍 159
Вэйсян 蔚翔 135
Вэйсянь 魏縣 156
Вэй(хэ) 渭(河) 118, 119, 149
Вэйцяо 渭橋 119, 136, 148
Вэйчжоу 衛州 48, 168, 170, 172, 185, 208, 214, 230
Вэйчжоу 蔚州 207, 223, 300
Вэйчжоу 維州 100
Вэйчжоу 魏州 126, 127, 130, 131, 154, 155, 157, 158, 161—163, 166—168, 170, 173, 181, 196, 204, 207, 227, 255, 294; см. также Гуанцзинь(фу), Еду, Синтанфу
Вэйчэн 魏城 227
Вэньсян 閿鄉 207, 265

Гайся 垓下 307, 357
Ганьсу 甘肅 358
Гаои 高邑 152, 153
Гаоли 高麗 245, 374
Гаопин 高平 318, 320, 323, 324
Гаохэ 高河 225
Гаою 高郵 348
Гоби 367
Гокоу 渦口 335, 341, 348
Гоуцзилин 狗脊嶺 107
Гуандун 廣東 358, 362
Гуанлин 廣陵 342
Гуанси 廣西 358
Гуанцзинь(фу) 廣晉(府) 229, 230; см. также Вэйчжоу
Гуанчжоу 廣州 112
Гуанчжоу 光州 339
Гуань 固安 353
Гуаньдун 関東 99, 106, 141
Гуаньнань 関南 247, 352
Гуаньчжун 関中 148, 163, 365
Гуаньшуй 灌水 348
Гуйдэ 歸德 117
Гуйлиньское наместничество 桂林節督府 132
Гуйчжоу 鵝州 223
Гуйчжоу 貴州 276, 291
Гуйчжоу 貴州 (пров.) 358
Гучжэнь 固鎮 332
Гучэн (шань) 穀城(山) 361

Дада 韃靼 (дадань) 129, 365
Дайбэй 代北 134
Дайчжоу 代州 135, 154, 300, 321
Далян 大梁 66, 128, 130, 131, 138, 151, 162, 169, 172, 173, 176, 177, 185, 189, 200, 227, 229, 236, 239, 241, 243, 249, 252, 255, 256, 276, 284, 289,

301, 303, 304, 311, 312, 322, 327, 328, 341, 344, 347, 353, 364, 369, 373, 375, 376, 378; см. также Бяньчжоу
Даншань 碭山 103
Дасаньгуань 大散関 (Саньгуань) 288
Дасаньлин 大散領 (в тексте Даганьлин 大敢領) 28, 142
Датун 大同 134, 156, 270, 368
Динго 定國 343
Диннаньцзюнь 定難軍 238
Динчжоу 定州 128, 145, 153, 158, 159, 167, 233, 241, 243—246
Динъюань (чжай) 定遠(寨) 333, 348
Дичжоу 棣州 125, 324
Дулюкоу 獨流口 352
Дунбэй 東北 136
Дунвэйцяо 東渭橋 118; см. также Вэйцяо
Дунпин 東平 170, 172
Дунхэчжай 東河寨 330
Дунъюань 東垣 168
Дунъюанькоу 東原口 205
Дуньцю(чэн) 頓丘(城) 230, 238
Дэнчжоу 鄧州 110, 118
Дэнчжоу 登州 115, 116
Дэшэн(цзинь) 德勝(津) 130, 166—168, 171, 204, 230

Европа 356
Егу 斜谷 331
Еду 鄴都 152; см. также Вэйчжоу
Ехэ 冶河 152

Жаочжоу 饒州 73, 111
Жаоян 饒陽 296
Жуньчжоу 潤州 338
Жучжоу 儒州 223
Жучжоу 汝州 110, 240, 330
Жэньили 仁義里 107, 109

Индия 21
Инлуаньчжэнь 迎鑾鎮 349
Ин(хэ) 潁河 346
Инцзыгу 罌子谷 346
Инчжоу 鄞州 332
Инчжоу 應州 223
Инчжоу 瀛州 128, 223, 246, 247, 308, 352
Инчжоу 潁州 334
Инчуань 潁(潁)川 269
Инь 殷 97, 356, 378
Иньдигуань 陰地関 144, 145
Иньшаньфу 陰山府 133
Иу 義武 137, 169, 249, 368
Ицзиньгуань 益津関 352, 353
Ичжоу 易州 145, 159, 172, 353
Ичэн 義成 137, 183, 293

Кайфэн(фу) 開封(府) 12, 230, 248, 251, 311, 313, 329; см. также Бяньчжоу
Китай 11, 12, 17, 19, 23, 36, 57, 66, 87, 355—357, 359—

361, 363, 367, 372, 373, 375, 378
Когурё 19
Корея 358, 359
Куанго 匡國 158, 322
Кунлинь 孔林 307
Кэпань 岢嵐 134

Лайчжоу 萊州 310
Ланчжоу 閬州 205
Ланчжоу 朗州 309
Ланшань 狼山 245
Ланъе 琅琊 110, 362
Ланьтянь 藍田 136
Лань(чжоу) 嵐州 234, 300, 321
Лаолаошань 勞勞山 364
Лаошань 牢山 132
Линнань 嶺南 329
Линьпусянь 臨濮縣 106, 107
Линьцин 臨清 157
Линьчжоу 麟州 300, 347
Линьчжоу 霊州 133, 245
Личжоу 利州 205, 206
Личэнсянь 黎城縣 278, 279
Лишань 驪山 192
Лиян 黎陽 172, 185, 237, 240
Лиянькоу 李晏口 326
Лошуй 洛水 370
Лочжоу 洛州 28, 143, 240
Лоян 洛陽 131, 163, 183, 185, 186, 195, 197, 199, 202, 208, 218, 221, 226, 227, 255, 265, 359, 369, 370, 372, 373, 378
Лу 魯 305, 307, 356, 370, 377
Луаньлю 亂柳 151
Лулун 盧龍 153, 215, 217, 218, 236, 368
Лунвэй 龍尾 119
Лунцюаньсай 龍泉塞 147
Лунчжоу 隆州 300
Лунчжоу 隴州 196
Лучжоу 盧州 349
Лучжоу 潞州 82, 126, 130, 144, 145, 151, 170, 218, 220, 225, 275, 278, 279, 314, 315, 321
Лучэн 魯城 307
Лэйшань 雷山 29, 182
Лэпин 樂平 271
Лэшоу 樂壽 246
Люйлюцунь 綠柳村 257
Люлинь 柳林 220
Люхэ 六合 339—341, 343
Лян 梁 (X в.) 10, 30, 31, 64, 65, 96—128, 133, 151, 152, 157, 158, 165—167, 170, 172, 173, 175, 182, 205, 282, 317, 355, 364, 365, 367, 375—377
Лянчжоу 涼州 133
Ляо/Дун/ 東遼 (VII в.) 19
Ляо (Великое, X в.) 遼 228, 251, 272
Ляонин 遼寧 358
Ляочжоу 遼州 220, 300

Малинчжай 馬嶺寨 330, 331
Мацзяду 麻家渡 162
Мацзякоу 馬家口 238
Мацзякоу 麻家口 238
Минчжоу 洺州 125, 146, 203

Миньхэ 閔河 346
Ми(чжоу) 密(州) 125
Мочжоу 莫州 128, 223, 246, 247, 308, 352
Мугуацзянь 木瓜澗 149
Мумэньчжай 木門寨 330
Мэнкэн 蒙阬 303
Мэнцзинь 孟津 300
Мэншицунь 孟石村 254, 255, 261, 267, 270
Мяньчи 澠池 226, 343, 378

Нанкин 364
Наньгун 南宮 157
Нань Пин (X в.) 南平 368
Нань Хань (X в.) 南漢 368
Наньян 南陽 156
Нинчжоу 寧州 352
Нинъу 寧武 134
Ничжоу 沂州 73, 110, 111, 125
Нэйцю 內丘 296, 301

Очжоу 鄂州 (Оучжоу) 335

Пинлу 平盧 231, 237, 311
Пинцзи 平棘 249
Пиншань 平山 197
Пиньян 平陽 315
Поднебесная 天下 48, 90, 96, 97, 119, 121, 134, 137, 149, 156, 161, 164, 172, 177—179, 181—183, 187, 189, 192, 193, 195, 202, 213, 214, 218, 223, 225, 234, 236, 249, 253, 266, 274, 287, 288, 290, 305, 306, 314, 315, 323, 329, 330, 332, 342, 349, 351, 356, 361, 366, 368, 375
Пулэйхай 蒲類海 (совр. оз. Баликунь) 132
Пу (сянь) 蒲(縣) 145
Пучжоу 濮州 73, 100, 104, 106, 107, 109, 111, 125, 240
Пуян 濮陽 162
Пэй 沛 156

Саньгуань 散関 см. Дасаньгуань
Саньчуйган 三垂岡 28, 129, 143, 151
Северная Хань 北漢 47, 58, 88, 90, 97, 276, 277, 300—304, 314, 315, 317—325, 331, 333, 347, 376, 377
Сибэй 西北 265
Силоу 西樓 160, 218
Синтанфу 興唐府 170, 174; см. также Вэйчжоу
Синчжоу 邢州 28, 125, 143, 146, 240, 275, 278, 280, 283
Синъюань 興元 118, 122
Синькоу 忻口 322
Синьчжоу 信州 73, 111
Синьчжоу 忻州 135, 210, 285, 300, 321, 322
Синьчжоу 新州 159, 223, 302
Ситан 西湯 220
Сихэсянь 西河縣 261
Сичжоу 隰州 150

Сичуань 西川 185
Сиян 西陽, см. Ситан
Срединная равнина 中原 97, 132, 178, 220—222, 249, 309, 317, 333, 351, 357
Срединная Ся 中夏 223, 373
Срединное царство (государство) 中國 88, 190, 209, 220, 229, 232, 236, 237, 305, 308, 340
Суй 隋 (VI—VII вв.) 358
Суйян 睢陽 297; см. также Сунчжоу
Сун 宋 (X—XIII вв.) 12, 13, 18, 21, 37, 40, 75, 87, 277
Сунлин 嵩陵 322
Сунчжоу 宋州 (Суйян) 103, 117, 297, 300
Сучжоу 宿州 125
Сычжоу 司州 362
Сычжоу 泗州 336, 348
Сычуань 四川 358, 365, 372
Сышуй 泗水 333
Сышуй 汜水 185
Сышуй, р. 汜水 303
Сюаньдаолин 懸刀嶺 (Сюаньдаофэнь 懸刀峯) 57, 105, 107, 109, 121, 122
Сюаньи 宣義 125
Сюаньу 宣武 125, 139
Сюжун 秀容 238, 285
Сюйчжоу 許州 125, 138, 298
Сюйчжоу 徐州 112, 113, 125, 134, 138, 145, 276, 295, 296, 300, 336
Сюнчжоу 雄州 353
Сюньи 雄義 214
Сюньу 雄武 331
Сючжоу 繡州 146
Ся 夏 97, 356
Сянчжоу 相州 230, 240
Сянчжоу 襄州 235, 242
Сяньчжоу 憲州 300, 321
Сяньяйчжай 仙厓寨 300, 321
Сяои (сянь) 孝義 (縣) 257, 258, 262
Сяосянь 蕭縣 114
Сяпэй 下邳 305, 361
Сяцай 下蔡 335, 347
Сячжоу 夏州 325

Тайкан 太康 365
Тайнин (цзюнь) 泰寧 (軍) 178, 232, 233, 304
Тайханшань 太行山 300, 377
Тайчжоу 泰州 (Хайлин) 241, 337, 339, 348
Тайшань 太山 305, 377
Тайюань (фу, лу) 太原 (府, 路) 28, 55, 127, 144, 150, 158, 164, 170, 171, 180, 194, 195, 207, 226, 234, 237, 254, 257, 261, 262, 264, 268, 271—273, 285—287, 299, 300, 321, 374, 376; см. также Цзиньян
Тан 唐 (VII—X вв.) 12, 15, 25, 61, 63, 64, 98, 99, 122, 123, 129, 133, 153, 164, 179, 309, 337, 358, 365, 372
Тан 唐 (X в.) 10, 60, 64, 68,

69, 79, 82, 88, 96, 129—197, 205, 207, 209, 210, 213, 219, 226, 265, 282, 317, 355
Тан南唐(южное, кн-во) 39, 46, 47, 276, 277, 305, 312, 328, 331—333, 336—342, 344—347, 350, 351, 353, 378
Танцан 唐倉 331
Танчжоу 唐州 110, 332
Таншань(сянь) 唐山(縣) 278, 280
Таньчжоу 潭州 112
Таньчжоу 檀州 243
Тесячжай 鐵峽寨 330
Туаньбогу 團柏谷 220
Тумэнь 土門 157, 220, 353 см. также Цзинсин
Тунго 洞渦 127
Тунгуань 潼関 118, 288, 360
Тунгуаньсянь 潼関縣 145
Тунчжоу 通州 (Цзинхайцзюань) 43, 83, 343
Тунчжоу 同州 120—122, 288, 379
Тушань 塗山 335
Тяньпин 天平 125, 130, 169, 171, 212, 230, 265, 347, 374
Тяньсюн(цзюнь) 天雄(軍) 154, 156, 195, 205, 217, 218, 230, 246, 368
Тяньчан 天長 348

У 吳 (III в.) 97, 358
У 吳 (X в.) 164, 178, 328, 367
Уань 武安 309
Угоули 午溝里 103
Угун 武功 119
Улоутин 无婁亭 189, 190
Унин 武寧 240, 295
Упин 武平 см. Уань
Утайшань 五臺山 183
Учжоу 武州 223
Уюе 吳越 43, 83, 338, 349, 368
Уянгу 武陽谷 см. Янъугу

Фаншань 方山 112
Фуцзянь 福建 22, 73, 111, 358
Фучжоу 府州 325
Фучжоу 鄜州 119, 145
Фэйху 飛狐 220
Фэйцяо 淝橋 338
Фэнгоцзюнь 奉國軍 235
Фэнсян 鳳翔 43, 50, 142, 147, 195, 196, 206, 209, 256, 288, 330
Фэнцю 封丘 177, 252, 293
Фэнчжоу 鳳州 331, 332
Фэньцюй 汾曲 216
Фэньчжоу 汾州 145, 150, 257, 259, 300
Фэньян 汾陽 181

Хайлин 海陵 351; см. также Тайчжоу
Хайчжоу 海州 348
Ханчжоу 杭州 9, 10, 12, 25, 35
Хань 漢 (V—III вв. до н.э.) 375
Хань 漢 (III в. до н.э.—III в.

н.э.) Ранняя, Поздняя, Восточная 12, 15, 19, 97, 119, 156, 356, 357, 359—361, 366, 367, 376, 378
Хань 漢 (Хв.) 10, 56, 69, 96, 254—274, 278, 287, 293, 294, 296, 301, 302, 308, 317, 325, 355
Хаочжоу 濠州 312, 340, 342, 347, 348
Хоуцзячжуан 侯家莊 105, 106
Хуайинь 淮陰 202
Хуай 淮 (Хуайхэ, Хуайшуй) 125, 227, 312, 320, 333, 334, 345, 346, 348, 350, 373, 378
Хуайнань 淮南 110, 310, 333, 341, 342, 350, 352, 368
Хуайчжоу 懷州 199, 218, 219, 221, 225, 227
Хуанлунфу 黃龍府 253
Хуаннючжай 黃牛寨 330
Хуанхуа 黃花 331
Хуанхэ 黃河 231, 238, 350, 363, 367, 376
Хуанцзэ 黃澤 157
Хуанчжоу 黃州 349
Хуаньчжоу 寰州 223
Хуаньшуй 洹水 124
Хуаньшуй 渙水 348
Хуачжоу 華州 121, 122, 130, 136, 138, 146, 147, 149
Хуачжоу 滑州 125, 158, 185, 227, 247, 293, 309, 373
Хубэй 湖北 356, 358, 365
Хубэйкоу 虎北口 216, 217, 220, 241
Хуго 護國 192, 240, 368
Хугуань 壺關 144
Хулухэ 湖盧河 277, 326
Хулюбо 湖柳陂 170, 182
Хуляньду 湖梁渡 240
Хунань 湖南 332, 358
Хутохэ 滹沱河 161, 168, 189, 190, 247
Хуэйлин 徽陵 197
Хэбэй 河北 112, 128, 141, 159, 164, 189, 246, 276, 291, 295, 312, 326, 358, 377
Хэдун 河東 55, 71, 127, 128, 131, 134, 135, 138, 144, 150, 151, 159, 162, 166, 169, 193, 195, 207, 209, 211—213, 221, 224, 237, 254, 255, 271, 278, 279, 286, 287, 295, 329, 368
Хэнань(фу) 河南(府) 73, 182, 184, 188, 218, 226, 322, 323, 356, 358, 376
Хэнхай 橫海 368
Хэнчжоу 恆州 247—249, 374
Хэчжоу 和州 341
Хэчжун(фу) 河中(府) 43, 118, 135, 136, 141, 142, 146, 150, 191, 192, 256, 288, 289, 296, 299, 311, 365
Хэшо 河朔 153
Хэян 河陽 142, 217, 218, 226, 230, 231, 236, 248, 318, 373

Цаннань 滄漢 127
Цанчжоу 滄州 126, 151, 153, 352
Цаочжоу 曹州 101, 104, 106—109, 123, 125, 131, 176, 364
Цзечжоу 階州 331, 332
Цзибэй 濟北 361
Цзин 荊 107, 361
Цзиннань (цзюнь) 靜難 (軍) 309
Цзинсин (Тумэнь) 井陘 189, 274
Цзинхайцзюнь 靜海軍 43, 83, 349; см. также Тунчжоу
Цзинчжоу 荊州 97
Цзинчжоу 景州 128
Цзинь 晉 (X в.) 10, 53, 55, 65, 66, 69, 87, 96, 199—253, 266, 267, 271—274, 286, 287, 299, 308, 317, 325, 355, 374
Цзинь 晉 (Восточная (III—V вв.) 358, 363, 366
Цзинь 金 (XII—XIII вв.) 87
Цзиньань (сай) 晉安寨 216—218, 221
Цзиньвэйское наместничество 金微都督府 132
Цзиньманьчжоу 金滿州 132
Цзиньлин 金陵 (Шэнфу) 333, 337, 347, 353, 354
Цзиньцзян 晉絳 368
Цзиньчжоу 晉州 144, 145, 303, 304
Цзиньчжоу 金州 142
Цзиньчэ 巾車 189, 369
Цзиньшашань 金莎山 132
Цзиньян 晉陽 126, 135, 139, 142, 146, 150—152, 154, 157—159, 179, 186, 187, 193, 207, 210, 214—216, 222—224, 228, 231, 232, 264—266, 274, 276, 277, 288, 297, 300, 304, 314, 320—324, 365, 373, 376; см. также Тайюань
Цзичжоу 冀州 210, 230, 247, 308, 326
Цзичжоу 薊州 223, 247, 336
Цзичжоу 吉州 73, 111
Цзоу 鄒 307, 377
Цзунчэн 宗城 157, 235
Цзыцзиньчжай 紫金寨 330
Цзыцзиньшань 紫金山 345, 346
Цзычжоу 淄州 100, 324
Цзэчжоу 澤州 69, 126, 142, 144, 152, 169, 170, 220, 275, 282—284, 318
Цзюйе 鉅野 123
Цзюмэнь 九門 168
Цзяма 夾馬 190, 278
Цзян 江 227, 373; см. также Янцзыцзян
Цзянбэй 江北 46, 47, 277, 329, 339, 348—351
Цзянду 江都 98
Цзяннань 江南 329, 349—351, 353
Цзянси 江西 358, 368
Цзянсу 江蘇 358, 364, 376
Цзянчжоу 絳州 145

Цзяньань 建安 22
Цзяньмэнь 劍門 29, 206, 332
Цзяньчжоу 劍州 29, 206
Цзясай 夾塞 151
Ци 齊 (V—III вв. до н.э.) 18, 201, 370, 375
Ци 齊 (IX в.) 118, 121
Цилидянь 七里店 294, 297
Цинкоу 清口 125, 348
Цинлюгуань 清流關 335
Цинниlин 青泥嶺 331
Цинхуайцзюнь 清淮軍 347
Цинчжоу 青州 114, 238
Цинчжоу 慶州 309
Циншань 青山 378
Цинъюань 清源 353
Цинь (III в. до н.э.) 秦 18
Циньчжоу 秦州 330—332
Циньчжоу 沁州 300, 321
Цичжоу 蘄州 111, 339, 341, 349
Цичжоу 祁州 241
Цичжоу 岐州 142
Цичжоу 齊州 100, 108, 114, 115, 125, 324
Цичэн 戚城 167, 200, 238
Цычжоу 磁州 28, 125, 143, 146, 197, 240, 247
Цычжоу 慈州 150
Цюйфу 曲阜 276, 307
Цяньнинцзюнь 乾寧軍 352
Цяньтан 錢塘 338
Цяньчжоу 黔州 206
Цяньчжоу 虔州 73, 100
Чанлэфань 長樂坂 144
Чанцзы 長子 144
Чанчжоу 常州 337, 338
Чанъань 長安 34, 98, 100, 102, 103, 106, 118—123, 129, 131, 135—137, 142, 163, 184, 196, 364, 365, 367
Чанъюань 長垣 100
Чаочэн 朝城 172
Чаэрлин 茶兒嶺 см. Яоэрлин
Чжандэ 彰德 230
Чжао 趙 201, 227
Чжао 趙 (V—III вв. до н.э.) 343
Чжаои 昭義 126, 134, 145, 315, 367, 368
Чжаоин 昭應 196
Чжаоцунь 趙村 294
Чжаочжоу 趙州 168
Чжаочэн 趙城 145
Чжолу 涿鹿 96, 355
Чжоу 周 (XII в. до н.э.—V в. до н.э.) 371, 372
Чжоу 周 (VI в.) 358
Чжоу 周 (X в.) 10, 39, 46, 47, 57, 58, 69, 96, 274—355, 359, 372, 376, 378, 379
Чжоучжи 鑿屋 119
Чжочжоу 涿州 223
Чжунду 中都 174—176
Чжунмоу 中牟 138, 178
Чжуннаньшань 終南山 108
Чжунчжэнцзюнь 忠正軍 347; см. также Цинхуайцзюнь

Чжуншань 中山 189, 245
Чжунъу 忠武 110, 136, 295
Чжучэн 諸城 361
Чжэдун 浙東 73, 111
Чжэнчжоу 鄭州 110, 125
Чжэнъян 正陽 333, 334
Чжэньдин(лу, фу) 眞定 165, 170, 172, 191; см. также Чжэньчжоу
Чжэньнань 鎭南 333
Чжэньнин 鎭寧 301
Чжэньу 振武 132, 134, 153, 214, 368
Чжэньчжоу 鎭州 127, 128, 152, 153, 158, 159, 167—170, 197, 204, 210, 233, 235, 244, 309, 322, 374; см. также Чжэньдин
Чжэцзян 浙江 35, 358, 376
Чиган 赤岡 252, 294
Чичжоу 池州 334
Чу 楚 (V—III вв. до н.э.) 107, 156, 201, 307, 361, 375, 377
Чу 楚 (X в.) 367
Чучжоу 滁州 335, 336, 342
Чучжоу 楚州 348, 349
Чэнду 成都 331
Чэндэ 成德 127, 167, 169, 195, 207, 232, 265, 368
Чэнтяньцзюнь 承天軍 274
Чэнчжоу 成州 331
Чэнъань 成安 167
Чэнь 陳 202
Чэньцяо(и) 陳橋(驛) 253
Чэньчжоу 陳州 125, 138, 334
Шамо 沙漠 211
Шан 商 378
Шандан 上黨 28, 56, 143, 151, 158, 228, 314, 315
Шанхай 上海 9
Шанчжоу 商州 276, 311
Шанъюаньи 上源驛 129, 139—141
Шаньдун(лу) 山東(路) 165, 210, 271, 278, 286, 358, 376
Шаньдун (пров.) 山東 358, 362, 377
Шаньнань 山南 342
Шаньнань-дундао 山南東道 234
Шаньси 山西 284, 358
Шаньчжоу 澶州 130, 156, 158, 167, 171, 200, 230, 237—240, 248, 255, 256, 285, 293, 296—299, 313
Шаньчжоу (Шаньчэн) 陝州 207, 265, 288
Шаньчэн 陝城 196; см. также Шаньчжоу
Шацю 沙丘 192
Шачжулинь 殺猪林 125
Шаюань 沙苑 119, 136, 142
Шимэнь (чжэнь) 石門(鎭) 146, 163
Шицяохэ 石橋河 372
Шичжоу 石州 234, 300, 321
Шоучжоу 壽州 (Шоучунь) 312, 333—335, 338, 340—342, 345—347
Шоучунь 壽春 338, 346; см. также Шоучжоу
Шоуян 壽陽 274
Шочжоу 朔州 135, 223

Шу 蜀 (III в.) 358
Шу 蜀 (X в.) 50, 97, 134, 163—165, 192, 205, 206, 277, 288, 312, 328, 330—333, 365
Шуньго 順國 249
Шуньчжоу 順州 223
Шучжоу 舒州 339—341, 349
Шэнфу 昇府 350
Шэньси 陝西 365
Шэньсянь 莘縣 157
Шэньчжоу 深州 326
Шэньчэн см. Шаньчэн

Ю 幽 328
Юаньсюй 宛朐 101, 108; см. также Юаньцзюй
Юаньцзюй 宛句 138
Юаньчэн 元城 158, 237, 238
Юаньши 元氏 240
Юе 閱 (X в.) 368
Юйгуань 渝關 226
Юйлиньдянь 榆林店 240
Юйян 漁陽 165
Юйяо 餘姚 35
Юлиньское наместничество 幽陵都督府 132
Юнлин 永陵 338
Юнсин(цзюнь) 永興(軍) 43, 288, 336
Юнцин 永清 230
Юнцисянь 永濟縣 155
Юнцяо 埇橋 333
Юнъаньцзюнь 永安軍 322
Юньмэнь 雲夢 201
Юньнань 雲南 358
Юньчжоу 雲州 143, 145, 150, 223
Юньчжоу 鄆州 48, 71, 73, 100, 104, 111, 124, 125, 130, 145, 170—175, 212, 214, 238, 265, 361, 364
Ючжоу 幽州 125, 126, 130, 135, 149, 151, 153, 157, 159, 160, 162, 168, 170, 218, 223, 229, 232, 241, 243, 246, 308, 353

Янгуань 陽關 144
Янлю(чэн) 楊劉(城) 31, 130, 155, 162, 171—173, 175, 324
Янцзыцзян (Цзян) 揚子江 307, 348—350, 363, 373
Янцунь 楊村 172
Янчжоу 揚州 336, 337, 339—341, 348, 349
Янчэн 陽城 241, 251, 318
Янъу 陽武 110
Янъугу 陽武谷 216
Янь 燕 (V—III вв. до н.э.) 203, 227, 247, 329, 353, 375
Яньмэнь 鴈門 180, 231, 368
Яньмэньгуань 鴈門關 215, 217
Яньчжоу 鹽州 133
Яньчжоу 兗州 123, 124, 125, 138, 175, 305—307, 364
Яньчжоу 延州 119, 145
Яочжоу 耀州 217, 344
Яошань 堯山, уезд 68, 69, 170, 278, 280, 281, 377
Яо(шань) 堯(山) 310, 377
Яоэрлин 藥兒嶺 (в тексте Чаэрлин 茶兒嶺) 135

ПЕРЕЧЕНЬ НАЗВАНИЙ ЧИНОВ, ДОЛЖНОСТЕЙ, ТИТУЛОВ И ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ТЕКСТЕ

Бибуланчжун 比部郎中 — главный секретарь ведомства Бибу (при палате наказаний), в функции которого входил финансовый контроль.

Бинмаши 兵馬使 — имперский уполномоченный при пехоте и коннице.

Бицзян 裨將 — помощник военачальника.

Буцзян 部將 — командир отряда войск, входивших в подчинение старшего военачальника.

Бушу 部署 — военачальник, под командованием которого находились командующие войсками какого-либо района или театра военных действий; по рангу делились на бушу и дубушу.

Вэйвэйшаоцин 衛尉少卿 — помощник начальника ведомства имперских регалий.

Вэньлиюань сюеши 文理院學士 — сюеши (см.) зала Вэньлиюань — одного из отделений палаты Ханьлиньюань (см.) в государстве Южное Тан.

Гоши 國師 — другое название тайши (см.).

Гуанлу дафу 光祿大夫 — одна из почетных должностей, дававшаяся высшим сановникам.

Гуанлуцин (чжиши) 光祿卿致仕 — начальник палаты, ведавшей пиршествами, устраиваемыми при дворе в честь прибывавших послов, в отставке.

Гунфэнгуань 供奉官 — чиновник, находившийся в личном распоряжении императора, как правило, евнух.

Гуцзянькуши 弓箭庫使 — лицо, ответственное за склады с луками и стрелами.

Гэйшичжун 給事中 — чиновник, исполнявший обязанности старшего секретаря, политического советника или цензора политических проектов.

Гэмэньши 閤門使 — уполномоченный по церемониалу аудиенций.

Далисы 大理寺 — высший контрольно-судебный орган страны.

Дацзян(цзюнь) 大將(軍) — одно из высших военных званий, в древности — главнокомандующий; в период Тан-Сун преимущественно командующий частями императорской гвардии; рангом выше цзянцзюня, но ниже шанцзян (цзюня).

Даши 大使 — старший имперский уполномоченный; высшее звание чиновника или военачальника (ши), имевшего особые полномочия от императора для ведения какого-либо дела.

Даюаньшуай 大元帥 — высшее военное звание, введенное в период Тан для верховного главнокомандующего пешим и конным войском страны: подразделялись по рангу на да(ду)юаньшуай и юаньшуай.

Дуаньминдянь сюеши 端明殿學士 — сюеши, который служил в зале Дуаньминдянь — отделе Ханьлиньюань,— ведавшем докладами государю.

Дубушу 都部署 — старший бушу (см.).

Дуду 都督 — генерал-губернатор или правитель особого района.

Дудяньцзянь 都點檢 — должность главного контролера (обычно при дворцовой страже).

Дупайчжэньши 都排陣使 — старший пайчжэньши (см.).

Дусюньаньши 都巡安使 — старший инспектор, ответственный за порядок в районе.

Дуцзянь(ши) 都監(使) — старший инспектор, осуществлявший надзор за каким-либо делом.

Дучжаотаоши 都招討使 — старший чжаотаоши (см.).

Дучжихуэйши 都指揮使 — старший чжихуэйши (см.).

Дучэнчжи 都承旨 — старший чиновник, ответственный за прием и передачу распоряжений.

Дуюаньшуай 都元帥 — см. даюаньшуай.

Дуюйхоу 都虞候 — один из высших чинов военной инспекции в армии и гвардии; в период Пяти династий был вместе с дучжихуэйши и фучжихуэйши ответственным за смену караулов дворцовой стражи.

Дуяя 都押衙 — командующий эскортом, в подчинении которого находились яя — командиры левого и правого отрядов.

Интяньши 營田使 — имперский уполномоченный по управлению военным поселением.

Инфан(жэнь) 鷹坊(人) — дворцовый чин в службе ловчих птиц, ведавший охотой с ястребами-тетеревятниками.

Инъюаньши 應援使 — значение этой должности (государство Южное Тан) установить не удалось.

Каган 可汗 — верховный глава тюркских племен.

Кайгогун 開國公 — почетный титул "основателя государства".

Кайфуитунсаньсы 開府儀同三司 — первоначально "кайфу" означало право трем гунам иметь свое присутствие со штатом чиновников. В описываемое время стало называться кайфуитунсаньсы. Позднее это право получили также наиболее высокие и заслуженные военные чины.

Кунму(гуань) 孔目(官) — чиновник, наблюдавший за порядком ведения книг и реестров.

Кэцзян 客將 — точное значение термина установить не удалось, по-видимому, это военачальник, стоявший во главе наемных войск или пришедший на службу из другого государства.

Ланчжун 郎中 — в период Цинь-Хань один из чинов дворцовой стражи.

Люшоу 留守 — наместник императора в области или городе.

Мучжи 幕職 — административные чины походной ставки.

Мушу 幕屬 — так назывались чины (советники, письмоводители) местной администрации.

Нэй-вай сюньцзянь 內外巡檢 — чиновник, исполнявший функции военного и полицейского инспектора внутренних и пограничных районов страны.

Нэйдяньчжи 內殿直 — чин службы охраны внутренних покоев.

Нэйкуши 內庫使 — уполномоченный дворцового казначейства.

Нэйчжусьши 內諸司使 — см. чжусьши.

Нэйюаньши 內園使 — уполномоченный службы внутренних дворцовых парков.

Пайчжэньши 排陣使 — офицер, ведавший построением крыла войска во время походов и сражений; те, кто отвечал за построение всего войска, например, пехоты или конницы, назывались дупайчжэньши.

Паньгуань 判官 — чиновник какого-либо ведомства, ведавший разбором дел и вынесением решений.

Пань нэй-вай бинмаши 判內外兵馬事 — лицо, ответственное за вынесение решений по делам пеших и конных войск во внутренних и пограничных районах страны.

Пинчжан 平章 см. тунпинчжан.

Пинчжан цзюньгоши 平章軍國事 — одна из высших чиновничьих должностей — министр государственных дел (см. также тунпинчжанши).

Пушэ 僕射 — помощники начальника палаты Шаншушэн (см.); подразделялись на правого и левого.

Пяньцзян 偏將 — один из военных чинов, рангом ниже буцзяна.

Саньсы(ши) 三司(使) — уполномоченный финансовой палаты.

Саньци дучжихуэйши 散騎都指揮使 — см. саньюань дучжихуэйши.

Саньцичанши 散騎常侍 — старший политический советник или цензор.

Саньюань дучжихуэйши 散員都指揮使 — видимо, имеется в виду временное исполнение обязанностей чжихуэйши (см.) или почетная должность, не связанная с реальным исполнением обязанностей.

Синтай паньгуань 行臺判官 — паньгуань (см.) при администрации типа синтай, т.е. администрации, созданной на окраине страны, воссоздающей структуру двора при лице, которое намеревалось провозгласить себя императором.

Синьин 行營 — походный лагерь императорских войск или походная ставка.

Синьин дутун 行營都統 — должность военного наместника, учреждавшаяся во время императорских боевых походов.

Синьин дуцзяньши 行營都監使 — см. дуцзяньши.

Синьин дучжихуэйши 行營都指揮使 — см. дучжихуэйши.

Синьин сыма 行營司馬 — сыма (см.), назначаемые временно, на один поход; ведали оперативными делами армии; были рангом ниже сыма.

Синьин чжаотаофуши 行營招討副使 — см. чжаотаофуши.

Синьин чжаотаоши 行營招討使 — см. чжаотаоши.

Суцзян 宿將 — почетное звание для заслуженного, опытного военачальника.

Сыкун 司空 — чиновник, ведавший общественными работами.

Сыма 司馬 — в описываемое время военно-административный чин окружного управления.

Сыту 司徒 — чиновник, ведавший вопросами образования и воспитания.

Сытяньцзянь 司天監 — глава астрономической обсерватории.

Сыху 司戶 — чиновник уездного управления, ведавший учетом и регистрацией населения.

Сюаньхуэй(ши) 宣徽(使) — в период Тан при дворе было учреждено ведомство Сюаньхуэйюань, состоявшее из двух палат — северной и южной, которые возглавляли сюаньхуэйши. В период Пяти династий эта должность считалась весьма почетной и на нее назначались ведущие сановники или чины палаты Шумиюань (см.); они ведали реестрами военных интендантов.

Сюеши 學士 — "ученый", так назывались чиновники ведущих государственных учреждений, ответственные за составление докладов и других государственных документов.

Сюешиюань 學士院 — палата ученых, в ведении которой было составление императорских указов и повелений.

Сюньцзянь (ши) 巡檢(使) — уполномоченный инспектор, в функции которого входил военный и полицейский контроль в каком-либо районе.

Сяовэй дацзян 驍衛大將 — одно из почетных званий военачальника в императорской гвардии.

Сяоцзяо 小校 — низший из средних офицерских чинов.

Тайвэй 太尉 — один из высших военных сановников страны.

Тайпу шаоцин чжиши 太僕少卿致仕 — помощник начальника двора императорского выезда, в отставке.

Тайфу 太傅 — "старший учитель", одна из высших придворных должностей в государстве, следующая за тайши (см.).

Тайфуцин 太府卿 — начальник имперского казначейства.

Тайши 太師 — "старший наставник", высший придворный советник и наставник императора.

Тецзинь 特進 — сановник по особо важным поручениям; звание, жаловавшееся за особые заслуги перед двором.

Туаньлянь (цзянь) ши 團練(諫)使 — имперский уполномоченный местного ополчения, ответственный за обучение.

Туйгуань 推官 — чиновник военной или гражданской администрации, ведавший наказаниями и тюрьмами.

Туйкуаньли 推款吏 — точное значение термина установить не удалось; по-видимому, мелкий чиновник из числа лиц, ведавших наказаниями.

Тунпинчжанши 同平章事 — одна из высших придворных должностей государственного министра, близкая рангу первого министра. Исполнявший ее был ответствен за проверку и ведение дел в высших административных органах страны.

Тунши 通事 — чиновник, передававший (объявлявший) распоряжения.

Тунши шэжэнь 通事舍人 — чиновник, распоряжавшийся на аудиенциях и вводивший посетителей.

Тунъингуань 通引官 — один из судебных исполнителей, который вводил преступника.

Увэй цзянцзюнь 武衛將軍 — командующий одним из отрядов боевой гвардии, которая подразделялась на левую и правую.

Угундафу 武功大夫 — см. хуанчэнши.

Фанъюйши 防御使 — имперский уполномоченный по обороне области.

Фумадувэй 駙馬都尉 — должность, учрежденная при династии Хань; исполнявший ее ведал императорскими экипажами и повозками; позднее стала почетной и на нее назначался императорский зять.

Фумадувэйдаши 駙馬都尉大使 — фумадувэй (см.) — старший имперский уполномоченный.

Фуши 副使 — помощник имперского уполномоченного.

Фушумиши 副樞密使 — помощник шумиши (в государстве Северное Хань).

Ханьлинь 翰林 — звание, которое давалось чиновникам, особо отличившимся на столичных экзаменах; состояли на службе в Ханьлиньюани (см.), где занимали различные должности.

Ханьлинь сюеши 翰林學士 — одна из должностей в Ханьлиньюани (см.).

Ханьлинь сюеши чэнчжи 翰林學士承旨 — высокая чиновничья должность в Ханьлиньюани (см.), на которую отбирали наиболее зрелых и опытных чиновников.

Ханьлиньюань 翰林院 — Академия Ханьлиней — учреждение при императорском дворе, состоявшее из нескольких палат; занималось составлением династийных историй, правительственных указов и других важных государственных документов.

Хуанчэнши 皇城使 — комендант императорского города, позднее должность называлась угундафу и стала почетным титулом.

Хуэйтуши 回圖使 — уполномоченный по торговле киданьского государства при цзиньском дворе.

Хэшан 和尚 — буддийский монах.

Цаньмоугуань 參謀官 — чиновник, ответственный за сохранение войсковых тайн, секретной документации и т.д.

Цаньцзюнь 參軍 — чины местной администрации, занимавшиеся секретарской работой.

Цаньчжи шумиюаньши 參知樞密院事 — помощник первого министра, ведавший делами палаты Шумиюань (см.).

Цзовэй(да)цзянцзюнь 左衛(大)將軍 — (да)цзянцзюнь (см.) левой гвардии.

Цзунгуань 總管 — военный правитель округа; командующий пехотой или конницей округа.

Цзуюншн 租庸使 — уполномоченный, ответственный за своевременное внесение налогов и исполнение повинностей.

Цзюньсюньши 軍巡使 — уполномоченный, в функции которого входила военная и полицейская инспекция.

Цзюньцзяо 軍校 — средний военный чин.

Цзюцзян 舊將 — см. суцзян.

Цзяньидафу 諫議大夫 — советник-цензор.

Цзяньцзюньши 監軍使 — должность военного инспектора в государстве Южная Тан.

Цзяньцзяо 檢校 — должность контролера, которую в период Тан-Сун по совместительству занимали придворные чины высокого ранга от тайши (см.) до начальника секретариата отделения ведомства.

Цзяоляньши 教練使 — уполномоченный по военному обучению.

Цзяофан(ши) 教坊(使) — чиновник, ведавший придворными певцами и музыкантами и обучением музыке.

Циньцзюнь дуюйхоу 親軍都虞候 — дуюйхоу (см.) личной стражи императора.

Циньцзян 親將 — офицер в личной страже императора или крупного военачальника.

Цунмачжи чжихуэйши 從馬直指揮使 — чжихуэйши (см.) конного эскорта.

Цючжан 酋長 — старейшина племени.

Цяньсин 前行 — палаты, входящие в Шаншушэн (см.), подразделялись на три категории: цяньсин (первую), к которой относились военная палата и палата личного состава и аттестации; чжунсин (вторую) и хоусин (третью). В описываемое время цяньсин, видимо, могло означать и ответственных чиновников этих палат.

Цюаньчжи чжоуши 權知州事 — чиновничья должность в округе или пограничном округе, на которую назначались столичные чиновники для наблюдения над властью и порядком на местах.

Цюаньчжи шумиюаньши 權知樞密院事 — одна из высоких чиновничьих должностей; исполнявший ее сановник следил за ведением дел в Шумиюань (см.).

Чаосаньлан 朝散郎 — должность, ранее называвшаяся чжунсин юаньвайлан; занимавший ее ведал секретариатом в палатах второй категории (см. цяньсин) — наказаний или финансов; в период Удай-Сун стала почетным титулом.

Чжаншуцзи 掌書記 — должность старшего секретаря.

Чжаовэйаньфуши 招慰安撫使 — имперский уполномоченный, ведавший установлением спокойствия и наведением порядка в каком-либо районе.

Чжаотаофуши 招討副使 — помощник чжаотаоши (см.).

Чжаотаочжихуэйши 招討指揮使 — командующий отрядом, направленным на подавление мятежников.

Чжаотаоши 招討使 — имперский уполномоченный, назначаемый для подавления мятежа и истребления мятежников; подразделялись по рангу на чжучжаотаоши (или дучжаотаоши), чжаотаоши и чжаотаофуши; во время военных кампаний учреждалась должность синъин чжаотаоши.

Чжаошоу чжихуэйши 招收指揮使 — чжихуэйши (см.) отряда, составленного из навербованных воинов.

Чжисюеши 直學士 — должность в Ханьлиньюани (см.) или Шумиюани (см.), рангом ниже сюеши.

Чжихуэйши 指揮使 — имперский уполномоченный — командир военного подразделения.

Чжичжигао 知制誥 — должность в палате Сюешиюань; исполнявший ее ведал внутридворцовыми повелениями.

Чжубу 主簿 — главный регистратор; должность в государственной и местной администрации.

Чжунфэн дафу 中奉大夫 — точное значение установить не удалось, по-видимому, один из почетных титулов.

Чжунцзян 中將 — один из высших военных чинов, рангом ниже шанцзяна и выше сяоцзяна.

Чжуншу(лин) 中書(令) — глава Чжуншушэна — главного имперского секретариата по управлению страной.

Чжуншушэжэнь 中書舍人 — старший секретарь ведомства главного имперского секретариата по управлению страной.

Чжусыши 諸司使 — имперский уполномоченный, ведающий внутренними дворцовыми службами.

Чжучжаотаоши 諸招討使 — высший ранг чжаотаоши (см.).

Чжэншилин 政事令 — чиновничья должность в киданьском государстве Ляо, точное ее значение установить не удалось.

Чжэньши 鎮使 — имперский уполномоченный при гарнизоне.

Шанцзян(цзюнь) 上將(軍) — высший военный чин, см. чжунцзян.

Шанцин 上卿 — цин — одна из высших чиновничьих должностей, которую занимали ведущие сановники государства — главы ведомств; подразделялись по рангам на шанцин, чжунцин и сяцин.

Шанчжуго 上柱國 — почетный титул "высшая опора страны", дававшийся за особые заслуги.

Шаншу 尚書 — начальник одной из палат, входившей в Шаншушэн (см.).

Шаншулин 尚書令 — глава Шаншушэна (см.).

Шаншушэн 尚書省 — в период Тан-Сун высший государственный орган страны — департамент государственных дел, в ведении которого находились шесть палат: военная, личного состава и аттестаций, наказаний, финансов, обрядов и общественных работ.

Шаньюй 單于 — верховный правитель сюнну (гуннов).

Шивэйцинцзюнь дучжихуэйши 侍衛親軍都指揮使 — дучжихуэйши (см. чжихуэйши) личной охраны императора.

Шивэйцинцзюнь фучжихуэйши 侍衛親軍副指揮使 — фучжихуэйши (см. чжихуэйши) личной охраны императора.

Шивэйши 侍衛使 — сокращение от шивэй чжихуэйши — чжихуэйши (см.) личной охраны императора.

Шигуаньсючжуань 史館修撰 — редактор-составитель в историчес-

кой коллегии — должность в палате Бишушэн, ведавшей хранением дворцовых записей, а также составлением, изданием и хранением книг по истории, астрономии и пр.

Шичжун 侍中 — почетная должность, дававшаяся наиболее доверенным и близким сановникам из окружения государя.

Шоутайши 守太師 — чиновник, не состоявший в должности тайши (см.), но исполнявший (по совместительству) его обязанности.

Шоуцзян 守將 — исполняющий обязанности командующего.

Шуайфу 帥府 — ведомство гвардии наследника престола, состоявшее из десяти служб, ведавших охраной дворца наследника, его эскортом, военным церемониалом, разведкой, инспекцией и т.д.

Шумидаши 樞密大使 — высшее звание уполномоченного (или управителя) палаты Шумиюань (см.).

Шумифуши 樞密副使 — помощник уполномоченного палаты Шумиюань (см.).

Шуми(юань) чжисюеши 樞密院直學士 — чжисюеши (см.) палаты Шумиюань (см.).

Шумиши 樞密使 — уполномоченный палаты Шумиюань (см. также шумидаши).

Шумиюань 樞密院 — палата, основанная в 763 г. императором Дайцзуном; ведала представлением докладов и сообщений о положении во внутренних районах страны и на ее окраинах. Постепенно сфера ее влияния и власть стали расширяться и усиливаться, в описываемое время уполномоченные палаты, стоявшие во главе ее, принимали активное участие в составлении императорских повелений и пользовались властью, равной власти первого министра. В эпоху Сун Шумиюань (Тайный совет) стал высшим военным органом страны.

Шэжэнь 舍人 — должность старшего секретаря какого-либо государственного ведомства.

Юаньшуай 元帥 — см. даюаньшуай.

Юйинши 御營使 — имперский уполномоченный при императорском лагере, временная чрезвычайная должность, на которую назначался канцлер; его помощниками — фуши — в этом случае назначались члены государственного совета.

Юйхоу虞侯 — чин военной инспекции, см. также дуюйхоу.

Юйцзи狱級 — по-видимому, одна из тюремных должностей, возможно, палач.

Юйшитай御史臺 — палата цензоров, орган контроля в средневековой администрации Китая.

Янэй чжихуэйши牙内指揮使 — чжихуэйши (см.) в страже командующего.

Яцзян牙將 — военный чин в войске командующего военным округом.

Яя押衙 — см. дуяя.

SUMMARY

Newly Compiled P'ing-hua on the History of Five Dynasties (Hsin pien wu tai shih p'ing-hua further on referred to as *Wu tai p'ing-hua*) is the Russian version of one of the most significant pieces of the Chinese folk literature with comments. The translation appears for the first time. *Wu tai p'ing-hua* has not been translated into any other languages or ever commented upon. It was found in Hanchou in 1901 and published, for the first time, in 1911. This work has not been studied properly during the past 70 years. The efforts of Sinologists boiled down, mainly, to forming a general judgement of it and establishing the date of its writing. *Wu tai p'ing-hua* has never been studied as a literary piece with its special place in the history of the Chinese literature. Therefore, the introduction to the present translation attempts to fill up this gap. The introduction characterises the *p'ing-hua* in question, quoting the views and judgements by the Chinese and European scholars. Despite the existing definitions of the *p'ing-hua* genre, a new one "historical folk novel" is suggested. Account is taken of the sphere of its dissemination, its ideological aspect, function, size, composition and its themes.

The term *p'ing-hua* is translated as "a narration with (the author's) appraisal". In the genre system of the Chinese folk literature *p'ing-hua* are defined as the first written presages of the Chinese historical novel and one of its folk sources.

Being a result of assimilation of the Chinese classical historiography by folk literature, the works of the *p'ing-hua* genre present an interesting material for the study of processes of interaction and mutual influence of these two components on a new level in subject story-telling based on creativity of folk story-tellers engaged in historical themes.

Wu tai p'ing-hua is particularly interesting for its distinct connection with historical sources, which makes it possible to trace the initial stages of transformation of the materials of history into written literary composition.

The principle method of investigation is the textological one, namely comparing the *p'ing-hua* texts with history. Total collation of texts revealed the historical sources of *Wu tai p'ing-hua*. According to the material borrowed from them, we find Ssuma Kuang's summary history *A Universal Mirror Helping in Covernment* (*Tzu chin t'ung chien* futher referred to as *Tzu chin* — about 90 per cent of borrowings) to be the main source and *The Old History of Five Dy-*

nasties (*Chiu wu tai shih*) by Hsüeh Chücheng and *A New History of Five Dynasties* (*Hsin wu tai-shih*) by Ouyang Hsiu (about 10 per cent of borrowings) to be the secondary sources.

The author of *p'ing-hua* uses these texts without making any reservations. Most probably, *Wu tai p'ing-hua* should be interpreted broader as a sample of chiang shih shu — "narration of history books" and, in particular, as one of the samples of *Tzu chin* narration.

Wu tai p'ing-hua includes four basic methods of utilization of texts from historical sources:

(1) literal quoting of the text (with possible minor abbreviation by means of omitting names, positions, titles, and dating by days, etc.),

(2) abbreviated, conspectus-like utilization of a text, most popular in *p'ing-hua*,

(3) a combination of texts of several chronicles supplementing the data of the main source with information from the *Old* and *New* histories of Five Dynasties,

(4) a text with the author's additions and interpretations (using folklore).

Applying these methods, the author selects the required facts, how thoroughly they should be presented, arranges them in his own way, intervenes in the course of events described, and gives them his own interpretation, often departing from the facts of history. However, these digressions in *Wu tai p'ing-hua* mainly concern the secondary characters of the narration.

Identification of the main historical source and comparison of the *p'ing-hua* text with the critical *Tzu chin* publication (Peking, 1956, Vol. s 1 = 10) made it possible to single out two Sun editions of *Tzu chin* on which the narration could be based (see "A Table of Divergences between *Tzu chin* and *Wu tai p'ing-hua*" in Appendix). In its turn, the *Tzu chin* editions made it possible to date back the *p'ing-hua* in question with sufficient accuracy to the 60s-70s of the 13th century. Additional analysis of this inference by means of the data of the Chinese historical grammar does not contradict the above-mentioned dating of *Wu tai p'ing-hua*. Besides, the identification of the main historical source made it possible to reconstruct part of the *Wu tai p'ing-hua* text.

Official documents in the *p'ing-hua* text are put under special analysis (about 70 of them). According to the degree of concurrence of the texts of the *p'ing-hua* documents with their historical sources, the texts are divided into identical and non-identical (with additional sub-groups in each group). The second group includes also non-authentic documents. The bulk of documents are classified as non-identical and non-authentic. It turns out that the author compiles and produces the texts of the documents himself, i.e. there are verisimilar inventions in them as well.

The composition includes two layers of narration: the author's thematic treatment, being a presentation of the theme "from beginning to end" (epoch — dynasty — personage, a sort of *chien shih pen mo*), and the annalistic one (chronological framework borrowed from history).

Outwardly, the composition follows the canonical pattern of oral narrations of the early works on Buddhist themes. However, the functions and role of prosaic introductions in *Wu tai p'ing-hua* are broader. Outside the framework of historical events the author introduces a plot which makes the theme dynamic. The plot gives initial impulse to the development of a theme, borrowed from history. Thus presentation of history becomes the result of an original cause formulated by the author of *p'ing-hua* in the introduction. The plot becomes one of the most important creative devices of the author in producing a historical subject narration of *p'ing-hua*, a piece with a single ideological and compositional structure. It has a starting point and a termination, and shows the destinies of personages in development (external, on a narrow plane, and given in time).

The analysis of the work under review revealed a method playing an active role in the transformation of a historical fact into a fact of fiction, the "method of concentration" used in the narration in three aspects: concentration of time, space and *dramatis personae*. This method narrows the circle of personages in *p'ing-hua*, makes the theme and the main lines of narration more direct and dynamic and, what is most important, generalises to a certain extent historical facts and events. These facts and events lose part of their historical (temporal, local, personal) concreteness.

Attention is paid to the role and place of time in the structure of the narration as well as to elements of the art of story-telling.

The time factor in *Wu tai p'ing-hua* retains its positions in organising the process of narration as such. It is denoted according to the *Tzi chin* chronological scale. However, the strictness of chronology and its narrow plane are broken; the chronological scale of the work is shifted now forward now backward. At times, the author uses these shifts to express his attitude to events and personages.

Historical time in *Wu tai p'ing-hua* combines with the narrative one.

A number of historical facts and themes are given specific interpretation by the author. Noteworthy, for instance, are the accentuation and presentation of such themes as defence of homeland against foreign invaders, loyalty to it and performance of duty, which have a special ring. The work was written at the time of the conquest of China first by the Churchens and then by the Mongols. Evidently by presenting and estimating events of the past, the author expressed his view on China of his time. One example of it is how he deals with the traitor Chao Techün, thinking up, contrary to the facts of history, a terrible execution for him.

Important also is the theme of a sovereign. This theme is treated in accordance with popular ideals of a happy life: the sovereign takes to heart the needs and well-being of his subjects, the officials do not rob the people, taxes are reasonable. The hopes of the people for a better life are associated with the Confucian

ideal of a wise sovereign, whose humane government guarantees them a replete and quiet life in happy labour.

Being child of his time, the author of *Wu tai p'ing-hua* adheres, in general, to Confucian conceptions, however he expressed them in his own way, and introduced in their presentation popular comprehension and estimation. As a result the work demonstrates a definite adaptation of contents and ideology of historical facts taken from chronicles.

The investigation is supplemented with a gazetteer, indeces of personal names, titles and ranks and bibliography.

ЗАНОВО СОСТАВЛЕННОЕ ПИНХУА ПО ИСТОРИИ ПЯТИ ДИНАСТИЙ

(Синь бянь у-дай ши пинхуа)

Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР

Редактор *Н. А. Кукушкина*
Младший редактор *Р. Г. Кантарович*
Художник *М. Р. Ибрагимов*
Художественный редактор *Б. Л. Резников*
Технические редакторы *Г. А. Никитина, Е. А. Пронина*
Корректор *Л. Н. Дегтярева*

ИБ № 14991

Сдано в набор 26.01.84. Подписано к печати 17.08.84
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага книжно-журнальная
Гарнитура обыкновенная. Печать высокая
Усл. п. л. 28,0. Усл. кр.-отт. 29,0. Уч.-изд. л. 30,05
Тираж 7800 экз. Изд. № 4990. Зак. № 3646. Цена 4 р.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

2-я типография изд-ва «Наука»
121099 Москва, Шубинский пер., 6